This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

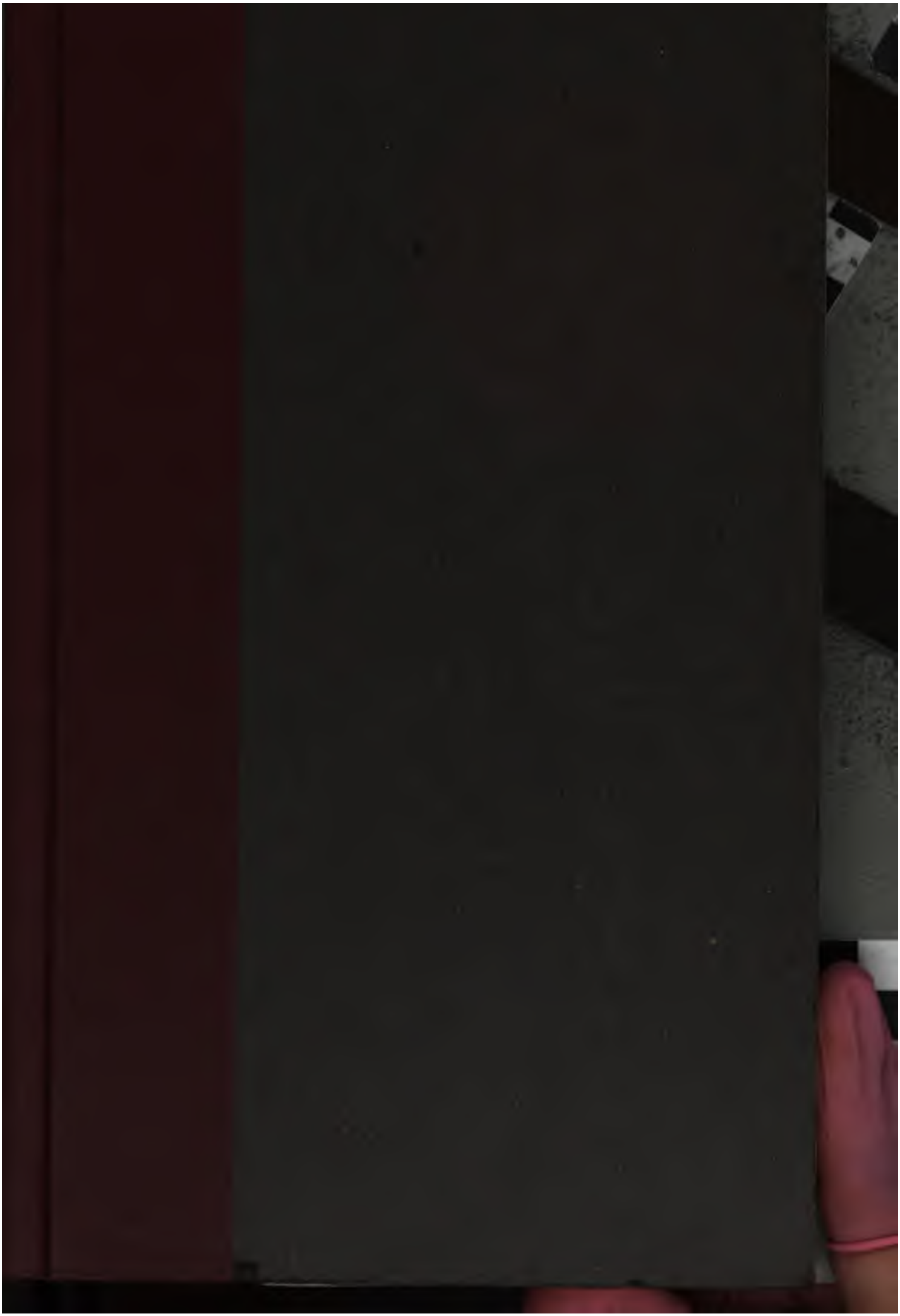
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



THE HOOVER LIBRARY
ON
WAR, REVOLUTION AND PEACE

STANFORD LIBRARIES

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ

ОБЪЯСНЯЮЩИХЪ

ПОЛЬСКОЕ ДѢЛО

ПО

ОТНОШЕНІЮ

КЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Выпускъ I-й.

Составилъ и издалъ

С. Шолковичъ.

При губерніи отъ Виленскаго Учебнаго Округа.

ВИЛЬНА.

Типографія А. Г. Сыркина, Большая ул., собствен. домъ № 37.

1885.

ZK 414
S 657
v.1

Sholkovich S. V.

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ

РАЗЪЯСНЯЮЩИХЪ

ПОЛЬСКОЕ ДѢЛО

ПО

ОТНОШЕНІЮ

КЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Выпускъ I-й.

СОСТАВИЛЪ И ИЗДАЛЪ

С. Шолковичъ

Членъ Вил. Арх. Комиссіи и Заслуженный Преподаватель В. Р. Училища.

При субсидіи отъ Виленскаго Учебнаго Округа.

ВИЛЬНА.

Типографіи А. Г. Сыркина, Большая ул., собствен. домъ № 37.

1885.

DK414
S559
v.1

Дозволено цензурою.—19-го Апрѣля 1885 года. Вильна.

THE HOOVER LIBRARY

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Черезъ 10 л. исполнится столѣтіе со времени окончательнаго присоединенія къ Россіи Западнаго Края. Наканунѣ предстоящаго юбилея въ память этого важнаго событія мы въ правѣ оглянуться на наше прошедшее и, принимая во вниманіе настоящее, дать себѣ отчетъ въ томъ, что нами сдѣлано для умиротворенія этого края вообще и въ частности для разрѣшенія полученнаго вмѣстѣ съ нимъ въ наслѣдство такъ называемаго польскаго вопроса.

Никто не станетъ спорить, что этотъ вопросъ есть одна изъ самыхъ сложныхъ и самыхъ трудныхъ для рѣшенія задачъ нашей внутренней политики. Составляя историческій результатъ прошедшаго, онъ почерпаетъ для себя жизненность и силу и въ преданіяхъ старины, и въ текущихъ событіяхъ современности. Онъ до сихъ поръ стоитъ еще во всеоружіи своихъ политическихъ надеждъ, махинацій и цѣлей и съ зоркостію стоглазаго аргуса слѣдитъ за развитіемъ русскаго дѣла въ краѣ, глухо противодѣйствуя его успѣхамъ. а неудачи искусно направляя въ свою пользу. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ безпощадно тормозитъ правильное развитіе западно-русской жизни и потому требуетъ неизбѣжнаго рѣшенія, по крайней мѣрѣ въ той части своего объема, которая непосредственно касается Западнаго Края. Мы говоримъ неизбѣжнаго, потому что только оно одно можетъ умиротворить нашъ край окончательно и вывести Польшу изъ того двусмысленнаго

положенія, которое она такъ долго уже занимаетъ по отношенію къ Россіи и Славянству. Наши историческія недоразумѣнія съ поляками тянутся уже длинный рядъ вѣковъ; они никогда не производили ничего лучшаго, какъ только напрасныя надежды, горькое разочарованіе, взаимное недовѣріе и озлобленіе, и потому мы должны наконецъ взглянуть имъ прямо въ глаза.

Рядъ историсикхъ изслѣдованій и статей, помѣщенныхъ ви настоящемъ выпускѣ Сборника представляетъ собой очень богатую почву и для яснаго уразумѣнія польскаго вопроса и отчасти для его разрѣшенія. Напряженная работа мысли и чувства, выразившаяся въ этихъ изслѣдованіяхъ, не только до сихъ поръ не утратила своей прежней энергіи и силы, но во многихъ отношеніяхъ поражаетъ читателя и искренностію своихъ взглядовъ, и глубиною убѣжденія, и неумолимой строгостію своихъ правдивыхъ приговоровъ.

Освѣжить эти забытые труды въ памяти нашихъ современниковъ, дать имъ возможность вглядѣться и вдуматься въ разнообразныя явленія западно-русской жизни на пространствѣ почти цѣлаго столѣтія и, сличивши ихъ съ современной дѣйствительностію, уяснить себѣ—насколько мы ушли впередъ въ развитіи нашихъ завѣтныхъ историческихъ задачъ, и было между прочимъ главною цѣлью составленія настоящаго Сборника. Мы пользовались изслѣдованіями не только авторовъ русскихъ, но и иностранныхъ: голосъ исторической правды не можетъ быть чуждъ для насъ, кто бы ни произносилъ его.

Не входя въ подробный анализъ многочисленныхъ статей Сборника, касающихся разныхъ сторонъ польскаго вопроса, мы позволимъ себѣ остановить вниманіе читателя только на нѣкоторыхъ общихъ его положеніяхъ, представляющихъ собой въ томъ или другомъ отношеніи характеристическія особенности и достоинства самихъ изслѣдованій.

Во времена присоединенія къ Россіи Западнаго Края наша политическая система, говоритъ Гильфердингъ, страдала двумя недугами: неполнотой сознанія русской народности и крѣпвстнымъ правомъ, съ которыми соединялся

аристократическій взглядъ на простой народъ. Въ силу этихъ недуговъ польскому дворянству и шляхетству даны были всѣ права и преимущества надъ западно-русскимъ крестьянствомъ и духовенствомъ....

Прямымъ послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было то, что горсть „чужеземцевъ“ и отчасти туземцевъ, перешедшихъ въ ихъ лагерь, въ теченіе большей половины текущаго столѣтія съ напряженной энергіей и успѣхомъ работала въ русскомъ краѣ во имя Польши и для Польши, работала во всѣхъ сферахъ его политической жизни: религіозной, учебной, административной, экономической и общественной. „Но гдѣ исторія видѣла примѣръ, спрашиваетъ тотъ же Гильфердингъ, чтобы народность господствующая въ государствѣ, народность его создавшая, была въ одной части этого государства подавлена другою, покоренною народностію? чтобы народность завоеванная и потому играющая въ оффиціальной жизни государства и предъ лицемъ другихъ странъ роль жертвы, на самомъ дѣлѣ попирала народность господствующаго въ государствѣ племени? Такого диковиннаго явленія не сыскать въ лѣтописяхъ древняго и новаго міра; его дано было осуществить Россіи, которая въ теченіи 3-хъ поколѣній могла сносить, чтобы подъ ея властью, въ пространныхъ областяхъ ея державы, русская народность была подавляема, преслѣдуема и даже уничтожаема меньшинствомъ иноземцевъ. И это она допустила въ тѣхъ самыхъ странахъ, гдѣ началось гражданское развитіе русскаго народа, гдѣ такъ долго сосредоточивалась его государственная жизнь и его просвѣщеніе!“ *)....

Благодаря такому стеченію обстоятельствъ, польскіе элементы успѣли развиться въ Западномъ Краѣ и шире и глубже, нежели во времена бывшей рѣчи—посполитой, и сплотиться въ сильную политическую и общественную среду. Она пользовалась всѣми преимуществами русскаго привилегированнаго сословія и въ тоже время враждебно относилась ко всему русскому. Революціонныя ея движенія и

*) Сборникъ стр. 24.

вооруженные мятежи время отъ времени приподнимали завѣсу надъ С. З. краемъ. При яркомъ освѣщеніи военнаго пожара и ужасахъ междоусобной войны трудно было не замѣтить угнетенныхъ западно-руссовъ; ихъ стоны слышались сквозь громъ орудій, и Россія въ имя высшихъ принциповъ справедливости требовала мѣръ карательныхъ. Онѣ были болѣе или менѣе строги, но не продолжительны и всегда почти уступали мѣсто великодушному прощенію и забвенію. Дѣйствуя такимъ образомъ, то въ имя строгой законности, то гуманной снисходительности, она въ дѣйствительности преслѣдовала только отдѣльныя проявленія полонизма, но ничего серьезнаго не предпринимала противъ безостановочнаго и широкаго развитія его идеи. Отсюда происходила неустойчивость нашей правительственной системы. Она выражалась многими административными мѣрами, отличавшимися противорѣчіемъ, несогласными съ истинными потребностями западно-русской жизни и вслѣдствіе этого дававшими полонизму самыя могущественныя средства для самозащиты и дальнѣйшаго развитія. Вотъ почему польскій туманъ до сихъ поръ еще прикрываетъ Западную Русь отъ глазъ великоросса какой-то густой пеленой недоумѣнія и заставляетъ его иногда въ колыбели своей государственности видѣть край польскій. Въ этомъ заключаются наши существенныя историческія ошибки....

Но заблужденія и провинности поляковъ идутъ гораздо дальше нашихъ.

Рядъ серьезныхъ статей, помѣщенныхъ въ настоящемъ выпускѣ, можетъ разносторонне познаконить читателя съ этимъ предметомъ. Мы обратимъ его вниманіе только на нѣкоторыя выдающіяся мѣста статьи Прудона, покойнаго Гильфердинга и Самарина.

По мнѣнію Прудона преувеличенное развитіе дворянства и р. католицизмъ были главнѣйшими источниками ненормальнаго историческаго развитія и паденія Польши „Духъ славянъ не можетъ сродниться съ идеею кастъ“. Въ Польшѣ, какъ и вездѣ, аристократія родилась сперва отъ неравенства умственныхъ способностей, потомъ отъ исправленія

публичныхъ должностей и отъ развитія поземельной собственности. Но эти слабыя сѣмена вскорѣ совершенно заглохли бы, если бы не получили усиленія извнѣ: вмѣстѣ съ христіанствомъ явилось вліяніе католической и феодальной церкви. Духъ массъ былъ подавленъ, королевская власть, ограничиваемая епископами, была обезсилена. Обнаружилась изступленная страсть къ полученію дворянскаго званія и она была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ были незначительнѣе искатели. Это мнимое дворянство, развращенное при самомъ его рожденіи, лишенное собственной энергіи, презираемое болѣе сильными и богатыми, существовало только къ разоренію государства и стыду націи. Никогда еще не измѣняли своему народу тѣ элементы, которые по видимому должны были составлять его величіе, именно дворяне и духовенство, въ такой мѣрѣ, какъ это было въ Польшѣ. Подъ вліяніемъ ихъ въ области гражданскаго права Польша убила свои славянскія узаконенія, создавшія общину и свободу поселянина, но сама ничего не пріобрѣла, потому что даже и дворянство ея не имѣло настоящей, формальной собственности. Подъ вліяніемъ этихъ же элементовъ съ 1370 г. Польша стала торговать своей короной. Она много выгадала въ этой торговлѣ. Кромѣ денегъ отъ кандидатовъ, она пріобрѣла Литву, которой обширныя и плодородныя земли дали средства польскимъ магнатамъ поправить свои дѣла, но съ которою она всегда жила въ несогласіи, не смотря на старанія Ягеллы и его преемниковъ. Братскій союзъ литовцевъ съ поляками до 1772 г. составлялъ какой-то миѳъ, и послѣднее возстаніе 1863 г. едва ли ихъ примирило.

Торгуя своей короной въ теченіи 4-хъ ст., Польша сдѣлалась яблокомъ раздоровъ въ Европѣ, измѣняя политическое ея равновѣсіе подкупомъ своихъ выборовъ и нарушая ея спокойствіе своей анархіей.... Въ 1795 г. произошелъ окончательный ея раздѣлъ и все по одной и той же причинѣ,—по эгоизму дворянъ, которые предпочитали уничтоженіе отечества освобожденію крестьянъ. Наполеонъ 1-й не измѣнилъ этого раздѣла, онъ только прибавилъ четвертаго участника въ дѣлежѣ, отдавъ Саксоніи Варшавское Герцогство.

Окончательное паденіе Польши было роковою неизбѣжностію, заранѣе предусмотрѣнною всѣми государственными людьми. Его предсказывали Стефанъ Баторій, Янъ Казиміръ, Собѣскій, Лещинскій, Чарторыйскіе. Раздѣлъ совершился въ тотъ день, когда Европа убѣдилась, что Польша составляетъ для нея постоянную опасность. Можно смѣло сказать, что въ исторіи никогда не было столь заслуженнаго наказанія. Уничтоженіе Польши, предписываемое безопасностію сосѣднихъ державъ, послужило къ спасенію и освобожденію рабочаго класса, который свободно вздохнулъ послѣ раздѣла, *называемаго теперь громкимъ именемъ политическаго убійства.* Для польскихъ плебеевъ раздѣлъ былъ освобожденіемъ отъ рабства.

Какой тактикѣ слѣдовали поляки съ 1773 года по 1814-й? Они пятнадцать лѣтъ сражались подъ знаменами Наполеона 1-го противъ независимости національностей въ С. Доминго, Италіи, Испаніи, Германіи, Россіи, вездѣ. Но надобно сознаться, что чѣмъ болѣе французы имѣли къ нимъ сочувствія въ 1814 г., тѣмъ болѣе русскіе, австрійцы, прусаки, италіянцы, испанцы имѣли права мстить имъ, и французы столь же мало имѣютъ права осуждать эту месть, какъ и раздѣлять ее.

Русское правительство было не право по отношенію къ Польшѣ, — не право тѣмъ, что щадило ея неисправимое дворянство и думало, что хорошимъ обращеніемъ, милостями и раздачею мѣстъ оно обратитъ его на путь истины. Даже дана была Польшѣ конституція. Это была ошибка. За свое добро, за свои милости Россія была вознаграждена оскорбленіями, и потомъ, когда захотѣла быть строгою, то вся Европа обвинила ее, называя поляковъ мучениками свободы и любви къ отечеству.

„Я не одобряю жестокостей, говоритъ онъ далѣе, кто бы ни производилъ ихъ. Я изъ тѣхъ, которые думаютъ, что чѣмъ болѣе врагъ обнаруживаетъ ожесточенія, тѣмъ великодушнѣе надо поступать съ нимъ. Въ этомъ состоитъ слава человѣколюбія и цивилизаціи. Если фанатизмъ увлекаетъ иногда народы къ войнѣ, то пусть они ведутъ ее какъ люди,

а не дикіе звѣри и разбойники. Я съ ужасомъ и отвращеніемъ смотрю на макіавелизмъ польской аристократіи, для которой убійство столь же мало значитъ, какъ и клевета. Многіе думаютъ что это клевета. и я, пожалуй, готовъ былъ бы присоединиться къ нимъ, еслибы *святое судилище* не обнаружило открыто своихъ принциповъ убійства" *).

„Не осмѣливаясь назвать варварскими такія державы, какъ Австрія и Пруссія, поляки свалили все на Россію, какъ на страну менѣе цивилизованную. И однакоже Россія въ три года сдѣлала для прогресса своего народонаселенія и улучшенія своего правительства (слѣдовательно и для безопасности Европы) города болѣе, нежели всѣ поляки Болеслава, Казимира, Сигизмунда, Понятовскаго.. сдѣлали въ теченіе восьми вѣковъ" **).

Мотивы послѣдняго польскаго возстанія Прудонъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ:

„Какъ прежде, такъ и теперь, вы остаетесь народомъ дворянскимъ и хотите владычествовать, эксплоатировать. Для этого вы хотите ниспровергнуть историческій порядокъ, создавъ вмѣсто исчезающихъ государственныхъ тѣлъ, новыя тѣла, которыя будутъ съ большею жадностію поглощать все вокругъ себя, оставаясь по духу своей національности и по гордости самою враждебною кастою.... Или логика ничего не значитъ въ человѣческихъ дѣлахъ, или таковы будутъ послѣдствія возстановленія Польши.

Развѣ двадцать три милліона крѣпостныхъ, освобожденныхъ царемъ представляютъ намъ подобныя опасности? Я протестую противъ этой измѣны во вредъ народамъ. По примѣру вашихъ предковъ я, французскій гражданинъ, скажу вамъ: *не позволямъ*. Прошедшее, настоящее, будущее, свобода, прогрессъ, право, перевороты и трактаты—все васъ обвиняетъ. Вы можете пріобрѣсти только одну славу, а именно покориться вашему приговору. Колебаться было бы не достойно васъ. Вспомните сильное слово того римскаго

---

*) Сборникъ стр. 84.
**) Тамъ-же стр. 86.

солдата, который видя Нерона, малодушно бѣгущаго отъ смерти, закричалъ ему: „развѣ смерть несчастіе?“*)

Въ такихъ яркихъ краскахъ представилъ Прудонъ смыслъ польской исторіи своимъ согражданамъ, желая удержать ихъ отъ политическихъ увлеченій, когда готовилась европейская коалиція противъ Россіи въ 1863-мъ году. Очевидно, онъ имѣлъ въ виду по преимуществу политическую сторону польскаго вопроса, на сколько онъ касался отношеній поляковъ къ французамъ. Разъясненіе же этого вопроса съ другихъ сторонъ, особенно со стороны отношеній русско-славянскихъ, представлено въ другихъ статьяхъ Самарина, Палацкаго, Ригера, Гильфердинга. Въ блестящей статьѣ послѣдняго: „За что борются русскіе съ поляками?“ разъясненъ послѣдовательный ходъ племенной борьбы между русскими и поляками и обращено вниманіе на ту роль, которую до сихъ поръ играли послѣдніе въ судьбахъ славянства.

Извѣстно, что самый острый камень преткновенія въ польскомъ вопросѣ есть Западный край. Почему поляки не въ силахъ примириться съ мыслью, что онъ долженъ принадлежать Россіи, и матерьяльно и духовно, Гильфердингъ объясняетъ такъ:

„Сила исторіи требуетъ отъ поляковъ въ отношеніи къ Русской землѣ жертвы дѣйствительно тяжелой, одной изъ самыхъ тяжелыхъ жертвъ, какія когда либо требовались отъ человѣческаго общества безпощадною властію историческаго развитія. Небольшой народъ польскій, воспитанный въ принципахъ католицизма и аристократіи, въ имя этихъ принциповъ пріобрѣлъ господство надъ огромнымъ пространствомъ славянскихъ земель, населенныхъ народомъ другого нарѣчія, другой вѣры, другихъ общественныхъ началъ. Нѣсколько столѣтій онъ наслаждался этимъ господствомъ! онъ привыкъ считать его законнымъ и вѣчнымъ, потому что католицизмъ твердилъ ему, что римская церковь одна властна надъ міромъ, одна источникъ спасенія для души человѣ-

*) Сборникъ стр. 69.

ческой, что вѣра подвластнаго народа есть вѣра холопская; аристократическій принципъ твердилъ ему, что Польша по праву своей шляхты, закрѣпила за собой безспорнымъ владѣніемъ эти прекрасныя Русскія и Литовскія земли; народная гордость, воспитанная католицизмомъ, аристократическимъ духомъ и прошлымъ господствомъ, твердила, что польская нація дѣйствительно призвана къ такому владычеству и оправдывала это владычество чувствомъ презрѣнія къ подчиненному племени. И что же? Вдругъ на дальнемъ горизонтѣ востока является недуманно—негаданно какая-то чуждая сила: это Москва, бившая челомъ предъ татарскимъ ханомъ, исповѣдующая туже вѣру, какъ бѣлорусскій и украинскій хлопъ, незнающая шляхетскаго гонору и ко всему этому такъ же презираемая, какъ западно-русское простонародье. И эта Москва мало помалу развѣнчиваетъ польскую націю, забираетъ всѣ ея области. И теперь сила историческаго развитія требуетъ, чтобы полякъ отказался отъ мысли властвовать надъ русскимъ народомъ, чтобы онъ, шляхтичъ и католикъ, призналъ себя гостемъ, терпимымъ по милости въ странѣ, гдѣ предки его были хозяевами, чтобы онъ призналъ тамъ первенство и прирожденное право господства за мужицкою народностію, за мужицкою вѣрою.

Поймите всю тягость этой требуемой жертвы; поймите, что съ этимъ поставленъ вопросъ: быть ли полякамъ небольшимъ 5 или 6 милліоннымъ народомъ, или властителями значительной части европейскаго материка, и вы поймете, за что собственно идетъ современная намъ борьба.

Борьба эта есть результатъ (и, будемъ надѣяться, приготовленіе къ исходу) всей прежней исторіи, привившей славянскую Польшу къ чужому организму, къ міру латино-германскому, сдѣлавшей ее носительницею чуждыхъ славянскому племени историческихъ началъ. И вотъ въ послѣднее время, особенно подъ гальваническимъ вліяніемъ эмиграціи, доводящей до абсолютной формулы въ теоріи и до болѣзненной крайности на практикѣ всѣ историческія начала польской жизни, выступило наружу, облеклось въ дѣйствительные факты это внутреннее противорѣчіе историческихъ

началъ съ славянскою основою польскаго народа. „По дѣламъ ихъ познаете ихъ“. И мы видѣли и видимъ ихъ дѣла, мы осязаемъ это внутреннее противорѣчіе.

Мы видѣли ихъ въ 1847 г. проливающими свою кровь за угнетателей славянскихъ народовъ, за Мадьяръ, противъ Сербовъ, Хорватовъ, Словаковъ и Русскихъ, и, послѣ пораженія, вступающими въ ряды другихъ угнетателей Славянъ—въ турецкую армію.

Вы видѣли ихъ въ 1854-мъ году снаряжающими „казацкій легіонъ“ на защиту турецкаго мусульманства отъ христіанской и славянской Россіи.

Мы видѣли ихъ въ 1862 г. командующими турецкими войсками для завоеванія Черногоріи.

Мы видѣли и видимъ, какъ они сами рекомендуютъ себя западной Европѣ, какъ единственныхъ между славянами враговъ и противоборцевъ панславизма (т. е. предполагаемой въ будущемъ самобытности и единенія славянскихъ народовъ) и какъ нѣмецкіе либералы, тѣ самые люди, которые мечтаютъ о будущемъ господствѣ Германіи надъ славянскимъ востокомъ, берутъ ихъ за это подъ свое покровительство..... Есть въ этомъ положеніи Польши что-то трагическое, плодъ именно этого внутренняго противорѣчія между общественными стремленіями Польши и историческими требованіями ея славянской основы, и это противорѣчіе особенно ярко обнаруживается въ настоящемъ возстаніи (1863 г.)... Они сражаются во имя свободы и сами искренно вѣруютъ этому; а западная Европа, Англія и Германія радуются и сочувствуютъ этой борьбѣ, потому что она на неопредѣленное время отсрочиваетъ освобожденіе славянскихъ народовъ на востокѣ.

Они сражаются подъ знаменемъ европейскаго либерализма и искренно убѣждены въ либеральности своихъ идей, и въ тоже время они союзники самыхъ крайнихъ представителей средневѣковаго фанатизма: не только Монталамберъ, но и Вельо привѣтствутъ этихъ бойцовъ либеральныхъ идей.

Они сражаются подъ знаменемъ народности и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаютъ права народности 10 милліоннаго слав-

янскаго племени на Руси, стремясь къ возстановленію надъ нимъ господства польской національности.

Они считаютъ себя демократами и, чтобы привлечь этотъ народъ къ себѣ, обѣщаютъ ему матерьяльную свободу, но вмѣстѣ съ тѣмъ несутъ съ собой нравственное закрѣпощеніе Бѣлорусса, Малорусса и Литвина аристократическому меньшинству польскому, поселившемуся въ ихъ землѣ *)" ...

По мнѣнію Самарина „все построеніе политико-соціальныхъ притязаній Польши основано на двухъ противорѣчіяхъ: во имя своей народности она требуетъ для себя политическаго господства надъ другими, равноправными съ нею народностями и оправдываетъ это притязаніе обѣтомъ— служить оружіемъ просвѣтительному началу, которое сгубило и губитъ ея внутреннюю жизнь **).

Подлинныхъ выписокъ, сдѣланныхъ нами изъ статей Прудона, Гильфердинга и Самарина, полагаемъ, совершенно достаточно, чтобы познакомить читателя съ ихъ характеромъ и достоинствомъ. Но и другія статьи, какъ напр. Палацкаго, проф. Кояловича, митр. Семашки, проф. Антоновича М. Н. Каткова, нисколько не уступаютъ имъ въ другихъ качествахъ. Подробное ознакомленіе съ ними мы предоставляемъ вниманію читателя, а сами ограничимся только общимъ указаніемъ на ихъ содержаніе по отдѣламъ.

Выходящій теперь въ свѣтъ 1-й выпускъ Сборника заключаетъ въ себѣ статьи, разъясняющія польскій вопросъ съ разныхъ сторонъ, но въ общихъ очертаніяхъ. Таковы по преимуществу статьи Самарина, Гильфердинга, Прудона, Палацкаго и митрополита Сѣмашки.

Изслѣдованія профессора Кояловича устанавливаютъ этнографическія границы между Западнымъ краемъ и Польшей и указываютъ на историческіе пути, по которымъ двигались на Русь и Литву польскія начала.

„Нѣсколько замѣчаній о Литвѣ и Жмуди" Гильфердинга и *„Чѣмъ объяснить быстрое обрусѣніе Литвы въ XIII*

---

*) Сборникъ стр. 68.

**) Сборникъ стр. 18.

ст.?“ представляютъ наши современныя и древнія отношенія къ этому племени.

Статья профессора Антоновича изображаетъ положеніе православной церкви во времена Рѣчи—посполитой, а „*Проэктъ іезуита объ уничтоженіи православной вѣры и русской народности*“ служитъ документальнымъ ея подтвержденіемъ.

„*Мистификація папскихъ возгласовъ противъ Россіи*“ профессора Кояловича, „*Дружественные совѣты кс. Фелинскаго и Польскій катихизисъ* указываютъ на современныя отношенія къ намъ р.-католическаго духовенства и поляковъ.

Блестящая статья М. Н. Каткова „*О русскомъ языкѣ въ католическомъ богослуженіи Западнаго края*“ и краткія свѣдѣнія, извлеченныя изъ разныхъ источниковъ о первыхъ и довольно удачныхъ попыткахъ къ его осуществленію, свидѣтельствуютъ о томъ, что думали объ этомъ предметѣ одни передовые русскіе люди, и что уже сдѣлали было—другіе.

„*Воспоминанія* Кулжинскаго *о Кременецкомъ Лицеѣ*“ и наша собственная статья „*О польской пропагандѣ въ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго Округа*“ познакомятъ читателя съ направленіемъ учебнаго дѣла въ краѣ съ 1803 по 1863 годъ. При этомъ считаемъ необходимымъ сдѣлать оговорку, что наша статья составлена на основаніи однихъ только слѣдственныхъ дѣлъ и потому отличается неполнотой; но она документально излагаетъ и послѣдовательное развитіе и болѣе выдающіяся проявленія польскихъ началъ въ западно-русскихъ школахъ уже подъ русскимъ владычествомъ.

Послѣдняя статья „*Что такое польская народность въ западномъ краѣ?*“ исторически вѣрно опредѣляетъ значеніе католицизма, какъ силы политической и національно-польской.

Всѣхъ статей внесено нами въ 1-й выпускъ 19; ихъ можно было бы внести гораздо больше, еслибы не встрѣтилось матерьяльныхъ затрудненій по изданію.

Во 2-й выпускъ мы намѣрены помѣстить рядъ статей касающихся по преимуществу частныхъ вопросовъ исторической жизни Западнаго края.

Мысль о составленіи и изданіи подобнаго Сборника давно уже была предложена намъ бывшимъ попечителемъ Виленскаго Учебнаго Округа *И. П. Корниловымъ*; она встрѣтила глубокое сочувствіе въ нынѣшнемъ попечителѣ Учебнаго Округа *Н. А. Сергіевскомъ*, который съ полной готовностію предложилъ намъ денежныя средства, давшія возможность приступить къ осуществленію ея на дѣлѣ. Намъ принадлежитъ трудъ составителя и издателя.

За такое участіе ихъ къ этому дѣлу мы приносимъ имъ признательную благодарность.

Такую же благодарность мы должны выразить и другимъ лицамъ, помогавшимъ намъ словомъ и дѣломъ: *И. С. Аксакову*. *М. О. Коялювичу*, *Ѳ. И. Еленеву* за разрѣшеніе пользоваться ихъ литературными трудами сверхъ нормы, установленной цензурой, и *В. Ф. Гильфердингъ* за разрѣшеніе напечатать въ Сборникѣ двѣ статьи ея покойнаго супруга.

Мы не утруждали просьбами объ этомъ же предметѣ другихъ лицъ, статьи которыхъ напечатаны въ настоящемъ выпускѣ, частію по незнанію адрессовъ, частію же потому, что размѣры ихъ статей не превышали цензурной нормы, но глубоко убѣждены, что они не будутъ видѣтъ въ этомъ нарушенія своихъ авторскихъ правъ.

С. Шолковичъ.

Вильна, 10 Августа 1885 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

1. Современный объемъ Польскаго вопроса *Юрія Самарина* . . . 1
2. Въ чемъ искать разрѣшенія Польскому вопросу? *Гильфердинга* . 19
3. Польскій вопросъ въ наше время *Палацкаго и Ригера* 40
4. За что борются Русскіе съ Поляками? *Гильфердинга* 50
5. О польскомъ вопросѣ *Прудона* 70
6. Мнѣніе о Польскомъ вопросѣ Митрополита *Сѣмашки* 90
7. Объ Этнографической границѣ между Западной Россіей и Польшей *Кояловича* 94
8. Нѣсколько замѣчаній о Литовскомъ и Жмудскомъ племени *Гильфердинга* 106
9. Чѣмъ объяснить быстрое обрусѣніе Литвы въ XIII вѣкѣ? . . . 128
10. О разселеніи племенъ Западнаго Края Россіи *Кояловича* . . . 142
11. Отношенія Польскаго государства къ православію и православной церкви *Антоновича* 155
12. Мистификація папскихъ возгласовъ противъ Россіи *Кояловича* . 166
13. Проэкъ іезуита объ уничтоженіи Греко-Россійскаго вѣроисповѣданія въ Западной Россіи 172
14. Дружественные совѣты *Кс. Фелинскаго* 181
15. Польскій Катихизисъ 216
16. О Русскомъ языкѣ въ католическомъ богослуженіи *Каткова* . 221
17. Польская пропаганда въ учебныхъ заведеніяхъ Сѣверо-Западнаго Края *С. Шолковича* 233
18. Ѳ. Чацкій и Кременецкій Лицей *Кулжинскаго* 311
19. Что такое Польская народность въ Бѣлоруссіи? 318

Современный объемъ Польскаго вопроса

Ю. Самарина.

При множествѣ появляющихся у насъ статей о Польшѣ и при различіи точекъ зрѣнія нашихъ публицистовъ на такъ называемый Польскій вопросъ, кажется, наступило время точнѣе обозначить объемъ его, выяснить различныя его стороны, и подвести итогъ тому, что окончательно добыто, доказано, усвоенно общественнымъ сознаніемъ, и что находится еще подъ сомнѣніемъ и требуетъ разрѣшенія. Тогда, вѣроятно, многія изъ противорѣчій въ заявленныхъ у насъ мнѣніяхъ и предположеніяхъ, при всей кажущейся ихъ непримиримости уяснятся сами собою какъ воззрѣнія противоположныя только по ихъ односторонности, въ сущности же дополняющіяся взаимно. Изъ всѣхъ когда либо занимавшихъ Европу вопросовъ, Польскій едва ли не самый запутанный и сложный. Это отъ того, что онъ слагается изъ трехъ вопросовъ, по существу своему различныхъ, не смотря на ихъ тѣсную связь.

Поляки—какъ народъ, какъ особенная стихія, въ группѣ Славянскихъ племенъ. Польша—какъ самостоятельное государство. Наконецъ Польша, или точнѣе: полонизмъ—какъ просвѣтительное начало, какъ представительство, и вооруженная пропаганда Латинства въ средѣ Славянскаго міра. Эти три понятія безпрестанно смѣшиваются и переходятъ одно въ другое. Вся политика Поляковъ заключается въ ихъ отождествленіи; наша политика—въ ихъ разъединеніи. Что Поляки составляютъ отдѣльную, самостоятельную, хотя сравнительно съ другими немногочисленную вѣтвь Славянскаго племени—объ этомъ нѣтъ и спора. Они обладаютъ всѣми условіями народной личности; у нихъ свой языкъ, своя литература, своя историческая физіономія, свои бытовыя преданія. Признаніе этого простаго и неопревержимаго факта естественно ведетъ къ признанію права на такое устройство, которое бы не нарушало свободы народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, составляющихъ необходимое условіе всякой живой народности. Мы разумѣемъ подъ этимъ: свободу вѣроисповѣданія, оффиціальное употребленіе народнаго языка въ дѣлахъ внутренняго управленія и своеобразность гражданскаго быта.

Изъ того же факта вытекаетъ само собою и другое послѣдствіе. Поляки, во имя своей національности, не могутъ требовать не только подчиненія себѣ какой-либо другой народности, но даже какой-либо съ ея стороны уступки, и потому притязанія Польской національности не должны простираться далѣе предѣловъ ея фактическаго господства. Въ этомъ отношеніи, Поляки, Сербы, Болгаре, Чехи, совершенно равноправны. Вотъ все, что оправдывается народностью, все, чего можно во имя ея требовать, и законныя границы этихъ требованій. Но извѣстно что притязанія Поляковъ этимъ не удовлетворяются. Польша, говорятъ они, должна быть самостоятельнымъ государствомъ; ей нужна полная политическая независимость. Это, отвѣчаемъ мы, другой вопросъ, или другая сторона общаго Польскаго вопроса. Къ числу *существенно—необходимыхъ и неотъемленныхъ* принадлежностей всякой живой, признанной народности, мы не относимъ политической самостоятельности, потому что хотя народность и государственная форма—два явленія тѣсно между собою связанныя, однако первое не обусловливаетъ собою необходимости второй. Иными словами: въ основѣ самостоятельнаго государства всегда лежитъ народная стихія болѣе или менѣе цѣльная, составляющая какъ бы ядро его, и государственная форма служитъ однимъ изъ проявленій этой стихіи, ея представительствомъ *ad extra*; но это еще не даетъ права къ обратному предположенію; ибо не всякая народность, и не во всякую эпоху своего существованія способна облечься въ форму самостоятельнаго государства. На это нужны, сверхъ того, другія, очень разнообразныя условія, которыя могутъ быть и не быть. Есть цѣлыя племена, еще не достигшія, можетъ быть, и неимѣющія никогда достигнуть той степени зрѣлости, при которой самостоятельное государственное устройство становится возможнымъ; на оборотъ, есть народы пережившіе свою политическую самостоятельность; есть мелкіе, затопленные чуждыми имъ народностями, осколки живыхъ племенъ, которымъ недоступна государственная форма по ихъ числительной незначительности; есть государства крѣпкія и сильныя, образовавшіяся изъ нѣсколькихъ, химически сроднившихся народныхъ стихій; чаще же всего встрѣчаемъ мы государства, выработанныя преимущественно одною народною силою и въ которыхъ эта сила преобладаетъ; но въ составѣ тѣхъ же политическихъ организмовъ мы видимъ другія, подчиненныя національности, признанныя или непризнанныя и пользующіяся большею или меньшею степенью гражданской самостоятельности. И такъ, съ одной стороны, національная особенность *сама по себѣ* еще не оправдываетъ притязанія на политическую самостоятельность; съ другой, сложившееся государство не можетъ быть разсматриваемо *исключительно*, какъ обликъ той или другой народности.

Каждый политическій организмъ, какъ продуктъ сложнаго историческаго развитія, имѣетъ разнообразныя потребности и условія прочнаго

существованія, вытекающія не непосредственно изъ природы того племени, которому онъ служитъ представительствомъ, а изъ интересовъ его, какъ живаго дѣятеля, занявшаго въ исторіи извѣстное мѣсто и выполняющаго въ ней свое призваніе. Къ числу таковыхъ относятся, напримѣръ: обладаніе морскимъ берегомъ, свобода внѣшняго сбыта и привоза, естественная замкнутость въ стратегическомъ отношеніи надежныхъ границъ и т. д. Если о чемъ теперь не можетъ быть и спора, признаніе народности еще не обязываетъ къ признанію за нею права на политическую независимость, и если нельзя требовать, чтобы предѣлы каждаго государства въ точности совпадали съ территоріальнымъ размѣщеніемъ преобладающей въ немъ народности, то мы должны ставить вопросъ о Польскомъ государствѣ, какъ вопросъ самостоятельный, не сливая его съ вопросомъ о народности.

Польша была и перестала быть государствомъ. Она имѣетъ богатую политическую исторію, въ которой мы видимъ эпохи возрожденія, возрастанія, могущества, упадка и разложенія. Можетъ быть, ни одно изъ новѣйшихъ государствъ не испытало такихъ превратностей, такого быстраго разширенія, и одинаково быстраго стѣсненія своихъ предѣловъ. Было же время когда Польша владѣла Ригою, Данцигомъ, значительною частью Балтійскаго поморья, всею Западною Россіею, со включеніемъ Смоленска, украйною обѣихъ сторонъ Днѣпра, и Галиціею. Все это утрачено. Спрашивается: о какой же Польшѣ теперь идетъ рѣчь и въ какихъ границахъ требуется ея возстановленіе?

Но это обыкновенно отвѣчаютъ: требуется возстановленіе Польши въ ея *историческихъ границахъ*. Но какія же, спрашиваете вы опять, границы считать историческими, какія не историческими: границы Болеслава ли храбраго, Казиміра, Баторія, или Станислава Августа? На какомъ именно годѣ, мѣсяцѣ и числѣ закончилась, по мнѣнію Поляковъ, и оборвалась ихъ политическая исторія?

Поляки (нельзя не отдать имъ этой справедливости) по крайней мѣрѣ своихъ притязаній не таятъ. Они прямо заявляютъ, что государство, заключенное въ тѣсныхъ предѣлахъ польской народности, т. е. той территоріи, въ которой численное первенство мѣстнаго народонаселенія остается за ними, просто на просто не мыслимо. Во первыхъ, этихъ предѣловъ географически опредѣлить нельзя; границы національностей Польской, Русинской, Бѣлорусской, Литовской и Нѣмецкой стушевались въ неуловимыхъ оттѣнкахъ. Во вторыхъ, еслибъ даже и удалось опредѣлить ихъ, то такое государство, сдавленное Россіею, Пруссіей и Австріей, пользовалось бы только номинально независимостію и никогда бы не выходило изъ вассальныхъ отношеній къ своимъ могучимъ сосѣдямъ. Итакъ въ сторону неразрѣшимый вопросъ о государствѣ Польскомъ, какъ исключительномъ представительствѣ Польской народной стихіи; вмѣсто того отдайте Литву, Бѣлоруссію, Малороссію,

Вильну, Городно, Ковно, Смоленскъ, Кіевъ и т. д. Подробности этого плана извѣстны всѣмъ.

Ну, а Россія?—Такъ называемая Россія, отвѣчаютъ намъ незадумываясь польскіе публицисты, т. е. Московія, послѣ этого вступитъ также въ свои историческія границы, т. е. въ тѣ, въ какихъ ей слѣдуетъ быть, въ границы временъ Ивана IV.

Всякій разъ, когда приходится читать, или выслушивать предположенія объ историческихъ границахъ Россіи и Польши, намъ приходитъ на память анекдотъ изъ времени непосредственно предшествовавшаго освобожденію крестьянъ. Одна почтенная барыня, проживавшая въ Москвѣ и получавшая оброкъ изъ степной своей вотчины, стала замѣчать, что доходъ ея мало по малу убывалъ вслѣдствіе быстраго возрастанія такъ называемыхъ вотчинныхъ расходовъ, между прочимъ и на содержаніе дворни. Вытребовавъ къ себѣ своего главнаго прикащика, она принялась за подробную ревизію книгъ о мукѣ, крупѣ столовомъ запасѣ и въ нихъ прочла, что въ январѣ было отпущено взрослымъ, въ томъ числѣ коновалу Поликею 2 пуда муки. Барыня всплеснула руками: какъ и Поликушкѣ 2 пуда? Поликушка во взрослыхъ! Видно ужъ очень на мое безпамятство разсчитывали. Поликушку я помню, двадцать разъ на рукахъ носила, по грибы въ садъ посылала... Вѣдь онъ вотъ какой!—и барыня рукой помѣрила отъ земли аршинъ. Прикащикъ сталъ было на это возражать, что это было давно въ то время, когда Поликушка былъ махонькой, а что теперь ему 24-ый годъ, что онъ женатъ, имѣетъ дѣтей и сталъ уже взрослымъ Поликеемъ; но барыня пришла въ азартъ, съ сердцемъ твердила, что видно ее хотятъ разорить, что всѣ какъ будто сговорились расти и множиться, а ей одной видно убывать да малиться и кончила строгимъ приказомъ, чтобы впредь этого не было. Она не читала польскихъ публицистовъ, а не хуже ихъ опредѣляла возрастъ своего Поликушки безъ ея вѣдома и соизволенія выросшаго въ цѣлаго Поликея.

Но обратимся къ дѣлу. Мы видѣли, что для возстановленія прочной, политической независимости Польши, необходимо принести ей въ жертву около трехъ съ половиною живыхъ народностей, отличающихся отъ польской языкомъ, вѣроисповѣданіемъ, обычаями, цѣлымъ складомъ общественной жизни и глубоко ей враждебныхъ по всѣмъ историческимъ ихъ преданіямъ. Вотъ куда мы зашли, исходя изъ начала о полноправіи народностей и слѣдуя по пятамъ за польскими публицистами!

Но они насъ прерываютъ и говорятъ: „за чѣмъ же въ жертву? Мы вовсе не требуемъ жертвъ. Мы не дикіе москали и не коварные нѣмцы. Мы никого не думаемъ угнетать, а напротивъ всѣмъ безъ различія предоставимъ полную свободу развитія. Мы даже не умѣемъ угне-

тать и уваженіе къ чужимъ правамъ, даже излишнее и доведенное до забвенія нашихъ собственныхъ интересовъ, было причиною нашего паденія. У насъ не поднялись руки подавить шайку мятежныхъ козаковъ и интригановъ-диссидентовъ. Въ тѣ былыя времена грубаго насилія идеалъ намъ предписывавшійся къ сожалѣнію не могъ осуществиться и мы за него поплатились; но мы не разстались съ нимъ и при измѣнившихся обстоятельствахъ докажемъ на дѣлѣ, что значитъ любовный союзъ племенъ, основанный на полномъ равенствѣ правъ и на неограниченной вѣротерпимости.

Кому случалось сходиться близко съ образованными Поляками и кто сколько нибудь знакомъ съ ихъ современною литературой. тотъ не станетъ оспаривать, что лучшіе изъ нихъ говорятъ это совершенно искренно, обманывая не другихъ, а самихъ себя. Въ то же время кому неизвѣстно, что это всепримиряющая любовь, возведенная на степень политическаго организма, уживается на практикѣ съ самою суровою національною и религіозною исключительностію съ самымъ дерзкимъ, иногда доходящимъ до безсознательности посягательствомъ на чужую народность и вѣру. По свидѣтельству безпристрастнѣйшихъ польскихъ историковъ и публицистовъ двѣ причины сгубили ихъ родину: польскій гоноръ не мирился съ мыслью о равноправности бѣлоруссовъ и малороссіянъ съ поляками, а іезуитизмъ не могъ допустить рядомъ съ собой православной церкви. Въ этомъ отношеніи умудрились ли поляки опытомъ вѣковъ и воздѣйствовало ли сколько нибудь историческое сознаніе, добытое трудами науки на ихъ натуру, на ея живые инстинкты и побужденія? На этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Къ современнымъ полякамъ примѣняется въ полной силѣ приговоръ, произнесенный Франціею надъ эмигрантами, вернувшимися на родину съ старшею линіей Бурбоновъ: „ils n'ont rien appris et n'ont rien oublié pendant l'exil". Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно вспомнить образъ дѣйствій вожаковъ современнаго движенія въ Царствѣ Польскомъ, въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, пробѣжать любое воззваніе, взятое на выдержку изъ любаго № газетъ, издаваемыхъ тайнымъ правительствомъ, припомнить эту безконечную процессію зарѣзанныхъ, повѣшенныхъ, отравленныхъ, изуродованныхъ, потянувшуюся назадъ вопреки ходу исторіи изъ второй половины XIX ст. въ самую глубь XVI и XVII с. с. къ темнымъ временамъ Альбы и Торквемады. Но если этого мало, или если вздумаютъ приписывать кровавыя оргіи повстанцевъ дѣйствію распаленныхъ страстей, то найдутся и другаго рода улики въ цѣлой литературѣ и въ такъ называемыхъ мирныхъ манифестаціяхъ, не говоря о разжалованіи всего Великорусскаго племени въ какую-то помѣсь финской крови съ татарскою, ни о цѣломъ рядѣ попытокъ водрузить латинскій языкъ на мѣсто православнаго креста; достаточно вспомнить, что горсть поляковъ, которыхъ русскіе штыки одни спасаютъ отъ то-

поровъ крестьянъ недавно подавала просьбы объ отписаніи всей Подоліи къ Польшѣ. А еще все это только попытки и начинанія; но по программѣ можно судить о томъ, въ какой мѣрѣ Поляки расположены и способны понять и уважать права всякой чужой народности или вѣры. Простой народъ, вѣрный хранитель той и другой, понялъ это безошибочно.

И такъ обезпеченіе законныхъ правъ польской народности, по убѣжденію поляковъ, требуетъ непремѣнно возстановленія Польши какъ государства, а польское государство по ихъ же словамъ немыслимо внѣ извѣстныхъ условій, для достиженія которыхъ нѣсколько живыхъ народностей должны быть принесены на жертву польской; иными словами: въ отплату за разчлененіе Польши (démembrement), Европа призывается теперь къ разчлененію Россіи. Спрашивается ради чего и во имя чего?

Съ этимъ словомъ мы переходимъ къ третьему вопросу. Польша, говорятъ намъ, это не то, что какая-нибудь другая вѣтвь общеславянской семьи, великорусская или болгарская, а гораздо болѣе. Это соль славянства, поддерживающая въ немъ жизнь и охраняющая его отъ тлѣнія; это образовательная закваска, брошенная въ богатую, но неподвижную стихію. Это передовая дружина славянства, влекущая за собой цѣлое племя къ просвѣщенію и свободѣ. Она жила и живетъ не для одной себя; не властолюбіе и не страсть къ завоеваніямъ, а историческое ея призваніе неудержимо выноситъ ее далеко за предѣлы ея національности; когда ей подчиняются другія племена, что не насиліе, а естественный фактъ постепеннаго озаренія низмѣнностей тѣмъ самымъ свѣтомъ, какимъ нѣсколько раньше охвачены были вершины; это побѣда свѣта надъ мракомъ. Кто же положитъ предѣлъ распространенію свѣта и кто рѣшится закрѣпить правомъ мертвое царство тьмы?

Остудивъ этотъ лиризмъ, высоко поэтическій у Мицкевича и доходящій до комизма у дюжинныхъ писателей, мы получимъ слѣдующее опредѣленіе Польши, данное однимъ изъ современныхъ ея публицистовъ Мирославскимъ, и довольно вѣрно выражающее, съ его точки зрѣнія, историческое ея призваніе въ отношеніи къ Славянскимъ племенамъ, ограничивающимъ ее съ Юго-Востока, и къ Римско-Германскому міру, ограничивающему ее съ Сѣверо-Запада: la Pologne est une modification du Slavisme par l'education latine, en concurrence au slavisme grec et oriental des tribus danubiennes, de la Moscovie et de la Ruthènie. По нашему, это значитъ: Польша—это острый клинъ вогнанный Латинствомъ въ самую сердцевину Славянскаго міра съ цѣлью расколоть его въ щепы.

Глубокая несовмѣстность и непримиримость Латинства съ Славянствомъ доказана историческимъ опытомъ вѣковъ, хотя у насъ многіе не рѣшаются еще признать ее.

Всегда и вездѣ, чѣмъ добровольнѣе и искреннѣе Латинство принималось Славянскою природою, чѣмъ глубже оно въѣдалось въ нее, тѣмъ быстрѣе, подъ вліяніемъ этого тонкаго и всепроникающаго яда, она чахла, разлагалась и гибла. Ни одно изъ племенъ Славянскихъ не отдавало себя на службу Латинству такъ беззавѣтно, какъ Польское. Чехія возстала противъ него, требуя для всѣхъ пріобщенія изъ чаши; это былъ протестъ не противъ однихъ злоупотребленій Латинства, а противъ самого духа его. Дѣло шло о спасеніи цѣльности Славянской общины, въ которую Латинство вносило коренное раздвоеніе, и можетъ быть никогда ни одинъ историческій символъ не выражалъ такъ поэтически и вѣрно совокупности духовныхъ требованій, вызвавшихъ его, какъ святая чаша въ рукѣ Гусситовъ. Едва-ли не этому высокому протесту и слѣдовавшей за нимъ гигантской борьбѣ, въ которой она пролила свою кровь, обязана Чехія спасеніемъ своей народности.

Племена, имѣющія за собою такія воспоминанія, какъ Гусситскій подъемъ, не вымираютъ и въ недавнемъ своемъ возрожденіи къ новымъ историческимъ судьбамъ, Чехія получила награду за своихъ великихъ мучениковъ XV вѣка. Не тѣмъ путемъ шла Польша. Мы обращаемся къ свидѣтельству ея собственныхъ историковъ и публицистовъ новѣйшаго времени. Одинъ говоритъ намъ: исторія Польши представляетъ борьбу Славянской народной стихіи съ Латинскимъ просвѣтительнымъ началомъ, другой договариваетъ: и попытку помирить ихъ сдѣлкою; да, прибавляетъ третій, но нельзя не сознаться, что всякій разъ, когда Латинство брало перевѣсъ, звѣзда Польши блѣднѣла и гасла. Въ X вѣкѣ, какъ только она въ лицѣ Мечислава, присягнула Риму, внутренняя жизнь ея начала перестраиваться по Западно-Европейской программѣ; древняя община отодвинулась на задній планъ, а впередъ выступило сословіе, пожалованное въ аристократію; города выдѣлились изъ земства и въ самыя села проникла Германская колонизація; единовременно охватила землю Польскую сѣть привилегій, изъятій и льготъ разрушившихъ прежнюю цѣльность народнаго быта; потомъ, мало по малу, мѣстная жизнь взяла свое; Латинская терминологія и формы феодализма уцѣлѣли на поверхности ея, но подъ ними и имъ на перекоръ, народные элементы сблизились, опознались и устроились въ тотъ своеобразный складъ, котораго первыя очертанія сохранились въ Вислицкомъ статутѣ; правда, что этотъ складъ уже неохватывалъ всей націи. Внѣ его осталась вся масса простонародья, навсегда осѣвшая подъ гнетомъ Латинства; но по крайней мѣрѣ, въ верхнихъ слояхъ общества, цвѣла крѣпкая національная жизнь. Этотъ неожиданный проростъ Славянской стихіи сквозь двойную стѣну церковнаго и феодальнаго Латинства, за которую она была замуравлена, совпадаетъ съ лучшею эпохою Польши, и—слѣдуетъ прибавить—около того же времени она

начала хладѣть къ Латинству и вслѣдъ за тѣмъ, на двѣ трети, передалась протестанству. Но на этомъ скатѣ она встрѣтила отпоръ. Съ Запада двинулось на нее ополченіе іезуитовъ, которые вторично завоевали ее, шагъ за шагомъ, довершили не додѣланное въ X и XI вѣкахъ, то есть, окончательно прикрѣпили ее къ подножію папскаго престола и привили къ ней духъ самой суровой нетерпимости. Съ этого времени, высшее сословіе окончательно замкнулось въ себѣ самомъ и разбилось на партіи; начались гоненія на инородцевъ и иновѣрцевъ и наконецъ Польша пала жертвою внѣшняго вмѣшательства, вызваннаго ея внутреннимъ разложеніемъ. Итакъ Польша отбивалась отъ Латинства, и, по временамъ, какъ будто одолѣвала его. Вотъ лучшее, что могли извлечь изъ ея исторіи собственные ея панегиристы. Послѣ такой исповѣди, что скажетъ кающійся? Конечно, вы ждете отъ него отреченія отъ Латинства и твердаго обѣта на всегда повернуться къ нему спиною? Ни чуть не бывало. Онъ заканчиваетъ свою скорбную повѣсть повтореніемъ старой присяги Мечислава; онъ вторично отдаетъ Латинству свою на минуту какъ бы просвѣтлѣвшую душу, и, во имя вольной кабалы своей, обращаетъ взоръ на Западъ, прося состраданія и помощи. Онъ говоритъ Европѣ: „заступись за меня и, вѣрный тебѣ слуга, я стану на стражѣ чтобъ оградить тебя отъ дикой силы, порожденной сочетаніетъ Восточной схизмы съ Монгольскимъ деспотизмомъ; развяжи мнѣ руки и врагъ нашъ исчезнетъ какъ призракъ; Востокъ Европы будетъ твой и я самъ потяну къ тебѣ моихъ скованныхъ братьевъ“. Въ этомъ обмѣнѣ услугъ, въ этой подразумѣваемой исторической сдѣлкѣ, которой основанія положены въ X вѣкѣ—разгадка сочувствія Поляковъ къ Западной Европѣ и обратнаго сочувствія Европы къ Полякамъ. Называйте его безсознательнымъ. неразумнымъ, противнымъ политическимъ интересамъ первостепенныхъ державъ; положимъ—но тѣмъ оно для насъ знаменательнѣе, какъ проявленіе глубокаго инстинкта. Вѣдь историческій токъ не весь умѣщается въ трактатахъ и дипломатическихъ нотахъ. Повторяемъ, толкуйте это сочувствіе, какъ хотите, но не пренебрегайте имъ и неотрицайте его очевидности. Оно выказывается ежедневно и повсемѣстно. Мы развертываемъ послѣдній № „Московскихъ Вѣдомостей“ и читаемъ въ немъ подъ рубрикою „Италія“: Его Святейшеству желательно, чтобы всѣ особенно молились о Польшѣ... Католическая Польша служитъ оплотомъ противъ нашествія ереси... Нужно молиться, чтобъ она, не измѣняя своему характеру, оставалась вѣрною данному ей отъ Бога назначенію и сохраняла неприкосновеннымъ католическое знамя“. Это голосъ изъ Латинскаго міра; и вотъ другой голосъ, изъ Англіи, голосъ *Экономиста,* разумнѣйшаго конечно неподкупленнаго органа промышленныхъ интересовъ, притомъ органа рѣшительно отвергающаго всякое вмѣшательство Англіи въ дѣла Польши: „не смотря на ненависть къ Русской тиранніи и на сочувствіе

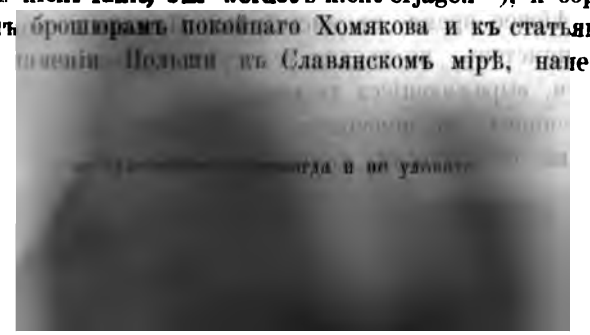
къ страданіямъ Поляковъ, намъ кажется невозможнымъ что либо для нихъ сдѣлать". Такихъ заявленій можно бы привести тысячи.

Не смотря на то, многіе у насъ все еще какъ будто не рѣшаются признать огромнаго, въ современномъ Польскомъ вопросѣ, значенія *полонизма*, какъ вооруженной пропаганды Латинства. „Что намъ до вѣроисповѣданія Поляковъ? говорятъ намъ. Да и дѣйствительно-ли они такъ усердны къ своей церкви? Да и кому въ Европѣ какое дѣло до этой церкви и до папы, который не нынче такъ завтра утратить свою мірскую власть, то есть характеристическое отличіе Римской церкви?" Странная узкость взгляда! Прежде всего замѣтимъ, что мы говоримъ не о Римской церкви въ тѣсномъ значеніе вѣроученія и церковно-государственнаго учрежденія, но о *Латинствѣ*. Подъ этимъ словамъ мы понимаемъ не однѣ догматическія и іерархическія особенности, которыми отличается Западный Католицизмъ, но подразумѣваемъ и все то, что выросло отъ сѣмянъ его, всю совокупность нравственныхъ понятій и бытовыхъ отношеній обусловленныхъ римско-католическимъ воззрѣніемъ на отношеніе отдѣльныхъ лицъ къ церкви, на вѣру, благодать и духовный процессъ оправданія. Не станутъ-же отрицать, что вѣра нѣсколько глубже прохватываетъ всю внутренною жизнь человѣка, чѣмъ, напримѣръ, политико-экономическія убѣжденія, и гораздо сильнѣе воздѣйствуетъ на его сознаніе о себѣ самомъ и объ отношеніяхъ его къ ближнимъ, въ предѣлахъ семьи, общества и государства. Эти, такъ сказать, жизненные выводы изъ вѣроученія переходятъ въ бытъ, обращаются въ преданія, проникаютъ въ плоть и кровь народа, дѣлаются какъ-бы нравственною атмосферою его, которою онъ дышетъ, которая сопровождаетъ его повсюду. Мы часто замѣчаемъ, что дерево, не смотря на то, что его сердцевина прогнила, что въ немъ образовалось дупло, довольно долго стоитъ и зеленѣетъ; даже послѣ того, какъ корни подрѣзаны, листья нѣкоторое время сохраняютъ свой цвѣтъ и свою свѣжесть. Тоже бываетъ и въ нравственномъ мірѣ. Послѣдствія долго переживаютъ причины; жизненность въ нихъ держится не смотря на то что начало, породившее и воспитавшее ихъ, утратило свою творческую силу и можетъ быть забыто. Мы знаемъ, что Поляки особенно въ одиночку взятые не хуже какихъ нибудь французовъ, не только глумятся надъ папою и надъ его свѣтскою властью, но заходятъ гораздо дальше въ критикѣ своей вѣры, и не смотря на то они остаются въ оковахъ Латинства. Вѣдь въ польскихъ семьяхъ ежедневно повторяется, въ своеобразной формѣ, библейское сказаніе третьей главы книги Бытія; злой духъ Польши, въ образѣ ксендза-духовника, запускаетъ свое жало въ сердце жены, а жена въ свою очередь мутитъ воображеніе и совѣсть мужа. Возможно-ли такое явленіе въ семьѣ, воспитанной не въ Латинствѣ? Припомните другое явленіе—извѣстный Польскій катихизисъ давно находящійся въ обращеніи, хотя недавно оглашенный, въ которомъ обманъ, коварство, клевета

[illegible] ...дно-европейская жизнь не вся же
[illegible] ...махъ латинства, но открыла себѣ но-
[illegible] ...антскомъ мірѣ, то мы отвѣтимъ, что
[illegible] ...во, только обращенное въ отрицаніе,
[illegible] ...частицы *не*. Это крайняя противопо-
[illegible] ...оположность столь же односторонняя,
[illegible] ...тестъ личной свободы отчаявшейся въ
[illegible] ...во неискусственное, но протестъ не вы-
[illegible] ...азорванныхъ, одно другому противопо-
[illegible] ...орыхъ одно воплотилось въ Романскомъ
[illegible] ... Подобно тому какъ латинство, въ окон-
[illegible] ... ограничивается требованіемъ внѣшняго
[illegible] ...ны облеченной въ образъ церковнаго са-
[illegible] ... протестантство, жертвуя всякимъ объек-
[illegible] ...щается наконецъ къ изолированной лично-
[illegible] ...емъ искренности и подчиняетъ всѣ формы
[illegible] ...алу, то есть сдѣлкѣ, въ которой личный ин-
[illegible] ...ніемъ и нормою. Оттого, не смотря на про-
[illegible] ... воззрѣній и привычекъ, протестантская Ев-
[illegible] ...ебности къ Латинству, внутренно сознаетъ свое
[illegible] ... и проклиная папу, въ то же время всѣми своими
[illegible] ... къ Польшѣ предносящей въ ея борьбѣ съ Рос-
[illegible] ...Въ вопросѣ, гдѣ противопоставляется латинская
[illegible] ...Россіи, кардиналъ представитель папы и англій-
[illegible] ...ствуютъ одному. Только въ этомъ они и сходятся.
[illegible] ...ъ еще: „какъ убѣдиться, что изъ множества сво-
[illegible] ...можетъ выработаться органическое и прочное един-
[illegible] ...знать, что православное начало дѣйствительно хра-
[illegible] ...живаго явленія двѣ отвлеченныя крайности, распав-
[illegible] ...мъ мірѣ на противоположные полюсы? Можетъ быть,
[illegible] ...а полнота, есть только начальное безразличіе, по су-
[illegible] ...неустойчивое? Можетъ быть, и славянская общинность
[illegible] ...къ признакъ первобытной неразвитости? Гдѣ ручатель-
[illegible] ...указанныхъ началахъ лежитъ дѣйствительно зародышъ
[illegible] ...будущности?“

[illegible] ...азъ, мы позволимъ себя отвѣтить сомнѣвающимся словами

[illegible] ...r's nicht fühlt, Jhr werdet's nicht erjagen *), и обратить ихъ
[illegible] ...нымъ брошюрамъ покойнаго Хомякова и къ статьямъ г. Гиль-
[illegible] ...ченіи Польши къ Славянскомъ мірѣ, напечатаннымъ



и взяточничество не только разрѣшаются, но возводятся на степень обязательныхъ подвиговъ. Невольно задаешь себѣ вопросъ? чѣмъ могли до такой степени помутиться и извратиться всѣ самыя коренныя нравственныя понятія въ цѣломъ обществѣ, у котораго нельзя же отнять врожденнаго смысла для разумѣнія добра и зла? Какъ объяснить это помраченіе совѣсти? Вникнувъ въ дѣло мы убѣдимся, что это прямое послѣдствіе Латинскаго представленія объ отношеніяхъ правящей церкви къ подвластнымъ ей душамъ. Личность исчезаетъ въ церкви, теряетъ всѣ свои права и дѣлается какъ бы мертвою, составною частицею цѣлаго. Изъ нея, изъ этой частицы, т. е. изъ души человѣческой, вырѣзывается самая неприкосновенная ея святыня—совѣсть, и отдается церкви: личная совѣсть исчезаетъ въ какой-то собирательной совѣсти, которая олицетворяется въ церкви и которой единственнымъ органомъ служитъ ея воинство; и такъ какъ церковь свята и не погрѣшима, то интересъ ея совпадаетъ съ закономъ нравственнымъ. Что полезно для церкви, то благо, что для нея вредно, то зло. Прослѣдите такимъ образомъ, до психологической ихъ основы, всѣ историческія явленія которыми сопровождалась прививка Латинства къ Славянской стихіи—образованіе ненародной, строго замкнутой и притянутой къ Риму іерархіи, постепенное возникновеніе около нея аристократіи вѣнно-политической, отторженіе власти отъ подданныхъ, высшихъ слоевъ общества отъ низшихъ, быстрое развитіе цивилизаціи непроникающей въ народныя массы и постепенное сгущеніе тьмы въ низменныхъ слояхъ общества и т. д.—и вы убѣдитесь, что все это совершилось не случайно.

Историческая задача Латинства состояла въ томъ, чтобы отвлечь отъ живаго организма церкви идею единства, понятаго какъ власть, облечь ее въ видимый символъ, поставить, такъ сказать, надъ церковью полное олицетвореніе ея самой, и черезъ это превратить единеніе вѣры и любви въ юридическое признаніе, а членовъ церкви въ подданныхъ ея главы. Эта задача, перенесенная въ міръ Славянскій, въ историческую среду общинности, не въ тѣсномъ только значеніи совокупленія экономическихъ интересовъ, но въ самомъ широкомъ смыслѣ множества, свободно слагающагося въ живое, органическое единство, должна была возмутить естественное развитіе народной жизни до послѣдней ея глубины. Дѣйствительно, Латинство, по свойству внутреннихъ побужденій, изъ которыхъ оно возникло, было враждебно въ одинаковой степени: общинности, этой характеристической племенной особенности Славянства, и началу соборнаго согласія, на которомъ построена и держится православная церковь. Понятно, что разрывъ въ предѣлахъ церковной общины приводитъ неминуемо къ разрыву общины гражданской, и что на оборотъ, среда, въ которой предназначено было развиться историческимъ силамъ Славянства, такъ сказать предопредѣлялась внутреннимъ сродствомъ двухъ указанныхъ выше началъ—общинности и соборности.

Если намъ возразятъ, что и западно-европейская жизнь не вся же улеглась въ опредѣленіяхъ и формахъ латинства, но открыла себѣ новую духовную среду въ протестантскомъ мірѣ, то мы отвѣтимъ, что протестанство есть то же латинство, только обращенное въ отрицаніе, латинство съ придачею къ нему частицы *не*. Это крайняя противоположность латинства, но противоположность столь же односторонняя, какъ и оно. Это страстный протестъ личной свободы отчаявшейся въ возможности осуществить единство неискусственное, но протестъ не выходящій изъ круга тѣхъ же разорванныхъ, одно другому противопоставленныхъ понятій, изъ которыхъ одно воплотилось въ Романскомъ мірѣ, а другое въ Германскомъ. Подобно тому какъ латинство, въ окончательномъ своемъ результатѣ, ограничивается требованіемъ внѣшняго юридическаго признанія истины облеченной въ образъ церковнаго самодержавія, такъ наоборотъ протестантство, жертвуя всякимъ объективнымъ содержаніемъ, обращается наконецъ къ изолированной личности съ простымъ требованіемъ искренности и подчиняетъ всѣ формы общежитія договорному началу, то есть сдѣлкѣ, въ которой личный интересъ служитъ и побужденіемъ и нормою. Оттого, не смотря на противоположность вѣрованій, воззрѣній и привычекъ, протестантская Европа, при всей ея враждебности къ Латинству, внутренно сознаетъ свое тѣсное съ нимъ родство и проклиная папу, въ то же время всѣми своими сочувствіями склоняется къ Польшѣ предносящей въ ея борьбѣ съ Россіею римское знамя. Въ вопросѣ, гдѣ противопоставляется латинская Польша православной Россіи, кардиналъ представитель папы и англійскій экономистъ сочувствуютъ одному. Только въ этомъ они и сходятся.

Но, спросятъ насъ еще: „какъ убѣдиться, что изъ множества свободныхъ стремленій можетъ выработаться органическое и прочное единство? Почему намъ знать, что православное начало дѣйствительно хранитъ въ полнотѣ живаго явленія двѣ отвлеченныя крайности, распавшіяся въ западномъ мірѣ на противоположные полюсы? Можетъ быть, это единство, эта полнота, есть только начальное безразличіе, по существу своему неустойчивое? Можетъ быть, и славянская общинность ничто иное, какъ признакъ первобытной неразвитости? Гдѣ ручательство, что въ указанныхъ началахъ лежитъ дѣйствительно зародышъ своеобразной будущности?“

На сей разъ, мы позволимъ себя отвѣтить сомнѣвающимся словами Фауста:

Wenn ihr's nicht fühlt, Ihr werdet's nicht erjagen *), и обратить ихъ къ извѣстнымъ брошюрамъ покойнаго Хомякова и къ статьямъ г. Гильфердинга о значеніи Польши въ Славянскомъ мірѣ, напечатаннымъ въ Днѣ.

*) Если вы этого не чувствуете, то никогда и не уловите.

Впрочемъ, свидѣтельство исторіи (участіе Поляковъ въ подавленіи Гусситовъ, въ іезуитскихъ гоненіяхъ, въ походахъ Наполеона, въ Турецкихъ рѣзняхъ) само по себѣ достаточно уясняетъ, чего можетъ ожидать для себя Славянство въ будущемъ отъ государственнаго возрожденія Польши на тѣхъ самыхъ началахъ, которымъ она доселѣ служила. Но сдѣлавшись отравленнымъ мечемъ и орудіемъ гибели для другихъ, сама Польша, какъ племя Славянское, хотя и измѣнившее своей природѣ, должна была прежде всѣхъ заразиться тою же отравою; дѣйствительно, ту же враждебную силу, во имя которой она ополчалась на своихъ братьевъ, она внесла въ свою плоть и кровь. Далѣе самоубійства, ни отдѣльное лице, ни народъ идти не можетъ. Польша дошла до этого предѣла, но переродиться въ племя не Славянское, измѣнить свою природу или промѣнять ее на другую, она всетаки не смогла. Это чувствуютъ Поляки, еще болѣе чувствуетъ Европа. Въ отплату за ихъ усердіе и восторженное поклоненіе, она снисходительно принимаетъ ихъ службу противъ Славяно-Православнаго міра, одобряетъ ихъ, соболѣзнуетъ и сочувствуетъ имъ. Дѣло въ томъ, что въ складѣ не только Русской, но и Польской жизни, на сколько она сохранила отпечатокъ Славянства, Европа встрѣчаетъ какую-то темную, загадочную сторону, какія-то для нея необъяснимыя требованія и одинаково необъяснимую неспособность удовлетвориться тѣми началами и формами общежитія, въ которыхъ улеглась Латинская природа.

Незрѣлыя мечтанія Поляковъ о всепримиряющей любви, какъ основѣ общежитія, ихъ дознанная неспособность подчиниться какому либо внѣшнему порядку, ихъ ревнивое обереганіе личной свободы, доходящее до отрицанія всякой условности въ сферѣ политической, вся эта осмѣянная неустойчивость, это безпокойное метаніе, заклейменное ироническимъ терминомъ der Polnischen Wirtschaft, все это ничто иное, какъ живыя улики неспособности Славянской природы окончательно ужиться въ тискахъ Латинства. Въ самомъ дѣлѣ, отчего въ XVII вѣкѣ, въ то время какъ въ сосѣднихъ земляхъ, не безъ тяжелыхъ жертвъ всякаго рода сплачивалась государственное единство, въ одной просвѣщенной и начитанной Польшѣ власть не только не крѣпла, а напротивъ отступала шагъ за шагомъ передъ небывалою въ мірѣ силою правильно организованнаго своеволія? Не оттого ли это произошло, что она переносила въ область условныхъ отношеній, безъ которыхъ немыслима никакая политическая организація, предносившійся ей идеалъ общежитія, которому въ области духа Латинство не дало развиться? Даже въ новѣйшее время въ мистицизмѣ Польскихъ поэтовъ, историковъ и публицистовъ, не трудно усмотрѣть отрывочные проблески народной стихіи, выражающіеся то скорбными воспоминаніями о чемъ-то давно утраченномъ, то неясными откровеніями другой, лучшей природы, изрѣдка озаряющими личное сознаніе? Но все, что исходило

прямо отъ этой забитой природы, всегда принимало нестройную форму дикаго своеволія или фантастическаго бреда; все это было и остается безплоднымъ именно потому, что какъ въ былыя времена, такъ и теперь, народные инстинкты Польши прорывались въ средѣ закабаленной враждебному имъ вачалу, которое не могло ни поддержать ихъ, ни умѣрить.

Европа сознаетъ это по своему и презираетъ Поляковъ за безуспѣшность ихъ вѣковыхъ усилій вполнѣ себя самихъ передѣлать по образу ея и подобію; Европа, съ своей точки зрѣнія права и большаго отъ нея нельзя и требовать; но мы Русскіе, въ этомъ отношеніи, не вполнѣ передъ Полякми правы. Мы слишкомъ легкомысленно подписали приговоръ о ихъ несостоятельности и не умѣли ни оцѣнить, ни даже опознать Славянской струи, вопреки всему, пробѣгающей въ ихъ политической исторіи и въ ихъ литературѣ. Мы не рѣдко относившіеся слишкомъ снисходительно къ ихъ историческимъ преступленіямъ и ошибкамъ, не умѣли въ ихъ собственныхъ глазахъ оправдать именно то, что мы одни могли понять и уяснить другимъ, эти невольные проблески сочувственной намъ народной стихіи.

Можетъ быть, намъ удастся когда нибудь развить подробнѣе эту тему, только мимоходомъ нами затронутую, а теперь мы спѣшимъ къ заключенію.

Какъ двѣ души, заключенныя въ одномъ тѣлѣ, Славянство и Латинство вели и до селѣ ведутъ внутри самой Польши борьбу не примиримую на жизнь и смерть. Въ ней-то и заключается глубокій трагическій интересъ Польской исторіи и отъ невѣдомаго ея исхода зависитъ будущность Польши. Это не международная, а внутренняя, домашняя ея тяжба, вопросъ народной совѣсти. Какимъ бы добровольнымъ истязаніемъ ни подвергала себя Польша, какъ бы ни бичевала себя, чтобъ окончательно очиститься въ глазахъ Латинства отъ первороднаго грѣха своей Славянской крови, ей не переродиться; будущность ея, если только для нея есть будущность—въ Славянскомъ мірѣ и въ дружномъ общеніи со всѣми ей сродными племенами, а не въ хвостѣ Латинства. Но, спрашивается: достанетъ ли въ ней силы, чтобы сознать свою историческую измѣну Славянству, и притупить въ себѣ отравленное жало Латинства, которое она съ такою любовію носила и носитъ въ своемъ сердцѣ?... И такъ, всестороннее разсмотрѣніе Польскаго вопроса приводитъ насъ къ заключенію, что все построеніе политико—соціальныхъ притязаній Польши основано на двухъ противорѣчіяхъ:

Во имя своей народности, она требуетъ для себя политическаго господства надъ другими, равноправными съ нею народностями и оправдываетъ это притязаніе обѣтомъ—служить оружіемъ просвѣтительному началу, которое сгубило и губитъ ея внутреннюю жизнь.

Уяснивъ себѣ объемъ и содержаніе Польскаго вопроса или точнѣе: вопросовъ, подразумѣваемыхъ подъ общимъ названіемъ Польскаго, мы можемъ теперь отдать себѣ отчетъ въ возможныхъ способахъ ихъ разрѣшенія, но для этого необходимо согласиться въ томъ, что разумѣть подъ словомъ разрѣшеніе.

Оно понимается у насъ въ двоякомъ смыслѣ. Нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ подъ разрѣшеніемъ Польскаго вопроса разумѣютъ устраненіе самихъ поводовъ къ періодическимъ судорогамъ Польши. Очевидно, что только такое разрѣшеніе и можетъ считаться окончательнымъ и полнымъ. Оно должно непремѣнно обнять всѣ стороны вопроса и удовлетворить Поляковъ. Внѣ этого послѣдняго условія, окончательное и полное разрѣшеніе вопроса немыслимо. Изъ всѣхъ предположеній, въ этомъ смыслѣ у насъ задуманныхъ, особенно выдалось одно, предъявленное Русскимъ Вѣстникомъ и Московскими Вѣдомостями; а именно: о полномъ сліяніи Россіи и Польши, въ формѣ общаго государственнаго представительства, основаннаго на коренныхъ началахъ Русскаго политическаго быта.

Какъ проэктъ окончательнаго разрѣшенія Польскаго вопроса, это предположеніе, кажется намъ, грѣшитъ своею узкостью и свидѣтельствуетъ о непониманіи всей глубины вопроса. По самому существу своему, какъ историческая тяжба двухъ просвѣтительныхъ началъ, олицетворившихся въ двухъ народностяхъ, онъ не умѣщается въ области политики, и потому нельзя ожидать полнаго и окончательнаго его разрѣшенія ни отъ исхода генеральной баталіи, ни отъ послѣдствія дипломатической компаніи, ни отъ какого бы то ни было преобразованія въ нашемъ государственномъ устройствѣ. Польша потому враждуетъ съ Россіею, что та и другая носятъ въ себѣ совершенно различные идеалы религіозные и политическіе; объ при этомъ сознаютъ эту разницу. Поэтому, политическое представительство, задуманное на Русскихъ началахъ, какъ понимаетъ ихъ Русскій Вѣстникъ, то есть, безъ принудительной власти и въ смыслѣ организаціи общественнаго мнѣнія было бы также непонятно для Поляковъ, также не сродно и не сочувственно имъ, какъ церковь безъ папы, олицетворяющаго въ себѣ ея непогрѣшимость и всѣ духовные ея дары. И власть со всѣми ея аттрибутами, и политическую свободу, Поляки понимаютъ не такъ, какъ мы: то, въ чемъ бы мы нашли удовлетвореніе, показалось бы имъ горькою насмѣшкою, и проэктъ государственнаго учрежденія составленный по плану Московскихъ Вѣдомостей, былъ бы ими принятъ какъ новое посягательство на ихъ національность; это было бы, въ полномъ смыслѣ, не сліяніе, а поглощеніе Польши Россіею, поглощеніе, въ которомъ бы на долю первой выпала чисто пассивная роль подчиненія внѣшней силѣ. Можно ожидать политическаго сліянія, какъ послѣдствія внутренняго перерожденія и духовнаго примиренія, но нельзя

предполагать обратнаго, то есть умиротворенія и соглашенія посредствомъ насильственнаго и внѣшняго сочетанія. Мѣра, предположенная Московскими Вѣдомостями, даже не прекратила бы борьбы, а только открыла бы ей новое, болѣе широкое поприще, не на одной окраинѣ, а въ самомъ средоточіи нашей политической жизни. Такая борьба была бы совершенно безплодна для разрѣшенія Польскаго вопроса, но далеко не безопасна для Россіи, при той узкости и шаткости народнаго самосознанія, которую ежедневно обнаруживаютъ самые искренніе и даровитые поборники ея политическихъ интересовъ.

„Газета День“, не формулируя окончательнаго разрѣшенія, предложила только путь къ нему, а именно: опросъ самой Польши, всей Польской націи въ полномъ ея составѣ, съ тѣмъ, чтобы вызвать собственный ея голосъ и отъ нея самой узнать ея потребности и желанія. Но предварительно Газета День признала необходимымъ усмирить мятежъ и ввести новый элементъ, крестьянство, въ гражданскую жизнь Польши. По нашему мнѣнію, такой всенародный опросъ могъ бы привести къ положительнымъ результатамъ только въ томъ случаѣ, еслибъ сама Польша была съ собою согласна, то есть, не носила бы въ себѣ внутренняго раздвоенія. Но тогда бы не было и Польскаго вопроса въ томъ объемѣ въ какомъ онъ намъ теперь представляется. Сосудъ надломанный, сверху до низу треснувшій, не издастъ цѣлаго звука; по той же причинѣ Польша не способна подать отъ себя голоса, который бы выразилъ полноту яснаго, дѣйствительно народнаго самосознанія. Сколько разъ она сама себя спрашивала о томъ, чего она хочетъ, и никогда не могла дать самой себѣ отвѣта, уразумѣть самое себя. Повторенная попытка привела бы только къ тому, что мы получили бы отвѣтъ чисто отрицательный, то есть, въ сотый разъ повторенное нежеланіе жить въ союзѣ съ Россіею и еще разъ убѣдились бы, что никакой положительной основы для своей исторической будущности Польша не извлекла изъ вѣковыхъ своихъ опытовъ. Лишній разъ повторяли бы мы: qu'elle n'a rien oublié et n'a rien appris.

Окончательное разрѣшеніе Польскаго вопроса, такое разрѣшеніе, которое бы удовлетворило Поляковъ, немыслимо безъ коренпаго, духовнаго ихъ возрожденія. Нужно, чтобъ Польша отреклась отъ своего союза съ Латинскимъ и наконецъ помирились бы съ мыслію быть только собою, то есть однимъ изъ племенъ Славянскихъ, служащимъ одному съ ними историческому призванію; нужно, съ другой стороны, чтобы Россія рѣшилась и съумѣла сдѣлаться вполнѣ собою, то есть, историческимъ представительствомъ Православно-Славянской стихіи. Иными словами: нужно торжество не военное и не дипломатическое, а торжесто свободно признанное одного просвѣтительнаго начала надъ другимъ. Въ этомъ смыслѣ повторимъ слова г. Страхова: „Польскій вопросъ есть и долго будетъ вопросомъ Русскимъ“. На этомъ словѣ

насъ конечно перервутъ обычныя восклицанія: „да это мечта! Это невозможно, немыслимо! Какъ ожидать перерожденія цѣлаго племени?“ и т. д. Но мы и не давали обязательства изобрѣсти окончательное разрѣшеніе Польскаго вопроса, которое бы могло осуществиться скоро и легко. Напротивъ, далеко не считая духовнаго примиренія Польши съ Россіею дѣломъ рѣшительно и на всегда невозможнымъ, мало того, питая про себя полную вѣру въ его несомнѣнность, мы именно потому и взялись теперь за перо, что желали бы всѣхъ убѣдить, что мы напрасно убаюкиваемъ себя надеждою на возможность достигнуть полнаго, окончательнаго и скораго разрѣшенія какими бы то ни было мѣрами административными, или политическими. Если удалось это доказать, то половина цѣли достигнута; а именно: собственно политическій вопросъ очистился и уже не выйдетъ изъ свойственныхъ ему предѣловъ.

Силою историческихъ обстоятельствъ, вопросъ народной совѣсти сдѣлался вопросомъ государственнымъ, а вопросъ государственный принялъ размѣры обще-Европейскаго. Вѣковая тяжба Славянства съ Латинствомъ изъ области духа перешла въ лѣса Литвы и въ кабинеты дипломатовъ; льется кровь, пылаютъ села, вернулись давно забытыя времена разбоевъ подъ знаменемъ креста и мученичествъ достойныхъ первыхъ временъ христіанства. Европа взволновалась и грозитъ намъ новою коалиціею; наконецъ нашла голосъ и Русская земля... Эти явленія переносятъ насъ въ другую область Польскаго вопроса и побуждаютъ искать на него отвѣта, но уже не въ прежнемъ смыслѣ. Здѣсь въ области политическихъ кимбинацій, и слово разрѣшеніе получаетъ иное, ограниченное значеніе. Перейдя въ эту область, мы должны, во первыхъ, откинуть всякую надежду найти въ ней разрѣшеніе окончательное и полное; во вторыхъ, мы должны знать напередъ, что мы не удовлетворимъ Поляковъ; цѣль наша должна состоятъ только въ томъ, чтобъ сдѣлать ихъ для Россіи безвредными и потому изысканіе средствъ обусловливается уже исключительно интересами Россіи въ предѣлахъ политически и нравственно возможнаго; наконецъ, въ выборѣ средствъ и въ постановкѣ отдѣльныхъ задачъ, изъ которыхъ слагается эта общая цѣль, мы не должны забѣгать впередъ, но строго держаться той послѣдовательности, въ какой онѣ сами возникаютъ. Эта сторона вопроса, политическая сторона, теперь уже на столько разработана, что намъ остается лишь собрать воедино результаты усвоенные нашимъ общественнымъ сознаніемъ.

Прежде всего. необходимо въ Царствѣ Польскомъ подавить мятежъ, употребивъ на то самыя дѣйствительныя мѣры и отнюдь не подчиняясь въ выборѣ ихъ тѣмъ или другимъ предположеніямъ касающимся разрѣшенія общаго вопроса о будущей судьбѣ Польши. Двѣ самыя необходимыя мѣры уже указаны: подчиненіе въ Царствѣ всего гражданскаго управленія военному, и улучшеніе хозяйственнаго быта

крестьянъ при единовременномъ устройствѣ сельскаго-общественнаго управленія.

Возможно—скорое подавленія мятежа, во что бы ни стало, есть дѣло крайней и неотлагательной необходимости, между прочимъ и потому, во первыхъ, что безъ этого невозможно очистить почву для дальнѣйшихъ распоряженій въ Русскихъ Западныхъ губерніяхъ и въ Украйнѣ; во вторыхъ, что вразумленіе Поляковъ и обращеніе ихъ на другой путь немыслимо безъ предварительнаго и окончательнаго крушенія ихъ надежды—взять свое силою оружія и Европейскаго за нихъ ходатайства.

Единовременно необходимо локализировать политическій вопросъ о Польшѣ въ предѣлахъ Царства, подрѣзавъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ и на Украйнѣ всѣ корни полонизма и обезпечивъ преобладаніе Русской и Православной стихіи надъ Латино-Польскою. Съ этого цѣлью прекращаются обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и вводится обязательный выкупъ; собственно въ Западномъ Краѣ мѣстная власть передана изъ Польскихъ рукъ въ болѣе надежныя; предполагается улучшить хозяйственный бытъ православнаго духовенства и учредить народныя школы. Прибавимъ, что школы должны быть непремѣнно въ вѣдѣніи православнаго духовенства, а не въ чьемъ либо другомъ; что учрежденіе ихъ должно имѣть цѣлью распространеніе просвѣщенія православно-Русскаго, а не общей цивилизаціи, то есть, не набора безсвязныхъ, мертвыхъ и безхарактерныхъ свѣдѣній; что иначе, новыя народныя школы, подобно старымъ училищамъ, черезъ годъ превратились бы неминуемо въ передовые посты Латино-Польской пропаганды; что необходимо облегчить и поощрить возстановленіе древнихъ православныхъ братствъ; что мировыя учрежденія должны быть преобразованы во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ окажется невозможнымъ устранить изъ нихъ Польско—помѣщичій элементъ; наконецъ, что ожидаемыя земско-хозяйственныя учрежденія, если только составъ ихъ будетъ приспособленъ къ условіямъ Западныхъ губерній и Украины и если въ особенности несчастная мысль объ устраненіи изъ нихъ православнаго духовенства будетъ отвергнута, могутъ служить самымъ надежнымъ орудіемъ для обезпеченія въ мѣстномъ обществѣ рѣшительнаго перевѣса Русской стихіи надъ Польскою.

Когда законная сила окончательно подавитъ мятежъ въ Царствѣ Польскомъ, въ Западныхъ губерніяхъ и на Украйнѣ, когда въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ Россіи народная сила станетъ на ноги и пріобрѣтетъ достаточныя средства для самосохраненія и саморазвитія, Польскій политическій вопросъ будетъ въ рукахъ Россіи.

Мы должны непремѣнно завоевать его, снова отбить его у другихъ и взять въ свои руки, каковы бы ни были наши дальнѣйшіе виды относительно Царства. Само собою разумѣется, что виды эти будутъ

насъ конечно перервутъ обычныя восклицанія: „да это мечта! Это невозможно, немыслимо! Какъ ожидать перерожденія цѣлаго племени?“ и т. д. Но мы и не давали обязательства изобрѣсти окончательное разрѣшеніе Польскаго вопроса, которое бы могло осуществиться скоро и легко. Напротивъ, далеко не считая духовнаго примиренія Польши съ Россіею дѣломъ рѣшительно и на всегда невозможнымъ, мало того, питая про себя полную вѣру въ его несомнѣнность, мы именно потому и взялись теперь за перо, что желали бы всѣхъ убѣдить, что мы напрасно убаюкиваемъ себя надеждою на возможность достигнуть полнаго, окончательнаго и скораго разрѣшенія какими бы то ни было мѣрами административными, или политическими. Если удалось это доказать, то половина цѣли достигнута; а именно: собственно политическій вопросъ очистился и уже не выйдетъ изъ свойственныхъ ему предѣловъ.

Силою историческихъ обстоятельствъ, вопросъ народной совѣсти сдѣлался вопросомъ государственнымъ, а вопросъ государственный принялъ размѣры обще-Европейскаго. Вѣковая тяжба Славянства съ Латинствомъ изъ области духа перешла въ лѣса Литвы и въ кабинеты дипломатовъ; льется кровь, пылаютъ села, вернулись давно забытыя времена разбоевъ подъ знаменемъ креста и мученичествъ достойныхъ первыхъ временъ христіанства. Европа взволновалась и грозитъ намъ новою коалиціею; наконецъ нашла голосъ и Русская земля... Эти явленія переносятъ насъ въ другую область Польскаго вопроса и побуждаютъ искать на него отвѣта, но уже не въ прежнемъ смыслѣ. Здѣсь въ области политическихъ кимбинацій, и слово разрѣшеніе получаетъ иное, ограниченное значеніе. Перейдя въ эту область, мы должны, во первыхъ, откинуть всякую надежду найти въ ней разрѣшеніе окончательное и полное; во вторыхъ, мы должны знать напередъ, что мы не удовлетворимъ Поляковъ; цѣль наша должна состоятъ только въ томъ, чтобъ сдѣлать ихъ для Россіи безвредными и потому изысканіе средствъ обусловливается уже исключительно интересами Россіи въ предѣлахъ политически и нравственно возможнаго; наконецъ, въ выборѣ средствъ и въ постановкѣ отдѣльныхъ задачъ, изъ которыхъ слагается эта общая цѣль, мы не должны забѣгать впередъ, но строго держаться той послѣдовательности, въ какой онѣ сами возникаютъ. Эта сторона вопроса, политическая сторона, теперь уже на столько разработана, что намъ остается лишь собрать воедино результаты усвоенные нашимъ общественнымъ сознаніемъ.

Прежде всего. необходимо въ Царствѣ Польскомъ подавить мятежъ, употребивъ на то самыя дѣйствительныя мѣры и отнюдь не подчиняясь въ выборѣ ихъ тѣмъ или другимъ предположеніямъ касающимся разрѣшенія общаго вопроса о будущей судьбѣ Польши. Двѣ самыя необходимыя мѣры уже указаны: подчиненіе въ Царствѣ всего гражданскаго управленія военному, и улучшеніе хозяйственнаго быт.

крестьянъ при единовременномъ устройствѣ сельскаго-общественнаго управленія.

Возможно—скорое подавленія мятежа, во что бы ни стало, есть дѣло крайней и неотлагательной необходимости, между прочимъ и потому, во первыхъ, что безъ этого невозможно очистить почву для дальнѣйшихъ распоряженій въ Русскихъ Западныхъ губерніяхъ и въ Украйнѣ; во вторыхъ, что вразумленіе Поляковъ и обращеніе ихъ на другой путь немыслимо безъ предварительнаго и окончательнаго крушенія ихъ надежды—взять свое силою оружія и Европейскаго за нихъ ходатайства.

Единовременно необходимо локализировать политическій вопросъ о Польшѣ въ предѣлахъ Царства, подрѣзавъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ и на Украйнѣ всѣ корни полонизма и обезпечивъ преобладаніе Русской и Православной стихіи надъ Латино-Польскою. Съ этого цѣлью прекращаются обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и вводится обязательный выкупъ; собственно въ Западномъ Краѣ мѣстная власть передана изъ Польскихъ рукъ въ болѣе надежныя; предполагается улучшить хозяйственный бытъ православнаго духовенства и учредить народныя школы. Прибавимъ, что школы должны быть непремѣнно въ вѣдѣніи православнаго духовенства, а не въ чьемъ либо другомъ; что учрежденіе ихъ должно имѣть цѣлью распространеніе просвѣщенія православно-Русскаго, а не общей цивилизаціи, то есть, не набора безсвязныхъ, мертвыхъ и безхарактерныхъ свѣдѣній; что иначе, новыя народныя школы, подобно старымъ училищамъ, черезъ годъ превратились бы неминуемо въ передовые посты Латино-Польской пропаганды; что необходимо облегчить и поощрить возстановленіе древнихъ православныхъ братствъ; что мировыя учрежденія должны быть преобразованы во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ окажется невозможнымъ устранить изъ нихъ Польско—помѣщичій элементъ; наконецъ, что ожидаемыя земско-хозяйственныя учрежденія, если только составъ ихъ будетъ приспособленъ къ условіямъ Западныхъ губерній и Украины и если въ особенности несчастная мысль объ устраненіи изъ нихъ православнаго духовенства будетъ отвергнута, могутъ служить самымъ надежнымъ орудіемъ для обезпеченія въ мѣстномъ обществѣ рѣшительнаго перевѣса Русской стихіи надъ Польскою.

Когда законная сила окончательно подавитъ мятежъ въ Царствѣ Польскомъ, въ Западныхъ губерніяхъ и на Украйнѣ, когда въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ Россіи народная сила станетъ на ноги и пріобрѣтетъ достаточныя средства для самосохраненія и саморазвитія, Польскій политическій вопросъ будетъ въ рукахъ Россіи.

Мы должны непремѣнно завоевать его, снова отбить его у другихъ и взять въ свои руки, каковы бы ни были наши дальнѣйшіе виды относительно Царства. Само собою разумѣется, что виды эти будутъ

зависѣть не отъ одной нашей воли, но и отъ совокупности многихъ обстоятельствъ. Это вопросъ не настоящаго, а будущаго, и теперь можно только указать на тѣ пути къ разрѣшенію политическаго вопроса о Царствѣ, которые откроются для Россіи. Таковыхъ путей можетъ быть только два, не болѣе: во первыхъ, нераздѣльное сочетаніе Польши съ Россіею учрежденіемъ въ первой—власти сосредоточенной въ Русскихъ рукахъ и на столько сильной, чтобъ убѣдить Поляковъ въ безнадежности всякаго возстанія; во вторыхъ, добровольное и полное отреченіе Россіи отъ Польскаго царства.

Всѣ промежуточныя комбинаціи, какъ напримѣръ, политическая раздѣльность подъ скипетромъ одной династіи, или приближающаяся къ полной раздѣльности административная автономія, осуждены опытомъ и въ будущемъ не должны повторяться. Нераздѣльное сочетаніе можетъ, разумѣется, осуществиться въ формѣ военной диктатуры и въ другой, менѣе рѣзкой, допускающей въ извѣстныхъ границахъ участіе народонаселенія въ дѣлахъ мѣстнаго управленія. Выборъ той или другой формы зависѣть будетъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и отъ общаго политическаго настроенія края; но каково бы оно ни было, правительство должно удерживать за собою полную свободу дѣйствій и не связывать себя никакими обязательствами въ примѣненіи той или другой системы внутренняго управленія.

Другой исходъ, то есть отреченіе отъ Польскаго царства, самъ по себѣ не заключаетъ ничего ни невозможнаго, ни безусловно противнаго интересамъ Россіи. Мы высказываемъ въ этомъ отношеніи убѣжденіе наше прямо и откровенно и просимъ только понять, что мы говоримъ объ этомъ исходѣ вообще, не въ отношеніи къ настоящей минутѣ и не къ ближайшей будущности, что мы вовсе не рекомендуемъ его, а только считаемъ его при извѣстныхъ, благопріятныхъ обстоятельствахъ возможнымъ... Во всякомъ слулаѣ, этотъ вопросъ еще далеко впереди отъ насъ. Довлѣетъ дневи злоба его, то есть, забота—теперь на насъ лежащая; ея и такъ довольно; но, къ счастью, мы ужъ успѣли въ ней оглядѣться и уяснить себѣ, чего отъ насъ требуетъ наше время.

Въ чемъ искать разрѣшенія Польскому вопросу? *)

Гильфердинга.

Съ полъ-года тому назадъ мы прочли въ газетахъ о ночномъ нападеніи вооруженныхъ людей на наши войска въ царствѣ Польскомъ; и то, что могло казаться когда то мимолетною вспышкою нѣсколькихъ безумцевъ, приняло вдругъ размѣры громаднаго государственнаго вопроса для всей Россіи, поглотило все ея вниманіе, привело въ напряженіе всѣ ея силы.

Разумѣется, возстаніе въ царствѣ Польскомъ получило такое огромное значеніе для насъ не вслѣдствіе матеріальныхъ успѣховъ нашихъ противниковъ, а по причинѣ европейскаго вмѣшательства. Но и вмѣшательство Европы отозвалось у насъ такой патріотической тревогой не потому единственно, что оно затронуло нашу честь, достоинство нашего народа и государства, и грозитъ намъ опасностями войны съ могущественнѣйшими державами запада; сила впечатлѣнія, произведеннаго у насъ попытками европейскаго вмѣшательства, принадлежитъ, безспорно, въ значительной долѣ и самому характеру вопроса, сдѣлавшагося предметомъ вмѣшательства, сознательному или инстиктивному пониманію того значенія, какое Польскій вопросъ имѣетъ для Россіи.

Польша есть больное мѣсто Россіи: это сдѣлалось афоризмомъ въ Европѣ, и нѣтъ ничего вѣрнѣе, только афоризму этому надобно дать нѣсколько другой смыслъ, нежели въ какомъ онъ обыкновенно произносится. Польша есть больное мѣсто Россіи не тому потолько, что это безпокойная, неугомонная страна, которою мудрено править и которая вѣчно грозитъ бунтомъ; а, главное, потому, что Польша ставитъ Россію

---

*) Въ послѣднемъ прибавленіи къ нашей газетѣ мы передали заимствованныя нами изъ нѣмецкихъ газетъ воззванія польскихъ революціонеровъ къ польской націи и къ правительствамъ Европы, и тогда же обѣщали подробно поговорить о претензіяхъ поляковъ на наши западныя провинціи.—Изъ помѣщаемой сегодня статьи т. Гильфердинга читатель можетъ убѣдиться, въ чемъ состоятъ эти претензіи и на сколько онѣ, не говоримъ уже основательны и законны, а справедливы и человѣчны.

(Прим. Ред. „Дня“).

въ постоянное внутреннее противорѣчіе съ самой собою и тѣмъ отнимаетъ у нея свободу дѣйствія.

Россія, по своему значенію, есть держава по преимуществу славянская, единственная въ Европѣ представительница славянскаго племени. При этомъ русскій народъ, по своему характеру, не есть народъ, склонный къ угнетенію чужихъ племенъ, и въ славянской Россіи другія, неславянскія народности, вошедшія въ составъ нашего государства, не поставлены въ худшее положеніе, нежели русскіе, а иногда пользуются лучшимъ положеніемъ. Финляндецъ, остзеецъ, закавказскій житель не скажутъ, чтобы финская или шведская, чтобы нѣмецкая, грузинская, армянская народности были угнетены русскою; а между тѣмъ единственная славянская народность, которую славянская Россія присоединила къ своему государству, играетъ въ немъ роль жертвы, взываетъ на всю Европу о своемъ угнетеніи, приглашаетъ всѣ не славянскіе народы освободить ее отъ русской власти!...

Вдумаемся въ этотъ фактъ, и мы поймемъ, въ какое противорѣчіе онъ насъ ставитъ. Мы влечемся искреннимъ сочувствіемъ ко всякому благородному подвигу у народовъ Европы; мы порываемся вѣрить въ высокую задачу нашего народа, нашего отечества; мы порываемся вѣрить, что Россія призвана

Хранить племенъ святое братство,
Любви живительный сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ....

И вотъ мы оглядываемся вокругъ себя, и насъ встрѣчаетъ Польша, и вмѣсто любви и «святаго братства племенъ», вмѣсто того, чтобы быть «носителями правды и безкровнаго суда», мы видимъ, что насъ считаютъ палачами; мы видимъ себя предметомъ племенной вражды и ненависти, простирающейся до того, что насъ хотятъ лишить права на славянское происхожденіе, только чтобы не признавать въ «москалѣ» своего брата по крови. Мы порываемся вѣрить, что прямое, священное призваніе Россіи есть покровительство славянскимъ народамъ, заступничество за нихъ передъ Европою, содѣйствіе ихъ освобожденію. И опять мы должны оглянуться на Польшу, или если бы мы хотѣли забыть про нее, намъ укажутъ на нее наши недруги и напомнятъ съ укоризною: «*врачу, исцѣлися самъ.*»—Мы тяготимся преданіями «священнаго союза», мы рвемся на просторъ иной политической системы, мы видимъ себѣ природную точку опоры и надежныхъ союзниковъ въ живыхъ силахъ воскресающихъ или развивающихся народностей. И опять-таки мы спотыкаемся о Польшу; опять-таки должны сворачивать къ старымъ преданіямъ «священнаго союза», отступаемся отъ принципа народностей, опасаясь его примѣненія къ Польшѣ....

Вездѣ, на всѣхъ путяхъ, Польша заставляетъ Россію противорѣчить самой себѣ, своему призванію, своимъ политическимъ стремленіямъ и надеждамъ. И въ этомъ-то состоитъ коренная причина, почему русскіе вообще такъ тяготятся обладаніемъ Польши, почему мы такъ часто и такъ искренно говоримъ про Польшу: «да Богъ съ ней совсѣмъ, не надо намъ ее». Едва ли какой-нибудь другой народъ относится съ такими стоическими чувствами къ обладанію страною, которую приходится держать силою: едва ли англичанинъ скажетъ, что ему Ирландіи не надо, едва ли австріецъ пожелалъ бы избавиться отъ Венеціи, турокъ—отъ Албаніи или Босніи, пруссакъ—отъ Познанской области.

«Такъ Богъ съ нею, съ Польшею», скажетъ читатель, если онъ согласенъ съ изложеннымъ въ предыдущихъ строкахъ взглядомъ на значеніе Польши для насъ: «надобно бросить Польшу, отдать ее; Богъ съ нею». Но въ томъ-то и дѣло, что отдать Польшу Россія не можетъ, что ей не отдѣлаться такимъ легкимъ и дешевымъ, физическимъ, такъ сказать, способомъ отъ того внутренняго, *нравственнаго* противорѣчія, въ которое ставитъ ее обладаніе Польшею. Мы не можемъ отдать царства Польскаго, по причинѣ связи Польши съ западными губерніями, мы не можемъ отдать царства Польскаго, развѣ его у насъ отнимутъ силою, послѣ европейской войны, о которой думать страшно и всего страшнѣе должно быть именно для поляка, любящаго свое отечество: ибо въ такомъ случаѣ Польша имѣла бы, вѣроятно, такой же конецъ, какъ другая славянская страна, столь сходная съ нею по своему историческому развитію. О Польшѣ въ XIX вѣкѣ пришлось бы сказать то же самое, что исторія говоритъ о Чехіи XVII вѣка, что она, отставъ отъ развитія окружающихъ странъ и остановившись на своихъ средневѣковыхъ аристократическихъ понятіяхъ и притязаніяхъ,—въ безразсудной попыткѣ шляхетскаго бунта, сама уже безсильная, сдѣлалась яблокомъ раздора между двумя половинами Европы и истекла кровью подъ ударами съ обѣихъ сторонъ. Вотъ какой былъ конецъ Чехіи, и не дай Богъ Польшѣ повторить эту трагедію и стать предметомъ и театромъ войны между западомъ и востокомъ Европы, какъ нѣкогда Чехія между католическою и протестантскою половинами европейскаго запада. Для насъ, конечно, война была бы тягостна и опасна; но во всякомъ случаѣ, мы выйдемъ изъ нея, послѣ большихъ или меньшихъ усилій и пожертвованій, съ миромъ болѣе и менѣе выгоднымъ. А Польша... для Польши европейская война будетъ окончательною гибелью, ее раздавятъ въ столкновеніи двухъ половинъ Европы, отъ нея останется груда развалинъ и трупъ издыхающаго народа, какъ отъ Чехіи послѣ тридцатилѣтней войны. Уже чешскій историкъ Палацкій произнесъ, по поводу настоящихъ событій, имя тридцатилѣтней войны; онъ напомнилъ полякамъ о послѣдствіяхъ европейской борьбы, которую вызвала чешская шляхта и отъ которой погибъ весь чешскій народъ.

И именно тотъ, кому дорого дѣло славянства, кто любитъ польскій народъ въ надеждѣ его будущаго соединенія съ славянскимъ міромъ, содрогнется отъ подобной мысли.

Но, повторяемъ, хотя Польша тяготитъ насъ какъ источникъ внутренняго для насъ самихъ противорѣчія, отдѣлаться отъ нея, отдать ее мы не можемъ, если ее не вырветъ у насъ война; и причины тому такъ ясны, и уже такъ часто были высказываемы въ послѣднее время, что распространяться о нихъ было бы лишнимъ трудомъ. Мы должны держать Польшу не просто изъ народнаго или государственнаго самолюбія (хотя нельзя отрицать, что и честь Россіи имѣетъ въ этомъ дѣлѣ свой голосъ, особенно послѣ всѣхъ стараній, приложенныхъ поляками и ихъ сотрудниками на Западѣ къ тому, чтобы сдѣлать ее чувствительною). Всякому очевидно, что мы не можемъ отдать Польшу вслѣдствіе существующихъ притязаній поляковъ на обладаніе западною Русью. Отдать Польшу полякамъ съ предоставленіемъ ей полной независимости значило бы, черезъ годъ или два, видѣть вторженіе польскаго войска въ западныя губерніи и быть поставленными въ необходимость снова завоевывать польскую землю. Отдѣлаться отъ нея, уступивъ ее Пруссіи или Австріи, или обѣимъ вмѣстѣ, значило бы принести цѣлую славянскую народность въ жертву германизаціи (которой поляки, какъ извѣстно, такъ мало способны противостоять), и вдобавокъ дать иностранцамъ, обладателямъ Польши черезъ поляковъ огромное вліяніе на весь нашъ западный край.

Мы должны держать Польшу для нашихъ запанныхъ губерній. Но теперь представимъ себѣ всѣ случаи, всѣ способы, какими мы могли бы держать Польшу,—и они на практикѣ разобьются всѣ о тотъ же самый камень преткновенія, о притязанія поляковъ на западную половину Россіи.

Дайте Польшѣ полную автономію съ династическою только связью между ею и Россіею, придумайте для нея какую угодно конституцію,—и польская шляхта западныхъ губерній будетъ тянуть къ ней, повторяться будутъ подольскіе адресы, и не прекратится въ западномъ краѣ болѣзненный антагонизмъ.

Соедините Польшу съ Россіей. Вы можете соединить ихъ двумя способами: во-первыхъ, общею абсолютною, безусловною диктатурой, во-вторыхъ, какими нибудь общими политическими учрежденіями. О первомъ способѣ и говорить нечего; вредъ его уже испытанъ и доказанъ исторіею. При такомъ способѣ мы поставили бы Польшу снова въ роль невинной жертвы, закалаемой деспотизмомъ и, благодаря этой роли и общему безмолвію, она стала бы опять подкапываться подъ насъ, стала бы ополячивать русскія области.

Затѣмъ оставался бы второй способъ. Но соедините Польшу съ Россіей общими политическими учрежденіями, какими угодно, хоть со-

вѣщательными, какъ предлагалъ недавно «Русскій Вѣстникъ», хоть всякими другими,—и въ эти учрежденія будетъ внесено, по причинѣ притязаній поляковъ на западныя губерніи, зерно раздора и противорѣчія. Всякое представительство, будь оно совѣщательное, которое уже давно покойный Аксаковъ считалъ наиболѣе соотвѣтсвующимъ основнымъ началамъ и воззрѣніямъ русскаго народа и за которое стоитъ «Русскій Вѣстникъ» въ упомянутой выше статьѣ; будь оно конституціонное въ западно-европейскомъ смыслѣ, подразумѣваетъ въ себѣ собраніе людей, имѣющихъ общую цѣль—желаніе блага государству, ихъ призывающему, и народу, ихъ избравшему. Всѣ партіи, всѣ разномыслія должны сходиться на этой общей для всѣхъ основной точкѣ. Оппозиція въ представительствѣ немыслима какъ оппозиція благу народа и интересамъ государства, а какъ оппозиція извѣстному воззрѣнію на это благо и на эти интересы и проистекающей отсюда системѣ дѣйствія. Оппозиція должна быть His Majesty's opposition *), точно такъ же, какъ правительственная партія составляетъ His Majesty's government. Сама Россія, во всѣхъ трехъ вѣтвяхъ русскаго народа, т. е. великоруссы, малоруссы и бѣлоруссы, русская, такъ сказать, Россія безъ всякаго сомнѣнія, осуществила бы вполнѣ эту задачу, какъ свидѣтельствуетъ о томъ, лучше всего, образъ дѣйствія русскаго общества и русскаго народа въ исполненіи великой крестьянской реформы. Но къ русскимъ прибавьте представителей поляковъ, при существованіи польскихъ притязаній на западную Россію: поляки эти, естественно и съ своей польской точки зрѣнія весьма добросовѣстно, изъ чувствъ самаго почтеннаго патріотизма, станутъ въ систематическую оппозицію, не тому или другому взгляду или дѣйствію правительства, а самымъ жизненнымъ интересамъ русскаго народа, самому бытію русскаго государства....

И такъ, что же выходитъ изъ всего этого?

Обладаніе Польшею ставитъ Россію въ неестественное внутреннее противорѣчіе съ ея характеромъ и стремленіями; но отказаться отъ Польши Россія не можетъ, по причинѣ польскихъ притязаній на западныя губерніи.

Въ то же время, обязанная держать Польшу, Россія не можетъ уладиться съ нею правильнымъ образомъ—опять-таки по причинѣ притязаній поляковъ обладать западною Русью, и нельзя придумать для царства Польскаго никакой комбинаціи, которая исправила бы ненормальность его положенія относительно Россіи и могла бы устранить проистекающее отсюда для насъ внутреннее противорѣчіе.

Ясно, что корень зла лежитъ не въ самой Польшѣ, а западной Руси, что тамъ надобно искать источниковъ того гибельнаго противо-

*) *Оппозиція его величества* (а не его величеству), въ противоположность *правительству его величества:* извѣстные термины англійской конституціонной жизни.

рѣчія, на которое мы указывали въ началѣ этой статьи и которое связано для насъ, уже столько времени, съ обладаніемъ Польшею.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы вникнемъ въ положеніе западной Руси и въ характеръ той роли, которую Россія играла тамъ съ конца прошлаго столѣтія, то мы поймемъ причины затрудненій, поставляемыхъ намъ теперь польскимъ вопросомъ. Логика историческихъ событій неумолима. Ненависть къ намъ славянскаго народа, соединеннаго съ нами подъ одною властію,—ненависть, являющаяся отрицаніемъ всѣхъ нашихъ народныхъ началъ, истекаетъ изъ притязаній поляковъ на западную Русь, которымъ мы удовлетворить не можемъ. Но не будучи въ силахъ удовлетворить этимъ притязаніямъ и имѣя полное право ихъ отвергать во имя здраваго смысла, исторической истины и всего, что составляетъ существо нашего народнаго и государственнаго бытія, мы ничего не сдѣлали для того, чтобы притязанія эти прекратились; а времени было, кажется, довольно. Вотъ уже четвертое поколѣніе живетъ въ западной Руси со времени ея освобожденія отъ матеріальной власти поляковъ. Мы платимся теперь за всю прежнюю систему дѣйствій въ западной Руси.

Исторія и современность знаютъ государства, гдѣ въ нѣкоторыхъ областяхъ господствующая, создавшая государство, народность подавляетъ другія, покоренныя племена. Въ англійскомъ государствѣ англійская народность подавляетъ туземное племя Ирландіи; въ Австріи нѣмецкою народностью, въ Турціи народностью турецкою подавляются туземныя народности многихъ покоренныхъ областей и т. п. Все это явленія прискорбныя и вредныя, но естественныя, основанныя на простомъ фактѣ завоеванія и которыя устраняются такъ же просто, какъ возникли. Либо завоевательная народность когда-нибудь уступитъ полную равноправность народности завоеванной и онѣ уживутся вмѣстѣ; либо завоеванныя избавятся отъ своихъ притѣснителей и возстановятъ свою народность, въ полномъ господствѣ, какъ сдѣлала Греція, Сербія и др. Но гдѣ видала исторія примѣръ, чтобы народность господствующая въ государствѣ, народность его создавшая, была въ одной части этого государства подавлена другою, покоренною народностью? чтобы народность завоеванная и потому играющая въ оффиціальной жизни государства и передъ лицомъ другихъ странъ роль жертвы, на самомъ дѣлѣ попирала народность господствующаго въ государствѣ племени? Такого диковиннаго явленія не сыскать въ лѣтописяхъ древняго и новаго міра; его дано было осуществить Россіи, которая въ теченіи трехъ поколѣній могла сносить, чтобы подъ ея властію, въ пространныхъ областяхъ ея державы, русская народность была подавляема, преслѣдуема и даже уничтожаема меньшинствомъ иноземцевъ. И это она допускала въ тѣхъ самыхъ странахъ, гдѣ началось гражданское развитіе русскаго народа, гдѣ такъ долго сосредоточивалась его государ-

ственная жизнь и его просвѣщеніе!... Но когда эти области снова возвратились подъ русскую державу, Россія страдала двумя недугами: неполнотою сознанія русской народности и крѣпостнымъ правомъ, съ которымъ соединялся аристократическій взглядъ на простой народъ.

При Екатеринѣ, Россія пріобрѣла западно-русскія губерніи матеріально, но вслѣдствіе этихъ двухъ тогдашнихъ недуговъ, не могла понять политическаго и нравственнаго призванія своего въ этой странѣ. Освобожденный матеріальною силою Россіи отъ власти польскаго государства, западно-русскій народъ оставленъ былъ, ея политическимъ непониманіемъ и нравственнымъ безсиліемъ, подъ властію польской народности. Аристократическій блескъ польскаго магната былъ сроднѣе тогдашней петербургской сферѣ, чѣмъ необтесанная фигура своего брата русскаго, *хлопа* или «попа», съ которыми нельзя было и говорить, потому что они не понимали пофранцузски. Да и принципъ крѣпостнаго права находился тогда въ апогеѣ; недавно онъ одержалъ такую блистательную побѣду въ Малороссіи; нельзя же было не уважить правъ собственности польскихъ пановъ, нереименованныхъ въ благородное россійское дворянство западныхъ губерній, нельзя же было вывести холопа, и съ нимъ русскую народность, изъ подчиненія дворянину и съ нимъ народности польской....

Всѣмъ извѣстна эта печальная исторія, длившаяся съ 1772 года по 19 февраля 1861 года и кончающаяся только съ 1 марта 1863 г. Мы не станемъ входить въ подробности тогдашней системы дѣйствій Россіи въ занадныхъ ея областяхъ,—системы, въ которой всего осязательнѣе проявились послѣдствія двухъ главныхъ и такъ тѣсно связанныхъ между собою недуговъ Россіи XVIII и первой половины XIX вѣка, отчужденія отъ русской народности и крѣпостнаго права. Частныя проявленія и результаты этой системы такъ многочисленны, что даже краткій ихъ перечень увеличилъ бы настоящую статью непомѣрно; общее же проявленіе и общій результатъ не долго опредѣлить. Во первыхъ, благодаря отчужденію отъ русской народности и крѣпостному праву, въ Русскомъ государствѣ цѣлыя области населенныя русскимъ народомъ, шестью съ половиною милліонами людей, продолжали состоять подъ властію польскаго меньшинства, одного милліона двухъ-сотъ семидесяти тысячъ поляковъ или людей, приставшихъ къ польской народности большею частію уже во время русскаго владычества. Затѣмъ польская народность могла и, мало того, естественно должна была считать эту страну своею, поляки не могли отказаться отъ притязаній ее ополячивать и окончательно присоединить къ себѣ, а отсюда и проистекаютъ тѣ ненормальныя отношенія между Россіей и Польшей, вслѣдствіе которыхъ имъ нельзя ни разойтись мирно, ни ужиться вмѣстѣ ни при какомъ политическомъ устройствѣ.

Дурная система законодательства гражданскаго порождаетъ много зла; но это зло исправляется легко, когда дурное законодательство замѣнится хорошимъ; дѣло можетъ обойтись тихо, гражданскимъ порядкомъ, и примѣръ тому представляетъ крѣпостное право въ Великорусскихъ губерніяхъ, гдѣ оно было просто проявленіемъ дурнаго законодательства гражданскаго. Но зло, порожденное ложною системою политическою, не такъ легко исправить; оно искупается кровью, и, конечно, кровь не лилась бы теперь отъ польскаго возстанія, если бы съ самого начала Екатерина II или ея ближайшіе преемники возвратили гражданскую свободу и возстановили общественное значеніе русской народности въ западной Руси; да и давно бы не было, въ такомъ случаѣ, помину о польскомъ вопросѣ, и Польша, вѣроятно, жила бы теперь такъ же спокойно въ единеніи съ Россіей, какъ Финляндія и Остзейскій край.

При этомъ невольно приходитъ на умъ сравненіе между двумя огромными государствами, которыя, какъ два молодыхъ великана, стоятъ на противоположныхъ концахъ стараго міра, государствами, которыя уже часто поставлялись въ параллель другъ съ другомъ, даже въ ихъ оффиціальныхъ сношеніяхъ. Россія и Сѣверная Америка одинаково таили въ себѣ, по причинѣ допущенной въ старину и въ то время казавшейся едва замѣтною, уступки личнымъ интересамъ господствующаго класса въ одной части страны, начало, отрицавшее самую основу ихъ бытія, и одинаково повергнуты нынѣ, по милости этого враждебнаго начала, въ ужасы междоусобной войны. Сѣверная Америка—государство, основанное на договорѣ колонистовъ, не связанныхъ между собою никакими другими узами, кромѣ этого договора, во главу основнаго акта государственнаго бытія своего поставила начало свободы и равенства всѣхъ людей,—и въ то же время, изъ угожденія интересамъ немногихъ плантаторовъ, допустила въ части штатовъ сохраненіе *домашней институціи*, прямо противоположной ея основному принципу. И эта *домашняя институція* рабства, которую вначалѣ такъ легко было устранить, все крѣпче и крѣпче внѣдрялась, и, чувствуя неестественность своего положенія въ странѣ всеобщей свободы, южная рабовладѣльческая аристократія стала развивать дѣятельность неутомимую, изумительную въ своей послѣдовательности и дружномъ усердіи, чтобы упрочивать свое вліяніе въ правительственныхъ сферахъ, чтобы покрывать себя и свое дѣло авторитетомъ правительства и, по возможности, захватить въ свои руки орудія исполнительной власти, чтобы поставлять свой рабовладѣльческій принципъ подъ покровительство религіи и «дѣла цивилизаціи» и устранить всякую критику, всякій непріятный намекъ, Книга, статья, проповѣдь въ пользу свободы негровъ, какой нибудь портретъ г-жи Бичеръ-Стоу, дѣлались предметомъ доноса, представлялись мѣстной власти, какъ «возбужденіе къ соціализму и

рѣзнѣ бѣлыхъ черными» и вызывали преслѣдованія, на сколько хватало силъ плантаторскому вліянію. И была эпоха (еще недавно), когда правительство свободной Америки дѣйствительно служило дѣлу рабства всѣми своими силами и средствами, и аболиціонистъ признавался человѣкомъ опаснымъ для спокойствія республики. Но время и возрастающее самосознаніе въ свободной части государства все-таки опередили лихорадочную, искусственную пропаганду рабовладѣльцевъ, и 4 ноября 1860 года, основной принципъ Сѣверно-Американскаго государства одержалъ наконецъ побѣду, избраніемъ въ президенты человѣка, неблагосклоннаго къ дѣлу рабства.

Велики во всемъ несходства и даже противоположности между Россіею и Соединенными Штатами; нѣтъ ничего общаго между русскимъ народомъ въ западныхъ губерніяхъ Россіи и африканскимъ племенемъ; сходно только одно: уступка въ основномъ, жизненномъ принципѣ страны, сдѣланная изъ угожденія господствующему классу въ части ея областей. Какъ Америка нарушила краеугольный камень своего бытія признаніемъ *домашней институціи* Юга, такъ точно случилось и съ нами. Что такое основной, элементарный такъ сказать и во всемъ подразумѣвающійся принципъ Россіи, какъ не то, что это есть страна русской народности? Подъ знаменемъ русской народности и во имя этого своего кореннаго принципа, Россія отобрала въ концѣ XVIII вѣка отъ Польши западно-русскія области и тогда же нарушила его изъ угожденія господствующему классу новоприобрѣтеннаго края, допустивъ, чтобы польское меньшинство продолжало господствовать надъ русскою народностью въ этихъ областяхъ; и опять-таки, какъ въ Америкѣ признанія рабства не было вначалѣ выговорено, а заключалось implicite въ актѣ 1787 года, такъ и здѣсь нарушеніе кореннаго начала страны не было сказано, а подразумѣвалось, въ перенесеніи на польскую шляхту русскихъ дворянскихъ привиллегій, въ утвержденіи за нею крѣпостнаго права и разныхъ другихъ уступкахъ польской аристократіи. Вотъ все, что было сходнаго въ странахъ, такъ несходныхъ между собою, и посмотрите, какъ изъ этой одной общей точки сходства развился рядъ явленій, аналогическихъ не только въ крупныхъ чертахъ, но часто даже, *mutatis mutandis*, и въ подробностяхъ. И въ Россіи, господство польской стихіи надъ русскою народностью въ западныхъ губерніяхъ,—господство, которое на первыхъ порахъ можно было, вѣроятно, устранить безъ большихъ затрудненій и безъ всякой несправедливости, — укоренялось все крѣпче и крѣпче, и, чувствуя шаткость своего положенія въ государствѣ русской народности, поляки, паны надъ русскимъ народомъ, развили непреклонную, самую дружную, самую систематическую и ни предъ чѣмъ не останавливавшуюся дѣятельность, чтобы упрочивать свое вліяніе въ правительственныхъ сферахъ, чтобы покрывать себя и свое дѣло авторитетомъ правительства

и, по возможности, захватить въ свои руки орудія исполнительной власти; они употребляли неутомимыя усилія, чтобы изолировать западный край отъ вліянія русскихъ идей, чтобы поставить свой польско-шляхетскій принципъ подъ покровительство религіи и «дѣла цивилизаціи», чтобы устранять всякую критику, всякій намекъ, имъ непріятный. Книга, статья, проповѣдь въ пользу западно-русской народности, какой нибудь малороссійскій букварь, какая нибудь насыпь надъ гробомъ Шевченки, дѣлались предметомъ доноса, представлялись мѣстной власти, какъ возбужденіе къ соціализму и рѣзнѣ дворянъ мужиками, и вызывали преслѣдованія, на сколько хватало силъ польскому вліянію. И была эпоха (еще недавно), когда правительство *Русскаго* государства подъ вліяніемъ принципа крѣпостнаго права, дѣйствительно способствовало утвержденію польскаго владычества надъ русскою народностью въ западномъ краѣ. Но время и возрастающее самосознаніе Россіи все-таки опередили лихорадочную, искусственную пропаганду польскаго шляхетства, и 19-го февраля 1861 года, основной принципъ Россіи одержалъ наконецъ побѣду великимъ актомъ, которымъ дарована была свобода русскому народу.

Довольно любопытна роль польскаго дворянства западныхъ губерній въ приготовленіяхъ къ этому акту. Россія сохранитъ ему вѣчную благодарность, за то что оно (въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской) первое подписало оффиціальное заявленіе, съ котораго начались гласно эти приготовленія; но замѣчательно то, что поляки, столь щедро расточающіе передъ Европою похвалы своему самоотверженію и своимъ подвигамъ на благо человѣчества, какъ-то забываютъ хвастать этимъ актомъ 1857 года, которымъ они оказали дѣйствительно великую услугу человѣчеству; они (насколько мы могли замѣтить) какъ будто стараются обходить этотъ актъ молчаніемъ. Дѣйствительно, съ ихъ стороны это была величайшая политическая ошибка. Со временемъ, исторія раскроетъ тѣ побужденія и посторонніе внушенія, которыя вовлекли въ нее польскихъ дворянъ Литвы; исторія разскажетъ также, какъ польскіе дворяне думали вначалѣ, проведеніемъ мысли объ освобожденіи крестьянъ *безъ земли*, превратить русское и литовское простонародье въ пролетаріатъ, безусловно зависимый отъ землевладѣльцевъ въ своемъ существованіи, и тѣмъ самымъ, подъ эгидою свободы, упрочить навсегда свое господство. Теперь еще не время разбирать столь близкіе къ намъ факты, но мы не можемъ привести слова, которыми одинъ участникъ дѣла, знакомый со всѣми его подробностями, характеризовалъ намъ отношеніе русскихъ дворянъ и польскихъ къ крестьянской реформѣ во время ея обсужденія. *Русскіе* дворяне, т. е. нелиберальное большинство, говорилъ онъ, хлопотали почти исключительно о хозяйственной сторонѣ дѣла: десятиной меньше надѣла, рублемъ больше оброку, вотъ къ чему сводились ихъ толки и пред-

ставленія. *Польскіе* дворяне имѣли въ виду интересы политическаго свойства: сохранить за помѣщикомъ власть надъ крестьянскими участками отстраненіемъ принципа безсрочнаго пользованія; вмѣсто безграмотнаго, какъ они его называли, волостнаго суда ввести *судъ и разбирательство помѣщика,* назначить помѣщиковъ *начальниками волостей*, съ предоставленіемъ имъ, между прочимъ, *надзора за всѣми учебными и благотворительными заведеніями въ предѣлахъ волости;* не допускать въ не великороссійскихъ губерніяхъ установленія крестьянскихъ общинъ, не давать крестьянамъ самоуправленія, однимъ словомъ, удержать крестьянское населеніе (т. е. русскихъ и литвиновъ) въ полной *административной и политической* зависимости отъ дворянства,—вотъ чего всѣми силами добивались поляки западныхъ губерній, пока приготовлялась крестьянская реформа».

Тотъ же участникъ дѣла, которому мы обязаны этою характеристикою, доставилъ намъ слѣдующій любопытный коллективный отзывъ польскихъ дворянъ, призванныхъ изъ комитетовъ западныхъ губерній, въ которомъ они выразили свой взглядъ на проектированное устройство крестьянскихъ волостей съ выборными старшинами и внутреннимъ самоуправленіемъ: «Мы съ трудомъ можемъ вообразить нынѣшнее крѣпостное народонаселеніе Россіи», писали эти господа 24-го марта 1860 года (и надобно признаться къ стыду, что они нашли между русскими депутатами нѣсколькихъ людей, которые присоединили къ нимъ свои подписи; но тогда не всѣ понимали, куда дѣло клонится), мы съ трудомъ можемъ вообразить нынѣшнее крѣпостное народонаселеніе Россіи, распредѣленное на *десять тысячъ какихъ-то республикъ*, съ *избраннымъ отъ сохи* начальствомъ, которое вступаетъ въ отправленіе должностей *по волѣ народы, не нуждаясь ни въ чьемъ утвержденіи*, и которое, между тѣмъ, не въ состояніи отвѣчать за сохраненіе общественнаго порядка, потому что краткость служебныхъ сроковъ и право публичнаго обвиненія на сходахъ, предоставленное членамъ волости, поддерживаетъ и развиваетъ между послѣдними коллективную оппозицію противъ должностныхъ лицъ. Мы опасаемся, во первыхъ, что устраненіе *консервативнаго элемента частной собственности и соединенную съ нею умственнаго развитія* введетъ въ русскую жизнь такой *крайній демократическій принципъ*, который несовмѣстенъ съ сильною правительственною властію и отъ котораго могутъ пострадать *общественный порядокъ и спокойствіе въ государствѣ;* во вторыхъ, намъ извѣстно, что всякая отвлеченная система, не принимающая въ разсчетъ ни *историческаго* быта, *ни мѣстныхъ условій*, требуетъ, чтобы дѣйствительная жизнь подчинялась началамъ, которыя не вытекаютъ изъ самой жизни, а въ иныхъ случаяхъ и прямо ей противорѣчатъ», и т. д. Недурно, и этотъ протестъ дворянъ-депутатовъ западныхъ губерній противъ *крайняго демократическаго принципа* крестьянскаго самоуправ-

ленія, предвѣщавшаго освобожденіе русской туземной народности отъ господства польскаго шляхетства, можетъ быть поставленъ на ряду съ тѣми безчисленными протестами, которыми плантаторы южныхъ штатовъ въ 1860 году встрѣтили избраніе г. Линкольна, какъ торжество принципа «дикаго произвола», долженствовавшаго, по ихъ выраженію, «низвергнуть порядокъ и спокойствіе республики и нарушить мѣстныя условія ихъ быта». Къ счастію, заявленія польскаго дворянства западныхъ губерній противъ крестьянскаго самоуправленія не были услышаны; но нельзя сказать, чтобы оппозиція его осталась вначалѣ вовсе безуспѣшною. Всякій можетъ замѣтить это при сравненіи мѣстнаго крестьянскаго положенія для губерній Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской съ мѣстнымъ положеніемъ великороссійскимъ, особенно въ томъ, что первое не опредѣляетъ нормы крестьянскихъ повинностей, предоставляя назначить ихъ на основаніи инвентарей, которыя, какъ извѣстно, въ этихъ губерніяхъ составлялись исключительно по показаніямъ самихъ помѣщиковъ *). Это была великая побѣда, одержанная въ то время польскимъ дворянствомъ, и такое постановленіе, вмѣстѣ съ примѣненіемъ къ тѣмъ губерніямъ общаго правила о выборѣ мировыхъ посредниковъ изъ мѣстныхъ дворянъ (значитъ, изъ поляковъ), было причиною, что населеніе того края, какъ извѣстно, почти не ощутило перемѣны отъ акта 19-го февраля и только почувствовало его дѣйствительность послѣ пополненія сдѣланнаго 1-го марта нынѣшняго года. Множество мѣстныхъ корреспонденцій и извѣстій доказываютъ намъ необходимость распространенія этой послѣдней мѣры и на три югозападныя губерніи, гдѣ отношенія почти тѣ же, и нельзя не надѣяться, что это ожиданіе скоро осуществится.

Такимъ образомъ, актъ 19-го февраля былъ, собственно говоря, менѣе всего чувствителенъ для западныхъ губерній и для интересовъ тамошняго польскаго дворянства,—и въ этомъ опять мы можемъ продолжать нашу параллель съ Америкой. Избраніе Линкольна не имѣло, собственно, никакого угрожающаго для противной партіи значенія. Напротивъ того, всѣ заявленія новаго правительства свидѣтельствовали объ уваженіи его къ существующимъ правамъ рабовладѣльцевъ. Сколько новый президентъ, въ первыхъ своихъ манифестахъ и распоряженіяхъ, употреблялъ усилій, чтобы успокоить интересы плантаторовъ,

*) Правда, что мѣстное положеніе установляло регулированіе этихъ повинностей впослѣдствіи особыми повѣрочными коммиссіями. Но, принимая въ соображеніе, что, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, коммиссіи эти могли бы состоять почти исключительно изъ мѣстныхъ дворянъ и чиновниковъ, т. е. преимущественно поляковъ, легко усмотрѣть, что за польскимъ дворянствомъ оставалась выгода не только въ отсрочкѣ приведенія въ дѣйствіе фактическаго освобожденія крестьянъ, но и въ нѣкоторой гарантіи, что все это дѣло до извѣстной степени останется въ его рукахъ.

съ какою предупредительностью и уступчивостью онъ обращался къ нимъ! Но ничего не помогло. Южная аристократія поняла, что ея царству предстоитъ неминуемый конецъ, коль скоро правительственная власть, искуственно поддерживавшая ея интересы, ускользнула изъ ея рукъ. Она поняла, что самое имя Линкольна было знаменемъ принципа свободы, и что этотъ основной принципъ страны, разъ признанный всенародно въ лицѣ избраннаго правителя, подкопаетъ и рано или поздно низвергнетъ противорѣчащую ему *домашнюю институцію*. Панъ или пропалъ,—и южане схватились за оружіе, чтобы вырваться изъ государственнаго союза, уже переставшаго гарантировать имъ вѣчное обладаніе рабами, чтобы завоевать себѣ мечомъ, съ полною самостоятельностью, полное осуществленіе своихъ общественныхъ стремленій. Также и актъ 19-го февраля, какъ мы сказали, не затрогивалъ непосредственно положенія польской шляхты въ западномъ краѣ; но актъ 19-го февраля былъ знаменемъ освобожденія русскаго народа; выводя русскихъ людей изъ зависимости отъ польскаго пана, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ неминуемо вывести русскую народность въ западномъ краѣ изъ-подъ власти польскаго меньшинства и возстановить тамъ нарушенное нѣкогда самою Россіею, во имя крѣпостнаго права, основное начало ея бытія—господство русской народности въ странѣ, обитаемой русскимъ народомъ. Актъ 19-го февраля подкапывалъ основы, на которыхъ держалось зданіе полонизма въ западной Руси, и рано или поздно, оно должно было рухнуть. Панъ или пропалъ,—и поляки схватились за оружіе, чтобы вырваться изъ государства, переставшаго гарантировать имъ вѣчное господство надъ чужими областями, которыя вчетверо больше самой Польши, чтобы завоевать себѣ, съ полною самостоятельностію, полное осуществленіе своихъ общественныхъ стремленій. Мы впали бы въ самую грубую ошибку, если бы думали, что движеніе, начавшееся 25-го февраля 1861 г. въ г. Варшавѣ и мало по малу разросшееся въ настоящее возстаніе, имѣло главною, первоначальною цѣлію царство Польское и что западная Русь была включена потомъ въ программу, какъ предметъ второстепенный. Напротивъ того: отвоевать западную Русь -- вотъ что составляло съ самаго начала главную, существенную задачу всего польскаго движенія. Точка опоры была Варшава, но цѣль—Вильна и Кіевъ. Это доказываютъ до очевидности самый характеръ первыхъ демонстрацій, трауръ, наложенный еще 3-го марта 1861 года архіепископомъ Фіалковскимъ на «всѣ части стародавней Польши», послѣдовавшія тотчасъ за тѣмъ демонстраціи на берегу Нѣмана, знаменитый Городельскій съѣздъ и безчисленныя заявленія, о которыхъ излишне было бы напоминать. Да наконецъ, если бы первоначальная программа поляковъ была не та, которая мало по малу развилась передъ нами во всей ея широтѣ, если бы первоначально имѣлось въ виду пріобрѣ-

теніе какой-нибудь либеральной конституціи для Польши, то неужели вожди движенія выбрали бы, для первыхъ враждебныхъ противъ Россіи выходокъ, тѣ самые дни, когда вся Россія вступала въ новую эру освобожденія, и захотѣли бы сдѣлать русскому правительству затрудненіе въ ту самую минуту, когда всякое затрудненіе могло только отклонить его отъ либеральныхъ началъ? Впрочемъ, послѣднія событія такъ ясно опредѣлили шляхетскій характеръ польскаго движенія, такъ ярко обрисовали цѣль его—возстановить господство польской народности надъ областями прежняго польскаго государства, что уже не можетъ быть серьозной рѣчи о либеральныхъ намѣреніяхъ поляковъ относительно бѣлорусскаго, малорусскаго и литовскаго племени. Золотыя грамоты, всякій это видитъ, были пуфомъ, затѣяннымъ, чтобы посѣять раздоръ въ русскомъ народѣ, и нельзя найти достаточныхъ словъ негодованія противъ людей, которые терпѣливо сносили военную диктатрру прежнихъ лѣтъ, которые оставались спокойными и при возстаніи ихъ братій въ Галиціи (въ 1846 г.) и при востаніи въ Познани (въ 1848 г.), которые не шевельнулись во время гнета,—и вдругъ поднимаются противъ Россіи и русскаго «деспотизма» въ то самое время, почти въ тотъ самый день, когда Россію оглашаетъ давно ожидаемая вѣсть о народной свободѣ. 19-го февраля—манифестъ, снимающій цѣпи съ русскаго народа, 25-го февраля—первая демонстація въ Варшавѣ со знаменами старыхъ провинцій, принадлежавшихъ Польшѣ по праву господства шляхты надъ русскимъ народомъ, этого совпаденія исторія не забудетъ. Такія совпаденія не бываютъ случайно, и нѣтъ тяжеле укора польскому дѣлу, какъ это совпаденіе.

Впрочемъ, и американскіе сепаратисты точно такъ же, какъ поляки, пишутъ свободу на своемъ знамени. Прочтите любой ихъ манифестъ, и если бы не было нѣсколькихъ словъ, указывающихъ на мѣстность, вы могли бы подумать, что это какая-нибудь польская прокламація. Вѣдь и сепаратисты, защищая свою *домашнюю институцію*, провозглашаютъ, что они идутъ на смерть за «священное дѣло свободы» противъ «невыносимаго деспотизма» грубыхъ *янки*, какъ поляки, защищая *свою* «домашнюю институцію» (владычество шляхетской народности надъ Русскою), увѣряютъ міръ, что подняли мечъ за свободу противъ невыносимаго деспотизма варварскихъ *москалей*. И тѣ, и другіе дѣйствительно сражаются за свободу,—но только для себя, съ тѣмъ, чтобы другіе были ихъ слуги и рабы. И тѣ и другіе соединяютъ изумительный героизмъ въ отдѣльныхъ личностяхъ (плодъ аристократическаго воспитанія цѣлыхъ поколѣній) съ мерзостью употребляемыхъ въ дѣло лжи, клеветы и террора (послѣдствіе нравственной несостоятельности), наконецъ, чтобы аналогія была совершенно полная, и тѣ и другіе возбуждаютъ къ себѣ одинаковое сочувствіе западной Европы.

Что же касается до выраженія этого сочувствія матеріальнымъ содѣйствіемъ, то тутъ все зависитъ, очевидно, отъ степени уваженія, внушаемаго Европѣ обѣими сторонами, въ которыхъ идетъ междоусобная борьба. Если бы варварскихъ московитовъ боялись, какъ боятся грубыхъ янки, которые шутить не любятъ и съ флотомъ которыхъ шутить нельзя; если бы мы глядѣли Европѣ такъ же смѣло въ глаза, какъ глядятъ Сѣверные штаты, то, конечно, дѣло ограничилось бы и въ отношеніи къ намъ газетной войною и демонстраціями не опаснѣе той, которую произвелъ въ англійскомъ парламентѣ г. Робакъ въ пользу добродѣтельныхъ и милыхъ его сердцу плантаторовъ. Но, во всякомъ случаѣ, какъ американскіе сепаратисты, такъ и Поляки въ сочувствіи Западной Европы тотчасъ увидѣли готовность на вооруженную помощь и одинаково на нее разсчитывали.

Возстаніе южанъ, опирающихся на правильную армію и на огромныя военныя средства, переданныя имъ измѣнически прежнимъ правительствомъ Буканана, грозитъ, повидимому, величайшею опасностью американской республикѣ. Возстаніе поляковъ не располагаетъ тѣми силами и тѣми средствами, хотя и оно составляетъ немаловажную опасность для Россіи, какъ предлогъ къ иностранному вмѣшательству. Но и то и другое возстаніе имѣло одинаковое, неизмѣримое въ своихъ благотворныхъ послѣдствіяхъ дѣйствіе: постепенно, невольно, силою вещей, оно привело и въ той и въ другой странѣ, къ необходимости опереться прямо, искренно, безусловно на основной принципъ государства и положить конецъ внутреннему противорѣчію, въ которое оно себя поставило прежними уступками въ пользу личныхъ интересовъ одного класса. Кто могъ ожидать при первыхъ враждебныхъ демонстраціяхъ сепаратистовъ и при тогдашней деликатности президента Линкольна, что, черезъ два года, сдѣланно будетъ то, о чемъ прежде и помышлять никто не смѣлъ,—объявлено будетъ разомъ прекращеніе рабства? что полки африканскихъ рабовъ будутъ призваны въ ряды бѣлаго свободнаго войска? И кто могъ ожидать, при первыхъ демонстраціяхъ въ Варшавѣ и Вильнѣ и при тогдашней уступчивости русскаго правительства, что, черезъ два года, сдѣлано будетъ то, на что прежде никто изъ насъ и не смѣлъ надѣяться, что возстановлено будетъ не только гражданское, но и политическое значеніе русской народности въ западно-русскомъ краѣ? что западно-русскій народъ будетъ призванъ Россіей къ охраненію его роднаго края, котораго столько лѣтъ онъ не могъ считать своимъ? Такова сила событій. И въ Россіи и въ Америкѣ пришлось поставить основной принципъ государственнаго бытія выше правъ и интересовъ одного класса, пришлось сказать, какъ древній Римъ: *salus Rei—Publicae lex suprema esto* *), и съ этимъ какъ бы

*) Спасеніе государства да будетъ высшимъ закономъ.

вдругъ исчезло заклятіе, подъ которымъ восемьдесятъ лѣтъ держалъ обѣ страны страхъ предъ тѣмъ, что называлось «нарушеніемъ наслѣдованныхъ правъ и интересовъ собственности». Внутреннее противорѣчіе, губившее Америку вопросомъ рабства, губившее насъ польскимъ вопросомъ, кончено, и если мы платимъ теперь за грѣхи нашего прошедшаго, то мы вмѣстѣ съ тѣмъ знаемъ, что выстрадаемъ отъ нихъ полное очищеніе. Развѣ мы не платимъ, въ настоящее время, за вину тѣхъ поколѣній, которыя, презрѣвъ русскую народность въ западной Руси, оставили ее подъ ногами польской шляхты и тѣмъ, питая притязанія воляковъ на возвращеніе «забраннаго края», сдѣлали установленіе кикихъ бы то ни было нормальныхъ отношеній между Россіей и Польшей такъ же не возможнымъ, какъ квадратура круга? Источникъ польскаго вопроса находится въ западныхъ губерніяхъ, въ господствѣ тамъ польскаго шляхетскаго меньшинства надъ русскою народностью, и только когда этого господства не станетъ и надежда его возвратить пройдетъ, только тогда, говоримъ мы, но не прежде, польскій вопросъ нерестанетъ быть неразрѣшимымъ.

Сами поляки, къ нашему счастію, помогаютъ такому исходу. Если бы они ограчились возстаніемъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ польская народность представляетъ дѣйствительную силу, и оставались спокойными тамъ, гдѣ одинъ полякъ приходится на 10 или на 100 человѣкъ русскихъ, и гдѣ все его значеніе основывалось на русской дворянской грамотѣ да на мертвенности туземнаго народа,—то дѣло едва ли пришло бы такъ скоро въ развязкѣ. Мы сами, конечно не вздумали бы, въ такомъ случаѣ, затронуть господство польскаго шляхетства въ западныхъ губерніяхъ, и все осталось бы по старому. Но невозможно было, чтобы поляки въ западной Руси остались спокойными, когда дѣло шло именно объ ихъ правахъ на западную Русь,—и вотъ, изъ-за того, чтобы «засвидѣтельствовать фактомъ передъ лицемъ всего міра, что Витебскъ, и Могилевъ, и Минскъ, и Кіевъ, и Волынь, и Подолія, это все Польша» эти люди сами приняли на себя трудъ приготовить дѣло для Россіи. Мы, на нашихъ глазахъ, видѣли и видимъ, какъ встрепенулся, какъ вдругъ ожилъ политически и созналъ себя народъ западно-русскій. Остается только открыть дорогу его матеріальному и нравственному развитію.

Въ корреспонденціяхъ изъ Кіева, помѣщавшихся въ Аусбургской Всеобщей Газетѣ, мы встрѣтили одно весьма мѣткое и дѣльное замѣчаніе. Прежняя система правленія въ этихъ областяхъ, пишетъ корреспондентъ, была безпощадно строга къ отдѣльнымъ личностямъ изъ поляковъ, навлекавшихъ на себя нерасположеніе власти; но она ничего не дѣлала противъ полонизма, какъ принципа, противъ народности польской, какъ господствующей стихіи въ западномъ краѣ. Нечего и говорить, что это истекало изъ признанія, въ то время, неприкосно-

венности крѣпостнаго права: нечего и говорить, какъ эта система была ложна и вредна для насъ, ибо ничто такъ не возбуждаетъ ненависть, какъ личныя притѣсненія; мы обижали и раздражали поляковъ, мы надѣвали на нихъ вѣнецъ мучениковъ. и въ то же время предоставляли имъ на дѣлѣ полный просторъ господства и нравственныхъ завоеваній. Вотъ, между прочимъ, одна изъ существенныхъ причинъ, почему они привыкли считать русскихъ вмѣстѣ и тиранами и глупцами, какъ показываютъ всѣ ихъ отзывы о насъ, въ послѣднее время сдѣлавшіеся извѣстными и русской публикѣ.

Теперь, съ тѣхъ поръ какъ западно-русскій народъ ожилъ самъ и Россія рѣшительно оперлась на него, о прежней системѣ рѣчи быть не можетъ. Самъ народъ такъ громко заявилъ, что западная Русь есть *русская земля*, что право существованія тамъ полонизма, какъ принципа, падаетъ само собою; но съ того дня, какъ мы приняли безусловно начало русской народности въ западномъ краѣ, устраняется сама собою необходимость въ излишней строгости къ безвиннымъ личностямъ. При крѣпкой системѣ противодѣйствія *принципу* полонизма, польское меньшинство потеряетъ серьезное политическое значеніе въ краѣ и эти гости въ средѣ русскаго народа будутъ совершенно безопасны для Россіи. Но сколько еще остается сдѣлать, чтобы достигнуть этого результата! Подавленіе вооруженнаго возстанія есть только первое и самое легкое начало дѣла, дѣло будетъ собственно впереди, дѣло возвращенія русской народности въ западной Руси того значенія, которое ей принадлежитъ по праву. Дѣло это потребуетъ постояннаго участія всего русскаго общества въ дружномъ содѣйствіи правительству. Оно потребуетъ не столько дѣйствій *противъ* польскаго элемента, сколько дѣйствій *въ пользу* русскаго народа. Объ одномъ изъ первыхъ, самыхъ существенныхъ дѣйствій этого рода мы уже говорили, именно о распространеніи постановленій 1-го Марта на Кіевскую, Волынскую и Подольскую губерніи. Дай Богъ, чтобы эта надежда скорѣе осуществилась.

Вторымъ, не менѣе важнымъ дѣйствіемъ было бы, по нашему мнѣнію, уравненіе крестьянъ государственныхъ въ западныхъ губерніяхъ съ крестьянами, освобожденными указомъ 1-го Марта 1863 года. Мы безпрестанно встрѣчаемъ въ оффиціальныхъ донесеніяхъ и частныхъ корреспонденціяхъ извѣстія, что тамошніе государственные крестьяне далеко отстаютъ отъ бывшихъ помѣщичьихъ въ сознаніи своего народнаго дѣла и въ сопротивленіи полякамъ. Вещь понятная. Бывшіе помѣщичьи крестьяне освобождены и пользуются собственнымъ самоуправленіемъ, государственные находятся въ совершенной зависимости отъ мѣстной администраціи, чисто польской по своему составу. Предоставить государственнымъ крестьянамъ западныхъ губерній поземельный надѣлъ въ полную собственность, какъ это сдѣлано для помѣщичьихъ крестьянъ

и дѣлается теперь для удѣльныхъ, дать имъ полное мірское самоуправленіе и освободить администрацію государственныхъ имуществъ отъ тѣхъ элементовъ, вслѣдствіе которыхъ она до сихъ поръ служила въ западномъ краѣ одною изъ главныхъ опоръ полонизма, вотъ, какъ намъ кажется, первая существеннѣйшая задача наша въ этомъ дѣлѣ.

Православное духовенство должно быть выведено изъ униженія, въ которомъ его держали до сихъ поръ, должно получить матеріальное обезпеченіе, по крайней мѣрѣ, равное тому, которымъ пользуется католическое, и быть поставленнымъ въ совершенную независимость отъ помѣщиковъ и вообще въ такое положеніе, чтобы оно могло свободно и безъ препятствій дѣйствовать на пользу русской народности и народнаго образованія.

Разумѣется въ такомъ отдаленіи отъ мѣста нельзя писать подробную программу дѣйстій въ западномъ краѣ, да и мы нечувствуемъ въ себѣ къ тому никакого призванія. Не имѣя мѣстныхъ данныхъ, мы не рѣшимся даже въ общихъ словахъ высказать положительное мнѣніе о такомъ важномъ предметѣ, какъ напр. элементарное народное образованіе: какъ и на какомъ языкѣ преподавать народу? Недавно, преимущественно въ Петербургѣ, утверждали, что первоначальное обученіе въ западномъ краѣ должно быть производимо непремѣнно на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, особенно тамъ, гдѣ господствуетъ нарѣчіе малорусское; но затѣмъ поднялись голоса мѣстныхъ дѣятелей, опровергающіе этотъ взглядъ. Такимъ образомъ, мы теперь находимся въ недоумѣніи и можемъ желать только, чтобы учили народъ западно-русскій, а какъ его учить, по великорусски ли, или на мѣстныхъ нарѣчіяхъ: бѣлорусскомъ и малорусскомъ, можетъ указать всего лучше сама жизнь. Вредно было бы предрѣшать этотъ вопросъ регламентаціей a priori въ ту или въ другую сторону.

Что же касается Жмуди и Литвы въ собственномъ смыслѣ, такъ же какъ латышей Витебской губерніи, то само собою разумѣется, что первоначальное обученіе должно быть производимо на ихъ языкахъ, совершенно самостоятельныхъ. Россія, уже призвавъ безусловно принципъ народности въ западно-русскихъ губерніяхъ, не можетъ не быть вѣрна ему и въ краѣ, обитаемомъ вѣтвями литовскаго племени. Если бы мы стали прежде на эту точку зрѣнія и не предоставляли польскому меньшинству владычества надъ литовскою народностью, то, конечно, не удалось бы ксендзамъ и шляхтѣ фанатизировать Литву и Жмудь за Польшу, отъ которой литовская народность такъ долго и такъ много страдала. Постараемся вывести эту убитую Польшею народность изъ омертвѣнія, постараемся открыть ей путь къ образованію на собственномъ языкѣ, къ развитію своего народнаго самосознанія,—и мы исполнимъ одну изъ самыхъ важныхъ обязанностей Россіи въ западномъ краѣ.

Мы ничего несправедливо не отнимемъ у Польши, напротивъ того, самая справедливость требуетъ, чтобы польская народность господствовала тамъ, гдѣ живетъ польскій народъ, но не тамъ, гдѣ его нѣтъ. Все зданіе польскихъ притязаній держится въ западной Руси и Литвѣ на власти и привиллегіяхъ дворянства, съ которыми соединялась до сихъ поръ монополія образованія, тѣмъ болѣе, что тамъ купечество и вообще средній классъ состоитъ, какъ извѣстно, изъ евреевъ. Какъ будто нарочно для того, чтобы эта монополія образованія была какъ можно больше обезпечена полякамъ, существовало (и кажется существуетъ) въ томъ краѣ утвержденіе *дворянскихъ училищъ*, закрывающее всѣмъ не-дворянамъ. значитъ всей массѣ русскаго и литовскаго туземнаго населенія, возможность идти далѣе элементарнаго обученія. Теперь матеріальная власть надъ народомъ отнята у польскаго дворянства. Отнимите у него монополію образованія открытіемъ всѣмъ классамъ населенія равнаго доступа во всѣ училища, низшія, среднія и высшія и, на первыхъ порахъ, содѣйствіемъ русскимъ и литвинамъ, которые хотѣли бы учиться; отнимите у гимназій въ заиадной Руси тотъ исключительно-польскій характеръ, который онѣ имѣютъ теперь, какъ видно по извѣстіямъ, сообщаемымъ въ мѣстныхъ корреспонденціяхъ; дайте литовскому языку въ гимназіяхъ и другихъ училищахъ собственно литовскаго края по крайней то мѣсто, какое вы даете польскому; объясняйте литвинамъ законы по литовски, а не по польски, какъ дѣлается теперь *), отстраните тѣ обвевшалыя и со времени крестьянской реформы уже ненужныя привиллегіи, по которымъ шляхтичъ, т. е. полякъ, стоитъ выше не шляхтича, т. е. русскаго и литвина; старайтесь поставить ожидаемыя новыя судебныя и земскія учрежденія такъ, чтобы мѣстное русское и литовское населеніе имѣло въ нихъ голосъ, соотвѣтствующій его дѣйствительному значенію,—словомъ слѣдуйте неуклонно, на каждомъ шагу, во всѣхъ подробностяхъ, принципу народности, не давайте ни въ чемъ преимущества меньшин-

*) На этихъ дняхъ мы получили письмо отъ одного природнаго литвина, католика по вѣроисповѣданію, но крѣпко любящаго свою литовскую народность. Онъ, между прочимъ, выставляетъ всю несообразность того явленія, что „Виленскій Вѣстникъ", оффиціальный органъ Россіи въ отношеніи къ Литвѣ, издается по-русски и по-польски. Если Россія считаетъ нужнымъ сообщать распоряженія правительства и другія извѣстія населенію Литвы не на одномъ только русскомъ языкѣ, такъ какъ онъ для многихъ туземцевъ непонятенъ, то справедливость требуетъ, по мнѣнію нашего корреспондента, чтобы въ оффиціальномъ органѣ подлѣ русскаго языка былъ поставленъ литовскій, но никакъ не польскій, ибо, во-первыхъ, литовскій языкъ есть языкъ массы тамошняго населенія, за исключеніемъ бѣлоруссовъ, для которыхъ польскій переводъ русской рѣчи, очевидно, не нуженъ; а во-вторыхъ, если кто въ Литвѣ не понимаетъ по-русски, такъ это именно литвины, а отнюдь не поляки, которые, какъ люди, принадлежащіе къ высшему сословію и получившіе большее или меньшее образованіе, всѣ достаточно понимаютъ по-русски.

ству надъ большинствомъ, чужому надъ туземнымъ, аристократическому надъ народнымъ: этого требуетъ самая строгая справедливость, самое строгое безпристрастіе, и это разомъ положитъ конецъ неестественному господству польскихъ стихій въ краѣ, не принадлежащемъ польской народности. И если бы нѣкоторые тамошніе поляки продолжали предъявлять притязанія въ родѣ тѣхъ, которыя руководили польскимъ дворянстомъ въ его извѣстномъ адресѣ, не преслѣдуйте ихъ судомъ и казнями: ибо законъ не можетъ запретить поляку желать жить въ Польшѣ, а просто приглашайте такихъ господъ переселяться въ Польшу, коль скоро они не хотятъ быть гражданами въ русской средѣ. Но такихъ притязаній уже не будетъ. Хотя Journal des Débats и разсказываетъ намъ, что «смоленскіе инсургенты сдѣлали диверсію и съ успѣхомъ, какъ видно, сразились съ русскими на Московской дорогѣ*)»; хотя при объявленіи въ нашихъ газетахъ призыва къ оружію четырехъ полковъ малороссійскихъ казаковъ, поляки сейчасъ разгласили по Европѣ, что это «конные отрады» инсургентовъ формируются и спѣшатъ къ нимъ на помощь изъ Черниговской, Полтавской и Харьковской губерній,—однако, дѣйствительно и серьезно, польскія притязанія не идутъ, какъ видно по всему, далѣе границъ 1772 года; поляки оставляютъ намъ и Смоленскъ, и Черниговъ, и Полтаву, и Харьковъ, не смотря на то, что и тамъ живетъ не малое ихъ число и что Польша имѣетъ такое же точно историческое право на эти страны, какъ на Кіевъ, на Минскъ и на Вильну. Дѣло въ томъ, что въ Смоленскѣ и Малороссіи на лѣвомъ берегу Днѣпра народность польская уже стала въ положеніе иностранной стихіи среди господствующей народности туземцевъ. Коль скоро туземной народности, русской и литовской, возвращено будетъ въ Кіевѣ, Минскѣ и Вильнѣ, въ Гроднѣ, Могилевѣ и Житомирѣ, такое же фактическое значеніе, какое туземная русская народность имѣетъ въ Черниговѣ, Полтавѣ и Смоленскѣ, польская стихія станетъ тамъ, по самой силѣ вещей, въ такое же точно положеніе; всѣ притязанія, которыя теперь такъ усложняютъ наши отношенія къ Польшѣ, падутъ сами собою, и Польша сдѣлается дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ она должна быть,—землею польскаго народа. Тогда поляки займутъ въ славянскомъ мірѣ свое природное мѣсто, мѣсто на ряду со всѣми другими славянскими племенами, соотвѣтствующее ихъ числительности и дѣйствительному значенію, ихъ географическому положенію и народному характеру. Тогда не будетъ польскаго вопроса и о Польшѣ будетъ рѣчь въ одномъ общемъ славянскомъ вопросѣ. Отдѣльному польскому вопросу будетъ конецъ и не будетъ никакихъ

*) Journal des Débats *отъ 15-го іюля:* Les insurgés de Smolensk ont fait une diversion et livré avec succès, à ce qu'il paraît, un combat aux Russes sur la route de Moscou.

поводовъ къ борьбѣ между Россіей и Польшей. Тогда, имѣя дѣло съ Польшею, какъ съ дѣйствительною землею польскаго народа, намъ не трудно будетъ установить правильныя къ ней отношенія. Какъ ни разрѣшатся тогда эти отношенія, возвратимъ ли мы Польшу ей самой, или она соединится съ Россіею общимъ политическимъ устройствомъ, напр. въ родѣ того, о какомъ говорилъ «Русскій вѣстникъ» въ приведенной выше статьѣ и которое въ настоящемъ положеніи дѣлъ можетъ быть удобнымъ только для самой Россіи, или Польша получитъ свое особое представительство, какъ Финляндія, всѣ эти разрѣшенія будутъ возможны, ибо тогда не останется того бѣдственнаго противорѣчія, которое теперь не дозволяетъ Россіи ни разойтись съ поляками, ни сойтись съ ними.

Когда же это будетъ? Это зависитъ, главнымъ образомъ, или вѣрнѣе сказать, единственно, отъ дѣятельности русскаго народа, русскаго общества и русскаго правительства въ западномъ краѣ Россіи. Россія счастлива тѣмъ, что она можетъ, что она обязана для собственнаго своего блага, опираться безусловно и повсемѣстно на то начало, которое всѣмъ человѣчествомъ признается справедливымъ и которое болѣе и болѣе торжествуетъ повсюду,—на начало народности. Это же начало народности есть единственная, природная, необходимая точка опоры наша въ отношеніи къ полякамъ. In hoc signo vinces, и чѣмъ искреннѣе и крѣпче мы будемъ держаться его, тѣмъ вѣрнѣе и скорѣе достигнемъ побѣды. Только въ началѣ народности можетъ Россія искать разрѣшенія польскому вопросу.

Польскій вопросъ въ наше время

Палацкаго.

Хотя не охотно, однако я долженъ еще разъ и то дастъ Богъ въ послѣдній коснуться самаго щекотливаго у насъ вопроса о борьбѣ между Поляками и Русскими. Этотъ вопросъ больше всякаго другаго вопроса велъ къ раздвоенію мнѣнія въ нашемъ народѣ; напрасно было бы всякое утаиваніе и скрываніе этого явленія: онъ сталъ уже причиною и предметомъ страсти, недопускающей ни холодныхъ разсужденій, ни справедливаго суда. Есть между нами энтузіасты, для которыхъ и самое безпристрастіе въ этомъ спорѣ есть низость передъ Богомъ и передъ людьми; кто только не имѣетъ охоты хвалить и заступаться *за священныя стремленія поляковъ*, того не минуетъ гнѣвъ ихъ, или по крайней мѣрѣ они заслужатъ прозваніе *„отсталаго обсолютиста, царофила и чтителя русскаго тиранства“*. Такое пристрастное стремленіе давно уже охватило большинство нашихъ журналовъ; когда же я съ моимъ другомъ и зятемъ д-ромъ Ригеромъ осмѣлился разъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1863 года предостеречь своихъ земляковъ чтобы они, помня прежде всего отношенія и потребности своего народа, не дѣлались участниками въ тѣхъ страстныхъ увлеченіяхъ, но слѣдили бы за этой печальной борьбой двухъ народовъ, намъ сродныхъ, съ объективностію и безпристрастіемъ, то мы были провозглашены многими изъ противной намъ партіи измѣнниками; даже мальчишество избрало насъ предметомъ своихъ забавъ и демонстрацій. Искусный терроризмъ въ морѣ общественнаго мнѣнія, проистекая изъ извѣстной среды на чужбинѣ, достигаетъ и до насъ прибоемъ волнъ довольно сильнымъ; но мы какъ вообще, такъ и въ этомъ дѣлѣ не дадимъ себѣ такъ легко увлечься его волнами.

Приступаю теперь прямо къ ядру предмета. Противная намъ сторона восклицаетъ съ паѳосомъ: „поляки воюютъ за свободу, за свое избавленіе отъ царскаго деспотизма,—это ихъ единственная цѣль; кто не сочувствуетъ ихъ свободѣ, тотъ не другъ свободѣ вообще“. Если бы это было въ самомъ дѣлѣ такъ, то я теперь ничего не имѣлъ бы

возражать, ибо я не оспариваю у нихъ не только стремленія къ свободѣ, но и права на нее, и защиту своего права я никому не ставлю въ вину. Мнѣ однако казалось съ самаго начала и кажется еще и до сихъ поръ, что собственно свобода не была и не есть единственной цѣлью нынѣшней польской борьбы; напротивъ она есть средство къ достиженію другой дальнѣйшей цѣли, лежащей уже за границами права, т. е. къ достиженію господства именно въ такъ называемыхъ забранныхъ Русскихъ краяхъ — Волыни, Подоли и Украинѣ. Гдѣ же есть господство, тамъ всегда должны быть подданничество и служеніе, а это опять исключаетъ свободу.

Между тѣмъ и въ доказательство своей правды приведу только два сильныхъ факта. Такъ названное польское *народное правительство* уже въ одномъ изъ первыхъ воззваній, которыя оно выдало, означило намѣреніе свое и польскаго народа вмѣстѣ не полагать оружія прежде, чѣмъ Польша не будетъ обновлена въ своихъ границахъ 1772 г. Что это значитъ, этого думаю не нужно объяснять разумному человѣку. Правда, что недавно дано этимъ словамъ толкованіе болѣе ограниченное,—такое, что Галиція и Познань пусть пребываютъ въ мирѣ, что поляки не хотятъ воевать ни съ Австріей, ни съ Пруссіей, но что они хотятъ обратить всѣ свои силы только противъ Россіи; но здѣсь опять польскіе патріоты не отступаютъ ни на волосъ отъ знаменитой программы. И это фактъ всѣмъ извѣстный, что они не желаютъ имѣть своего собственнаго польскаго правительства только у себя дома, т. е. въ такъ называемой конгрессовкѣ, но что они домогаются того, чтобы нѣкогда подчиненныя власти поляковъ, „забранныя“ провинціи были снова отторжены отъ Россіи. Это свидѣтельствуется и другимъ важнымъ фактомъ, что когда польскій сановникъ, но иначе просвѣщенный, маркизъ Велепольскій, имѣя въ виду то, что возможно имѣть въ нашъ вѣкъ, составилъ другую программу и, признавая рѣшеніе судьбы касательно забранныхъ краевъ, хотѣлъ ограничить свои патріотическія заботы автономіею отечества въ его болѣе узкихъ предѣлахъ (т. е. докуда простирается языкъ и дѣйствительно польское владѣніе), то онъ громко былъ провозглашенъ измѣнникомъ народа и ни на минуту не былъ внѣ опасности за свою жизнь. И это всеобщее стремленіе къ давнему блеску, могуществу и славѣ, къ господству польскаго имени въ пространныхъ и далекихъ земляхъ,—я не говорю, чтобы оно само собою было неблагородно, но я стою на томъ, что оно не есть стремленіе только къ свободѣ.

Каждому ученику извѣстно, или можетъ быть извѣстно, что тѣ три края--Волынь, Подоль и Украина, о Литвѣ и Бѣлой Руси я замолчу— искони не были и не суть польскими; но именно Украина съ главнымъ городомъ Кіевомъ на Днѣпрѣ была уже за тысячу лѣтъ истинной колыбелью всей Русской державы, первой столицей первыхъ властителей

русскихъ,—св. Владиміра, его предковъ и потомковъ, и Кіевъ также каждому русскому дорогъ, какъ и матерь Москва, такъ что онъ готовъ отстаивать его до послѣдней капли своей крови. Только неслыханный когда-то въ дѣяніяхъ міра погромъ, обрушившійся отъ Чингисхана и его потомковъ, покорившихъ себѣ неодолимою силою въ то дивное короткое время—чуть ли не всю Азію и половину Европы, могъ затмить могущество русскихъ на долгое время и въ такой мѣрѣ, что и сосѣди менѣе могущественные, какъ литовцы, въ 1319 г. достигли временнаго перевѣса въ давнихъ русскихъ удѣлахъ, а позднѣе чрезъ соединеніе Литвы съ Польшею достался польской власти даже и Кіевъ. Возвращеніе этого города и его окрестныхъ земель къ прежней державѣ въ глазахъ каждаго русскаго представляется не какъ кривда и насиліе, но только какъ историческая справедливость.

Такъ какъ поляки во-чтобы-то ни-стало хотятъ быть свободными не только дома, но владычествовать также и въ Кіевѣ, и въ другихъ мѣстахъ, то они встрѣчаются враждебно съ народнымъ и патріотическимъ чувствомъ русскимъ и возбуждаютъ его неизбѣжно къ борьбѣ и къ отпору. Напрасно было бы утверждать, что они ведутъ борьбу только противъ царя, но нисколько противъ русскаго народа: царь есть до сихъ поръ въ своемъ государствѣ самодержавный государь и своимъ могуществомъ превосходитъ другихъ государей, но ни въ какой степени, ни въ какое время не можетъ помыслить о томъ, чтобы отречься отъ колыбели своей державы, и поступиться ею, какъ добровольнымъ даромъ полякамъ. Если-бы онъ и хотѣлъ это сдѣлать, то палъ-бы подъ проклятіями своего народа.

О правѣ въ революціи я ни съ кѣмъ спорить не буду. Знаю, что революціи съ давнихъ временъ производятся сверху, какъ и снизу, и что главнымъ въ нихъ правиломъ полагается только благой успѣхъ и никогда нравственность. По этому о нравственной и законной сторонѣ въ польской борьбѣ а не желаю распространяться; но увы мнѣ хорошо извѣстно, что международныя отношенія еще и до сихъ поръ почти вездѣ совершаются грубымъ могуществомъ и насиліемъ. Но бросая взглядъ на потребное для успѣха, можно судить, много ли было политической проницательности, мудрости и основательности, которыя привели поляковъ къ нынѣшней борьбѣ. Виновники возстанія прежде чѣмъ ввергли народъ свой въ опасности роковой войны, должны были заранѣе разсчитать и измѣрить основательно свои силы, какъ и силы противника. Если же нѣкоторое время они льстили себя напрасной надеждой, что вся Европа грянетъ имъ на помощь, они моглибы по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, узнавъ на опытѣ свой обманъ, отказаться отъ дальнѣйшаго усилія, ни къ чему иному не ведущаго, какъ только къ раздраженію и ожесточенію непріятеля и къ умноженію домашняго бѣдствія и неурядицы. Никто больше въ Европѣ уже и не подумаетъ о крестовомъ походѣ для воз-

становленія польскаго трона. Далѣе ставить судьбу тысячъ, даже милліоновъ въ зависимость отъ такого сомообольщенія, есть безумство, чтобы не сказать преступленіе. Еслибы я вовсе не сочуствовалъ полякамъ и дѣйствительно былъ бы такимъ ихъ врагомъ, какимъ они меня считаютъ, я бы и тогда горевалъ и сердечно сожалѣлъ о столькихъ напрасныхъ благородныхъ жертвахъ, о столькихъ силахъ, растраченныхъ въ неравномъ бою, о столькихъ прекрасныхъ надеждахъ преждевременно сошедшихъ въ могилу, о доблестныхъ рыцарскихъ усиліяхъ достигнуть исполненія несбыточной мечты,— между тѣмъ какъ ихъ отечество пустѣетъ и самый народъ бѣднѣетъ и рѣдѣетъ. Мнѣ однако возразятъ, я это знаю, что и въ забранныхъ провинціяхъ живутъ поляки, что и тамъ ихъ не нужно забывать. Мнѣ это хорошо извѣстно, и знаю какъ и откуда взялись тамъ они. По новѣйшимъ статистическимъ свѣдѣніямъ число ихъ не составляетъ полныхъ 10 процентовъ изъ всего народонаселенія (въ Подоли около 13, на Волыни около 12 и въ Кіевской губерніи до $4^1/_2$ проц. Они суть нѣкогдашніе (nekdeisi) Русины (Малоруссы), которые стараніемъ и содѣйствіемъ іезуитовъ въ XVI—XVII столѣтіяхъ окатоличились и ополячились. Я не хочу обозначать здѣсь, какъ при такомъ стараніи и вліяніи щадилось право и гуманность: объ этомъ лучше всего умѣли-бы разсказать историки обоихъ народовъ, Польскіе и Русскіе, а пока могу судить, что между дѣйствіями въ тѣхъ Русскихъ краяхъ въ то время, и въ Чехіи во время 30 лѣтней войны. была разница только въ степени, но ни сколько не существенная. Однако это нисколько не измѣняетъ нынѣшняго дѣла и положенія; теперь поляки въ малорусскихъ губерніяхъ настоящіе поляки и имѣютъ полное право хранить свою народность, не повреждать и не уменьшать ея. Но имѣютъ-ли они такое право на господство? это вопросъ спорный. Они говорятъ, что это можно, ибо они сами шляхтичи, граждане интеллигенты. Здѣсь я не соглашусь, ибо какимъ образомъ можно согласится съ правилами нашихъ и красныхъ демократовъ, чтобы какое-нибудь меньшинство пановъ и богачей господствовало надъ огромнымъ большинствомъ? Не въ этомъ-ли чистое „священное стремленіе“ къ свободѣ и къ равенству? Есть еще другое возраженіе, котораго я долженъ коснуться бѣгло. Нѣкоторые поляки утверждаютъ, что Русины или Малоруссы не москали, и не хотятъ быть ими, потому что правительство, будь оно Польское, или Московское, для нихъ равно любезно или не любезно. Это утвержденіе ни въ какомъ отношеніи не имѣетъ достаточной силы. Языкъ Малорусскій есть чисто Русское нарѣчіе и вовсе не польское и относится къ русскому литературному языку точно такъ, какъ Словинское нарѣчіе къ Чешскому, Хорватское къ Сербскому, Тирольское или Австрійское къ Нѣмецкому, Провансальское къ Французскому и т. д. Ни одинъ благоразумный человѣкъ не станетъ оспаривать права у какого-бы то ни было нарѣчія или поднарѣчія,

быть употребляемымъ въ книгахъ и литературѣ, но полезно ли и желательно ли, чтобы литературы—всѣхъ племенъ и нарѣчій дробились до безконечности въ особенности тамъ, гдѣ для этого нѣтъ достаточнаго историческаго основанія? Это еще другой вопросъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я познакомился въ Авиньонѣ съ учеными людьми, которые горою возставали противъ употребленія общаго Французскаго языка, и хотѣли имѣть для себя собственную литературу, но народъ въ цѣлой Южной Франціи и слушать даже ихъ не хотѣлъ и не пошелъ по ихъ стопамъ. Точно также и Малоруссы нигдѣ доселѣ въ большомъ числѣ не изъявляли мысли о политическомъ и народномъ отторженіи отъ Великоруссовъ и дѣйствовавшія по этому направленію отдѣльныя лица поступали тутъ болѣе или менѣе подъ вліяніемъ Поляковъ. Однако здѣсь не мѣсто разсматривать подробнѣе этотъ вопросъ.

«Опять повторяю свое убѣжденіе, что Поляки уже съ самаго начала скомпрометировали свои священныя стремленія, когда недовольные программою Велепольскаго, сверхъ автономіи и свободы внутри, требовали такого же господства извнѣ, такъ что вызвали борьбу огромную, лишь бы ослабить, даже унизить и чуть не доконца уничтожить — Русскій народъ. «Если же всего не достигнуть, то не хотимъ ничего»!—Такъ говорятъ герои, а подчасъ также и дѣти.

«Я долженъ коснуться, хотя и не охотно, и другихъ непріятныхъ сторонъ, гдѣ также, по моему мнѣнію, стремленіе къ господству смѣшивается съ стремленіемъ къ свободѣ. Я тутъ разумѣю положеніе и отношеніе Польскаго крестьянина. Этотъ крестьянинъ—славянинъ, а потому онъ понятливъ и способенъ къ развитію, въ свойственной ему степени. Но отчего онъ вездѣ еще находится въ томъ бѣдственномъ положеніи, въ которое его ввергла грѣшная политика, хвастливая и лишенная всякаго патріотизма аристократія прошлыхъ вѣковъ?

«Отчего не удается у него эманципація какъ отъ пана, такъ и отъ жида? Ему прежде всего нужны бо́льшее развитіе и дѣятельность духа, чтобы идти впередъ. А много ли сдѣлано и дѣлается для сельскихъ школъ, для возбужденія охоты къ чтенію между земледѣльцами? По чему до сихъ поръ такъ мало послѣдователей нашелъ благородный д-оръ Марциновскій въ Познани? Если бы Польскіе шляхтичи и высшее сословіе, по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ постигъ ихъ несчастный политическій погромъ, захотѣли снизойти и пристать къ простому народу, поставить его нѣсколько выше и слиться съ нимъ въ одно народное тѣло, то они нашли бы нынѣ въ своей роковой борьбѣ больше подпоры, нежели отпора, какъ доказываетъ самое состояніе сельскаго народа въ Познани, нѣсколько образованнаго. Я не спорю, что есть и между Польскими панами и Польками благородные филантропы—я самъ знаю нѣкоторыхъ, которые старались объ улучшеніи быта и о лучшемъ образованіи своихъ подданныхъ; но это только

исключительные примѣры—rari nantes in gurgite vasto. Здѣсь не поможетъ нареканіе на препятствія, положенныя подозрительными правительствами; въ XIX вѣкѣ ни одно ретроградное правительство не будетъ противиться благонамѣреннымъ стремленіямъ къ образованію народа, лишь бы они были лишены всякаго злоумышленнаго внушенія.

„Я не могу хвалить цѣль возстанія Польскаго пана: стремленіе къ свободѣ нарушается вмѣшиваніемъ желанія господствовать, еще менѣе я могу подружиться съ средствами, которыми пользуется оно для достиженія цѣли. Если бы Поляки, въ 1831 году, стали открытою войною на широкомъ полѣ добиваться какихъ бы то ни было изъ своихъ правъ. то я могъ бы еще, по различнымъ причинамъ и въ различномъ отношеніи не хвалить ихъ предпріятія, но никакъ не могъ бы оспаривать, что они жертвуютъ жизнью и имуществомъ изъ убѣжденія въ своемъ правѣ; это была бы война какъ война и сочувствіе клонилось бы къ тому, кто велъ бы себя въ ней благороднѣе. Но они испортили и опозорили свое дѣло съ самаго начала, призвавъ на помощь себѣ новѣйшую секту ассасиновъ - новыхъ коварныхъ потаенныхъ политическихъ убійцъ, и когда даже не погнушались орудіемъ клеветы и лжи, лишь бы сдѣлать ненавистнымъ въ цѣломъ мірѣ все, что Русское и что ставится въ отпоръ имъ полякамъ. Еще прежде, чѣмъ въ Варшавѣ было совершено одно такое коварное убійство, здѣсь нѣкоторые изъ благородныхъ Поляковъ ограждали себя, говоря, что цѣлая польская исторія не знаетъ ни одного поляка, который-бы былъ потаеннымъ убійцею. Этого гордаго слова уже небудутъ они въ состояніи повторить; въ этомъ отношеніи ихъ дѣвственная репутація легкомысленно утрачена навсегда, и, увы, имена „Полякъ“ и „бандитъ“ перестали уже быть не совмѣстимыми крайностями... Не хочу распространяться объ этомъ дѣлѣ; оно для меня самого печально....

«Но я все-таки не могу умолчать, что оно и въ другомъ отношеніи позоритъ, подрываетъ и убиваетъ славу и честь Польскаго имени. Цѣлый міръ, повторяю,—цѣлый міръ, не исключая даже и ихъ враговъ Русскихъ, справедливо дивится и уважаетъ ту безпримѣрную горячность и патріотическое самопожертвованіе, то геройство, неустрашимость и твердость, которыя выступаютъ противъ превосходнаго непріятеля въ борьбѣ, продолжавшейся цѣлый годъ; но таже несчастная секта иногда и тутъ наводитъ сомнѣніе; много ли доблести можно приписать тамъ возбужденному одушевленію народа, и много ли слѣдуетъ отнести на долю безразборчивому терроризму, распространенному на всѣ стороны сектою убійцъ?

„О несправедливости и клеветахъ, примкнувшихъ съ самаго начала къ борьбѣ Поляковъ, объ основаніи фабрикъ на бюллетени въ пользу Поляковъ и въ униженіе ихъ враговъ, фабрикъ, которыя своимъ товаромъ наводнили большинство журналовъ какъ въ Европѣ вообще, такъ

и въ Чехіи въ особенности: объ всемъ этомъ уже подходящемъ къ концу, я бы охотнѣе помолчалъ, если бы не было потребности обратить вниманія нашихъ читателей на степень достовѣрности, которой вообще заслуживаетъ журналистика въ наше время и въ нашихъ обстоятельствахъ. Многочисленная толпа всегда легко предается авторитету готовому водитъ ее, и хотя бы это былъ только авторитетъ журналовъ создающихъ и питающихъ въ нашъ вѣкъ общественное мнѣніе. Однако всѣ они бываютъ болѣе или менѣе пристрастны; совершенно безпристрастныхъ нашъ вѣкъ не знаетъ, думаю, и знать не хочетъ; кто желаетъ знать правду и быть справедливымъ, тотъ долженъ слушать всѣ стороны, чтобы хоть отчасти выйдти изъ заблужденія».

«Мы, Чехи, особенно обязаны учиться и разузнавать абъ этой правдѣ; заботиться о томъ, что разсказываетъ о насъ почти что безъ исключенія Нѣмецкая журналистика, какъ у себя дома, такъ и на чужбинѣ; справедливо ли она судитъ о нашихъ народныхъ стремленіяхъ и всегда ли она правду говоритъ о томъ, что мы дѣлаемъ или думаемъ? Оставляю въ сторонѣ другихъ, скажу только о самомъ себѣ: какимъ нравственнымъ чудовищемъ я долженъ бы быть, если бы была правдою хоть часть того, что разглашали обо мнѣ по міру всевозможныя газеты, особенно жидовско-нѣмецкія, какъ въ 1848 г., такъ и въ 1851 году. Но газетная журналистика, которая трактуетъ о тѣхъ партіяхъ, которыхъ не навидитъ, уже давно потеряла въ моихъ глазахъ свой авторитетъ, а нужно прибавить, что я не дѣлаю исключенія и для польскихъ журналовъ. Ненависть всегда обильно плодитъ вымыслы и басни недружественные, даже злорѣчивые. Извѣстно, что должны были дѣлать повсюду друзья Польскаго возстанія для того, чтобы въ цѣломъ свѣтѣ возбудить ненависть и отвращеніе къ притѣснителямъ ихъ Русскимъ, и сочувствіе къ страждущимъ Полякамъ; здѣсь съ самаго начала легко было понять, что краски охотнѣе будутъ сгущать, нежели сглаживать. Я не говорю, сохрани меня Богъ, что во всемъ были виноваты одни только Поляки, а Русскіе не виноваты. Кто чувствуетъ въ себѣ призваніе поразить своего врага, тотъ тѣмъ менѣе будетъ заботиться о томъ, не оскорбитъ ли онъ также его чести. По этому я также не думаю, чтобы Русскіе бюллетени были во всемъ правдоподобны, хотя и мало ихъ дошло до насъ. Прежде всего, я думаю, что грѣшили и грѣшатъ обѣ стороны, и Богъ вѣсть у какой изъ нихъ больше грѣха. Но долгое употребленіе ассасинскихъ орудій не позволяетъ думать лучше о Полякахъ....

„Даже самый кроткій отъ природы человѣкъ принужденъ будетъ наконецъ разсвирѣпѣть, если увидитъ, что его со всѣхъ сторонъ окружаютъ непріятели, умышляющіе на его жизнь, такъ что онъ ни на минуту даже не можетъ быть увѣренъ, что изъ-за каждаго угла, при каждомъ входѣ и выходѣ, ему не грозитъ кинжалъ, револьверъ или орсиніевская бомба. Нечего, по этому и диваться, если съ обѣихъ

сторонъ и совершаются ужасы. Кто первый прибѣгъ къ суду меча и насилія, тотъ отнялъ у себя право протестовать противъ ихъ приговора; люди которые начали войну не могутъ жаловаться, что она и ихъ самихъ губитъ и пожираетъ. Тѣмъ тяжелѣе было мнѣ видѣть, и прежде и до сихъ поръ, что наши Чехи, зная, что обѣ враждующія стороны суть наши родные и друзья по народности, не только не стараются примирить ихъ между собою и успокоить ихъ страсти, но грубымъ пристрастіемъ къ одному противнику оскорбляютъ другаго, который, противъ насъ по крайней мѣрѣ, не провинился ни въ чемъ.

«Что насильное раздѣленіе Польши въ прошломъ столѣтіи было несправедливымъ покушеніемъ противъ права народовъ, я этого никакъ не хочу оспаривать, ни даже сомнѣваться въ немъ. Но я долженъ спросить себя: если это единственнымъ незаконнымъ дѣломъ въ дѣяніяхъ міра, и не полны ли эти дѣянія подобными этому покушеніями?

«Всякая война ничѣмъ инымъ не бываетъ, какъ только проводникомъ насилія въ большей мѣрѣ, и до сихъ поръ побѣдители имѣютъ обыкновеніе предписывать пораженному на полѣ битвы законы и правила. Много отвратительностей и незаконностей является въ исторіи міра вездѣ, и Божій промыслъ терпитъ ихъ; однако въ сердце разумнаго человѣка вложена обязанность и способность предвидѣть ихъ и думать заранѣе о средствахъ, отражать ихъ, съ какой бы стороны онѣ не пришли. Можетъ быть въ Польшѣ не довольно вспоминали объ этой обязанности, можетъ быть и о Полякахъ должно сказать, что приходится, увы, сказать про нынѣшнихъ Чеховъ: delicta majorum emmeriti luunt (безъ вины отвѣчаютъ за вину предковъ).

«И противъ насъ когда то два раза возставали всѣ окрестныя государства и народы; въ первый разъ мы счастливо одолѣли почти что цѣлый свѣтъ, въ другой мы были на краю полной нашей погибели. Ключъ къ уразумѣнію этой разницы между двумя эпохами, какъ по крайней мѣрѣ я полагаю, лежитъ въ несправедливомъ, неразумномъ притѣсненіи простаго народа чрезъ введеніе его рабства въ 1487 г. Кто только отлученъ отъ общественной свободы, тотъ вскорѣ самъ отлучается отъ всѣхъ высшихъ народныхъ стремленій и естественно теряетъ иниціативу духа. Развѣ въ Польшѣ никогда не было этого грѣха? Народы возвышаются и падаютъ всегда по естественнымъ причинамъ; и это дѣйствительно есть явленіе необыкновенное, что нѣкогда великая и могущественная держава допустила раздѣлить себя своимъ сосѣдямъ. Читающему Польскую исторію особенно со временъ Сигизмунда III, чѣмъ далѣе, тѣмъ живѣе бросается это въ глаза.... Однако я не хочу повторять непріятныхъ сужденій, почти всѣмъ извѣстныхъ. Но именно потому, какъ мнѣ кажется, на истинныхъ Польскихъ патріотахъ лежитъ обязанность постараться прежде всего о внутреннемъ возрожденіи своего

народа. Тутъ нужно много работать. Какъ нѣкогда злоупотребленіе воли народа, съ одной стороны чрезъ роковое: „Niepozvalam", а съ другой іезуитскими происками, вело прямо къ погибели, такъ и нынѣшнее влеченіе, съ одной стороны къ таинствамъ революціи, съ другой къ ультрамонтанству не принесетъ спасенія, покуда прежде всего не проложится дорога къ общему развитію народнаго духа и къ той истинной свободѣ, которая, чтобы стала на крѣпкомъ основаніи, сама опредѣляетъ себѣ потребныя границы. Однако довольно объ этомъ.

Меня еще съ прошлаго года провозгласили врагомъ Поляковъ: я тѣмъ болѣе сожалѣю объ этомъ, чѣмъ менѣе я сознаю, что заслужилъ это. Но если дружба зиждется на восхваленіи всего того, что другъ дѣлаетъ хорошаго и злаго, то я не могу и не хочу имѣть такой дружбы. Но я чувствую, что одно неосторожное слово, которое появилось въ первой моей статьѣ о Польскихъ дѣлахъ (8-го Іюня 1863 г.), способствовало особенно къ раздраженію умовъ противъ меня.

Только изъ-за стилистическихъ причинъ, чтобы не повторялось слишкомъ часто имя Поляковъ, я, поставивъ синонимъ „stateční páni dobrodzieji", и подумать не могъ, что онъ будетъ понятъ какъ насмѣшка и оскорбленіе; какъ только вспомнилъ о такой возможности, то я хотѣлъ поправить свою ошибку, но уже было поздно. Если я оскорбилъ этимъ кого-нибудь, то прошу у него извиненія. Но кто знаетъ меня лично, тотъ не счелъ бы меня способнымъ на такую подлость, чтобъ я насмѣхался даже надъ врагами, въ которыхъ признаю, что они въ своемъ заблужденіи отличаются честнымъ самопожертвованіемъ на алтарь отечества.

По этому же предмету другой знаменитый Чешскій публицистъ и государственный дѣятель Ригеръ высказалъ между прочимъ слѣдующее:

Прирожденное чувство правды требуетъ, чтобы возвращено было отнятое у другаго насиліемъ; но въ тоже время справедливость и разумъ прибавляютъ оговорку: „если однако отнятое дѣйствительно принадлежало ему и онъ самъ владѣлъ имъ по праву". И тутъ то мы приходимъ къ вопросу о томъ, что собственно принадлежало нѣкогда по праву Русскимъ и что Полякамъ,—мы приходимъ къ вопросу объ историческомъ правѣ.

При этомъ я долженъ прежде всего высказать свое убѣжденіе о двухъ предметахъ: первое, что борьба въ Польшѣ не есть борьба соціальная а также не борьба за гражданскія вольности, но исключительно борьба за *народную самостоятельность за политическую народность*, и второе, что каждому Поляку, который теперь подымаетъ оружіе противъ Россіи представляется какъ конечная цѣль его усилій мысль о возстановленіи цѣлой *Старой Польши*, какъ она была до перваго раздѣла. По крайней мѣрѣ на сколько я знаю, ни одинъ

Полякъ не научился представлять себѣ самостоятельности Польши иначе, какъ только подъ условіемъ, чтобы къ возобновленному государству присоединены были опять не только Галиція и Познань, даже Литва и Жмудь, но также и всѣ Малорусскіе края: Украина, Волынь, Подоль, словомъ—области отъ Балтійскаго до Чернаго моря, какъ это было въ старину... Теперь спрашивается, имѣютъ ли право Поляки требовать этихъ обширныхъ земель, въ которыхъ живетъ Малорусское населеніе болѣе многочисленное, чѣмъ всѣ Поляки, взятые вмѣстѣ. Они взываютъ къ историческому праву; но земли эти были вначалѣ цѣлыя столѣтія независимыми княжествами русскими—и возвратились отъ поляковъ снова подъ русскую державу. Никакому разсудительному Чеху не приходитъ на умъ требовать польскихъ земель, надъ которыми властвовали наши Болеславы, или странъ повиновавшихся скипетру Оттокара. Однако Поляки говорятъ далѣе: вся интеллигенція, все дворянство въ этихъ земляхъ—польскія. Это въ значительной степени справедливо; но мы Чехи думаемъ, что по дворянству и по характеру интеллигенціи, созданному правительственными мѣрами, никакъ нельзя судить о народности края; въ противномъ случаѣ Чешскій народъ уже давно утратилъ бы права на бытіе, такъ какъ уже при императорѣ Іосифѣ не только все дворянство въ Чехіи, но и все чиновническое и учительское сословіе и наконецъ весь образованный классъ были онѣмечены. Затѣмъ нѣкоторые Поляки утверждаютъ еще и то, что Малоруссы, или *Русины*, говорятъ на какомъ-то испорченномъ польскомъ нарѣчіи и что малорусское нарѣчіе гораздо ближе и понятнѣе для Поляка, нежели для Великоросса. Но это составляетъ вопросъ славянской филологіи, въ которой, какъ извѣстно, Поляки—при всемъ уваженіи и любви, питаемымъ мною къ ихъ литературѣ, столь богатой въ особенности произведеніями изящной словесности,—не сдѣлали большихъ успѣховъ, и въ которой они вѣроятно все же уступятъ пальму первенства нашему Добровскому и Шафарику.

„А эти два Славянскихъ лингвиста не находили ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что малорусскій языкъ есть нарѣчіе русской рѣчи. Передъ ихъ авторитетомъ нѣтъ мѣста голосу польскихъ дилетантовъ въ филологіи, или вѣрнѣе сказать политическихъ филологовъ. Кто у насъ хоть сколько нибудь занимался изученіемъ Славянскихъ языковъ, тотъ самъ знаетъ это, а тотъ кто не знаетъ и не желалъ бы остаться невѣждою въ этомъ вопросѣ, пусть прочитаетъ Шафарикову *„Народопись“*....

За что борются Русскіе съ Поляками? *)

Гильфердинга.

Тотъ вопросъ, вѣроятно, не разъ задаютъ себѣ читатели, слѣдящіе за печальною, кровавою распрею между двумя единоплеменными народами; не разъ, вѣроятно, представляется онъ, среди скуки ночнаго караула или послѣ боя, людямъ, которые Славянскими руками проливаютъ Славянскую кровь и сами ждутъ смерти отъ брата—Славянина.

Спросите Поляка, за что онъ борется противъ Русскихъ? Онъ намъ отвѣтитъ громко и смѣло: „я борюсь за свое отечество и его свободу, за свою народность и ея независимость“. И онъ совершенно искренъ: онъ дѣйствительно борется за свое отечество и свою народность; и и нельзя,—при всей скорби, возбуждаемой этою пагубною распрею, при всемъ справедливомъ гнѣвѣ, внушаемомъ намъ тою страшною ненавистью, какую выказываютъ Поляки къ „Москалямъ“, тѣми потоками клеветы, которыми они насъ преслѣдуютъ въ Европѣ,—нельзя, говоримъ мы, не воздавать заслуженной дани уваженія и удивленія безпримѣрному самопожертвованію этихъ людей. Исторія, можетъ быть, осудитъ ихъ дѣло; но самопожертвованіе Поляковъ останется въ ней славною, хотя печальною страницей. И не мы, Русскіе, станемъ умалять, или чернить клеветою тѣ чувства патріотизма, которыя въ настоящее время заставляютъ Польскихъ матерей высылать на вѣрную смерть сыновей своихъ, заставляютъ образованныхъ юношей изъ школъ Кракова и Познани спѣшить на поле битвы, нестройныя толпы шляхты выходитъ, съ плохимъ оружіемъ, на русскіе штыки и штуцера.

... „Не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры Русскаго пѣвца“.

Кажется, Русская литература не измѣнила завѣту своего великаго Пушкина, и въ настоящее время Поляки не могутъ упрекнуть ее въ

---

*) Эта статья нашего многоуважаемаго сотрудника перепечатывается нами изъ „Русскаго Инвалида, гдѣ она была помѣщена по нѣкоторымъ особеннымъ соображеніямъ и причинамъ. Ред. *„Дня“*.

раздраженіи и злобѣ противъ нихъ. Среди кипящей противъ насъ борьбы,—борьбы, перенесенной Поляками и во всѣ журналы, и во всѣ общественныя собранія образованнаго міра, мы не отвѣчаемъ клеветой на клевету, бранью на ругательства, проклятьемъ на проклятья. Когда мы вдаемся иногда въ полемку, то ограничиваемся опроверженіемъ выдуманнаго или искаженнаго факта, возстановленіемъ въ истинномъ свѣтѣ того, что было, но никогда не отплачиваемъ Полякамъ ихъ же монетою. Если у насъ въ послѣднее время одинъ органъ, именно Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи, сталъ вести противъ Поляковъ довольно запальчивую полемику, то не должно забывать, что этотъ Вѣстникъ есть исключительно мѣстное явленіе, порожденіе края, въ которомъ Русскіе живутъ въ ежедневномъ столкновеніи съ Поляками и отчасти въ матеріальной отъ нихъ зависимости: а что такое близкое сосѣдство не совсѣмъ располагаетъ въ пользу Поляковъ, тому самымъ неопровержимымъ доказательствомъ служатъ всѣ Русскія газеты и брошюры, какія печатаются внѣ предѣловъ нашихъ, въ Галиціи. Кажется, нельзя подозрѣвать, чтобы Галицко-Русская печать была въ зависимости отъ Россіи. Напротивъ того, Галицкіе соплеменники наши въ органахъ своихъ, то и дѣло открещиваются отъ Россіи, потому что Поляки безпрестано обвиняютъ ихъ передъ Австрійскимъ правительствомъ въ желаніи предаться Москалямъ. И тамъ-то, въ Галиціи, внѣ Россіи, Русская печать вступаетъ съ Поляками въ такую полемику, какая у насъ, въ литературныхъ органахъ нашихъ, казалась бы невозможною: и тотъ мѣстный Кіевскій журналъ, о которомъ мы упомянули и который рѣшается отвѣчать крупными словами на тѣ невообразимыя для насъ слова, какими разные Польскіе органы честятъ Москалей,—этотъ журналъ, повторяемъ, стоитъ совершенно особнякомъ въ нашей литературѣ.

Что же? Неужели намъ въ самомъ дѣлѣ отвѣчать Полякамъ нечего? Неужели мы боремся только потому, что велѣно, и не знаемъ—за что мы боремся, или не чувствуемъ за собою въ этой борьбѣ никакого права, никакого историческаго призванія и отъ этого не смѣемъ поднять голоса, сказать нашего слова!

Это было бы для насъ очень печально. Конечно, для матеріальнаго успѣха войны почти все равно. Воинъ не спрашиваетъ и не можетъ спрашивать, за что, по какому праву, за какую идею онъ борется. Онъ идетъ въ походъ, куда его посылаетъ власть, представительница вооружившей и снарядившей его на службу страны; онъ сражается потому, что это его долгъ.

Но и онъ иной разъ подумаетъ: «за что мы, Русскіе, боремся? А еще чаще думаемъ объ этомъ мы, отдаленные зрители борьбы. И на этотъ-то, наталкивающійся на всякаго вопросъ, Русская печать слишкомъ скупа отвѣтами.

Мы слышимъ съ разныхъ сторонъ много сѣтованій на это предполагаемое равнодушіе нашей литературы къ Русскому дѣлу въ борьбѣ съ Поляками, мы слышимъ много различныхъ объясненій этого явленія.

Одни говорятъ намъ: «это злорадство: наши писатели, вслѣдствіе нелюбви къ правительству, очень рады затрудненіямъ, которыя дѣлаетъ ему Польша». Мы рѣшительно отвергаемъ такое толкованіе, которое было бы слишкомъ оскорбительно для нашей литературы. Люди, взводящіе на нее подобное обвиненіе, забываютъ одно: вѣдь отъ Польской войны терпитъ не одно правительство: гораздо больше страдаетъ отъ нея народъ. Сколько она стоитъ народу людей, сколько денегъ; какъ разоряются жители края, въ который проникаютъ вооруженныя толпы Поляковъ! А какъ бы наши писатели ни относились къ правительству, ни одинъ изъ нихъ не сознается въ томъ, чтобы онъ не любилъ Русскаго народа.

Другое объясненіе, которое мы тоже не разъ слышали: «Русскіе литераторы, чтобы не лишиться имени либераловъ, боятся тронуть Поляковъ, которые на своемъ знамени пишутъ самыя либеральныя слова: свобода, братство, равенство и проч.». Эта мелкая причина можетъ имѣть вліяніе лишь на нѣкоторыя мелкія личности и, конечно, не объясняетъ общаго явленія.

Третье объясненіе: «наша Русская печать поставлена, внѣшними обстоятельствами, въ такія условія, что ей неловко говорить о вопросѣ, недопускающемъ въ нашихъ предѣлахъ открытой полемики». Этому мы, дѣйствительно, приписываемъ очень важное вліяніе на положеніе дѣла, не входя, впрочемъ, въ дальнѣйшій разборъ приведеннаго объясненія.

Четвертое предположеніе: «многіе писатели дѣйствительно не вполнѣ уяснили себѣ, за что собственно идетъ борьба съ Поляками? они не вполнѣ убѣждены въ нашемъ дѣлѣ, тогда какъ на сторонѣ Поляковъ священныя идеи свободы, отечества, національности». Это, совершенно искреннее и почтенное чувство сомнѣнія и составляетъ, какъ кажется, существенную причину слабаго участія нашей литературы въ Польско-Русской борьбѣ и связывается тѣсно съ общимъ фактомъ современной Русской жизни: съ слабымъ развитіемъ сознанія нашихъ Славянскихъ началъ, историческаго нашего значенія въ Славянскомъ племени.

Много разъ было уже говорено и писано, что только на почвѣ славянства возможно примиреніе Русскихъ съ Поляками. Мало того, только на почвѣ славянства опредѣляется самая борьба, раздирающая нынѣ эти два народа, находится отвѣтъ на вопросъ: за что мы боремся? и уясняется намъ, что боремся мы не только потому, что велѣно, не только за права, дарованныя намъ какими-нибудь трактатами 1815 года, но за наше вѣковое всеславянское историческое дѣло.

Іояснимъ нашу мысль.

ѓорень борьбы Россіи и Польши теряется въ глубинѣ вѣковъ. За-
шъ ея, можно сказать, существовалъ въ Славянскомъ племени уже
ь, когда ни Россія, ни Польша еще не являлись на историческомъ
ищѣ и когда историческая жизнь сосредоточивалась въ другихъ
янскихъ народахъ, на юго-западѣ. Едва эти народы вступали въ
ъ дѣятельности исторической, передъ ними становился вопросъ:
утъ ли они органически, всею своею духовною, общественною и
тическою жизнію въ составъ старшаго, болѣе образованнаго Римско-
анскаго міра, или устоятъ на началахъ самостоятельнаго развитія?
юсъ этотъ предлагался Славянскому племени самою силою исторіи,
е быть не могло: ибо, съ одной стороны, Славянское племя было
молодо, такъ неразвито сравнительно съ крѣпко-организованнымъ
мъ Романскаго и Нѣмецкаго Запада, что этотъ міръ могъ казаться
янамъ высшимъ идеаломъ человѣческаго общества и самъ долженъ
ь стремиться захватить въ свой кругъ слабые организмы Славян-
ъ народовъ. Но, съ другой стороны, Славянское племя было такъ
ко, такъ свѣжо, что въ немъ естественно должна была жить
ебность не только внѣшней, но и внутренней самобытности, инстинктъ
стоятельнаго историческаго призванія. На юго-западѣ зачатки
однаго Славянскаго развитія были легко заглушены громаднымъ
вѣсомъ Западнаго міра, и эти народы утратили даже, мало по
, свою политическую независимость Жизнь Славянскаго племени
едоточилась преимущественно въ двухъ народахъ сѣверо-восточной
ины Европейской: въ Польшѣ и Россіи. Польша была ближе къ
ду, Западный міръ налегалъ на нее своею завоевательною силою
ь тяжелой борьбѣ съ Германскою имперіею, Польское племя утра-
значительную часть своихъ земель: вся прилегавшая къ Германіи
ина Славянская (все поморье Балтійское, вся Польская страна
о Одера, Силезія и т. д.) была шагъ за шагомъ отнята и онѣме-
. Но дальше завоеванія матеріальнаго хватала сила завоеванія
гіознаго, нравственнаго и общественнаго. Пока западная окраина
ского племени дѣлалась добычею Германіи, восточныя его части
едоточивались въ независимое государство и, спасая этимъ свою
янскую народность, въ тоже время проникались всѣми началами
цной жизни. Польскій народъ входилъ всѣмъ своимъ организмомъ
оставъ Западно-Европейскаго міра. Религіозныя начала католи-
а, общественныя начала рыцарства, городская жизнь, цѣликомъ
несенная изъ Германіи, просвѣщеніе, основанное на преданіяхъ
каго классицизма,—словомъ все было принято и органически усвоено
шею съ Запада. Польша, оставаясь Славянскою, сдѣлалась вполнѣ
омъ Латино-Германской семьи народовъ, единственною Славянскою
ою, вступившею въ эту семью всецѣло и свободно, не въ силу

матеріальнаго завоеванія, а добровольнымъ принятіемъ Западнс
пейскихъ стихій въ основу своей собственной, Славянской жизни.
органическій процессъ внутренняго совоплощенія Польши съ Л
Германскимъ или Западно-Европейскимъ міромъ составляетъ су
первой эпохи Польской исторіи; въ XIV вѣкѣ Польша принад
уже, всѣми стихіями своими, къ семьѣ Западно-Европейскихъ на

Между тѣмъ, Русская земля шла другимъ, несравненно
медленнымъ и тяжелымъ путемъ развитія. Въ первые вѣка ист
скаго существованія обѣихъ странъ, пока въ Польшѣ еще проис
внутренняя органическая борьба проникавшихъ въ нее запа
идей съ ея Славянскими преданіями, сама Польша заслоняла Р
землю отъ непосредственнаго вліянія Латино-Германской Евр
способствовала тому, что на дальнемъ Востокѣ нашемъ могли окр
зародыши самобытной Славянской жизни: это великая, хотя бе
тельная, историческая для насъ заслуга древней Польши, з
которой мы не должны забывать. Религія, принятая Русскою з
связала ее съ міромъ древняго просвѣщенія, но съ такимъ
который стоялъ внѣ Западно-Европейской семьи народовъ; и вт
время эта религія, по самому своему характеру невмѣшательс
мірское устройство, не предопредѣляла развитія Славянской
чужими, внѣ ея опредѣленными началами и формами; подъ ея
вомъ могъ устоять и окрѣпнуть народъ на своихъ Славянскихъ
вахъ; подъ ея покровомъ, эта часть Славянскаго племени мог.
житься въ народный и государственный организмъ, вполнѣ само
во всѣхъ стихіяхъ своей общественной и духовной жизни. Но т
какъ сказали мы, и медленъ былъ этотъ историческій ходъ; а
XIV вѣкѣ Польша представляла общество вполнѣ развитое, соз
подъ вліяніемъ Запада, проникнутое всѣми началами его
Дѣятельность ея должна была обратиться на Востокъ, на Русскую
Это было неминуемымъ послѣдствіемъ исторіи обѣихъ странъ: и
скоро Польскій народъ всецѣло отдался Западно-Европейской
коль скоро тѣ идеи, которыя владѣли западнымъ міромъ, идеи
лицизма, рыцарства, латинской образованности, вошли въ к
плоть Поляковъ и сдѣлались для нихъ высшихъ идеаломъ челов
(а эта вѣра живетъ въ Полякахъ до нынѣшняго дня),—то нест
идеалъ, нести католицизмъ, рыцарство, латинскую образов
другимъ Славянамъ, ихъ чуждавшимся, становилось священным
томъ Польскаго народа; и въ этомъ чувствѣ, которое озаряетъ как
сіяніемъ вѣры самыя темныя, самыя горькія для Русской земл
ницы Польской исторіи, находили себѣ оправданіе эгоистическія с
нія какъ цѣлой страны и цѣлыхъ сословій, такъ и отдѣльныхъ
оно освѣщало и духъ пропаганды, присущій католическому духов
и духъ господства, присущій шляхетскому рыцарству, и на

честолюбіе, и властолюбіе кокого-нибудь ходачковаго*) шляхтича, который дома ходилъ въ лаптяхъ, а въ мужицкой странѣ Русской выступалъ знатнымъ бариномъ. Сама же Русь, съ своей стороны, могла только способствовать, въ то время, укорененію въ Полякахъ вѣры въ призваніе быть ея просвѣтителями и властелинами. Дѣло было въ XIV, въ XV вѣкѣ; что представляла Полякамъ тогдашняя Русь? Страну глубокаго невѣжества, съ едва начинающимися зачатками государственной организаціи, въ одной половинѣ своей подчиненную дикимъ язычникамъ Литовскимъ, въ другой — раболѣпствующую передъ ханомъ Татарской орды. Сама исторія какъ будто приглашала Поляковъ въ эти обширные края вѣстниками высшей цивилизаціи, высшей жизни общественной и духовной...

Всякій, кто вникалъ въ существенныя черты Польской исторіи, въ сущность отношеній старой Польши къ Русской землѣ, согласится, что мы не объясняемъ произвольно этихъ отношеній. Такъ понимаютъ ихъ сами историки Польскіе. Сошлюсь на одного изъ нихъ, на талантливѣйшаго изъ польскихъ историковъ Шайноху, который слѣдующими словами опредѣляетъ характеръ Польской исторіи, съ самаго ея начала. «Токъ жизненныхъ силъ этого великаго тѣла стремился отъ Запада къ Востоку. Эти двѣ противоположныя стороны были двумя полюсами Польши со временъ Мечислава и въ послѣдующіе вѣка; Западъ — ея воспріемлющимъ полюсомъ, которымъ проникало въ нее организаціонное вліяніе остальнаго цивилизованнаго міра; Востокъ— полюсомъ дѣйствующимъ, гдѣ это усвоенное внутреннимъ процессомъ чужое вліяніе воздѣйствовало самостоятельно на дальнѣйшемъ, вначалѣ не имѣвшемъ еще предѣльныхъ очертаній, поприщѣ историческомъ. Проникновеніе этимъ органическимъ вліяніемъ было, очевидно, начальною, первою эпохою этой дѣятельности; распространеніе того же вліянія на дальнѣйшіе края—позднѣйшею, второю»**).

Кажется, взглядъ замѣчательнѣйшаго изъ современныхъ Польскихъ историковъ какъ нельзя болѣе оправдываетъ нашу характеристику. Теперь позволю себѣ привести изъ книги того же писателя другое мѣсто, въ которомъ выкажется, какъ этотъ совершенно тождественный взглядъ можетъ вести къ противоположнымъ понятіямъ. г. Шайноха, приступая къ разсказу о первомъ историческомъ столкновеніи Польши и Россіи при Болеславѣ Храбромъ, упоминаетъ о свадьбѣ дочери Польскаго государя съ Владиміровымъ сыномъ, Святополкомъ, который, вслѣдствіе этого, едва ли не первый на Руси подвергся вліянію Поль-

*) Ходачковою называлась бѣдная, носившая лапти, шляхта, въ Польскихъ земляхъ, особенно въ великой Польшѣ и Мазовіи.

**) Bolesław Chrobry, стр. 11.

ско-Латинскому (это тотъ самый Святополкъ, котораго наша древность прозвала окаяннымъ: черта замѣчательная!). Вотъ слава г. Шайнохи: «Послѣдствіемъ прирожденной Польши и Руси противоположности духовной, обусловленной ихъ различнымъ положеніемъ между двумя мірами, Западнымъ и Восточнымъ, и всею ихъ первоначальною исторіей, брачный союзъ Восточнаго великаго князя съ Западною княжною не могъ не получить прозелитическаго характера. И какъ не Востокъ имѣлъ на Западъ, а Западъ на Востокъ цивилизующее вліяніе, то не изъ Руси, а изъ Польши выходила эта невольная дѣятельность необходимаго прозелитизма. И вотъ, вмѣстѣ съ дочерью Болеслава, пріѣзжаетъ на Русь, именно въ столицу Святополка въ землю Туровскую, отъ Болеслава епископъ Рейнбернъ, и вмѣстѣ съ Польскою женою и Польскимъ епископомъ, Святополкъ принимаетъ, первый въ этихъ краяхъ, сѣмена Западной образованности, которыя заключались въ ту пору всецѣло въ религіозномъ обрядѣ Запада, такъ явно соединенномъ съ вліяніемъ Польши, что все это Западное вѣроисповѣданіе получило на Востокѣ названіе Польскаго и слово „Полякъ“ и «послѣдователь Западнаго обряда« значили то же самое. А это религіозное вліяніе было такъ же важно, какъ велика была разница между исповѣданіемъ Запада и Востока. Разницы этой нельзя искать только въ позднѣйшихъ временахъ раздѣленія этихъ церквей,но въ самомъ началѣ христіанства, въ совершенно различномъ ихъ положеніи, и, потому самому, развитіи. Церковь Восточная подчинилась преобладанію свѣтской власти, сперва Византійскихъ императоровъ, потомъ государей каждой отдѣльной страны и, наконецъ, нашла въ этихъ государяхъ свое средоточіе, свое начальство и, утонувъ въ сліяніи, такъ сказать, съ свѣтскою властію, утратила свою нравственную силу, сдѣлалась орудіемъ свѣтскихъ цѣлей». Въ этихъ словахъ г. Шайнохи отражается общій взглядъ Поляка и Западнаго человѣка, смѣшивающій церковь съ іерархіей и принимающій невмѣшательство въ политическія дѣла за раболѣпство). Напротивъ того, церковь Западная, которой, именно въ эпоху появленія Польши и Руси на историческомъ поприщѣ, грозила такая же участь неволи передъ свѣтскою властію, успѣла освободиться отъ этого вещественнаго ярма, вооружила духъ противъ плоти и, вызвавъ исполинскую войну власти духовной, папской, противъ свѣтской власти Германскихъ императоровъ,—это самое величественное зрѣлище всемірной исторіи, вызвала, дальнѣйшими послѣдствіми этой войны, нынѣшнее Западно-Европейское просвѣщеніе, у котораго весь Восточно-Христіанскій міръ не смѣетъ еще оспаривать превосходствъ*).

*) Boleslaw Chrobry, стр. 176.

Послѣднія слова Польскаго историка наводятъ насъ на то, въ чемъ менно заключается сущность Русско-Польскаго вопроса.

Если Западная жизнь, со всѣми ея стихіями, религіозными и общественными, есть дѣйствительно высшій идеалъ человѣчества; если Славянское племя призвано войти всѣмъ своимъ организмомъ въ составъ Латино-Германскаго міра; если, пока не сольется съ нимъ внутреннею жизнію, должно оставаться жертвою мрака и зла, — то Польское дѣло сть, очевидно, дѣло исторически—правое; Польская пропаганда должна ыть признана благодѣтельницею Славянскаго народа, еще чуждаго ападной жизни, и исторія не можетъ не дать окончательнаго торжества ольшѣ и Польскимъ идеямъ во всемъ Славянскомъ мірѣ.

Такъ думали и думаетъ большая часть Поляковъ. Это убѣжденіе і эта надежда присущи почти всѣмъ Польскимъ мыслителямъ; онѣ одохновляютъ и въ настоящее время большинство двигателей Польскихъ.

Г. Шейноха не высказывается положительно; онъ сомнѣвается. «Польша, говоритъ онъ, пріобщилась къ Западно-Европейскому просвѣщенію, у котораго весь Восточный христіанскій міръ еще не смѣетъ оспаривать превосходства»: такова нерѣшительная фраза Польскаго историка.

А что, если онъ когда-нибудь станетъ его оспаривать? Что, если Славянское племя должно и дѣйствительно имѣетъ силу стремиться не къ подчиненію стихіямъ Латино-Германской Европы, а напротивъ къ внутренней самобытности? Что, если темная масса Русскаго народа оказалась убѣжищемъ и хранительницею возможной духовной и общественной самобытности Славянскаго племени? Какъ представилось бы въ такомъ случай историческое дѣло Польши?

Въ такомъ случаѣ мы (не обвиняя, разумѣется, въ частности ни прежнихъ поколѣній Польскихъ, ни Поляковъ, современниковъ нашихъ, ибо это невольный плодъ исторической судьбы) сказали бы, что Польша совершила историческую измѣну Славянскому дѣлу, что, въ прошедшемъ, казавшееся столь близкимъ торжество Польскаго владычества, въ Русской землѣ убило бы всю будущность Славянскаго племени и что, въ настоящемъ, Поляки, вооружающіеся во имя преданій своей прежней исторіи противъ Русской земли, тѣмъ самымъ ратуютъ противъ исторической будущности Славянскаго міра.

И таковъ именно нашъ взглядъ на эту борьбу....

Но впрочемъ, кому что за дѣло до нашего взгляда? Исторія представляетъ факты, ея логика сильнѣе нашихъ теоретическихъ выводовъ.

Когда Польша въ XIV вѣкѣ кончила первый фазисъ своего развитія, фазисъ внутренняго органическаго сліянія своего съ Латино-Германскою Европою и могла обратиться на Русскій Востокъ съ пропагандою воспринятыхъ ею началъ, невѣроятные успѣхи сопровождали первые шаги ея. Русская земля влеклась, такъ сказать, сама къ свѣту цивилизаціи,

къ развитому общественному строю, съ которымъ выступила Польша. Почти безъ насилія, земля Галицкая присоединилась къ ней при Казимірѣ Великомъ. Это было первымъ шагомъ къ нравственному завоеванію Поляками Русскихъ земель. Примѣръ Галиціи возбудилъ въ Полякахъ сознаніе той будущности, которая открывалась имъ на Славянскомъ востокѣ, и, руководимые этимъ сознаніемъ, магнаты Польскіе нарочно, почти насильственно*), навязали наслѣдницѣ Польскаго престола бракъ съ великимъ княземъ Литовскимъ Ягелломъ, властелиномъ, всей западной половины Русскихъ земель. Вліяніе польское вдругъ распространилось до Смоленска, до Кіева, до Новгородъ-Сѣверска и Брянска; и этотъ союзъ, еще сомнительный при Ягеллѣ, скрѣплялся все тѣснѣе и тѣснѣе съ каждымъ поколѣніемъ, и при внукѣ Ягелла самъ Великій Новгородъ едва не присоединился къ этимъ мирнымъ завоеваніямъ, которыя доставляли Польшѣ превосходство ея образованности, ея аристократической организаціи надъ невѣжествомъ и безсознательностью Русской земли.

Но внутреннія, живыя, хотя безсознательныя Славянскія начала не поддавались стихіямъ Польской жизни. Русская народность, особенно въ дѣлахъ вѣры, стала подымать голову противъ Польскихъ началъ. Въ XVI вѣкѣ Польшѣ приходится уже полунасиліемъ упрочивать свое господство надъ Русскимъ народомъ. Полунасиліемъ заставляетъ она Литовско-Русскія области окончательно соединиться съ нею въ одно государство (Люблинская унія 1569 года); полунасиліемъ заставляетъ Русскихъ людей подписать церковную унію съ Римомъ (Брестская унія 1595 года) и насильственно вводитъ эту унію. Наконецъ. полное торжество Польши надъ Русско-Славянскимъ міромъ кажется достигнутымъ; польское знамя водружено въ Москвѣ, вся восточная Русь должна подчиниться пропагандѣ Польской цивилизаціи.

Но тутъ-то совершился великій историческій переломъ, рѣшившій судьбу Славянскаго міра. Народъ восточной Руси не призналъ превосходства польской цивилизаціи и захотѣлъ остаться при своихъ началахъ жизни; на столько развилось уже въ Русской землѣ сознаніе ея внутренней самобытности.

Изгнаніе Поляковъ изъ Московскаго государства было первымъ шагомъ въ этомъ новомъ историческомъ періодѣ: Русская земля полагала въ себѣ предѣлъ распространенію польскихъ началъ. Возстаніе Малороссіи было вторымъ шагомъ: Русская земля заявляла потребность освободиться отъ нихъ и тамъ, гдѣ они уже водворились. Третьимъ шагомъ была реформа Петра I, которая имѣла въ Русско-Польскомъ вопросѣ то огромное значеніе, что она отняла у Польской пропаганды

*) Это вполнѣ доказано Польскимъ историкомъ г. Шайнохою. въ его превосходной книгѣ Jadwiga i Jagiełło.

на Руси разумную цѣль, что она упразднила, такъ сказать, историческую задачу Польши въ отношеніи къ Русской землѣ. Въ самомъ дѣлѣ, два прежнихъ великихъ факта: освобожденіе Москвы и возстаніе Малороссіи доказали только, что Русская земля предпочитаетъ свою религіозную и общественную самостоятельность Западно-Европейскимъ стихіямъ католической и шляхетской Польши; но на сторонѣ Польши оставалось еще одно огромное преимущество, одно сильное орудіе преобладанія, образованность и наука, принятыя Польшею отъ Западнаго міра вмѣстѣ съ его религіозными и общественными началами. Пока Польша была образованна, а Россія невѣжественна, вопросъ еще былъ сомнителенъ, какой сторонѣ принадлежитъ будущность въ Славянскомъ мірѣ: образованной ли Славянской землѣ, но отказавшейся отъ внутренняго самобытнаго развитія, или землѣ съ задатками самобытнаго развитія, но коснѣющей въ невѣжествѣ?

При Петрѣ Великомъ Русская земля окрѣпла уже до такой степени что для нея сдѣлалось возможнымъ принять Западную науку и образованность, не отказываясь не только отъ своей внѣшней независимости, но и отъ внутренней самобытности своей жизни (мы не говоримъ, разумѣется, объ отдѣльныхъ увлеченіяхъ западными идеями и формами, увлеченіяхъ, которыя такъ сильно дѣйствуютъ и донынѣ и значенія которыхъ въ Русско-Польскомъ вопросѣ мы еще коснемся; но общій историческій смыслъ и окончательный результатъ Петровской реформы именно таковъ). Русская земля воспользовалась плодами Западной цивилизаціи, и съ этимъ не вошла, подобно Польшѣ, въ составъ Латино-Германскаго міра, не потеряла началъ своего самобытнаго Славянскаго развитія. Дѣло Польши въ Русскомъ мірѣ, какъ сказано, устранялось реформою Петра Великаго и замѣтьте, какъ ясно засвидѣтельствовала о томъ сама исторія. Петръ былъ первый изъ Русскихъ царей, который ни разу не воевалъ съ Польшею, и первый, который хозяйничалъ въ ней, какъ у себя дома: такъ безсильна стала Польша передъ Россіею, какъ скоро Россія овладѣла сама послѣднимъ орудіемъ ея прежняго обаянія—Западною образованностью.

Весь XVIII вѣкъ былъ эпохою разложенія государственнаго зданія старой Польши. Обширныя Русскія области, которыя она въ XIV и XV вѣкѣ притянула къ себѣ своимъ тогдашнимъ нравственнымъ и общественнымъ перевѣсомъ надъ Русью, всѣ эти области (за исключеніемъ лишь Галиціи) возвратились въ составъ Русскаго государства, опять-таки почти безъ насилія (ибо если и было сопротивленіе, то лишь въ разныхъ мѣстахъ со стороны Польской шляхты, а не со стороны туземнаго населенія). Польская земля, т. е. земля, населенная Поляками, старая земля Казиміра Великаго, очутилась какимъ-то жалкимъ обрубкомъ среди сложившихся вокругъ ея государствъ, похожая на человѣка, котораго весь жизненный подвигъ оказался несостоятель-

нымъ и который, потерявши все, остается безпріютнымъ и сирымъ среди новыхъ лицъ, новыхъ потребностей. Это чувство безпріютности и сиротства составляетъ, безспорно, самую характеристическую черту Польскаго народа въ эпоху, начавшуюся для него съ конца XVIII вѣка. Оно можетъ пройти только тогда, когда Польша дѣйствительно сознаетъ несостоятельность своего прежняго историческаго стремленія—властвовать во имя Западныхъ началъ въ Славянскомъ мірѣ, когда она сама сдѣлается Славянскою по духу. Не всякій поймете, какъ тяжелъ долженъ быть такой подвигъ самоотреченія, сколько нужно для него времени и разочарованій. И надобно сказать, что совершеніе этого подвига зависѣть будетъ не только непосредственно отъ Польши, но и отъ самой Россіи. Россія одна въ состояніи, органическимъ развитіемъ Славянскаго духа, положить рѣшительный конецъ старымъ преданіямъ и надеждамъ Польской пропаганды: іезуитской и шляхетской; и тогда только въ Полякахъ можетъ возникнуть потребность новой дѣятельности, дружной съ Русскимъ народомъ, направленной къ общему благу Славянства. Но сама Россія, принимая богатства Западной образованности, также, въ увлеченіи Западною жизнію, забывала свои Славянскія начала. Увлеченія эти, правда, были только частныя, ограничивавшіяся верхними слоями общества; Славянскія начала не уступили въ Россіи, какъ въ Польшѣ, мѣста Латино-Германскимъ стихіямъ; Славянскій духъ уцѣлѣлъ въ Россіи, и по мѣрѣ подъема народныхъ силъ, нынѣ освобожденныхъ отъ узъ неволи, онъ неминуемо будетъ развиваться все болѣе и болѣе. Однако увлеченіями своими къ Западнымъ началамъ жизни, Россія, по самой природѣ вещей, способствовала поддержанію въ Полякахъ ихъ старыхъ преданій и понятій; всякое уклоненіе Россіи отъ самобытной почвы Славянской въ область Западныхъ стихій давало и даетъ пищу старому Польскому духу. Такимъ образомъ Россія, которая при Екатеринѣ II окочательно развила у себя крѣпостное право и довела его до послѣднихъ крайностей, Россія примѣнила этотъ самый принципъ, совершенно чуждый Славянскимъ понятіямъ, подарокъ Запада, къ славянскому племени, къ землямъ, пріобрѣтеннымъ при раздѣлахъ Польши. Вмѣсто того, чтобы уничтожить и тамъ это насажденіе Польши, она его признала и узаконила: она узаконивала тѣмъ самымъ гражданское владычество Польскаго шляхетскаго меньшинства надъ милліонами Русскаго народа. И неудивительно, что Поляки продолжали считать себя господами въ этомъ пространномъ Русскомъ краѣ, что они не теряли надежды возстановить въ немъ и политическое свое владычество, возвратить въ будущемъ Польшѣ области по Днѣпръ и Двину, т. е. весь тотъ край, въ которомъ они сохранили гражданскую власть въ силу крѣпостнаго права, сохраненнаго за ними Екатерининскимъ законодательствомъ.

Увлеченіе Западомъ, и потому самому уступчивость наша старымъ Польскимъ идеямъ достигла своего апогея при Императорѣ Александрѣ I, воспитанникѣ Лагарпа, другѣ Чарторижскаго. Извѣстно, что Русскіе подданные даже сѣтовали на него за предпочтеніе, которое онъ оказывалъ Полякамъ. Объ этомъ знаютъ люди, помнящіе ту эпоху, объ этомъ говорятъ самыя вѣрныя письменныя свидѣтельства. Императоръ Александръ I сочувствовалъ аристократическому духу Поляковъ; онъ восхищался ихъ рыцарскимъ характеромъ, и не находилъ ни этого аристократическаго характера, ни этого рыцарства въ Русскомъ народѣ Занявъ, послѣ пораженія Французовъ въ 1812 году, правомъ завоевателя, Варшавское герцогство, т. е. Польшу, въ собственномъ смыслѣ, землю Польскаго парода, Русскій Государь рѣшился возстановить Польское королевство съ полною гражданскою и даже военною автономіею, и онъ исполнилъ это вопреки сильнѣйшему противодѣйствію главныхъ Европейскихъ державъ. Не только континентальныя державы всѣми силами старались на Вѣнскомъ конгрессѣ отклонить Александра Павловича отъ этого намѣренія, даже Англія убѣждала его «обратить Польшу въ простыя Русскія губерніи». Кто сколько нибудь знакомъ съ исторіею Европейской дипломатіи 1814 и 1815 годовъ, тому извѣстны всѣ эти, кажущіеся для насъ теперь столь странными факты. Извѣстно также, что Императоръ Александръ, выведенный изъ терпѣнія препятствіями, какія воздвигались Европою противъ его мысли о возстановленіи Польши, былъ готовъ объявить за это войну своимъ союзникамъ; что манифестъ и воззваніе къ Польскому народу были уже написаны, и что только полученное въ то время извѣстіе о высадкѣ Наполеона устранило эту войну. Извѣстно, что въ рѣчи, при открытіи въ Варшавѣ сейма, Поляки были выставлены передъ Россіею какъ образецъ, къ которому ей слѣдовало стремиться. Извѣстно, наконецъ, что при Александрѣ Павловичѣ правительство дало въ Западныхъ губерніяхъ такой просторъ и оказывало такое покровительство Польской стихіи, что значительная часть тамошняго мѣстнаго Русскаго дворянства именно въ это время перешла въ католицизмъ и приняла Польскую народность.

При такихъ условіяхъ въ самой Россіи, весьма естественно, что Поляки не теряли надежды, что того и гляди западная половина имперіи отдана будетъ Польшѣ, и отечество ихъ явится снова одною изъ первостепенныхъ державъ Европы. Но надежды эти не сбывались. Императоръ Александръ I, при всемъ своемъ сердечномъ влеченіи къ Полякамъ, не могъ измѣнить долгу Русскаго Государя, не могъ отдать имъ полъ—Россіи; еще менѣе возможно было ожидать этого отъ его преемника. Тогда Поляки поднялись, чтобы взять силою то, чего они прежде ожидали отъ нравственнаго вліянія своего, отъ вліянія западныхъ идей на Русское правительство.

Всякій, кому сколько нибудь знакома исторія того времени, понимаетъ, что обвиненіе въ нарушеніи конституціи, данной Польшѣ Александромъ Павловичемъ, было только оффиціальнымъ предлогомъ революціи 1830 года, фразою для прокламацій и Европейской печати, а что дѣйствительною цѣлію возстанія было—возстановить Польшу въ ея прежнемъ господствѣ надъ Западными Русскими областями, дѣйствительнымъ поводомъ—надежда легче достигнуть этого при тогдашнемъ замѣшательствѣ Европейскихъ дѣлъ. Прочтите любой памятникъ Польскій, принадлежащій стану инсургентовъ 1830 и 1831 годовъ, и вы въ томъ убѣдитесь; а чтобы показать, какъ крѣпко укоренилась эта мысль въ тогдашнихъ Полякахъ, я приведу слѣдующій фактъ, который знаю отъ очевидца. Когда въ 1831 году Русскія войска стали подъ Варшавою и готовились брать штурмомъ послѣднее убѣжище Поляковъ, Вольское укрѣпленіе, фельдмаршалъ Паскевичъ пригласилъ командовавшаго Поляками генерала Круковецкаго на свиданіе для переговоровъ. Дальнѣйшая защита была уже очевидною невозможностью, и фельдмаршалъ считалъ нужнымъ спросить Круковецкаго объ условіяхъ, на которыхъ онъ думалъ прекратить безполезное кровопролитіе. И что же? Польскій генералъ объявилъ, что единственное условіе капитуляціи, это—возстановленіе Польскаго государства въ границахъ 1772 г., съ Бѣлоруссіей, Литвою и Украйной!

Катастрофа 1831 года не ослабила этихъ надеждъ. Напротивъ того, онѣ еще сильнѣе воспламенились, вслѣдствіе образовавшейся тогда Польской эмиграціи, которая, будучи оторвана отъ почвы дѣйствительности, отъ народа и его живыхъ силъ, вся предалась обаянію фантазіи. Надобно помнить, что Польская эмиграція была чрезвычайно многочисленна, что она состояла изъ десятковъ тысячъ людей, все болѣе или менѣе лицъ образованныхъ, считала въ своихъ рядахъ политическія знаменитости, какъ князя Адама Чарторижскаго, поэтовъ, какъ геніальнаго Мицкевича, ученыхъ, какъ Лелевеля и мн. др.,—и это объяснитъ намъ ея громадное вліяніе на страну. Она имѣла свою исторію; она имѣла свою литературу, откликалась на вопросы текущаго дня, и всему, что относилось, посредственно или непосредственно, къ Польшѣ, придавала тотъ фантастическій колоритъ, который можно понять и должно извинить потому только, что это было именно плодомъ эмиграціи, плодомъ общества, поставленнаго внѣ всякой жизненной дѣйствительности. Такъ, напримѣръ, между 1830 и 1848 годами стала все болѣе и болѣе развиваться идея Славянской народности и Славянскаго братства. Какой же видъ приняла эта идея въ литературѣ Польской эмиграціи? Во первыхъ, Русскихъ пришлось исключить изъ Славянской семьи, изъ Славянскаго братства: Москали были признаны Финнами, Татарами, Монголами, смѣсью какихъ угодно племенъ, но только не Славянами. Однако эти Москали заняли въ Славян-

скомъ мірѣ весьма замѣтное мѣсто, котораго отрицать было невозможно. Вслѣдствіе того, создалась въ Польской эмиграціи особая историко-мистическая теорія: Славянскій міръ былъ раздѣленъ на двѣ враждующія противоположности, на міръ добра и свободы, представительницею котораго служила Польша, и на міръ рабства и зла, воплощенный въ Россіи (см. курсъ Мицкевича о Славяской литературѣ, книгу Мирославскаго «De la nationalité polonaise dans l'équilibre européen» и множество другихъ произведеній эмиграціи). Стоило ступить шагъ далѣе, и эта историко-мистическая теорія прямо переходила въ новую религію. И дѣйствительно, Мицкевичъ, который въ началѣ своихъ курсовъ о Славянской литературѣ развивалъ эту систему дуализма Польши и Россіи,—въ концѣ тѣхъ же курсовъ выступилъ открыто какъ проповѣдникъ мессіанизма, новой вѣры, откровеніе которой онъ получилъ отъ извѣстнаго Товянскаго и которой онъ далъ санкцію своего великаго имени. Сущность этой религіи состояла въ томъ, что Полькій народъ есть новый Мессія, посланный для искупленія всего рода человѣческаго, что онъ, какъ Мессія, страдалъ, былъ распятъ и погребенъ, и воскреснетъ, и одолѣетъ духъ мрака, воплощенный преимущественно въ Россіи, и принесетъ съ собою всему человѣчеству царство свободы и блаженство. Мессіанизмъ, развившійся въ 1842—1844 годахъ, возбудилъ противъ себя протесты самого католическаго духовенства и не могъ долго удержаться даже въ средѣ Польской эмиграціи: но онъ важенъ, какъ самый яркій признакъ того умственнаго состоянія, до котораго могли дойти эти люди. Однако и послѣ паденія мессіанизма, характеръ эмиграціонной литературы не измѣнился. Западно-Европейскій демократизмъ былъ внесенъ въ нее и примѣненъ къ Польшѣ, къ Славянскому племени. Но и демократическій духъ въ этой сферѣ оставался такъ же чуждъ народнымъ началамъ Славянскимъ, какъ аристократическій духъ старой, шляхетской Польши, державшійся упорно въ одной партіи между эмигрантами. Польскій демократизмъ оставался произведеніемъ западныхъ понятій, идеею, діаметрально противоположною Славянской общинѣ, этой демократической основѣ кореннаго Славянскаго быта, замѣняя Славянскую общину завистливымъ равенствомъ не связанной никакимъ внутреннимъ союзомъ толпы. Но какъ же отзовется этотъ принципъ равенства и демократіи на вопросъ о Западно-Русскихъ областяхъ, столь щекотливый для него, ибо Польша можетъ имѣть притязаніе на нихъ только во имя аристократическаго, пришлаго меньшинства надъ массами туземнаго народа? Отвѣтъ эмиграціи слѣдующій: Русскаго народа нѣтъ, это миѳъ; есть Москали, но они (какъ приведено уже выше) не Славяне, не Русскіе и Русскими стали именоваться только по указу Императрицы Екатерины II; народонаселеніе же въ Западныхъ губерніяхъ Россіи и Галиціи—Русины или Рутены, вѣтвь Польскаго племени,

говорящая Польскимъ нарѣчіемъ, такъ что даже преподобный Несторъ былъ Польскій лѣтописецъ, Все это читатели найдутъ буквально въ цѣлой массѣ произведеній Польской эмиграціонной литературы; въ доказательство, что я не преувеличиваю, приведу только первую страницу длиннаго вступленія г. Рыкачевскаго къ его Французскому переводу Лелевелевой «Исторіи Литвы и Руси до ихъ окончательнаго соединенія съ Польшею въ 1569 г.». Цѣль этого вступленія, по словамъ автора, «доказать, что то, что называютъ Россія, есть лишь выдумка, безсмыслица, новое чаименованіе, отвергаемое исторіей». Нынѣшняя Россія, продолжаетъ Польскій писатель,—«за исключеніемъ областей, занятыхъ въ 1772, 1793 и 1795 годахъ, равно какъ и тѣхъ, которыя захвачены были въ XVII вѣкѣ, областей, которыя всѣ принадлежатъ Польской народности, есть ничто иное, какъ Московія, страна не Славянская, народности Азіатской и варварской, объявленная въ XVIII столѣтіи Европейскимъ государствомъ, объявленная принадлежащею къ Славянской народности по указу, созданіе абсолютной власти одной царицы. Россія носитъ имя, ей непринадлежащее; она Славянская по тому же праву, какъ Австрія. Московія, основанная въ XVI вѣкѣ, въ противоположность и изъ ненависти къ духу Славянскому, или, лучше сказать, Польскому, возвысилась раздѣломъ Славянскихъ земель, уничтоженіемъ ихъ народности. Нынѣшняя Россія есть наибольшая противоположность Славянскимъ идеямъ, въ особенности же идеямъ и вѣрованіямъ Польскимъ. Что Польша утверждаетъ, то отрицаетъ Россія. Это наименованіе „Россія“ ничего необозначаетъ. Это есть выраженіе чисто дипломатическое; ибо исторіи Русской не существуетъ, а есть только исторія Московская. Народность Русская также мало дѣйствительна. Существуетъ народность Московская.—Славянская, если вы непремѣнно этого хотите, но весьма слабая, неимѣющая въ себѣ ничего серьезнаго, и только внѣшняя, кажущаяся. Что же касается до души, до идеи Славянской, то она еще не родилась. Достаточно ли выражаться по французски для того, чтобы принадлежать къ Французской народности? Русскіе употребляютъ Славянскій языкъ, который они усвоили себѣ въ XII вѣкѣ, исказивъ его. Но какія идеи, какія вѣрованія у нихъ общія съ Славянами, и въ особенности съ Польшею? Никакихъ....» *).

Любопытно видѣть, какъ въ этомъ хаосѣ просвѣчиваетъ сознаніе внутренней противоположности началъ Русскихъ съ Поляками.

Мы просимъ нашихъ читателей не смѣшивать всей этой эмиграціонной литературы съ произведеніями Польскихъ писателей въ Варшавѣ.

---

*) Histoire de la Lithuanie et de la Ruthénie jusqu'a leur union définitive avec la Pologne conclue a Lublin en 1569 par Ioachim Lelewel, traduit par E. Rukaczewski avec les notes du traducteur. Paris et Leipzig 1861. Introd. pag. V et VI.

Познани и Львовѣ, въ Вильнѣ и Петербургѣ. Здѣсь въ сферѣ жизни дѣйствительной, въ соприкосновеніи съ народною почвою, Польскою или Русскою, не могло возникнуть ничего подобнаго. Среди живой дѣйствительности она производила и живыя, основанныя на сознаніи дѣйствительныхъ фактовъ, явленія; она произвела добросовѣстную исторію Морачевскаго, она произвела превосходныя историческія монографіи Шайнохи и множество другихъ замѣчательныхъ сочиненій. Съ этими писателями можно во многомъ не соглашаться, можно часто (въ особенности у г. Шайнохи) видѣть нѣкоторую односторонность и увлеченіе во взглядѣ, однако чувствуешь, что тутъ находишься совсѣмъ въ другомъ мірѣ, чѣмъ въ литературѣ Польской эмиграціи.

Но въ послѣдніе годы и еще въ настоящее время, слово остается не за живою, туземною, такъ сказать, литературою Польскою, а за литературою эмиграціонною. Мы сами, отчасти, извѣдываемъ на опытѣ, какъ велико можетъ быть умственное вліяніе эмиграціи, даже самой немногочисленной. Представимъ же себѣ, какое вліяніе на цѣлыя сферы общества должна была имѣть эмиграція Польская, считающая тысячами своихъ членовъ, располагающая огромными денежными источниками, связанная безчисленными нравственными узами съ родиною и дѣйствующая на страну, которую историческая судьба поставила подъ власть иноземцевъ. Вспомнимъ, что дѣйствіе это продолжается уже тридцать слишкомъ лѣтъ, и, составивъ себѣ по приведеннымъ образчикамъ очеркъ идей, вырабатываемыхъ и распространяемыхъ этою эмиграціею, посудимъ о томъ, какое нервическое раздраженіе, какія фантастическія понятія должны были овладѣть значительною частію Польскаго общества.

Прибавимъ ко всему этому, что сила исторіи требуетъ отъ Поляковъ, въ отношеніи къ Русской землѣ, жертвы дѣйствительно тяжелой, одной изъ самыхъ тяжелыхъ жертвъ, какія когда либо требовались отъ человѣческаго общества безпощадною властію историческаго развитія. Небольшой народъ Польскій, воспитанный въ принципахъ католицизма и аристократіи, во имя этихъ принциповъ пріобрѣлъ господство надъ огромнымъ пространствомъ Славянскихъ земель, населенныхъ народомъ другаго нарѣчія, другой вѣры, другихъ началъ общественныхъ. Нѣсколько столѣтій наслаждался онъ этимъ господствомъ! онъ привыкъ считать его законнымъ и вѣчнымъ, потому что католицизмъ твердилъ ему, что Римская церковь одна властна надъ міромъ, одна источникъ спасенія для души человѣческой, что вѣра подвластнаго народа есть вѣра холопская; аристократическій принципъ твердилъ ему, что Польша, по праву своей шляхты, закрѣпила за собою безспорнымъ владѣніемъ эти прекрасныя и Русскія и Литовскія земли; народная гордость, воспитанная католицизмомъ, аристократическимъ духомъ и прошлымъ господствомъ, твердила, что Польская нація дѣйствительно призвана къ такому вла-

дычеству и оправдывала это владычество чувствомъ презрѣнія къ подчиненному племени. И что же? Вдругъ на дальнемъ горизонтѣ Востока является недуманно—негаданно какая-то чуждая сила: это Москва, бившая челомъ передъ Татарскимъ ханомъ, исповѣдующая туже вѣру, какъ Бѣлорусскій и Украинскій хлопъ, незнающая шляхетскаго гонору, и ко всему этому такъ же презираемая, какъ Западно-Русское простонародіе. И эта Москва мало по малу развѣнчиваетъ Польскую націю, забираетъ всѣ ея области. И теперь сила историческаго развитія требуетъ, чтобы Полякъ отказался отъ мысли властвовать надъ Русскимъ народомъ, чтобы онъ, шляхтичъ и католикъ призналъ себя гостемъ, терпимымъ по милости, въ странѣ, гдѣ предки его были хозяевами, чтобы онъ призналъ тамъ первенство и прирожденное право господства за мужицкою народностью, за мужицкою вѣрою.

Поймите всю тягость этой требуемой жертвы, поймите, что съ этимъ поставленъ вопросъ: быть-ли Полякамъ—небольшимъ 5-ти или 6-ти милліоннымъ народомъ, или властителями значительной части Европейскаго материка, и вы поймете, за что собственно идетъ современная намъ борьба.

Борьба эта есть результатъ (и, будемъ надѣяться, приготовленіе къ исходу) всей прежней исторіи привившей Славянскую Польшу къ чужому организму, къ міру Латино-Германскому, сдѣлавшей ее носительницею чуждыхъ Славянскому племени историческичъ началъ. И вотъ, въ послѣднее время, особенно подъ гальваническимъ вліяніемъ эмиграціи, доводящей до абсолютной формулы въ теоріи и до болѣзненной крайности на практикѣ всѣ историческія начала Польской жизни, выступило наружу, облеклось въ дѣйствительные факты это внутреннее противорѣчіе Польскихъ историческихъ началъ съ Славянскою основою Польскаго народа. „По дѣламъ ихъ познаете ихъ“. И мы видѣли и видимъ ихъ дѣла, мы осязаемъ это внутреннее противорѣчіе.

Мы видѣли ихъ въ 1847 году проливающими свою кровь за угнетателей Славянскихъ народовъ, за Мадьяръ, противъ Сербовъ, Харватовъ, Словаковъ и Русскихъ и, послѣ пораженія, вступающими въ ряды другихъ угнетателей Славянъ,—въ Турецкую армію.

Мы видѣли ихъ въ 1854 году снаряжающими „казацкій легіонъ“ на защиту Турецкаго Мусульманства отъ Христіанской и Славянской Россіи.

Мы видѣли ихъ въ 1862 году командующими Турецкими войсками для завоеванія Черногоріи.

Мы видѣли и видимъ, какъ они сами рекомендуютъ себя Западной Европѣ, «какъ единственныхъ между Славянами враговъ и противоборцевъ панславизма» (т. е. предполагаемой въ будущемъ самобытности и единенія Славянскихъ народовъ), и какъ Нѣмецкіе либералы, тѣ самые люди, которые мечтаютъ о будущемъ господствѣ Германіи надъ Сла-

вянскимъ востокомъ, берутъ ихъ за это подъ свое покровительство (прочитайте только рѣчи либеральной Германской партіи въ Прусскомъ парламентѣ, прочитайте, что пишутъ Нѣмецкія газеты въ Австріи и другихъ странахъ).

Есть въ этомъ положеніи современной Польши что-то трагическое, плодъ именно этого внутренняго противорѣчія между общественными стремленіями Польши и историческими требованіями ея Славянской основы, и это противорѣчіе особенно ярко обозначается въ настоящемъ возстаніи.

Событія послѣднихъ двухъ лѣтъ готовили, по видимому, мирное разрѣшеніе Русско-Польской распри. Съ одной стороны, освобожденіе крестьянъ выводило милліоны Русскаго народа въ Западныхъ губерніяхъ нашихъ изъ-подъ господства чуждой народности, открывало этой части Русскаго племени путь къ развитіи, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, это дѣло обходилось безъ истребленія и безъ экспропріаціи Польскаго аристократическаго меньшинства, какъ было при освобожденіи Малороссіи отъ Поляковъ. А съ другой стороны, земля собственно Польская, Царство Польское,— всѣ это видѣли,—быстро приближалось къ полной гражданской автономіи относительно Россіи, при сохраненіи съ нею связи политической. связи, польза которой для Россіи можетъ казаться весьма сомнительною, но которая въ виду возрастающей силы Германскаго элемента на Западѣ, едва ли бы могла быть замѣнена, въ интересахъ Польской народности, болѣе выгодною политическою комбинаціею.

И среди этого мирнаго развитія обстоятельствъ, развязывавшаго мало-по-малу Русско-Польскій узелъ возвращеніемъ Русскому народу самостоятельности въ Русскихъ областяхъ, возвращеніемъ Польскому народу автономіи въ Польской землѣ,—вспыхнуло возстаніе. Иначе, кажется, и быть не могло, слишкомъ трудно было, чтобы Поляки, при всѣхъ тѣхъ стихіяхъ, которыя таились въ ихъ общественной жизни, согласились безъ боя на такой исходъ ихъ вѣковой борьбы съ Русскою землею; слишкомъ трудно было, чтобы они безъ протеста приняли изреченіе своего великаго историка: «Давнія времена не возвращаются; настоящее должно быть или много ниже, или же много выше прошедшаго»*). И замѣчательное совпаденіе: первыя волненія въ Варшавѣ послѣдовали непосредственно за обнародованіемъ манифеста 19-го Февраля 1861 года; нынѣшнее возстаніе (если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ) было разсчитано именно въ виду предстоявшаго истеченія перваго двухгодичнаго срока крестьянской реформы. Такимъ образомъ Поляки вооружались противъ Россіи подъ знаменемъ свободы именно въ то время, когда Россія мирно сбрасывала съ себя узы народнаго порабощенія и возвѣщала свободу всей массѣ своего населенія. Польша становилась въ противорѣчіе съ

*) Jadwiga i Jagiełło 2-е изд. стр. X.

необходимымъ политическимъ результатомъ освобожденія Русскаго народа и сперва устами Подольскихъ дворянъ, готовившихъ извѣстный адресъ Замойскаго, а затѣмъ тысячами воззваній и газетныхъ статей, наводнившихъ всю Европейскую журналистику и сопровождавшихъ вооруженное вторженіе въ Русскія области, захотѣла снова наложить на этотъ освобождаемый народъ иго чужой національности. И хотя инсургенты, на первыхъ порахъ, какъ увѣряютъ, носили передъ собою, идя на встрѣчу Русскимъ войскамъ, знамя, на которомъ было написано: «за свободу нашу и вашу»,—однако живой историческій инстинктъ народный сказался въ нашихъ солдатахъ и въ народныхъ массахъ Западно-Русскихъ губерній: они поняли, что это знамя не несетъ свободы Русскому народу.

Въ самомъ дѣлѣ, то внутреннее противорѣчіе, которое преслѣдуетъ Славянскую Польшу въ ея подчиненіи историческимъ началамъ чуждаго, не Славянскаго міра, это внутреннее противорѣчіе характеризуетъ и нынѣшнюю борьбу Поляковъ.

Они сражаются во имя свободы и сами искренно вѣруютъ этому; а Западная Европа, Англія и Германія радуются и сочувствуютъ этой борьбѣ, потому что она на неопредѣленное время отсрочиваетъ освобожденіе Славянскихъ народовъ на Востокѣ.

Они сражаются подъ знаменемъ Европейскаго либерализма, и искренно убѣждены въ либеральности своихъ идей, а въ то же время они союзники самыхъ крайнихъ представителей средневѣковаго фанатизма: не только Монталамберъ, но и Вельо привѣтствуютъ этихъ бойцовъ либеральныхъ идей.

Они сражаются подъ знаменемъ народности, и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаютъ права народности 10 милліоннаго Славянскаго народа на Руси, стремясь къ возстановленію господства надъ нимъ Польской національности. Они считаютъ себя демократами и, чтобы привлечь этотъ народъ къ себѣ, обѣщаютъ ему матеріальную свободу, но съ тѣмъ вмѣстѣ несутъ съ собою нравственное закрѣпощенье Бѣлорусса, Малорусса, Литвина аристократическому меньшинству Польскому, поселившемуся въ ихъ землѣ.

Вотъ это-то внутреннее противорѣчіе и составляетъ безсиліе Польскаго дѣла. Но не будемъ судить этихъ людей слишкомъ строго и въ особенности не станемъ надъ ними глумиться: это плодъ старой судьбы исторической, это необходимый, но невольный исходъ всей прежней исторіи Польши. И вспомнимъ, что мы сами не безвинны, вспомнимъ, много ли мы сдѣлали, чтобы предупредить рѣзкій характеръ этого исхода—своевременнымъ содѣйствіемъ развитію Русской народности въ областяхъ, гдѣ она находилась подъ властію Поляковъ, своевременнымъ удовлетвореніемъ потребностямъ Польской народности въ ея собственномъ отечествѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи не мы стали бы

оспаривать въ чемъ либо истину горячихъ строкъ, вылившихся изъ-подъ пера автора брошюры. слишкомъ мало, къ сожалѣнію, у насъ извѣстной и оцѣненной: «Взглядъ на политическое и общественное розвитіе въ Царствѣ Польскомъ съ 1831 до нашихъ временъ». (Лейпцигъ, 1862 года).

Но прошлаго не воротишь, и теперь намъ приходится бороться съ Поляками кровавою борьбою. Я надѣюсь, что въ предъидущихъ страницахъ мнѣ удалось до нѣкоторой степени разъяснить историческое значеніе этой борьбы и показать, что войска наши сражаются не только потому, что велѣно, не только за политическое право, основанное на трактатахъ 1815 года, и даже не только за право Русской народности въ Русской землѣ, но что подъ наше знамя исторія поставила самобытность Славянскаго племени, свободную будущность общественнаго и духовнаго развитія Славянства.

Не могу предвидѣть, долго ли продлится настоящее возстаніе, и какіе его будутъ непосредственные политическіе результаты для Россіи и для Польши. Но какой бы дѣла ни приняли оборотъ, я буду смотрѣть на будущее совершенно спокойно. На то есть простая логика человѣка, чтобы знать, что такое племя, какъ Славянское, не можетъ быть осуждено на подчиненіе общественнымъ и духовнымъ началамъ иного историческаго міра, что оно должно быть призвано къ самобытному органическому развитію. На то есть логика исторіи, чтобы знать, что Русская земля, коль скоро она, и именно она одна (въ чемъ и сомнѣнья нѣтъ) представляетъ возможность такого самобытнаго органическаго развитія Славянскаго, не можетъ не одолѣвать силъ, вооружающихся противъ этого развитія, и что неотвратимый ходъ событій долженъ нести ее впередъ.

О польскомъ вопросѣ

Прудонъ *).

Я хотѣлъ было не говорить о Польшѣ до совершеннаго усмиренія ея. Но такъ-какъ теперь объявляютъ въ ея пользу, что трактаты 1815 года уничтожены, и такъ-какъ собираютъ конгрессъ потому-что Польша сдѣлалась камнемъ преткновенія для дипломатіи, народныхъ правъ и всеобщаго мира Европы; такъ какъ дѣло идетъ о французскомъ великодушіи, которое должно явиться во всемъ своемъ блескѣ и заплатить свои старые долги—то, кажется, настала минута подвергнуть этотъ вопросъ самому серьезному обсужденію. Выражая личное мнѣніе, которое покажется неблагопріятнымъ для требованій Поляковъ, я съ соболѣзнованіемъ долженъ сказать, что обстоятельства извиняютъ меня, потому-что требуютъ строгой истины. Всѣ знаютъ, до какой степени противорѣчія затемнили эти печальныя пренія. Съ одной стороны Европа вмѣшалась въ это дѣло въ силу трактатовъ 1815 года и, подавъ надежды польской революціи, старалась дѣйствовать понудительно на санктпетербургскій кабинетъ. Съ другой, въ силу тѣхъ-же трактатовъ и права завоеванія, Россія требуетъ верховныхъ правъ надъ Царствомъ Польскимъ. Поляки-же, съ своей стороны, протестуютъ противъ того-же вѣнскаго трактата, къ которому не разъ обращались, и возстали теперь въ силу верховныхъ принциповъ, то извлекаемыхъ ими изъ вестфальскаго мира, то изъ системы европейскаго равновѣсія, то изъ неприкосновенности національныхъ правъ, и требуютъ своего политическаго освобожденія. И теперь, чтобы по возможности удовлетворить ихъ желаніямъ, объявляютъ прямо, что трактаты 1815 года уничтожены, и что надобно созвать конгрессъ. Это значитъ, что народное европейское право, установленное на вѣнскомъ конгрессѣ, объявляется несуществующимъ, миръ Европы принесенъ на жертву, равновѣсіе государствъ подвергнуто опасности, всякая свобода народовъ пріостановлена, потому что въ трактатахъ 1815 года не нашли нужнымъ нарушить то, что было сдѣлано противъ Польши въ 1772, 1794 и 1796 гг.

*) Si les traités de 1815 an ont cessé d' exister?

Въ всемъ этомъ принесеніи на жертву обще-европейскихъ интересовъ въ пользу одной національности, уничтоженной уже около столѣтія такъ много преувеличеннаго, что здравый смыслъ не довѣряетъ этимъ требованіямъ, и всякій, лично, самъ заранѣе рѣшаетъ, что они не могутъ быть удовлетворены. Разсмотримъ-же, наконецъ, въ истинномъ его видѣ этотъ польскій вопросъ, который до сихъ поръ вращался въ области сантиментальныхъ фразъ, составляя текстъ декламацій, очень легкихъ для ораторовъ, которые, закрывъ глаза на самые факты, не смотрятъ ни на условія политическаго существованія народовъ, ни на историческую истину; разсмотримъ это знаменитое дѣло самымъ тщательнымъ по возможности образомъ, при свѣтѣ государственной юриспруденціи.

Истина ни для кого не можетъ быть оскорбительна, и если окажется, что съ Польшею было поступлено по всѣмъ правамъ народовъ и по ея заслугамъ; если раздробленіе ея было столь-же справедливо, какъ и необходимо; если здравый историческій смыслъ подтверждаетъ его, а благоразумная политика требуетъ поддержанія этого раздробленія; если правда, что раздѣлъ 1772 года былъ для Польши исходною точкою возрожденія ея народовъ—то я утверждаю, что не только Франція и Европа должны устраниться отъ участія въ нынѣшней борьбѣ, но что и самая инсуррекція должна была-бы положить оружіе и видѣть въ совершившемся фактѣ искупленіе прежнихъ поступковъ и будущую пользу своего народа.

До сихъ поръ, защитники польской національности основывались на той гипотезѣ, что Польша исключена изъ европейской карты какимъ-то вѣроломнымъ, нечаяннымъ нападеніемъ; что три государя совершили это преступленіе: Прусскій Король Фридрихъ II, Русская Императрица Екатерина II и Австрійская Императрица Марія-Терезія; говорятъ, что солидарность этого политическаго убійства тяготѣетъ надъ Европою, которая не прежде будетъ спокойна, покуда не исправитъ сдѣланнаго зла. Журналисты, публицисты, историки, какъ плебеи, такъ и аристократы, какъ якобинцы, такъ и іезуиты—всѣ единогласно обвиняютъ раздѣлъ. Благомыслящая толпа, незнающая ничего, кромѣ того, что ей разсказываютъ газеты, находитъ, что поведеніе трехъ державъ было неизвинительно. Друзья Французской имперіи напоминаютъ о славномъ сотовариществѣ Поляковъ на полѣ брани; демократы, соціалисты смѣшатъ, твердя безпрестанно: наши братья поляки! Почтенные люди, которые пользуются авторитетомъ и въ политикѣ и въ исторіи, но которые привыкли судить обо всемъ по старымъ преданіямъ, подтверждаютъ тоже своимъ неодобреніемъ мнѣніе толпы. И такъ, посмотримъ въ самомъ дѣлѣ: въ чемъ состоитъ это мнимое преступленіе? И для этого, повѣрьте, не нужно ни разрывать трактатовъ, ни поджигать Европы съ четырехъ концовъ.

Я недовѣрчивъ по природѣ; въ важныхъ случаяхъ люблю я отдавать самъ себѣ отчетъ во всемъ, и когда замѣчаю ложь, когда на дѣлѣ застаю лицемѣріе, то невольно становлюсь строгимъ. Слѣдовательно, пусть простятъ меня, если мои выраженія окажутся суровыми. Возбуждаетъ теперь негодованіе не упорство поляковъ — я не виню ихъ за ихъ патріотизмъ — но недобросовѣстность тѣхъ, которые подстрекаютъ ихъ, или которые, проповѣдуя имъ покорность, не смѣютъ высказать имъ полной правды. Конечно, въ этой правдѣ много жестокаго, но все-таки она не такъ жестока, какъ ложное состраданіе этихъ примирителей.

Поставимъ вопросъ, какъ онъ долженъ быть поставленъ и во всей суровой его откровенности.

Имѣютъ-ли право поляки, по законамъ исторіи и народныхъ правъ, протествовать противъ раздѣла 1772 года и послѣдовавшихъ затѣмъ, требуя теперь у общаго суда Европы своего возстановленія? Очевидно, что если, съ одной стороны, протестъ поляковъ неосновательенъ, если потомство должно подтвердить приговоръ 1772 года, то дипломатія, вмѣшавшаяся теперь въ это дѣло, поступила, въ отношеніи къ Россіи, враждебно и не добросовѣстно, что она не поняла духа трактатовъ, что она имѣла тайные виды, совсѣмъ другаго рода, нежели сочувствіе къ восторженной націи, и что дѣйствія ея должны быть осуждены. Если-же, напротивъ того, было дѣйствительно совершено преступленіе и историческій фактъ не оправдываетъ его, то никакое примиреніе не можетъ быть принято—надобно возстановить Польшу во всей ея независимости и національныхъ правахъ.

Два года изучалъ я исторію Польши, съ пятаго вѣка христіанской эры до нынѣшняго 1863 года, и вотъ отвѣтъ, который я самъ себѣ далъ. Нѣтъ, поляки неправы. Для возрожденія своего не могутъ они ссылаться ни на трактаты 1815 года, ни на вестфальскій миръ, ни на древнія права народовъ и войны, ни на какое другое естественное, или положительное право. Раздѣлы 1772, 1794, 1796, 1807 и 1815 года были юридическими фактами совершенно правильными, на которые теперь менѣе, нежели когда-либо, можно нападать.

Правда, что тѣ, которые первые въ 1772 году произвели этотъ раздѣлъ, не ясно, кажется, понимали важность этого событія. Честолюбіе здѣсь столько-же участвовало, какъ и право. Это зависѣло отъ слабаго тогда пониманія исторической философіи и отъ невѣдѣнія общихъ принциповъ. Но мы, видя теперь всю совокупность дѣла и судя безъ всякаго пристрастія, не должны увлекаться ни бѣдственною политикою, ни ужасами войны; мы можемъ только сказать, что виновники раздѣла были исполнителями давно задуманнаго приговора, что раздробленіе Польши было фактомъ европейскаго порядка, предписаннаго необходимостью, потребностью всеобщаго мира и прогресса,

и что послѣдующіе трактаты должны были подтвердить этотъ приговоръ, который измѣнить было-бы теперь безразсудно, чтобы не сказать преступно.

Будемъ, прежде всего, справедливы и сдѣлаемъ одно важное замѣчаніе, которое кажется ускользнуло отъ историковъ. Всѣ несчастія Польши произошли отъ одного установленія X вѣка, за которое, впрочемъ, должно обвинять не поляковъ, а единственно человѣческую натуру; я хочу сказать объ установленіи дворянства. Я вовсе не намѣренъ позволять себѣ санкилотскія выходки. У всѣхъ народовъ аристократія, какъ и монархія, составляли первоначальное устройство общества. Вездѣ аристократія даетъ толпѣ характеръ и движеніе, устраиваетъ власть правительственную и сходитъ со сцены уже тогда, когда плебеи достигаютъ политическаго значенія. Извѣстенъ политическій геній, добродѣтели и величіе характера римскихъ патриціевъ; извѣстно съ какимъ постоянствомъ принциповъ они доставили Риму владычество надъ свѣтомъ. Этотъ примѣръ доказываетъ, какъ важна была роль аристократіи. Нѣсколько вѣковъ преобладаніе ея было законно, и съ этой точки зрѣнія надобно теперь судить о ней.

Извѣстна также и сила англійской аристократіи; извѣстно, какое участіе принимала она въ созданіи и развитіи англійской свободы, какъ своимъ духомъ прогресса умѣла сдѣлаться популярною, и до какой степени могущества довела свою націю. Она создала въ Англіи—и среднее сословіе, и народъ. Лордъ Россель сказалъ гдѣ-то: теперь неизвѣстна даже эпоха, когда прекратилось рабство въ Англіи. Англійская аристократія кончится, какъ и всякая другая, но съ нею не кончится существованіе самой націи; напротивъ того, она прославится тѣмъ, что оставитъ по себѣ демократію, которая будетъ превосходить ее силою.

Это я выставляю здѣсь и по поводу Польши въ ея оправданіе, но долженъ присовокупить, что установленіе дворянства, столь опасное и для болѣе опытныхъ и упрочившихся племенъ и получившее въ Польшѣ столь преувеличенное развитіе, менѣе всякаго народа прилично было для поляковъ, такъ что едва оно образовалось, какъ уже сдѣлалось агентомъ разслабленія общественныхъ нравовъ и бичомъ крестьянъ и государства.

Духъ Славянъ не можетъ сродниться съ идеею о кастахъ. Въ Польшѣ, какъ и вездѣ, аристократія родилась сперва отъ неравенства умственныхъ способностей, потомъ отъ исправленія публичныхъ должностей и отъ различія поземельной собственности. Но эти слабыя сѣмена вскорѣ совершенно заглохли бы, еслибъ не получили усиленія извнѣ, именно, вмѣстѣ съ христіанствомъ явилось вліяніе католической и феодальной церкви.

Въ Россіи первобытные нравы поддерживались гораздо лучше. Греческое духовенство менѣе противилось имъ; сословіе боярское образовалось тамъ позже, будучи введено извнѣ, или въ подражаніе единоплеменной Польшѣ, и оно никогда не могло преобладать надъ популярною властію царей. Въ Польшѣ было совершенно противное. Здѣсь церковь господствовала надъ короною, и феодальное вліяніе развилось вполнѣ. Духъ массъ былъ стѣсненъ, не имѣя силы реакціи; королевская власть, ограничиваемая епископами, была безсильна. Обнаружилась изступленная страсть къ полученію дворянскаго званія, и она была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сами искатели были незначительнѣе. Это мнимое дворянство, развращенное при самомъ своемъ рожденіи, лишенное собственной энергіи, презираемое болѣе сильными и богатыми, существовало только къ разоренію государства и къ стыду націи.

Никогда еще не измѣняли въ такой мѣрѣ своему народу тѣ самые элементы, которые, повидимому, должны были-бы составлять его величіе—именно, его дворянство и духовенство. Это оттого, что аристократія, опасная по своей природѣ и имѣющая повсюду значеніе переходнаго органа, болѣе всего бываетъ гибельна у народовъ простаго и мягкаго характера, въ которыхъ тщеславіе, а особенно у женщинъ, сильнѣе честолюбія, и въ которыхъ робкое или буйное *я* столь же неспособно къ повиновенію, какъ и къ власти.

Славяне, какъ большія дѣти, вовсе неспособны были къ образованію аристократической касты. Они приняли титулы, права и богатства феодаловъ, какъ игрушку; они любили ихъ, какъ богатую одежду, лошадей, блестящее оружіе; но имъ въ мысль не приходило считать себя государственными людьми и воспитателями плебеевъ. Они и не подозрѣвали существованія западной поговорки, что „дворянство налагаетъ обязанности“ (noblesse oblige).

Нѣсколько вѣковъ скандализировала Польша Европу своими междоусобными распрями; она нравственно уже скончалась въ 1696 году, испустивъ послѣдній вздохъ свой съ Собѣсскимъ. Собѣсскій величайшій человѣкъ Польши, истинно великодушный и благородный, былъ именно за это ненавидимъ дворянствомъ болѣе всѣхъ другихъ королей. Съ кончиною Казимира, послѣдняго изъ Пястовъ, въ 1370 году, Польша начала торговать своею короною, какъ публичная женщина свою красотою. Она много выгадала въ этой торговлѣ. Кромѣ денегъ отъ кандидатовъ, пріобрѣла она Литву, которой обширныя и плодородныя земли дали средство польскимъ магнатамъ поправить свои дѣла, но съ которою, несмотря на старанія Ягелла и преемниковъ его, она всегда жила въ несогласіи.

Братскій союзъ литовцевъ съ поляками, то-есть дворянства обѣихъ областей—потому что и тутъ и тамъ плебеи считаются ни во что—этотъ союзъ до 1772 года составлялъ какой-то миѳъ, и нынѣшнее возстаніе

едва-ли ихъ примирило. Потомъ, истощивъ свою ягеллонскую династію, поляки попробовали взяться за династію Вазы, въ 1587, надѣясь овладѣть и Швеціею, какъ Литвою. Вотъ почему Сигизмундъ III велъ противъ шведскаго своего отечества столь-же несправедливую, какъ и не политическую войну, за которую дорого отплатили полякамъ Густавъ-Адольфъ и Карлъ XII.

Такимъ образомъ, бросивъ первый взглядъ на Польшу и на ея исторію, что мы открываемъ? Что польская національность исключительно состоитъ изъ дворянства—и я спрашиваю: что есть общаго у этой касты съ остальною конституціонною Европою?

Что мы видимъ далѣе? Эти дворяне призывали, въ продолженіи четырехъ столѣтій, царствовать надъ ними иностранныхъ принцевъ—венгерскихъ, литовскихъ, французскихъ, трансильванскихъ, шведскихъ, саксонскихъ. Я спрашиваю вновь: какъ смѣетъ польское дворянство жаловаться теперь, что принадлежитъ государямъ прусскому, австрійскому и русскому? Вы никогда не умѣли быть поляками, а говорите о національности. Исторія Польши, съ самаго начала ея, можетъ быть опредѣлена словами: „постепенный упадокъ“. Эти слова сказалъ историкъ Сальванди, другъ поляковъ. Странно, что насъ хотятъ увлечь къ возстановленію той національности, которая осуждена собственными ея лѣтописями. Кромѣ рѣдкихъ личностей, которыя существуютъ въ Польшѣ, какъ и вездѣ, нація, растлѣнная своими католическо-феодальными фантазіями, своими своевольными законами, своимъ вспыльчивымъ умомъ, сохранившая, въ теченіи вѣковъ, только одни свои пороки, остановленная въ своемъ развитіи, столь-же мало имѣетъ теперь политическаго инстинкта, какъ и логическаго здравомыслія.

Касательно гражданскаго права, она убила славянскія узаконенія, создавшія общину и свободу поселянина; но ничего не пріобрѣла сама, потому что даже и дворянство ея не имѣетъ настоящей, формальной собственности. По примѣру Франціи, со временъ династіи Капета соперничествовавшей съ Германскою Имперіею, въ 964 — 1139 г., Польша пробовала воскресить себя посредствомъ монархіи, и не успѣла въ этомъ. Ея короли были подавлены, уничтожены аристократіею. Титулъ былъ сохраненъ, но принципа никогда не было. „Я не хочу быть фарфоровымъ королемъ“, сказалъ имъ трансильванецъ Баторій—одинъ изъ величайшихъ людей, которые когда-либо царствовали въ Польшѣ. Подозрѣваютъ, что этотъ государь, за свои правительственныя идеи, былъ отравленъ поляками. Король въ Польшѣ имѣлъ значеніе раздавателя *старостъ*, и самъ былъ первымъ изъ помѣщиковъ—болѣе ничѣмъ. Когда стали призывать иностранныхъ принцевъ, то, обольщенные титуломъ польскаго короля, титуломъ, котораго они не понимали, претенденты стремились туда со всѣхъ концовъ Европы, истрачивали сокровища, торговались; по заключеніи торга, этихъ претенден-

товъ заставляли подписывать pacta conventa—смѣшную хартію, которая уничтожала всю власть ихъ.

Послѣ монархіи Польша захотѣла испытать феодальную аристократію и старалась соединиться съ германскою монархіею, въ 1139—1149 г. Но мелкая шляхта взбунтовалась противъ высшаго дворянства; германское право опровергла правами польскаго дворянства, и все кончилось сдѣлкою, которая не образуетъ ни монархіи, ни феодализма, ни демократіи: это что-то среднее, что-то вполнѣ польское. Съ 1320 до 1492 г. Польша все выбирала себѣ новыя системы, и польскіе историки называютъ этотъ періодъ *цвѣтущимъ*, вѣроятно, потому, что въ это время издано было множество законовъ. Законы были одинъ лучше другого, и въ изданіи ихъ участвовали короли, магнаты и духовенство; но ни объ одномъ законѣ нельзя сказать, чтобъ онъ былъ примѣненъ и исполненъ. Это была простая забава праздныхъ людей, игравшихъ въ *реформу*. Нѣкоторые честные люди вѣрили этому, и польскіе историки съ гордостью указываютъ на эту эпоху, тогда какъ ни въ какое время и ни у какого народа не видно было такого растлѣнія нравовъ, такой наглости дворянъ, такого презрѣнія къ законамъ, такой нищеты въ народѣ, какъ въ эту эпоху. Это была блистательнѣйшая минута польскаго гніенія и невольничества крестьянъ, Тогда не было въ Польшѣ, конечно, анархіи, но не было и ни какой силы у правительственной власти. Не было ни полиціи, ни юстиціи, дворяне дѣлали, что хотѣли, политика которыхъ состояла въ томъ, чтобы не стѣснять никого и наслаждаться своимъ званіемъ. Знаменитѣйшій изъ всѣхъ королей, котораго поляки прозвали *великимъ*, Казиміръ III, былъ настоящимъ Сарданапаломъ.

Начался кризисъ съ восшествіемъ на престолъ Іоанна-Альберта, и кончился смертію Собѣсскаго: это періодъ великой анархіи. Если анархическій принципъ, доведенный до послѣдней крайности, играетъ роль въ судьбахъ человѣчества, то этотъ элементъ имѣлъ истиннаго своего представителя въ Польшѣ. И, однакожъ, часъ ея въ это время не пробилъ еще.

Польша шла всегда въ разрѣзъ съ остальною Европою. Въ Англіи аристократія сошлась съ среднимъ сословіемъ, чтобы ограничить власть королей; во Франціи король соединился съ общинами, чтобъ подавить волнующееся дворянство; въ Германіи, около императорской короны составилась конфедерація. Польша дѣлала все напротивъ. Мнимая ея цивилизація въ среднихъ вѣкахъ была не что иное, какъ восточная роскошь; ея литература—только контрафакція латинизма; ея республика-лексиконъ, заимствованный изъ древняго Рима, или оперная декорація, а набожность ея—крайнее ханжество. Не было ничего истиннаго, ничего опредѣленнаго у этихъ чувственныхъ людей, преданныхъ изступленію всѣхъ страстей, всѣмъ крайностямъ жизни, всѣмъ фантазіямъ

идеализма. Дворянскіе предразсудки, доведенные до мелочей, или до безумія; отсутствіе дисциплины, возведенное въ point d' honneur и ниспровергающее всѣ идеи; дѣлало поляковъ попеременно фальшивыми роялистами, фальшивыми аристократами, фальшивыми революціонерами; *они остались вѣрны только іезуитамъ.*

Я сказалъ, что народъ, къ которому все таки надобно возвратиться, если хотятъ судить о какой-либо націи, не подавалъ еще до сихъ поръ никакого признака жизни, исключая проклятій своимъ господамъ и ненависти къ нимъ. Въ 964 году, при введеніи христіанства, дворяне запрещали крестить поселянъ, не считая ихъ достойными избавленія именемъ христовымъ. Въ 1040 эти несчастные плебеи, которыхъ отталкивали въ идолопоклонство, чтобы съ меньшею совѣстливостью обирать ихъ, осмѣлились взбунтоваться, и въ царствованіе Казимира—монаха ихъ рѣзали безпощадно.

Я не буду говорить объ истребительной войнѣ въ XVII вѣкѣ противъ запорожскихъ козаковъ, т. е., противъ польскихъ подданныхъ, бѣжавшихъ за днѣпровскіе пороги, во времена Казимира-монаха. Въ исторіи ничѣмъ не доказано, чтобы шляхта и народъ были люди двухъ разныхъ племенъ; но, впродолженіи восьми вѣковъ мысль эта преобладала, и Мальтбрюнъ говоритъ, что съ незапамятныхъ временъ пришло въ Польшу воинственное племя славянъ, которое и сдѣлало рабами тамошнихъ аборигеновъ того-же племени. Какъ бы то ни было, но славянскіе поляки приняли нетолько религію папизма, но и захотѣли, подобно западнымъ христіанамъ, имѣть у себя дворянъ, королей и рабовъ. Къ сожалѣнію, дворянство превратилось у нихъ вскорѣ въ разбойничество; король сдѣлался безсильнымъ кумиромъ, а рабъ самымъ жалкимъ созданіемъ, хуже того, чѣмъ были невольники у грековъ и у римлянъ.

И намъ говорятъ о національности! Пусть польское дворянство принесетъ прежде самого себя въ жертву; пусть возвратитъ существованіе тѣмъ, у которыхъ оно отняло имущество и которыхъ столько вѣковъ угнетаютъ!... Но пора поговорить о раздѣлѣ.

По смерти Собѣскаго Польша продала себя Саксоніи, которая, вслѣдствіе своего союза съ Россіею, навлекла на себя военную грозу съ стороны шведскаго короля Карла XII и была принуждена уступить Польшу Станиславу Лещинскому — человѣку благороднаго характера, одаренному всѣми качествами Собѣскаго, однимъ словомъ, другу Карла XII. Для поляковъ насталъ теперь удобный случай отстать отъ Саксоніи и обезпечить свою независимость, соединясь со одной стороны съ Швеціею, которой полякамъ нечего было бояться, противъ Россіи, которая угрожала ей; съ другой стороны, утвердивъ окончательно на своемъ престолѣ національную династію. Но въ Польшѣ не могло быть національнаго короля. Послѣ пораженія Карла XII подъ Полтавою, Фридрихъ-Августъ возвратился какъ въ свои области, такъ и въ Польшу,

а Станиславъ бѣжалъ за границу. Въ 1720 году былъ подписанъ миръ.

Въ 1733 г. умеръ Фридрихъ-Августъ I, болѣе оплакиваемый Сак сонцами (говоритъ одинъ историкъ), которыхъ онъ разорилъ, чтоб пріобрѣсти Польшу, нежели поляками, которыхъ обогатилъ, покупа ихъ избирательные голоса. При извѣстіи о его смерти, Станислав уѣхалъ изъ Франціи и провозгласилъ себя королемъ въ Варшавѣ Началась война между Франціею и Австріею, за польское престолона слѣдіе; она продолжалась три года. Поляки не поддерживали своег короля-патріота, и Августъ III, человѣкъ, преданный Австріи и Россіи остался властителемъ Польши. Станиславъ вторично отказался от короны. Герцогства барское и лотарингское—старое достояніе Австріи- были тогда отданы ему, съ правомъ Франціи на наслѣдіе. Австрі получила въ вознагражденіе Тоскану. Такимъ образомъ и Франці получила свою долю въ раздѣлѣ Польши.

Польша сдѣлалась съ этихъ поръ постояннымъ яблокомъ раздоров въ Европѣ, измѣняя политическое ея равновѣсіе подкупомъ своих выборовъ. По своеволію поляковъ, вестфальскій миръ не осуществился Подобное положеніе не могло быть терпимо. Вѣнскій миръ 2-го Октя бря 1735 года, по которому Франція и Австрія взаимно вознаградил себя за свои виды на Польшу, составлялъ мрачное предвѣстіе, нѣчт въ родѣ предисловія къ раздѣлу 1772 года. Съ этой минуты европей скія державы стали уже мѣшаться въ дѣла Польши, которая, рано ил поздно, должна была, очевидно, покориться закону равновѣсія. Есл она, по своимъ дѣйствіямъ, не могла принадлежать къ европейско системѣ въ полномъ своемъ составѣ, то должна была войти въ не раздробленная по частямъ.

Съ 1735 до 1761, когда скончался Августъ III, король саксонскі и польскій, измѣнились ли, исправились ли поляки въ чемъ—нибуд Рѣшительно нѣтъ. Они и не подозрѣваютъ ни своего безразсудств ни угрожающей имъ опасности. Униженіе ихъ такъ велико, что дв изъ величайшихъ людей республики, братья Чарторижскіе, не видят другаго спасенія для своего общества, какъ въ реформѣ, произведенно насильственно, съ помощію иноземной силы. Это таже самая систем какую въ наше время употребилъ маркизъ Велепольскій. Прочти исторію Рюльера, вникните хорошенько въ дѣло, и вы убѣдитесь, ч въ 1761 году иноземное вмѣшательство дѣйствительно было послѣдним средствомъ для спасенія свободы Польши.

Чарторижскіе потребовали помощи у Россіи. Результатомъ это было избраніе Станислава Понятовскаго, племянника Чарторижских Правда, они сами не его назначали кандидатомъ; но таковъ тогда бы духъ польскихъ дворянъ, что какъ скоро произнесено было имя Пон товскаго, то всѣ съ восторгомъ ухватились за него, обольщенные тѣм

что онъ воспользовался милостью Екатерины II. 6-го сентября 1764 былъ онъ избранъ, съ согласія Пруссіи.

Усилія обоихъ реформаторовъ предвѣщали успѣхъ. Важнѣйшею идеею ихъ было созданіе въ Польшѣ средняго сословія, отчасти составленнаго изъ поселянъ, которыхъ предпотагалось сдѣлать свободными, а отчасти изъ шляхты, которая ненавидѣла трудъ и почитала униженіемъ заниматься торговлею и промышленностью, предпочитая быть слугами богатыхъ магнатовъ.

Это среднее сословіе должно было служить опорою для короля противу нападеній ретроградной партіи. И кто-же ниспровергъ весь этотъ планъ? Самъ король Понятовскій открылъ всѣмъ тайну своихъ дядей и предалъ ихъ, присоединясь къ дворянству, то есть, къ тѣмъ полякамъ, которые, будучи врагами всякой реформы въ своемъ сословіи, какъ равно и эманципаціи плебеевъ, донесли Екатеринѣ, что Чарторижскіе составили заговоръ.

Съ этой минуты все погибло. Екатерина стала наблюдать за дѣйствіями короля. Между тѣмъ, Франція присоединила къ себѣ Лотарингію, и получивъ эту долю въ польскомъ раздѣлѣ, вздумала помочь Польшѣ, заставя Порту объявить войну Россіи; но Австрія и Пруссія тотчасъ же двинули свои арміи и приняли серьезное участіе въ дѣлахъ Польщи. Черезъ два года, по настоянію Фридриха II, произошелъ первый раздѣлъ.

Никто болѣе меня не соболѣзнуетъ о полякахъ. Но кого могутъ они обвинять въ своемъ несчастіи, какъ не самихъ себя?...

Предположите, что корона бельгійская сдѣлалась избирательною, и ее стали-бы предлагать то принцу уэльскому, то эрцгерцогу австрій скому, то императору Французовъ, или королю прусскому; легко предвидѣть, что рано, или поздно, избранный принцъ захочетъ сохранить въ своемъ потомствѣ то, что ему дано пожизненно, что прочіе претенденты не позволятъ этого, что между этими державами возгорится война за обладаніе этимъ конкурснымъ королевствомъ, и что борьба кончится сдѣлкою, которая, прекративъ чужеземную вражду, уничтожитъ навседа бельгійскую національность.

Основываясь на подобной же причинѣ, Людовикъ XIV вторгнулся, въ 1665 г., въ Нидерданды, которые не хотѣлъ оставить во власти Австріи. Онъ былъ неправъ только въ томъ отношеніи, что откровенно не объявилъ своихъ плановъ, а сослалася на права наслѣдія, которыхъ не существовало. Точно въ такомъ же положеніи была и Польша въ XVIII вѣкѣ, по смерти Собѣсскаго. Не имѣя силъ, не умѣя, даже не желая принадлежать сама себѣ, а существуя только для произведенія волненій въ Европѣ, Польша должна была принадлежать кому-нибудь: раздѣлъ 1772 года прекратилъ польскую аномалію. Никто въ Европѣ не протестовалъ противъ этого. Да и кому было это нужно? Франція

взяла уже свою часть—Лотарингію; Швеція помнила свои обиды; Англія давно уже вознаградила себя.

Послѣдующіе раздѣлы были послѣдствіемъ перваго, и каждый изъ нихъ былъ вызванъ самими поляками. Въ 1791 году конституція была передѣлана королемъ, который понялъ наконецъ умную мысль своихъ дядей. Крестьянамъ были даны обѣщанія; королевство сдѣлалось наслѣдственнымъ, и корона предложена была, по смерти царствующаго короля, саксонскому дому; просили даже союза Пруссіи. Но уже дѣло было кончено; нечего было ожидать въ будущемъ. Сперва дворянство, въ защиту правъ своихъ, составило торговицкую конфедерацію. Потомъ Саксонія отказалась отъ предлагаемой короны, а Пруссія слишкомъ дорого хотѣла взять за свой союзъ. Никто не вѣрилъ уже полякамъ; никто не желалъ имѣть ихъ. Наконецъ, король уступилъ, и торжество дворянства въ 1791 году произвело новый раздѣлъ. Непреклонная ненависть дворянина къ крестьянину вторично погубила отечество и раздробила его.

Вскорѣ потомъ (въ октябрѣ 1791 г.) произошло возстаніе Костюшка, и польскіе патріоты обратились къ французской революціи; они потребовали у парижскаго конвента помощи и вздумали дѣйствовать посредствомъ терроризма. Это была несчастная попытка, только ожесточившая державы, воевавшія съ Франціею. Польша была вовсе не въ роли 1793 года, предводители поляковъ не были похожи на французскихъ террористовъ. Костюшко не успѣлъ ни привлечь къ себѣ дворянства, ни убѣдить его къ реформамъ. Нѣчто въ родѣ парижскихъ сентябрскихъ дней произошло въ Варшавѣ 28-го Іюня 1794 года. Костюшко потребовалъ, чтобы убійцы были повѣшены, и парижскій комитетъ общественной безопасности послалъ ему слѣдующій запросъ:

«Если генералъ Костюшко увѣряетъ, что въ теоріи онъ одобряетъ истинно-революціонныя средства для спасенія Польши, то какимъ же образомъ онъ на практикѣ дѣйствуетъ иначе? Какимъ образомъ, будучи диктаторомъ, онъ признаетъ государемъ измѣнника Станислава-Августа? Почему немилосердно поступаетъ съ тѣми, которые спокойно объявили, что думали дѣйствовать въ пользу отечества, умертвивъ настоящихъ злодѣевъ? Почему онъ боится освободить крестьянъ, щадя интересы дворянства, и почему онъ бережетъ вѣроломную Австрію, которая воюетъ съ нами?»

Въ 1796 году произошелъ окончательный раздѣлъ Польши, и все по одной и той же причинѣ — по эгоизму дворянъ, которые всегда предпочитали уничтоженіе отечества освобожденію крестьянъ. Наполеонъ I, въ 1807 г., не измѣнилъ этого раздѣла; онъ только прибавилъ четвертаго участника въ дѣлежѣ, отдавъ Саксоніи Варшавское Герцогство.

Теперь ссылаются на *слова* Нацолеона, сказанныя имъ на островѣ в. Елены. Но что значатъ слова передѣлывателя собственной своей сторіи и какъ-бы исправляющаго на *словахъ* ошибки, совершенныя на *дѣлѣ?* Уничтоженіе *анархіи* въ Польшѣ сдѣлалось, очевидно, роковою еизбѣжностью. Она заранѣе была предусмотрѣна всѣми государствеными людьми. Ее предсказывали Баторій, Янъ Казимиръ, Собѣсскій, ещинсвій, Чарторижскіе. Раздѣлъ совершился въ тотъ день, когда вропа убѣдилась, что Польша составляетъ для нея постоянную опасность. ожно смѣло сказать, что никогда въ исторіи не было столь заслуженаго наказанія. Униженіе Польши, предписываемое безопасностью осѣднихъ державъ, послужило къ спасенію и къ освобожденію рабочаго ласса, который свободно вздохнулъ послѣ раздѣла, называемаго теперь ромкимъ именемъ политическаго убійства. Для польскихъ плебеевъ раздѣлъ былъ освобожденіемъ отъ рабства.

И теперь, къ какому правосудію, божескому, или человѣческому, братятся противъ этого строгаго, но неизбѣжнаго суда исторіи? Обрашятся ли къ отечественному праву? Но, во первыхъ, это право требовало у дворянъ не только освобожденія крестьянъ, но и возвращенія мъ отнятыхъ у нихъ земель. Съ другой стороны, естественное право е можетъ служить протестомъ противъ писаннаго права, служащаго ыраженіемъ его. Если вы ищете правосудія, то, ради-Бога, не требуйте го отъ варварскихъ временъ! Не вѣрьте Руссо, что у дикарей больше правосудія, нежели у образованныхъ народовъ. Нашествія варваовъ, развалины, оставленныя ими по себѣ, печально разочаруютъ васъ.

Новое право установлено вестфальскимъ миромъ. Но я уже объяснилъ, го въ силу этого самого права, Польша, безпрестанно нарушавшая авновѣсіе и торговавшая своимъ трономъ, посреди цивилизованной вропы, должна была подвергнуться раздробленію. Когда нація остаетъ противъ всеобщаго установленнаго порядка, то неужели противъ нея нѣтъ никакого авторитета, ни правосудія, какъ и для отдѣльныхъ лицъ? По какому же праву вторглись европейцы въ Китай и понію?

Не обратиться ли къ либеральному духу вѣнскаго трактата? Дѣйствительно, въ немъ удостоили заняться свободою Польши, и просили сударей, раздѣлившихъ ее, дать своимъ народамъ конституцію акую? кому, и въ чемъ? Разсмотримъ внимательно. Въ 1814 году ошло только сорокъ лѣтъ послѣ раздѣла. Въ продолженіе этого времени ляки заставили ли своимъ поведеніемъ забыть прежніе поступки? ая судьба Польши какъ-бы нарочно указывала, что съ 1773 г. она стоянно дѣйствовала вопреки здравой политикѣ, всѣмъ своимъ обяанностямъ и даже выгодамъ. Такъ, напримѣръ, отвергнувъ реформы арторижскихъ, которыя тогда могли еще пройти незамѣтно, поляки адумали попробовать составить конституцію. Но въ какую минуту

и какимъ образомъ? Въ 1791—1794 г., когда разлилась французская революція и, поколебавъ всѣ троны, уничтожила всѣ привилегіи. Въ эту минуту поляки вздумали подражать Франціи, тогда какъ дворянство ихъ въ домѣ ненавидѣло ея принципы и давало себѣ слово уничтожить ихъ, впослѣдствіи, своею реакціею, вовсе не думая повторить 4-е августа въ парижскомъ собраніи, а возбуждая только опасенія сосѣднихъ державъ,, которыя вскорѣ довершили раздѣлъ окончательно.

Какой тактикѣ слѣдовали полики съ 1797 по 1814 годъ? Они старались дѣйствовать заодно—сперва съ директоріею, потомъ съ консульствомъ и съ имперіею, не заботясь о перемѣнѣ въ принципахъ, произшедшей во французскомъ правительствѣ, не заботясь о правахъ и интересахъ сосѣднихъ націй, не замѣчая, что съ республикою были они на сторонѣ народовъ противъ деспотизма, а съ Наполеономъ I были съ деспотизмомъ противъ народовъ. Пятнадцать лѣтъ сражались они подъ знаменами Наполеона противъ независмости національностей: въ Сан-Доминго, въ Италіи, въ Испаніи, въ Германіи, въ Россіи, вездѣ.

Я допускаю, что они своими услугами пріобрѣли право на благодарность Франціи, и что наши военные люди, по справедливости, видятъ въ нихъ боевыхъ товарищей. Но заслужили-ли они, въ 1814 году, такую-же благодарность отъ тѣхъ народовъ, подавлять которыхъ помогали Наполеону безъ различія времени и мѣста?

Съ 1798 по 1813 годъ они раздѣляли наши пораженія, и мы бы должны были за это возвратить имъ независимость, еслибъ это отъ насъ зависѣло. Но надобно сознаться, что чѣмъ больше мы имѣли къ нимъ сочувствія въ 1814 году, тѣмъ болѣе Русскіе, австрійцы, прусаки, испанцы, неаполитанцы имѣли право мстить имъ, и мы столь же мало можемъ осуждать эту месть, какъ и раздѣлять ее. Что я говорю? Теперь, хладнокровно обсуждая исполинскія экспедиціи нащей первой имперіи, мы можемъ только произнести наше: „mea culpa“ (согрѣшили) за всѣ эти безполезно одержанныя побѣды, за всю эту чудовищную политику. Подавъ руку *союзникамъ*, не ратификовали ли мы окончательно три первые раздѣла Польши? А если обдумаемъ, что отъ самихъ поляковъ зависѣло воспользоваться, съ 1815 года, подъ верховною властію Россіи, всѣми выгодами конституціонной системы, дарованной какъ имъ, такъ и Франціи — то имѣемъ-ли мы право соболѣзновать даже объ этой ратификаціи?

Теперь доказано, что въ то время, какъ русскіе императоры сохраняли еще для собственныхъ своихъ областей обсолютное самодержавіе, они обращались съ Польшею, какъ съ свободнымъ государствомъ. Ни одна копѣйка польскихъ податей не поступала въ кассы Имперіи—все употреблялось для Царства Польскаго; всѣ *шесть пунктовъ*, о которыхъ въ послѣднее время такъ много шумѣли, давно уже были дарованы

полякамъ, отъ которыхъ Россія ничего больше не требовала, какъ только военнаго контингента.

Съ небольшимъ здравомысліемъ и меньшимъ эгоизмомъ, поляки поняли-бы, что положеніе, въ которое они тогда были поставлены, ставило ихъ въ главѣ Россіи; что впослѣдствіи, при добросовѣстномъ исполненіи конституціи, они нетолько оставались бы свободны, но были-бы гораздо свободнѣе, нежели когда-либо были ихъ предки. Ови служили бы иниціативою реформъ, которыя теперь составляютъ славу Александра II,—тогда какъ теперь они сдѣлались ненавистны каждому русскому. Никогда завоеванная нація не была въ такомъ счастливомъ положеніи, Кто же отвергъ это счастіе? Гордость польскаго дворянства. Вотъ истинная причина ихъ презрѣнія къ *москвитянамъ*. Мечты поляковъ послѣ 1815 года направлены единственно къ тому, чтобы воспользоваться дарованною имъ Александромъ I конституціею, какъ орудіемъ противъ него же. Спустя нѣсколько лѣтъ, конституція эта была у нихъ отнята: они только этого и хотѣли. Это послужило имъ предлогомъ къ возстанію въ 1831 году, Какая мысль руководила ими въ этомъ возстаніи, которое осуждено было всѣми здравомыслящими людьми Европы, и въ которомъ сильнѣе, нежели когда-либо, вспыхнули старинныя ихъ междоусобія и непримиримая вражда къ плебеямъ, какъ во времена Казимира, прозваннаго въ насмѣшку *королемъ хлоповъ?* Принципъ дворянства погубилъ Польшу.

Русское правительство съ 1773 года было неправо въ отношеніи къ Польшѣ, не право тѣмъ, что щадило это неисправимое дворянство и думало, что хорошимъ обращеніемъ, милостями и раздачею мѣстъ оно обратитъ ихъ на путь истины. Даже дана была имъ наконецъ конституція. Это была ошибка. Всѣ государи любятъ окружать себя стариннымъ дворянствомъ. Такъ поступилъ Людовикъ XIV послѣ фронды, и Наполенъ I, сдѣлавшись императоромъ, соединялъ *бѣлыхъ* и *синихъ* противъ *красныхъ*.

Слѣдуя этимъ историческимъ традиціямъ, и русскіе императоры старались привлечь къ себѣ величайшихъ враговъ своего народа. Событія показали противное. За свое добро, за свои милости, они были вознаграждены оскорбленіями, а когда потомъ захотѣли быть строгими, то вся Европа обвинила ихъ, называя поляковъ мучениками свободы и любви къ отечеству.

Въ 1846 году возобновились происки польскихъ дворянъ, и крестьяне Галиціи начали безчеловѣчно избивать ихъ. Европейскія газеты старались тогда увѣрить публику, что эти убійства происходятъ отъ подстреканій со стороны австрійскихъ начальствъ; но новѣйшія и подробныя изслѣдованія доказали, что эти увѣренія—польская выдумка. Вѣшать крестьянъ и жечь ихъ хижины—давно уже составляетъ главное средство пропаганды мнимыхъ польскихъ революціонеровъ противъ *Москвы*.

Эти пожары и убійства имѣютъ двоякую цѣль: вопервыхъ они должны были принудить крестьянъ, посредствомъ терроризма, присоединиться къ инсуррекціи, а во вторыхъ, ожесточить этихъ крестьянъ противъ русскихъ, обвиняя послѣднихъ въ поджигательствѣ. 11-го ноября 1846 года, краковская республика, установленная трактатами, но къ сожалѣнію, служившая главнымъ сборищемъ для заговорщиковъ, присоединена была къ Австріи, съ согласія Россіи и Пруссіи. Кто былъ виновникъ этого?

Я не одобряю жестокостей, кто бы ни производилъ ихъ. Я изъ тѣхъ, которые думаютъ, что чѣмъ болѣе врагъ обнаруживаетъ ожесточенія, тѣмъ великодушнѣе надо поступать съ нимъ. Въ этомъ состоитъ слава человѣколюбія и цивилизаціи. Если фанатизмъ увлекаетъ иногда народы къ войнѣ, то пусть они ведутъ ее какъ люди, а не дикіе звѣри и разбойники. Я съ ужасомъ и отвращеніемъ смотрю на макіавелизмъ польской аристократіи, для которой убійство столь же мало стоитъ, какъ и клевета. Многіе думаютъ, что это клевета, и я, пожалуй, готовъ былъ бы присоединиться къ нимъ, еслибъ *святое судилище* не обнаружило открыто своихъ принциповъ убійства.

Теперь они измѣняютъ свою тактику. Долго ссылаясь на трактаты 1815 года, даровавшіе имъ конституцію—какъ будто они когда-нибудь заботились о конституціи—долго осмѣливаясь утверждать, что единственнымъ препятствіемъ къ освобожденію крестьянъ былъ царь, какъ будто польскій дворянинъ когда-либо занимался крестьянствомъ иначе, какъ съ цѣлью грабить и бить,—поляки, наконецъ, сбросили личину. Они объявляютъ теперь, что дѣло идетъ совсѣмъ не о томъ; что отношенія ихъ къ правительству не касаются Европы, а ихъ однихъ; что такъ какъ и прежде они были всегда свободны, то имъ не нужно было гарантій, въ 1815 году, для ихъ конституціи; что эта игрушка хороша только для Австріи, что касательно участи крестьянъ никто не имѣетъ права упрекать ихъ; что пауперизмъ и нищета состаавляютъ мѣстную болѣзнь всей Европы, и что если польское дворянство было, можетъ быть, неслишкомъ щедро къ плебеямъ, то потому только, что оно ждало, чтобы другія европейскія державы указали ему примѣръ и средства, какъ обогатить ихъ.

Наконецъ, послѣднимъ доводомъ выставляютъ они, что Польша необходима для равновѣсія Европы; что какъ въ прошедшемъ, такъ и въ будущемъ, судьба предназначила ей играть роль стража Европы отъ нашествія *москвитянъ*, которое день ото дня становится очевиднѣе, такъ-что, если вѣрить имъ, то самый важный интересъ Европы требуетъ возстановленія Польши въ предѣлахъ 1772 года, исправленія ошибки, сдѣланной близорукими государственными людьми на вѣнскомъ конгрессѣ. Чтобы оправдать свои доводы, они угрожаютъ Европѣ; они даютъ понять ей, что если она не удовлетворитъ ихъ требованій, то они бросятся въ объятія Россіи, и тогда Европа узнаетъ ихъ!...

Такъ они, пожалуй, будутъ насъ пугать своими вѣшателями *народоваго жонда*. Почему же и нѣтъ? Вѣдь есть же въ Парижѣ газеты, которыя и въ этомъ рукоплещутъ имъ.

Это—неслыханное диво; это заставляетъ меня краснѣть! Аристократическая партія разглагольствуетъ въ Парижѣ громче всѣхъ нашихъ старинныхъ партій; она пользуется большимъ авторитетомъ, нежели наша пресловутая поголовная подача голосовъ. Нашу наивность хочетъ она употребить орудіемъ для достиженія своей цѣли, хотя бы мы за это поплатились банкротствомъ и вторженіемъ коалиціи, хотя бы вся Европа обрушилась на насъ, такъ какъ нѣкогда она находила очень естественнымъ брать контрибуцію съ тщеславія принцевъ, которымъ предлагала свою корону.

Польша управляетъ всею французскою правительственною политикою; она распоряжается и всею прессою, тогда какъ мы, февральскіе республиканцы, не можемъ имѣть лоскутка періодическаго изданія, гдѣ бы могли выразить наши жалобы и надежды. Польша владычествуетъ въ совѣтахъ такъ называемой оппозиціи, отъ которой мы надняхъ услышимъ упреки за то, что правительство истратило 200 милліоновъ въ Мексикѣ; тогда какъ она требуетъ милліарда и стопятьдесятъ тысячъ солдатъ для Польши. Вѣдь надобно же гг. Гавену и Геру предпринять походъ и прославить побѣдами свой цесарскій демократизмъ. Польша произноситъ у насъ краснорѣчивыя рѣчи, вызываетъ на бой Европу, опровергаетъ газетныя извѣстія и показанія другихъ ораторовъ: она вопіетъ въ сенатѣ; она проповѣдуетъ устами нашихъ епископовъ; она догматизируетъ въ академіи; я думаю даже, что она старается сдѣлаться наставницею въ нашихъ лицеяхъ. Скоро мы будемъ думать, разсуждать, рѣщать только чрезъ посредство Польши.

Относительно этого будущаго московскаго вторженія въ Европу, страхъ котораго безпрестанно распространяютъ между нами съ самой крымской войны, придумали недавно, въ пользу поляковъ, теорію, заимствованную изъ геологіи и этнографіи и клонящуюся къ установленію естественныхъ границъ Польши. Рѣшено, что какъ національная, такъ и географическая границы со стороны Россіи составляютъ Днѣпръ и Двина; что тутъ кончается европейскій міръ, и начинается азіятскій монгольскій; что между этими двумя мірами нѣтъ никакого возможнаго союза, никакихъ отношеній, никакой политики, никакого сближенія, ни въ нравахъ, ни въ семейныхъ связахъ, какъ между англо-саксонцами и краснокожими; что москвитяне (какъ теперь стараются называть русскихъ) должны, во что бы то ни стало, быть отброшены въ свои степи; что подъ этимъ только условіемъ Европа будетъ спокойна отъ нашествія татарскаго варварства.

Со времени эпохи перваго раздѣла установилась противъ Россіи систематическая вражда, которая, кажется, дошла теперь до крайней степени. Ненависть къ Россіи распространена теперь во всей Европѣ, и плебеи, и модники заражены ею и разглагольствуютъ, не различая ни эпохъ, ни царствованій, не принимая во вниманіе ни духа времени, ни обстоятельствъ, и забывая въ особенности, какъ безразсудно, какъ чудовищно осуждать коллективно цѣлыя націи и племена. Одну Россію обвиняютъ; на нее одну сваливаютъ отвѣтственность за раздѣлъ Польши, тогда какъ она получила только треть; ея совѣтамъ приписываютъ мысль перваго раздѣла, хотя всѣ знаютъ теперь, что великую эту мѣру рѣшилъ человѣкъ, прозванный, по всей справедливости, *геніальнымъ*— Фридрихъ Великій, не смотря на возраженія Маріи Терезіи и Екатерины.

Не осмѣливаясь назвать варварскими такія державы, какъ Австрія и Пруссія, свалили все на Россію, какъ на менѣе цивилизованную страну. И, однакожъ, Россія, въ три года, больше сдѣлала для прогресса своего населенія и для улучшенія своего правительства, слѣдовательно, для безопасности Европы, нежели всѣ поляки Болеслава, Казимира, Сигизмунда, Понятовскаго сдѣлали въ продолженіе восьми вѣковъ. Теперь, чтобъ довести оскорбленіе до смѣшнаго, отказываютъ москвитянамъ въ самомъ имени славянъ; отнимаютъ у нихъ названіе русскихъ; увѣряютъ, что они созданы совсѣмъ иначе, нежели жители Вислы, Двины и Днѣпра; ихъ вычеркиваютъ изъ списка цивилизованныхъ и благородныхъ націй, и требуютъ, во имя всеобщаго спасенія, чтобъ ихъ отбросили за Уралъ, пока развитіе истинныхъ Славянъ истребитъ ихъ совсѣмъ, въ глубинѣ Камчатки.

Вотъ послѣдняя фраза; вотъ послѣднее слово принципа національностей и естественныхъ границъ, который, безъ сомнѣнія, хотятъ развить на будущемъ конгрессѣ. А между тѣмъ, по поводу Польши и ея громкихъ претензій, сказано было: „литовцы—не поляки; русины—не поляки; жители восточной Пруссіи и познанскаго герцогства, отчасти—нѣмцы, отчасти онѣмечены и не могутъ быть возвращены Польшѣ. А относительно границъ, то есть великихъ стратегическихъ линій, назначенныхъ природою, у Польши ихъ нѣтъ ни на сѣверѣ, ни на востокѣ, ни на западѣ. Это самая безхарактерная земля во всей Европѣ. У ней только на югѣ есть цѣпь Карпатскихъ горъ, отдѣляющихъ ее отъ Венгріи, но неопредѣляющихъ настоящихъ границъ ея“. Эти сомнѣнія колебали многихъ приверженцевъ; но новѣйшія теоріи ни чѣмъ не затрудняются; онѣ расширили рамки—и теперь будетъ мѣсто для пруссаковъ, для австрійцевъ, для венгерцевъ, для молдаво-валаховъ, даже для турокъ, однимъ словомъ, для всѣхъ, кромѣ этихъ ужасныхъ москвитянъ. Столь же легко можно будетъ создать славянское единство подъ владычествомъ Польши, устранивъ только татарско-московскій элементъ, какъ легко было осуществить это единство и въ латин-

скомъ племени, послѣ испытаній, дорого стоившихъ Лудовику XIV и Наполеону I, хотя теперь опять производятъ подобныя попытки въ Мексикѣ.

Меня, конечно, прозовутъ руссофиломъ, я этого ожидаю; но пусть зовутъ какъ хотятъ, мнѣ все равно. Но мнѣ стыдно было бы за мою Францію и за моихъ современниковъ, еслибъ не нашелся между ними человѣкъ, который бы протестовалъ противъ этой польской комедіи, служащей эпилогомъ къ недавней итальянской комедіи. Я ждалъ сколько могъ; мнѣ надобно было, наконецъ, выступить. А потому я объявляю, что по моему мнѣнію, всѣ человѣческія племена имѣютъ равное право на существованіе, равное право на цивилизацію, и что преступно исключать кого-нибудь. Что касается до москвитянъ, я ихъ считаю истинными славянами, и по моему сужденію, они имѣютъ полное право называться русскими. Относительно же умственныхъ и нравственныхъ способностей, и русскіе, и поляки почти равны между собою. Если поляки умѣютъ выставлять себя болѣе блистательнымъ образомъ, то русскіе обнаружили до сихъ поръ неоспоримое политическое превосходство.

Послѣ всего происходящаго на нашихъ глазахъ и совершавшагося въ послѣднія четыре столѣтія, мы убѣдимся, что скорѣе на русскихъ надобно возложить обязанность охранять насъ отъ поляковъ, нежели на поляковъ—охранять отъ русскихъ.

Я утверждаю, что чѣмъ больше Россія сдѣлаетъ успѣховъ въ цивилизаціи, тѣмъ скорѣе она потеряетъ свой завоевательный характеръ; чѣмъ болѣе недавно освобожденные ея крестьяне будутъ просвѣщаться и обогащаться, свыкаясь съ образованными и осѣдлыми народами, тѣмъ менѣе мы ихъ будемъ бояться; что въ этомъ состоитъ истинный залогъ нашей безопасности и самый надежный оплотъ Европы. Разсуждая, наконецъ, о поземельномъ владѣніи, я прибавлю еще, что если бассейнъ Волги, въ геологическомъ отношеніи, разнится отъ днѣпровскаго, то можно найти такія-же разности и между рѣками самыхъ цивилизованныхъ странъ; что, впрочемъ, не надобно такъ серьезно смотрѣть на составъ геологическихъ слоевъ, а болѣе на направленіе бассейновъ, которое гораздо важнѣе для распредѣленія государствъ; что въ этомъ отношеніи бассейнъ Днѣпра не имѣетъ ничего общаго съ бассейномъ Вислы, а больше сближается съ волжскимъ, однимъ словомъ, что нѣтъ никакой причины придвигать съ этой стороны польскую границу и отодвигать русскую.

Оставляю въ сторонѣ весь этотъ педантизмъ, въ которомъ на каждой строкѣ видна недобросовѣстность и вражда, и вся заслуга котораго состоитъ въ томъ, чтобъ кстати и не кстати перемѣшивать геологію съ политикою и естественную исторію съ народнымъ правомъ. Вотъ аргументъ, который я нахожу достаточно сильнымъ для поляковъ и ихъ

адвокатовъ, проповѣдующихъ о возрожденіи Польши, о національностяхъ и естественныхъ границахъ.

Легко угадать, чего вы хотите. Вы хотите преобразовать, подъ другими условіями, съ другими династіями и политическими центрами, въ пользу другихъ партій, большія политическія тѣла, нынѣ существующія; вы думаете замѣнить ихъ новыми. Этого требованія нельзя допустить, и я скажу вамъ, почему нельзя. Оставляя въ сторонѣ всякую космогонію и разсуждая о дѣлѣ только съ практической точки зрѣнія, мы убѣждаемся, что всѣ націи въ принципѣ, какова бы ни была численность ихъ и обширность занимаемой ими земли, должны быть почитаемы туземцами той страны, которую населяютъ, имѣютъ право на свою независимость и право жить подъ своею верховною властью.

Въ этомъ состояніи независимости и автономіи застаетъ ихъ цивилизація. Въ далънѣйшемъ движеніи ихъ мы видимъ, какъ они сближаются другъ съ другомъ, проникаютъ себя взаимно, поглощаютъ одна другую, составляютъ болѣе и болѣе многочисленныя группы. Потомъ разъединяются и, проживъ нѣкоторое время подъ общими узаконеніями стараются снова начать жить собственною своею жизнію и управляться сами собою, въ силу пріобрѣтеннаго образованія. Это движеніе къ поперемѣнному сліянію и отдаленію показываетъ намъ исторія при созданіи государствъ, при ихъ войнахъ, союзахъ, при ихъ разширеніи, потомъ упадкѣ и разложеніи.

Но это разложеніе, которое для многихъ показываетъ радикальное органическое безсиліе, будучи разсматриваемо съ высшей точки зрѣнія, составляетъ только одно изъ вліяній метамофизма, который, собравъ сначала націи въ небольшое число великихъ политическихъ тѣлъ, долженъ потомъ, подъ вліяніемъ развитія свободы и правъ, возвратить ихъ къ группамъ государствъ меньшихъ размѣровъ. Наука, промышленность, торговля. мирныя искусства, усовершенствованіе узаконеній являются дѣятелями этой реформы, которая не допускаетъ, чтобъ война играла главную роль въ жизни народовъ.

Нынѣшнія европейскія госурства могутъ быть разсматриваемы, какъ послѣдній продуктъ сліятельнаго и унитарнаго движенія, точно такъ же, какъ нынѣшнее геологическое устройство составляетъ продуктъ послѣдняго переворота на земномъ шарѣ. Вестфальскій трактатъ, создавъ принципъ равновѣсія, указываетъ на тотъ историческій моментъ, когда начало останавливаться сліяніе народовъ. Трактаты 1815 года, открывъ конституціонную эру, приготовили разложеніе.

Теперь, чего требуете вы? Слѣдить за движеніемъ исторіи, уменьшая постепенно, систематическимъ дробленіемъ, большія государственныя тѣла, и замѣняя ихъ группами государствъ, независимыхъ одно отъ другого, а только связанныхъ между собою взаимными гарантіями? Но, нѣтъ! вы не этого желаете. Хотя природа и сдѣлала васъ, поля-

ковъ, анархистами, но вы имѣете другіе виды: иначе, зачѣмъ бы вамъ требовать національности? На что вамъ это возстановленіе Польши въ древнихъ ея предѣлахъ? Зачѣмъ эта перестройка Европы?

Какъ прежде, такъ и теперь вы остаетесь народомъ дворянскимъ, и хотите владычествовать, эксплоатировать. Для этого вы хотите ниспровергнуть историческій порядокъ, создавъ, вмѣсто исчезающихъ государственныхъ тѣлъ, новыя тѣла, которыя будутъ съ большею жадностію поглощать все вокругъ себя, оставаясь по духу своей національности и по гордости самою враждебною кастою.

Вы хотите возродиться, но внѣ всѣхъ условій новѣйшей жизни. И вы знаете, что это возрожденіе вашей національности послужитъ къ воспроизведенію въ Польшѣ реакціи и къ усиленію дворянской касты, придавъ новую форму эксплоатаціи крестьянъ и отложивъ на многіе вѣка созданіе истиннаго польскаго народа; въ Россіи же подавитъ это, съ самаго начала, развитіе общественной свободы, возстановитъ привилегію помѣщиковъ и возвратитъ власть абсолютизму; въ Венгріи вы придадите движеніе мадьярской партіи, которая, какъ и вы, врагъ плебеевъ и національностей; въ Пруссіи и во всей Германіи вы поддержите старую феодальную партію, которую отвергаютъ даже сами католики; во Франціи, Бельгіи и повсюду вы обезпечите торжество промышленнаго феодализма, владычество евреевъ, которые составляютъ первую причину новѣйшаго пауперизма; въ католическомъ мірѣ вы утвердите епископальную и іезуитскую партію, къ которой не хотятъ принадлежать самые набожные люди. И все это для того, чтобъ удовлетворить вашему мерзкому аристократизму, который заслужилъ свое паденіе и не умѣетъ умереть! Или логика ничего не значитъ въ человѣческихъ дѣлахъ, или таковы будутъ послѣдствія возстановленія Польши.

Развѣ двадцать-три милліона крѣпостныхъ, освобожденныхъ царемъ, представляютъ намъ подобныя опасности? Я протестую противъ этой измѣны во вредъ народамъ. По примѣру вашихъ вредковъ я, французскій гражданинъ, скажу вамъ: *непозвалямъ*. Прошедшее, настоящее, будущее, свобода, прогрессъ, право, перевороты и трактаты—все васъ обвиняетъ. Вы можете пріобрѣсть только одну славу, а именно—покориться вашему приговору. Колебаться было бы недостойно васъ. Вспомните сильное слово того римскаго солдата, который, видя Нерона, малодушно бѣгущаго отъ смерти, закричалъ ему: „развѣ смерть несчастіе“?

Мнѣніе о Польскомъ вопросѣ

Митрополита Сѣмашко.

Нѣсколько уже десятковъ лѣтъ, пишетъ покойный Митрополитъ, принято кричать про Польшу, про ея униженіе и поглощеніе Россіей; но многіе ли обращали *серіозное* вниманіе на то, *что эта Польша* и *что она такое?*" и на эти вопросы даетъ слѣдующіе отвѣты.

„*Настоящая древняя Польша*, Польша Болеславовъ храбрыхъ, *упиралась въ Богемскія горы и въ Саксонію.* Столица Великой Польши, Гнѣзно, нынѣ въ предѣлахъ *Пруссіи.* Столица Малой Польши—Краковъ,—въ предѣлахъ *Австріи.* Польша по Одеру и Балтійскому морю давно уже *онѣмечилась.* Та же участь, вѣроятно, ожидала вскорѣ и остальную Польшу; но ее спасло соединеніе съ Литвой, подъ однимъ царственнымъ скипетромъ литовскаго дома Ягеллоновъ. Ударъ нанесенный Тевтонамъ подъ Гринвальдомъ совокупными силами Ягайлы и Витовта остановилъ на нѣсколько вѣковъ напоръ сюда германизма; съ другой стороны, закрытая Литвою, Польша отдохнула.

„Пользуясь пребываніемъ въ своихъ предѣлахъ царскаго Ягеллонскаго дома, Польша пріобрѣла естественное вліяніе на Литовское княжество. Прежде подрывали власть литовскихъ князей большею часъ отъ часу зависимостію отъ польскихъ королей. Послѣ отдѣлили отъ Литвы къ Польшѣ такъ-называемыя русскія провинціи къ Днѣпру. Послѣ соединили Польшу и Литву подъ одно повременное совѣщательное и законодательное собраніе (сеймъ). *Но все таки не сдѣлали Литвы Польшею.* Литва, примкнувшая къ Польшѣ, состояла только изъ русскаго и литовскаго народонаселенія—послѣдняго едва въ пятой части противъ перваго. Поляковъ вовсе не было. Самыя русскія провинціи королевства Польскаго (восточная Галиція и часть нынѣшней Люблинской губерніи) имѣли русское народонаселеніе. Такимъ образомъ подъ польскими королями едва ли состояла четвертая часть на-

ствомъ Виленскаго университета и Кременецкаго лицея, въ то же время учрежденныхъ, а также тайными обществами *). Навѣрно можно сказать, что въ царствованіе «императора Александра I число людей, говорящихъ польскимъ языкомъ въ западномъ краѣ удвоилось, а патріотизмъ въ исключительно польской (не латинской) формѣ едва ли не вновь образовался въ этихъ губерніяхъ. Этотъ патріотизмъ осуществился: въ отправленіи здѣшнихъ жителей въ польскіе Наполеоновскіе легіоны, въ сформированіи въ Литвѣ противъ Россіи новыхъ полковъ въ бѣдственный 1812 годъ, и въ мятежѣ 1830 года. Должно замѣтить, что во всѣ эти три эпохи вражда къ Россіи кипѣла всего болѣе тамъ, гдѣ успѣли болѣе возстановить польскій патріотизмъ. Разумѣется этотъ патріотизмъ пріобрѣлъ болѣе силы, пріобрѣлъ видимую цѣль съ возстановленіемъ въ 1815 году Царства Польскаго, къ которому обратились мечты патріотовъ—осуществимыя или неосуществимыя.

„*Императоръ Николай* тридцатилѣтними трудами желалъ показать эти мечты неосуществимыми. Введено въ западныя губерніи русское законодательство и уже здѣсь утвердилось. Языкомъ правительственнымъ сдѣланъ языкъ русскій, и прекрасно усвоенъ уже чиновниками и всѣми дѣловыми людьми. Въ воспитаніи подавлено прежнее направленіе, а со введеніемъ въ преподаваніе русскаго языка, знаніе онаго распространилось вообще между называющими здѣсь себя поляками, даже между женскимъ поломъ. Воинскія силы изъ польскихъ и литовскихъ сдѣланы русскими. Возсоединеніе уніятовъ уменьшило на половину силу и вліяніе римскаго католицизма. Благіе плоды этихъ мѣръ не замедлили осуществиться—въ щекотливую венгерскую и въ опасную послѣднюю войну: ни въ Царствѣ Польскомъ, ни въ западныхъ губерніяхъ не оказалось мятежныхъ дѣйствій.

„Какое же приметъ направленіе польскій вопросъ въ настоящее царствованіе? Сердце царево въ рукѣ Божіей—и будущее одному Богу извѣстно! Но надежды поляковъ сильно возродились и обнаруживается лихорадочная дѣятельность. Теперь стоитъ серіозно подумать: утвердить ли навсегда за Россіей плоды трудовъ императора Николая, или же отдать въ распоряженіе польской партіи созданное имъ новое поколѣніе, прекрасно уже служащее въ Россіи и для Россіи. *Не нужно забывать, что молодое поколѣніе это не довольно утвердилось на новомъ пути и въ рукахъ польской партіи можетъ быть вреднѣе прежняго, по болѣе обширному и спеціальному образованію.* Сохрани Господи различать интересы Царскаго Дома, Дома Романовыхъ, отъ интересовъ Россіи, котораго она достояніе! Величіе, слава и безопасность Россіи есть также величіе, слава, безопастность и счастіе Царскаго Дома. Слѣдовательно, не отдѣляя Русскаго Царя отъ Русскаго царства, нужно

*) Объ этомъ времени будетъ помѣщено въ этой же книгѣ двѣ статьи.

сообразиться: во сколько имъ *полезно или вредно возрожденіе или подавленіе польскаго элемента*".

Причины вліятельности въ западныхъ губерніяхъ польской партіи, ничтожной по своей численности.

1) Эта, повидимому небольшая фаланга такъ-называемыхъ поляковъ состоитъ *исключительно* изъ помѣщиковъ и другихъ зажиточныхъ людей, *сплочена въ одну однородную партію и дѣйствуетъ по одной системѣ по одному инстинкту.*

2) „Партія эта посредствомъ римско-католическаго духовенства опирается на два милліона литовскаго народа сего вѣроисповѣданія. *Совокупность усилій сихъ двухъ элементовъ на поддержаніе и распространеніе полонизма—удивительна.* Духовенство старается теперь всѣми силами, чтобы въ приходскія училища между Литовцами и Русскими введенъ былъ польскій языкъ, а довольно было явиться въ Вильнѣ новому періодическому изданію на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ „*Тека*", *и всѣ уѣздные предводители дворянства западныхъ губерній приняли на себя трудъ собирать подписчиковъ на это изданіе.*

3) „Эта польская партія *полагается на дѣйствіе въ Царствѣ Польскомъ и на сочувствіе иностранцевъ поддерживающихъ все враждебное Россіи.*

4) Эта парія *опирается также на западную римско-католическую пропаганду, ратующую исконно противъ Востока.*

5) Эта партія пользуется, наконецъ, нѣкоторымъ сочувствіемъ прочихъ иностранцевъ въ Россіи, предъ которыми *старается выказать себя жертвой преслѣдованія*, и даже *участіемъ тѣхъ изъ русскихъ, которые готовы сочувствовать всему иностранному, хотя бы гибельному Россіи.*

„Естественно, *это сила немаловажная*, и нужны были *твердое убѣжденіе, твердая воля* императора Николая, чтобъ ее надломить, — но только *надломить*, а не *сломить*, и уже при самомъ покойномъ императорѣ эта партія оправилась и противодѣйствовала его системѣ, въ чемъ могла. *Съ чуткостію всякой партіи, имѣющей въ виду не общественные, но собственные интересы*, она слѣдила за всѣмъ, и *если не могла чему воспрепятствовать, то старалась ослаблять или замедлять дѣйствіе принятыхъ мѣръ.* Она особенно умѣла и умѣетъ устранять и вредить, людямъ дѣйствующимъ *противъ ея видовъ, и неудивительно, что самъ императоръ Николай не имѣлъ въ западныхъ губерніяхъ надежныхъ исполнителей своихъ предначертаній*".

Объ Этнографической границѣ между Западной Россіей и Польшей *)

М. Кояловича.

Всеобщее наше вниманіе, мм. гг., давно уже погло великимъ нашимъ несчастіемъ—польскою смутою. виду страшныхъ потерь, какія причиняетъ эта смута, въ еще болѣе страшныхъ неистовствъ, наконецъ въ виду в щихъ оскорбленій нашего народнаго чувства, мы естест настроены видѣть въ этой смутѣ только зло, зло вели мрачное, какъ адъ. Но если отрѣшиться на минуту отъ этих отразимыхъ впечатлѣній и холодно вдуматься въ дѣло, то ока то, что часто оказывается въ исторіи, именно, что дѣйстви развитіе исторической жизни не такъ мрачно, какъ представл современникамъ особенно на первыхъ порахъ. Въ дѣйствитель исторія вырабатываетъ, рядомъ съ величайшими беззаконіями, и ствіями, и добро, благо, которое вознаграждаетъ беззаконія, бѣдс дѣлаетъ возможною жизнь человѣческую. Вырабатывается это и злою польскою смутою.

Подъ этимъ благомъ мы, конечно, не разумѣемъ того блага, ко проповѣдуютъ польскому народу и даже западно-русскому во польскаго возстанія съ кинжаломъ въ одной рукѣ и веревкою въ д Невольными благами польской смуты мы считаемъ, напримѣръ, ное оживленіе западной Россіи и народное же оживленіе или сказать воскресеніе дѣйствительнаго польскаго народа въ пред царства Польскаго.

Оба эти блага довольно уже извѣстны въ настоящее время, м и мы смѣемъ думать, что здѣсь нѣтъ людей, которыхъ сердцу не

---

*) Публичная лекція, сказанная въ Императорскомъ русскомъ географич обществѣ 3-го Апрѣля. Мѣста, случайно пропущенныя въ устной рѣчи, когда говорилась, выставлены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

ни близки. Но въ неразрывной связи съ этими благами давно уже батывается еще одно благо, которое мало кому извѣстно, но кото-способно произвести столь же богатые результаты, какъ и тѣ оба. разумѣемъ народное, *непольское* пробужденіе въ предѣлахъ царства ьскаго. *Въ предѣлахъ царства Польскаго давно уже пробуждается наруживается* не польское *народное сознаніе, сказываются не поль-народности.* Этимъ-то предметомъ я и займу въ настоящій разъ е, мм. гг., вниманіе.

Какъ только присоединена къ западной Россіи, въ военномъ отно-іи, Августовская губернія царства Польскаго, едва прикоснулась ь къ народу дѣйствительная русская сила, какъ сейчасъ обнару-ось, что и здѣсь, за Нѣманомъ, раздается слово Русь, и здѣсь жи-ь русская душа, и здѣсь страдаетъ русскій человѣкъ. Этотъ новый многихъ фактъ обнаружился по ту сторону отъ Гродно, за Нѣманомъ, Августову, въ сѣверной части Августовскаго уѣзда и южной Сей-скаго (Августовской губерніи) *). Здѣсь живутъ бѣлоруссы. Они авляютъ восемь уніятскихъ приходовъ, числомъ они слишкомъ восемь ячъ **). Но если уніятовъ-бѣлоруссовъ восемь тысячъ, то безъ вся-о преувеличенія, напротивъ какъ самое малое, можно полагать, что ько же здѣсь бѣлоруссовъ латинскаго вѣроисповѣнія, т. е. въ ска-ыхъ мѣстахъ Августовской губерніи живетъ самое меньшее—около тысячъ русскихъ бѣлорусскаго племени. Эти бѣлоруссы Августов-й губерніи—тѣже бѣлоруссы. что и въ сосѣднихъ губерніяхъ запад-Россіи. У тѣхъ и другихъ одна и таже жизнь, тотъ же языкъ. ъ образецъ бѣлорусской рѣчи въ Августовской губерніи. Пѣсня, исанная подъ Августовомъ:

Пѣйте, братики, гарѣлку, а вы гуси воду!
Полятите, бѣлы гуси, ажъ до мого роду.
Не говорьте, бѣлы гуси, што я тутъ гарую (горюю);
Дакъ скажите, бѣлы гуси, што я тутъ паную (господствую);
Якъ будзеце, бѣлы гуси, праўду говорити,
То будзе родзимая у гости не ходзити***).
Сарву я розонъ-вѣтку и пущу на воду,
Плыни, плыни, мая вѣтка, ажъ до мого роду!
Плыла, плыла розонъ-вѣтка, при берегу стала;
Прышла мати воду брати, цвятки познавала;
Чи ты, мая зазулюшка, три лѣта хворѣла.
Чаму твоя розонъ-вѣтка да въ водзѣ зблѣднѣла?
Ни хворѣла, матулюшка, ни дня, ни годзины,
Попалася злому мужу невѣрной дружины,
Утапила, матулюшка, якъ канопель въ воду
Не такъ мяне молодую, якъ мою уроду (красу).

*) Между Августовомъ и Гродномъ, между Липскомъ, Лодзей и Меречемъ.
**) 8,595.
***) Здѣсь мы приводимъ всю пѣсню, которой только отрывокъ былъ прочитанъ лекціи.

Объ этихъ августовскихъ бѣлоруссахъ, объ ихъ страданіяхъ и русскомъ сознаніи заговорилъ въ первый разъ въ недавнее время одинъ молодой русскій офицеръ и молодой русскій дѣятель, котораго имя мы должны здѣсь упомянуть съ признательностію и уваженіемъ, это — г. Николай Виноградовъ

Это новое явленіе, *народное не польское* оживленіе въ предѣлахъ царства Польскаго, само по себѣ не велико. Мы потому прежде объ немъ узнали, что нервно-болѣзненная натура бѣлорусская скоро воспринимаетъ и отражаетъ въ себѣ и горе и радость. Но оно имѣетъ важное значеніе въ связи съ другими однородными явленіями. Послѣ этого малаго явленія справа и слѣва существуютъ и обозначаются два подобныхъ же факта, очень крупныхъ, и очень серьезныхъ.

Справа отъ августовскихъ бѣлоруссовъ, къ сѣверу тянется сплошная полоса, почти во всю сѣверную часть Августовской губерніи, въ уѣздахъ Сейненскомъ, Кальварійскомъ и Маріамполъскомъ, населенная литовскимъ народомъ, котораго здѣсь слишкомъ 230 т. Поляковъ въ этой части Августовской губерніи самое малое число. Они составляютъ то 10, то 5, то даже меньшій процентъ всего населенія. Народъ литовскій здѣсь большею частію самой чистой литовской расы—жмудины, составлявшіе прежде жмудское княжество или троцкое *). Вотъ образчикъ литовской рѣчи, — отрывокъ изъ посланія къ народу самогитскаго епископа Волончевскаго, по поводу польскихъ смутъ: Прадзіой сумишима мусу шалій съюнчіау пасъ юмисъ громета, шаукдамасъ висусъ антъ пакутосъ. (Въ началѣ смятенія въ нашемъ краѣ, посылая къ вамъ посланіе, приглашалс я васъ къ раскаянію) **).

Въ другую сторону отъ августовскихъ бѣлоруссовъ на югъ, чрезъ неревалъ южной части Августовской губерніи, части, заселенной польскимъ племенемъ, о которомъ мы будемъ говорить послѣ, идетъ опять

---

*) Тутъ до Гедимина бывало главное святилище литовское Рамнове. Въ этой области княжила самая народная вѣтвь литовскаго княжескаго рода—Кейстутъ, Витовтъ.

**) Мы написали здѣсь литовскую рѣчь русскимъ шрифтомъ. Въ этомъ случаѣ мы слѣдуемъ мнѣнію тѣхъ ученыхъ, напримѣръ г. Гильфердинга, которые находятъ, что литовскую рѣчь лучше, удобнѣе писать русскимъ, чѣмъ латинскимъ шрифтомъ. Замѣчательно также мнѣніе г. Юшкевича, извѣстнаго литовскаго ученаго,—мнѣніе высказанное г. Юшкевичемъ въ бесѣдѣ съ нами. Мы позволимъ себѣ привести его здѣсь. По мнѣнію г. Юшкевича, литовскую рѣчь лучше всего выражаютъ древне-славянскіе звуки, буквы; напримѣръ, буквы Остромирова Евангилія. Очень важно было бы, если бы ученые патріоты литовскіе и во главѣ ихъ прежде всего почтенный пастырь жмудскій, епископъ Волонченскій, извѣстный своею любовію къ родному народу и многими трудами на литовскомъ языкѣ, обратили вниманіе на этотъ вопросъ. Судьбы литовскаго народа не могутъ быть связаны съ Польшей и польскими элементами. Все прошедшее, настоящее и будущее Литвы имѣетъ самое лучшее разрѣшеніе на востокѣ, въ Россіи. Русскій шрифтъ былъ бы новою связью Литвы съ Русью и связью самою невредною, а полезною для Литвы и въ ученомъ, и въ народномъ смыслѣ.

въ царствѣ Польскомъ большая полоса не польскаго народа, начиная съ сѣверной части Люблинской губерніи и по восточной ея половинѣ вплоть до галиційской границы. Вся эта область, т. е. восточная часть Сѣдлецкаго уѣзда, весь Бѣльскій уѣздъ, Красноставскій, Грубешевскій и восточная половина Яновскаго, заселена сплошною массою русскаго народа малороссійскаго племени. Здѣсь слишкомъ триста уніятскихъ церквей, къ которымъ принадлежитъ больше 220 т. прихожанъ. Но если уніятовъ-русскихъ здѣсь 220 т., то по тому правилу, какому мы слѣдовали при опредѣленіи числа августовскихъ бѣлоруссовъ, окажется, что всѣхъ малороссовъ въ Люблинской губерніи не меньше 440 т. Въ этой малороссійской странѣ — восточной части Люблинской губерніи многое напоминаетъ русскую жизнь. Здѣсь сохранилось не мало названій мѣстностей чисто-русскихъ (Напримѣръ, Докудово, Дубъ никакъ эти названія не могли выйти изъ польскаго языка, или еще болѣе ясныя — Савицы Русскія, Депултичи Русскіе, Русская Воля, или еще замѣчательнѣе—Кіевецъ)—Извѣстно также, что эта Люблинская область принадлежала въ XIII столѣтіи Галицкому княжеству. Городъ Хелмъ—испорченное названіе древне-русскаго Холмъ—былъ столицею и любимымъ городомъ знаменитаго галицкаго русскаго князя Даніила Въ этомъ Холмѣ церковь св Георгія, по преданію, передаваемому даже уніятскими писателями, построена была св. Владиміромъ. Въ уніятскомъ архивѣ при свят. синодѣ есть копія грамоты, данной этой церкви Львомъ Даниловичемъ, подтверждающей церковный уставъ Владиміра. Рѣчь малороссійскаго народа Люблинской губерніи таже, что у малороссійскаго народа сосѣднихъ западно-русскихъ губерній. Вотъ образецъ ея:

Не вважай панэ братэ що головка гладка!
Оно пуды,
Запытайся (спроси) люды.
Чи вмѣіона хатка (изба).
Не вважай панэ братэ, чи гладко въ таночку (танцѣ) ходыть
Оно пуды
Запытайся люды.
Чи сорочку зробыть (сдѣлаетъ)...

Такимъ образомъ въ предѣлахъ царства Польскаго оказывается слишкомъ полмилліона сплошнаго народа не польскаго, а малороссійскаго, бѣлорусскаго и литовскаго. И надобно замѣтить, всѣ эти три сплошныя группы не польскаго народа въ царствѣ Польскомъ — не какія нибудь пришлыя, случайно поселившіяся группы; это туземное, исконное населеніе тѣхъ земель, какія оно занимаетъ. Затѣмъ, — это не оторванныя, всѣ онѣ примыкаютъ къ своимъ центральнымъ массамъ, которыя всѣ—въ западной Россіи.

Бѣлоруссы августовскіе примыкаютъ къ бѣлоруссамъ Гродненской губерніи и Виленской, чрезъ нихъ далѣе къ бѣлоруссамъ Минской, Ви-

тебской и Могилевской губерній. Мало того, въ Августовской губерніи живетъ тотъ же народъ и раздается та же рѣчь, что въ западной части Смоленской губерніи и въ южной-Псковской.

Литвины Августовской губерніи—это тѣже литвины, что въ Ковенской и Виленской губерніяхъ. Большая часть ихъ, какъ уже сказано даже составляютъ самыхъ чистыхъ литвиновъ, такъ называемыхъ жмудиновъ.

Наконецъ, малороссы Люблинской губерніи — это тѣ же малороссы что въ Волынской губерніи, Кіевской и Подольской и дальше на юго-востокъ отъ Днѣпра.

Всѣ эти три группы—бѣлорусская и литовская Августовской губерніи и малороссійская Люблинской—отдѣлены отъ своихъ этнографическихъ центровъ въ западной Россіи только правительственною границей между западной Россіей и Польшей.

Если оставить въ сторонѣ, устранить эту послѣднюю—правительственную границу, то этнографическая граница между западной Россіей и Польшей съ обоихъ концовъ на большое пространство отодвинется на западъ и только на небольшое пространство въ серединѣ войдетъ въ западную Россію. Граница эта будетъ проходить по слѣдующей линіи:

На сѣверѣ у Нѣмана, отъ Сударгъ или Янзбурга на югъ по прусской границѣ*) до Виштынца, далѣе на Сувалки, Августово до Липска. Отсюда нужно войти въ Гродненскую губернію, и начиная отъ Домброва, отрѣзать часть Гродненской губерніи по слѣдующей линіи,—черезъ Сухую Волю, Ясиновку, Кнышинъ, подлѣ Бѣлостока до Страбле наконецъ, черезъ Боцки, Дзятковичи, Семятычи до Буга, немного правѣе Дрогичина. Отсюда нужно по Бугу повернуть назадъ почти до Стердыня, Сѣдлеца, уѣзда Люб. губ. и затѣмъ опять на югъ черезъ Соколовъ, Морды, Сабиче, Русскую Волю, далѣе между Радзинымъ и Воинемъ подлѣ Парчева до Коденца; далѣе, — на Голю, Сосновицу Островъ, Ленчицу; затѣмъ, по рѣкѣ Вепрю черезъ Красноставъ, Избицу Щебрешинъ, Топольчу до Билгорая, и наконецъ, отсюда до рѣки Сана у Крешова, на галиційской границѣ**).

---

*) Правильно ли въ этнографическомъ смыслѣ проходитъ прусская граница—это не входитъ въ настоящую нашу лекцію. Извѣстно. что и она отодвигается здѣсъ на западъ—въ Пруссію.

**) Эту этнографическую границу можно отчасти видѣть на атласѣ г. Эккерта Впрочемъ, мы должны сказать, что въ трудѣ г. Эккерта эта граница крайне неправильна по серединѣ въ Гродненской губерніи и еще неправильнѣе въ Августовской губерніи, въ мѣстахъ бѣлорусскаго и верхне-литовскаго племенъ. Мы руководствовались при опредѣленіи этнографической границы свѣдѣніями, доставленными въ археографическую коммисію въ недавнее время изъ управленія Августовской губерніи, и главнымъ образомъ—новою картою царства Польскаго, составленною г. Мирковичемъ, на которой обозначены поселенія, гдѣ живутъ малороссійскіе и бѣлорусскіе уніяты. По этимъ по

Какимъ образомъ столько не польскаго народа,—слишкомъ полмилліона малороссовъ, бѣлоруссовъ и литвиновъ,—имѣющаго свои естественные центры въ западной Россіи, оторвано отъ этихъ народныхъ центровъ и оказалось какъ бы внѣ ихъ периферій, въ царствѣ Польскомъ?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ исторія, и мы позволимъ себѣ изложить ее въ самомъ краткомъ видѣ, тѣмъ болѣе, что она откроетъ намъ нѣсколько новыхъ и, смѣемъ думать, весьма важныхъ, чисто этнографическихъ явленій.

На судьбу всѣхъ этихъ непольскихъ группъ въ царствѣ Польскомъ,—малорусскую, бѣлорусскую и литовскую,—имѣлъ большое вліяніе тотъ уголъ, по серединѣ нашей этнографической границы, который теперь отдѣляетъ люблинскихъ малороссовъ отъ августовскихъ бѣлоруссовъ и входитъ въ западную часть Гродненской губерніи. Онъ заселенъ теперь польскимъ народомъ, болѣе или менѣе чисто мазовецкаго типа; но не дальше, какъ еще въ XIII столѣтіи, страна эта заселена была народомъ, извѣстнымъ подъ именемъ ятвяговъ, которые въ этотъ вѣкъ и въ началѣ XIV совершенно истреблены были русскими и мазурами, такъ что теперь ихъ вовсе нѣтъ и они составляютъ загадку для ученыхъ. По всей вѣроятности, это было племя литовское. На ихъ-то мѣстѣ и поселилось мазовецкое племя, подвинувшись съ запада.

Мазовецкое племя (живущее въ сказанной мѣстности, далѣе въ южной части Августовской губерніи, сѣверной—Люблинской и въ Варшавской губерній) до сихъ поръ довольно рѣзко отличается отъ двухъ другихъ польскихъ племенъ—великопольскаго, населяющаго Познанскую область и большую часть Плоцкой губерніи, и малопольскаго—въ Краковской области, западной Галиціи и Радомской губерніи. Мазовецкую рѣчь сейчасъ можно отличить. Мазуры, между прочимъ смягчаютъ звуки ж. ч. Напримѣръ, вмѣсто żeby (чтобы) говорятъ zeby, вмѣсто czego (чего) cego, вмѣсто chcesz (хочешь) chces, Какъ бы въ связи съ этою отдѣльностію по языку, мазовецкое племя съ давнихъ поръ и долго отдѣлялось отъ остальныхъ польскихъ племенъ и въ другихъ отношеніяхъ. Оно долгое время не участвовало въ исторической жизни польскаго государства; упиралось съ поразительнымъ упорствомъ противъ той теоріи, которая сгубила польское государство, т. е. шляхетской. Здѣсь были самыя частыя и жестокія возстанія въ XI и XII вѣкахъ хлоповъ противъ пановъ-ляховъ, лехитовъ. Вслѣдствіе этого,

---

селеніямъ мы и опредѣлили границы бѣлорусскія и малороссійскія. Читатели согласятся, что тутъ не могло быть мѣста произволу и крупнымъ ошибкамъ. Мы можемъ заявить, что въ скоромъ времени выйдетъ изъ печати этнографическая карта Августовской и Люблинской губерній, составленная г. Риттихомъ, извѣстнымъ уже читателямъ по религіозному атласу Западной Россіи. Тогда можно будетъ видѣть дѣло наглядно и подробно. Напередъ можемъ сказать, что настоящія наши показанія окажутся въ надлежащихъ скромныхъ предѣлахъ

въ мазовеккой странѣ скорѣе и прочнѣе выработалась своя особая государственность. Съ XII и до начала XIV столѣтія Мазовія имѣла своихъ князей,—цѣлый княжескій родъ съ большею или меньшею самостоятельностію. Во все почти это время связи и симпатіи Мазовіи больше обращались и завязывались на востокѣ, — на юго-востокѣ, съ русскимъ Галицкимъ княжествомъ, на сѣверо-востокѣ съ Литовскимъ княжествомъ.

Мазовецкіе князья сближались и роднились съ князьями галицкими. Въ двадцатыхъ годахъ XIII столѣтія, мазовецкій князь Болеславъ, внукъ (по матери) галицкаго князя Льва Даниловича, вступилъ послѣ смерти этого послѣдняго на галицкій престолъ,—былъ избранъ галичанами, даже принялъ православіе; но папа убѣждалъ его отказаться отъ православія, за что галичане отравили Болеслава. Казимиръ, польскій король, воспользовался галицкою смутой, завладѣлъ Галиціей 1349 года, а мазовецкимъ князьямъ отдалъ область. Галицкаго княжества, Холмскую, почти всю русскую часть нынѣшней Люблинской губерніи, почему мазовецкіе князья долгое время титуловались и русскими князьями.

Точно такія же близкія связи мазовецкіе князья завязывали и на сѣверо-востокѣ въ литовскомъ княжествѣ. Они также роднились съ литовскими князьями Гедиминомъ, Ольгердомъ, Витовтомъ. Послѣдній у нихъ не разъ находилъ убѣжище во время борьбы съ Ягеллой.— У мазовецкихъ князей, мы встрѣчаемъ даже литовскія имена, напримѣръ Тройденъ—отецъ упомянутаго Болеслава. Область, находившаяся между Мазовіей и Литвой, извѣстная потомъ подъ именемъ Подлѣсья,— недавно упомянутый нами уголъ мазовецкаго племени, — часто тогда переходила отъ Литвы къ Мазовіи и наоборотъ. Литовскія князья закладывали ее, назадъ возвращали, опять завѣщавали

Параллельно съ этими государственными связями, завязывались и скрѣплялись и народныя связи мазовецкаго племени съ русскими на юго-востокѣ и литвинами на сѣверо-западѣ, Между мазурами до сихъ поръ есть православные, въ нѣкоторыхъ приходахъ Гродненской губерніи, на границѣ съ Польшей.—Но кромѣ этого факта, я хочу обратить ваше, мм. гг., вниманіе на другіе, еще болѣе крупные и замѣчательные. Вслѣдствіе постояннаго сближенія и объединенія мазовецкаго племени съ восточными его сосѣдями, по обѣимъ сторонамъ мазовецкаго угла, входящаго въ Гродненскую губернію, образовались двѣ особыя народности

На юго-востокѣ между Бѣльскомъ и Дрогичиномъ есть небольшая полоса народа, который говоритъ языкомъ, представляющимъ смѣшеніе мазовецкаго и малороссійскаго — явленіе очень странное, потому что извѣстно, что и малороссійская и мазовецкая народности очень упруги и не легко поддаются вліяніямъ. Это явленіе мы знаемъ, благодаря тщательному собранію фактовъ автора статистики Гродненской губер-

ніи, г. Бобровскаго. Въ этомъ смѣшанномъ малоросійско-мазовецкомъ языкѣ основа малороссійская, но произношеніе во многихъ словахъ—мазовецкое. Вотъ образецъ этой странной рѣчи:

Тамъ на гори, на долини
Голуби литаютъ,
Сцэ роскосы (роскоши) не *узыла* (не узнала, не насладилась).
Взэ лѣта спыняютъ (осаживаютъ) *).
Сцэ роскосы не *узыла*,
Гора не забуду.
Поцомъ (почему) *зэ я* свое лѣта.
Вспоминати буду.
Ой урву *я* зъ розы квѣтку (цвѣтокъ)
И пусцу (пущу) на воду
Плыни, плыни съ розы квѣтка
Азъ (ажъ) до мого роду.
Плыла, плыла и доплыла
При берези стала
Высла (вышла) мати воды брати
По квитци познала.
Ой *ци зе* (же) ты мое дитя
Въ недузи *лезала* (лежала)
Ой *стось* (что-то) твоя зъ рози квѣтка
На водѣ завяла.
Ни лѣзала моя мати
Ни дня, ни годины
Попалася въ лихи руки
Невѣрной *друзини*.

Какъ велика группа, говорящая такимъ нарѣчіемъ, не можемъ сказать. Это неизвѣстно. Вѣрно только, что такихъ малороссо-мазуровъ самое малое число,—тысяча, двѣ.

По другую сторону мазуровъ, точно такимъ же путемъ, образовалась другая народность, такъ называемые курпики, отъ курпе—лапоть. Ихъ довольно значительное число — не меньше 80 тыс. Живутъ они въ Ломженскомъ и Августовскомъ уѣздахъ, на югѣ Августовской губерніи. Они составляютъ смѣсь мазуровъ, древнихъ ятвяговъ, бѣлоруссовъ и литвиновъ. О рѣчи ихъ мы не можемъ дать точныхъ понятій. Свѣдѣнія, имѣюшіяся у насъ, крайне недостаточны. Все, что нужно узнавать о народѣ въ Польшѣ, въ польской литературѣ и отъ польскихъ людей, узнается необыкновенно трудно. Судя, однако, по немногимъ неточнымъ свѣдѣніямъ, мы можемъ сказать слѣдующее о рѣчи курпиковъ. Въ основѣ—это рѣчь мазовецкая, но въ ней часто встрѣчаются рѣзкія смягченія, какихъ непремѣнно требуетъ бѣлорусская рѣчь и

*) Выписываемъ всю пѣсню, на сколько она выписана у г. Бобровскаго. Это таже пѣсня, которую мы привели въ образецъ бѣлорусской рѣчи, только по малороссійски и съ небольшими варіантами. Мазовецкіе звуки обозначены курсивомъ.

отчасти литовскаа. Такъ, вмѣсто мазовецкаго или вообще польскаго—chałupa (изба), курпики говорятъ chiałupa, вмѣсто jéchać—jechiać. Или употребляютъ въ родѣ придыханія вмѣсто czebie (тебя)—czebhie, вмѣсто kiedy (когда) khiedy. Вотъ цѣлая фраза по-курпикски: nie puskay whilka do chiałupu (не пускай волка въ избу).

На такое давнее и тѣсное сближеніе мазовецкаго племени съ юго-восточными малороссами и сѣверо-восточными бѣлоруссами и литвинами естественно смотрѣть какъ на большое благо въ жизни этихъ народовъ. Но, къ сожалѣнію, на дѣлѣ оказалось, что эти связи обратились въ большое зло и для люблинскихъ малороссовъ и для августовскихъ бѣлоруссовъ и даже для литвиновъ этой послѣдней губерніи.

Польская національность, изнемогая и падая на западѣ на чисто польской землѣ, въ Силезіи и Познани, въ борьбѣ съ нѣмецкими элементами, еще въ XIII столѣтіи стала подвигаться на востокъ и разрабатывать свою государственность больше и дальше на русской землѣ и надъ русскимъ народомъ. Въ этомъ движеніи Польши къ русской землѣ и русскимъ людямъ. мазовецкое княжество должно было, мало по малу терять свою независимость. склоняться передъ польскою государственностію и тогда всѣ связи Мазовіи съ русскими и литвинами должы были обратиться во вредъ этимъ послѣднимъ. Онѣ дѣлали возможность польской государственности скорѣе и легче подвигаться въ русскую и литовскую землю и утверждаться въ ней.

Благодаря такому повороту обстятельствъ въ XV столѣтіи (1462) при Казимирѣ Ягеллоновичѣ Холмская земля совсѣмъ оторвана была отъ особаго мазовецкаго управленія и подчинена управленію польскому. Съ другой стороны на сѣверо-востокѣ мазовецкіе князья, застигнутые трудными обстоятельствами еще раньше и еще хуже испортили дѣла. Они призвали нѣмецкихъ рыцарей, которые, постоянно нападая на Литву чрезъ Августовскую губернію, порвали связь августовскихъ литвиновъ и въ особенности бѣлоруссовъ съ холмскими малороссами. Теперь только слабые остатки этой послѣдней, когда-то существовавшей связи. Въ южной части Августовской губерніи только кое-гдѣ попадаются уединенныя малороссійскія деревни. Это какъ бы старыя, забытыя, но еще уцѣлѣвшія вѣхи, обозначающія древнія границы русской земли и русское народное единеніе малороссійскаго и бѣлорусскаго племенъ въ нынѣшней мазовецкой—курпикской странѣ, въ томъ именно углу ея, который врѣзывается въ Гродненскую губернію *).

Но до второй половины XVI столѣтія еще кое-какъ сохранялась самобытность большей части всей этой не польской полосы въ нынѣшнемъ царствѣ Польскомъ. Сѣверо-восточная часть Люблинской губерніи на пространствѣ между Володавой, Воинемъ и Мельниками при-

* Это мѣсто тоже случайно пропущено было въ устной лекціи.

надлежала къ Брестской землѣ. Юго-восточная часть Августовской губерніи, большая часть Ломженскаго уѣзда, Августовскаго, и западная часть Гродненской губерніи тоже принадлежали Литвѣ и составляли такъ-называемое Подлясье. Сѣверная часть Августовской губерніи принадлежала то къ Жмудскому княжеству, то къ Троцкому, которыя въ иныя времена простирались на югъ до Бреста и обнимали сказанную сѣверо-восточную полосу Люблинской губерніи.

Въ эти времена перечисленныя области подъ властію литовскою значительно еще гарантированы были отъ польскаго вліянія. Представители литовскаго княжества ревниво оберегали свое княжество отъ польскаго преобладанія. Польшу оии считаля чужою страною. Ляхи назывались чужестранцами для литовскаго княжества. Они не могли тогда, — до половины XVI столѣтія, — существовать законно въ литовскомъ княжествѣ, — не имѣли права занимать здѣсь государственныхъ должностей и даже селиться, какъ частные люди. —Для этого между прочимъ представители литовскаго княжества тщательно берегли границы между литовскимъ княжествомъ и Польшею. Часто наряжались особыя коммисіи, которыя провѣряли ихъ и разбирали возникавшія недоумѣнія между польскими и литовскими жителями. До насъ сохранилось нѣсколько такихъ описаній польскихъ границъ между литовскимъ княжествомъ и Польшей отъ XVI столѣтія. Границы по этимъ описаніямъ проходятъ такъ, какъ мы показывали сейчасъ, говоря о Брестской, Подлѣсской и Троцкой земляхъ.

Но какъ ни оберегали литвины эти границы отъ польскаго вторженія, оно однако легко могло послѣдовать. Были для него здѣсь жизненные элементы въ смѣшеніи мазовецкаго племени съ малороссами, бѣлоруссами и литвитами. Поэтому на люблинскомъ сеймѣ 1569 года, какъ только зашла рѣчь о слитіи литовскаго княжества съ Польшей, то поляки прежде всего захватили Подлѣсье, прибавивъ къ нему люблинскую, часть Брестской земли. Представители Литвы протестовали, вопіяли противъ этого беззаконія, но ничего не могли сдѣлать.

Позднѣйшая судьба трехъ не польскихъ группъ въ царствѣ Польскомъ слѣдующая. По третьему раздѣлу Польши люблинскіе малороссы оторваны отъ Западной Россіи и отошли къ Австріи, а бѣлоруссы съ мазурами и куршиками Подлѣсья и литвины сѣверной части Августовской губерніи—къ Пруссіи.—Съ тѣхъ поръ они уже не возвращались къ Западной Россіи. Возвратилась только восточная часть Подлѣсья и странно подумать—возвратилась именно страна, населенная польскимъ народомъ, а русскія и литовскія страны не возвратились.

Что будетъ дальше въ будущемъ съ этими не польскими группами въ царствѣ Польскомъ, оторванными отъ естественныхъ своихъ центровъ въ западной Россіи? Объ этомъ невольно приходится задуматься, потому что положеніе ихъ до сихъ поръ подъ властію Польши было

крайне тяжело, злополучно. Въ настоящее время, мм. гг., довольно уже извѣстно положеніе народа въ царствѣ Польскомъ. Я не буду по этому распространяться объ этомъ предметѣ. Укажу только на нѣкоторые факты, мало уясненные или малоизвѣстные. Самое большое несчастіе сказанныхъ группъ заключалось въ томъ, что всѣ лучшія силы ихъ, выходившія изъ народа въ высшія образованныя сословія, пропадали, погибали для него; дѣлались польскими и относились къ своему родному народу съ ненавистію и враждою, свойственною всѣмъ ренегатамъ. Такимъ образомъ, народъ этихъ группъ малороссійскій, бѣлорусскій и литовскій остался въ уединенномъ положеніи, безъ руководителей, защитниковъ.

Но кромѣ того, онъ оставался еще въ крѣпостномъ состояніи. Для литвиновъ августовскихъ не только были не доступны блага свободной жизни, но даже не доступно понятіе объ нихъ. Рѣзкая отдѣльность литовскаго языка отъ польскаго не допускала этого пониманія. Но эта же отдѣльность, нужно согласиться, сколько нибудь и гарантировала Литву отъ полонизаціи. Гораздо хуже было положеніе народа бѣлорусскаго и малороссійскаго въ царствѣ Польскомъ.

Тяжелъ вообще панъ для хлопа, но несравненно тяжелѣе польскій панъ для русскаго (и конечно литовскаго) хлопа, — тутъ прибавляется національное хлопство; и еще тяжелѣе латинскій польскій панъ для русскаго православнаго или даже уніятскаго хлопа,—тутъ прибавляется религіозное хлопство.

Тяжесть этого положенія бѣлоруссовъ и малороссовъ царства Польскаго выразились, между прочимъ въ слѣдующихъ мало извѣстныхъ фактахъ. До послѣдняго времени малорусскіе и бѣлорусскіе православные, а потомъ уніяты царства Польскаго должы были платить десятину въ сосѣдніе латинскіе приходы. Далѣе, тѣ изъ нихъ, которые принадлежали къ мѣщанскому сословію, составляли ремесленные цехи, составлявшіе тоже почти всегда и религіозныя братства, должны были участвовать въ общихъ братскихъ религіозныхъ церемоніяхъ, совершавшихся въ костелахъ, но если были православными, то не могли входить въ костелъ, должны были оставаться на оградѣ и *за это* платить половинную плату. Или еще крупнѣе,—православные малороссы галицкіе и люблинскіе въ иныя времена не имѣли права свидѣтельствовать въ судѣ противъ поляка-латинянина. Это уже похоже на положеніе христіанъ въ Турецкой имперіи. — Наконецъ, въ наши времена, въ первыхъ пятидесятыхъ годахъ пробовали вызывать для занятія уніятскихъ духовныхъ должностей въ уніятской холмскій епархіи (Люблинской губ.) галицкійскихъ уніятскихъ священниковъ, и что же?! Галиційскіе уніятскіе священники должны были бѣжать назадъ: они оказались (конечно, не въ глазахъ народа) слишкомъ русскими и православными въ Люблинской уніятской странѣ!? Что будетъ съ нашими несчастными не

польскими группами въ царствѣ Польскомъ, невольно вырывается вопросъ при видѣ всѣхъ этихъ фактовъ?

На этотъ вопросъ отвѣчать не легко, особенно съ научной точки зрѣнія. Мы не держимся той теоріи, что *всякая* народность должна составлять особое государство. Такую теорію мы считаемъ очень деспотичною и очень злосчастною. Но, вѣроятно, мы не погрѣшимъ противъ истины и въ частности противъ науки этнографіи, если скажемъ, что сильныя народности, составляющія уже государства, могутъ и способны привлечь къ себѣ свои родныя части, оторванныя отъ нихъ несчастными обстоятельствами. Поэтому мы думаемъ, что эта послѣдняя судьба ждетъ и тѣ не польскія группы, которыя находятся въ царствѣ Польскомъ. Имъ естественно тянуть къ Россіи.—Задатки такого направленія мы видимъ въ той самой золотой волѣ, которая недавно дана всему народу царства Польскаго. Извѣстно, что производитъ эта воля.—Пробуждая въ человѣкѣ сознаніе личной, гражданской полноправности, свободы, она непремѣнно, неизбѣжно пробуждаетъ требованіе національной и религіозной полноправности, свободы. — Поэтому-то мы увѣрены, что и люблинскіе малороссы и августовскіе бѣлоруссы и литвины чѣмъ дальше, тѣмъ больше будутъ сознавать вмѣстѣ съ гражданскою своей свободой требованіе національной независимости отъ Польши, а вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозной, и станутъ тянуть къ своимъ естественнымъ центрамъ—къ западной Россіи.

Направленіе это будетъ имѣть громадныя послѣдствія. Тогда весь міръ увидитъ, что еще не насталъ конецъ раздѣловъ Польши. Тогда особенное благо выработается для западной Россіи. У нея будетъ три передовыхъ полка—малороссійскій—люблинскій, и бѣлорусскій и литовскій-августовскіе, которые станутъ на стражѣ ея, вступятъ въ борьбу съ тѣми людьми, отъ которыхъ теперь нѣтъ житья въ западной Россіи. Наконецъ, такое направленіе принесетъ благо самому польскому народу. Тогда этотъ громадный и грозный польскій вопросъ неизбѣжно превратится въ такую миньятюру, по отношенію къ которой, безъ всякаго сомнѣнія нужна будетъ самая внимательная заботливость, особенно наша братская, славянская, русская заботливость; но тогда, по всей вѣроятности, для нея уже не нужны будутъ мечи.

Нѣсколько замѣчаній о Литовскомъ и Жмудскомъ племени Гильфердинга.

Довольно часто въ послѣднее время стали попадаться, реляціяхъ и корреспонденціяхъ изъ Ковенской и Вил ской губерній, слова: Жмудь, Жмудяки, Литовскіе кресты и т. под. Едва ли приходилось когда-либо Русской публи слышать столько объ этомъ бѣдномъ, одинокомъ, загадочно племени, судьба котораго такъ давно связана съ судьба Русской земли. Но обратимъ ли мы дѣйствительно серьезное вима на Литовское племя? Или оно, на минуту выведенное передъ на на сцену Польскимъ возстаніемъ, снова скроется въ прежней св безвѣстности, заслоненное отъ нашихъ глазъ Польскимъ шляхетств и Россійскимъ чиновничествомъ?

Да, судьба Литовскаго племени издавна связана съ судьбами Р ской земли. Она связана со времени Ярослава, когда Литва плат Русскимъ князьямъ дань вѣниками и лыками; она связана такъ тѣс что исторія земли Русской не можетъ быть разсказана безъ исто Литвы. И наконецъ, уже семьдесятъ лѣтъ огромное большинс Литовскаго племени состоитъ непосредственно подъ Русскимъ управ ніемъ. Племя это, въ своихъ двухъ вѣтвяхъ, Литвѣ въ тѣсно смыслѣ и Жмуди, составляетъ, какъ извѣстно, всю туземную ма населенія Ковенской губерніи и трехъ сѣверозападныхъ уѣздовъ Вил ской—Троцкаго, Виленскаго и Свенцянскаго *), распространяясь и часть уѣздовъ Лидскаго и Ошмянскаго. Числительность этого Лит скаго и Жмудскаго населенія представляетъ цифру довольно почтенн 1,367,000, по даннымъ, приводимымъ въ атласѣ г. Батюшкова. сверхъ того, Литовское племя, въ числѣ 185,000 душъ занима два уѣзда Августовской губерніи, Маріампольскій и Кальварійскій, т

*) По даннымъ, помѣщеннымъ въ атласѣ г. Эккерта. Но съ этимъ утвержден почтеннаго автора нельзя согласиться, потому что въ помянутыхъ уѣздахъ виленс губерніи живетъ весьма значительное число Бѣлоруссовъ не только р. католическ но и православнаго вѣроисповѣданія. *(Прим. ивдателя).*

сѣверную оконечность Царства Польскаго *). Такимъ образомъ, подъ властію Россіи состоитъ болѣе полутора милліона Литвиновъ и Жмуди, или *девять десятыхъ* всего Литовскаго народа; только одна десятая (около 150,000) принадлежитъ Пруссіи. Если кого должно озабочивать положеніе Литовскаго племени, если кому нужно съ нимъ знакомиться и привязать его къ себѣ, такъ это Россіи. Эти полтора милліона людей особаго племени, своебытнаго, имѣющаго свой языкъ, свои обычаи, свой оригинальный типъ и характеръ, живутъ у насъ не гдѣ-нибудь за горами или въ безвѣстныхъ тундрахъ; они тутъ на виду передъ нами, на большой дорогѣ нашей въ Западную Европу, на берегу важнѣйшаго для насъ моря, между Русью и Польшею, пятьсотъ лѣтъ тяжущимися о томъ—чья должна быть эта Литва, неспособная жить отдѣльно отъ Руси или Польши и, однако, давшая нѣкогда перевѣсъ одной изъ нихъ надъ другою. Но независимо отъ практическаго значенія вопроса, Литва, съ ея своеобразнымъ народонаселеніемъ, съ ея замѣчательнымъ языкомъ, должна сама по себѣ привлечь на себя вниманіе Русскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, Литовское племя представляетъ столько любопытнаго, столько важнаго для многихъ отраслей науки, что равнодушіе къ нему было бы непростительно, даже съ точки зрѣнія теоретическаго знанія: интересъ науки идетъ тутъ рука объ руку съ интересомъ общественнымъ и политическимъ. Но мы, довольные тѣмъ, что о Литовскомъ племени писали Нѣмцы, мы брали о немъ, когда было необходимо, кое—какія свѣдѣнія изъ Нѣмецкихъ книгъ; а если хотѣли предпринять что-нибудь сами для обогащенія науки новыми данными, то скорѣе отправлялись изучать Самоѣдовъ и Бурятъ, чѣмъ Литву; можно бы подумать, что у насъ установилось, съ голоса Западной Европы, вѣрованіе, будто наше особливое, исключительное призваніе въ наукѣ—знакомить міръ съ племенами отдаленнаго Сѣвера и центра Азіи, мало доступными Западнымъ изслѣдователямъ. Такъ, мы идемъ работать для науки на Сѣверъ и Востокъ (Боже сохрани отъ мысли умалить значеніе и важность этихъ трудовъ!); а что на Западъ отъ насъ, къ тому мы какъ будто боимся прикоснуться, словно пугаясь мысли зайти въ чужое поле. Небольшія статьи гг. Микуцкаго и Юшкевича, двухъ природныхъ Литвиновъ, о Литовскомъ языкѣ, вотъ все, чѣмъ ограничилась пока дѣятельность нашей науки по этой части. Статьи прекрасныя и мы охотнѣе всякаго другаго готовы цѣнить ихъ; но, къ сожалѣнію, эти статьи у насъ едва ли не единственныя въ своемъ родѣ.

Чтобы не утомлять нашихъ читателей, мы здѣсь только въ самыхъ краткихъ словахъ, и единственно для людей, незнакомыхъ съ предме-

*) Кромѣ того, Литовское племя захватываетъ сѣверный кончикъ Гродненскаго уѣзда Гродненской губерніи; Литвиновъ, по атласу Западнаго края, недавно изданному, тамъ 2,800 чел.

томъ, укажемъ на важность Литовскаго народа въ чисто научномъ отношеніи. Но прежде всего, для избѣжанія всякихъ недоразумѣній согласимся въ выраженіяхъ. Мы просимъ замѣтить, что во всей этой статьѣ рѣчь идетъ о Литвѣ, Литовскомъ краѣ, Литовскомъ народѣ *единственно* въ тѣсномъ или собственномъ, т. е. *этнографическомъ* смыслѣ. Въ общежитіи мы часто называемъ Литвою край болѣе обширный, получившій это наименованіе вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, Литовскими губерніями мы называемъ, по исторической памяти, но совершенно неправильно въ смыслѣ этнографическомъ, кромѣ губерній Виленской и Ковенской, также Гродненскую и Минскую, и придаемъ жителямъ этихъ двухъ послѣднихъ губерній, Бѣлоруссамъ и даже Полякамъ, названіе Литовцевъ или Литвиновъ, которое должно принадлежать собственно только жителямъ Виленской, Ковенской и Августовской губерній (также какъ и части Восточной Пруссіи), составляющимъ особую своеобразную Литовскую народность, говорящимъ на своемъ особомъ Литовскомъ языкѣ. Именно только этотъ народъ разумѣемъ мы здѣсь подъ именемъ Литвиновъ, только его имѣемъ мы въ виду. Мы устраняемъ Латышей, которые, хотя по происхожденію и языку находятся въ близкомъ родствѣ съ Литвою, однако составляютъ отдѣльный отъ нея народъ. Но съ другой стороны, когда мы говоримъ о Литвѣ, Литовскомъ народѣ и языкѣ, то разумѣемъ вмѣстѣ и Жмудь (или нижнихъ Литвиновъ), и такъ называемыхъ Верхнихъ Литвиновъ, которымъ по преимуществу присвоивается, въ народномъ употребленіи, имя Литвиновъ (*Літувсй*). Жмудяки и эти Верхніе Литвины или Литвины по преимуществу, отличаясь другъ отъ друга лишь нѣкоторыми оттѣнками, составляютъ одинъ народъ *). Для поясненія этого примѣромъ, можно сказать, что Литва и Латыши, образуя два родственныхъ, но отдѣльныхъ народа, относятся другъ къ другу, какъ въ Славянской семьѣ Русскіе и Поляки, или Русскіе и Болгаре; а Верхніе Литвины *(Калнênай)* и Жмудь *(Жемайчей)* составляютъ одинъ народный организмъ, такъ же какъ Великоруссы и Бѣлоруссы, или какъ Великополяне и Мазуры.

И такъ, прежде чѣмъ обратиться къ практической сторонѣ дѣла, мы хотѣли сказать нѣсколько словъ о значеніи Литовскаго племени относительно науки. Между науками, создавшимися въ новѣйшее время съ поразительною быстротою развивается и приводитъ къ результатамъ,

*) Точная этнографическая граница между Жмудью и Верхними Литвинами, сколько намъ извѣстно, еще никѣмъ не опредѣлена; мы можемъ только сказать, что Жмудью называется по преимуществу Западная часть Ковенской губерніи по р. Невяжу. Впрочемъ, г. Юшкевичъ отличаетъ въ Литовскомъ языкѣ, кромѣ говоровъ Жмудскаго и и верхне-Литовскаго, еще говоры Ейрагольскій и Прусско-литовскій (см. его статью „о говорахъ Литовскаго языка“, въ прибавл. къ извѣстіямъ II Отд. акад. Наукъ, 1858 г., матеріалы, томъ V).

все болѣе и болѣе обильнымъ, сравнительная лингвистика, которую сопровождаетъ другая, еще младшая наука, сравнительная миѳологія. Онѣ составляютъ какъ бы геологію и палеонтологію человѣчества. Точно такъ же, какъ геологія и палеонтологія открыли безконечную исторію земнаго шара, предшествовавшую роду людскому, такъ сравнительная лингвистика и миѳологія воскрешаютъ передъ нами человѣчество въ вѣка, предшествовавшіе всѣмъ его писаннымъ памятникамъ, его бытъ, его вѣрованья, постепенное развѣтвленіе его на племена. Для насъ наиболѣе любопытна, и до сихъ поръ преимущественно разработана, часть этой новозданной науки, раскрывающая доисторическую жизнь нашего Арійскаго поколѣнія, того поколѣнія, къ которому принадлежимъ мы всѣ, Европейцы *). Благодаря сравнительной лингвистикѣ и миѳологіи, мы теперь проникаемъ въ древнюю Азіятскую родину нашу, гдѣ предки Грековъ, Албанцевъ, Италійцевъ, Кельтовъ, Нѣмцевъ, Литовцевъ, Славянъ, составляли одинъ народъ съ предками Индусовъ и Персовъ; мы возстановляемъ древній общій языкъ, древній пастушескій, но уже не совсѣмъ чуждый земледѣлію, бытъ этого Арійскаго народа, когда онъ еще совмѣщалъ въ себѣ многочисленныя семьи, которыя, разселившись въ Европѣ и части Азіи, стали во главѣ человѣчества и все болѣе и болѣе овладѣваютъ пространствомъ земнаго шара. А между всѣми Арійскими племенами Европы, племя Литовское оказывается, судя по языку, наиболѣе близкимъ къ своему первоначальному доисторическому типу. Нынѣшняя рѣчь Литовскаго крестьянина во многомъ болѣе первообразна, чѣмъ языкъ древнѣйшаго памятника Европы, чѣмъ языкъ Гомера. Она значительно оскудѣла, но менѣе всѣхъ измѣнилась въ коренныхъ звукахъ и формахъ: это обломокъ старины доисторической между молодыми поколѣніями языковъ, подобно тому, какъ среди тѣхъ же Литовскихъ лѣсовъ уцѣлѣлъ въ зубрѣ единственный представитель доисторическаго царства Европейскихъ животныхъ. За то съ какимъ чувствомъ благоговѣнія Нѣмецкіе ученые относятся къ языку этого бѣднаго, темнаго, забитаго народа! Для насъ же, и вообще для всего Славянскаго ученаго міра, Литовскій языкъ особенно важенъ еще потому, что онъ состоитъ въ ближайшей связи съ Славянскою рѣчью. Было время, когда Славянское племя составляло съ Литовскимъ одно цѣлое въ Европѣ, уже послѣ того, какъ это общее Славяно-Литовское племя отдѣлилось отъ Германскаго, Греческаго, Иранскаго и т. д. Но затѣмъ когда эта Восточно-Европейская или Славяно-Литовская вѣтвь Арійскаго поколѣнія распалась на два особыхъ племени, Славянское и Литовское, то Славяне стали развивать свой языкъ по новымъ нача-

*) За исключеніемъ Евреевъ (племени Семитическаго), народовъ финно-Турецкаго поколѣнія (въ томъ числѣ и Мадьяръ) и наконецъ, Басковъ, происхожденіе которыхъ составляетъ до сихъ поръ загадку.

ламъ, имъ исключительно свойственнымъ, а Литовскій остался гораз
болѣе при старинѣ. Безъ Литовскаго языка научное изслѣдованіе Сл
вянскаго невозможно, немыслимо. и одна изъ главнѣйшихъ причи
тѣхъ ошибокъ, въ которыя впадали нѣкоторые наши ученые, разсужда
шіе о законахъ и свойствахъ Славянской рѣчи, состоитъ именно
томъ, что они не брали въ соображеніе фактовъ, представляемыхъ яз
комъ Литовскимъ. Но, независимо отъ языка, какой неоцѣненный кла
долженъ представлять Литовскій народъ въ своихъ вѣрованіяхъ и пр
даніяхъ! Вспомнимъ только, что Литовскій народъ послѣдній меж
Арійскими племенами Европы принялъ христіанство; вспомнимъ, ч
еще въ началѣ XVII вѣка Польскій писатель Ласицкій говорилъ о п
клоненіи Жмудяковъ разнымъ языческимъ богамъ, какъ о фактѣ е
современномъ. Вспомнимъ, какъ развита была у Литвиновъ въ язы
ствѣ религіозная стихія, и мы въ правѣ будемъ заключить a pri
что ни одинъ народъ въ Европѣ не можетъ быть богаче остатками др
нихъ, дохристіанскихъ вѣрованій. То немногое, что собрано по эт
части современными Польскими авторами, вполнѣ подтверждаетъ
мысль, приведу только одинъ примѣръ. По свидѣтельству Польск
писателя *). Литовское простонародье имѣетъ о происхожденіи разны
птицъ, наприм. кукушки, соловья, ласточки, аиста и др., миѳичес
преданія, точь-въ-точь соотвѣтствующія метаморфозамъ въ язычески
сказаніяхъ Греціи; оно, подобно древнимъ Эллинамъ и Римлянамъ, к
детъ судьбу каждаго человѣка въ руки Паркъ, которыя прядутъ
жизнь, съ тою только разницею, что вмѣсто трехъ Паркъ, Литв
признаетъ семь «властительныхъ богинь» (дѣвос валдитоес): одна п
детъ нити жизни человѣческой, другая ихъ снуетъ, третья тчетъ
нихъ полотно. четвертая, злая прелестница, вкрадчивыми словами
пѣснями сбиваетъ сестеръ, чтобы портить имъ работу, а пятая обе
гаетъ ткань, отъ ея коварства, шестая пересѣкаетъ ткань жизни,
наконецъ, седьмая, вымывъ отрѣзанную ткань, подаетъ ее чистою в
ховному Богу. Какъ не пожелать, чтобы эти сокровища Литовски
сказаній и повѣрій собирались, пока ихъ не унесутъ съ собою въ гр
отживающія поколѣнія, чтобы они записывались съ тою полнотою и
вѣстливою тщательностью, какихъ требуетъ дѣло науки. Наконе
нельзя не быть увѣреннымъ, что и самый бытъ Литовскаго просто
родья въ разныхъ своихъ отличительныхъ чертахъ хранитъ много
кого, что принадлежитъ отдаленнѣйшей древности Арійскаго плем
и заслуживаетъ самаго подробнаго изученія. Въ настоящее время
стаетъ крайній срокъ для подобныхъ трудовъ. Бытъ Литовскаго про
народья вступаетъ въ періодъ совершеннаго переворота; крестьянс

*) Litwa pod względem starożytnych zabytków, obyczajów i zwyczajów przez I
wika z Pokiewia. Вильно. 1846 г.

реформа выводитъ его изъ вѣковой неподвижности; съ новою, лучшею долею, открывающеюся Литовскимъ крестьянамъ, съ новымъ духомъ свободы и новыми потребностями и заботами житейскими, будутъ приходить въ забвеніе стародавнія понятія и обычаи. То, что не будетъ теперь замѣчено, записано, сохранено для науки, то скоро погибнетъ для нея невозвратно. Въ настоящее время множество Русскихъ приведены въ самое близкое, ежедневное соприкосновеніе съ Литовскимъ простонародьемъ: мы говоримъ о Русскихъ членахъ мировыхъ учрежденій въ Литовскомъ краѣ, о Русскихъ чиновникахъ, которыми замѣщается тамъ Польская администрація, о молодыхъ офицерахъ, квартирующихъ въ Литовскихъ деревняхъ. Неужели между ними не найдется ни одного дѣятеля для науки? Для этого не требуется многаго. Русскіе, слава Богу, легко учатся чужимъ языкамъ, а къ тому же Литовскій языкъ, изо всѣхъ иностранныхъ языковъ (не считая, разумѣется, Славянскихъ нарѣчій), есть безспорно самый легкій для Русскаго; и конечно, многіе изъ Русскихъ, поживъ нѣсколько времени въ Литвѣ, и имѣя тамъ дѣло съ народомъ, безъ особенныхъ усилій и, быть можетъ, сами того не замѣчая, выучиваются говорить по-Литовски. Нужно только, чтобы люди, сочувствующіе дѣлу науки, воспользовались сознательно теперешнимъ случайнымъ своимъ знаніемъ Литовскаго языка. Пусть они перестанутъ смотрѣть на это знаніе, какъ на нѣчто неважное, а напротивъ, стараются развить его на столько, чтобы быть въ состояніи не только разговориться съ Литовскимъ крестьяниномъ о предметахъ обыденной жизни, но проникнуть въ его бытъ, подмѣтить его повѣрья, услышать и понять его пѣснь и сказку, узнать его космогоническія представленія, и все это записать его подлинными словами. Нужды нѣтъ, что иное останется, быть можетъ, неяснымъ самому собирателю: въ Литовскихъ народныхъ пѣсняхъ есть много такого стариннаго, что самъ народъ, повторяя древнія слова, уже не отдаетъ себѣ отчета въ ихъ значеніи. Ученая критика разгадаетъ эти загадки; на мѣстѣ же отъ Русскихъ дѣятелей требуется въ этомъ отношеніи только одно добросовѣстное собираніе народныхъ текстовъ (пѣсенъ, сказокъ, преданій, разсказовъ и разсужденій о явленіяхъ природы, о первыхъ людяхъ, о старинѣ Литовской, о старыхъ обычаяхъ и т. д) въ ихъ подлинной формѣ, безъ малѣйшей предзаданной мысли, безъ всякихъ прикрасъ и вольностей, безъ всякаго мудрствованія, что, къ несчастію, составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ большей части Польскихъ сочиненій. изъ которыхъ теперь приходится выбирать такого рода матеріалы. Нѣсколько добросовѣстныхъ тружениковъ, которые стали бы, такимъ образомъ, во время своихъ досуговъ заниматься собираніемъ остатковъ Литовской старины, хранящихся еще въ народной памяти и народной жизни, оказали бы неоцѣнимую услугу многимъ вѣтвямъ науки.

Но этимъ мы далеко не удовлетворили бы тому, чего требуетъ отъ насъ Литовскій край. Россіи необходимы для Литовскаго края не только ученые изслѣдователи, но еще болѣе необходимы практическіе дѣятели. Ихъ надобно приготовлять такъ, чтобы они могли являться въ среду Литовскаго народа съ достаточнымъ запасомъ предварительныхъ свѣдѣній.

Въ нашихъ университетахъ существуютъ каѳедры многоразличныхъ языковъ и нарѣчій. Охотники могутъ выучиться, по крайней мѣрѣ въ Петербургскомъ университетѣ, языку Калмыцкому и Бурятскому. Мы ничего не говоримъ въ осужденіе языковъ Бурятскаго и Калмыцкаго, но думаемъ, что Литовское племя столь же важно, если не важнѣе, для Россіи, чѣмъ Калмыки и Буряты, и что слѣдовало бы дать Русскимъ студентамъ возможность учиться по-Литовски. Прямая практическая польза, столько же, сколько интересъ науки, требуютъ, чтобы въ нашихъ университотахъ, или по крайней мѣрѣ въ Московскомъ, Петербургскомъ и Кіевскомъ, учреждены были Литовскія каѳедры, и въ настоящее время, когда только начинаетъ вводиться въ дѣйствіе новое распредѣленіе каѳедръ, казалось бы легко пополнить этотъ важный недостатокъ.

Древнѣйшія связи Литовскаго народа были съ Русскими, черезъ Русскій міръ проникли къ нему первыя начала гражданственности, первые лучи христіанства. Литовскій народъ льнулъ такъ сказать къ Русскому міру. Даже въ то время, когда онъ господствовалъ надъ обширными Русскими областями, онъ не только не утѣснялъ Русской народности, а напротивъ, охотно себѣ ее усвоивалъ, давалъ Русскому языку права языка оффиціальнаго въ своей собственной странѣ. Но Польша успѣла на нѣсколько столѣтій прервать эту древнюю связь, истекавшую изъ самой природы вещей, изъ самого положенія Литовскаго края. Распространенная Польшею между Литвинами католическая религія стала между Литовскимъ народомъ и народомъ Русскимъ, распространенное Польшею въ Литовскомъ краѣ шляхетство заслонило Литовскій народъ отъ Русскаго правительства даже тогда, когда край этотъ вновь вошелъ въ составъ Русскаго государства. Такимъ образомъ произошло это долгое отчужденіе наше отъ Литовскаго народа,—это печальное наше къ нему невниманіе.

Невелика, мы знаемъ, та доля Литовскаго края, которая принадлежитъ Пруссіи. Въ ея владѣніяхъ считается, какъ указано выше, не болѣе 150,000 Литвиновъ *), то есть лишь одна десятая всего Литов

*) Литовское племя въ Пруссіи сосредоточено преимущественно въ округѣ Мемельскомъ и распространяется также на округа Нидерунгскій, Тильзитскій, Рагнитскій, Пилькаленскій и Сталупененскій, уступая, однако, въ этихъ послѣднихъ, мало по малу перевѣсу Нѣмецкой народности Округа Лабіускій, Инстербургскій, Гумбиненскій Гольдинскій, въ прошломъ столѣтіи еще представлявшіе населеніе Литовское, теперь почти совершенно онѣмечились (Шлейхеръ, „Littauische Grammatik“. стр. 3).

:каго народа. И надобно замѣтить, что тамъ, въ Пруссіи, Литовскій элементъ находится уже въ состояніи вымирающей народности: Литвины выучиваются Нѣмецкому языку и, мало-по-малу забывая свой, сливаются съ Нѣмцами. Не смотря на то, все, что Европейская наука знаетъ о Литвинахъ и Литовскомъ языкѣ, все, что по этой части послужило предметомъ ея изысканій, почерпнуто изъ этого Литовскаго уголка, принадлежащаго Пруссіи. Мало того: почти всѣ труды, посвященные непосредственной пользѣ самого Литовскаго народа, распространенію въ немъ грамотности и образованія, литературному развитію его языка, предпринимались для этихъ 150,000 Литвиновъ въ Пруссіи, для одной этой малой и вымирающей частицы Литовскаго племени.

Еще въ началѣ прошлаго столѣтія, первый король Прусскій, Фридрихъ Вильгельмъ I, обратилъ вниманіе на необходимость воспользоваться Литовскимъ языкомъ для народнаго образованія въ подвластномъ ему Литовскомъ краѣ и велѣлъ учредить въ Литовскихъ селахъ элементарныя школы, гдѣ учили дѣтей на Литовскомъ языкѣ, знакомя ихъ впрочемъ, при его посредствѣ, съ языкомъ Нѣмецкимъ. Въ то же время назначенъ былъ преподаватель Литовскаго языка въ тильзитскомъ областномъ училищѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1723 году, при Кенигсбергскомъ университетѣ открыта была Литовская *семинарія*, т. е. классы для приготовленія на Литовскомъ языкѣ молодыхъ людей, предназначавшихся къ духовной и учительской дѣятельности между Литовскимъ народомъ. Эта Литовская семинарія оказала наибольшія услуги разработкѣ Литовскаго языка и способствовала тому, что грамотность на Литовскомъ языкѣ распространилась почти повсемѣстно между Литвинами, Прусскими подданными *). Сдѣланы были Литовскіе переводы богослужебныхъ книгъ протестантскихъ; Литовская библія напечатана была, въ первый разъ, въ 1735 г. **). Въ Пруссіи явился Литовскій поэтъ Доналейтисъ; его эпическое стихотвореніе «четыре времени года», напечатанное въ 1818 году (уже послѣ смерти автора), составляетъ, по словамъ знатоковъ, первоклассное художественное произведеніе и изображаетъ съ удивительною вѣрностью всю жизнь и весь бытъ Литовскаго поселянина.

---

*) Король Фридрихъ Вильгельмъ I до такой степени заботился о приготовленіи на Литовскомъ языкѣ возможно большаго числа образованныхъ дѣятелей, что онъ не ограничился въ этомъ отношеніи однимъ Кенигсбергскимъ университетомъ и приказалъ учредить такіе же Литовскіе классы при университетѣ въ Галле (см. предисловіе къ Литовско-Нѣмецкому словарю Ругига, 1747 года) Намъ неудалось впрочемъ отыскать свѣдѣній о томъ, была ли эта послѣдняя мѣра вполнѣ осуществлена и какіе она принесла практическіе плоды.

**) Уже въ XVI столѣтіи (1579 1590), пасторъ Бретке перевелъ, въ Кенигсбергѣ, всю библію на Литовскій языкъ; но его трудъ остался въ рукописи.

Между тѣмъ, другіе трудились ученымъ образомъ надъ Литовс языкомъ. Рутигъ, а потомъ Мильке, издали Литовскіе слова грамматики. Какую важность ученая Германія приписывала та рода трудамъ, показываетъ, между прочимъ, то, что знаменитый К не почелъ ниже своего достоинства написать предисловіе къ Литов грамматикѣ (напечатанной въ 1800 году) которую составилъ Ми скромный *канторъ* (нѣчто въ родѣ дьячка) одного сельскаго при въ Прусской Литвѣ. Нѣкоторые изъ читателей полюбопытству можетъ быть, узнать, какое предисловіе къ Литовской грамма сочинилъ отецъ новѣйшей философіи. Вотъ оно: «Что Прусскій Лит вполнѣ заслуживаетъ сохраненія особенностей его характера и чис его языка въ школахъ и церквахъ,—такъ какъ именно языкъ со ляетъ главное средство къ образованію и поддержанію народнаго ха тера, — это явствуетъ изъ помѣщеннаго здѣсь *) описанія свої Литовскаго народа. Я прибавлю еще къ этому описанію: что Лит болѣе, чѣмъ сосѣдніе народы далекъ отъ низкопоклонства. что онъ выкъ говорить со старшими тономъ равенства и довѣрчивой откр ности; а люди, имѣющіе съ нимъ дѣло, не принимаютъ въ ду сторону такой фамиліярности, не стрываютъ руки отъ его пок потому что находятъ его готовымъ исполнить всякое справедл требованіе. Литвину присуща гордость, чуждая всякаго высокомѣ совершенно отличная отъ той, которая свойственна одной сосѣдстве съ нимъ націи **), коль скоро кто нибудь въ ея средѣ почувств себя знатнѣе другимъ; лучше сказать, это въ Литвинѣ не гордос чувство собственнаго достоинства, указывающее на мужество и вм съ тѣмъ служащее порукою въ вѣрности.

«Но и независимо отъ пользы, какую государство можетъ изв изъ содѣйствія народа съ такимъ характеромъ. немаловажно для н въ особенности для исторіи переселенія народовъ, значеніе безпри наго языка племени стародавняго, нынѣ ограниченнаго тѣсными дѣлами и какъ бы изолированнаго; а потому и сохраненіе этого я въ его особенности имѣетъ само по себѣ большую цѣну. По Бюшингъ ***) сильно оплакалъ раннюю смерть ученаго профессора Т мана въ Галле, посвятившаго съ чрезвычайнымъ усердіемъ свои ус изысканіямъ въ этой части. Впрочемъ вообще, хотя бы и нельзя ожидать отъ какого нибудь языка столько богатыхъ данныхъ для на однако для образованія каждаго племени, въ странѣ, какова, наприм

*) Въ особой статьѣ Гейльсберга, предпосланной къ словарю Мильке.

**) Кантъ, очевидно намекаетъ на Поляковъ.

***) Извѣстный географъ и историкъ, авторъ важнаго въ свое время „исто скаго и географическаго магазина“, умеръ въ 1773 г.

Прусская Польша *), важно пользоваться его языкомъ въ училищахъ и церковной проповѣди, принимая за образецъ языкъ уже очищенный (какъ напр. Польскій) или даже и такой, который употребляется внѣ предѣловъ края **), и малу по малу вводить его въ употребленіе; ибо такимъ образомъ языкъ примѣнялся бы лучше къ особенностямъ населенія и понятія народа становились бы просвѣщеннѣе.»

Литовскіе дѣятели въ Пруссіи не переводились и въ болѣе близкое къ намъ время. Мы назовемъ только главныхъ, труды которыхъ занимаютъ видное мѣсто въ наукѣ: это Реза, Куршатъ и Нессельманъ, Послѣдній издалъ въ 1851 г. обширный словарь Литовскаго языка. Наконецъ, даже *Австрійское* правительство на свой счетъ отправило въ Литву одного изъ первыхъ Европейскихъ ученыхъ въ области лингвистики, профессора Шлейхера. Г. Шлейхеръ совершилъ это путешествіе въ 1852 г. Къ сожалѣнію, онъ не могъ, или не счелъ удобнымъ посѣтить Литовскій край въ Русской державѣ, и ограничилъ свои изысканія Прусскимъ уголкомъ Литвы. Но и такъ, плодомъ учеcой поѣздки г. Шлейхера явилась подробная Литовская грамматика и Литовская хрестомотія, заключающая въ себѣ выборъ произведеній Литовскаго народнаго творчества, пѣсень, пословицъ, загадокъ и сказокъ. И грамматика и хрестоматія составлены съ ясностью взгляда и отчетливостью, свидѣтельствующими, что это дѣло исполнялъ первоклассный ученый. Не многіе народы, даже несравненно болѣе значительные, чѣмъ Литовскій въ состояніи представить о законахъ своего языка или относительно памятниковъ народной словесностности, изданіе, которое могло бы поспорить достоинствами съ тѣмъ, что имѣетъ теперь народъ Литовскій, благодаря труду г. Шлейхера: и мы должны повторить еще разъ, что этимъ, на сколько дѣло касалось матеріальныхъ средствъ исполненія, Литовскій народъ обязанъ *Австрійскому* правительству.

Все, до сихъ поръ исчисленноое нами, сдѣлано, какъ мы сказали, Нѣмцами или природными Литвинами въ Нѣмецкой средѣ, для той *десятой доли* Литовскаго народа, которая принадлежитъ Пруссіи. Къ сожалѣнію, Литвины въ Русской имперіи и въ Царствѣ Польскомъ почти не могутъ пользоваться тѣми умственными богатствами, которыя предлагаются ихъ сопленниками за границею (мы не говоримъ, разумѣется о грамматикахъ и словаряхъ, которые издаются для немногихъ, и то болѣе для иностранцевъ, чѣмъ для туземцевъ; мы говоримъ

*) Въ то время, когда Кенигсбергскій философъ писалъ это, Пруссія владѣла половиною нынѣшняго Царства Польскаго, доставшеюся ей по третьему раздѣлу Польши; вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ властію Пруссіи находилась тогда и та часть населеннаго Литовскимъ племенемъ края, которая теперь составляетъ сѣверную оконечность Августовской губерніи.

**) Кантъ имѣетъ тутъ въ виду Нѣмецкій языкъ.

о книгахъ для народнаго чтенія, для религіознаго и умственнаго образованія простаго народа). Литвинъ въ Пруссіи протестантъ; въ Россіи и Царствѣ Польскомъ онъ (за немногими исключеніями) католикъ. Литвинъ въ Пруссіи пишетъ Нѣмецкими буквами; въ Россіи и Царствѣ Пальскомъ Латинскими (по Польской методѣ правописанія). Вслѣдствіе того, книги, по которымъ учатся и образуются Литвины въ Пруссіи, остаются мертвою, а часто и отверженною, еретическою грамотою для Литвиновъ по сю сторону границы. Для нихъ нужны особые труды.

То немногое, что сдѣлано въ ихъ пользу принадлежитъ Полякамъ или туземцамъ съ Польскимъ образованіемъ.

Какъ ни была старая Польша, по существу своихъ общественныхъ началъ исключительна въ отношеніи ко всѣмъ подчинявшимся ей народностямъ; какъ ни враждебно было католическое духовенство къ развитію народнаго образованія и народной жизни, на надобно отдать справедливость и старой Польшѣ и ея духовенству, что они не оставляли вовсе безъ вниманія умственныя и духовныя потребности бѣднаго Литовскаго простонародія. Хотя мы знаемъ, что іезуиты въ своихъ школахъ подвергали Литовскихъ мальчиковъ наказанію за простое употребленіе народнаго языка въ разговорѣ*); однако мы встрѣчаемъ и отрадныя отступленія отъ этой системы. Во многихъ случаяхъ, католическое духовенство учило простой народъ въ Литвѣ сопровождать молитвами и пѣснями на родномъ языкъ непонятное ему богослуженіе: оно снабжало его, хотя и скудно, литовскими книгами религіоно-нравственнаго содержанія. Такія изданія появлялись уже въ XVI столѣтіи. Въ концѣ XVI вѣка каноникъ Даукша, въ XVII вѣкѣ іезунтъ Ширвидъ (издавшій, между прочимъ, Польско-Латинско-Литовскій словарь), далъ языку своего роднаго племени начала литерурной обработки.

Когда Литовскій край перешелъ подъ власть Россіи, то она не нарушила въ немъ прежняго порядка вещей. Вся духовная и умственная въ немъ дѣятельность продолжала, по прежнему, исходить отъ образованныхъ по Польски Литвиновъ и преимущественно отъ католическаго духовенства. Первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, двумъ католическимъ епископамъ Жмуди, князю Іосифу Гедройцю, скончавшемуся въ 1838 г., и Матвѣю Волончевскому, нынѣ управляющему Жмудскою католическою епархіею. Князь Гедройць, предпочитая пользу народа правилу своей церкви, не желающей дѣлать священное писаніе доступнымъ мірянамъ, перевелъ и издалъ по Литовски (въ 1816 г.) Новый Завѣтъ, посвятивъ это изданіе императору Александру I. Его

*) См. Кешпенна, о языкѣ и литературѣ Литовскихъ народовъ: привожу эту статью по Польскому ея переводу, помѣщенному Іеономъ Рогальскимъ въ Dzienniku Wileńskiem за 1828 годъ, т. V, стр. 430.

преемникъ, епископовъ Волончевскій (бывшій тогда ректоромъ Ворненской семинаріи) не захотѣлъ ограничить Литовскаго языка единственно сферою религіознаго наставленія народа. Онъ написалъ по-Литовски обширное описаніе Жмудской епархіи, историческое и статистическое (напечатано въ двухъ томахъ, въ Вильнѣ, въ 1848 г.). Впрочемъ, это не была первая попытка въ такомъ родѣ. Литвины въ Россіи имѣли уже на своемъ языкѣ свѣтскія сочиненія. Достаточно поименовать басни Станевича (онъ же собиралъ народныя пѣсни), стихотворенія Пашкевича (который, между прочимъ, переведъ по-Литовски Виргиліеву Энеиду: трудъ, кажется, ненапечатанный), пѣсни Дроздовскаго или по-Литовски Стражделиса; переводы съ Польскаго Рупейки и Незабитовскаго; ученое сочиненіе Даукиса о бытѣ древнихъ Литвиновъ. О нѣсколькихъ другихъ мы не упоминаемъ.

И такъ Литовскій народъ въ Россіи имѣлъ на своемъ языкѣ не только разныя книги для религіознаго и нравственнаго наставленія, у него есть и небольшая литература.

Литовскій народъ въ Россіи исповѣдуетъ католическую вѣру и находился съ XV вѣка подъ вліяніемъ Польской цивилизаціи: весьма естественно, что католическое дуновенство и люди, образовавшіеся въ духѣ Польской цивилизаціи, принимали и принимаютъ дѣятельное участіе въ трудахъ для религіознаго и умственнаго развитія Литовскаго народа. Между ними являлись личности, одушевленныя въ этой дѣятельности искреннею и прямою любовью къ Литовскому народу, и мы можемъ только жалѣть, что такихъ людей не было больше: потому что въ общей сложности и за исключеніемъ этихъ отдѣльныхъ личностей, католическое духовенство и люди, образованные въ духѣ польской цивилизаціи, были все-таки направляемы въ своей дѣятельности между Литовскимъ народомъ, посторонними побужденіями; дѣятельность эта не всегда исходила,—какъ въ протестантской части Литвы, принадлежащей Пруссіи,—изъ непосредственнаго желанія удовлетворить умственнымъ и нравственнымъ потребностямъ Литовскаго народа, и часто даже клонилась прямо къ тому, чтобы упрочить надъ нимъ господство Польскихъ стихій.

Тѣмъ болѣе обязаны мы подумать о томъ, чтобы образовательная и просвѣтительная дѣятельность въ Литовскомъ краѣ не оставалась монополіею католическаго духовенства и Поляковъ или дѣятелей, принадлежащихъ къ Польской цивилизаціи. Пускай они дѣлаютъ, сколько могутъ, для умственнаго и нравственнаго развитія Литовскаго народа: но эта работа не должна быть предоставлена имъ исключительно. Каждая страница, которую католическій ксендзъ или міранинъ, Полякъ или Литвинъ съ Польскимъ образованіемъ, пишетъ для Литовскаго народа, носитъ на себѣ печать католическихъ и Польскихъ взглядовъ и убѣжденій: это въ природѣ вещей, имъ нельзя и ставить этого въ

упрекъ. Но хорошо ли, что Литовскій народъ можетъ слышать только одни такіе католическіе и Польскіе голоса? Хорошо ли со стороны Русскихъ, что они не заговорятъ съ нимъ, не потрудятся и съ своей стороны на его пользу? Какъ не пожелать, чтобы тѣ православные священники. кототорые живутъ посреди Литовскаго народа, которые имѣютъ въ числѣ своихъ прихожанъ людей, говорящихъ по-Литовски, вспомнили преданіе своей церкви, заповѣдующей преподавать всѣмъ племенамъ слово Божіе на ихъ родномъ языкѣ, и перевели православныя богослужебныя книги на Литовскій языкъ. чтобы они дали своей паствѣ въ руки православный катихизисъ на Литовскомъ языкѣ? Въ одной Ковенской губерніи, населенной сплошь Литвинами и Жмудью, существуютъ, какъ видно изъ статистическихъ свѣдѣній, 15 православныхъ церквей и 2 православныхъ монастыря; въ Литовскихъ уѣздахъ Виленской губерніи, Свенцянскомъ, Троцкомъ и Виленскомъ, не считая г. Вильны, 17 православныхъ церквей. Нельзя отговариваться тѣмъ, что большая часть тамошнихъ православныхъ Великоруссы и Бѣлоруссы, въ разныя времена водворившіеся между Литвинами; согласно исчисленіямъ, помѣщеннымъ въ изданномъ недавно атласѣ Западнаго края по вѣроисповѣданіямъ, оказывается, что между православными въ Виленской и Ковенской губерніяхъ 28,606 человѣкъ суть кровные Литвины и Жмудяки. Кромѣ того, можно предполагать, что и изъ Русскихъ многіе, попавши въ массы Литовскаго народа, могли уже слиться съ Литвинами въ языкѣ и бытѣ, но главное, эти кровные Литвины и Жмудяки православнаго исповѣданія, хотя бы ихъ и было не болѣе 28,606 человѣкъ, не должны же оставаться безъ вниманія къ ихъ духовнымъ нуждамъ; а для нихъ Славянская книга и Славянское богослуженіе должны быть также мало понятны, какъ латинскій бревіяръ и латинская мисса. Такимъ образомъ, въ состояніи ли они будутъ противостоять Римской пропагандѣ среди окружающаго ихъ католическаго населенія, и когда они въ латинской церкви могутъ слышать, если не обѣдню, то по крайней мѣрѣ гимны и проповѣди въ звукахъ роднаго языка? У насъ для Самоѣдовъ и Бурятъ и для сколькихъ инородческихъ племенъ, переводятся книги, совершается богослуженіе на ихъ языкѣ: тѣмъ болѣе слѣдовало бы вспомнить про единовѣрцевъ нашихъ Литовскаго племени, про этотъ Литовскій народъ, который нѣкогда былъ уже почти пріобрѣтенъ для православной церкви, про народъ, давшій древней Руси одного изъ славнѣйшихъ ея святыхъ и героевъ, спасителя Пскова?

Но въ свѣтскомъ отношеніи, мы до сихъ поръ слишкомъ мало сдѣлали, не говоря уже о томъ, чтобы пріобрѣсти нравственное вліяніе на Литовскій народъ, а просто для того, чтобы ознакомиться съ нимъ. Это было, конечно, естественнымъ послѣдствіемъ прежняго порядка вещей во всемъ нашемъ Западномъ краѣ и, разумѣется, въ томъ числѣ

и въ Литовской и Жмудской странѣ; это было естественнымъ послѣдствіемъ принципа крѣпостнаго права. Смотря на край съ дворянской точки зрѣнія. съ точки зрѣнія крѣпостнаго права, мы видѣли въ Литвѣ олько пановъ, т. е. частью природныхъ Поляковъ, частью туземцевъ, бразованныхъ въ Польскомъ духѣ и которые, какъ въ оффиціальной изни, такъ и при всякомъ постороннемъ человѣкѣ. признаютъ себя ь Поляковъ и берегутъ свою Литовскую народность для домашняго бихода, т. е. для сношеній съ крестьянами, и немногіе также, для итературныхъ досуговъ. Такимъ образомъ, мы находились въ отношеніи итовской народности *dans un cercle vicieux*; крѣпостное право заставило асъ считать Литву за Польскій край; а считая Литву за Польскій край, ы и не ощущали нужды обращать вниманіе на Литовскую народность, заниматься Литовскимъ языкомъ, и тѣмъ самымъ лишали себя средствъ освободиться отъ вліянія Польскихъ взглядовъ и притязаній на Литву. Вслѣдствіе этого, мы даже не успѣли запастись самыми необходимыми, элементарными пособіями для непосредственнаго знакомства и сношеній съ Литовскимъ народомъ. Нѣтъ по-Русски никакого сочиненія о современномъ Литовскомъ народѣ, нѣтъ даже Русско-Литовскаго словаря. Русскій человѣкъ, пріѣхавшій въ Литву чиновникъ ли, учитель, военный, или просто частный дѣятель, пожелалъ бы, напримѣръ, узнать что нибудь о Литвинахъ, выучиться говорить съ ними: онъ долженъ для этого сперва изучить Польскій языкъ, и тогда, черезъ посредство Польскихъ изданій, можетъ, пожалуй, приступить къ ознакомленію съ Литвинами и ихъ языкомъ. Что удивительнаго, если до сихъ поръ многіе Русскіе, поставленные въ это положеніе, останавливались на полу-пути т. е. выучившись по-Польски, смотрѣли на Литвиновъ, какъ на Поляковъ, объяснялись съ ними на Польскомъ языкѣ? А иной, чего добраго, готовъ былъ обругать дуракомъ невѣжественнаго Литовскаго мужика, который не понимаетъ, когда ему говорятъ по-Польски.

Но теперь, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, должны исчезнуть и эти послѣдствія, которыя оно принесло съ собою въ нашихъ отношеніяхъ къ Литовскому народу. Россія теперь подала руку всѣмъ племенамъ, населяющимъ ея Западный край. Она подастъ руку и Литовскому племени. Пора это сдѣлать послѣ тѣхъ горькихъ событій, которыя были результатомъ нашего прежняго отчужденія отъ него по милости крѣпостнаго права. Мы видѣли опять, какъ въ 1831 году, цѣлыя массы Жмудяковъ и Литвиновъ, сражающихся противъ насъ подъ Польскими знаменами; и кажется не было въ Польскихъ рядахъ болѣе стойкихъ и безстрашныхъ бойцовъ. За что же дрались эти Жмудяки и Литвины? За возстановленіе ли старой Польши? Но старая Польша была имъ чужа, хотя они и принадлежали къ ней, и конечно, ничто въ старой Польшѣ, ни ея слава, ни ея трагическій конецъ, не трогаетъ ихъ сердца. Или они дрались изъ сочувствія къ Полякамъ? Но они

терпѣть не могутъ Польской націи. Литвинъ произноситъ имя *Лехъ* почти съ такимъ же чувствомъ, какимъ сопровождается это же слово въ его Славянской формѣ, *Ляхъ*, у Западно-Русскаго простолюдина. Или наконецъ, Жмудь и Литва возставали противъ насъ за свою свободу? Но нѣтъ, они видѣли, что защищаютъ дѣло своихъ *пановъ*, а *панъ не братъ*, говоритъ Литовская пословица, и конечно, не отъ торжества пановъ могли они ждать себѣ освобожденія. Нѣтъ, они дрались за Поляковъ просто потому, что Поляки, и въ особенности духовенство, имѣли одни къ нимъ доступъ, одни съ ними сносились непосредственно, могли взывать къ ихъ религіознымъ чувствамъ и, какъ имъ нужно было, рисовать имъ дѣйствія и намѣренія москалей—схизматиковъ. И такимъ-то образомъ, изъ народа, вовсе не причастнаго нашей тяжбѣ съ Поляками, мы благодаря поддержкѣ, которую мы оказывали принципу крѣпостнаго права, сдѣлали имъ союзниковъ а себѣ враговъ, дали вооружить противъ себя тысячи храбрыхъ людей, которые ни за что, ни про что пошли на смертъ отъ нашихъ пуль, дали поднять за Польское дѣло цѣлую губернію, гдѣ на милліонъ жителей статистика считаетъ 30 тысячъ Поляковъ. Надобно наконецъ подумать по серьезнѣе о томъ, чего ждетъ отъ насъ Литовскій народъ и что мы должны сдѣлать для того, чтобы такого рода кровавыя недоразумѣнія между имъ и нами не могли повториться.

Очевидно, что одна сторона задачи нашей въ Литовскомъ краѣ, та же самая, какъ и во всѣхъ прочихъ частяхъ Западной Россіи: освобожденіе крестьянскаго населенія отъ власти и вліянія Польскихъ пановъ, устройство администраціи, которая служила бы Россіи, а не Польскимъ интересамъ, земскія учрежденія, которыя служили бы дѣйствительно органами народа, а не одного Польскаго дворянства, и т. п. Вотъ эта общая сторона дѣла, которой мы здѣсь не намѣрены касаться какъ выходящей изъ предѣловъ нашей темы. Другая сторона задачи— спеціальная, обусловливаемая *инородческимъ* характеромъ Жмудскаго Литовскаго населенія, тѣмъ, что оно намъ чуждо по происхожденію языку и быту. И надобно сказать, что этотъ спеціальный инородческій характеръ Литвы и Жмуди не можетъ не отозваться тамъ замѣтнымъ образомъ и на общей сторонѣ нашего дѣла. Онъ отзовется большими затрудненіями для Русскихъ дѣятелей, нежели въ краяхъ, населенныхъ Русскимъ и православнымъ народомъ. Среди Литвиновъ и Жмуди гораздо труднѣе будетъ отрѣшить крестьянъ отъ подчиненія, если не матеріальнаго, то нравственнаго, Польскимъ панамъ, и дать Литовскому краю мѣстную администрацію, свободную отъ Польскихъ стихій и Польскихъ вліяній: тутъ намъ во многомъ помѣшаетъ непониманіе народнаго языка; помѣшаетъ во многомъ и религія, дающая католическому духовенству въ Литовскомъ краѣ такія сильныя средства пропаганды въ интересахъ Польши. Еще труднѣе будетъ ввести въ земскія учреж-

денія чисто народный, Литовскій элементъ, такъ чтобы онъ сталъ къ намъ лицомъ къ лицу, безъ Польскаго посредничества. Все это можетъ быть достигнуто только тогда, когда мы сами ознакомимся коротко съ Литовскимъ народомъ, и откроемъ Литвинамъ пути къ образованію самостоятельному, такіе пути, которые не стали бы вести Литвина, поднимающагося выше простонародной массы, сквозь школу враждебныхъ намъ требованій и предразсудковъ Польской цивилизаціи. Мало того, что въ нѣкоторыхъ университетахъ должны быть, какъ мы говорили выше, открыты каѳедры Литовскаго языка и что Россія должна всячески стараться имѣть людей, способныхъ сблизиться съ Литовскимъ народомъ, не прибѣгая къ драгоманамъ; необходимо, чтобы и Литовскій народъ выставилъ дѣятелей, которые станутъ смотрѣть на дѣло прямо, съ точки зрѣнія практической пользы своего народа, а не подъ угломъ старыхъ преданій Рѣчи—Посполитой. Мы не помышляемъ о сепаратизмѣ; а напротивъ, безусловно его отвергаемъ. Но именно, для того чтобы въ Литовскомъ народѣ не могло быть сепаратизма, первое и самое существенное условіе—развитіе въ немъ самосознанія. Ибо Литовская народность такъ мала и такъ вдавлена между тремя народностями: Русскою, Польскою и Нѣмецкою, что о самостоятельности она и помышлять не можетъ; но въ то же время Литовское племя одно изъ самыхъ упорныхъ и своею исторіею доказало, до какой степени оно дорожитъ своимъ языкомъ и своимъ бытомъ. Польская пропаганда пользовалась доселѣ его неразвитостью, отсутствіемъ въ немъ національнаго сознанія, только вслѣдствіе неразвитости Литовскаго народа, отсутствія въ немъ національнаго сознанія, она могла воспламенять Литвиновъ Польскими идеями, вооружать ихъ за Польское дѣло. Сепаратизмъ въ Литовскомъ краѣ можетъ опираться только на господствѣ Польскихъ стихій, на бездѣйствіи туземнаго народнаго элемента. Противодѣйствовать сепаратизму въ этой странѣ мы можемъ только развитіемъ туземнаго народнаго элемента, который одинъ будетъ въ силахъ освободить Литовскій край отъ нравственнаго господства Польскихъ стихій. Надобно, чтобы Литвинъ могъ быть человѣкомъ образованнымъ, не дѣлаясь Полякомъ; надобно, чтобы Литовскій народъ, оставленный Польскимъ владычествомъ въ невѣжествѣ и оцѣпенѣніи, снова, какъ въ старину, получалъ отъ Русскаго міра и чрезъ его посредство доступъ къ просвѣщенію, точно также, какъ онъ отъ Россіи получаетъ теперь матеріальную свободу и обезпеченіе. Мы сдѣлали въ Литвѣ уступку Польскому элементу, учредивъ классы Польскаго языка въ гимназіяхъ и другихъ казенныхъ училищахъ Виленскаго учебнаго округа; мы до сихъ поръ издаемъ свою оффиціальную для того края газету, *Виленскій Вѣстникъ*, вмѣстѣ по Польски и по Русски *). Если можно было сдѣлать въ Литвѣ подобную

*) Съ 1864 года „*Виленскій Вѣстникъ*“ издается исключительно на языкѣ Русскомъ.

уступку языку, незначительнаго по числу, пришлаго и часто враждебнаго намъ меньшинства, то не странно ли отказывать въ томъ же самомъ языку туземнаго населенія? Развѣ мы въ самомъ дѣлѣ хотимъ считать Литовскую народность за часть народности Польской? Если мы долго будемъ считать ее такою, то, пожалуй, дождемся и того, что она въ самомъ дѣлѣ станетъ Польскою. Тяжело вспомнить, что въ теченіе многихъ лѣтъ, Литвинъ въ Виленской и Ковенской губерніяхъ, вступавшій въ *наши* училища долженъ былъ учиться по Польски, а языку своего народа онъ не только не могъ учиться, а поставленъ былъ въ необходимость позабыть его, если званіе это не поддерживалось въ немъ посторонними, случайными обстоятельствами. Если такой порядокъ долженъ тамъ остаться, то нечего намъ думать о поддержкѣ нашего дѣла въ Литвѣ народными силами, о противодѣйствіи Польской пропагандѣ и Польскимъ притязаніямъ народными элементами! Напротивъ, мы сами продолжали бы оказывать этой пропагандѣ и этимъ притязаніямъ все зависящее отъ насъ содѣйствіе.

Университетскія каѳедры Литовскаго языка и введеніе его, въ число необходимыхъ предметовъ преподаванія, въ казенныя училища Виленской, Ковенской и Августовской губерніи, вотъ, мы должны повторить, одно изъ лучшихъ средствъ, чтобы приготовить людей, при посредствѣ которыхъ Литовскій народъ могъ бы сблизиться съ Русскою жизнію, вступить съ Россіею въ общественную и нравственную связь.

Само собою разумѣется, что тотчасъ появились бы, вызванныя потребностію, пособія для ознакомленія съ Литвою и Литовскимъ языкомъ. Мы были бы избавлены отъ необходимости прибѣгать къ Нѣмецкимъ учебникамъ для изученія Литовскаго языка, къ Польскимъ сочиненіямъ для того, чтобы получить какое нибудь понятіе о Литовскомъ народѣ и его бытѣ. Въ самомъ Литовскомъ племени пробудилась бы умственная дѣятельность съ народнымъ характеромъ и въ направленіи, сочувственномъ Россіи, вмѣсто того, чтобы поглощаться, какъ въ настоящее время, стихіями Польскими и становиться орудіемъ Польской пропаганды.

Мы приходимъ теперь къ самой важной сторонѣ дѣла, предстоящаго намъ относительно Литовской народности, именно къ вопросу о томъ чего требуетъ отъ насъ эта народность сама по себѣ. Тутъ, очевидно, самый существенный вопросъ заключается въ народномъ образованіи.— Мы всѣ, конечно, желаемъ видѣть въ Западномъ краѣ возможно большее и скорѣйшее развитіе народнаго образованія на Русскомъ языкѣ и въ Русскомъ духѣ; мы желаемъ этого не только для пользы государственной, но столько же и для пользы самого Западно-русскаго народа, приносившаго такія жертвы, чтобы возсоздать свое единство съ Русскою землею. Но если легко и естественно учить народъ неиначе какъ по-Русски въ краяхъ, населенныхъ Бѣлоруссами, нарѣчіе кото-

рыхъ не представляетъ никакого *существеннаго* различія съ нашимъ Великорусскимъ языкомъ; если въ краяхъ, населенныхъ Малороссами, это возможно (возможно и необходимо, по мнѣнію однихъ; возможно, хотя не совсѣмъ удобно, по мнѣнію другихъ,—но это для насъ вопросъ посторонній),—то въ Литовскомъ краѣ было бы совершенно неестественно и невозможно, чтобы первоначальное преподаваніе въ народныхъ училищахъ производилось только по-Русски. Ибо тутъ мы имѣемъ дѣло не съ частью Русскаго народа, а съ особымъ *инородческимъ* племенемъ: крестьянскій мальчикъ въ Жмудскомъ и Литовскомъ краѣ, призванный въ школу, гдѣ прямо обратились бы къ нему съ Русскою рѣчью не понималъ бы ни единаго слова. Очевидно, что тутъ *языкомъ первоначальнаго преподаванія* долженъ быть непремѣнно языкъ Литовскій, а Русскій языкъ—однимъ изъ предметовъ, которому должно учить мальчиковъ. Такъ, Пруссія, которая безусловно отвергаетъ въ первоначальномъ образованіи всѣ мѣстныя *Германскія* нарѣчія, которая прямо вводитъ всякаго Нѣмецкаго мальчика, на какомъ бы нарѣчіи онъ ни говорилъ дома, въ классъ, гдѣ ему преподаютъ на общемъ Нѣмецкомъ языкѣ,—эта же самая Пруссія въ своемъ кускѣ Литовскаго края, какъ мы видѣли, установила элементарное преподаваніе по-Литовски и, кромѣ того, сдѣлала Литовскій языкъ однимъ изъ предметовъ обученія въ Тильзитскомъ среднемъ училищѣ и въ Кенигсбергскомъ университетѣ. Мы охотно указываемъ на примѣръ Пруссіи, какъ одной изъ просвѣщеннѣйшихъ земель Европы, и потому что она, такъ же какъ мы, имѣетъ дѣло съ Литовскою народностью. Для Пруссіи, точно такъ же, какъ и Россіи, Литовское племя—это не частная вѣтвь господствующаго народа; это племя чужое, которое не понимаетъ вовсе общаго языка страны, и въ которомъ каждый человѣкъ долженъ сперва получить образованіе, прежде чѣмъ онъ выучится этому языку. Правительство Прусское понимало это уже полтораста лѣтъ тому назадъ; оно дало Литовскому племени въ своихъ предѣлахъ образованіе и привязало его къ своему государству самою крѣпкою нравственною связью.

Итакъ повторимъ нашу мысль. Такъ какъ Литовцы составляютъ племя совершенно отдѣльное инородческое, то прямо учить народъ въ элементарныхъ школахъ Литовскаго Края на Русскомъ языкѣ значило бы то же самое, что не учить вовсе; наши училища стояли бы пустыми или наполнялись бы по принужденію, и Литовскій народъ оставался бы по прежнему, темною невѣжественною массою въ распоряженіи ксендзовъ и Польскаго дворянства. Необходимо во всей Ковенской, двухъ сѣверныхъ уѣздахъ Августовской (Маріампольскомъ и Кальварійскомъ) и трехъ сѣверозападныхъ уѣздахъ Виленской губерніи (Троцкомъ, Виленскомъ и Свенцянскомъ) установить преподаваніе въ народныхъ училищахъ на языкѣ Литовскомъ, а однимъ изъ главныхъ предметовъ преподаванія въ этихъ училищахъ ввести Русскій языкъ, такъ чтобы по

выходѣ изъ училища Литовскій мальчикъ вполнѣ понималъ по-Русски и зналъ Русской грамотѣ. Вотъ сужденіе объ этомъ вопросѣ одного природнаго Литвина, одного изъ лучшихъ знатоковъ своей родины и своего народа: «Введеніе преподаванія Литовскаго языка въ Литовскихъ училищахъ весьма важно во многихъ отношеніяхъ. Оно бы способствовало къ скорѣйшему изученію Русскаго языка, который въ настоящее время истолковывается Литвинамъ при помощи языка Польскаго, для многихъ изъ нихъ не болѣе понятнаго, чѣмъ Русскій; а между тѣмъ, знаніе Русскаго языка при мѣрахъ, предпринимаемыхъ къ устройству крестьянъ, необходимо для каждаго Литовца. Нынѣ ни одинъ Литовскій крестьянинъ не понимаетъ и не читаетъ Положенія о крестьянахъ, весьма многіе изъ нихъ совсѣмъ не знаютъ даже о его существованіи, и все принимаетъ на вѣру. Оно бы показало, сколь губительно было для Литовцевъ владычество Поляковъ, которые въ продолженіи 4-хъ столѣтій только и заботились объ истребленіи въ Литвѣ всего Литовскаго, учреждали въ ней Польскія школы, въ которыхъ безпощадно сѣкли Литовскихъ дѣтей, когда эти осмѣливались заговорить между собою по-Литовски, своимъ материнскимъ языкомъ; оно бы много способствовало къ поселенію и развитію здравыхъ понятій въ крестьянахъ—Литовцахъ, которые нынѣ читаютъ только молитвенники и разныя церковныя книжки, такъ называемыя *кантычки*, исполненныя средневѣковыхъ понятій и суевѣрій» *).

Остается вопросъ о практической исполнимости этой мѣры. Сколько извѣстно, уже возникла и прежде мысль ввести въ училищахъ Литовскаго края преподаваніе на Литовскомъ языкѣ, но противъ этого предположенія поднялись голоса людей, утверждавшихъ, что языкъ Литовскій, по недостатку письменной обработки, не можетъ служить къ обученію юношества, что нельзя составить руководствъ на нарѣчіи, которое исключительно свойственно простонародью и т. п. Невозможно ожидать, чтобы лица, заинтересованныя въ неприкосновенности господства Польскаго языка въ Литвѣ, не стали прибѣгать къ такого рода и еще разнымъ другимъ доводамъ противъ введенія преподаванія на народномъ языкѣ; но во всемъ этомъ они, разумѣется, могутъ разсчитывать только на наше незнаніе. Литовскій языкъ имѣетъ грамматику, науч-

*) Отъ XVI и XVII с. с. сохранилось много актовыхъ книгъ (Ковенскаго Вилкомірскаго, Россіенскаго земскихъ судовъ) составленныхъ исключительно на языкѣ русскомъ; онѣ свидѣтельствуютъ, что въ тѣ времена литовцы не только умѣли объясняться по-русски, но и письменно излагать свои мысли. Документы на русскомъ языкѣ кровныхъ литвиновъ попадаются и между актами магдебургскими. Польскій языкъ введенъ былъ въ дѣлопроизводство З. Кр. въ 1696 г. и употреблялся въ теченіи одного столѣтія. Тѣмъ не менѣе литовцы не выучились этому языку, но русскій совершенно позабыли, потерявъ вмѣстѣ съ нимъ и свое многочисленное боярство.

Прим. издателя).

нымъ образомъ разработанную однимъ изъ первыхъ филологовъ Германіи, на немъ въ Пруссіи изданы не только катихизисы и другія элементарныя книги, но даже, какъ замѣчено выше, стихотворенія и полный переводъ библіи; въ Россіи на Литовскомъ языкѣ напечатаны даже ученыя сочиненія объ исторіи и археологіи края. При такой подготовкѣ, возраженіе, что Литовскій языкъ не способенъ служить къ преподаванію, можетъ быть сдѣлано только лицами, преднамѣренно искажающими истину. Нужно лишь призвать людей, знающихъ этотъ языкъ и сочувствующихъ потребностямъ Литовскаго народа,—и въ самомъ скоромъ времени мы имѣли бы на Литовскомъ языкѣ всѣ нужнѣйшіе учебники, и Польскій элементъ въ Литовскихъ училищахъ уступилъ бы Литовскому.

Итакъ вотъ, какъ намъ кажется, чего требуетъ отъ насъ Литовскій край: прежде всего, чтобы мы обратили вниманіе на Литовское племя, какъ на народность своеобразную и совершенно различную отъ Польской; чтобы мы сносились съ Литовскимъ народомъ при посредствѣ Литовскаго, а не Польскаго языка; чтобы мы открыли Русскимъ возможность учиться по-Литовски и сдѣлали изъ Литовскаго языка одинъ изъ обязательныхъ предметовъ ученія въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ училищахъ Литовскаго края; наконецъ, чтобы мы создали для Литовскаго народа элементарныя Литовскія училища, въ которыхъ Литвинъ могъ бы образовываться, не становясь Полякомъ, и знакомиться непосредственно съ Русскимъ языкомъ, который ему такъ нуженъ, особенно со времени освобожденія, въ гражданскомъ быту.

Все это, повидимому, просто, и такъ просто, что многіе не стали бы, можетъ быть, ожидать отъ этихъ мѣръ значительныхъ и существенныхъ результатовъ. Между тѣмъ, только этимъ можемъ мы освободить Литовскій народъ отъ умственнаго и нравственнаго господства Польской національности, какъ мы избавляемъ его теперь отъ ея матеріальнаго господства; только этимъ можемъ мы открыть Литовскому народу пути къ внутреннему единенію съ Русскимъ міромъ. Конечно подобныя средства могутъ дѣйствовать только медленно, ибо эти средства нравственныя, и требуютъ отъ насъ нѣкотораго труда и большой послѣдовательности. Но что дѣлать, когда намъ предстоитъ вывести цѣлое племя изъ мрака и оцѣпенѣнія на свѣтъ и къ дѣятельности умственной? Иные, быть можетъ, сомнѣвающіеся въ дѣйствительности такихъ средствъ, думали бы отдѣлаться другимъ способомъ отъ труда, котораго требуетъ отъ насъ Литовское племя. Мы слышали, что они предпочли бы отдѣлить Литовскій край, или, вѣрнѣе сказать, зерно его, Ковенскую губернію, отъ соединенія съ Западнорусскими губерніями и причислить ее къ губерніямъ Остзейскимъ. Можно бы подумать, что въ основаніи такой мысли лежитъ слѣдующій силлогизмъ: Остзейскій край смиренъ, а Западно-русскія губерніи волнуются; такъ если отчислить Ковенскую губернію отъ волнующагося края къ смирному, то и она

сдѣлается смирною. Но мы спрашиваемъ: если такая мѣра будетъ заключаться просто въ перенесеніи высшаго административнаго центра для Ковенской губерніи изъ Вильны въ Ригу, то перемѣнится ли отъ этого хотя сколько нибудь состояніе и расположеніе умовъ населенія Ковенской губерніи, и не будетъ ли это для него только нѣкоторымъ административнымъ неудобствомъ, такъ какъ Рига дальше отъ него, чѣмъ Вильна? Если же думаютъ о такомъ перечисленіи Ковенской губерніи съ тѣмъ, чтобы распространить на нее Остзейскіе распорядки, то слѣдуетъ обратить вниманіе на два важныя обстоятельства:

Во первыхъ, въ Ковенской губерніи дѣйствуетъ постановленіе объ обязательномъ выкупѣ, по которому крестьяне признаны собственниками своего поземельнаго надѣла, а въ Отзейскомъ краѣ крестьянство подчинено разнымъ прежнимъ узаконеніямъ, менѣе для него либеральнымъ; а именно это крестьянское дѣло такое, что здѣсь нельзя взять назадъ того, что разъ дано; порядокъ, выгодный для крестьянъ, не можетъ быть безнаказано замѣненъ порядкомъ болѣе для нихъ обременительнымъ. Напротивъ, сила вещей ведетъ къ тому, что выгоды, данныя земледѣльческому классу въ одномъ мѣстѣ, становятся достояніемъ его и въ другомъ. Такимъ образомъ, въ этомъ, самомъ важномъ, общественномъ дѣлѣ, не только Остзейскій край не могъ бы подчинить Ковенскую губернію существующему въ немъ порядку вещей, а напротивъ, Ковенская губернія сдѣлалась бы, естественно, мѣриломъ для Остзейскаго края. Друзья Остзейскихъ крестьянъ, конечно, должны сочувствовать такому результату, и если бы этотъ именно результатъ имѣлся тутъ виду, то нечего было бы и говорить. Но въ томъ то и дѣло, что люди, предполагающіе причислить Ковенскую губернію къ Остзейскому краю, думаютъ объ этомъ вовсе не изъ дружбы къ Остзейскимъ крестьянамъ, а напротивъ того увлекаясь, какъ кажется, мыслію, что существующій въ Остзейскомъ краѣ порядокъ годился бы и для Ковенской губерніи.

Во вторыхъ, Остзейскій край управляется по Нѣмецкимъ законамъ, оффиціальный языкъ въ немъ Нѣмецкій; а въ Ковенской губерніи дѣйствуютъ Русскіе законы, оффиціальный языкъ Русскій. Въ Остзейскомъ краѣ Нѣмецкіе законы и Нѣмецкій языкъ имѣютъ историческое основаніе, которое Россія сохраняетъ; но, чтобы Россія стала распространять ихъ тамъ, гдѣ нѣтъ для того никакого историческаго основанія, чтобы Россія, простымъ административнымъ актомъ, замѣнила Русскіе законы и Русскій языкъ Нѣмецкими въ краѣ, гдѣ нѣтъ ничего Нѣмецкаго,—это было бы такъ странно, что не понимаемъ, какъ подобная мысль могла возникнуть въ нашей средѣ...

Въ памятникѣ тысячелѣтія Россіи мы поставили изображенія великихъ людей Литовскаго народа. Мы дали мѣсто, между дѣятелями ис-

текшаго тысячелѣтія Русской земли, не только человѣку, какъ Довмонтъ, усыновленному Россіей и прославившему ея имя въ самую мрачную эпоху народнаго униженія; мы приняли въ рядъ нашихъ государственныхъ строителей и героевъ Гедимана, Ольгерда, Витовта, Кейстута, этихъ витязей древней Литвы, которые не разъ приводили въ трепетъ Русскіе полки и Русскихъ князей. Нами руководило вѣрное историческое сознаніе; мы хотѣли засвидѣтельствовать на нашемъ памятникѣ, что прошлая жизнь Литовскаго народа, пока онъ дѣйствовалъ самостоятельно, была частью жизни Русской земли, что слава Литвы есть слава Россіи, что Россія приняла наслѣдство, пожала плодъ исторической дѣятельности Литовскаго народа. Но пусть это историческое сознаніе значенія прошлыхъ событій оправдается въ современной дѣйствительности. Когда мы признаемъ прошедшее Литвы своимъ историческимъ достояніемъ, когда мы признаемъ себя наслѣдниками дѣятельности Ольгерда и Витовта, то пусть права наши не остаются въ архивахъ исторіи, а проявимъ ихъ въ дѣйствительной жизни. Если же нынѣшнее наше отчужденіе отъ Литовскаго народа должно продлиться, и мы въ настоящемъ предоставимъ Литву господству чужихъ стихій, будь эти стихіи Польскія или Нѣмецкія, то къ чему мы стали бы выставлять на показъ бывшее когда-то внутреннее единство Литвы съ Русской землею? Это было бы только хвастовство, и лучше бы было, въ такомъ случаѣ, сбросить съ нашего историческаго памятника, какъ лишнія на немъ, статуи Гедимина, Витовта, Ольгерда и Кейстута!

Чѣмъ объяснить быстрое обрусѣніе Литвы въ XIII вѣкѣ?

Вотъ ужъ слишкомъ семьдесятъ лѣтъ, какъ огромное большинство литовскаго племени находятся подъ непосредственнымъ управленіемъ Россіи. Племя это въ двухъ своихъ вѣтвяхъ,—Литвѣ въ собственномъ смыслѣ и Жмуди, составляетъ, какъ извѣстно, всю туземную массу Ковенской губерніи, трехъ сѣверо-западныхъ уѣздовъ Виленской—Троцкаго, Виленскаго и Свенцянскаго, распространялось и на часть Лидскаго и Ошмянскаго. Только небольшая часть его находится въ двухъ уѣздахъ Августовской губерніи—Маріампольскомъ и Кальварійскомъ, и около одной десятой всего племени подъ властью Прусской. Въ древности оно занимало гораздо большее пространство, чѣмъ теперь. Ему принадлежалъ, по свидѣтельству г. Бѣляева, весь сѣверо-западный край съ юга на сѣверъ отъ Припети до Балтійскаго моря или до устьевъ Западной Двины, и съ востока на западъ — отъ верхняго теченія Днѣпра до Нарева и устьевъ Нѣмана. Вся эта обширная страна была раздѣлена между тремя племенами. Почти весь западъ, и частію юго-западъ этого края занимало племя Ятвяговъ, отъ рѣки Щары до Ковны—по лѣвому берегу Нѣмана. Югъ отъ Щары по Припети до Березины и вся средина заняты были различными Литовскими племенами, которыя на восточной окраинѣ подходили къ правому берегу Днѣпра, въ верхнемъ его теченіи; на сѣверо-востокъ упирались въ лѣвый берегъ Западной Двины; на сѣверо-западъ сходились съ племенами латышскими, а на западѣ касались Нѣмана, гдѣ сходились съ Ятвягами. Изъ этого пространственнаго раздѣленія мы видимъ, что Литовское племя окружено было съ двухъ сторонъ племенами Славянскими самая большая часть Литвы соприкасалась съ племенемъ славянорусскимъ. Ближайшими сосѣдями ихъ были полочане и кривичи, новгородскіе колонисты, еще въ доисторическое время, по словамъ Бѣляева, поселив-

шіеся на границахъ литовской земли,—полочане на границѣ литовскаго племени съ латышскимъ, въ углу, образуемомъ впаденіемъ рѣчки Лохты въ Западную Двину,—кривичи, занявшіе земли до Нѣмана. Этимъ —то сосѣдямъ Литвы нужно было выполнить великую задачу ассимилировать дикую Литву, дать ей лучшій строй государственной, соціальной и семейной жизни,—словомъ, дать лучшую цивилизацію. Исторія, дѣйствительно, показала, какъ блистательно полочане и кривичи выполнили, назначенную имъ самою природою, задачу. Правда, не вдругъ совершилось дѣло обрусѣнія Литвы: оно началось съ давнихъ поръ и ведено было постепенно, систематически отъ начала, такъ сказать, появленія Литовцевъ на сцену исторической жизни и продолжалось до XV вѣка. Но чѣмъ продолжительнѣе шло обрусѣніе Литвы, тѣмъ тверже установлялись въ ней русскіе элементы, тѣмъ глубже укоренялась тамъ русская народность, пріобрѣтая надъ туземцами то вліяніе, блистательный результатъ котораго мы видимъ въ XIII вѣкѣ. Для насъ важенъ вопросъ: какъ совершилось обрусѣніе Литвы, и какія были тому причины?

Сношенія литовцевъ съ русскими славянами начались гораздо раньше XIII вѣка. Молчаніе нашихъ лѣтописей о древнѣйшихъ сношеніяхъ славянъ съ литовцами еще не даетъ намъ права заключать, что ихъ вовсе не было. Обращаясь къ другимъ памятникамъ исторіи, мы находимъ, что первоначальная связь кривичей и преимущественно полочанъ и новгородцевъ съ Литвою началась чрезъ торговлю раньше XI вѣка, продолжалась чрезъ колонизацію славянъ въ Литву и кончилась занятіемъ литовцами бѣлорусскихъ областей и образованіемъ одного литовско-русскаго государства. По свидѣтельству литовскаго историка Нарбута, литовцы, подобно славянамъ, издавна, еще въ доисторическое время, вели дѣятельную торговлю съ нѣмцами и преимущественно со славянами новгородскими.

Торговля съ славянами тѣмъ болѣе могла развиваться у литовцевъ, что на Руси не было никакихъ задерживающихъ ее постановленій. Нѣмцы, какъ извѣстно, не стыдились эксплуатировать торговлю иноземцовъ, пользуясь ихъ простотою, ихъ необразованностью, а постановленіе о значительныхъ пошлинахъ съ привозимыхъ товаровъ не могло не отталкивать иноземныхъ торговцевъ отъ нихъ. Со всѣмъ другое было на Руси; обманъ считался здѣсь порокомъ и подвергался судебному иску, пошлины здѣсь были самыя незначительныя. Главнѣйшее преимущество торговли съ славянами, сказано въ Жур. Мин. Нар. Просв., состояло, какъ видно, изъ позднѣйшихъ извѣстій въ освобожденіи отъ дани-пошлины.

Завязавши, такимъ образомъ, близкія сношенія съ дикарями, ближайшіе сосѣди этихъ дикихъ литовцевъ—полочане и кривичи, съ дозволенія, конечно, литовцевъ, заводили свои поселенія и, разчищая лѣса,

обработывали поля. Такъ возникли славянскія колоніи въ литовской землѣ. Начало этихъ поселеній теряется въ древности. Бѣляевъ, говоритъ, что еще до призванія сѣверными славянами варяго-русскихъ князей, изъ Полоцка и Смоленска начала распространяться колонизація по всему литовскому краю, придерживаясь теченія рѣкъ, по которымъ, какъ по дорогамъ, устроеннымъ самою природою, полочане и кривичи проникли въ глубь непроходимыхъ лѣсовъ и пущъ литовскихъ.

Особенно густо были разсыпаны колоніи на югъ отъ Виліи до Припети, такъ что литовскій лѣтописецъ Быховецъ прямо называетъ эту мѣстность русскою землею. Причина этому та, что южныя племена лежали гораздо ближе къ владѣніямъ русскихъ, чѣмъ сѣверныя, и слѣдовательно имѣли больше возможности входить съ ними въ торговыя и частныя сдѣлки, знакомиться съ ними и по немногу усвоять русскую цивилизацію. Слѣды древнихъ славянскихъ колоній дошли до насъ, продолжаетъ Бѣляевъ, изъ глубокой древности въ названіяхъ рѣкъ и разныхъ урочищъ чисто славянскихъ и частію одинаковыхъ съ названіями, сохранившимися въ новогородской землѣ и Приднѣпровьѣ. Таковы названія рѣкъ въ литовской и жмудской землѣ чисто славянскія: Вилія, Святая, Невѣжа, Дубисса, Ора, Русь, Западная Двина (Сѣверная Двина есть въ Новгородской землѣ), Дисна (Десна въ сѣверской землѣ, теперь въ Орловской губерніи), Наревъ или Наровъ въ землѣ ятвяговъ имѣетъ одноименную себѣ Нарову въ новгородской землѣ, Пултускъ на рѣкѣ Наревѣ напоминаетъ Полоцкъ. Равнымъ образомъ въ нынѣшнихъ Виленской, Минской и Гродненской губерніяхъ, есть нѣсколько урочищъ, напоминающихъ Смоленскъ или Смольнякъ. Таковы: Смоленскъ въ Ошмянскомъ уѣздѣ, Смоленица—въ Гродненской губерніи, далѣе—Смолянки, Смолевичи и т. под. Мѣстечко Кривичи въ Вилейскомъ уѣздѣ и Крево—въ Ошмянскомъ прямо указываютъ на колоніи изъ Смоленска; Тверь—въ Ковенской губерніи, въ глубинѣ Жмудской земли, напоминаетъ Тверь въ новгородской области. Вообще литовская земля представляетъ множество разныхъ названій урочищамъ, совершенно одинаковыхъ съ названіями урочищъ въ полоцкой, смоленской и новгородской областяхъ. Колонизація, начавшаяся въ доисторическое время въ литовскую землю изъ Полоцка и Смоленска, продолжалась и на памяти исторіи, по призваніи князей, на что указываютъ названія нѣкоторыхъ мѣстностей. Крайній притокъ Нѣмана, напримѣръ, съ правой стороны, лежащій въ глубинѣ жмудской земли, носитъ названіе Руси, что показываетъ, что полочане пришли сюда уже тогда, когда сами стали называться русскими; точно также назвали Россой или Русью другой притокъ Нѣмана съ правой стороны въ землѣ ятвяговъ.

Въ XI и началѣ XII вѣка славянская колонизація въ Литву должна была увеличиваться по мѣрѣ завоеваній тамъ русскихъ князей. Изъ

лѣтописи мы знаемъ, что Русское государство, при самомъ, такъ сказать, началѣ своего существованія, уже владѣло частію Литвы. Древнѣйшій лѣтописецъ нашъ Несторъ зналъ о Неромѣ,—одной изъ литовскихъ областей, лежавшей на югъ отъ лѣваго берега Виліи, которая платила дань варяго-русскимъ князьямъ въ IX вѣкѣ, слѣдовательно скоро послѣ призванія князей. Преемники Рюрика, обративъ вниманіе на восточныхъ и южныхъ сосѣдей, упустили изъ виду бѣдную Литву. Въ 1040 году, Ярославъ великій возобновилъ вліяніе на Литву. Въ лѣтописи Длугоша говорится, что Ярославъ ходилъ на Литву, побѣдилъ ее и взялъ дань лыками и вѣниками. Но о какихъ литовцахъ говоритъ здѣсь лѣтописецъ, — это трудно опредѣлить съ точностью. Изъ прежде сказаннаго мы знаемъ, что полоцкія колоніи особенно густо разсыпаны были по Нѣману и его притокамъ, по Западной Двинѣ и ея притокамъ, такъ что походъ въ этотъ край невозможенъ былъ для Ярослава безъ борьбы съ Полоцкомъ. Бѣляевъ говоритъ, что этотъ походъ направленъ былъ на южныя литовскія племена, ближе къ Припети: по сосѣдству съ Волынью и древлянскою землею, еще не колонизованныя изъ Полоцка и совершенно дикія и часто, подобно ятвягамъ, безпокоившія Волынь и древлянскую землю. Это, продолжаетъ онъ, подтверждается названіями урочищъ на лѣвомъ берегу Припети, свидѣтельствующими о болѣе позднемъ поселеніи здѣсь русскихъ, — именно въ концѣ XI или началѣ XII вѣка. Впрочемъ, въ какую бы часть Литвы ни былъ предпринятъ походъ Ярославомъ,—для насъ важны тѣ распоряженія, которыя сдѣланы были имъ въ новоприобрѣтенной странѣ. По свидѣтельству Нарбута и Длугоша, Ярославъ поручилъ управленіе завоеванною областію своему намѣстнику, построилъ во многихъ мѣстахъ крѣпости, и основавъ такимъ образомъ русско-литовскую волость, оставилъ въ ней для сохраненія порядка русское войско. Мало этого, для большаго развитія здѣсь русскаго элемента, изъ ближайшаго княжества пинскаго, переселено было нѣсколько семействъ въ покоренную страну; здѣсь же поселились семейства славянъ составлявшихъ гарнизонъ. Владычество русскихъ, по словамъ нашего исторіографа, продолжалось полтораста лѣтъ, а отъ этого произошло то, что берегъ Виліи мало по малу началъ знакомиться съ русскою жизнію, съ русскою цивилизаціею, и чрезъ полтораста лѣтъ почти совершенно обрусѣлъ, такъ что, когда литовцы вытѣснили оттуда русскихъ, они нашли тамъ вмѣсто Литвы, почти чистую Русь.

Кромѣ того, на увеличеніе славяно-русскихъ колоній въ Литвѣ большое вліяніе имѣлъ обычай древній—продовать плѣнниковъ. Изъ исторіи извѣстно, что побѣдители пользовались правомъ продажи плѣнныхъ въ мѣста, часто очень отдаленныя. Такъ, мы знаемъ, поступали князья владимірскіе, такъ поступали новгородцы послѣ побѣды надъ соединенными силами Андрея Боголюбскаго въ 1170 г. Обычай этотъ терпется

въ древности. И до принятія христіанства славяне торговали невольниками, на что указываетъ Святославъ Игоревичъ, когда говоритъ, восхваляя прелесть жизни въ Переяславѣ, „Россіяне шлютъ туда мѣха, воскъ, медъ и невольниковъ". Христіанство на первыхъ порахъ не могло остановить этого варварскаго обычая; онъ и послѣ продолжался. Торговлею плѣнныхъ, подобно прочимъ славянамъ, занимались и полочане, — по крайней мѣрѣ это положительно извѣстно о Всеславѣ Брячиславичѣ и сынѣ его Глѣбѣ Минскомъ. Не оправдывая политики полоцкихъ князей, мы не можемъ, однакожъ, не признать того, что дѣйствія ихъ, часто жестокія и безчеловѣчныя, имѣли громадное значеніе въ дѣлѣ обрусѣнія Литвы. Дѣлаясь рабами купившихъ, плѣнники вносили свою народность, такъ сказать, въ центръ литовской жизни— въ семью. Колонизуя литовскую землю, славяне не думали господствовать надъ дикими туземцами, не думали насильно, подобно (въ послѣдствіи) нѣмцамъ, навязывать своей цивилизаціи. Они относились къ нимъ мирно, дѣйствуя, или какъ простые торговцы, или какъ мирные хлѣбопашцы. До половины XII вѣка мы не видимъ, чтобы Литва выражала чѣмъ нибудь свое недовольство на бѣлорусское племя, тогда какъ нѣмцы, съ первымъ же появленіемъ въ прибалтійскомъ прибрежьѣ, начали испытывать страшную ненависть туземцевъ, особенно литовцевъ. Къ мѣрамъ строгости славяне прибѣгали въ крайнемъ случаѣ, и то противъ ятвяговъ, — племени одинаково ненавистнаго славянамъ и самимъ литовцамъ за разбои и грабежи. Полочане не вмѣшивались во внутреннее устройство Литвы, въ ихъ обычаи, въ ихъ религію, желая одного союза и взаимной помощи. Но тѣмъ не менѣе сами литовцы, видя превосходство, обычаевъ и религіи колонизаторовъ, незамѣтно усвоили ихъ себѣ, роднились съ ними и какъ бы русѣли по мѣрѣ того, какъ увеличивались между ними колоніи полочанъ, — такъ что болѣе чистый типъ литовскаго племени сохранился только на сѣверъ отъ Виліи, въ землѣ жмудиновъ, гдѣ еще слаба была полоцкая колонизація. Справедливость этого вывода подтверждается многими свидѣтельствами писателей-истриковъ, говорившихъ о нравахъ и обычаяхъ литовцевъ, на которыхъ нельзя невидѣть отраженія руссицизма.

Такъ литовцы, подобно славянамъ, раздѣляли дни на счастливые и несчастные, подобно славянамъ. считали нехорошимъ признакомъ встрѣчу съ зайцемъ и лисицею. Гаданья у литовцевъ были тѣ же самыя, что и у славянъ: дѣвицы лили воскъ, перекидывали черезъ заборъ башмакъ или лапоть, боялись глаза; по литовскимъ селеніямъ бродили гадальщики и гадальщицы, пользуясь почетомъ въ народѣ. Гостепріимство у литовцевъ, такъ же какъ и у русскихъ, считалось дѣломъ священнымъ, кто бы ни былъ гость,—землякъ ли, или чужеземецъ. Если гость входилъ въ домъ литвина, то хозяйка приносила ему воду омыть ноги, и послѣ начиналось угощеніе; хозяинъ, хозяйка, сыновья

и дочери — всѣ пили во здравіе гостя, и онъ долженъ былъ пить съ каждымъ. Если бы въ домѣ гость былъ обиженъ, то хозяинъ не могъ приносить оправданія; если же посторонній обидѣлъ гостя, хозяинъ мстилъ ему, какъ за своего семьянина. Иностранный купецъ считался въ Литвѣ лицемъ не прикосновеннымъ. Всѣ эти обычаи, указывающіе на достаточно-развитое нравственное чувство, не могли, конечно, быть дѣломъ случайнымъ или родиться въ странѣ погруженной въ самое грубое невѣжество; они плодъ нравственнаго вліянія на Литву русскихъ. Ятвяги, одна изъ отраслей литовскаго племени, гдѣ не производилась торговля и гдѣ, слѣдовательно, не было русскихъ колоній, гдѣ жители руководствовались преданіями своей старины, никогда не отличались мирнымъ направленіемъ; какими явились они на сцену исторической жизни, такими же и сошли съ нея въ XIII вѣкѣ. Далѣе, изъ Нарбута мы знаемъ, что литовская земля знакома была съ „Русскою Правдою“ и отчасти управлялась по образцу новгородской и смоленской областей.

Описывая законы Литвы, онъ говоритъ: всѣ преступленія наказывались равнымъ возмездіемъ: за смерть смертію, за рану раною, за убитыхъ мстили ближайшіе родственники. Но если убійца убѣгалъ въ мѣста, посвященныя богамъ, то былъ свободенъ отъ мести. Дѣла спорныя рѣшались голосами 60 добросовѣстныхъ мужей, которые назывались копниками (копа значитъ 60)

Многія мѣстности говоритъ Бѣляевъ, въ Минской и частію въ Виленской губерніяхъ, назывались погостами по обычаю Новгорода и Смоленска. Всѣ эти законы были освящены временемъ, хранились въ преданіи и были каждому извѣстны по своему дѣйствію. Наконецъ, доказательствомъ того же вліянія могутъ служить всѣ изысканія ученыхъ, по которымъ литовцы признаются отраслью славянскаго племени. Историки изыскатели: Рюсъ, Малтъ-Брюнъ, Арндъ, Антонъ и Ватсонъ причисляютъ литовцевъ къ славянамъ на томъ основаніи, что ихъ языкъ и нравы похожи на языкъ и нравы славянъ. По тщательномъ изслѣдованіи состава литовскаго языка, Ватсонъ нашелъ въ немъ двѣ трети словъ славянскихъ, а Шафарикъ полагаетъ, что народы литовскій и славянскій въ предъисторическое время составляли двѣ отрасли одного племени. Намъ ясно покажется несостоятельность этихъ воззрѣній, если мы допустимъ, вмѣстѣ съ Бѣляевымъ древность вліянія славянъ на Литву. Литовскій языкъ, съ пришествіемъ туда славянъ, терялъ по немногу свою первобытность, воспринимая въ свой составъ слова болѣе благозвучныя, болѣ соотвѣтствующія понитіямъ. Неудивительно послѣ этого, если изыскатели нашли въ литовскомъ языкѣ двѣ трети словъ славянскихъ и на этомъ основаніи отняли у литовцевъ самостоятельность. Мнѣніе это подтверждаетъ намъ и ученый Соловьевъ въ очеркахъ исторіи Малороссіи.

И такъ мы не ошибемся, если скажемъ, что въ половинѣ XII вѣка русскій элементъ достаточно заявилъ себя въ литовскомъ мірѣ, отразившись на правахъ и обычаяхъ, языкѣ и законахъ литвиновъ; но дѣло обрусѣнія Литвы этимъ не ограничилось: оно продолжалось и послѣ-продолжалось тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ благопріятнѣе были обстоятельства.

Мы уже знаемъ, что до половины XII вѣка русскія силы, а съ ними и русская цивилизація подвигались въ Литву, занимали тамъ мѣста, заводили колоніи и, вращаясь въ средѣ туземцевъ грубыхъ и дикихъ, знакомили ихъ съ болѣе лучшею цивилизаціею; съ половины же XIII вѣка, на оборотъ, Литва подвигается къ русскимъ предѣламъ, овладѣваетъ родными русскими городами, селится среди русскихъ и, смѣшавшись такимъ образомъ съ русскимъ элементомъ, вполнѣ усвоиваетъ русскую цивилизацію и образуетъ литовско-русское княжество на началахъ чисто русскихъ. Причины такого переворота заключались съ одной стороны въ религіозномъ культѣ литовцевъ, подавлявшемъ самостоятельныя дѣйствія князей и тѣмъ заставлявшемъ ихъ удаляться отъ этого давленія; съ другой—въ напорѣ, производимомъ поселившимися у балтійскаго прибрежья рыцарскими нѣмецкими орденами—тевтонскимъ и ливонскимъ или меченосцевъ.

Съ этого времени начинается безпрерывная борьба орденовъ съ окрестными народами, въ особенности съ литовцами, стремленія которыхъ къ централизаціи представлялись имъ слишкомъ опасными. Но чтобы видѣть направленіе Литвы и оцѣнить его прочность, для этого нужно было бы нѣмцамъ прежде всего присмотрѣться къ внутреннему складу (древней) языческой Литвы и опредѣлить, какому вліянію его особенности легче всего могли подчиниться. Литовская мифологія, говоритъ М. О. Кояловичъ, носитъ на себя слѣды глубокой древности и уединенности литовскаго народа, Она совмѣщаетъ въ себѣ идеализацію и роскошь азіятскаго мифа съ выработанностію и законченностію греко-римскаго.

Это была строго выроботанная система, которой нельзя было разрушить строгими фанатическими мѣрами безъ того, чтобы не вызвать со стороны ея послѣдывателей ненависти и отчаяннаго сопротивленія. Гораздо проще эту систему вѣрованій можно было разрушить непритязательнымъ, незамѣтнымъ, медленнымъ вліяніемъ на нее. А такое вліяніе именно и производили русскіе западной Россіи. Русскіе жили между литовцами, какъ мы замѣтили, безъ притязанія разрушить ихъ систему вѣрованія и пересоздать ее въ христіанство. Съ своей стороны, Литовцы легко поддавались этому вліянію; потому что оно не угрожало гибелью ихъ государственности. И такъ, вотъ почему литовцы, тѣснимые съ двухъ сторонъ, и отъ Пруссіи и отъ Ливоніи, вступили съ нѣмцами въ борьбу на жизнь и смерть, защищая и свою вѣру,

и свою самостоятельность. Но не по силамъ была литовцамъ эта борьба; средства орденовъ были не истощимы. По призыву гроссмейстеровъ и благословенію папъ, къ нимъ отовсюду стекались ревностные крестоносцы, спѣшившіе провопролитіемъ и истребленіемъ язычниковъ проложить себѣ путь къ царству небесному; на ихъ сторонѣ притомъ было превосходство вооруженія. По необходимости литовцамъ приходилось оставлять свои завѣтные лѣса и подвигаться впередъ—на свой верхнелитовскій и затѣмъ западно-русскій народъ.

Но всѣ эти походы были нечто иное, какъ проявленіе силы проснувшагося народа, какъ сознаніе того, что онъ окрѣпъ духомъ и можетъ бороться съ сильными городами и князьями; враждебнаго же, въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно понимаютъ ихъ наши лѣтописцы, въ нихъ не было ничего; наши лѣтописцы видѣли въ литовцахъ только поганыхъ язычниковъ, дикарей; но не хотѣли замѣтить того, что эти поганые на половину почти были русскими, что походы ихъ ничѣмъ не отличались отъ походовъ русскихъ князей; религія и народность русскія отъ нихъ не страдали; литовцы приходили, такъ сказать, знакомиться со всею Русью, чтобы тѣмъ съ большею силою предаться ей, усвоивъ ея языкъ, ея религію, ея нравы и обычаи, словомъ ея цивилизацію. Что это такъ, доказательствомъ можетъ служить съ одной стороны то, что многіе походы предпринимались съ полочанами и другими русскими князьями (такъ въ 1222 литовцы помогали Даніилу отразить Андрея Венгерскаго съ поляками; въ 1232 г. Литва и полочане посадили на смоленскій столъ Святослава Мстиславича; въ 1258 г. Литва и полочане снова ходили на Смоленскъ, (при чемъ взята на щитъ Воищина), а на обратномъ пути разграбили—Торжекъ); съ другой—тѣсный союзъ съ галицко-волынскимъ княжествомъ. Въ Волынской лѣтописи мы находимъ извѣстіе о посольствѣ литовскихъ князей ко вдовѣ Романа и ея дѣтямъ, для заключенія мирнаго договора. „Въ лѣто 6723 Божіимъ повелѣніемъ, прислаша князи литовскіи къ великой княгини Романовѣ, и Данилови и Василькови, миръ дающи. Бяху же имена Литовскихъ князей: се старшіе: Живинъбудъ, Давъятъ, Давъспрункъ, братъ его Мидогъ братъ Давъятовъ Всешкаилъ; а Жемойьскыи князи: Ерьдивилъ, Выкинтъ; а Рушьковичевъ: Контибутъ, Вонибутъ, Бутовилъ, Вижѣлкъ и сынъ его Вишлій, Китеній, Плиносова; а се Булевичи: Вишимутъ, его же уби Миндовгъ и жену ею поялъ и братью его побилъ: Едивила, Спрудѣйка; а се князи изъ Дяволтвы: Юдька, Пукѣикъ, Бикша Ликшкъ. Си же вси миръ даша князю Данилови и Василькy и бѣ земля покойна". Это извѣстіе лучшимъ образомъ доказываетъ отношеніе литовцевъ къ русскимъ въ первой половинѣ XIII вѣка, не часть, не одно или два племени сочувствуютъ русской народности, а вся Литва стремится къ Руси, ищетъ въ ней, какъ бы, нѣкоторой опоры. Войны и разбойническіе набѣги, какъ они не были

часты, не могли поколебать вѣками сложившихся отношеній. Потому-то и занятіе литовцами части полоцкихъ владѣній не измѣнило внутренняго содержанія сихъ послѣднихъ. Владѣнія эти по прежнему оставались русскими съ тѣмъ только различіемъ, что вмѣсто измельчавшихъ потомковъ Всеслава, явились сильные природные князья литовскіе. Такимъ образомъ, въ половинѣ XIII вѣка русская цивилизація глубоко проникла въ Литву; князья и народъ какъ бы невольно стремятся къ Руси, вступаютъ въ союзы съ Русью, роднятся съ нею и идутъ противъ общихъ враговъ, отстаивая одни интересы. Для полнаго, такъ сказать, окончательнаго торжества русской цивилизаціи въ Литвѣ не доставало только всецѣлаго занятія литовцами полоцкихъ и кривскихъ владѣній. Это совершилось въ первой половинѣ XIII вѣка. Въ XIII ст. надъ русскою землею стряслось страшное несчастіе: въ 1238 году Русь встрѣтила на берегахъ Сити новыхъ враговъ, дикихъ видомъ, свирѣпыхъ нравомъ—татаръ. Не выдержала Русь грознаго напора страшной бури; силы ея и безъ того надломленныя безпрерывными внутренними неурядицами, дрогнули; въ два похода Татары покорили Русь. Правленіе Миндовга можно считать эпохою самаго дѣятельнаго развитія русскаго элемента въ Литвѣ. Занимая русскія области, онъ тѣмъ самимъ вводилъ Литву въ непосредственную связь съ Русью, знакомилъ ее съ русскою рѣчью, съ русскими нравами и обычаями и съ русскимъ судопроизводствомъ, и дозволеніемъ Руси западной свободно отправлять религіозные обряды, онъ знакомилъ Литву и съ русскою православною вѣрою. Историкъ литовскаго народа Нарбутъ говоритъ: отъ самаго начала власти великихъ литовскихъ князей надъ землями русскими, не смотря на большую разность вѣры, никогда не было нетерпимости христіанства; напротивъ, князья, уважая нравы, языкъ и обычаи покоренныхъ народовъ, сами заимствовали отъ нихъ, что признавали лучшимъ; поэтому православная вѣра, путемъ кроткаго убѣжденія въ святыхъ истинахъ, распространялась въ Литвѣ прежде, нежели правительство думало принимать къ тому мѣры. Православные русины и язычники—литовцы имѣли одно общее отечество и одного государя; засѣдали на одной скамьѣ и вмѣстѣ рядили объ общей пользѣ; вмѣстѣ шли на бой и кости свои слагали въ одну могилу. При такомъ положеніи дѣлъ неудивительно, если племянники Миндовга: Арвидъ или Довмонтъ и Товтивилъ, управлявшіе Полоцкомъ, Витебскомъ и Смоленскомъ, въ качествѣ великo-княжескихъ намѣстниковъ, приняли православную вѣру и сдѣлались ревностными защитниками ея въ своемъ отечествѣ; если сынъ Тройната Роумонтовича Римунтъ, по принятіи православія сдѣлался монахомъ подъ именемъ Елисея (послѣ онъ былъ архимандритомъ въ лаврѣ св. Иліи близъ Новогрудка, въ нынѣшнемъ Лавришевѣ). Примѣру племянниковъ и внука Миндовга скоро послѣдовали братья Тройдена—Наримунтъ, Гольша, Гедрусъ и др. и множество лицъ литов-

скихъ княжескихъ фамилій. Самое семейство Миндовга не устояло противъ вліянія русскаго элемента и явно склонилось на сторону Руси. Такъ, дочь Миндовга выходитъ въ замужество за Шварна Даниловича, сынъ Войшелкъ принимаетъ православіе и монашество, самъ Миндовгъ крестится по восточному обряду. Вотъ какъ говоритъ о распространеніи русской цивилизаціи въ Литвѣ. по завоеваніи литовцами полоцкой и смоленской земель, польскій историкъ Ярошевичъ: „кромѣ торговли, которая издавна сближая оба народа, ознакомила литовцевъ съ русскимъ языкомъ, кромѣ религіи восточнаго исповѣданія, которая, подъ покровительствомъ княжескихъ женъ, по большей части, русскаго происхожденія, отъ начала XIII ст. дѣлая въ Литвѣ значительные успѣхи посредствомъ духовныхъ лицъ и славянской литургіи, освоивала литовцевъ со всѣми русскими,—еще болѣе содѣйствовали тому политическія сношенія Литвы съ болѣе населенной и гораздо образованнѣйшей Русью. Еще прежде завоеваній, литовцы начали вмѣшиваться въ дѣла русскихъ князей и городовъ; завоеванія же эти еще болѣе соединили ихъ съ русскимъ народомъ. Вслѣдствіе этого многіе изъ нихъ, проживая долго между русскими, наблюдали ихъ нравы и обычаи, старались приноравливаться къ ихъ образу жизни, учились ихъ языку, принимали крещеніе и православное исповѣданіе и входили въ родственныя связи съ русскимъ народомъ. Такимъ путемъ не только высшая тогдашняя цивилизація могла, не въ одномъ отношеніи, имѣть вліяніе на Литву, но и русскій языкъ, въ особенности въ высшемъ классѣ жителей получилъ впослѣдствіи преимущество передъ отечественнымъ до такой степени, что сдѣлался наконецъ языкомъ двора и судебныхъ мѣстъ. Вмѣстѣ съ языкомъ, сдѣлались общеупотребительными и письмена русскія. А потому, при такомъ перевѣсѣ руссицизма, неудивительно, что самыя древнія уложенія, а потомъ всѣ три статута литовскіе, многія княжескія привилегіи и лѣтописи составлены были только на русскомъ языкѣ, и что до сихъ поръ не найдено ни малѣйшей частной сдѣлки, написанной по литовски *). Этотъ ясный и убѣдительный выводъ, совершенно согласный съ фактами, представляетъ въ полномъ свѣтѣ отношенія, въ какихъ находились оба народа, по завоеваніи Литвою Бѣлоруссіи, показываетъ, что были русскіе для литовцевъ и что литовцы для русскихъ. Понятно, что при такихъ отношеніяхъ между двумя народностями и при томъ успѣхѣ, который сдѣлала въ Литвѣ русская цивилизація, всякая другая цивилизація не могла имѣть никакого успѣха въ Литвѣ, какія бы средства она ни упо-

*) Въ теченіи двадцатилѣтнихъ трудовъ Виленской Археографической Коммисіи удалось найти одинъ только документъ въ актовыхъ книгахъ на языкѣ литовскомъ,—это присягу скотницы, которая должна была явиться на судъ въ качествѣ свидѣтельницы и, по незнанію другихъ языковъ, присягать на языкѣ литовскомъ. *(Прим. издателя).*

требляла для своего проникновенія туда; противорѣча вѣками сложившимся отношеніямъ между русскими и литовцами, противорѣча коренной основѣ литовскаго строя, она только могла вызвать упорное и отчаянное сопротивленіе. Это же сопротивленіе особенно повторилось въ Миндовгѣ послѣ того, какъ необходимость заставила его въ 1251 году, измѣнить православію и принять латинство. Накинутое насиліемъ, латинство принято было по необходимости и отвергнуто при первомъ удобномъ случаѣ. Въ 1260 году Миндовгъ отказывается отъ латинства и рядомъ побѣдъ надъ нѣмцами доказываетъ, что принятіе имъ латинства есть дѣло не убѣжденія, а политическая случайность.

Смерть Миндовга убитаго въ 1263 году, нальщанскимъ княземъ Довмонтомъ въ союзѣ съ Тренятою остановила успѣхи его въ борьбѣ съ нѣмцами, но не измѣнила отношеній между Русью и Литвою, хотя княземъ Литвы сдѣлался убійца, отступникъ православія Тренята. Русская цивилизація слишкомъ глубоко проникла въ Литву; никакіе перевороты не въ состояніи были поколебать ея, или дать какое нибудь другое направленіе. Бѣлоруссія и Литва управлялись одними законами и преслѣдовали одни интересы, какъ это видно изъ двухъ, дошедшихъ до насъ, договорныхъ грамотъ полоцкихъ князей—литвина Герденя въ 1264 году и русскаго князя Изяслава въ 1265 году съ Ригою о неприкосновенности полоцкихъ владѣній въ Ливоніи и свободной торговлѣ. Къ тому же Тренята не долго пользовался плодами своего злодѣйства; на другой же годъ въ 1264 г., онъ былъ убитъ своими приближенными, престолъ занялъ сынъ Миндовга, знаменитый Воишелкъ.

Личность Войшелка принадлежитъ къ самымъ свѣтлымъ дѣятелямъ литовско-русскаго княжества. Онъ не только тѣснѣе сплотилъ Литву съ Русью, но прямо и непосредственно содѣйствовалъ распространенію въ Литвѣ всего русскаго.

Сдѣлавшись великимъ княземъ, онъ рѣшился установить общею ту вѣру, которую исповѣдывалъ самъ. Съ этою цѣлью, по свидѣтельству лѣтописцевъ, онъ входилъ въ 1265 году въ сношеніе съ новогродскимъ княземъ Святославомъ Ярославичемъ, который обѣщалъ прислать въ Литву священниковъ изъ Пскова, такъ какъ они болѣе другихъ были знакомы съ языкомъ и обычаями литовцевъ. Но къ этому времени обстоятельства такъ сложились, что уже не одинъ духовный—русскій могъ зайти въ Литву и подъ покровительствомъ князя проповѣдывать слово Божіе. Этихъ проповѣдниковъ могла доставить Русь не только Литовская, но и отдаленнѣйшая, привлекаемая безопаснымъ убѣжищемъ отъ насилія свирѣпыхъ татаръ. Этой же цѣли могли служить, наконецъ, литовскіе эмигранты, крестившіеся на Руси и снова возвращавшіеся на родину; а такихъ эмигрантовъ было очень много. Лѣтопись говоритъ, что по занятіи Воишелкомъ престола, триста литвиновъ, съ женами и дѣтьми, спасаясь отъ свирѣпаго князя, бѣжали въ Псковъ,

гдѣ и приняли крещеніе. „Литва триста мужъ съ женами и дѣтьми вбегоша въ Псковъ и крести я князь Святославъ съ попы Пльсковскими". Въ слѣдующемъ—1266 г. послѣдовала новая эмиграція. Довмонтъ, убійца Миндовга, бѣжалъ также въ Псковъ, со всѣмъ домомъ и дружиною: „въ Л. 6774 блаженный же князь Довмонтъ съ дружиною своею со всѣмъ домомъ своимъ, остави отечество свое, землю литовскую, и пріѣха въ Псковъ, крестися. Сей же князь отъ рода Литовскаго бысть, первѣе имѣя къ идоламъ служеніе по отчи преданію; когда же Богъ восхотѣ избрати себѣ люди новы, и вдохну въ онь благодать Святаго духа, и взъбну, яко отъ сна отъ идольскаго служенія, и крещенъ бысть въ церкви Святой Троицы и нареченно бысть имя ему Тимоѳей, и бысть радость велика". Весьма вѣроятно, что многіе изъ этихъ эмигрантовъ по смерти Войшелка, возвратились въ свое отечество и сдѣлались проповѣдниками новой религіи.

Нельзя не видѣть въ этой эмиграціи новаго доказательства непосредственно близкой связи, какая установилась между двумя народностями въ XIII вѣкѣ. Ни Литва, ни Русь, не считаютъ себя чужими, иноплеменниками и при всякомъ домашнемъ нестроеніи оказываютъ другъ другу помощь и покровительство. Взглядъ Руси на Литву, какъ на очень близкое племя, высказался въ лицѣ Псковичей, давшихъ Довмонту не только безопасность, но и княжескій столъ; а жизнь и дѣятельность Довмонта какъ нельзя лучше подтвердила безошибочность этого взгляда. Въ жизни его мы не находимъ ни одной черты, которая бы свидѣтельствовала о литовскомъ его происхожденіи; онъ является чисто русскимъ человѣкомъ, съ русскимъ складомъ мысли, съ русскими замашками—широкими, отважными. Наконецъ самое лучшее доказательство тѣсной связи Литвы съ Русью въ XIII вѣкѣ представляетъ поступокъ Войшелка, отдавшаго великокняжескій литовскій столъ, конечно не безъ согласія народа, Шварну Даниловичу Галицкому, хотя въ Литвѣ находились владѣтельные литвины,—какъ то: Свинторогъ, сынъ его Гермундъ, внуки Гилигинъ, Трабусъ и друг. Это первое соединеніе Литвы съ Русью не могло быть плодомъ дальновидной политики; оно не представляло никакихъ политическихъ выгодъ Литвѣ; потому что владѣнія Шварна были слишкомъ недостаточны для того, чтобы на присоединеніи ихъ основывать слишкомъ большія надежды. Не было это и плодомъ родственной связи, потому что въ избраніи князя участвовала и народная сила, которая едва ли бы рѣшилась признать своимъ княземъ иноплеменника въ полномъ смыслѣ этого слова. Скорѣе этотъ выборъ есть выраженіе полнаго и всецѣлаго сочувствія Литовцевъ къ Руси, подготовленнаго вѣками,—сочувствія подобнаго тому, которое выразили псковичи по отношенію къ Довмонту. Шварнъ былъ принятъ Литвою безъ смутъ, тихо, какъ ея соотечественникъ. Слѣдующіе за Шварномъ государи Литвы—Тройденъ, 1270—1282, и Витенъ до 1315,

жили въ мирѣ и согласіи съ русскими. „Самъ Витенъ, говоритъ
ляевъ, воспитанный въ русскихъ обычаяхъ, не зналъ другой ж
кромѣ русской и, окруженный съ малолѣтства русскими и обрусѣвш
литовцами, жилъ въ мирѣ и согласіи со всѣми русскими князя
Границы литовско-русскихъ владѣній оставались старыя, разные го
и области, какъ древне-русскіе, такъ и литовскіе управлялись св
князьями или русскими изъ Всеславова потомства и даже изъ дру
русскихъ родовъ (такъ Волковыскъ отданъ былъ Мстиславу Вла
ровичу, князю волынскому); литовскіе князья одни принимали кр
ніе и строили церкви, другіе оставались въ язычествѣ; бояре и на
также состояли и изъ православныхъ христіанъ и изъ язычниковъ
товцевъ, латинства же не терпѣли, какъ враждебнаго и русск
литовской народности. Русскіе и литовцы жили какъ одинъ нар
какъ братья одной семьи; господствующимъ языкомъ былъ русскій,
употреблялся и при дворѣ, и въ дѣлахъ управленія; всѣ образова
литвины говорили и писали по русски, порядки и законы были рус
И вся эта страна, начиная отъ крайнихъ восточныхъ границъ до н
нихъ западныхъ, отъ верховьевъ Двины до устьевъ Нѣмаиа, и
границъ Ливоніи до Припети, представляла старую русскую зе
занятую колоніями полочанъ и кривичей, съ старыми заселеніями
виновъ и съ тою только разницею, что теперь и колонизаторы сра
лись съ старожилами—Литвою и Жмудью. что теперь Литва и Ж
перестали быть дикарями и окончательно приняли русскую цивилиза
поселившись среди ея городовъ". Этотъ, вполнѣ справедливый
вершенно безпристрастный взглядъ нашего ученаго на состояніе Л
по занятіи ею русскихъ владѣній подтверждается свидѣтельст
другихъ ученыхъ, не принадлежащихъ къ русской націи. Такъ, о
изъ совершенныхъ польскихъ писателей, І. Крашевскій говорит
своей исторіи Литвы: «давнымъ давно русскій языкъ вошелъ въ
требленіе въ здѣшней странѣ (т. е. въ Литвѣ) и получилъ первен
предъ литовскимъ. Въ XIII вѣкѣ русскій языкъ былъ въ обш
употребленіи на Литвѣ; потому что на немъ удобнѣе было вездѣ об
няться; потому что онъ былъ языкомъ письменнымъ и господствующ
Языкъ латинскій и нѣмецкій были употребляемы только въ диплом
ческихъ сношеніяхъ, но русскій имѣлъ предъ ними преимуще
вслѣдствіе обширности русскихъ владѣній. Родственныя связи ч
супружества, договоры, распространеніе вѣры, по греческому об
усвоивали болѣе и болѣе употребленіе этого языка. Русскій я
былъ языкомъ современной жизни, тогда какъ литовскій былъ на
діемъ давно минувшаго. Неудобоприменимый къ новымъ потребност
онъ долженъ былъ уступить мѣсто лучше приспособленному я
русскому;—языкъ умершаго міра долженъ былъ покориться живому
ку живыхъ. Величіе вѣры христіанской, провозглашенной этимъ

комъ, имѣло самое сильное вліяніе. Князья Литовскіе стали русскими, за ними послѣдовали дворъ и народъ». Ученый авторъ исторіи польской литературы Михаилъ Вишневскій пишетъ: «всѣ литовскіе лѣтописи по-русски, руническихъ же лѣтописей или писанныхъ по литовски вовсе не существовало, когда ихъ не отыскалъ даже Матвѣй Стрыйковскій. Литва приняла языкъ болѣе цивилизованной Руси; при дворѣ, въ законодательствахъ, въ дипломатіи — русскій языкъ былъ господствующимъ». Тоже самое говорятъ Ал. Мацѣевскій и Ѳад. Чацкій. Этихъ свидѣтельствъ болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы вполнѣ убѣдиться въ близкомъ и непосредственномъ вліяніи русской цивилизаціи на дикую и грубую Литву,—вліяніи, начавшемся съ давнихъ поръ чрезъ торговлю и колонизацію, продолжавшемся слитіемъ двухъ народностей въ одно сильное и могущественное государство Литовско-русское.

И такъ, основываясь на историческихъ свидѣтельствахъ, мы приходимъ къ заключенію, что торговля Руси съ Литвою, вызвавшая колонизацію въ литовскую землю, завоеваніе литовцами русскихъ областей и поселеніе въ нихъ, произвели то громадное вліяніе на Литву, результаты котораго мы видѣли особенно въ послѣдней половинѣ XIII вѣка. Князья, сановники и народъ говорили и писали по русски; русскій языкъ былъ языкомъ законодательнымъ,—и „если бы этотъ порядокъ могъ еще продолжаться, замѣчаетъ упомянутый нами польскій писатель Ярошевичъ, то Литва, усвоивъ себѣ русскій языкъ, русскіе обычаи, отчасти русскіе законы, принявъ русскую вѣру съ духовною властію русской церкви, и чрезъ родственныя связи князей входя болѣе и болѣе въ тѣснѣйшій союзъ съ князьями русскими, народность свою языческо-литовскую современемъ замѣнила бы народностію христіанско-русскою". Имѣя это въ виду, намъ ясною покажется послѣдующая политика русскихъ и литовско-русскихъ государей. Всѣ русскіе государи отъ Іоанна Калиты до Петра Великаго и Екатерины II-ой ясно, при всякомъ удобномъ случаѣ, выражали ту мысль, что Литовское княжество есть родовая ихъ отчина, пріобрѣтенная многолѣтнимъ кровавымъ трудомъ отцевъ и дѣдовъ ихъ, и потому никогда не заключали вѣчнаго мира съ Польшею (кромѣ Михаила Ѳедоровича) подъ вліяніе которой случайно подпала Литва. Это же постоянно сознавала и самая Литовско-русская народность, неоднократно предлагавшая корону русскимъ князьямъ. Борьбу Руси съ Литвою до конца XVI ст. мы не иначе можемъ представить, какъ распрею домашнею, семейною; князья спорили не по личному честолюбію, а вслѣдствіе неизбѣжной необходимости—сплотить русскую народность въ одно цѣлое неразрывное государство.

О разселеніи племенъ Западнаго края Россіи*)

Кояловича.

Я намѣренъ, мм. гг., говорить о племенахъ Западно Россіи, по поводу недавно изданнаго на Французскомъ язык г. Эркертомъ этнографическаго атласа, котораго заглавіе, есл перевести его по Русски, таково: этнографическій атласъ областей населенныхъ сплошь или отчасти Поляками (Atlas etnographiqu des provinces, habitées en totalité, ou en partiè par le Polonais).

Въ области этнографіи—я человѣкъ, только что начинающій тру диться. На этомъ поприщѣ я не могу явиться, потому что у мен нѣтъ еще такихъ точныхъ и свѣжихъ познаній, которыя достойны был бы вашего, мм. гг., вниманія. Но мнѣ нѣсколько знакомы историче скія и современныя условія, которыя, какъ мнѣ кажется, необходим имѣть въ виду, при этнографическомъ изученіи Западной Россіи, по тому что различное пониманіе ихъ можетъ, по моему мнѣнію, суще ственно измѣнять характеръ всякаго труда, направленнаго къ этногра фическому изученію этой страны. Объ этомъ то собственно я и буд говорить въ настоящемъ собраніи.

Мнѣ по неволѣ придется нѣсколько разъ ссылаться на трудъ г. Эр керта и употреблять имя автора. Напередъ скажу, что отдаю справед ливость труду г. Эркерта и признаю важное, современное его значені но имѣя намѣреніе обратить главное вниманіе собственно на данны какія были въ рукахъ г. Эркерта и которыми вѣроятно также воспол зовались бы и другіе, я долженъ буду часто указывать на ихъ н вѣрность.

Всѣмъ извѣстно, какъ утвердилась мысль о господствѣ Польска элемента въ Западной Россіи и какъ она заслонила и заслоняетъ с бою самобытныя племена Западной Россіи и ихъ интересы. Я гово

*) По поводу изданнаго г. Эркертомъ (на Французскомъ языкѣ) этнографическ атласа областей, населенныхъ сплошь или отчасти Поляками. Сказано въ обще собраніи географическаго общества 8-го Мая 1863 года.

здѣсь не только о литературѣ и общественномъ мнѣніи Западной Европы, но также о литературѣ и общественномъ мнѣніи Русскихъ. Недавно было еще то время (къ счастію теперь уже не то!) когда можно было со всею серьезностію опасаться, что Польскій вопросъ закроетъ собою и въ глазахъ Русскихъ людей—народное дѣло Западной Россіи. Мнѣ кажется, что эта, утвердившаяся (было) мысль о господствѣ Польскаго элемента въ Западной Россіи имѣла нѣкоторое вліяніе на составъ и на самое заглавіе атласа г. Эркерта. Атласъ этотъ, какъ я уже сказалъ, озаглавленъ такъ: этнографическій атласъ областей, населенныхъ сплошь или отчасти Поляками. Я обращаю, мм. гг., ваше вниманіе на эту особенность потому, что она не можетъ не поразить Западно-Русскаго общественнаго дѣятеля, неоторвавшагося отъ народа. Я совершенно увѣренъ, что каждый природный Западно-Русскій дѣятель непремѣнно иначе расположилъ бы и иначе озаглавилъ бы этотъ атласъ. Онъ непремѣнно отрѣзалъ бы свою родину отъ дѣйствительной Польши, а если бы и соединилъ ихъ на картѣ, то вѣроятно озаглавилъ бы этотъ атласъ такъ: этнографическій атласъ (положимъ) а) дѣйствительной Польши и б) Западной Россіи, населенной Малороссами, Бѣлоруссами, Литвинами, а также Евреями, Поляками, Татарами, Цыганами и еще, кто тамъ есть, т. е. онъ непремѣнно показалъ бы и въ составѣ и въ заглавіи атласа, что этнографическое господство въ Западной Россіи принадлежитъ кореннымъ, самобытнымъ племенамъ ея, а не Полякамъ. Здѣсь однако я долженъ оговориться, что это мѣстный, Западно-Русскій взглядъ, который еще такъ мало сознанъ и такъ мало получилъ правъ въ наукѣ и въ жизни, что не легко ставить его на видное мѣсто. Да впрочемъ, для науки, строго говоря, безразлично—соединять или раздѣлять на картѣ Западную Россію и дѣйствительную Польшу и такъ или иначе озаглавливать этнографическій ихъ атласъ. А что касается до житейской практики, то я думаю, что въ настоящее время отъ такого соединенія Западной Россіи съ Польшей и этнографическаго подчиненія первой—послѣдней, можетъ выйти даже большая польза.

Если я не ошибаюсь въ современномъ значеніи труда г. Эркерта, то онъ долженъ произвесть весьма сильное впечатлѣніе за границей, а можетъ быть и у насъ.—Я представляю себѣ при этомъ ту заграничную литературу и ту недавно тоже изданную тамъ карту бывшаго Польскаго государства, по которымъ все пространство Западной Россіи—все Польша и Польша.... и думаю, что атласъ г. Эркерта составляетъ самую жестокую и неотразимую критику всего этого. Теперь оказывается и оказывается наглядно и популярно, что Польская провинція отъ Нѣмана и Буга до Двины и Днѣпра, даже за Двину и за Днѣпръ—есть Русская область, что цѣлые милліоны Поляковъ этой провинціи сводятся на дѣлѣ къ милліону, съ небольшимъ, что составляетъ деся-

тую долю всего населенія Западной Россіи.—а въ частности—число і шесть разъ меньшее числа Русскихъ, меньшее числа Литовцевъ, нак нецъ нѣсколько большее. по показанію г. Эркерта. а въ дѣйствител ности тоже меньшее число Жидовъ этой страны!?—Есть чему удивит ся! Но каково же было бы удивленіе заблуждавшихся людей, если б они взяли трудъ узнать. что въ атласѣ г. Эркерта еще сдѣлана (бе сомнѣнія по ошибочности и сбивчивости данныхъ) громадная уступк туземныхъ элементовъ въ пользу элемента Польскаго?

Во первыхъ, сплошная краска, обозначающая Польское племя і Западной части Гродненской губерніи, преувеличена. Я знаю близк эту страну, ѣздилъ десятки разъ по направленію отъ Гродно до Бѣл ска и знаю достовѣрно, что тамъ больше Бѣлоруссовъ и Малороссов чѣмъ показано на атласѣ г. Эркерта. За тѣмъ, что касается до отдѣл ныхъ красныхъ пятнышекъ, разбросанныхъ по Западной Россіи къ В стоку отъ сказанной Польской полосы и обозначающихъ тоже Пол ковъ, то о вѣрности ихъ большею частію трудно судить, потому, ч не всѣ они обозначены названіями. Тутъ я могу указать только і невѣрность безъименныхъ Польскихъ пятнышекъ около Припети. Э очевидно—околицы шляхетскія, но по всѣмъ свѣдѣніямъ, какія я пр шедшимъ лѣтомъ собиралъ тамъ, шляхта этой мѣстности говоритъ Бѣлорусски и не малое число ея православнаго вѣроисповѣданія. Ч же касается до названныхъ пятнышекъ, то неправильность ихъ не по лежитъ сомнѣнію. Почти всѣ города, рядомъ съ Еврейскою краско окрашены Польскою, между тѣмъ какъ достовѣрно извѣстно и не м одному, что почти вездѣ мѣщанское христіанское населеніе городо Западной Россіи говоритъ или по Бѣлорусски или по Малороссійск Такъ мѣщане Гродна—большею частью Бѣлоруссы; такіе же Бѣлорус мѣщане Соколки, Слонима; мѣщане Кобрина, Пружанъ чистые Ма россы: многіе изъ нихъ даже православнаго вѣроисповѣданія.

Я не упускаю при этомъ изъ виду того принципа, котораго д жится г. Эркертъ, раздѣляя жителей Бѣлоруссіи и Малороссіи на І ляковъ и Русскихъ: именно г. Эркертъ говоритъ въ одной замѣт своего атласа, что лучшее средство къ этому дѣленію—вѣроисповѣ ніе: латиняне—Поляки, православные—Русскіе. Считаю необходимы высказать мой взглядъ на это дѣло.

Меня всегда удивляютъ попытки многихъ въ нашей литерату рѣшить жизненные вопросы въ Западной Россіи помимо религіозна вопроса. Я совершенно увѣренъ, что пройдетъ по крайней мѣрѣ с лѣтіе, когда можно будетъ взяться за какую-нибудь живую сторону З падно-Русской жизни помимо вѣры. На этотъ разъ самая сильная з теріалистическая школа окажется безсильною въ Западной Россіи. Та крѣпка тамъ связь вѣры и жизни! Но безъ сомнѣнія есть границы эт связи, есть предѣлы смѣшенія вѣры и жизни, небеснаго и земна

Откровенно сказать, я не вижу этихъ предѣловъ въ латинскомъ вѣроисповѣданіи Западной Россіи при томъ оттѣнкѣ его, который оно пріобрѣло здѣсь въ половинѣ XVI столѣтія, съ введеніемъ въ Литвѣ іезуитовъ, и который въ большинствѣ его представителей неизмѣнно сохраняется до сихъ поръ. Я вижу въ тамошнемъ латинствѣ съ этимъ оттѣнкомъ строго выработанную, твердую и безграничную въ своихъ послѣдствіяхъ систему—мѣшать все небесное со всѣмъ земнымъ. Но что касается до Грековосточнаго вѣроисповѣданія, то какъ бы ни судили объ немъ, а вѣрно то, что основныя его начала упорно противятся безразличному смѣшенію небеснаго и земнаго и всѣ попытки къ этому безразличному смѣшенію ведутъ только къ безобразнымъ явленіямъ. Я обращаю ваше, господа, вниманіе на эту особенность Грековосточнаго вѣроисповѣданія Западной Россіи особенно потому, что этому направленію невольно покоряется значительная часть населенія Западной Россіи даже латинскаго вѣроисповѣданія. Но этой-то невольной сдержанности въ смѣшеніи небеснаго съ земнымъ, тамъ многіе латиняне шляхетскаго, мѣщанскаго и всѣ члены крестьянскаго сословія сохраняютъ еще свои самородныя, мѣстныя начала, не дѣлаются Поляками, какъ бы должны были сдѣлаться по требованію тамошняго латинства. Вотъ почему не всѣ латиняне тамошней страны могутъ быть названы Поляками. Впрочемъ я долженъ сказать, что это очень трудный вопросъ, особенно теперь. Теперь, какъ по всему видно, происходитъ въ этой странѣ дѣйствительно тотъ разборъ между православными и латинянами, который правительство дѣлало тамъ въ первыхъ сороковыхъ годахъ. Можетъ быть еще рано произносить объ немъ приговоръ. Лучше, можетъ быть, указать лишь на матеріалы къ оцѣнкѣ его. Въ этомъ отношеніи считаю не лишнимъ сказать, что въ скоромъ времени явится религіозная карта Западной Россіи, составляемая г. Ритихомъ. Съ своей стороны могу сообщить, что я имѣю намѣреніе современемъ составить историческую религіозную карту, или лучше атласъ Западной Россіи, но объ этомъ трудѣ теперь могу сказать только то, что матеріалы для него очень богаты.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, перехожу къ обозрѣнію каждаго изъ племенъ Западной Россіи и на этотъ разъ, подчиняясь утвердившемуся взгляду, высказанному въ атласѣ г. Эркерта, начну съ Польскаго племени.

Прошу васъ, мм. гг., обратить вниманіе на Западный уголокъ Гродненской губерніи, приблизительно между Гродномъ и Дрогичиномъ, между Нѣманомъ и Бугомъ,—это историческія ворота для движенія Польскаго племени въ Западную Россію. Такое положеніе этого уголка Гродненской губерніи опредѣлилось отчасти тѣмъ, что эта мѣстность составляла середину бывшаго Польскаго государства, отчасти тѣмъ, что это естественный путь для Польскаго элемента изъ центра Польскаго

народа въ дѣйствительной Польшѣ. Но есть еще одна причина такоі значенія этой мѣстности. Значительная часть ея въ началѣ XV столѣ тія была заложена Литовскими князьями Мазовецкимъ князьямъ. В 1569 г. на Люблинскомъ сеймѣ Литовцы настойчиво добивались возвра щенія назадъ этой страны, называвшейся Подлясьемъ; но добивалис напрасно. Поляки окончательно присоединили ее къ себѣ по акту Лю(линской уніи прежде даже другихъ Западно-Русскихъ областей и так считали важнымъ держать ее при себѣ крѣпко, что до позднѣйшаг времени стѣсняли самоуправленіе этой страны, стѣсняли свободный вы боръ пословъ на сеймъ, замѣняя его представительствомъ администра тивныхъ чиновниковъ. Благодаря всему этому, Польскій элементъ здѣс сильно утвердился. Мазовецкое племя, здѣсь живущее, состоящее ча стію изъ дѣйствительныхъ Поляковъ, частію изъ ополячившихся ту земцевъ древней Литвы, при постоянномъ подкрѣпленіи извнутри Поль ши, успѣло произвести сильное вліяніе на примыкающія къ нему ту земныя племена Западно-Русскія. Въ языкѣ Бѣлорусскомъ прилежа щихъ мѣстностей очень много Польскихъ словъ. Вліянію Мазовецкаг племени, здѣсь живущаго, подчинились даже сосѣдственные Малороссы Есть небольшая полоса ихъ въ Бѣльскомъ и Брестскомъ уѣздахъ, в которыхъ Малороссійскій языкъ усвоилъ уже Мазовецкое произношеніе

Вотъ отсюда—то, изъ этого базиса дѣйствій, Польское племя ра зошлось во всю Западную Россію. Разошлось оно здѣсь двумя вѣтвями которыя можно видѣть и на атласѣ г. Эркерта.

Одна вѣтвь идетъ на Юго-востокъ къ Черному морю черезъ Волын и Подолію.

Другая на Сѣверовостокъ черезъ Вильну къ Двинѣ, далѣе вверх по Двинѣ къ Днѣпру и нѣсколько спускается внизъ по Днѣпру.

Каждая изъ этихъ вѣтвей имѣетъ свою исторію и характеристичe скія особенности.

Разселеніе Польскаго племени въ Западной Россіи Юговосточно полосѣ вызвано Крымскими Татарскими дѣлами, дѣлами Турецкими Малороссійскими казацкими смутами. Всѣ эти причины разселенія уж не существуютъ. Но существуетъ до сихъ поръ еще одна и также дал няя причина—стремленіе занять благодатную Малороссійскую почву которую сами Польскіе писатели называютъ текущею млекомъ и ме домъ. Это послѣднее обстоятельство имѣетъ очень важное значеніе в историческомъ развитіи этой полосы Польскаго племени. Привязанност къ благодатной землѣ, при вліяніи сильнаго Малороссійскаго элемента производитъ то, что тамошніе Поляки, при всемъ ихъ желаніи казатьс ся чистыми Поляками, въ дѣйствительности менѣе Поляки, чѣмъ эт кажется, и болѣе Малороссы, чѣмъ это имъ желательно. Отсюда-то по видимому странное явленіе, что изъ нихъ недавно пробовала выдѣлитьс группа людей, которые объявляли себя народными дѣятелями Мало

россіи. Это явленіе утѣшительно и благопріятно для Малороссіи, но оно, можетъ быть, требуетъ нѣкоторой зоркости со стороны Малороссовъ.

Совсѣмъ другую исторію и другія особенности имѣетъ Сѣверо-восточная полоса Польскаго племени въ Западной Россіи,—полоса Литовско-Бѣлорусская. Неблагодарная Литовская и Бѣлорусская почва не могла привлекать сюда Польское племя. Не могла развиться въ этомъ племени и любовь къ землѣ и любовь къ населяющему ее туземному народу. Разселеніе здѣсь Поляковъ вызвано было военными дѣлами прежняго Польскаго государства съ прежнимъ Московскимъ, и едва ли не больше еще религіознымъ движеніемъ,—разселеніемъ іезуитовъ, которые на этой полосѣ имѣли два главные свои пункта—въ Вильнѣ и въ Полоцкѣ. Съ этимъ—то государственнымъ и религіознымъ значеніемъ Польское племя на этой полосѣ осталось и до настоящаго времени. Доказывать это теперь, кажется, не нужно. Поляки обѣихъ этихъ вѣтвей заняли въ Западной Россіи лучшія части земли и держатъ, е. т. держали, въ своихъ рукахъ цивилизацію страны. Но такъ какъ и это занятіе земли происходило далеко не естественно, и эта цивилизація—не народная, то неудивительно, что въ туземныхъ племенахъ Литовскомъ, Бѣлорусскомъ и Малороссійскомъ сохраняется историческая вражда къ Польскому здѣсь племени. Она поразительно выражается въ одномъ, очень важномъ фактѣ, часто повторяющемся. При всякомъ народномъ здѣсь волненіи сейчасъ является у народа желаніе отдѣлаться отъ Поляковъ и завладѣть ихъ землею. Я не думаю, чтобы гдѣ либо въ оругомъ мѣстѣ Россіи фактъ этотъ такъ легко и такъ рѣзко обнаруживался. Такое народное здѣсь движеніе противъ Поляковъ навлекало на народъ не разъ большую бѣду, подвергалось и подвергается разнымъ перетолкованіямъ; но собственно говоря—это историческое явленіе. Въ немъ сказывается сознаніе народа, сознаніе своей сдавленности пришлымъ племенемъ и сознаніе незаконности господства надъ нимъ этого племени.

Съ Польскимъ племенемъ въ Западной Россіи неразрывно связано племя Еврейское. И на атласѣ г. Эркерта можно видѣть, что разселеніе того и другаго совпадаетъ на обѣихъ сказанныхъ нами полосахъ. Я думаю, что эта связь Жидовскаго племени въ Западной Россіи съ Польскимъ не случайна. Я думаю не случайно и то, что во всемъ бывшемъ Польскомъ государствѣ Жидовъ разселилось такъ много, какъ нигдѣ въ Западной Европѣ. Я думаю, что это логическое послѣдствіе историческаго склада Польской жизни. Жидовство въ бывшемъ Польскомъ государствѣ — это компромиссъ, сдѣлка, посредничество между шляхетствомъ и хлопствомъ. Шляхетство считало для себя непозволительнымъ унижаться до занятій — торговлей, промышленностію. Изъ него не могло образоваться городское, среднее сословіе. Сословію этому

нужно было выдѣлиться изъ хлопства; но это было опасно. Мнѣ конечно извѣстно, что была попытка образовать туземное прочное мѣщанство посредствомъ Магдебургскаго права, но мнѣ извѣстно также, особенно изъ документовъ церковной уніи, какъ встревожились Поляки, когда оказалось, что мѣщане—братчики имѣютъ на сеймахъ своихъ представителей и какъ жестоко расплачивались эти мѣщане братчики за эту попытку приблизиться къ шляхетству.—Это было въ началѣ XVII столѣтія и съ тѣхъ-то поръ особенно становится замѣтнымъ паденіе туземнаго городскаго сословія и усиленіе Жидовъ. И не займи Жиды этой середины между шляхетствомъ и хлопствомъ, очень вѣроятно, что явились бы занять ее Татары, Цыгане или другое какое-либо племя, рѣзко отличное, по своимъ народнымъ и религіознымъ началамъ, и отъ шляхетства, и отъ хлопства.

Евреи такимъ образомъ въ бывшемъ Польскомъ государствѣ, особенно въ Западной Россіи, занимали очень важное положеніе Они давали возможность шляхетству не сближаться съ хлопствомъ и задерживали хлопство отъ приближенія къ шляхетству. Тому и другому нужно было развѣ перескакивать черезъ Жидовъ, чтобы сблизиться или въ частныхъ случаяхъ переходить изъ одного стана въ другой. Само собою разумѣется, что такіе скачки не могли быть часты и еще рѣже благополучны. Отсюдо-то тотъ дикій, ужасный фактъ, что во всѣ смуты въ Западной Россіи народъ во время борьбы противъ Поляковъ принимался всегда и за истребленіе Жидовъ. Русская власть надъ Западной Россіей и новѣйшая цивилизація пріостановили такое варварское дѣло, которое, дай Богъ, чтобы никогда не повторялось; но положеніе Жидовъ въ Западной Россіи, выработанное Польшей, все-таки не естественное. Оно особенно стало неестественнымъ съ 19 Февраля 1861 г. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права въ Западной Россіи шляхетство и хлопство теряютъ послѣдній свой смыслъ. Шляхетству предстоитъ спускаться чаще и больше къ хлопству, — хлопству предстоитъ чаще и больше подниматься къ шляхетству, т. е. обоимъ имъ предстоитъ занять ту середину, которую занимаютъ Жиды. Жидамъ остается или расплыться между шляхетствомъ и хлопствомъ, или вмѣстѣ съ первымъ выходить куда нибудь внѣ Западной Россіи. Я имѣю, можетъ быть, личное убѣжденіе, что этому трудному вопросу не легко разрѣшиться безъ болѣзней. Желательно, чтобы Русская наука облегчила ихъ.

Оба эти племени — Польское и Жидовское обѣими полосами своего разселенія разбили туземное Западно-Русское населеніе на три группы, въ которыхъ вездѣ есть свои средоточія, болѣе другихъ мѣстъ чистыя отъ Польскаго и Жидовскаго элемента,—средоточіе Литовское въ серединѣ Ковенской губерніи,—Бѣлорусское въ Минской и Малороссійское въ Кіевской.—Перехожу теперь къ обозрѣнію каждаго изъ этихъ трехъ племенъ. Начну съ Литовскаго.

На картахъ атласа г. Эркерта можно видѣть, что Литовское племя, рѣдко, кое-гдѣ разселенное въ Гродненской губерніи, болѣе густо въ Виленской и особенно сплочено въ Ковенской губерніи.

Изъ этого никакъ нельзя выводить заключеніе, что это племя разселялось съ сѣвера на югъ изъ Ковенской въ Гродненскую губернію. Напротивъ, оно имѣло обратное движеніе, съ юга на сѣверъ. Извѣстно, что цѣлая вѣтвь Литовскаго племени, Ятвяги, совсѣмъ уже изчезнувшіе, населяли большое пространство южной части Гродненской губерніи по обѣимъ сторонамъ Бѣловѣжской пущи и безъ всякаго сомнѣнія когда то плотно примыкали къ сѣвернымъ предѣламъ другихъ литовскихъ племенъ. Отсюда-то, съ юга Гродненской губерніи, Литовскій народъ тѣснили Нѣмцы, Поляки—мазуры, Малороссы и сдвигали болѣе и болѣе къ сѣверу. На этомъ пути ихъ подхватывали Бѣлоруссы, поселившіеся и въ Гродненской губерніи, безъ сомнѣнія, съ древнѣйшихъ временъ, и пересоздавали въ свой элементъ. Такимъ образомъ, въ Гродненской губерніи остались только не многія, оторванныя отъ плотной массы своего племени, группы Литовцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти оторванныя Литовскія группы уже стоятъ на пути къ историческому здѣсь вымиранію, но теперь какъ бы еще задумались — умирать ли. Дума эта въ нихъ по всей вѣроятности безплодна и во всякомъ случаѣ безопасна. Но не безплодна и не безопасна подобная дума въ плотной массѣ Литовцевъ, въ Ковенской губерніи. Она не разъ уже производила очень важныи послѣдствія. Сознаніе исторической сдавленности сосѣдними племенами—Бѣлорусскимъ, Польскимъ, Нѣмецкимъ часто ведетъ Литовское племя къ взрыву сохраняющейся еще народной энергіи. Совершенно ошибочно заключать на основаніи этихъ взрывовъ о дѣйствительной, утвердившейся симпатіи или антипатіи Литовскаго народа къ одному изъ сосѣднихъ племенъ. Это просто выраженіе сознанія исторической сдавленности и стремленія заявить какимъ нибудь рѣзкимъ фактомъ свои историческія силы, свою историческую жизнь. Тутъ не слѣдуетъ обманываться. Но дѣйствительно счастливъ будетъ народъ, который, не предрѣшая вопроса объ исторической жизни или смертп Литовскаго племени, сочтетъ своею обязанностью и съумѣетъ относиться къ Литовскому племени всегда и во всемъ съ гуманностью и заботливостью, который облегчитъ жизнь или смерть Литовскому племени, но облегчитъ дѣйствительно, благородно. Я думаю, что такое счастіе предстоитъ ближе и естественнѣе Русскимъ людямъ и Русской наукѣ. Обязанность отнестись такъ къ Литовцамъ лежитъ въ особенности на туземныхъ общественныхъ дѣятеляхъ Западной Россіи. Какъ ни печальны были послѣдствія Литовской власти надъ Западной Россіей, но все же Литовцы спасли государственность этой страны, разбитую въ дребезги Татарами, и долгое время хранили ее, какъ умѣли и могли; въ особенности важно то, какъ ревностно Литовцы защищали

внутреннюю самостоятельность Западной Россіи отъ Польши. Діаріушъ Люблинскаго сейма представляетъ поразительную картину этой защиты.

Бѣлорусское племя какъ бы помнитъ до сихъ поръ эту историческую обязанность относиться гуманно къ Литовскому племени. Сколько мнѣ извѣстно, оно на всѣхъ пунктахъ соприкосновенія живетъ съ Литовцами дружно; за что пользуется также и ихъ дружбою. За эту память о благотворномъ политическомъ Литовскомъ господствѣ Литовцы платятъ Бѣлорусскому племени добровольнымъ признаніемъ его народнаго господства. Это убѣдительно выражается въ томъ замѣчательномъ фактѣ, что въ междуплеменныхъ сношеніяхъ Бѣлоруссовъ и Литовцевъ, въ пунктахъ ихъ сношеній, обыкновенно употребляется языкъ Бѣлорусскій, а не Литовскій.—Въ настоящее время, это, кажется, единственное обнаруженіе естественной пропаганды Бѣлорусскаго элемента. Я обращаю ваше вниманіе, мм. гг., на эту свѣтлую сторону Бѣлорусскаго племени, — къ обозрѣнію котораго перехожу теперь, — потому что она въ настоящее время едва ли не единственная.

Нельзя не призадуматься надъ Бѣлорусскою страною и историческою судьбою населяющаго ее народа*). Потомки древнихъ Кривичей и Дреговичей занимаютъ самую неблагодатную почву. Я принимаю при этомъ въ особенности ту мѣстность, которую я проѣзжалъ прошедшимъ лѣтомъ у верховьевъ Припети около Пинска. На десятки верстъ невидно твердой, сухой почвы, — все болото и болото. Потомъ, показывается гдѣ нибудь неожиданно кочка и на ней—двѣ, три избы несчастныхъ Бѣлоруссовъ. Они на цѣлые мѣсяцы бываютъ разобщены съ другими подобными кочками! Они поневолѣ нарушаютъ церковные и гражданскіе законы, заключаютъ браки въ ближайшихъ степеняхъ родства и доходятъ въ своихъ генераціяхъ до страшнаго уродства. Не говорю уже о колтунѣ. — Все это племя во всѣхъ мѣстахъ носитъ на себѣ печать вялости, безсилія, изнеможенія.

На такой почвѣ, въ такомъ положеніи, само собою разумѣется, нелегко могла вырабатываться любовь къ родному и энергическія ея выраженія. Легче могло развиваться напротивъ желаніе пересоздаться въ кого угодно — въ Великорусса или Поляка, лишь бы какъ нибудь выйдти изъ тяжелаго положенія. Этой измѣнчивости своему родному элементу много способствуетъ самое нарѣчіе Бѣлорусское, которое, при неоспоримо—Русскомъ строѣ, представляетъ собою однако поразительную середину между Русскимъ и Польскимъ языкомъ.

Но каковы бы ни были — родина и родное, а все таки они родные и потому любимы, дороги. Бѣлоруссы доказали это всею своею исто-

*) Я понимаю подъ Бѣлоруссіей гораздо больше того, что обыкновенно называется этимъ именемъ, понимаю всю ту страну, гдѣ народъ говоритъ по Бѣлорусски, т. е. и часть Виленской и большую часть Гродненской губерніи.

ріей. Они все таки сохранили и сохраняютъ во многихъ мѣстахъ древнѣйшія начала своей жизни и нерѣдко доказывали, что во имя ихъ готовы принести большія жертвы. Я не буду вдаваться въ подробное раскрытіе этой мысли, Не буду останавливаться и на томъ впечатлѣніи, которое я часто испытывалъ въ Минской губерніи, путешествуя тамъ прошедшимъ лѣтомъ, когда мнѣ иногда казалось, что я читаю лѣтопись Нестора, когда вглядывался въ этотъ народъ. Даже выдѣлкою языка онъ занимается тамъ со всею вѣрностью старинѣ.

Остановлю ваше, мм. гг., вниманіе только на одномъ фактѣ изъ конца прошедшаго столѣтія. Когда я былъ въ Минскѣ, мнѣ разсказывали такое, вѣрно сохранившееся преданіе. Когда уже восточая часть Бѣлоруссіи успокоилась подъ Русскою властію отъ Польскихъ смутъ въ 1773 г., когда успокоилась отъ нихъ и вся страна Малороссійская въ 1793 г,, въ серединѣ Бѣлоруссіи—въ Минскѣ еще кипѣла вѣковая борьба и кипѣла очень оригинально. Въ 1794 году, въ то время, какъ дипломатія рѣшила вопросъ о послѣднемъ раздѣлѣ Польши, когда народу можно было, повидимому, бросить борьбу въ полной увѣренности, что она рѣшится извнѣ и въ его пользу, минскіе церковные братчики, гласитъ преданіе, три дня бились съ Поляками изъ за ограды своей братской церкви. Но—какая странность! Въ скоромъ времени (когда все уже рѣшилось) имъ пришлось жаловаться, что Великорусскіе монашествующіе устраняютъ ихъ отъ историческаго участія въ дѣлахъ своей церкви. Самая братская церковь переименована изъ древняго имени Петропавловской въ Екатерининскую! Я не даромъ привель этотъ фактъ. Я вижу въ немъ безплодное выраженіе физической силы и несчастное выраженіе моральной Бѣлорусской силы. Но было у Бѣлоруссовъ время, когда они, слабые физическими силами, показали однако хотъ тоже несчастливо, но дѣйствительно показали высокую моральную силу.

Во время Литовской власти и во времена Польской, особенно въ первыя времена послѣ Люблинской уніи, Бѣлоруссы, съ которыми совершено слились передовые Литовцы, держали въ своихъ рукахъ судьбу всей Западной Россіи. Они ревностно хранили здѣсь свою церковь, разрабатывали свою народную науку, широко развивали такія общественныя учрежденія, какъ братства. Они боролись противъ Польши всѣми своими духовными силами. Но въ началѣ XVII столѣтія, силы эти явно стали ослабѣвать, падать—и не удивительно. Они сосредоточивались въ благородномъ сословіи, которое, благодаря, усвоенному отъ Польши институту Шляхетства, было оторвано отъ народа. Духовныя силы народа не пополнялись изъ народа и исчезли съ исчезновеніемъ благороднаго сословія т. е. съ ополяченіемъ его. Пришлось Бѣлоруссіи думать, гдѣ бы взять новыхъ силъ, кому ввѣрить историческую судьбу всей Западной Россіи?! Она ввѣрила ее Малороссійскому пле-

мени, о которомъ я теперь и буду говорить. Малороссійское племя выступило на поприще исторической Западно-Русской дѣятельности въ позднѣйшее время (особенно въ XVII в.). Но оно подготовлялось къ этой роли давно и широко. Племя это, богатое необыкновенными силами своей натуры, заняло самую богатую по всей Западной Россіи почву *). Съ богатыми своими дарованіями и на этой богатой почвѣ, Малороссійское племя вездѣ сгруппировано въ значительныя, плотныя массы. По этому народная сила въ немъ можетъ обнаруживаться энергично и широко. Эта народная Малороссійская сила особенно развилась въ той исторической миссіи, какую выполняло Малороссійское казачество и которая состояла въ борьбѣ съ ближайшимъ къ нему Азіятскимъ, Татарскимъ міромъ, во имя Русскихъ народныхъ и религіозныхъ началъ.—Случалось такъ, что когда эта историческая миссія Малороссійскихъ казаковъ (борьба съ Крымомъ) видимо приближалась къ концу, въ эго самое время ослабѣвшая въ борьбѣ съ Поляками Бѣлоруссія рѣшалась ввѣрить эту борьбу казакамъ. Я имѣю ясныя историческія свидѣтельства, что объ этомъ происходили совѣщанія между передовыми дѣятелями Бѣлоруссіи и Малороссіи около двадцатаго года XVII столѣтія, — между Виленскимъ братствомъ и казаками,—совѣщанія, не чуждыя колебаній, недоумѣній, но кончившіяся отчаяннымъ рѣшеніемъ Бѣлоруссіи—ввѣрить все казацкому оружію,—іерархію, науку, учрежденія братствъ.

Я немогу не признавать необыкновенныхъ подвиговъ Малороссійскаго племени совершенныхъ для защиты роднаго, Западно-Русскаго дѣла. Я немогу неудивляться этому сильному и долговременному напряженію его энергіи. Но немогу не сказать также: къ сожалѣнію, казаки часто забывали, что они казаки. Военные люди забыли, что они военные, забыли что они—временная и служебная сила, а захотѣли навсегда и даже всѣ вмѣстѣ сдѣлаться народоправителями,—захотѣли осуществить дикую мечту—военную республику.—Отъ этого вышло много бѣдъ для всей Западной Россіи.

Но какъ бы то ни было, все же Малороссійское племя сдѣлало очень много для всей Западной Россіи. Оно выработало твердое сознаніе, что народная Западно-Русская сила неодолима и обставило его дивными преданіями. Оно первое возстановило исторически прерванную народную связь Западной Россіи и Великой Россіи. Оно сохранило, особенно благодаря содѣйствію Великорусскихъ силъ, и ввѣренную его защитѣ церковь и ввѣренную его развитію науку. Новѣйшая, общерусская цивилизація обновила и древнюю Кіевскую Академію и

*) У г. Эркерта не совсѣмъ правильно обозначены предѣлы этого племени со стороны Бѣлоруссіи. Оно гораздо дальше Пружанъ врѣзалось въ Бѣлоруссію; доходитъ до Изары и у Пинска перекинулось за Припеть.

создала Кіевскій университетъ, откуда могутъ выходить моральныя силы для цѣлой Западной Россіи. Благодаря всему этому, въ Малороссіи уже есть группа самородныхъ духовныхъ силъ, которымъ можно желать болѣе и болѣе широкаго поприща. Остается теперь Малороссіи думать уже и о возвращеніи Бѣлоруссіи ввѣреннаго послѣднею таланта. Бѣлоруссія ждетъ этого таланта съ великимъ нетерпѣніемъ и можетъ быть съ большою строгостью. Она сильно ждетъ но только таланта, пріумноженнаго у хорошихъ торжниковъ. Такое сильное желаніе и большая строгость Бѣлоруссіи объясняются и оправдываются ея бѣдствіями и тою опытностію, какая обыкновенно вырабатывается среди жестокихъ гоненій и бѣдствій. Но кромѣ того, это ожиданіе и эта строгость можетъ быть еще оправдываются и тѣмъ, что Бѣлоруссія надѣется вознаградить ихъ. Можетъ быть она способна внести въ общее дѣло такія умиротворяющія начала, которыя будутъ подвигать дальше и дальше сближеніе Малороссійскаго элемента съ Великорусскимъ, а можетъ быть сближеніе съ нимъ и съ собою и Польскаго элемента. Для успѣшности этого дѣла, въ особенности для безопаснаго сближенія Западно-Русскихъ элементовъ съ Польскимъ необходимо самое сильное и дружное участіе Великорусскихъ общественныхъ силъ.

Я обращаю, гг., ваше вниманіе на эту необходимость самымъ серьезнымъ образомъ, потому что убѣжденъ и въ ея великости и въ трудности ея осушествленія и въ томъ, что разрабатываемая въ нашемъ обществѣ наука много можетъ содѣйствовать счастливому разрѣшенію этого дѣла. Прошу обратить вниманіе, каково положеніе Западной Россіи.

Тамъ самородныя общественныя силы хоть есть, но онѣ еще не такъ велики, да и то существуютъ только въ Малороссіи, въ группѣ Малороссійскихъ общественныхъ дѣятелей. Тамъ есть вездѣ и довольно значительное духовенство православное, которое я всегда считаю единственнымъ, историческимъ другомъ и руководителемъ Западно-Русскаго народа; но это духовенство, кромѣ ужасной своей бѣдности, кромѣ разныхъ домашнихъ неустройствъ и угнетеній, имѣетъ еще несчастіе получать въ лицо грязь отъ всякаго извнѣ.

Собственно стоятъ въ Западной Россіи спокойно и прочно двѣ силы: народъ и правительство. Тамъ для правительства народъ все. И для народа правительство все. Первое теперь не нуждается въ доказательствахъ, а что касается до послѣдняго, то въ этомъ я убѣждался во время недавняго моего путешествія по Западной Россіи, могу сказать, на каждой верстѣ.

При такомъ порядкѣ вещей тамъ не скоро можетъ выработаться ясное сознаніе въ необходимости общественныхъ силъ и ихъ богатой дѣятельности, особенно когда тамъ стоитъ вездѣ такая ненародная общественная среда (Польская), которая возбуждаетъ подозрѣніе и недовѣреніе ко всякой общественной силѣ. Скоро ли, при этомъ, можетъ

тамъ выработаться сознаніе въ необходимости общественной силы? Но если бы оно даже скоро выработалось, и тогда, я увѣренъ, придется не однажды раскаяться, что оно не выработалось скорѣе, что не явилась здоровая, общественная сила раньше, сейчасъ же.

Я имѣю убѣжденіе, которое уже высказалъ, что развитію такого сознанія и появленію такой силы много можетъ содѣйствовать наука, разрабатываемая въ нашемъ обществѣ. Наши этнографическія и статистическія данныя могутъ имѣть самую большую убѣдительность.

Понимая всю важность вашего, мм. гг., участія въ этомъ дѣлѣ, я позволю себѣ высказать, въ заключеніе этой рѣчи, мое мнѣніе о положеніи у насъ этнографическихъ трудовъ касательно Западной Россіи и выскажу это мнѣніе съ полною откровенностью и смѣлостью.

Первое мое сближеніе съ географическимъ обществомъ убѣдило меня, что есть по Западно-Русскому дѣлу спеціалисты, которыхъ многіе не знаютъ, которые при всякомъ вопросѣ, касающемся Россіи, невольно настроены понимать дѣло широко, предпринимать данную работу со всѣмъ уваженіемъ къ строгимъ требованіямъ науки. Но широкая работа требуетъ многихъ рукъ, многихъ силъ, предполагающихъ популярность знаній, необходимыхъ для этой работы. Но этого то и нѣтъ! Мало еще рукъ, мало силъ! Между тѣмъ, жизнь быстро толкаетъ впередъ вопросъ за вопросомъ и требуетъ скорѣйшаго ихъ разрѣшенія. Приходится браться за работу, какъ попало и кому попало.

При видѣ такихъ противоположныхъ явленій можно протестовать, напримѣръ, противъ необузданной жизни, требующей рѣшенія сейчасъ же, или хоть противъ людей, берущихся за скорое рѣшеніе вопросовъ, не справляясь съ дѣломъ. Но безъ сомнѣнія, такія протесты напрасны, не будутъ имѣть силы. Такъ позволительно по крайней мѣрѣ желать, чтобы какъ нибудь поскорѣе установилась золотая связь, середина между спеціальностью и популярностью. Отъ этой золотой связи между спеціальностью и популярностью можно ожидать самыхъ богатыхъ плодовъ. Странно въ настоящее время пророчествовать о чемъ нибудь касательно Западной Россіи, но не смотря на то, я позволю себѣ высказать не пророчество, а увѣренность, которую, надѣюсь, раздѣляютъ здѣсь многіе. Тогда.... въ этомъ будущемъ, когда спеціальность соединится съ популярностью.... окажется, что многое въ Западной Россіи, не такъ, какъ принимается по слишкомъ старымъ или слишкомъ моднымъ теоріямъ. Тогда также окажется, что этотъ край достоинъ самаго глубокаго изученія и Русской науки и Русскихъ людей, а можетъ быть, тогда еще окажется, что онъ достоинъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самаго глубокаго, братскаго сочувствія и Русской науки и Русскихъ людей.

Я не сомнѣваюсь, что все это будетъ. Дайте только, гг., время и силы!

Отношенія Польскаго государства къ православію и православной церкви *)

Антоновича.

Систематическое преслѣдованіе польскимъ правительствомъ православія и православной церкви началось съ послѣднихъ лѣтъ XVI столѣтія,—съ того именно времени, когда, руководимый іезуитами, Сигизмундъ III задумалъ, посредствомъ церковной уніи, подчинить православную церковь папѣ, и успѣлъ склонить въ пользу своей политики кіевскаго митрополита Михаила Рогозу и большинство православныхъ епископовъ, находившихся въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой. Но въ началѣ эта политика не принимала оффиціальнаго характера; православный элементъ былъ слишкомъ силенъ для того, чтобы можно было его подавить сразу, онъ имѣлъ слишкомъ много защитниковъ, не дозволявшихъ вносить въ законы враждебныя для православной церкви постановленія. Съ одной стороны, многочисленные и могущественные православные дворянскіе роды, своимъ вліяніемъ въ сенатѣ и своимъ голосомъ на сеймѣ, заставляли королей гарантировать, при каждомъ представившемся случаѣ, свободу вѣроисповѣданія; съ другой стороны, не подавленное еще и развивавшееся въ то время козачество поддерживало православную церковь силою оружія. Кромѣ того, иногда необходимость вѣротерпимости вытекала изъ политическихъ плановъ нѣкоторыхъ

*) Кіевская археографическая Коммиссія, въ издаваемомъ очеркѣ, имѣла въ виду совокупить, въ исторической послѣдовательности, всѣ законодательныя мѣры, которыми польское правительство старалось вытѣснить изъ своихъ предѣловъ православіе и замѣнить его латинствомъ. Въ этомъ очеркѣ нѣтъ, поэтому, новыхъ фактовъ; но факты въ немъ собранные, не были еще никогда сгруппированы, а потому о правительственной системѣ Польши, относительно православія, трудно было составить себѣ ясное и, отчетливое представленіе.—Вотъ почему мы думаемъ, что издаваемый очеркъ не будетъ лишенъ для нашей публики ни историческаго интереса, ни современнаго значенія.

королей, какъ напримѣръ, Владислава IV, стремившагося снискать себѣ точку опоры въ угнетаемыхъ слояхъ Рѣчи Посполитой, для борьбы съ преобладающимъ шляхетствомъ. Наконецъ, на кіевскомъ митрополичьемъ столѣ возсѣдали святители, какъ Петръ Могила, блиставшіе среди современнаго общества умомъ, образованіемъ и удивительнымъ политическимъ тактомъ. Они умѣли пользоваться всѣми выше приведенными обстоятельствами, умѣли группировать всѣ благопріятныя для православія силы и составлять изъ нихъ крѣпкій оплотъ противъ правительственнаго натиска католицизма. Поэтому и давленіе католическое, въ продолженіе всей первой половины XVII в., имѣетъ болѣе видъ частныхъ насилій и правительственой интриги, чѣмъ гнета, возводимаго въ законную норму.—Давленіе это развивается, со стороны правительства, рядомъ административныхъ мѣръ, направленныхъ къ стѣсненію православныхъ, къ поощренію безнаказанностью наглыхъ обидъ, наносимыхъ ревнителямъ православія, и къ поддержанію ревностей іезуитской пропаганды въ школахъ, въ проповѣдяхъ, въ частныхъ сношеніяхъ. Короли надѣляютъ чинами, должностями, сенаторскими мѣстами, доходными староствами, всякими бенефиціями, исключительно католиковъ и, особенно, переходящихъ изъ православія въ католицизмъ, и, не смотря на всевозможную преданность и заслуги, обходятъ людей православныхъ остававшихся вѣрными своей церкви. Православные дворянскіе роды, вслѣдствіе этого, бѣднѣютъ или, большею частью, не выдерживаютъ и поддаются заманчивой іезуитской пропагандѣ, подкрѣпленной надеждою на мірскія блага. Такой характеръ борьбы продолжается съ 1596 по 1660 годъ. За все это время мы не находимъ ни одного постановленія, внесеннаго въ польскіе законы въ ущербъ православію, хотя знаемъ, что на дѣлѣ православіе тяжело страдало въ борьбѣ съ уніей.

Но съ шестидесятыхъ годовъ XVII столѣтія образъ дѣйствій правительства и общества рѣзко перемѣняется. На престолъ польскій возсѣлъ Янъ-Казиміръ, бывшій іезуитскій монахъ, подчинившійся душею и тѣломъ вліянію своего ордена и, по характеру, склонный къ крутымъ и насильственнымъ мѣрамъ. Въ самый день своей коронаціи онъ далъ обѣтъ—не предоставлять ни одного мѣста въ сенатѣ, ни одной должности, ни одного староства некатолику *).—Между тѣмъ православное общество было ослаблено окончательно выше указанными мѣрами. Дворяне окатоличились. Козаки, боровшіеся долго за свободу вѣроисповѣданія разорвали связь съ Польшею и подчинились Россіи. Въ уступленной Польшѣ, по андрусовскому договору, западной половинѣ Южнорусскаго края, въ Литвѣ и Бѣлой Руси, оставались только православные крестьяне, мѣщане и духовенство. Но крестьяне были со-

*) Моравевскій, польскія древности, I, 193.

вершенно порабощены дворянами; мѣщане хотя и пользовались собственнымъ судомъ и управою, но въ дѣлахъ государственныхъ голоса не имѣли; а о пріемахъ, употребленныхъ польскимъ правительствомъ для устраненія православнаго духовенства, узнаемъ далѣе. Защищать православіе было некому и, съ этого времени, гнетъ начинаетъ принимать все болѣе и болѣе оффиціальный характеръ. Въ 1667 году вышло первое сеймовое постановленіе, стѣснительное для православія. Въ силу этого постановленія, уніатское духовенство освобождалось отъ постоя и другихъ военныхъ повинностей *), которыя должны были тяготѣть исключительно на православномъ духовенствѣ. Въ то время, мѣра эта была не маловажна: полное отсутствіе дисциплины въ польскомъ войскѣ, своеволіе составлявшей его шляхты, дѣлали изъ постоя неизбѣжный источникъ разоренія и неисчислимыхъ обидъ для хозяина. Цѣлыя сотни доказательствъ на это существуютъ въ актахъ кіевскаго центральнаго Архива. Да и шляхтичи, установившіе приведенный законъ на сеймѣ, понимали прекрасно его значеніе, ибо, вмѣстѣ съ тѣмъ, они постоянно требовали и постановляли, чтобы постой войскъ не распространялся на шляхетскіе дворы и имѣнія, а размѣщался исключительно въ имѣніяхъ и староствахъ королевскихъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1668 и 1675 годахъ, вступавшіе на польскій престолъ короли, Михаилъ Вишневецкій и Іоаннъ III Собѣсскій, обязывались къ повторенію присяги, данной Яномъ-Казиміромъ о томъ, что они будутъ предоставлять должности и староства исключительно католикамъ **).

На сеймѣ 1676 года былъ постановленъ законъ, которымъ православнымъ всѣхъ сословій, подъ опасеніемъ смертной казни и конфискаціи имуществъ (sub poena colli et confiscationis bonorum), воспрещалось, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, выѣзжать за границу или пріѣзжать оттуда, и строго поручалось пограничнымъ старостамъ слѣдить за исполненіемъ этого закона ***). При разстройствѣ православной іерархіи въ предѣлахъ Польши, мѣра эта стремилась къ тому, чтобы православные не могли получать поддержки извнѣ и чтобы заставить православныхъ священниковъ принимать рукоположеніе отъ епископовъ уніатскихъ, такъ-какъ православныхъ епископовъ въ предѣлахъ Польши не было (о чемъ увидимъ ниже), а общеніе съ пастырями, живущими въ Россіи и Молдавіи, пресѣкалось.—Запретъ этотъ продолжался весьма долго. Мы находимъ подтвержденіе этого закона на сеймахъ 1678 и 1699 годовъ ****). Въ 1696 году, новый король, Ав-

*) Uolumina legum, т. IV, стр. 474, § 58.

**) Морачевскій, польскія древности, I, 193.

***) Uolumina legum, т. V, стр. 180, § 39.

****) Uolum. legum, V, стр. 36, § 24, и VI т., стр. 35, 21.

густъ II, бывшій саксонскій курфирстръ, повторилъ опять присягу своихъ предшественниковъ относительно исключенія изъ должностей лицъ некатолическаго исповѣданія *). На первомъ сеймѣ, бывшемъ въ его царствованіе, въ 1699 году, опредѣлено было изданіе новаго закона противъ православныхъ. Закономъ этимъ только уніаты допускались къ исправленію выборныхъ магистратскихъ должностей; православные же признавались неспособными къ отправленію ихъ. Православнымъ, также наравнѣ съ евреями, запрещалось навсегда жить въ Каменцѣ, самомъ торговомъ и пользовавшемся магистратскими учрежденіями городѣ **). Вслѣдствіе сеймоваго распоряженія, православныя церкви въ городѣ были опечатаны и духовенство изгнано изъ него ***). Далѣе, на сеймѣ 1712 года, изданъ былъ законъ, въ силу котораго запрещалось канцлерамъ прикладывать государственную печать ко всякимъ актамъ, даже къ актамъ королевскаго помилованія, если только акты эти, прямо или косвенно, вообще или въ частности, содержали что-либо выгодное для лицъ некатолическаго вѣроисповѣданія ****). Такимъобразомъ, послѣдніе лишались покровительства закона и предоставлялись на произволъ буйства ничѣмъ необузданной католической шляхты.

Послѣ смерти Августа II, конфедераціею, устроенною во время междуцарствія, въ 1732 году, постановленія которой получили силу закона, опредѣлены были слѣдующія узаконенія: „церковь католическая не должна терпѣть рядомъ съ собою, никакимъ образомъ, другихъ вѣроисповѣданій; иновѣрцы, т. е. православные и протестанты, лишаются права избранія въ депутаты на сеймы, въ трибуналы (областные суды) и въ спеціальныя коммиссіи, составленныя по какимъ бы то ни было дѣламъ. Права ихъ сравниваются съ правами евреевъ. Духовные ихъ не должны явно по улицамъ ходить со св. дарами; крещеніе, бракъ, похороны, они имѣютъ право совершать не иначе, какъ съ разрѣшенія католическаго ксендза, за установленную послѣднимъ плату. Публичныя похороны воспрещаются иновѣрцамъ вовсе: они должны хоронить мертвыхъ ночью. Въ городахъ иновѣрцы должны присутствовать при католическихъ крестныхъ ходахъ Въ селахъ не должны имѣть колоколовъ при церквахъ. Дѣти, рожденныя отъ смѣшанныхъ браковъ, должны причисляться къ католической церкви, и даже православные пасынки отчима католика должны принимать католичество. Каноническіе законы католиковъ должны быть обязатель-

*) Морачевскій, польскія древности, I, 193.

**) Volum. legum, VI, стр. 35, § 19 и 21.

***) Книга городская каменецкая, записовая и поточная за 1699—1700 г. № 3954, л. 21.

****) Морачевскій, польс. древ., I, 193.

„ны и для иновѣрцевъ“ *). Напрасно, послѣ изданія этого закона, всѣ протестантскія державы, Англія, Пруссія, Данія, Голландія, Швеція и, сильнѣе всѣхъ, православная Россія, употребляли всѣ зависѣвшія отъ нихъ усилія, чтобы облегчить участь православныхъ и протестантовъ въ Польшѣ. Дипломатическія ноты, самыя рѣшительныя требованія Россіи, безпрестанные протесты иностранныхъ пословъ, все это оставлялось безъ вниманія и королемъ, и сенатомъ, и сеймами, и католическимъ духовенствомъ. Напротивъ того, при каждомъ удобномъ случаѣ, прибавлялась къ законамъ, уже существующимъ, новая какая-нибудь стѣснительная мѣра: такъ, на сеймѣ 1764 года, постановлено было карать смертью тѣхъ, кто перейдетъ изъ католицизма въ другое вѣроисповѣданіе, и опредѣлено было записывать въ крѣпостные сыновей православныхъ священниковъ, если они до 15-лѣтняго возраста не выберутъ себѣ рода жизни **). Въ 1766 году епископъ Краковскій Солтыкъ предложилъ сейму объявить врагомъ отечества каждаго, кто осмѣлится сказать на сеймѣ рѣчь въ пользу иновѣрцевъ. Предложеніе это было принято съ восторгомъ и получило силу закона ***). Тогда всѣ дворяне некатолики составили союзъ (конфедрацію) и, требуя равноправности и терпимости вѣроисповѣданій, обратились за помощію къ Россіи и къ протестанскимъ державамъ.—Императрица Екатерина II приняла союзъ подъ свое покровительство, и только рѣшительныя угрозы русскаго посланника князя Репнина и страхъ передъ Русскими войсками, заставили одуматься сеймъ, созванный королемъ по настоянію Репнина. На этомъ сеймѣ назначена была коммиссія изъ 70 лицъ, которая заключила съ Репнинымъ трактатъ, хотя отчасти облегчавшій участь православныхъ въ Польшѣ. Трактатомъ этимъ опредѣлено: католическая религія въ Польшѣ признается господствующею, переходъ изъ нея въ другое вѣроисповѣданіе почитается преступленіемъ; но за то православнымъ предоставляется право поддерживать, строить и содержать церкви, дома церковные, школы, больницы. Духовнымъ дозволялось свободно напутствовать больныхъ, хоронить публично умершихъ, отбывать крестные ходы; они освобождались отъ зависимости отъ польскихъ ксендзовъ и отъ даней, платимыхъ въ пользу послѣднихъ; дѣтямъ, рожденнымъ отъ смѣшанныхъ браковъ, дозволено было слѣдовать: сыновьямъ—вѣроисповѣданію отца, дочерямъ—матери. Православные освобождались отъ обязательнаго присутствія при католическихъ крестныхъ ходахъ и, для разбирательства религіозныхъ столкновеній, устро-

*) Морачевскій, польс. древности, I, 195,—Въ петербургскомъ изданіи Uolumina legum, J Огрызко, постановленія конфедераціи 1732 г. не внесены; однако-жъ въ приведенномъ ниже трактатѣ съ Россіею 1775 г. видно, что постановленія эти имѣли силу закона.

**) Uolum. legum, VII, стр. 8 и 40.

***) Морачевскій, польск. древн. I, 196.

енъ былъ смѣшанный судъ изъ 17 католиковъ и 8 протестантовъ и православныхъ. Наконецъ, обѣщано было королемъ сохраненіе равноправности при раздачѣ должностей *).

Но это облегченіе, доставленное вліяніемъ Россіи православнымъ подданнымъ Рѣчи Посполитой, было непродолжительно. Фанатическая шляхта озлобилась противъ вышеприведенныхъ пунктовъ трактата; вспыхнула такъ-называемая барская конфедерація, волновавшая Польшу цѣлые четыре года и усмиренная, наконецъ, русскими войсками. По окончаніи войны, Россія возвратила отъ Рѣчи Посполитой Бѣлоруссію; но за то сдѣлала въ новомъ трактатѣ, заключенномъ 1775 года въ Варшавѣ, значительныя уступки общественному мнѣнію Польской шляхты, относительно православныхъ, живущихъ въ Польшѣ. Такъ, въ особомъ прибавленіи, приложенномъ къ трактату, сказано было, что русское правительство соглашается, чтобы впредь православные были исключены изъ сената и министерствъ; что хотя шляхетскіе православные роды и будутъ пользоваться всѣми правами, наравнѣ съ дворянами католическими, однако законъ этотъ не будетъ относиться къ тѣмъ, которые приняли бы впредь православіе. Притомъ, на сеймѣ не должно быть никогда больше трехъ депутатовъ некатоликовъ. Смѣшанный судъ уничтожается и дѣла его переносятся въ королевскій ассесорскій судъ. Публичныя похороны вновь запрещаются православнымъ. Наконецъ, православнымъ церквамъ воспрещается употребленіе колоколовъ **).—Въ такомъ положеніи православные подданные Польши и дожили до ея паденія.

По мѣрѣ того, какъ польскимъ правительствомъ постепенно тѣснилось православіе посредствомъ цѣлаго ряда вышеприведенныхъ узаконеній, съ другой стороны имъ были приняты дѣятельныя и послѣдовательно обдуманныя мѣры для того, чтобъ обезоружить православіе, отнять у него возможность сосредоточиваться и лишить народъ единственнаго сословія, поддерживавшаго его нравственныя силы, и защищавшаго его въ неравной борьбѣ съ врагами. Мѣры эти были направлены на православное духовенство вообще и на высшую церковную іерархію въ особенности.

Послѣ брестъ-литовской уніи, митрополитъ и большинство православныхъ епископовъ, признавъ ее, стали на сторонѣ религіознаго нововведенія. Правительство рѣшилось утверждать преемниковъ ихъ только въ такомъ случаѣ, если они признаютъ унію, и, такимъ образомъ, намѣревалось, раньше или позже, захватить и поставить подъ знамена уніи всю православную, зависѣвшую отъ него, іерархію, полагая, что

*) Морачевскій, польскія древности, I, 197.

**) Volum. legum, VIII, стр. 47—49.

паства безъ правителей, рано или поздно, должна будетъ подчиниться вліянію пастырей. Но обстоятельства помѣшали осуществленію сразу этого плана. Въ 1621 г. казацкій гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный, пользуясь присутствіемъ въ Кіевѣ Ѳеофана, патріарха іерусалимскаго, упросилъ его посвятить на кіевскую митрополію и на епископскія каѳедры, занимаемыя уніатами, лицъ преданныхъ православію. Король Сигизмундъ III, религіозные планы котораго уничтожались возстановленіемъ православной іерархіи, слишкомъ сильно нуждался въ военной помощи Конашевича и, потому, не осмѣлился противорѣчить возстановленію православныхъ епископовъ на каѳедры, занятыя уже епископами уніатскими, которыхъ однихъ онъ признавалъ законными. Въ продолженіе цѣлыхъ сорока послѣдующихъ лѣтъ, польское правительство, вслѣдствіе безпрестанныхъ козацкихъ возстаній и невозможности овладѣть мнѣніемъ массы южно-русскаго народа, должно было сносить присутствіе православныхъ святителей. Правда, короли не утверждали ихъ въ должностяхъ, подобно уніатскимъ епископамъ, не гарантировали ихъ правъ, ихъ епископскаго суда, ихъ имѣній и доходовъ, и считали существованіе ихъ фактомъ незаконнымъ, непріятною необходимостью, вытекающею изъ невозможности, какъ выражались современники, „успокоенія Руси“; но, тѣмъ не менѣе, бывали минуты, когда, по требованію обстоятельствъ, польское правительство входило въ переговоры съ непризнанными имъ законно владыками. Такъ, на сеймѣ 1632 года, Петръ Могила получилъ изъ рукъ короля дипломъ на свободу вѣроисповѣданія для православныхъ. Такъ, при составленіи договоровъ съ Хмѣльницкимъ, поляки нѣсколько разъ обѣщали признать православныхъ епископовъ. Такъ, въ 1658 году, желая возвратить утраченную Малороссію, послы польскіе обѣщали, при составленіи гадяческихъ статей, не только признать православную іерархію, но даже предоставить въ сенатѣ мѣста кіевскому митрополиту и нѣсколькимъ православнымъ епископамъ. Но, при первой возможности, обѣщанія эти нарушались, короли медлили съ присылкою подтвердительныхъ грамотъ, а епископы, пріѣхавшіе на сеймъ, въ силу гадяческихъ статей, не были допущены въ сенатъ и должны были выѣхать изъ Варшавы.

Послѣ окончательнаго отдѣленія Малороссіи отъ Польши и послѣ утвердительнаго андрусовскаго договора, польское правительство начинаетъ смѣлѣе дѣйствовать противъ православія въ оставшейся подъ его властью части Южно-русскаго края, какъ въ законодательномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи къ православной іерархіи. Уже въ 1664 году, по приказанію короля Яна-Казиміра, послѣдній православный митрополитъ, проживавшій въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій, былъ, безъ всякой вины и повода, безъ всякаго суда, какъ сознаются въ томъ даже польскіе историки, схваченъ и

заточенъ въ маріенбургскую крѣпость *). Преемники его, конечно, не отваживались болѣе выѣзжать изъ предѣловъ Россіи. Но въ границахъ Рѣчи Посполитой оставалось до 10 православныхъ епархій, епископы которыхъ могли сноситься съ митрополитомъ, управлять своею паствою и удерживать ее отъ перехода въ унію. Для упраздненія этихъ каѳедръ были приняты правительствомъ слѣдующія мѣры: признавая на епископскихъ мѣстахъ уніатовъ законными епископами, правительство польское отчислило въ пользу послѣднихъ всѣ епископскія имѣнія и доходы, оставляя, такимъ образомъ, высшее православное духовенство въ крайней нищетѣ **). Оно запретило православнымъ духовнымъ выѣзжать за границу Рѣчи Посполитой и тѣмъ затруднило возможность рукоположенія въ епископы. При упраздненіи православной епископской каѳедры, правительство подчиняло управленіе православной паствы уніатскому епископу той же епархіи ***). Въ архимандриты и игумены всѣхъ сколько-нибудь зажиточныхъ монастырей назначаемы были уніаты, иногда даже свѣтскія лица ****), которыя тотчасъ же захватывали монастырское имущество, разгоняли православныхъ монаховъ и водворяли на ихъ мѣсто уніатовъ. Ставропигіальныя православныя братства, по распоряженію сейма 1676 года, были, не смотря на прежнія привилегіи, лишены непосредственной зависимости отъ константинопольскихъ патріарховъ и подчинены мѣстнымъ владыкамъ-уніатамъ *****). Наконецъ, правительство приняло мѣры относительно самаго выбора православныхъ епископовъ. По обычаю, издавна установившемуся въ Южно-русскомъ краѣ, епископы избирались духовными и мірянами своей епархіи и, потомъ, утверждались королемъ ******). Во второй половинѣ XVII вѣка, при упраздненіи епископскаго стола, въ рѣдкой епархіи православные осмѣливались собраться для выборовъ: дворянъ православныхъ было весьма мало, а въ нѣкоторыхъ епархіяхъ ихъ вовсе не было, духовенство было разогнано и загнано, крестьяне и мѣщане, подъ сильнымъ гнетомъ шляхтичей и королевскихъ старостъ, не смѣли распоряжаться своимъ голосомъ. Первый попавшійся староста, въ городѣ котораго посполитые люди собрались бы для выборовъ епископа, могъ объявить ихъ собраніе бунтомъ, своевольною купою, и разогнать силою оружія. Король еще рѣже подтверждалъ выборы. Если и

*) Морачевскій, исторія Польши, IX, 113.

**) См. Книга городская кіевская, № 25, листъ 7.

***) См. Книга городская кіевская, № 23, листъ 199 и 312.

****) См. Книга городская кременецкая, № 1609, л. 209.

*****) Volum. legum, V стр. 180, § 39.

******) Какъ образецъ утвердительной королевской грамоты, мы можемъ привести грамоту, выданную королемъ Іоанномъ III епископу Діонисію Жабокрицкому, см. лѣтопись Величка, т. III, стр. 299 по 304.

бывали случаи подтвержденія, то это было только тогда, когда выбранное лице обязывалось принять, послѣ истеченія извѣстнаго времени, унію. Дѣйствительно, за все это время, всѣ снискавшіе королевское подтвержденіе православные епископы, выждавъ немного, объявляютъ о своемъ присоединеніи къ уніи. Таковы были: Иннокентій Винницкій, епископъ Перемышльскій, выбранный около 1663 года и уже въ 1670 г. правившій, въ качествѣ уніата, имѣніями, отчисленными отъ кіевской православной митрополіи *); Кипріанъ Жоховскій, епископъ бѣлорусскій, не только принявшій унію, но и насильно обращавшій въ нее (съ 1690 по 1700 годъ) свою епархію **); Іосифъ Шумлянскій, выбранный епископомъ львовскимъ, около 1680 года, и принявшій унію въ 1681 году, за что, потомъ, былъ переименованъ въ уніатскаго львовскаго архіепископа ***), Афанасій Шумлянскій, епископъ луцкій, и избранный послѣ него, въ 1694 году, Діонисій Жабокрицкій, который, послѣ полученія королевской подтвердительной грамоты, также перешелъ въ унію, въ 1701 году ****). Послѣ удаленія изъ края епископа Жабокрицкаго, въ 1709 году *****), до паденія Польши, 1795 г., ни въ одной епархіи Южно-русскаго края не состоялось выбора православнаго епископа. За всѣ эти 80 лѣтъ, православіе, тѣснимое самыми крутыми мѣрами правительства, шляхты и уніатскаго духовенства, лишено было всякой іерархіи, всякаго центра, въ которомъ могли бы сосредоточиваться силы для защиты своей вѣры.—Польское правительство достигло своей цѣли: оно разрушило православную іерархію. Но православное простонародье, лишенное церковной іерархіи, продолжало, по старинному обычаю, выбирать приходскихъ священниковъ изъ собственной среды и посылать ихъ, не смотря ни на какія препятствія и угрозы, для рукоположенія, за границу Рѣчи Посполитой,—то въ Кіевъ, то въ Переяславль, то въ Молдавію******). Каждый приходъ дружно окружалъ своего приходскаго православнаго священника и велъ отчаянную неравную борьбу съ навязываемымъ администраціею, а иногда и военною силою, уніатскимъ духовенствомъ. Между тѣмъ, и низшее православное духовенство не было забыто польскимъ законодательствомъ. По

*) Лѣтопись Величка, т. II, стр. 43 и 245.

**) Лѣт. Величка, т. III, стр. 313—316.

***) Лѣт. Величка, т. II, стр. 486—487 и 503.

****) Книга городская луцкая, № 2238, листъ 1120, и городская владимірская, № 1078, листъ 609.

*****) Послѣ полтавской побѣды, во время занятія русскими войсками Польши, Жабокрицкій былъ арестованъ и сосланъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ и умеръ. Лѣтоп. Величка, т. III, стр. 408.

******) См. книги городскія: кіевскую, № 135, листъ 115; луцкую, № 2238, л. 1116; кременецкую, № 1612, л. 805; также—многочисленные акты, напечатанные въ Арх. юго-запад. Россіи, часть I, томъ II.

древнему обычаю, міряне каждаго прихода выбирали себѣ священника. Въ силу установившагося обычая, выборъ почти всегда падалъ на одного изъ сыновей умершаго священника, такъ-какъ они заблаговременно получали воспитаніе, болѣе соотвѣтственное іерейскому назначенію. Выбранный прихожанами кандидатъ отправлялся къ епископу своей епархіи, принималъ отъ него рукоположеніе и, потомъ, занималъ безпрепятственно приходъ *). Но въ 1647 году, сеймъ постановилъ новый законъ, по которому священникъ не могъ занять прихода, не получивъ предварительно согласія отъ шляхтича, которому принадлежитъ село, или отъ старосты, либо державца, въ королевскихъ имѣніяхъ **). Послѣ этого, занятіе прихода было поставлено въ прямую зависимость отъ фанатической католической шляхты, которая, въ рѣдкихъ случаяхъ, и то, по большей части, только за плату довольно значительную, соглашалась давать православнымъ на занятіе приходовъ свои подтвердительныя грамоты, или, такъ-называемые, *презенты*. Тѣснимое, православное духовенство должно было отправляться искать мѣстъ за Днѣпромъ. Если, воспользовавшись какимъ-нибудь благопріятнымъ случаемъ, прихожане и успѣвали выхлопотать *презенту* для православнаго священника, то встрѣчали затрудненіе въ выборѣ лицъ и весьма часто принуждены были обращаться къ малообразованнымъ и едва грамотнымъ своимъ собратамъ-поселянамъ. Въ такомъ случаѣ, шляхтичи удерживали надъ священникомъ помѣщичье право, гнали его на барщину, въ случаѣ отлучки изъ села, преслѣдовали и наказывали, какъ бѣглаго крестьянина, и т. п. ***). Оскорбленія, обиды сыпались градомъ на низшее православное духовенство. Гродскія книги, за весь XVIII в., наполнены фактами такого рода. Изумительную картину насилій представляютъ 2 послѣдніе тома, изданные кіевскою археографическою Коммисіею. Всѣ эти насилія продолжались до самого паденія Польши.

Изъ этого очерка ясно видно, что угнетеніе православія и православной церкви было дѣломъ не частнаго латино-шляхетскаго произвола, а результатомъ политики польскаго государства, задачей зрѣло обдуманной правительственной системы. Роль шляхты была тутъ не болѣе, какъ ролью медвѣдя, услуживавшаго своему другу.

Какое же заключеніе слѣдуетъ сдѣлать объ этой политикѣ? Историческое безпристрастіе не позволяетъ осудить ее, потому-что она находитъ полное оправданіе въ политической необходимости.

Для правительствъ, государственный интересъ есть высшій интересъ, которому должны подчиняться всѣ другіе интересы. Политическое объ-

---

*) Мацѣевскій, Польща и Русь до половины XVII в., томъ II, стр. 170.

**) Volum. legum, т. IV, стр. 59, § 54.

***) См. книги городскія—винницкую, № 1599, л. 141 (на оборотѣ) и 382, и кременецкую, № 1835, л. III (на обор.)

единеніе государства, какъ первая потребность его бытія, какъ необходимое условіе его крѣпости и прочности, было именно такимъ интересомъ для польскаго правительства, которое и дѣйствовало въ этомъ смыслѣ, при томъ дѣйствовало мѣрами, вполнѣ раціональными и умно разсчитанными. Объединяющимъ началомъ въ Польшѣ служилъ католицизмъ, сдѣлавшійся символомъ польской народности; а потому, въ русскихъ областяхъ, вошедшихъ въ составъ польскаго государства, необходимо было, во что бы ни стало, поставить католицизмъ на мѣсто православія, какъ символа народности русской. Къ этой цѣли и были направлены всѣ дѣйствія польскаго правительства: придумана унія, которая не вдругъ, но вѣрно, вела русскій народъ къ латинству; потомъ, принимались мѣры, которыя, прямымъ или косвеннымъ путемъ, вели къ уніи или, гдѣ было можно, прямо къ латинству. Результаты доказали вѣрность принятой польскимъ правительствомъ политической системы: русское дворянство, лишенное политическихъ правъ, не выдержало изолированнаго положенія посреди дворянства католическаго, полноправнаго и господствовавшаго, оно быстро примкнуло къ нему, т. е. окатоличилось и ополячилось; высшее православное духовенство, лишаемое имуществъ, значенія, и не признаваемое правительственною властью, покорялось неизбѣжной необходимости и подчинялось папству; монашество, лишаемое монастырей и убѣжищъ, разсѣевалось и исчезало; священство, теряя каждый день храмы, отдаваемые уніатамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возможность продолжать пастырское служеніе, уступало нуждѣ, признавало папство или убѣгало за границу; наконецъ упраздненіе іерархіи должно было неизбѣжно окончиться и упраздненіемъ самой церкви. Простой народъ, порабощенный и во множествѣ присоединенный уже къ уніи, оставшись безъ пастырей и безъ общественной руководной силы, не могъ бы долго устоять,—и не вмѣшай анархическая шляхта своихъ дикихъ насилій въ процессъ постепеннаго разложенія православной русской стихіи, дай она ей время разлагаться на почвѣ правительственныхъ мѣропріятій, и не вызови она, своимъ неистовымъ своеволіемъ, народныхъ массъ на борьбу за политическую независимость, борьбу, поразившую смертельно польское государство,—политика правительства восторжествовала бы и неумолимая исторія оправдала бы ее. Но шляхетская Польша не носила въ себѣ никакихъ задатковъ жизни: въ нее, съ самого зарожденія, залегло начало разрушенія, и шляхта спасла Западный край для Россіи, которая, пользуясь уроками исторіи и своимъ неотъемлемымъ правомъ самосохраненія, безъ сомнѣнія, не станетъ терять времени на полумѣры, но будетъ дѣйствовать энергично и послѣдовательно, направляя всѣ свои способы къ одной цѣли—возстановленію и укрѣпленію истиннаго русскаго элемента въ здѣшней странѣ, къ чему счастливое начало уже положено.

Мистификація папскихъ возгласовъ противъ Россіи

Кояловича.

Папа выбивается изъ силъ, чтобы обратить на себя вниманіе Россіи. То онъ разнуздывается на краю гроба до разгула средневѣковаго господства и съ изумительнымъ безразсудствомъ совершаетъ важнѣйшее въ народныхъ кодексахъ преступленіе: crimen laesae majestatis,—оскорбляетъ явно, открыто нашего Государя. То съ забывчивостію разслабленнаго осуждаетъ то самое польское духовенство, которое прославлялъ вчера до небесъ передъ лицомъ всего міра, и обѣщаетъ какъ будто отдать справедливость Россіи. То, наконецъ, опять нападаетъ на Россію за какое-то преслѣдованіе латинства и призываетъ латинянъ русской имперіи къ неповиновенію русскимъ законамъ.

Что это значитъ: слабосиліе ли папы, или мнимое могущество тѣхъ принциповъ, которыми живетъ латинство? Мы думаемъ, что послѣднее. Маколей справедливо выразился въ одномъ мѣстѣ о латинской церкви, что она способна постоянно обновляться; но знаменитый историкъ, къ сожалѣнію, не вдумался въ тѣ матеріалы, изъ которыхъ обыкновенно совершается это обновленіе,—мы бы тогда имѣли готовую прекрасную картину смѣшенія добра и зла, совершающагося въ этой церкви изъ вѣка въ вѣкъ, изъ года въ годъ, съ неутомимою работою, точно въ химической лабораторіи. Картина эта особенно была бы интересна, если бы для нея взяты были краски изъ настоящаго времени. Ихъ доставляетъ въ богатомъ количествѣ и разнообразіи вся западная Европа, создавшая, какъ извѣстно, свой бытъ на латинскихъ началахъ и живущая ими и въ настоящее время, не смотря на всѣ протестантскія и философскія передѣлки. Посмотрите, до какого безразличія дошло въ ней смѣшеніе добра и зла! Одинъ польскій вопросъ сколько представляетъ интригъ, низостей, забвенія самыхъ простыхъ правилъ истины и добра Въ старыя времена обманщиковъ, изобрѣтателей зла, по крайней мѣрѣ, называли надлежащими именами и бились съ ними. Было много зла отъ этого: но, по крайней мѣрѣ, не растлѣвалась такъ бы-

стро народная нравственность. Теперь растлѣнію—широкій просторъ, обманщики и обманутые уже не ссорятся и не бьются, а только раскланиваются

Само собою разумѣется, что въ этомъ хаосѣ, въ этомъ броженіи растлѣвшихъ началъ, папа долженъ пріобрѣсть видное положеніе; это его историческая стихія, его область, созданная такъ заботливо и искренно цѣлыми вѣками, особенно послѣднимъ періодомъ латинства — отъ начала іезуитства. Всѣ позволяютъ себѣ много въ области святыхъ принциповъ общежитія; папа долженъ позволить себѣ еще больше. Его „non possumus" для законныхъ требованій естественно должно превратиться въ „omnia possumus", все можемъ для латинства. Онъ необходимо долженъ удивлять міръ невѣроятно противорѣчивыми и необузданными дѣйствіями. Только въ этомъ и можетъ обновляться латинство. Этимъ только оно можетъ, при настоящемъ пресыщеніи жизнію западно-европейскаго міра, привлекать къ себѣ вниманіе, давать пищу экзальтаціи, страсти къ новости, жаждѣ неразгаданнаго.

Мы, русскіе, составляемъ въ этомъ случаѣ предметъ особенной заботливости папы. Его дѣйствія по отношенію къ намъ имѣютъ особый смыслъ, который, кажется, у насъ немногіе разгадываютъ. Папа, котораго казна, какъ гласятъ слухи, знаетъ частицу денегъ, похищенныхъ въ Варшавѣ, у котораго подъ бокомъ цѣлая колонія польскихъ ксендзовъ, пановъ и мелкой шляхты въ царствѣ Польскомъ, не можетъ онъ не знать, что тамъ никто не трогаетъ ни латинства, ни латинянъ. Онъ даже не можетъ не удивляться благодушію Россіи, поступившей съ тамошними патерами-возмутителями такъ поразительно деликатно какъ не поступило бы ни одно латинское государство. Словомъ, онъ очень хорошо знаетъ, что ему нечего безпокоиться за благосостояніе латинства въ Польшѣ, а между тѣмъ онъ вопіетъ, онъ бросаетъ въ насъ громы и молніи! За что такое трогательное вниманіе къ намъ, схизматикамъ? Секретъ этотъ очень простъ.

Папа, какъ и всѣ польскіе ксендзы, паны, шляхта, иначе не представляетъ себѣ Польши, какъ въ предѣлахъ 1772 года и даже сверхъ предѣловъ Польши 1772 г. Думая, говоря о Польшѣ, онъ всегда разумѣетъ эту именно сверхъ предѣльную Польшу, т. е онъ думаетъ и говоритъ собственно о западной Россіи, начиная отъ дѣйствительной Польши до глубины восточной Россіи, безъ точнаго обозначенія здѣсь предѣловъ, какъ свойственно безпредѣльному по власти папѣ. Какъ скоро такъ представляется дѣло, то всѣ возгласы папы становятся совершенно ясными.

Во всей исторіи латинства можно замѣтить, что въ немъ распространеніе его рѣшительно преобладало надъ утвержденіемъ Латинство всегда больше заботилось о томъ, чтобы у него было побольше послѣдователей, нежели о томъ, чтобы они были получше. Пропаганда—первый символъ

латинства на ряду съ папствомъ. Въ настоящее время этотъ символъ заставляетъ папу задумываться болѣше, чѣмъ когда-либо. Въ западной Европѣ латинство перепробовало уже всѣ свои художества. Они перешли въ жизнь народовъ, но изсушили вѣру и обращаются теперь противъ самого же латинства. Не знаемъ, вѣрно или нѣтъ, но намъ разсказывали, что какой-то іезуитъ сдѣлалъ передъ однимъ русскихъ такое признаніе: „все уже истлѣло въ западной Европѣ для латинства; никакими средствами намъ уже не оживить вѣры, вся наша надежда на востокъ, на васъ, русскихъ, потому мы такъ и обращаемъ на васъ наше вниманіе!“ Вотъ, гдѣ главная причина особеннаго вниманія къ намъ папы!

Само собою разумѣется, что изъ всѣхъ русскихъ земель западная Россія—первый предметъ папскихъ заботъ, а между тѣмъ она теперь въ такомъ положеніи, что мудрено приложить заботы, напротивъ, на каждомъ шагу тревога и тревога. Начните въ самомъ дѣлѣ вглядываться въ положеніе этой страны, начиная съ крайнихъ западныхъ этнографическихъ ея предѣловъ. Тамъ, въ люблинской и августовской областяхъ слишкомъ полмилліона русскихъ уніятовъ. Россія не трогаетъ ихъ въ вѣрѣ, которой самостоятельное существованіе невозможно, какъ всякому это очевидно. Папа не можетъ не благословить Бога за это благодушіе ваше. Но онъ, безъ всякаго сомнѣнія, хорошо понимаетъ дѣйствительное положеніе уніятовъ царства Польскаго. Онъ, безъ сомнѣнія, знаетъ, что тамошніе уніяты жаловались, зачѣмъ во главѣ ихъ поставленъ латинянинъ, монахъ, доминиканецъ въ уніятской одеждѣ. Онъ, безъ сомнѣнія, знаетъ, что невозможно, чтобы эти несчастные уніяты оставались дольше подъ игомъ власти и глумленій со стороны польскихъ латинянъ, что они должны получить самостоятельное и обезпеченное положеніе, а все это при ихъ настоящей крестьянской свободѣ, при ихъ несомнѣнномъ русскомъ оживленіи, можетъ повести къ результатамъ очень непріятнымъ для латинства, при всемъ нашемъ русскомъ нежеланіи помогать нашимъ братьямъ, коль скоро это можетъ быть непріятно папѣ.

Переходя за этотъ уніятскій рубежъ къ востоку, открываются дѣла еще болѣе непріятныя для папства. Тутъ нѣсколько милліоновъ съ давнихъ поръ уже потеряны для латинства. Папа никогда не можетъ забыть объ этой потерѣ. Онъ всегда будетъ вопіять: „dolor, maximus dolor!“ (скорбь, жестокая скорбь!) всегда будетъ негодовать за это противъ Россіи. Еще, въ прежнее время, до возстанія, онъ утѣшался, что унія въ этой странѣ существуетъ. Его убаюкивали фальшивыми прошеніями отъ этихъ уніятовъ. Онъ говорилъ о нихъ, какъ о существующихъ. Мечту эту дѣйствительно осуществляли по мѣстамъ многочисленные ксендзы и паны западной Россіи. Но теперь!... Теперь не то. Теперь трудно не видѣть въ возсоединенныхъ—западно-русскихъ

православныхъ людей и еще труднѣе найти между ними уніятовъ. Мало того, теперь въ самомъ латинскомъ населеніи этой страны совершается движеніе въ православную сторону. Мало и этого, теперь въ самомъ латинскомъ духовенствѣ совершается кой гдѣ что-то необычайное, Нѣкоторые ксендзы поженились, — полагается начало латинскому расколу.

Всѣмъ этимъ направленіямъ нельзя не желать полнѣйшаго успѣха, широкаго развитія — нельзя не желать не только съ православной и русской точки зрѣнія, но съ обще-славянской и даже просто съ общечеловѣческой точки зрѣнія. потому что латинство, главнѣйшая помѣха и въ Польшѣ, и, тѣмъ болѣе, въ западной Росси къ установленію мира и братскихъ отношеній съ восточной Россіей. Но папа не можетъ смотрѣть на дѣло ни съ одной изъ этихъ точекъ зрѣнія! Онъ можетъ только бросать анаѳемы и противъ православія, и противъ Россіи, и противъ человѣчества. Ему больно, дѣйствительно больно, онъ не можетъ не вопіять: ему должно быть больно и онъ долженъ вопіять особенно въ настоящее время. Благодаря безцеремонности почтеннаго первосвященника, выразившейся такъ грубо въ знаменитой его аллокуціи о Польшѣ, прервана теперь самая крѣпкая нить. къ которой привязывались всѣ папскія пожеланія на счетъ Россіи—прерваны сношенія наши съ Римомъ: слѣдовательно, не имѣетъ силы нашъ конкордатъ съ папой, — этотъ брилліантъ латинскаго у насъ успѣха. Теперь могутъ быть сдѣланы дѣла величайшей важности. Теперь удобнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ когда-либо, можетъ быть поднять вопросъ о независимости латинской церкви въ Русской имперіи отъ Рима. Многимъ эта мысль покажется, можетъ быть, странною новостію. Для насъ тутъ нѣтъ ничего новаго. Это предметъ давнихъ и старыхъ помышленій. Объ этомъ много думали, много хлопотали, много составляли съѣздовъ сами поляки еще въ XVI столѣтіи, при Сигизмундѣ-Августѣ, и если бы не папскіе нунціи, которые, какъ кошки, сторожили и уничтожали лучшіе проблески славянской жизни въ Польшѣ, мы бы давно видѣли въ этой странѣ то же, что видимъ въ Утрехтской церкви, которая живетъ себѣ безъ папы. Нельзя не утверждать, что независимость польской и латинской церкви отъ папы дѣло законное и особенно законнное со стороны Россіи. Зависимость ея отъ него необходимо требуетъ, чтобы Россія вошла въ ту или другую сдѣлку съ папой, заключила конкордатъ. Это значитъ, что русское правительство должно войдти въ сдѣлку съ римскимъ ученіемъ о папѣ, а эта сдѣлка рѣшительно невозможна. Никакой химикъ не отдѣлитъ въ папствѣ духовнаго элемента отъ политическаго. Входя въ сдѣлку съ папой, допуская въ Россію его духовное вліяніе, невозможно не допустить и политическаго его вліянія.

Дѣло это великолѣпно понимала Императрица Екатерина II, нехотѣвшая знать никакихъ сдѣлокъ съ папой. Дѣло это занимало покой-

наго Государя и въ латинской іерархіи были уже лица, которыя съ сочувствіемъ встрѣчали мысль о сверженіи съ себя ига зависимости отъ папы. Въ настоящее время намъ необходимѣе осуществить ее, чѣмъ когда-либо. Папѣ не долго быть государемъ самостоятельнымъ, даже въ той степени, на сколько онъ самостоятеленъ теперь. Ему скоро придется быть совершенно въ области чужой политики. Тогда мы возьмемъ на себя иго чисто-свѣтскаго вліянія на латинянъ имперіи чужаго государства. Папа, конечно, не предполагаетъ въ насъ такой податливости и заблаговременно вопіетъ о нашемъ варварствѣ: авось-либо мы повѣримъ его настоящему могуществу и обяжемся чѣмъ-либо по отношенію къ нему, раньше его паденія!

Наконецъ независимо отъ всѣхъ этихъ крупныхъ опасеній, папа не можетъ не смущаться слѣдующими обстоятельствами. При нынѣшнемъ направленіи дѣлъ въ западной Россіи, каждый день яснѣе и яснѣе представляется чудовищное, не вѣроятное положеніе тамъ латинства. Города загромождены латинскими монастырями — этими пагубными гнѣздами фанатизма, религіознаго и политическаго. Штаты латинской іерархіи представляютъ поразительное излишество чиновъ, имѣющее смыслъ только въ Римѣ и совершенно ненужное для дѣйствительныхъ нуждъ паствы. Провинціальная глушь усажена костелами, изъ которыхъ многіе совершенно ненужны для прихожанъ латинскихъ и сушествуютъ только ддя пропаганды между православными. Мы просимъ читателей, для уясненія нашихъ словъ, взглянуть въ религіозномъ атласѣ западной Россіи на карту Витебской губерніи, именно на Лепельскій уѣздъ. Тамъ православнымъ жителямъ нѣтъ проходу къ своимъ церквамъ отъ латинскихъ костеловъ, куда ихъ завлекаютъ силою всѣхъ латинскихъ святыхъ и силою всѣхъ козней іезуитовъ.

Затѣмъ, на всемъ пространствѣ западной Россіи настроено безчисленное множество латинскихъ каплицъ (часовень), тоже для цѣлей чисто пропагандистическихъ. Преинтересна была бы исторія многихъ костеловъ въ западной Россіи, если бы кто взялся за нее, какъ слѣдуетъ. Вотъ что мы знаемъ о глухихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи:

Священникъ латинскаго костела жалуется на огромное пространство своего прихода и проситъ себѣ помощника. Дѣло идетъ снизу вверхъ и получаетъ удовлетвореніе. Помощникъ назначается. Но приходъ малъ и дѣла мало. Какой нибудь панъ строитъ каплицу и, если считаетъ нужнымъ, проситъ для нея дозволенія. Помощникъ ксендза пріѣзжаетъ въ ней служить, сперва рѣдко, потомъ чаще, а затѣмъ утверждается на постоянное жительство. Каплица превращается въ приходскій костелъ. Прихожане, само собою разумѣется, отыскиваются. Этимъ способомъ въ Минской губерніи, въ этой прекрасной области по цѣльности народа, но страшно глухой въ физическомъ и нравствен-

номъ смыслѣ, въ настоящемъ столѣтіи изъ трехъ-четырехъ десятковъ латинскихъ приходовъ наплодилось больше осьмидесяти. Теперь дѣла латинства идти дальше этимъ путемъ не могутъ. У папы, конечно, болитъ сердце, онъ вопіетъ, само собою разумѣется. Ему со всею ясностію представляется, что теперь не могутъ не подвергнуть ревизіи штаты латинскихъ монастырей, каплицъ, разныхъ чиновъ латинской іерархіи, которыхъ мы, схизматики, не можемъ иначе понимать, какъ злоумышленіе противъ насъ и нашихъ братьевъ. Папа конечно знаетъ, что теперь у русскихъ людей, кромѣ убѣдительныхъ указаній жизни, есть еще и научное указаніе, какъ дѣйствовать по отношенію къ латинству. Мы разумѣемъ прекрасное, богатое фактами сочиненіе графа Д. А. Толстаго о римскомъ католичествѣ въ Россіи, особенно, недавно вышедшій второй томъ этого сочиненія. Жаль, что оно вышло только на французскомъ языкѣ. Крайне нужно бы подробно ознакомить русскихъ людей съ этимъ предметомъ. Мы не можемъ теперь исполнить этого дѣла, которое считаемъ нашею обязанностію; но укажемъ хоть на важнѣйшіе выводы этой книги. Авторъ говоритъ и все сочиненіе подтверждаетъ его слова, что невозможно примиреніе интересовъ русскаго правительства съ требованіями римскаго каноническаго права, что русское правительство, какъ иновѣрное, не имѣетъ никакой надобности входить въ какія бы то нибыло сдѣлки съ папою; но что особенно поразительно, вторая книга автора показываетъ наглядно, какъ странны и вредны были для Россіи всѣ сдѣлки съ папою, всѣ уступки ему. Онѣ повели къ невѣроятному явленію: латинство въ Россіи, благодаря этимъ уступкамъ, постепенно, постоянно возрастало, усиливалось. Мало того, благодаря этимъ уступкамъ, латинство успѣло создать въ Россіи совершенно новую церковь—армяно-католическую. Папа не можетъ не видѣть, что теперь невѣроятно, невозможно, чтобы въ Россіи латинство оставалось въ прежнемъ положеніи, чтобы оно не было подвергнуто тщательному изслѣдованію и не было поставлено въ такое положеніе, которое бы соотвѣтствовало дѣйствительнымъ нуждамъ латинскихъ вѣрующихъ, а не главенству папы, латинской пропагандѣ, іезуитскому настроенію латинской іерархіи въ русской имперіи. Dolor, maximus dolor, возопіетъ при этомъ всякій папа, и не столь чувствительный, какъ Пій IX. Страданіе, конечно, дѣло непріятное и нельзя не жалѣть о немъ, кто бы его ни испытывалъ; но что же дѣлать, если иначе мы не можемъ сохранять нашихъ собственныхъ интересовъ, самыхъ дорогихъ и святыхъ для русскаго міра. Да сохранитъ насъ Богъ отъ папской радости, папскаго довольства нами! Вторая книга гр. Толстаго показываетъ наглядно, какъ дорого всегда поплачивались мы, схизматики, за всякое удовольствіе, за всякую радость, доставленную нами папѣ.

Проэктъ іезуита объ уничтоженіи Греко-Россійскаго вѣроисповѣданія въ З. Россіи*).

Если цѣлость и безопасность государства основывается на взаимной любви, а любовь болѣе всего поддерживается единствомъ вѣры, то мы, Поляки, желая цѣлости и безопасности своему отечеству, всемѣрно должны стараться съ особеннымъ усиліемъ о единствѣ вѣры между подданными. Поелику же сіе единство въ краяхъ Русскихъ, какъ коренныхъ, такъ и къ В. Княжеству Литовскому принадлежащихъ, кажется (особенно по отношенію къ простому народу), наиболѣе разрушается разностію вѣры, то государственные чины и каждый Полякъ, въ особенности желающій сохранить цѣлость и безопасность своего отечества, должны поставить себѣ въ обязанность, чтобы Греческое вѣроисповѣданіе, вѣроисповѣданію Латинскому противное, всячески выводить, то презрѣніемъ, то преслѣдованіемъ, притѣсненіемъ тѣхъ, которые держатся онаго, и другими, возможными, дѣйствительными средствами. Будучи Полякомъ, въ жилахъ коего течетъ кровь древнихъ Поляковъ Латинскаго вѣроисповѣданія и желая отъ всего сердца счастія моему отечеству и вмѣстѣ большаго распространенія Римско-Католической вѣры, я съ свой стороны, почитаю слѣдующія средства дѣйствительнѣйшими къ искорененію суевѣрныхъ, или какихъ бы то ни было, Греческихъ обрядовъ и къ введенію на мѣсто ихъ, обрядовъ Латин-

*) Нѣсколько предварительныхъ словъ отъ редакціи „Дня“ Г. Грабовскій въ статьѣ своей помѣщенной въ нашей газетѣ, обвиняетъ, между прочимъ, профессора Иванишева въ томъ, что онъ отступничество Русскаго дворянства, на Волыни, отъ вѣры и народности — объясняетъ іезуитскою пропагандой. «Евгеній Св» и другіе достохвальные историки, говоритъ г. Грабовскій—намъ растолковали, что іезуиты всемогущіе козподѣи; теперь уже всякое загадочное явленіе можетъ быть легко объяснено: стоитъ только пустить въ дѣло „всемогущество іезуитовъ“. Это своего рода deus ex machina! Но дѣло объясняется само собою, просто и естественно», и проч.

Это простое и естественное объясненіе, предлагаемое г. Грабовскимъ, заключается,—не въ чемъ иномъ, какъ въ корыстолюбіи, эгоизмѣ и аристократическомъ чувствѣ

скихъ вмѣстѣ съ вѣрою Св. Римской Церкви, и представляю сіи средства всѣмъ истиннымъ поборникамъ сей вѣры и патріотамъ. Итакъ:

Во первыхъ, чтобы намъ совершить столь спасительное и вожделѣнное предпріятіе, должно стараться охранить нѣкоторую дружбу съ Россіею и возводить на Польскій престолъ такихъ Государей, къ которымъ бы расположена была сія держава. Ибо если то справедливо, что на поступки врага болѣе обращаютъ вниманія, то и Россія, будучи съ нами въ дружбѣ, не будетъ наблюдать нашихъ дѣйствій, къ чему они клонятся, и дѣла безъ помѣхи пойдутъ своимъ порядкомъ: чѣмъ съ большею для насъ пользою, тѣмъ съ значительнѣйшимъ для Россіи вредомъ.

Во вторыхъ, дворянство Русское Греческаго исповѣданія, хотя оно и соединилось съ Римскимъ и остается въ уніи, а тѣмъ болѣе отщепенцы (schizmatycy) ни къ какимъ не должны быть допускаемы государственнымъ должностямъ, особенно же къ такимъ, въ которыхъ они могутъ пріобрѣсть друзей, нажить имѣніе и снискать себѣ какое либо уваженіе, и такимъ образомъ покровительствовать всѣмъ своимъ единоплеменникамъ; это должно ограничить на сеймахъ новымъ строжайшимъ противъ прежняго, постановленіемъ. Въ особенности же каждый Полякъ долженъ въ собраніяхъ чуждаться Русскаго, въ сосѣдствѣ никакой не заводить съ нимъ дружбы, развѣ для своей выгоды; въ разговорахъ, въ присутствіи Русскаго, болѣе всего говорить о суевѣріи Русскихъ и т. п. Послѣ сего я почти могу увѣрить, что всякій лучше захочетъ перемѣнить вѣроисповѣданіе, и совершенно отказаться, что онъ былъ когда либо Русскимъ, нежели во всю жизнь терпѣть столько досадъ и огорченій.

Въ третьихъ, зажиточнѣйшіе обыватели отечества не должны принимать Русскихъ ни въ какія услуги, особенно не допускать ихъ туда, гдѣ они могли бы сколько нибудь образовать себя, развѣ въ томъ только случаѣ, когда можно надѣяться, что они откажутся отъ своего вѣроисповѣданія; ибо такимъ образомъ, пребывая въ невѣжествѣ, они впадутъ въ крайнюю нищету, и останутся въ самомъ презрѣнномъ уничиженіи, слѣдственно принуждены будутъ или совершенно пасть отъ своей должности или перемѣнить вѣроисповѣданіе для какого нибудь повышенія и улучшенія своего состоянія.

Въ четвертыхъ, такъ какъ въ городахъ и мѣстечкахъ Русскихъ

дворянства, испугавшагося казаковъ или черни (по выраженію автора), черни, возставшей за свою вѣру и свою народность. Неужели г. Грабовскій не замѣтилъ самъ, что его объясненіе не только не служитъ оправданіемъ дворянству, которое онъ беретъ подъ свою защиту, но становится положительнымъ тяжкимъ обвиненіемъ противъ аристократіи Западнаго края, обвиненіемъ, вполнѣ справедливымъ и налагающимъ на нее неизгладимое клеймо вѣроотступничества и измѣны. Мы въ правѣ думать, что г. Грабовскій умѣетъ цѣнить всякія начала духовныя и нравственныя, и что онъ ставитъ ихъ выше земныхъ, личныхъ, эгоистическихъ цѣлей; мало того, можно было полагать, что горячій поклонникъ аристократіи—онъ разумѣетъ ее какъ представительницу возвышеннѣйшихъ стремленій своего народа Такъ по крайней мѣрѣ ее стара-

находится еще весьма значительная часть зажиточныхъ жителей, то и сихъ нужно довести до нищеты и невѣжества, чтобы не могли ни деньгами, ни умомъ помочь себѣ; а достигнуть сего можно слѣдующимъ образомъ: ежели города находятся въ земскихъ имѣніяхъ, то наслѣдственные владѣтели, однимъ введеніемъ Жидовъ и помѣщеніемъ ихъ въ центрѣ города, погубятъ Русскихъ, ибо Евреи, по природной своей хитрости, приберутъ въ свои руки всѣ средства къ пріобрѣтенію доходовъ и завладѣнію всѣмъ въ городѣ; вытѣснятъ Русскихъ жителей изъ города и заставятъ ихъ вступить въ крестьянство. Если же города считаются въ имѣніяхъ, принадлежащихъ Двору, то государственные чины, подъ разными предлогами, должны мало по малу заставлять пріучать къ барщинѣ жителей тѣхъ изъ сихъ городовъ, которые не столь значительны; въ прочихъ же, кромѣ введенія Жидовъ, для вышеупомянутой цѣли, нужно, хотя не много, ввести римско-католиковъ. Равнымъ образомъ не безполезно также имѣть въ виду и то, чтобы всякія дѣла Магдебургскія и другія права выпускаемы были на Польскомъ, а не на Русскомъ языкѣ, отъ чего Русскіе останутся большими на всегда невѣждами и никто изъ нихъ не будетъ имѣть въ городахъ ни силы, ни важности.

Въ пятыхъ, самый трудный пунктъ къ разрѣшенію, въ семъ благодѣтельномъ начертаніи, составляютъ архіереи и священники, изъ коихъ однихъ нужно всѣми мѣрами стѣснить, а другихъ ослѣпить, чтобы не могли ни возвыситься, ни думать, а тѣмъ болѣе дѣлать, что имъ желательно. Въ этомъ и другомъ случаѣ, какъ должно поступать съ архіереями и какъ съ священниками—открою средства. Архіереи, кромѣ того, что должны быть изъ шляхты, какъ положено прежде конституціею, должны быть назначаемы изъ тѣхъ, которые находятся въ родственныхъ связахъ съ фамиліями Римскаго вѣроисповѣданія, чтобы при жизни благодѣтельствовали имъ, а то, что по смерти будетъ оставаться, чтобы доставалось въ наслѣдство не Русскимъ, но Полякамъ. Сверхъ того, мы и преемники наши никогда не должны допускать Русскихъ епископовъ къ засѣданію въ Сенатѣ, чтобы они не доставляли своему вѣроисповѣданію никакихъ важныхъ преимуществъ, не старались о возвышеніи своихъ единоплеменниковъ, не заводили дружбы съ поч-

---

ются опредѣлять лучшіе ея защитники! Между тѣмъ и самъ же разсказываетъ (въ похвалу дворянства)! что «Русская аристократія стала за дѣло Поляковъ или, вѣрнѣе, за свое собственное, т. е. за дѣло порядка, собственности, образованія»,—и для этого отступила отъ своей церкви и предала свой народъ! Г. Грабовскій забываетъ, что «порядовъ» состоялъ въ притѣсненіи и угнетеніи народа, а потому породилъ и долженъ былъ неизбѣжно породить безпорядокъ; что „образованіе“ имѣло задачею разрознить аристократію съ народомъ, по своему Польскому характеру, да и во всякомъ случаѣ самостоятельность края не могла бы повредить успѣхамъ самостоятельнаго духовнаго и умственнаго развитія. Собственность вотъ главная и существенная причина, ради которой дворянство измѣнило вѣрѣ и народности, и совершило колоссаль-

тенными и вездѣ уважаемыми въ отечествѣ лицами, а болѣе всего, что касается до настоящаго предмета, чтобы они и догадаться никакъ не могли, что подобный проектъ въ разсужденіи ихъ и цѣлой Руси—предпринимается и выполняется.

Въ шестыхъ, епископы наши всѣ вообще, взявшись, такъ сказать, за руки, должны приводить въ дѣйствіе съ особеннымъ тщаніемъ то, чтобы архіереи русскіе носили только титулъ викарныхъ, оставаясь совершенно въ зависимости и подчиненности отъ Латинскихъ; чтобы они и ихъ священники подвергаемы были ревизіи нашихъ прелатовъ, публично наказываемы за преступленія, и чтобы имъ выставляемы были на видъ ихъ суевѣрія, ибо такимъ образомъ архіереи не будутъ имѣть довольно силы противиться сему, а народъ будучи побуждаемъ Римскимъ начальствомъ, удобнѣе склонится къ тому, чтобы отступить отъ существеннѣйшихъ своихъ обрядовъ.

Въ седьмыхъ, священники въ наши времена большіе невѣжды, совсѣмъ неученые, безъ всякаго просвѣщенія и если они на всегда останутся въ такомъ состояніи, то это не только не будетъ служить препятствіемъ, но тѣмъ болѣе будетъ способствовать къ удобнѣйшему выполненію сего проекта; ибо, будучи оставлены безъ образованія, въ невѣжествѣ, они не въ состояніи будутъ ни знать своихъ обрядовъ, какъ и когда они установлены, ни постигать причинъ, по которымъ они введены въ Русскую церковь, ни внушать народу, что обряды сіи подлинно заимствованы отъ Греческой церкви, ни ясно и убѣдительно доказывать, что они ни въ чемъ не измѣнены, не суевѣрны, ни наконецъ основательно противиться уничтоженію оныхъ. А для того, чтобы удержать ихъ (что для насъ весьма нужно) въ столь глубокомъ невѣжествѣ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ я почитаю бѣдность, въ которой они какъ доселѣ оставались, такъ изъ оной никогда не выйдутъ, если станемъ поступать съ ними слѣдующимъ образомъ: 1) нужно, чтобы помѣщики не дѣлали никакихъ новыхъ эрекцій (?) иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы каждый рукополагающійся во священники покупалъ для продовольствія себя и своего семейства ту землю, которою пользовался его предшественникъ; такимъ образомъ продающіе и покупающіе будутъ подвергаться преступленію симоніи, какъ учили наши

ную политическую ошибку, поставивъ себя навсегда въ непріятное отношеніе къ простому народу! Не высокое же понятіе имѣетъ г. Грабовскій объ аристократіи вообще и о своихъ предкахъ въ особенности, если считаетъ всякое требованіе отъ нихъ нравственной доблести, подвиговъ и жертвъ, неумѣстнымъ, и если простоту и естественность поступковъ благороднаго дворянскаго сословія видитъ въ страхѣ, малодушіи и эгоистическомъ интересѣ,—побужденіяхъ, конечно не благороднаго свойства!

Мы не пишемъ отвѣта на статью г. Грабовскаго, отлагая это до другаго раза. Но пораженные такимъ отсутствіемъ нравственнаго критеріума въ постиженіи историческихъ событій, мы невольно вспомнили про документъ, который и предлагаемъ вниманію нашихъ читателей. Онъ служитъ однимъ изъ яркихъ образцовъ того ученія,

богословы; 2) если гдѣ находятся древнія эрекціи, то и тамъ имѣющіе право давать одобреніе (jus representandi), при выдачѣ онаго, могутъ брать деньги отъ поступающихъ во священники, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, не за одобренія, чтобы эти деньги не показывались тогда нѣкоторымъ образомъ церковными, но дабы тутъ же, въ самомъ началѣ, поставить священника въ невозможность запастись раскольническими и отщепенскими (schyzmatyckiemi) книгами. При выдачѣ же одобренія не должно описывать грунтовъ и прочихъ угодій обстоятельно (specifice), ибо таковыя одобренія могутъ служить, вмѣсто эрекцій — правомъ на всѣ тѣ выгоды, какими пользуется наше духовенство; довольно въ семъ случаѣ держаться слѣдующей, которую я имѣлъ случай читать, копіи: „я N. N. даю одобреніе N. N. освобождая отъ всякихъ повиностей господскихъ, высылки подводъ, и проч.:“ Съ такимъ-то благоразуміемъ поступали древніе Поляки, предки наши, достойные безсмертной славы. Почему и пользовались они, если не болѣе, то наравнѣ, или малымъ чѣмъ меньше, отъ священниковъ, нежели отъ крестьянъ, ибо священнику нигдѣ не позволено было брать водку, какъ только у Еврея арендатора, и если Еврей ловилъ съ оною на дорогѣ священника, или въ домѣ отыскивалъ, то тотчасъ выводилъ пару воловъ изъ двора священническаго; не позволялось также печь самимъ просфоръ, молоть хлѣбъ въ другой какой либо, кромѣ означенной, мельницѣ и въ случаѣ, если бы священникъ что нарушилъ, Еврей, разбивши анбаръ или кладовую, забиралъ и весь его хлѣбъ. Таковыми и симъ подобными средствами предки наши многихъ отщепенцевъ заставили обратиться въ нашу св. вѣру. Употребляя и мы сіи средства, успѣемъ, при помощи Божіей, перевести и прочихъ по крайней мѣрѣ на уніатовъ, и со временемъ всѣхъ обратить въ Римскихъ католиковъ. Намѣренію нашему будетъ споспѣшествовать и то, ежели мы воспретимъ священникамъ наживаться на счетъ нашихъ крестьянъ, и посредствомъ ихъ обогощаться. Въ семъ случаѣ и экономы и управители имѣній, если смерть переселитъ кого-нибудь въ другую жизнь, должны призвать къ себѣ наслѣдниковъ умершаго хозяина и опредѣлить имъ, что они должны будутъ заплатить за погребеніе;. если же священникъ назначае-

---

которое возводитъ безнравственность на степень благоугоднаго подвига и притупляетъ въ людяхъ, даже одаренныхъ отъ природы высокими душевными качествами, всякое нравственное чутье и пониманіе. Этотъ документъ хранится въ подчинникѣ въ архивѣ города Витебска. Намъ доставили его оттуда въ переводѣ, и мы долго не рѣшались его напечатать: намъ все казалось, что Поляки уже убѣждены въ беззаконности своего историческаго прошлаго относительно Западно-Русскаго края—и отягчать чувство національнаго стыда новымъ обличеніемъ, считали мы дѣломъ—невеликодушнымъ. Но послѣ статьи г. Грабовскаго, отрицающаго козни іезуитовъ и оправдывающаго вѣроотступничество и измѣну народу побужденіями эгоизма, мы перемѣнили наше намѣреніе. Витебскій документъ интересный и въ психологическомъ отношеніи, можетъ, кажется намъ, содѣйствовать разрѣшенію вопроса, какимъ образомъ можетъ

мою наградою не будетъ доволенъ, и умершаго погребать не станетъ, то общество пусть занесетъ трупъ ему на дворъ; должно также назначить самую ничтожную цѣну за совершеніе и прочихъ требъ,—чѣмъ воспрепятствуемъ имъ брать съ крестьянъ лошадей, коровъ, воловъ и недвижимое имѣніе, отказываемое по завѣщанію, а не рѣдко и вынужденное; прекратимъ всякія ихъ взятки какъ за таинства, такъ и за вымышленные ими обряды, и чрезъ то доведемъ ихъ до такой бѣдности, что они не въ состояніи будутъ имѣть и приличнаго одѣянія, а тѣмъ болѣе богатаго. Какъ же имъ будетъ запасаться потребными книгами, или, что важнѣе, давать дѣтямъ своимъ хорошее воспитаніе? Съ прекращеніемъ сихъ пріобрѣтеній законныхъ и не законныхъ, они лишатся всякихъ доходовъ и всякихъ средствъ къ поддержанію своего состоянія. Вообще всѣ мы должны стараться предложить на сеймахъ Римско-Католическимъ епископамъ нашимъ и сей проэктъ, чтобы они соборомъ (synodaliter) постановили, что и за какія требы должно платить Русскимъ попамъ, и обязали бы архіереевъ, чтобы они предписали протопопамъ или намѣстникамъ, чѣмъ и за что долженъ довольствоваться священникъ. Поступая такимъ образомъ, мы не попустимъ священникамъ выйти изъ бѣдности, что для насъ будетъ весьма полезно, а для Русскихъ нестерпимо, и сверхъ того возбудимъ еще въ крестьянахъ, посредствомъ таковой потачки, приверженность къ себѣ, а къ священникамъ ненависть, чѣмъ удобнѣе и преклоннимъ ихъ, когда ни захотимъ, на свою сторону.

Въ осьмыхъ, семейства священниковъ во всемъ должны зависѣть отъ власти мѣстнаго господина и его управленія и для большаго ихъ униженія, должны быть строго наказываемы за самыя малѣйшія преступленія или неповиновеніе. При чемъ надобно распускать слухи, что сыновья каждаго попа, обыкновенно поповичами (popowicze) называемые кромѣ одного, который на мѣсто своего отца имѣетъ поступить попомъ, не освобождаются отъ крестьянства; что они не могутъ поселяться въ вольныхъ городахъ, ни переходить съ одного мѣста на другое. Когда же они прійдутъ въ такое состояніе, что не станутъ вѣрить симъ не основательнымъ слухамъ, то нужно будетъ сдѣлать постановленіе подъ предлогомъ, будто это дѣлается для принужденія ихъ къ образо-

---

живаться такое нравственное противорѣчіе въ человѣкѣ извѣстномъ своими дарованіями, образованностью, развитіемъ. Мы думаемъ, что многіе Поляки, которыхъ мы искренно уважаемъ и высоко цѣнимъ дѣйствительно, невѣдомо для себя, ослѣплены туманомъ, напущеннымъ на ихъ умъ ложью іезуитизма, котораго образчикъ сейчасъ увидятъ читатели: безъ этого, трудно бы было себѣ объяснить то мужество, съ которымъ г. Грабовскій являетъ себя защитникомъ измѣны духовной и политической и объясняетъ такое безнравственное явленіе высокимъ, по его убѣжденію, значеніемъ принципа аристократическаго.

Мы затребовали, но еще не получили свѣдѣній о нѣкоторыхъ подробностяхъ, относящихся до этого документа. Нѣтъ сомнѣнія, что предлагавшій былъ увѣренъ въ

ванію себя, именно, что такіе-то изъ поповичей, которые не достигнутъ надлежащаго образованія, пусть остаются на всегда крестьянами своихъ господъ помѣщиковъ. А поелику же они имѣютъ свободный входъ въ наши публичныя училища, подобно всѣмъ дворянскимъ дѣтямъ, то сіи послѣдніе должны ихъ преслѣдовать: отцы ихъ (т. е. дворянскихъ дѣтей) незамѣтнымъ образомъ да подадутъ имъ къ тому способы, а благоразумные наставники, знаю (ибо я и самъ испыталъ), не только будутъ потворствовать сему, но и сами даже могутъ преслѣдовать. Такимъ образомъ пусть никто не считаетъ нужнымъ дѣломъ запрещать всѣмъ дѣтямъ Русскаго духовенства поступать въ училища, потому что 1) дѣти дворянъ, какъ обыкновенно случается, въ буйной молодости, сдѣлавъ какое либо преступленіе, будутъ имѣть случай сложить свою вину на Русскихъ; 2) Русскіе, получивъ отъ нашего духовенства хорошее образованіе, еще болѣе станутъ объяснять своему народу, что таинства Римской Церкви имѣютъ такую же важность, какъ и таинства Церкви Россійской, что обряды одни другимъ не противны, что Римско-Католическое вѣроисповѣданіе и вѣроисповѣданіе Греческое есть одно и тоже,—а это все съ теченіемъ времени, къ удобнѣйшему преклоненію упорныхъ умовъ Русскихъ послужить можетъ.

Въ девятыхъ, но если бы по какому нибудь случаю (чего впрочемъ не надѣюсь) Русскіе достигли надлежащаго образованія, то надлежитъ съ ними поступать такимъ образомъ: уговаривать тѣхъ, которые захотятъ оставаться въ духовномъ званіи, чтобы они вели жизнь безбрачную, и оказывать симъ болѣе, нежели другимъ, уваженіе, давать болѣе свободы увеличивать доходы, и проч: когда такимъ образомъ всѣ имѣющіе намѣреніе поступить во священники съ охотою станутъ избирать родъ жизни безбрачной, тогда намѣренія наши вполнѣ достигнутъ своей цѣли; ибо по смерти безбрачныхъ священниковъ, некому будетъ заступить ихъ мѣста; мѣщанскимъ и крестьянскимъ дѣтямъ запретить учиться, поповичей не будетъ, русскаго дворянства также мало, и то безъ всякаго образованія, и такъ дѣло дойдетъ до того, что мы станемъ опредѣлять на сіи мѣста своихъ приходскихъ священниковъ (plebanow) нашего Римскаго вѣроисповѣданія, а намъ это и нужно.

Въ десятыхъ, въ непреклонности удерживается простой народъ Русскій, умѣющій читать свои писанія. И такъ нужно устранять при-

---

полкомъ сочувствіи лицъ, къ которымъ обращался, и что если не въ подробностяхъ, то въ общихъ своихъ основахъ проэктъ былъ принятъ и даже приводился въ исполненіе до самаго присоединенія Западныхъ губерній къ Россіи. Мы увѣрены, что г. Грабовскій, вмѣстѣ со всѣми честными Поляками, ужаснется того цинизма, съ которымъ патеръ-іезуитъ излагаетъ свою безнравственную систему, что онъ заклеймитъ ее гласнымъ очужденіемъ. Покуда мы не согласимся въ главныхъ нравственныхъ вопросахъ,—споръ не возможенъ. Только при взаимномъ искреннемъ сознаніи нашихъ обоюдныхъ неправдъ можно будетъ намъ сблизиться и столковаться: безъ этого всѣ наши пренія будутъ безплодны.

ину таковаго упорства, и упорство само собою изчезнетъ,—что не трудно намъ Полякамъ сдѣлать, если запретимъ дѣтямъ своихъ крестьянъ учиться по-Русски въ находящихся при церквахъ школахъ; симъ не только достигнемъ вышеозначенной цѣли, но и предохранимъ себя отъ тѣхъ невыгодъ, какія не рѣдко испытываемъ отъ своихъ крестьянъ, ибо мужичекъ, выучившись въ простой сельской школѣ, уходитъ отъ своего господина за нѣсколько миль и ищетъ свободы, на что жалуются воедства Русско—Волынское, и Брацлавское, съ прилежащими къ нимъ уѣздами. Посему экономамъ и управителямъ нужно бы внушать въ ихъ инструкціяхъ, дабы они строго смотрѣли за тѣмъ, чтобы Русскія крестьянскія дѣти пріучаемы были не къ книгамъ, но къ плугу, сохѣ, ралу и т. п.

Въ одинадцатыхъ, чтобы удобнѣе погубить, со временемъ, Русскихъ, для сего не худо бы записывать въ общую особую книгу всѣ случающіяся въ ихъ обрядахъ неблагопристойности, нескромныя слова и поступки противъ Римлянъ, частныя приключенія (hystorye) священниковъ, въ которыхъ, при столь великомъ ихъ множествѣ, не будетъ недостатка, дабы когда этотъ проэкъ начнетъ приводиться въ дѣйствіе, всякій видѣлъ основательныя причини таковыхъ дѣйствій противъ Русскихъ со стороны Поляковъ; но если бы недостаточно было однихъ дѣйствительныхъ упрековъ противъ Русскихъ, то весьма полезно будетъ, къ подкрѣпленію нашихъ замысловъ, разглашать хорошо обдуманные противъ нихъ вымыслы, тайно подбрасывать письма подъ именемъ священниковъ, а лучше бы и самихъ архіереевъ, вредныя имени Польскому, вредныя вѣрѣ Католической, возводить на нихъ мятежи и убійства: только бы это служило въ свое время не маловажнымъ, къ уничтоженію въ Польшѣ Греческой религіи, поводомъ, и сильнымъ какъ для сенаторовъ, такъ и для прочей шляхты Католическаго исповѣданія, побужденіемъ къ выполненію спасительнаго предпріятія.

Въ двѣнадцатыхъ, когда все сіе въ продолженіи извѣстнаго времени будетъ приготовлено, то къ самому дѣлу можно приступить не вдругъ, не вездѣ въ одно и тоже время, даже и не во всѣхъ мѣстахъ, но нужно начать съ тѣхъ отдаленныхъ мѣстъ, гдѣ болѣе Католиковъ, нежели Русскихъ, и начать не безъ причины, выставляя напр. священникамъ ихъ худой образъ жизни, соблазнительное поведеніе, незнаніе или нерадѣніе въ ученіи правиламъ вѣры, небрежность въ совершеніи необходимыхъ для спасенія таинствъ, и другія симъ подобныя нелѣпости (absurda). Такимъ образомъ постепенно, съ осмотрительностію и благоразуміемъ, когда успѣемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то поощреніемъ, то обманомъ, то угрозою, перевести Русскихъ на Римлянъ, то всѣ останутся въ той мысли, что при помощи Божіей, во всей странѣ Русской, къ общему всѣхъ желанію, будетъ процвѣтать Римское вѣроисповѣданіе.

Въ тринадцатыхъ, по поелику народъ Украинскій, Подольскій и Волынскій, держась своего вѣроисповѣданія, готовъ произвести мятежъ, то въ такомъ случаѣ ежели трудно будетъ предавать смерти, или, по малочисленности Польскихъ войскъ, удержать мятежниковъ, республика не должна жалѣть пожертвованій, если и всѣхъ таковыхъ ревнителей отдастъ потомъ въ услугу Татарамъ: они скоро приберутъ ихъ въ свои руки,—а оставшійся послѣ нихъ край надо будетъ потомъ заселить народомъ Польскимъ и Мазовецкимъ. Не подумайте, чтобы Россія вступилась за Русскихъ, когда они уже сдѣлаются уніатами, ибо надобно знать, что уніатовъ болѣе нежели насъ, ненавидятъ Русскіе и желали бы видѣть ихъ за отступленіе отъ ихъ отщепенства (schyzma) въ крайнемъ несчастіи. Впрочемъ хотя бы и расположена была къ уніатамъ Россія, все же мы можемъ сдѣлать ее для нихъ такою, какою захотимъ.

Поступая такимъ образомъ, мы, безъ всякаго сомнѣнія, достигнемъ со временемъ того, что народъ Польскаго королевства утвердится во взаимной любви, согласіи и единствѣ, что Польша сдѣлается предметомъ всеобщаго уваженія, взойдетъ на высочайшую степень могущества и заставитъ трепетать предъ собою всѣ прочіе народы; что религія Римско-Католическая распространится болѣе нежели на 160,000 квадр: миль; словомъ, что всѣ мы сохранимъ цѣлость и безопасность своего отечества.

Здѣсь подъ конецъ замѣтимъ, что такъ какъ Русь, будучи оставлена при своемъ вѣроисповѣданіи, можетъ угрожать нападеніемъ Польшѣ, отдѣлится ли она отъ отечества, или присоединится опять къ оному, то, обративъ ее къ Римской церкви, мы прежде всего отнимемъ надежду у простаго народа и къ возстановленію оной, и потомъ тѣсно соединивъ оную съ собою, сдѣлаемъ ее для Россіи непріязненною, въ чемъ да поможетъ намъ Богъ.—Аминь. *).

*) Помѣщенный здѣсь проэктъ былъ предложенъ вниманію чиновъ рѣчи—посполитой полякомъ іезунтомъ въ началѣ XVIII ст. По существу онъ не представляетъ собой ничего новаго, оригинальнаго, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые близко знакомы съ государственною дѣятельностію Польши. Преслѣдованія православной вѣры и русской народности начались здѣсь слишкомъ рано (См. статью г. Антоновича). Въ теченіи двухъ съ половиной столѣтій они облекались въ формы разныхъ правительственныхъ мѣропріятій и въ началѣ XVIII ст. уже представляли собой очень богатый матерьялъ для разработки изъ него опредѣленной программы дѣйствій. Іезуитъ составилъ эту программу, поражающую читателя своей безпощадной жестокостію и крайней безнравственностію; но на нее не слѣдуетъ смотрѣть какъ на плодъ іезуитскаго измышленія, напротивъ того она представляетъ собой конечную цѣль латинопольской государственной политики по отношенію къ Западно-русской народности; іезуитъ только освѣтилъ ее яркимъ блескомъ своего религіознаго воодушевленія и національно-польскаго патріотизма. (*Прим. издателя*).

Дружественные совѣты

Кс. Фелинскаго *).

Помѣщаемыя ниже домашнія лекціи кс. Фелинскаго студентамъ петербургской р. католической духовной академіи 1858 года переведены съ польскаго. Подлинникъ ихъ писанъ на двухъ тетрадкахъ in 8⁰ и in 4⁰ и найденъ въ г. Мозырѣ между книгами и бумагами, переданными въ мозырскую гимназію изъ упраздненнаго кимбаровскаго цистерціанскаго монастыря. Эти лекціи, какъ видно изъ вступленія, записаны однимъ изъ слушателей кс. Фелинскаго, быть можетъ, бывшимъ законоучителемъ римско-католическаго вѣроисповѣданія въ мозырской гимназіи кс. Кульвановскимъ (нынѣ высланнымъ), послѣ котораго остались, между помянутыми книгами, нѣкоторыя бумаги.

Всѣхъ лекцій, названныхъ здѣсь вечерами, шесть. По всей вѣроятности, было ихъ говорено и болѣе, такъ какъ, по обшему развитію предмета бесѣдъ, слѣдовало бы еще Фелинскому поговорить объ отношеніяхъ ксендзовъ къ духовенству православному, или къ господствующей церкви;—но въ подлинныхъ тетрадкахъ изложеніе прекращается 6-мъ вечеромъ, для седьмаго же вечера написанъ только заголовокъ.

Въ лекціяхъ излагаются обязанности римско-католическаго духовенства, въ виду современнаго положенія римскаго католичества и самихъ

---

*) Фелинскій уроженецъ Волыни. Первоначальное воспитаніе получилъ въ Клеванской гимназіи, окончательное—въ Московскомъ университетѣ по Филологическому факультету. Въ 1848 г. былъ въ Парижѣ, гдѣ встрѣтился съ Словацкимъ, и по всей вѣроятности, вошелъ въ близкія сношенія съ эмиграціей. По возвращеніи въ Россію, онъ поступилъ клерикомъ въ Луцкую семинарію, откуда отправленъ былъ въ Петербургскую духовную Академію. Митрополитъ Жилинскій перевелъ его въ свою діэцезію и рукоположилъ въ ксендзы; въ 1885 г. онъ назначенъ былъ викаріемъ при костелѣ Св. Екатерины; въ 1856 получилъ степень магистра богословія, а съ 1857 г. состоялъ профессоромъ Академіи. Въ 1852 г. рукоположенъ былъ въ санъ варшавскаго архіепископа, но управлялъ епархіей очень недолго. Политическія событія увлекли его и въ 1863-го году онъ былъ сосланъ въ Ярославль, гдѣ и оставался до 1874 года. За тѣмъ ему назначена была отъ Правительства очень значительная пенсія, и онъ выѣхалъ на жительство въ Римъ. *(Прим. издателя).*

ксендзовъ, въ слѣдующемъ порядкѣ Въ 1-й лекціи указываются общія задачи ксендзовъ—тѣснѣйшее сближеніе съ Римомъ и возможная высота образованія; во 2-й и 3-й преподаются наставленія объ отношеніи ксендза къ своему назначенію и къ окружающимъ его людямъ и всей обстановкѣ; въ 4-й говорится объ отношеніяхъ ксендзовъ къ епископамъ; въ 5-й — о взаимныхъ отношеніяхъ ихъ между собою, въ 6-й объ отношеніяхъ къ свѣтской власти, или вообще къ правительству. Особеннаго вниманія заслуживаютъ лекціи 4-я и 6-я. Опуская подробности, въ своемъ родѣ весьма знаменательныя, сведемъ здѣсь главныя черты бесѣдъ, для уясненія точки зрѣнія автора.

По убѣжденію Фелинскаго, въ Россіи правительство и римскій католицизмъ суть двѣ противоположныя, взаимно какъ бы исключающія себя силы. Правительство всѣми мѣрами стремится уничтожить, или покрайней мѣрѣ ослабить римскій католицизмъ, къ чему принимаетъ всѣ мѣры, не исключая подкупа и угрозъ; въ свою очередь римскій католицизмъ тѣмъ слабѣе, чѣмъ болѣе уступокъ дѣлаетъ правительству, равно какъ полный идеалъ его силы требуетъ утвержденія строго и послѣдовательно организованнаго единства ксендзовъ подъ епископами, епископовъ подъ папою, дабы всякое непосредственное или посредственное соприкосновеніе правительства съ дѣлами римскаго католицизма, исповѣдуемаго нѣкоторою частію русскихъ подданныхъ, встрѣчало себѣ дружный отпоръ и противодѣйствіе. Иначе говоря, всѣ мѣры правительства, направленныя къ огражденію господствующаго вѣроисповѣданія противъ посягательствъ латинской пропаганды, отъ которой, по существу своему, не можетъ никогда отказаться римскій католицизмъ, Фелинскій считаетъ посягательствомъ на римско-католическое вѣроисповѣданіе, какъ бы обязывая насъ тѣмъ—всею душею желать возвращенія блаженныхъ временъ полнаго господства римскаго католицизма, едва не изгладившаго, напримѣръ, въ части западнаго края Россіи, самой памяти о господствовавшемъ здѣсь православіи. Фелинскій желаетъ, чтобы послѣ столькихъ плачевныхъ для православія опытовъ, римскому католицизму предоставлено было въ православной Россіи право пользоваться тою же самостоятельностію, которою онъ нанесъ ей столько еще доселѣ чувствуемыхъ бѣдъ. Съ точки зрѣнія автора, весьма поучительны частныя наставленія ксендзамъ о томъ, какими уловками въ данныхъ случаяхъ уклоняться имъ отъ исполненія правительственныхъ требованій и распоряженій,—какимъ взглядомъ руководиться вообще во всѣхъ сношеніяхъ съ властью русскою, «наметною, посланною въ наказаніе,»—въ какого рода привязанностяхъ воспитывать себя относительно «римскаго престола» и т. под. Съ строгою послѣдовательностію авторъ не опасается внушать ксендзамъ даже неповиновеніе не только р.-католической коллегіи духовныхъ дѣлъ, но и самимъ епископамъ, если ихъ распоряженія противорѣчатъ ксендзовской совѣсти;

овѣсть же ксендза есть каноническое право римской церкви, претворившееся во внутреннюю сущность церковной его дѣятельности Своимъ каноническимъ римскимъ правомъ римскій католицизмъ въ Россіи огражденъ, какъ неприступною стѣною, хотя бы это право шло въ разрѣзъ съ дѣйствующими государственными постановленіями и хотя бы, въ силу его, въ храмѣ р. католическаго христіанскаго вѣроисповѣданія нельзя было помолиться за упокой православной русской государыни. По мысли автора, пассивное сопротивленіе русскому правительству, во имя каноническаго права—есть надежнѣйшее средство къ охраненію р. католицизма въ Россіи,—дружное дѣйствіе въ этомъ направленіи всего римско-католическаго духовенства служитъ вѣрнѣйшимъ ручательствомъ самаго полнаго его освобожденія отъ правительства, т. е. приведенія въ положеніе status in statu, съ точкою тяготѣнія къ центру церковной римской государственности.

Въ изложеніи отношеній ксендзовъ къ правительству, авторъ долженъ былъ коснуться и польскаго вопроса, при чемъ онъ, какъ и слѣдовало ожидать, отожествилъ дѣло римскаго католицизма съ дѣломъ падшей Польши. Замѣчанія автора лекцій въ этомъ случаѣ драгоцѣнны по своей совершенной искренности. Онъ убѣжденъ, что русская власть отъ Бога, ибо нѣтъ власти, не отъ Бога установленной, — но наша власть послана Польшѣ въ наказаніе, а не въ благословеніе. Не отказываясь вѣрить въ возстановленіе Польши въ полной силѣ, авторъ связываетъ его съ судьбою римскаго католицизма: Польша встанетъ тогда, когда зацвѣтетъ въ ней нравственная сила римскаго католицизма, какъ въ тѣ приснопамятныя времена, когда Польша съ Литвою братски роднилась чрезъ вѣру, съ Русью воевала за дѣло римскаго католицизма, казаковъ обращала въ свою вѣру. Не принесутъ плода революціонныя попытки, пока не соединится Польша подъ своимъ вѣроисповѣднымъ знаменемъ. За то, когда совершится это духовное возстаніе Польши, тогда русская власть уничтожится такъ же, какъ брошенная отцомъ розга, которую сынъ ломаетъ и кидаетъ въ огонь. Богъ предуказывалъ Польшѣ освобожденіе, когда французы стояли на Рейнѣ, или подъ Севастополемъ, но видно, еще не пришла пора Польши. За то, по ея обращеніи къ Богу, посланъ будетъ ей отъ Него Кирь—освободитель въ такое время, когда она сама того не ожидаетъ.— Такого рода взглядъ указывается ксендзамъ какъ для собственнаго руководства, такъ и для внушенія впрошающимъ о томъ пасомымъ.

Ясно, что сами ксендзы смотрятъ на свою дѣятельность не исключительно только съ духовной, но вмѣстѣ и съ политической точки зрѣнія. Кромѣ обязанностей пастырскихъ, ксендзу внушаются нѣкоторые обязанности и взгляды, вытекающіе изъ особенностей положенія римскаго католицизма и историческихъ условій его существованія въ Русской землѣ. Въ виду стремленій православнаго правительства къ

охранѣ православія, ксендзу внушаются обязанности его относительно правительства не съ общей точки зрѣнія, но подъ вліяніемъ взгляда на него, какъ на правительство некатолическое и непольское. Кромѣ того, оживляются въ ксендзахъ вспоминанія предшествовавшей исторіи р. католицизма—времени его славы, когда онъ процвѣталъ въ Польшѣ и бывшихъ подъ ея владычествомъ областяхъ и по справедливости могъ гордиться своимъ могуществомъ, ибо послѣдовательнымъ развитіемъ началъ своихъ превращалъ постепенно въ развалины ввѣрившуюся ему Рѣчь посполитую. Ревность по вѣрѣ, возбужденная изображеніемъ настоящихъ и прошедшихъ судебъ р. католицизма въ предѣлахъ современной Россіи, поддержанная искренностію и стойкостію убѣжденія и задушевностію тона, которыми проникнуты всѣ лекціи, на практикѣ должна выразиться послѣдствіями, которыхъ характеръ прямо соотвѣтствуетъ духу предварительно данныхъ внушеній. Если совершенно односторонніе, часто противоестественныя, и большею частію весьма опасныя внушенія не мало находили себѣ пламеннѣйшихъ приверженцевъ, то внушенія лекцій, прикрытыя священнымъ знаменемъ достоинства вѣры и требующія только, повидимому, страдательнаго противодѣйствія правительству, во имя славы религіи,—страдательнаго сочувствія враждебнымъ Россіи замысламъ, во имя могущества того же римскаго католицизма, тѣмъ болѣе, конечно, нашли себѣ преданнѣйшихъ исполнителей. Смиренные пастыри, послѣ такихъ внушеній, занявшіе мѣста свои, принесли съ собою выработанную систему оппозиціи, готовый планъ брани непримиримой, съ всегдашнимъ чаяніемъ освобожденія отъ возложенной промысломъ на римскій католицизмъ тяжкой кары, съ несомнѣннымъ отвращеніемъ къ каждому православному русскому, орудію карающей воли Божіей.

Разсматриваемыя, въ указанномъ смыслѣ, вечера Фелинскаго для насъ русскихъ особенно важны тѣмъ, что знакомятъ насъ съ типомъ ксендза, преданнаго правительству, т. е. внѣшнимъ образомъ, и съ оружіемъ въ рукахъ не возстающаго противъ законной власти, но, повидимому, ей покорнаго, какимъ считался и казался и кс. Фелинскій. По соображенію съ содержаніемъ лекцій,—ксендзъ, преданный правительству, есть римско-католическій священникъ, всею душею преданный Риму и папѣ,—старающійся увернуться отъ подчиненія правительству, и на каждомъ шагу, подъ предлогомъ преданности, его обманывающій; не вѣнчающій смѣшанныхъ браковъ, не отказывающійся отъ притязаній на уніатовъ, съ амвона возглашающій неповиновеніе императорскимъ указамъ; во имя повиновенія Риму ни во что вмѣняющій постановленія римско-католической коллегіи духовныхъ дѣлъ, если таковыя не одобрены епископомъ, работающимъ Риму; признающій русское правительство орудіемъ Божія наказанія, ниспосланнаго за грѣхи; мечтающій въ преданности своей о блаженномъ времени возстановленія воз-

рожденной римскимъ католицизмомъ Польши,—умѣющій мирить вѣрноподанническую присягу съ польскимъ патріотизмомъ,—искусившійся давать разрѣшеніе вѣроломному бунтовщику, если дѣйствія сего послѣдняго направлены къ общему благу, а не къ личнымъ выгодамъ, и т. п. Людямъ прозорливымъ пусть предоставлено будетъ рѣшить, опаснѣе ли для русскаго народа ксендзъ въ лѣсу, или ксендзъ вѣрноподанный, мирно исполняющій свои пастырскія обязанности, по духу преподанныхъ ему его старшими вышеприведенныхъ наставленій?..

Совершенно вѣря искренности автора лекцій, мы готовы признать, что его идеи, особенно о внутреннемъ могуществѣ римскаго католицизма къ возстановленію духовно и гражданскі падшей Польши, казались ему полною истиною. Это даетъ намъ право думать, что онъ долгомъ своимъ считалъ всегда и вездѣ неуклонно дѣйствовать согласно своему убѣжденію и по своей системѣ, работать въ пользу р. католицизма для привлеченія связанныхъ съ его возвышеніемъ послѣдствій,—вліять особенно на молодое поколѣніе духовенства, съ жаромъ поднимающееся за идеи вѣроисповѣдныя и польско-патріотическія, которыя облечены обаятельною для молодости прелестію страданія и подвига; лекціи Фелинскаго были, конечно, только началомъ его воспитательнаго вліянія на духовенство. По своему, онъ вліялъ. Въ перепискѣ его воспитанниковъ встрѣчаются упоминанія о его домашнихъ лекціяхъ, съ выраженіемъ искренняго сочувствія къ содержанію ихъ. Съ впечатлѣніями лекцій выходили воспитанники на мѣста и съ юношескою энергіею начинали, подъ вліяніемъ ихъ, дѣйствовать. Фелинскій готовъ былъ каждаго изъ нихъ поддерживать совѣтами, указаніями, утѣшеніями и ободреніями. »Братъ дорогой, пишетъ онъ одному изъ нихъ, если для тебя хоть малѣйшую отраду составитъ писать ко мнѣ, то для меня это послужитъ вожделѣннѣйшимъ утѣшеніемъ; отвѣчать времени всегда у меня хватитъ; я хотѣлъ бы даже не разрывать этой духовной связи, которая здѣсь насъ соединила взаимною любовью. Будемъ только, братъ мой, тверды, и не надемъ духомъ; съ каждымъ годомъ новая будетъ прибывать намъ помощь въ молодыхъ ксендзахъ, которые, по благодати Божіей, съ каждымъ разомъ все сильнѣе будутъ развивать въ сердцахъ духъ преданности и любви къ церкви. Дыханіе благодати столь ясно излилось на край нашъ, вѣра пробуждается всюду, нравы улучшаются, исконные пороки народные, какъ напримѣръ пьянство, чудесною силою мгновенно исправляются; не станемъ же бояться за будущее, ибо Господь бодрствуетъ надъ нимъ. Будемъ лишь благодарить, что онъ дозволилъ намъ ратовать въ первыхъ рядахъ, ибо здѣсь кончина славнѣе самой побѣды.« (Пис. изъ Петерб. отъ 1 мая, 1859.) Возбужденнымъ воспитанникамъ оставалось приводить въ исполненіе совѣты своего учителя, утѣшая себя, что указываемое имъ, всюду проявляющееся торжество вѣры и благочестія предвѣща-

етъ, какъ онъ въ лекціяхъ говоритъ, готовящееся также скорое возстановленіе Польши. Нѣкоторы изъ нихъ, не имѣя терпѣнія, прорывались, старались дѣло повести скорѣе къ развязкѣ, проговаривались о прямыхъ своихъ желаніяхъ, но благоразумнѣйшіе старались до конца быть вѣрны словамъ учителя своего, дѣйствовать исподоволь, возбуждать римскій католицизмъ, съ его возбужденіемъ связывать исполненіе и всѣхъ другихъ, ложно направленныхъ желаній польскаго патріотизма. Одного изъ увлекшихся товарищей своихъ такъ пеняетъ ксендзъ болѣе благоразумный: „если бы за рѣчь твою тебя отрѣшили отъ мѣста, развѣ не лежало бы у тебя на совѣсти, что и скромнѣйшимъ путемъ ты достигъ бы предположенной цѣли. . Ибо, поистинѣ, твой поступокъ не только могъ повести за собою много злаго, но и весьма непрактиченъ.—Должно помнить о томъ, что не порывомъ минутнымъ, но разсужденіемъ обязаны мы руководиться,—что слѣдуетъ выбирать такія средства, которыя обильнѣйшую могутъ обѣщать жатву. Какъ мнѣ кажется, выставляя имъ (ученикамъ) сколь возможно чаще лучшее религіозное прошлое нашихъ предковъ и за нимъ идущую лучшую долю,—постоянно напоминая, что только за нашею религіею слѣдуетъ покой, счастье и такъ называемый прогрессъ,—внушая при каждомъ удобномъ случаѣ любовь ко всему, что наше, отъ отцовъ намъ переданное,—наблюдая за поведеніемъ молодежи, точнымъ исполненіемъ ею религіозныхъ обязанностей, ты скорѣе могъ-бы увидѣть въ ученикахъ своихъ успѣхъ и вожделѣнный плодъ, чѣмъ говоря такія рѣчи, за которыя тебѣ только руки свяжутъ и такъ тебя ограничатъ, что самыя лучшія твои стремленія и желанія окончатся ничѣмъ. О времени прошломъ говори, какъ о свѣтозарномъ, ясномъ, святомъ, достойномъ похвалы, и стремись къ тому, чтобы въ молодежи вызвать желаніе подражать прошлому,—напоминай безпрестанно, чего ожидаетъ отъ этой возлюбленной молодежи будущность, Богъ и соотечественники,—какимъ путемъ можетъ она идти впередъ—при твердой вѣрѣ, любви и самопожертвованіи для общаго блага,—а настоящее зачѣмъ намъ трогать, когда оно ясно, какъ солнце, и когда немного разума и совѣсти достаточно, чтобы увидѣть его во всей наготѣ. Факты, другъ мой, говорятъ сами за себя, и притомъ языкомъ столь понятнымъ, внушительнымъ и предостерегающимъ, что и сотнею рѣчей того не скажешь.« (Письмо изъ Пинска 17 сентября, 1860 г.). Иными словами: ты хочешь подвинуть молодежь на общее намъ святое дѣло,—указывай ей великое прошлое, воодушевляй его будущимъ, а настоящаго не трогай, ибо и для тебя не хорошо, и дѣло станетъ, а факты ясны сами по себѣ; дѣйствуй безчестно, но практически, подкапывай Россію, но осторожно, съ видимою законностію и съ разсчетомъ на вѣрный успѣхъ. Не развитіе ли это мыслей Фелинскаго и не ясный ли намекъ, съ кѣмъ и съ чѣмъ приходится честнымъ людямъ, любящимъ свою Россію, имѣть дѣло, всегда притомъ

подвергаясь опасности—быть обманутыми. Желательно было бы знать, много-ли пропагандистовъ польской мысли, подъ покровомъ римскаго католицизма, по указанной системѣ, продолжаютъ дѣйствовать въ нашемъ присутствіи, и многіе ли имѣли неосторожность, не доведши дѣла до конца, оставить свое поприще?..

Печатая лекціи Фелинскаго, мы увѣрены, что для русскаго общества онѣ имѣютъ чисто практическій интересъ, въ виду современныхъ событій. Въ западномъ краѣ Россіи русскіе люди непосредственно соприкасаются съ римскимъ католицизмомъ и его представителями, при чемъ предстоитъ настойчивая необходимость уяснить сущность отношеній нашихъ къ римскому католицизму. Въ дѣйствіяхъ ксендзовъ здѣсь замѣтенъ общій характеръ и планъ, видимо весьма сходный съ изложенными въ лекціяхъ наставленіями, при чемъ обращаетъ на себя вниманіе въ частности то обстоятельство, что на глазахъ нашихъ въ высшемъ р. католическомъ духовенствѣ дѣйствуютъ именно тѣ представители римскаго католицизма, которые избраніемъ своимъ обязаны тайной агитаціи въ Римѣ покойнаго римско-католическаго митрополита Головинскаго, противъ кандидатовъ правительственныхъ (см. вечеръ 4-й). Лекціи дадутъ указаніе, какое практическое значеніе для насъ имѣетъ возбужденный „Днемъ“ вопросъ о іезуитизмѣ, сознательно внѣдряемомъ въ умы и сердца вѣрноподанныхъ ксендзовъ, во имя преданности римскому католицизму. Въ сложности взятыя эти обстоятельства позволяютъ желать, чтобы данныя въ лекціяхъ указанія не остались безъ пользы на практикѣ при сужденіи общества о вопросахъ, связанныхъ съ тою или другою стороною нашихъ отношеній къ р. католицизму.

Вечеръ 1-й.

Когда мы вечеромъ пришли къ нему и усѣлись въ кружокъ, капелланъ, садясь среди насъ, подлѣ малаго столика, такъ началъ рѣчь: „Зачѣмъ же вы пришли ко мнѣ? Если хотите посовѣтоваться о чемъ нибудь, касающемся науки, то предваряю васъ, что надежда ваша напрасна, ибо я самъ человѣкъ неученый; но что касается практической жизни, то я могу сообщить вамъ нѣкоторые совѣты, такъ какъ имѣю опытности нѣсколько болѣе вашей. Прежде всего обратимъ вниманіе на нынѣшнее положеніе церкви. Въ этомъ отношеніи, съ утѣшеніемъ видимъ, что все наше наличное духовенство болѣе, чѣмъ когда либо, заявляетъ преданности и привязанности къ апостольскому престолу; само французское духовенство уже добровольно отреклось отъ галликанизма; въ Австріи заключенъ конкордатъ въ томъ смыслѣ, чтобы духовенство имѣло непосредственныя сношенія съ Римомъ. Добрый это

знакъ и доброе дѣло, ибо могутъ ли быть члены отдѣленными отъ главы. Мы по опыту видимъ, какія происходили и происходятъ невыгоды, пока духовенство зависитъ отъ правительства, безъ котораго оно не могло ни епископа избрать, ни что либо подобное совершить. Отсюда же происходили и неоднократныя нарушенія церковнаго права; становой тамъ какой нибудь погрозитъ доносомъ, духовный и молчитъ, будучи какъ бы оторванъ отъ престола, который одинъ можетъ защитить его. Дѣйствительно, нынѣ заграничное духовенство почувствовало, что совершенное подданство Риму не только не составляетъ для него какого либо ярма, напротивъ служитъ крѣпкою защитою; вслѣдствіе этого оно старается, сколько возможно, освободиться изъ-подъ власти свѣтской, хотя еще не вполнѣ умѣетъ дѣйствовать; давняя привычка (къ прежнему положенію) сдѣлала его въ нѣкоторомъ родѣ боязливымъ, не увѣреннымъ въ себѣ. Повторяю, что эта перемѣна мнѣній обнаруживается вездѣ, быть можетъ современемъ дойдетъ очередь и до насъ: будетъ ли это, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, мы должны дѣйствовать согласно ученію и праву церкви, не смотря ни на какія угрозы, ибо для духовныхъ должно быть все равно тамъ ли быть, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ, въ хорошемъ положеніи, или въ дурномъ: наша мзда не отъ людей и не въ этомъ мірѣ.

Другой предметъ, на которомъ стóитъ остановиться, есть образованіе ксендза. Нынѣ не довольно быть честнымъ, благочестивымъ ксендзомъ, нужно имѣть еще образованіе; этого требуетъ современное общество. Подобно тому, какъ въ прошломъ столѣтіи господствовали безбожіе и распущенность нравовъ, такъ въ нынѣшнемъ каждый вопросъ религіозный живо интересуетъ общество. Нынѣ покажется ксендзъ въ обществѣ, его тотчасъ окружаютъ, распрашиваютъ, какое его мнѣніе, какъ судитъ церковь по такому, или иному дѣлу. По этой то причинѣ, освобождая крестьянъ, правительство всего болѣе разсчитываетъ на услугу духовенства, предлагая ему—яснымъ изложеніемъ цѣли предотвратить безпокойство, ибо нашъ хлопъ простъ, руководится всего болѣе вѣрою, во имя которой готовъ на все. Такимъ образомъ, хотя и признано, что освобожденіе улучшитъ быть ихъ, но чрезъ это все таки не устраненъ будетъ поводъ къ зависти и ненависти, потому что равенства быть не можетъ никогда,—всегда одинъ будетъ богаче другаго. Слѣдовательно—дѣло духовныхъ убѣдить, что бѣдность не унижаетъ человѣка, что самъ Спаситель и святые Божіи были бѣдны. Для того, чтобы помирить въ этомъ отношеніи простой народъ съ высшимъ классомъ, слѣдуетъ дать ему просвѣщеніе; а какъ это сдѣлать, когда правительство не въ состояніи? Оно это знаетъ, и потому не только не кладетъ запрета на всякія частныя въ этомъ родѣ заведенія, но напротивъ всячески къ нимъ заохочиваетъ. Возвращаясь къ сказанному выше объ образованіи ксендза, повторяемъ, что онъ долженъ знать, что

теперь дѣлается,—долженъ быть, такъ сказать, свѣжимъ, современнымъ; иначе общество будетъ считать его членомъ непотребнымъ, будетъ смотрѣть на него съ удивленіемъ. Къ несчастью, по образованію духовенство у насъ стоитъ весьма низко. Впрочемъ не наша вина: таково положеніе вещей, таковы у насъ приготовительныя заведенія. За границею, напримѣръ, поступающій въ семинарію знаетъ то, что у насъ преподаютъ въ университетѣ, иначе его не примутъ. Тамъ всѣ вспомогательныя науки (риторика, логика, философія, развитіе писательскаго таланта, исторія, географія и пр.) уже пройдены; въ семинаріи же преподаются одни только предметы духовные. Мы, напротивъ, начинаемъ едва ли не съ азбуки,—и если кто научится читать по французски, по нѣмецки, немного болтать, тотъ считается уже ученымъ. Счастье наше, что у насъ и общество стоитъ на той же степени просвѣщенія, и потому считаетъ насъ за ученыхъ; мы же сами не должны такъ о себѣ думать. Что же касается боязни, какъ выполнять обязанности, которыя по мѣсту, намъ назначенному, будутъ превышать наши силы и способности, то въ этомъ должно положиться на волю Божію. Мы должны знать, что ксендзъ есть только орудіе; по этому не стараться самимъ о мѣстахъ, но оставаться тамъ, гдѣ Богъ назначитъ чрезъ начальниковъ. Такимъ образомъ, не наша будетъ вина, лишь бы мы сами трудились надъ просвѣщеніемъ своимъ, сколь возможно, а когда Богъ поставитъ насъ выше, то, вѣрно, дастъ и помощь Свою, ибо ничего не творится безъ Его воли.

Вечеръ 2-й.

При взглядѣ на молодое поколѣніе нынѣшняго духовенства, мы замѣчаемъ почти общую добродѣтель, (быть можетъ, съ небольшими только исключеніями) а именно—чистоту вѣры, а съ нею преданность и любовь къ апостольской столицѣ. Каждый молодой ксендзъ болѣе или менѣе отличается ревностію, старается, напримѣръ, дать большее распространеніе исповѣди, катехизаціи, придать торжественность богослуженію, заботится объ украшеніи костела. Не всегда при этомъ дѣйствуютъ побужденія чистыя и не всегда по духу церкви,—гораздо чаще проявляется незнаніе, какъ поступить, но все же есть уже частица того духа, который оживляетъ духовенство заграничное; всегда есть уже доброе хотѣніе. И проповѣдникъ нынѣшній проповѣдуетъ чисто по ученію церкви, не прибавляетъ своихъ взглядовъ; можетъ быть, проповѣди его не вполнѣ совершенны, но, по крайней мѣрѣ, всегда онъ старается учить такъ, какъ учитъ церковь. Недостатки же, въ которые весьма удобно впасть и которыхъ особенно по началу должно остерегаться, суть: неохота къ книгамъ и отсутствіе смиренія. Во многихъ отношеніяхъ отдаютъ честь академикамъ; но что касается смиренія, то не разъ приходится слышать отъ пробощей, что академикъ, лишь

только пріѣдетъ, сейчасъ же хочетъ показать себя,—какъ магистръ хочетъ доктеризовать другихъ, хочетъ вводить свой порядокъ, не хочетъ подчиняться пробощу. Слѣдуетъ этого остерегаться. Каковъ бы ни былъ старшій, его нужно слушать, помня, что, вслѣдствіе ксендзовскихъ распрей, народъ становится хуже. Поэтому, каждый новопоступающій ксендзъ, хотя бы имѣлъ самыя лучшія намѣренія и въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ ввести что нибудь хорошее, не долженъ однако ничего начинать самъ безъ вѣдома пробоща, но совѣтоваться съ нимъ, просить его, съ кротостью объяснить ему; конечно, онъ достигнетъ своего, ибо смиреніе есть самое дѣйствительное средство располагать къ себѣ сердца. Имѣемъ примѣръ этого на Востокѣ. Тамъ, когда прибылъ изъ Рима патріархъ Валерга и нашелъ въ монастыряхъ упадокъ дисциплины, то монахи столь не ласково его приняли, отказывая въ средствахъ къ дѣйствію и даже къ содержанію, что онъ долженъ былъ возвратиться за помощію въ Римъ. Прибывъ отсюда вторично, уполномоченный совершенною властію, онъ смиреніемъ и ревностію своею пріобрѣлъ такое вліяніе, что всѣ его полюбили, всѣ къ нему привязались: понастроилъ онъ костеловъ, школъ, словомъ — чудесъ натворилъ. Сами русскіе миссіонеры дивятся, что за сила въ немъ, ибо никуда не имѣютъ доступу, всюду пресѣчены имъ пути. Именно такихъ то ксендзовъ и уважаетъ общество; ксендза же, который наблюдаетъ свои выгоды и собираетъ для себя деньги, оно презираетъ. Второй недостатокъ есть ропотъ на низкое мѣсто: это происходитъ или вслѣдствіе жадности, или суетности. Какъ заблуждается тотъ, кто думаетъ, что вслѣдствіе назначенія его на низкое мѣсто, онъ зарываетъ талантъ свой, ибо здѣсь негдѣ показать ему ни учености своей, ни краснорѣчія, здѣсь его не понимаютъ, не для кого ему здѣсь оставаться,—тогда какъ, если бы онъ былъ въ городѣ, или въ семинаріи, то могъ бы надлежащимъ образомъ и съ пользою исполнять свое дѣло. Развѣ мы не знаемъ, что ученѣйшіе и благочестивѣйшіе люди посвящали себя на служеніе простому народу? Самъ Христосъ началъ свою проповѣдь и обращеніе съ простаго люда. Взглянемъ на современныхъ миссіонеровъ: съ какою (не смотря на великую свою ученость) ревностію и любовію ищутъ они людей простыхъ и какъ рады быть съ ними; ибо и мужичковъ научать есть великая и даже величайшая заслуга; Богъ всюду видитъ трудъ, и тамъ именно сіяетъ добродѣтель, гдѣ не ищетъ себѣ огласки, гдѣ хочетъ быть возможно менѣе на виду. Отчего, напримѣръ, сестры милосердія всюду пользуются уваженіемъ? Оттого, что избрали себѣ мѣсто самопослѣднѣйшее, гдѣ язвы, струпья, болѣзни, гдѣ сама человѣчность содрогается: развѣ это не истинное и не наибольшее посвященіе? А если взглянуть на предметъ и съ практической стороны, то опять—какъ много пользы для молодаго, еще неопытнаго ксендза оставаться на такомъ мѣстѣ! Этотъ простой народъ, съ простымъ и открытымъ

сердцемъ, когда видитъ ксендза примѣрнаго, то привязывается къ нему и вѣритъ ему Когда приходитъ какой нибудь мужичекъ къ нему за совѣтомъ,—то ненужно здѣсь ксендзу большой учености,—достаточно добраго желанія—дать совѣтъ; въ этомъ случаѣ ксендзъ, безъ особеннаго труда, можетъ внушить ему точную истину. Сколько же, при такомъ положеніи, среди такого затишья, имѣетъ ксендзъ свободнаго времени для собственныхъ трудовъ?... *Визиты.* Дѣло это весьма затруднительное и требуетъ великой осмотрительности. Обыкновенно, если появится новый ксендзъ, то весьма любопытствуютъ съ нимъ познакомиться. Но съ такими знакомствами не слѣдуетъ по меньшей мѣрѣ торопиться, и тѣмъ болѣе-нельзя дозволить, чтобы кто нибудь другой представилъ насъ въ чужой домъ: ибо невеликое утѣшеніе—сейчасъ же вступить въ знакомства. А ксендзъ, который съ самаго начала полюбитъ ходить по гостямъ, едва ли будетъ, какъ слѣдуетъ, посвящать себя своимъ обязанностямъ; обыкновенно, онъ такъ пристрастится (къ гостямъ), что дома ему будетъ скучно, особенно же, если онъ не охотникъ до книгъ. Такой ксендзъ, когда отправитъ обѣдню, скажетъ проповѣдь, исполнитъ обязанности неотложныя, то полагаетъ, что уже ничего болѣе не остается ему дѣлать и, сидя, размышляетъ: кому бы сдѣлать визитъ,—а когда кто нибудь ему помѣшаетъ, приглашая на духовную требу, онъ сердится, недоволенъ, точно помѣшали ему въ самонужнѣйшемъ дѣлѣ. Другимъ, не менѣе вреднымъ слѣдствіемъ частыхъ визитовъ бываетъ то, что тѣ самые, которые, повидимому, столь горячо желали познакомиться съ нимъ, теряютъ къ нему уваженіе и особенно, если видятъ его совершенно поддѣлывающимся подъ общество (подъ ихъ вкусы), то уже начинаютъ смотрѣть на него, какъ на обыкновеннаго смертнаго. Кромѣ того, при такихъ визитахъ, какъ ксендзъ, такъ и хозяинъ—должны находиться въ весьма неловкомъ положеніи. Ибо, какъ начать и о чемъ говорить при первой встрѣчѣ, такъ какъ начать тономъ поучительнымъ здѣсь не приходится. Поэтому, слѣдуетъ помнить слова одного святаго: „непрошеный не ходи никогда, прошеный-же рѣдко.“ Такимъ образомъ, лучше всего ходить туда, куда призываетъ обязанность; тамъ ксендзъ уже на своемъ мѣстѣ: при каждомъ такомъ случаѣ, при посѣщеніи, наприм. больнаго, на крестинахъ и пр., онъ можетъ сказать что нибудь назидательное. Слѣдовательно, лучше быть приглашеннымъ, чѣмъ самому ходить; пусть лучше насъ ищутъ въ домѣ, чѣмъ мы станемъ таскаться безъ нужды.—*Литераторы.* Нѣкоторымъ кажется, что связь съ ними послужитъ и къ собственному просвѣщенію, и ко вліянію на массу. Здѣсь также слѣдуетъ быть разборчиво осторожнымъ. Правда, что они (литераторы) сами будутъ стараться войти въ знакомство, будутъ подавать проекты, предложатъ даже съ каѳедры проповѣдывать ихъ взгляды; готовы даже предложить написать для ксендза и самую проповѣдь. Уже изъ этого одного видно,

что здѣсь будетъ дымъ. А не согласись ксендзъ съ ихъ мнѣніями, они готовы будутъ вывести его въ поле. По большей части всякій, что нибудь тамъ написавшій, тщеславясь, думаетъ, что онъ-то всѣхъ просвѣщаетъ, что ему-то слѣдуетъ бить челомъ. А между тѣмъ, на массу онъ не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія, ибо простой народъ у насъ читать не умѣетъ, и гдѣ тамъ бѣдному мужику понять, что написалъ какой нибудь авторъ. Потому изъ-за такихъ, которые не имѣютъ вѣры, не ищутъ правды, но хотятъ только показать свой разумъ, можетъ произойти весьма много вреда и опасности. Задаетъ, напримѣръ, онъ въ обществѣ какой либо догматическій вопросъ? Въ нашей религіи, гдѣ столько таинственнаго, не убѣдишь однимъ опытомъ, ибо здѣсь нужна вѣра; значитъ, что же дѣлать, когда литераторъ начнетъ умствовать по своему мудрованію, и захочетъ порисоваться: его не убѣдишь,—да и общество, слушающее и имѣвшее прежде добрую вѣру, впадаетъ въ сомнѣніе и недоразумѣніе. Поэтому, повторяю, въ сношеніяхъ съ такими людьми должно быть разборчивымъ и осторожнымъ и знать, что, если кто публично задаетъ вопросъ, то трудно повѣрить, чтобъ онъ искалъ истины и имѣлъ добрыя намѣренія; скорѣе же онъ хочетъ только порисоваться самъ и унизить ксендза. Ищущій истины, ищетъ ея въ конфессіоналѣ, у ксендза на дому; туда и должно отсылать таковыхъ.

Вечеръ 3-й.

Въ прошлый разъ мы упоминали о двухъ главныхъ недостаткахъ духовенства—*отсутствіи смиренія и исканіи высшихъ мѣстъ*. Для исправленія сихъ недостатковъ единственнымъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ служитъ отверженіе самого себя. Самоотверженіе дѣло не легкое, и мало есть такихъ, которые понимаютъ его, какъ слѣдуетъ; посему то Христосъ Господь ставитъ его первымъ условіемъ для желающихъ идти по стопамъ Его. Если бы мы какъ должно разумѣли, что значитъ—не искать ничего своего въ этомъ мірѣ, но творить единственно волю Божію, то не стали бы мы искать мѣстъ, какихъ намъ угодно, но какими наградитъ насъ Провидѣніе, ибо для насъ все равно, гдѣ ни находиться, лишь бы исполнять волю Божію. Есть такіе, которые ищутъ выгодъ матеріальныхъ,—жаждутъ, чтобы ихъ хвалили, чтобы имъ льстили, цѣнили ихъ труды и заслуги; если же этого не видятъ, а напротивъ случится, что кто либо кольнетъ ихъ какимъ либо недостаткомъ, то гнѣваются, перестаютъ благотворно трудиться, въ томъ убѣжденіи, что ихъ не умѣютъ цѣнить, что не для кого работать. Есть опять и такіе, которые не гоняются за предметами матеріальными, но ищутъ утѣхъ духовныхъ, то есть духовной радости, этого внутренняго успокоенія и какъ бы увѣренности, что дѣйствуютъ по правдѣ,—восторженности въ молитвѣ, одушевленности чувства. Ищущіе этихъ, такъ

сказать, духовныхъ наслажденій и ими пользующіеся видятъ въ нихъ свидѣтельство чистой совѣсти, точнаго исполненія воли Божіей; при отсутствіи же этого, когда не чувствуютъ въ себѣ нравственной теплоты,—то думаютъ, что уже не въ совершенствѣ исполняютъ свои обязанности, что не соединено съ ними заслуги, ибо, по ихъ разумѣнію, не имѣютъ они въ душѣ этой увѣренности, этого внутренняго голоса, этой внутренней утѣхи, и вслѣдствіе того падаютъ духомъ и охладѣваютъ. Весьма ошибочно мнѣніе ихъ, ибо они не знаютъ, что тамъ—то и есть величайшая заслуга, гдѣ наступаетъ душевное очерствѣніе гдѣ исполненіе чего либо кажется труднымъ, гдѣ не испытывается вовсе духовнаго наслажденія, ибо въ этомъ случаѣ человѣкъ ничего не имѣетъ своего, но волею-неволею дѣлаетъ дѣло съ точностью и терпѣніемъ, такъ какъ на то воля Божія. Въ противномъ случаѣ, они подобны дѣтямъ, которымъ даютъ лакомства и игрушки, чтобы заохотить къ исполненію чего либо; безъ того они не стали бы дѣлать и не захотѣли бы слушаться родителей своихъ. Очевидно, какъ еще не совершенна въ такихъ любовь къ Богу. Сколько есть ксендзовъ, которые, состоя на приходѣ, гдѣ имъ нравится, гдѣ ихъ почитаютъ и любятъ, падаютъ духомъ, теряютъ свою ревность, перестаютъ работать, когда переведутъ ихъ на другое мѣсто, ибо, по ихъ мнѣнію, не умѣли ихъ оцѣнить, нарушили ихъ спокойствіе, обидѣли ихъ; въ такихъ, очевидно, дѣйствуетъ себялюбіе. Какъ много значитъ—въ такой степени усовершить себя, чтобы ничего не искать въ этомъ мірѣ для себя! Цѣлую почти жизнь должно трудиться, чтобы выучиться не искать награды отъ людей на этомъ свѣтѣ, но на томъ—отъ Бога ожидать себѣ воздаянія. Ибо тотъ, кто ищетъ въ этомъ мірѣ успѣха, кто трудится тогда, когда ему благопріятствуетъ счастіе, тотъ какъ бы хочетъ заключать договоръ съ Богомъ, что будетъ работать тогда, когда будетъ имѣть успѣхъ; онъ похожъ на купца, который въ извѣстномъ условіи сбываетъ свой товаръ. Но кто совершенно ничего не ищетъ для себя на землѣ, кто не требуетъ никакаго воздаянія въ мірѣ, кто выше всего ставитъ волю Божію, кто ждетъ награды себѣ на небесахъ и даже нѣкоторымъ образомъ и на нее не смотритъ, такъ что можетъ сказать съ св. Терезою: „хотя и въ адѣ быть, лишь бы съ Богомъ,"—кто первою и единственною цѣлію ставитъ волю Божію и дошелъ уже до этой точки,—тотъ поистинѣ, можно сказать, сталъ на степень совершенную, такого ничто уже не связываетъ съ этимъ міромъ и смерть для него вожделѣнна. Умилительно читать о кончинѣ кс. Равиньяна во Франціи. Не смотря на то, что всѣ его почитали, любили и крѣпко жалѣли,—онъ своимъ мужествомъ, своею покорностію волѣ Божіей, любовію и спокойствіемъ, въ какомъ находился, разставаясь съ этимъ міромъ,—своимъ желаніемъ смерти и этимъ убѣжденіемъ, (открывавшимся въ спокойствіи души и лица), что отходитъ въ лучшую жизнь,

такое произвелъ впечатлѣніе на присутствующихъ, что хотя, прощаясь съ нимъ, они и плакали, и сѣтовали, но, съ другой стороны, и утѣшались вмѣстѣ съ нимъ, что онъ отходитъ въ лучшую жизнь. За тѣмъ еще разъ повторяю, что какъ съ одной стороны, много должно трудиться надъ отверженіемъ себя самого, такъ съ другой—непремѣнно слѣдуетъ дѣйствовать при этомъ съ постепенностію и въ одинаковомъ направленіи, такъ чтобы не задаваться мыслію, гдѣ мы будемъ, что съ нами случится, но прямо поступать согласно съ волею Божіею, для которой переносить все. Подлинно, что надъ такимъ человѣкомъ никто изъ людей не можетъ показать своей силы, ибо чѣмъ болѣе онъ терпитъ за Бога, тѣмъ болѣе этого желаетъ и отвѣчаетъ, какъ тотъ святой, котораго, когда спросили: „чтобы онъ сдѣлалъ, если бы велѣли его разсѣчь на части?“ отвѣчалъ: „попросилъ бы, чтобы сѣкли на мелкія части и помедленнѣе, дабы болѣе потерпѣть для Христа“. Отъ чего, напримѣръ, когда изгоняли іезуитовъ, а петербуржцы просили, чтобы выслать ихъ въ Сибирь,—то правительство, само приговаривающее (къ ссылкѣ) въ это мѣсто преступниковъ, не отважилось однако сослать туда іезуитовъ, ибо предчувствовало, что они и тамъ будутъ дѣйствовать и пріобрѣтутъ великое вліяніе, открывая непросвѣщеннымъ истинное ученіе Христово,—что для нихъ ничего не будутъ значить никакія угрозы; и поэтому распорядилось, чтобы какъ можно скорѣе оставили они Россію и никогда болѣе въ нее не возвращались. Или, напримѣръ, когда, во время сильнѣйшаго преслѣдованія, кс. Ожарскій запретилъ своей исповѣдницѣ—дѣвушкѣ выходить замужъ за русскаго, послѣ чего былъ позванъ къ Бибикову и на вопросъ: „развѣ не знаешь, что я имѣю право тебя повѣсить?“ отвѣчалъ: „вѣшай!“. Видя его неустрашимость (Бибиковъ), вмѣсто приговора, еще больше возымѣлъ почтеніе къ этому ксендзу. Будемъ же этого желать и къ этому стремиться, будемъ проникаться самоотверженіемъ или дѣятельностію по волѣ Божіей. А достигнуть этого мы можемъ, всегда храня въ памяти распятаго на крестѣ Христа, который пилъ на Голгофѣ желчь,—(а также) никогда не забывая о вѣчной славѣ и кратковременности сей жизни, которая есть только одинъ мигъ. Вспомнимъ только тѣхъ, которые были прежде насъ въ почестяхъ, значеніи, въ цвѣтѣ молодости, которые были, можетъ быть, моложе насъ: гдѣ они теперь? скончались и забвенію преданы; тоже будетъ и съ нами. Помня это терпѣливо будемъ нести крестъ свой и пить желчь. Говоря о самоотверженіи или пріобрѣтеніи истиннаго смиренія, скажемъ также нѣчто о способѣ руководства душъ къ совершенству. Къ несчастію, есть пастыри, которые мало пекутся о духовныхъ нуждахъ своихъ пасомыхъ, не стараются сами входить въ ихъ нужды; у насъ, напримѣръ, большею частію страннымъ кажется, если ксендзъ, никѣмъ непрошенный, самъ приходитъ въ конфессіоналъ и ждетъ, не прійдетъ ли кто къ не-

ну. Напротивъ, сколько есть прихожанъ, которые и не знаютъ, что, кромѣ исповѣди пасхальной, можно исповѣдываться и чаще,—(ибо) никто этого не говорилъ имъ. Чему же тутъ дивиться, когда много есть ксендзовъ, которые, будучи даже приглашаемы къ духовной требѣ, сердятся, ропщутъ. Есть, затѣмъ, ксендзы, которые дѣйствительно знаютъ, кто боленъ, кому нужно другое какое либо духовное утѣшеніе, словомъ—бодрствуютъ надъ своею паствою; но всѣ эти средства—только охранительныя, предупреждающія зло; того же, чтобы не только отвлекать отъ грѣха, но вмѣстѣ съ тѣмъ и руководствовать къ совершенству, у насъ и въ поминѣ нѣтъ. Въ первые вѣка, когда благочестіе процвѣтало и исполненіе обязанностей вѣры было первѣйшимъ дѣломъ, въ тѣ времена быть совершеннымъ составляло обязанность каждаго и вовсе не казалось чѣмъ либо труднымъ и необыкновеннымъ, ибо это было святымъ *преданіемъ*. Нынѣ, когда преданіе это позабыто, добрымъ считается уже тотъ, кто удерживается отъ обыкновенныхъ грѣховъ,—*стремленіе же къ совершенству* считается нынѣ дѣломъ необязательнымъ. Къ несчастію, не только свѣтскіе люди, но и духовные подвержены этому недостатку. Здѣсь то, въ руководсвованіи душъ, духовникъ долженъ имѣть разборчивость и осторожность. Есть нѣкоторыя души, которыя предаются какой либо добродѣтели преимущественно, или имѣютъ къ ней склонность, исполняютъ ее. Напримѣръ, любитъ иной раздавать милостыню: похвальное дѣло, но слѣдуетъ смотрѣть, изъ какого источника это происходитъ,—быть можетъ, къ тому побуждаетъ исканіе славы или естественное чувство; поэтому надобно убѣдиться, имѣетъ ли такая особа смиреніе и, для испытанія, предложить ей исполнить что либо непріятное; если согласится, значитъ поступки ея происходитъ изъ добраго источника, если же откажется, то здѣсь же слѣдуетъ напомнить ей, что она не исполняетъ главнѣйшихъ обязанностей, и наставить ее. Поэтому, никогда не слѣдуетъ такой особы хвалить, но всегда должно о чемъ либо напоминать ей, для испытанія въ смиреніи. Неопытный духовникъ готовъ хвалить, а того не замѣчаетъ, что хотя и подаетъ милостиню такой (человѣкъ), но также и гнѣвливъ онъ, гордъ, не исполняетъ обязанностей своего званія. Или другой примѣръ, особенно часто встрѣчающійся между женщинами: имѣетъ она склонность къ набожности, каковы, напр., девотки, что цѣлый день просиживаютъ въ костелѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ—и сплетницы, спѣсихи, немилосердны, пересудчицы. Такая, когда придетъ къ ксендзу на исповѣдь, и онъ ее похвалитъ за набожность, то судитъ, что она уже великая святая,—тогда какъ не мало въ ней такихъ грѣховъ, которыхъ она вовсе и не чувствуетъ; таковую слѣдуетъ наставить. Иная, напримѣръ, приходитъ и говоритъ, что она то или это дѣлаетъ для упражненія въ добродѣтели, а когда ее спросишь: держитъ ли постъ, къ которому подъ страхомъ грѣха смертнаго обязываетъ церковь, то

она отвѣчаетъ, что не въ состояніи этого исполнять, ибо то смѣются надъ нею, то здоровье не позволяетъ, то мужъ сердится и проч. Или говоритъ, что она въ точности исполняетъ обязанности христіанскія, но не можетъ, напримѣръ, не сердиться на слугу своего, ибо это такой уродъ, глупецъ,—всегда тревожитъ ея спокойствіе, всегда вводитъ въ злость. А другая опять какъ будто и всѣ грѣхи свои откроетъ, какъ слѣдуетъ, но потомъ какъ начнетъ точить «лясы», какъ станетъ путать всякую небылицу, то кажется, что рѣшительно она ни въ чемъ неповинна и что еще слѣдуетъ благодарить ее за то, что пришла на исповѣдь. Не одна приходитъ къ конфессіоналу, столь напичканная всякими мелкими добродѣтелями и убѣжденная въ своей святости, что только бы ей крылья, она такъ и улетѣла бы, кажется, на седьмое небо. Должно подсѣчь ей эти крылышки, предложивъ какой нибудь подвигъ смиренія, а если не согласна, тутъ же и показать ей, какъ еще далеко ей до святости, спросивъ: гдѣ же твое смиреніе? словомъ, слѣдуетъ такихъ ловить. Есть и такіе, которые хотятъ подражать св. Франциску или другому святому, хотятъ носить на себѣ раны, а между тѣмъ не видно что-то подражателей такимъ подвигамъ, которые соединены съ внѣшнимъ позоромъ, въ подражаніе нацр. Лазарю, который лежитъ въ гною и не имѣетъ никакаго утѣшенія, и которому только псы лижутъ язвы. Правда и то, что кто дѣйствительно предается подвигамъ этого рода, тотъ никогда не вспомнитъ объ нихъ и откроется развѣ только по настояніямъ духовника. Такіе часто и на самихъ ксендзовъ дѣйствуютъ возбудительно и обличительно,—часто бываетъ, что ксендзъ, руководствуя душу къ совершенству, самъ идетъ тою же дорогою, и такимъ образомъ одинъ опирается на другаго, какъ было это даже и со святыми. Выводъ, слѣдовательно, такой, что, ведя душу къ совершенству, никогда не слѣдуетъ ее хвалить, но внимательно слѣдить, нѣтъ ли, вмѣсто грѣховъ главныхъ, въ человѣкѣ прегрѣшеній противъ обязанностей его званія. Въ послѣднемъ отношеніи много есть такихъ, которые, исполняя другія добродѣтели, не знаютъ даже важности этихъ обязанностей и не понимаютъ (въ чемъ обязанность доброй госпожи относительно крестьянъ, хозяйки относительно дома, матери относительно дѣтей). Такія души слѣдуетъ напередъ надлежащимъ образомъ провести по пяти главнымъ грѣхамъ, по заповѣдямъ, обязанностямъ званія, и потомъ уже вести къ совершенству. Въ этомъ отношеніи могутъ служить руководствами книги: Скарамелли, Родрипье и друг.

Вечеръ 4-й.

До сихъ поръ шла рѣчь о внутреннихъ качествахъ лицъ духовныхъ; теперь скажемъ объ отношеніяхъ духовныхъ къ духовной власти, къ духовнымъ же. Власть духовная совершенно отлична отъ

свѣтской: ибо эта послѣдняя установлена только для поддержанія порядка, и чтить ее мы обязаны, какъ отъ Бога установленную, хотя бы и зла была; но повиноваться ей обязаны только въ томъ случаѣ, когда ея распоряженія не противорѣчатъ церковному праву; тогда какъ съ властью церковною соединена благодать, которую мы и получить можемъ собственно не иначе, какъ чрезъ туже самую власть духовную. Отъ папы, какъ главы церкви, изливается благодать и на всѣхъ членовъ церкви; разорвется эта связь—наступитъ параличъ. Поэтому, хотя бы казалось, что епископы приказываютъ что нибудь не хорошее, не надобно однако выступать изъ-подъ ихъ власти никому, какъ бы достоинъ кто ни былъ. *Сила и независимость* духовенства опирается именно на *единствѣ*. Положимъ, напримѣръ, что какой либо епископъ захотѣлъ совершить что-либо по своему произволу; но если духовенство его честно, консисторія и капитулъ добросовѣстны, — то что могъ бы сдѣлать такой епископъ; каждый, кому онъ прикажетъ что либо противное долгу, отвѣтитъ: «я этого не могу, совѣсть мнѣ не позволяетъ». И, напротивъ, взглянемъ на тѣхъ ксендзовъ, которые выступили изъ-подъ высшей власти: какъ сильно они поплатились! Думали быть свободны, а вмѣсто того впали въ сущую неволю, ибо ихъ подчинила себѣ затѣмъ власть свѣтская. Это можно видѣть какъ на отдѣльныхъ лицахъ, такъ и въ цѣломъ государствѣ. Напримѣръ, въ Луцкѣ одинъ прелатъ публично въ костелѣ, съ амвона укорялъ епископа, въ присутствіи его, въ различныхъ злоупотребленіяхъ слѣдующимъ образомъ: добро быть епископомъ,—вотъ, можетъ быть, и я, какъ старѣйшій изъ прелатовъ, буду современемъ призванъ къ тому же,—но что, если я буду дѣлать напр. то—то и то—то? и пр., такимъ образомъ, въ глаза упрекалъ епископа. Послѣ этой проповѣди, епископъ немедленно отрѣшилъ его отъ сана,—но прелатъ отнесся къ правительству (въ коллегію), откуда пришло отмѣненіе епископскаго распоряженія, и такимъ образомъ прелату позволено поступать своевольно подъ носомъ у своего епископа. Правда, тогда прелата хвалили за столь смѣлый поступокъ относительно епископа, — но скоро епископъ умеръ и всѣ о немъ забыли, на прелата же и теперь указываютъ пальцами и говорятъ: вотъ этотъ возсталъ противъ своего епископа. Такой поступокъ безчестенъ и всегда долженъ быть сравниваемъ съ поступкомъ сына относительно его родителей. Хотя бы они были самые дурные люди,—но сынъ не долженъ быть Хамомъ, смѣющимся надъ отцемъ своимъ; мы должны быть тѣми добрыми сынами Ноя, которые плащемъ покрыли наготу отца своего. То же самое вообще можно сказать и о цѣлыхъ церквахъ, напр. галликанской, іозефиніанской и др., подчинившихся свѣтской власти, что повело къ ересямъ и расколамъ. Греки всегда стремились къ подобной же независимости, за то терпѣли и терпятъ отъ власти свѣтской. У нихъ напр. императоры управляли и

соборами и всякими другими совѣщаніями: оттого утратилось это святое преданіе, это помазаніе, — не понимаютъ своихъ обязанностей пастыри. Въ Россіи, напримѣръ какъ они унижены! Старшій духовный— будто исправникъ какой, младшій — точно становой или писарь, — на жалованьи отъ правительства, по приказанію котораго служатъ. Недавно былъ свѣжій примѣръ, какъ далеко простиралось у нихъ забвеніе пастырскихъ обязанностей. Одинъ полякъ, сдѣлавшись казацкимъ атаманомъ, хотѣлъ узнать, въ какой мѣрѣ научены казаки Закону Божію,—спрашиваетъ дѣтей изъ катихизиса,—не знаютъ; спрашиваетъ молитвы—то же. Спрашиваетъ родителей, но тѣ не знаютъ сами и говорятъ, что ихъ никто не научилъ. Тотъ отправляется къ попу; попъ отвѣчаетъ, что это во все не его обязанность; сносится наконецъ съ архіереемъ, и получаетъ отъ него въ отвѣтъ, что онъ справлялся въ сводѣ законовъ, гдѣ сказано только, что слѣдуетъ преподавать катихизисъ по школамъ и пансіонамъ, о казакахъ же не упомянуто, значитъ и обязанностей относительно казаковъ онъ не имѣетъ. Всѣ духовныя мѣста (должности) даются отъ правительства,—а теперь даже начали давать титулы безъ должности,—такъ, напр., одному позволено облачаться по архіерейски и титуловаться — *почетнымъ епископомъ*. Слава Богу, что въ настоящее время духовенство болѣе, чѣмъ когда либо, предано нынѣшнему царю;—можно сказать, что теперь среди духовныхъ нужно поискать такого, который имѣлъ бы на этотъ счетъ иныя чувства: быть можетъ, именно этимъ наше духовенство охранило себя отъ совершеннѣйшаго подчиненія. Но если бы такія чувства были питаемы съ самаго начала, то никогда наше духовенство не дошло бы до такой степени подчиненія свѣтской власти. Въ самомъ дѣлѣ, покорность епископамъ составляетъ для насъ великую силу: если бы всѣ этого держались, то правительство ничего никогда не могло бы сдѣлать. Видимъ живой примѣръ на епископѣ Гудковскомъ, который, во время сильнѣйшаго гоненія, отважился оказать сопротивленіе и поступить согласно канонамъ. Покойный императоръ издалъ указъ, чтобы католическіе ксендзы не смѣли имѣть никакихъ сношеній съ унитами, не допускали бы ихъ къ себѣ, и строжайше приказалъ епископамъ огласить это съ амвоновъ. Одновременно съ этимъ указомъ св. отецъ издалъ буллу, повелѣвавшую не соглашаться на это, но продолжать быть въ братскомъ единеніи съ унитами и съ любовію обращаться съ ними. Указъ стали оглашать; своимъ чередомъ, и ксендзъ Гудковскій входитъ на амвонъ и читаетъ указъ. Присутствующіе, зная его ревность и мужество, удивились этому,—но вдругъ же поняли въ чемъ дѣло, ибо, по прочтеніи указа, онъ сказалъ: «такъ говоритъ императоръ, теперь послушайте, что повѣдаетъ истина, что говоритъ св. Отецъ», и тутъ же, прочитавъ буллу, объявилъ, чтобы на указъ не обращали вниманія, и своимъ деканамъ приказалъ поступать по закону

и совѣсти. Когда узнало объ этомъ правительство,—то епископа потребовалъ Паскевичъ и спросилъ: какъ смѣлъ онъ противиться, когда всѣ другіе согласились? и когда погрозилъ ему за это Сибирью, то епископъ отвѣчалъ: «можешь выслать меня, куда угодно, а я сдѣлать такъ не могу, ибо ни законъ, ни совѣсть не позволяютъ мнѣ того. Ты служишь своему господину, а я своему». Его отрѣшили отъ должности, устранили отъ управленія, отказали ему въ пенсіи; переселился онъ въ убогую хижину, куда ему доставляли пищу и откуда вѣрное ему духовенство почерпало совѣтъ и силу, какъ отъ человѣка, сражущаго за правду. Духовенство этого епископа оставалось непреклоннымъ; императоръ (Mikołaj) изъ себя выходилъ, но немогши ничего болѣе сдѣлать, отнесся въ Римъ, гдѣ разными просьбами и многочисленными посулами, добился таки, что святой отецъ написалъ къ Гудковскому, чтобы онъ позволилъ указу имѣть дѣйствіе и силу, но при этомъ папа выговорилъ, чтобы съ этого времеди императоръ не имѣлъ на епископа никакой претензіи, назначилъ ему пожизненную пенсію и позволилъ выѣхать за границу на жительство, куда онъ захочетъ. Гудковскій, получивъ ясную волю папы согласился выѣхать за границу; нынѣ св. отецъ сдѣлалъ его архіепископомъ, въ каковомъ санѣ онъ живетъ теперь благочестивѣйшимъ образомъ, и каждый съ уваженіемъ смотритъ на него, какъ на мученика или, по крайней мѣрѣ, исповѣдника. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ для настоятеля и всякаго ксендза ничего легче и вѣрнѣе, какъ отвѣчать: „я не могу этого сдѣлать, мнѣ не позволяетъ законъ, отправьтесь къ епископу; если онъ позволитъ, то я сдѣлаю“. У насъ обыкновенно про людей говорятъ: вотъ слабый человѣкъ, ничего не можетъ сдѣлать; но что касается насъ, то въ этой именно слабости и заключается наибольшая наша сила, т. е. не дѣлать самому, а ссылаться на волю старшихъ; старшими же у насъ епископы, потому что чрезъ нихъ и у нихъ мы получаемъ и юрисдикцію, и посвященіе, и благодать. Настоятель на приходѣ разсуждаетъ какъ тутъ сдѣлать, когда какой нибудь тамъ становой станетъ требовать чего нибудь недолжнаго; какъ бы (ксендзъ) ни старался отдѣлаться, къ нему, не смотря на все, такъ пристанутъ и такъ его опутаютъ, что наконецъ онъ должно будетъ сдѣлать; и коль скоро разъ уступитъ, то ужъ и въ другой, и въ третій разъ нельзя будетъ отказаться, если только ксендзъ опирается на самого себя; совсѣмъ другое, когда онъ сразу скажетъ: „я самъ не имѣю права этого сдѣлать, спросите у епископа: какъ онъ скажетъ? Если письменно прикажетъ мнѣ, то я сдѣлаю“. Къ епископу доступиться не такъ легко, какъ къ настоятелю; но если бы что нибудь подобное и случилось, то епископъ можетъ снестись съ губернаторомъ, или съ другою еще властію. А если будутъ непреклонны всѣ епископы, то къ папѣ доступъ еще труднѣе: папа далеко, имѣетъ область, силою его заставить не могутъ, а

если бы какое государство и захотѣло обидѣть, то другія государства, видя несправедливость, затупятся за папу. Было же такъ въ герцогствѣ Баденскомъ, гдѣ, когда герцогъ началъ преслѣдовать духовенство за его несогласіе признать вещи, запрещенныя каноническимъ правомъ,—то сосѣднія государства поднялись и заставили герцога присмирѣть. Тоже самое разумѣется и о каждомъ ксендзѣ въ отдѣльности: если требуютъ отъ него того, чего законъ не позволяетъ, и онъ не соглашается; то каждый видитъ его правоту, каждый вооружится противъ несправедливости. и чтожъ дурнаго могутъ сдѣлать такому ксендзу? Развѣ сошлютъ куда нибудь,—ну хоть бы и въ Сибирь: чтожъ? потерпѣть за правду развѣ не обязанность наша? Притомъ, не такъ даже и опасно поступать прямо по закону. Теперь, напримѣръ, епископъ Боровскій ясно засвидѣтельствовалъ, что не дозволяетъ смѣшанныхъ браковъ. На запросъ правительства отвѣчаетъ: «я не могу поступить иначе, можете сослать меня, куда хотите, но я противъ закона поступить не могу». Всегда мы должны помнить, что повиновеніе епископамъ составляетъ для насъ твердѣйшій щитъ. Поэтому ничего не должны мы дѣлать безъ воли ихъ, даже въ томъ случаѣ, если бы поступки ихъ стоили дѣйствительно охужденія: епископъ не вѣкъ живетъ, не повредитъ, ибо Господь Богъ бодрствуетъ надъ церковію, развѣ уже отыметъ Онъ милость Свою и въ наказаніе пошлетъ такого епископа; но въ такомъ случаѣ никакая отдѣльная личность помочь не можетъ, но всѣ вмѣстѣ должны молиться Богу. Какъ сказано, мы должны знать, что епископъ, хотя бы былъ и не совсѣмъ хорошъ,—но было бы только хорошо низшее духовенство—онъ повредить не можетъ. А если духовенство не будетъ вѣрно своему епископу, будетъ непослушно,—станетъ чернить своего епископа предъ людьми, что поможетъ тогда и новый епископъ, хотя бы и самый благочестивый, когда всѣ будутъ противъ него предубѣждены, всѣ будутъ въ заблужденіи? Необходимо, слѣдовательно, чтобы епископъ увѣренъ былъ въ нашей привязанности и вѣрности,—чтобы имѣлъ къ намъ такую довѣренность, какую отецъ имѣетъ къ доброму сыну,—какъ и въ самомъ дѣлѣ, а не иначе, и быть должно. Ибо, не говоря о томъ, что епископы—начальники наши, что чрезъ нихъ преподается намъ благодать освященія и юрисдикція, одинъ взглядъ на отвѣтственность ихъ предъ Богомъ, на трудныя обязанности, на безчисленныя огорченія и непріятности, которымъ подвергаются, долженъ бы побудить насъ почитать и любить поставленныхъ надъ нами епископовъ. Пусть не обольщаетъ насъ этотъ наружный блескъ митры и порфиры. Взглянемъ внутрь, сколько испытываютъ они напастей и трудовъ! Епископы - власть старѣйшая, на нихъ зиждется безопасность и преуспѣяніе церкви,—на нихъ сдѣдовательно болѣе всѣхъ падаютъ и притѣсненія и къ нимъ болѣе всѣхъ пристаетъ и правительство. Не разъ, можетъ быть, какой-

нибудь тамъ прокуроръ или министръ, позвавши епископа къ себѣ, наговоритъ ему, сколько ему только захочется, и не разъ съ глазу на глазъ предлагаетъ ему то или другое, грозя въ противномъ случаѣ Сибирью. И такъ, ясно, въ какомъ непріятномъ положеніи можетъ всегда находиться епископъ: онъ или прямо долженъ сопротивляться и лучше быть сосланнымъ въ Сибирь, чѣмъ поступить не согласно съ предписаніями каноническаго права,—или же, напротивъ, пусть только разъ согласится на какую нибудь вещь, хотя бы и малую и незначительную самую по себѣ, онъ уже этимъ самымъ откроетъ дорогу и далѣе; къ нему такъ привяжутся и такъ его опутаютъ (правительство) и такъ запугаютъ, что долженъ будетъ дать согласіе и на другое, и на третье, и конца не будетъ предложеніямъ, пока, наконецъ, дойдетъ до того, что уже увидитъ онъ адъ предъ собою, далѣе пути нѣтъ,—и „извините, скажетъ, нѣтъ, уже этого сдѣлать не могу, ибо совѣсть вопіетъ," (а вѣдь началось съ того, что онъ сдѣлалъ по маловажному дѣлу). Павловскому вѣдь докучало же правительство съ своими предложеніями почти на смертномъ уже одрѣ, такъ что онъ наконецъ вынужденъ былъ выругать ихъ, какъ послѣднихъ-негодяевъ. Правительство какъ поступило съ унитами, такъ же хотѣло сдѣлать и съ католическою школою,—тѣмъ болѣе, что, избравъ молодаго архіепископа Г. (Головинскаго), навѣрно считало уже дѣло выиграннымъ. Унитскій коллегіумъ перенесенъ въ столицу, хотѣли соединить его съ католическимъ, помѣщенъ при церкви св. мученицы Екатерины, за тѣмъ присоединенъ къ суноду,—тотчасъ же, за данную сумму, (?) Сѣмашко подалъ реестръ тѣхъ ксендзовъ, которые хотятъ принять православіе, надавали имъ высшихъ должностей—вотъ и начали они усердно хлопотать объ обращеніи другихъ волею и неволею. Избирая Головинскаго въ архіепископы, правительство уже заранѣе утѣшало себя успѣхомъ, думало, что молодаго человѣка закупитъ блескомъ и столь высокимъ саномъ и что затѣмъ станетъ распоряжаться, какъ ему угодно. Въ такихъ-то видахъ уже заблаговременно переводятъ академію изъ Вильны,—назначаютъ большое содержаніе, даютъ выгодное помѣщеніе, заботливо хлопочутъ объ удобствахъ учениковъ, посѣщаютъ ихъ. Такъ Скрыпицынъ, директоръ министерства внутреннихъ дѣлъ . . . . . ѣздитъ каждый день, входитъ въ тѣснѣйшую пріязнь съ Головинскимъ. Императоръ составляетъ проектъ о назначеніи Головинскаго же и варшавскимъ архіепископомъ, чтобы католицизмъ составлялъ уже нѣчто единое и находился подъ управленіемъ одного архіепископа; имѣетъ намѣреніе перенести въ Петербургъ варшавскую академію, соединить ее съ бывшею виленскою и, по слитіи въ одно заведеніе, отдать подъ управленіе архіепископа. Одинъ начальникъ, одно высшее заведеніе; а завѣдывающимъ этимъ заведеніемъ, этимъ начальникомъ—Головинскій, значитъ остается только вскружить ему голову золотомъ и ды-

момъ славы, какъ человѣку молодому,—и затѣмъ, въ одинъ пріемъ можно будетъ достичь свей цѣли. Таковъ былъ планъ! И такъ, призываетъ императоръ къ себѣ Головинскаго и открываетъ свой проектъ соединенія варшавской академіи съ петербургскою, съ врученіемъ начальсва Головинскому, котораго спрашиваетъ: какъ ты думаешь? А Головинскій отвѣчаетъ: „довольны ли в. и. в. духомъ нашей академіи?" „Очень!," „А варшавской?"—„Нѣтъ!" А Головинскій и говоритъ на это: „вотъ видите, когда перенесете варшавскую академію, (въ которой одни поляки), то я не только за тѣхъ, но и за своихъ въ то время не въ состояніи буду поручиться." Государь принялъ это къ свѣдѣнію, и дѣло оставилъ. Выбираютъ епископовъ (на которыхъ имѣютъ основаніе разсчитывать), показываютъ Головинскому, какихъ надежныхъ лицъ избрали,—Головинскій хвалитъ выборъ, но вмѣстѣ просить, чтобы позволили и ему съ своей стороны представить нѣсколькихъ кандидатовъ: такимъ образомъ, избираетъ Боровскаго, Волончевскаго и Войткевича и секретно посылаетъ въ Римъ, чтобы этихъ только и утвердили. Получаетъ правительство резолюцію изъ Рима и дивится, отчего это апостольская столица утвердила только кандидатовъ Головинскаго и ни одного изъ представленныхъ правительствомъ. Удивилось правительство, но, довѣряя ему, (ибо не знало его доподлинно), осталось покойно. Когда такимъ образомъ заигрывали съ Головинскимъ, вступали съ нимъ въ пріязнь,—думало правительство, что уже пришла пора дѣйствовать согласно его планамъ. Скрыпицынъ, этотъ вѣрный другъ, чуть не ежедневно посѣщавшій академію и Головинскаго, приходитъ однажды къ архіепископу, обѣщаетъ ему дать 60,000 руб. серебромъ, если онъ подастъ списокъ тѣхъ ксендзовъ, которые согласились бы принять православіе. Тогда Головинскій, сильно пораженный, воскликнулъ: „доколѣжъ это будетъ,—чтожъ думаешь—я мальчикъ,—помни, что я не пересталъ быть полякомъ,—что я былъ шляхтичемъ прежде, чѣмъ ксендзомъ,—такъ я не ручаюсь и за руку свою." При этихъ словахъ поднялъ руку свою, какъ бы для того, чтобы . . ., а Скрыпицынъ, совершенно не ожидая такого отвѣта,—чуть не умеръ со стыда,—убрался какъ лиса, красный,—и не могъ никогда простить себѣ, что далъ себя такъ надуть. Съ того времени пересталъ уже посѣщать архіепископа, и только ждалъ и искалъ удобнаго случая. Когда въ Москвѣ кс. Горбачевскій не хотѣлъ вѣнчать смѣшаннаго брака и узналъ объ этомъ Скрыпицынъ, то, какъ бѣшеный, прилетѣлъ онъ въ академію, ворвался въ классъ, на лекцію профессора Нѣмекши (каноническаго права) и началъ ему выговаривать, какъ это онъ читаетъ, что ученики академіи такъ бунтуютъ; потомъ полетѣлъ къ архіепископу,—какъ шальной бѣгалъ по академіи; наконецъ кто-то, встрѣтившись съ нимъ, сказалъ, что здѣсь не академія виновата, но что въ Москвѣ есть аристократка Растопчина, которая приняла католицизмъ и, сдѣ-

лавшись великой фанатичкою, теперь волнуетъ почти всю Москву. Опомнившись тогда, Скрыпицынъ снова возвращается къ Головинскому, извиняясь, что несправедливо поступилъ и прося вмѣстѣ съ тѣмъ совѣта, какъ поступить и что сдѣлать Горбачевскому за непослушаніе? Головинскій говоритъ: „а чтожъ? надо наказать.“ Скрыпицынъ: „ну какъ же? Я думаю, въ Сибирь надо сослать.“ Головинскій: „этого еще мало, слѣдовало бы выдумать что либо похуже; но что ты скажешь, если Государь спроситъ: изъ какого заведенія этотъ ксендзъ Горбачевскій? Изъ академіи. А кто начальникъ академіи? ты и я: вѣдь и намъ достанется.“ Ахъ, это правда, говоритъ Скрипицынъ, но что же дѣлать.“ „Ну, ты отдай мнѣ этого ксендза, говоритъ Головинскій, а я уже спроважу его подалѣе.“ Головинскій выслалъ Горбачевскаго куда-то въ викаріи,—откуда, чрезъ нѣсколько времени, онъ былъ переведенъ въ Могилевъ. Такія-то козни строило тогда правительство, чтобы снова ослабить, а если можно и совершенно уничтожить католицизмъ, но оно ошиблось. Съ этою-то цѣлію назначена каѳедра архіепископа въ столицѣ, съ этою цѣлію переведена академія, ибо правительство успѣло уже пріобрѣсти значительное вліяніе на коллегію. Коллегію составили нѣсколько прелатовъ, якобы изъ опасенія, чтобы Сестренцевичъ не причинилъ вреда католицизму. Средство это оказалось однимъ изъ самыхъ гибельныхъ, ибо правительство постоянно добивалось получить въ нее доступъ. И тѣмъ легче правительство могло получить его, что коллегія составилась изъ нѣсколькихъ членовъ, гдѣ бы нужно было быть собственно великому единенію и силѣ. Уже при Цѣцишевскомъ сдѣланъ былъ коллегіи запросъ, и это былъ еще первый, о томъ, можетъ ли быть отправлено въ костелѣ заупокойное богослуженіе по умершей императрицѣ („Matce Mikołaja“); нѣкоторые изъ прелатовъ отвѣтили, что слѣдуетъ спросить у митрополита, который находился тогда въ Каменцѣ или въ Луцкѣ, и дѣйствительно написали къ нему. Между тѣмъ, когда правительство настаивало, нельзя ли сдѣлать этого помимо отвѣта архіепископа, такъ какъ долго придется ждать, то одинъ изъ прелатовъ отвѣчалъ, что если бы согласился еще кто нибудь, то онъ подписалъ бы. Прввительъство привязалось къ этому: подписалъ одинъ, принудило и остальныхъ; такимъ образомъ рѣшено въ коллегіи прежде, нежели полученъ отвѣтъ архіепископа. Цѣцишевскій, въ самомъ дѣлѣ, съ достоинствомъ отвѣтилъ, что ни коимъ образомъ этого допустить нельзя, ибо этого не позволяетъ каноническое право. Но что же, когда дѣло рѣшено было уже прежде полученія увѣдомленія отъ епископа. Если бы прелаты въ то время не поступили самовольно, или сослались бы на архіепископа, если бы ждали отвѣта и ничего не дѣлали бы безъ его утвержденія, то, конечно, не осмѣлилось бы правительство добиваться чего либо несообразнаго;—а то этимъ однимъ и первымъ поступкомъ открыли дорогу и для дальнѣйшихъ

привязокъ. Теперь даже трудно отговориться, ибо правительство сейчасъ же возражаетъ: „а почему же дѣлано такъ прежде? развѣ ты лучше?“ Кромѣ того, когда согласится одинъ прелатъ, то должны согласиться и остальные. Ловя такимъ образомъ по одиночкѣ, правительство своей цѣли не разъ достигаетъ, можетъ быть не разъ позоветъ къ себѣ одного изъ нихъ, наговоритъ ему всего какой нибудь тамъ прокуроръ, да еще и погрозитъ. Теперь видимъ, какъ вредна и непригодна была цѣль того, кто порѣшилъ основать коллегію. Утративъ, по неосторожности, свою независимость отъ правительства, коллегія часто противъ воли своей отмѣняетъ распоряженія епископа, или утверждаетъ то, что имъ отмѣнено, примѣнительно къ тому, на сколько можетъ вліять на коллегію правительство. А вѣдь, если взять дѣло, какъ оно есть само по себѣ, то коллегія есть не болѣе, какъ собраніе нѣсколькихъ прелатовъ, изъ которыхъ съ каждымъ собственный его епископъ можетъ поступить, какъ съ подчиненнымъ: можетъ ему приказать или воспретить,—не справедливо поэтому коллегія приписывала бы себѣ какія нибудь чрезвычайныя преимущества. Что касается насъ, то будемъ помнить, что настоящіе наши начальники суть епископы, чрезъ которыхъ изливается на насъ благодать и юрисдикція, значитъ ихъ мы обязаны слушать. Если бы, поэтому, изъ коллегіи пришло какое нибудь распоряженіе вопреки волѣ епископа,—то мы ни мало не обязаны (исполнять его). Ибо мы обязаны дѣлать только то, на что есть ясная воля или приказаніе епископа,—ихъ должны слушать, какъ отъ Христа поставленныхъ; коллегія же есть дѣло—*частное, временное, есть тѣло собирательное*, которому повиноваться мы обязаны только тогда, когда соизволитъ на это епископъ. До какой степени почитается власть законная, епископская—намъ далъ примѣръ самъ нунцій (Чиги), который, когда ксендзы его спрашивали: какъ поступать имъ относительно смѣшанныхъ браковъ, отвѣчалъ: „это васъ не касается, пусть спрашиваютъ насъ епископы,—а вамъ слѣдуетъ узнавать чрезъ епископовъ.“ Хотя и могъ бы сдѣлать это короче,—однако, не желая нарушить порядка, рѣшился лучше подождать, пока не спросятъ сами епископы, нежели поступить другимъ путемъ. Этотъ же нунцій, хотя былъ уполномоченъ отъ св. отца неограниченною властію, однако же не хотѣлъ безъ дозволенія администратора ни служить, ни муро-помазывать, словомъ—на каждую вещь испрашивалъ дозволенія, чтобы намъ подать примѣръ и научить почитать верховную власть. Заключимъ—увѣреніемъ, что весьма велика будетъ наша сила, когда мы будемъ почитать нашу высшую власть (епископовъ) и ничего не станемъ дѣлать безъ ихъ воли. Возвращаясь еще разъ къ коллегіи, видимъ, какъ она связана и что за неблагоразумныя цѣли были причиною ея учрежденія (разумѣется, при такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы теперь находимся). Вѣдь эта самая коллегія, которая, можетъ быть, порознь вопіетъ противъ

гнетенія, сама готовитъ себѣ петлю. Такъ, напр. одновременно съ указомъ Императора объ унитахъ папа издалъ буллу, противную этому указу; они ее скрыли. Потомъ, папа крѣпко стоялъ за имущества духовенства, они и объ этомъ промолчали,—и что еще хуже, самая коллегія подала мнѣніе, что имущества вредны и препятствуютъ духовенству въ исполненіи обязанностей. То же самое должно разумѣть и относительно учрежденія епископовъ, и относительно закрытія монастырей. Разумѣется, правительство настоитъ, принудитъ подписать,—а папа, видя волю духовныхъ, соглашается или не возражаетъ.

Вечеръ 5-й.

Въ прошлый разъ мы говорили объ отношеніяхъ ксендзовъ къ начальникамъ—нынѣ остановимся нѣсколько на отношеніяхъ ихъ *къ равнымъ намъ ксендзамъ*. Не о томъ здѣсь рѣчь, чтобы никто не могъ бросить въ насъ камнемъ, чтобы со всѣми сохранять вѣжливость, потому что этого довольно. Но обратимъ вниманіе на то, откуда происходятъ между нами *охлажденіе* и *недовѣріе*. Двѣ главныя тому причины: *честолюбіе* или *жадность*. Если бы въ насъ нисколько не было себялюбія, если бы мы радѣли только о благѣ церкви, если бы работали такъ, чтобы каждый видѣлъ только сдѣланное, а не сдѣлавшаго, то, вѣрно, никакого недоразумѣнія не было бы между нами. Ибо, если кто хочетъ сдѣлать что либо и доброе, но не испроситъ на то позволенія своего настоятеля, своего пробоща,—то, безъ сомнѣнія, онъ дѣлаетъ это изъ честолюбія, чтобы, видѣли его, или же изъ жадности, чтобы привлечь къ себѣ и поболѣе собрать доходовъ. Потому такой ксендзъ, сколько бы ни скрывалъ своихъ побужденій,—но, вѣрно, рано или поздно они всплывутъ наверхъ, ибо, напримѣръ, начнетъ говорить предъ прихожанами, что вотъ, молъ, костелъ или иныя принадлежности церковныя требуютъ исправленія, а въ концѣ невольно сведетъ на своего пробоща, что онъ обо всемъ этомъ не радѣетъ, что скупъ, что столъ у него не хорошъ и под., выдавая тѣмъ свои личные счеты съ нимъ. Поэтому, кто хочетъ знать степень искренности чьей либо *ревности*, пусть смотритъ на ея характеръ. Истинный характеръ и основаніе ревности—въ *смиреніи*. Искренно ревностный молодой ксендзъ ничего не сдѣлаетъ безъ позволенія своего пробоща и хотя бы съ одной стороны имѣлъ онъ самыя честныя намѣренія, хотя бы горячо ревновалъ о славѣ Божіей, тѣмъ не менѣе съ другой стороны, онъ и подчиненіе начальникамъ будетъ считать непремѣнно необходимымъ, ибо они отъ Бога поставлены. Поэтому, если такой ксендзъ станетъ просить у пробоща разрѣшенія на что нибудь, и этотъ ему откажетъ, то онъ не станетъ поступать вопреки волѣ старшаго, признавая въ этомъ случаѣ волю Божію и ей покоряясь, подобно тому, какъ покорился бы онъ, а непротивился ей, будучи одержимъ тяжкимъ недугомъ, въ ко-

торомъ съ терпѣніемъ принесъ бы въ жертву Богу всѣ свои болѣзни и страданія; здѣсь же онъ приноситъ въ жертву желанія свои; и подлинно, Господь дастъ имъ исполниться, если угодны будутъ они Ему. Ибо спрашивается: отчего же пробощу или иному какому начальнику не соглашаться на то, что дѣйствительно благо и полезно? Единственно развѣ оттого, что молодой ксендзъ, по прибытіи, начинаетъ дѣйствовать безъ позволенія, своею властію, начинаетъ вводить новые обычаи, выводить старые, начинаетъ говорить, что онъ хочетъ исправить и научить, какъ слѣдуетъ это дѣлать,—все начинаетъ хулить, что видитъ,—словомъ, хочетъ законодательствовать: чтожъ удивительнаго, если старшій вспылитъ и спроситъ: что ты за человѣкъ? ибо каждый имѣетъ самолюбіе, притомъ же онъ вѣдь и начальникъ. И трудно представить, до какого ослѣпленія и ненависти доходятъ такіе ксендзы, которые не хотятъ ни шагу уступить другъ другу. Весьма недавно былъ тому примѣръ. Викарій говорилъ проповѣдь; пробощъ, не имѣя терпѣнія дослушать до конца, отошелъ къ алтарю. Тогда проповѣдникъ сходитъ съ каѳедры и, подошедши къ алтарю, даетъ священнодѣйствующему пощечину. Такія-то бываютъ послѣдствія тамъ, гдѣ ксендзы не столько пекутся о славѣ Божіей и спасеніи ближнихъ, сколько о томъ, чтобы выше стать, заслужить славу, или же насобирать грошей. Стоитъ при этомъ подивиться, какой магнитизмъ имѣютъ эти деньги и какъ ослѣпляютъ онѣ человѣка до того, что потомъ онъ уже вовсе забывается и не можетъ совершенно опомниться. Я самъ ѣхалъ съ однимъ ксендзомъ пробощемъ, который, указывая на одинъ домъ, говорилъ мнѣ: „тамъ ростетъ дочь одиночка.“ о! буду сторожить и не позволю никому иному вѣнчать, получу по меньшей мѣрѣ рублей 50, а тамъ крестины,—самъ старый скоро помретъ, получу за похороны, словомъ, когда еще случится, а онъ уже разсчитываетъ. Съ другой стороны видимъ иное. Если, напримѣръ, прибываетъ на приходъ или на иное мѣсто молодой ксендзъ и въ ревности его нисколько нѣтъ своекорыстія, такъ что ему важно лишь самое дѣло, и всего менѣе то, будутъ ли знать, что это онъ или другой кто,—то онъ даже самъ старается скрыться и такъ устроить, чтобы приписали пробощу. Значитъ, кто не хочетъ показать себя, тотъ всегда можетъ дѣлать дѣло. Онъ постарается узнать нравъ начальника, откроетъ путь, которымъ легче можетъ доступиться къ его убѣжденію. Пробощъ, напримѣръ, любитъ упражняться въ одной какой либо частной добродѣтели, преимущественно предъ другими, но она еще не понята имъ въ совершенствѣ, имѣетъ видъ болѣе матеріальный. Положимъ, напримѣръ, что пробощъ любитъ раздавать милостыню нищимъ. Здѣсь ревностный молодой ксендзъ принаровится къ этому и покажетъ, какъ много цѣнитъ онъ это дѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣтно и тонко дастъ замѣтить, что есть въ этомъ отношеніи и другія нужды, что человѣкъ со-

стоитъ изъ души и тѣла, что и о душѣ, какъ безсмертной, слѣдуетъ имѣть болѣе заботы. Такимъ путемъ онъ достигнетъ того, что пробощъ согласится на произнесеніе катихизическихъ бесѣдъ, на болѣе частое сообщеніе таинствъ, и проч. Таже самая добродѣтель, лучше понятая, будетъ имѣть лучшее направленіе, а пробощъ и не замѣтитъ, какъ тоже самое доброе дѣло теперь лучше исполняется. При такомъ образѣ дѣйствій, хотя бы сквернѣйшій былъ пробощъ, но коль скоро онъ увидитъ, что здѣсь ничего новаго не вводится, что все идетъ по его волѣ, что викарій ничего лично для себя не ищетъ,—что и самъ хочетъ тоже дѣлать, что онъ,—что спрашиваетъ у него о многихъ вещахъ не изъ угодливости, не для осмѣянія, единственно совѣтуясь съ нимъ, какъ съ человѣкомъ уже опытнымъ,—то безъ сомнѣнія такое пріобрѣтетъ уваженіе, довѣріе къ своему помощнику, что не только дозволитъ, но еще и самъ станетъ совѣтоваться и будетъ считать его за наилучшаго друга. Такимъ образомъ, снискавъ довѣріе и привязанность своего начальника, подначальный много можетъ сдѣлать добра, лишь бы только онъ руководился при этомъ истинною ревностію, а не себялюбіемъ. Недавно былъ примѣръ, что хорошій подчиненный можетъ сойтись съ своимъ начальникомъ, каковъ бы онъ ни былъ. Говорили про одного пробоща, что съ нимъ не можетъ ужиться ни одинъ викарій. Послали туда на время академика, недавно вышедшаго изъ нашего заведенія, чтобы утишить ссоры и дрязги, завязавшіяся между викаріемъ и пробощемъ. Когда прибылъ нашъ академикъ, то пробощъ бѣгалъ его, какъ злаго духа; между тѣмъ, когда присмотрѣлся, что этотъ академикъ смиренъ и покоренъ, что на все соглашается и довольствуется весьма малымъ, то началъ его уважать и такъ къ нему привязался, что полюбилъ его, какъ сына; не позволялъ ему даже много работать, во всѣхъ тяжелѣйшихъ трудахъ самъ его предупреждалъ, словомъ—пекся о немъ, какъ отецъ. Такъ какъ академикъ былъ присланъ къ пробощу только на короткое время, то послѣдній весьма сожалѣлъ, когда его перевели. Видимъ изъ этого, что согласіемъ и послушаніемъ можно всего достигнуть, гораздо болѣе, чѣмъ упорствомъ и своеволіемъ. Тоже самое разумѣется о викаріяхъ и въ такомъ случаѣ, если ихъ двое и болѣе. Если они имѣютъ истинную ревность, безъ всякихъ личныхъ разсчетовъ, то чрезъ это самое и цѣль у нихъ общая. Поэтому не только не будутъ они ссориться; но будутъ, напротивъ, согласнѣйшимъ образомъ вмѣстѣ трудясь, одинъ другому помогать, одинъ другаго поддерживать, одинъ съ другимъ совѣтоваться. Такимъ образомъ менѣе будутъ они имѣть опасностей, болѣе охоты, ибо если бы одинъ въ чемъ либо изнемогъ, и почему либо палъ духомъ, то другой его поддержитъ, поощритъ и своимъ добрымъ примѣромъ заохотитъ. Тоже, что говорили мы объ отношеніяхъ викаріевъ къ пробощамъ и взаимно между собою, можно сказать и относительно се-

минаріи. Отчего, напримѣръ, тамъ возникаютъ иногда недоразумѣнія профессоровъ между собою и съ ректоромъ? Оттого, что если прибываетъ новый профессоръ, начинаетъ хулить порядки, тамъ существующіе, заводитъ свои,—вводить новую методу, то и въ этомъ—своеволіе; не удивительно, что противъ такого вооружаются. Отсюда происходитъ, что этотъ человѣкъ ищетъ себѣ равнаго въ помощники, вслѣдствіе этого съ однимъ живетъ въ дружбѣ, другаго критикуетъ,—изъ этого дрязги, ссоры и ненависть, которыя тѣмъ вреднѣе, что свидѣтелями ихъ ученики, которымъ профессора обязаны подавать добрый примѣръ. И напротивъ: добрый ксендзъ, если и видитъ, что въ чемъ либо дѣло слабо, что онъ знаетъ пригоднѣйшій способъ къ улучшенію чего либо въ лекціи или въ другомъ чемъ, то онъ старается снискать довѣріе своего начальника, прежде всего покорностію, и такимъ образомъ безъ шуму можетъ изложить начальнику свой взглядъ, на который тотъ, конечно согласится, если только онъ полезенъ, лучше прежнихъ и удобно приложимъ на дѣлѣ, Отчего же бываетъ иначе? Оттого, что каждый на себя смотритъ болѣе, чѣмъ на общее благо: если онъ профессоръ, то желаетъ быть инспекторомъ, сдѣлается инспекторомъ, захочетъ быть и ректоромъ, между тѣмъ какъ не могутъ же всѣ быть старшими. Такъ же точно и на приходахъ: одинъ хочетъ быть пробощемъ, другой деканомъ; вакансія одна, а кандидатовъ много: какъ же тутъ быть? Вотъ и хлопочетъ каждый, старается каждый выказать себя и унизить другаго, и такимъ образомъ не одинъ дѣлаетъ, быть можетъ, просто лишь для виду. Часто мы сами себя обманываемъ: повидимому, бываемъ и доброжелательны и вѣжливы, а въ душѣ между тѣмъ завидуемъ и стараемся помѣшать другому получить мѣсто, котораго онъ хочетъ. Такъ, каждый изъ насъ обманываетъ одинъ другаго, каждый въ этомъ случаѣ измѣняетъ, каждый изъ насъ это чувствуетъ, каждый понимаетъ, дѣлая между тѣмъ видъ, что не понимаетъ. И въ самомъ дѣлѣ, не можетъ быть иначе тамъ, гдѣ каждый въ частности вздыхаетъ на счетъ повышенія, потому что мѣсто одно, а желающихъ столько; какъ же его достать? Нужно или другаго очернить, или себя самого такъ показать, чтобы обратить на себя вниманіе. Отсюда то-ненависть, зависть, недовѣріе и охлажденіе между ксендзами, отсюда же и то, что иной если и дѣлаетъ что-либо доброе, то не изъ чистыхъ побужденій, но или изъ гордости, или изъ корыстолюбія. Нужна великая осторожность, чтобы не впасть въ это болото, въ которомъ особенно легко вязнутъ молодые. Напримѣръ, прибываетъ молодой ксендзъ, и если имѣетъ способности не дурныя, то его начинаютъ хвалить и возносить до небесъ за проповѣди, или исповѣдь; много нужно трудиться, чтобы не поддаться этому. Не менѣе, если не болѣе опасны деньги, ибо, ослѣпивъ человѣка разъ, онѣ уже держатъ его въ этомъ положеніи даже до смерти. Жадный къ деньгамъ, напримѣръ, положитъ себѣ собрать

10 рублей, соберетъ, и уже не довольствуется тѣмъ, ибо отъ 10 переходитъ къ 100, отъ 100 къ 1000, и т. д., чѣмъ болѣе имѣетъ, тѣмъ болѣе завидуетъ себѣ и другимъ. Поистинѣ, сожалѣнія достойны подобные люди, а ксендзы тѣмъ болѣе:—живетъ онъ поксендзовски, охладѣваетъ къ ближнему, корыстолюбіе въ немъ увеличивается. Какъ дурно соотвѣтствуетъ онъ своимъ обязанностямъ, жалѣя гроша убогому, а съ другой стороны, собирая деньги съ наибольшею жадностію. Спросить бы его: для чего? уже кромѣ того, что великую на себя отвѣтственность налагаетъ онъ предъ Богомъ, какое его и здѣсь житье? Всегда не спокоенъ, всегда въ напряженіи. Родственники, если онъ имѣетъ ихъ, только и ждутъ его смерти. Пусть себѣ скрываетъ; они окружатъ его не ради привязанности, но какъ прожорливыя птицы—въ ожиданіи добычи; они рады бы какъ можно скорѣе извести его; ревностно стерегутъ, когда видятъ его испускающимъ духъ,—онъ еще только кончается, а они уже шарятъ подъ подушками,—словомъ до того жадны, что не имѣютъ даже стыда предъ умирающимъ, который еще видитъ и понимаетъ, что они дѣлаютъ. Всегда о томъ, кто скупъ и копитъ деньги, воображаютъ, что количество ихъ безмѣрно; и когда найдутъ меньшее, ихъ догадкамъ несоотвѣтственное, то зло бранятъ покойника, равно проклинаютъ его и въ томъ случаѣ, если кого нибудь онъ обдѣлитъ. Значитъ, не только отберутъ все, что собиралъ онъ въ теченіи жизни и спасибо не скажутъ, но еще, пожалуй, не одинъ бранитъ, не одинъ клянетъ, будучи обманутъ въ надеждѣ на полученіе большаго. А не родственники, такъ кто нибудь иной, зная о деньгахъ, нападетъ нечаянно ночью и, приложивъ пистолетъ или ножъ къ груди, заставитъ его отдать все,—или же и безъ того украдутъ; словомъ, такія бываютъ послѣдствія жадности ксендзовской, что ксендзъ въ одинъ мигъ можетъ лишиться всего, накопленнаго въ теченіи цѣлой жизни. И напротивъ: кто не копитъ для себя, но дѣлится съ ближнимъ, до того, кромѣ развѣ одной благодарности, никто не будетъ имѣть ни какой претензіи, ибо всякій знаетъ, что у такого ксендза ничего нѣтъ. Въ заключеніе, повторю еще разъ, что не иначе между духовными можетъ быть единодушіе, какъ по совершенномъ отреченіи отъ *гордости* и *жадности*. Ежели это оставимъ, а будемъ радѣть о благѣ церкви, если ничего себялюбиваго не будетъ въ насъ, такъ что у всѣхъ будетъ одна мысль и цѣль одна:—тогда, безъ сомнѣнія, мы можемъ сдѣлать много добраго и никто намъ не воспрепятствуетъ въ томъ. Видимъ примѣры этого въ орденахъ (монашескихъ). Всякій разъ, когда надобно было совершить что либо великое или трудное, они соединяли свои силы, ибо видѣли, что одинъ человѣкъ здѣсь ничего не можетъ сдѣлать. Такъ, напримѣръ, конкорданція могла бы быть написана однимъ человѣкомъ, хотя бы и вѣки жившимъ? а вотъ, какъ согласно приступили къ цѣли и каждый себѣ взялъ по главѣ, то и составили

твореніе весьма полезное, необходимое и о великомъ свидѣтельствующее трудѣ. Такъ бываетъ вездѣ и всегда, когда дѣло идетъ о совершеніи чего либо труднаго и великаго. И такъ поступали нетолько одни орденскіе (духовные), но и свѣтскіе. Напримѣръ, каноники лютеранскіе—свѣтскіе ксендзы. Такъ бываетъ и съ нами: если будемъ работать согласно и для одной цѣли, если будемъ имѣть въ виду церковь, а не личныя выгоды, то поистинѣ много въ состояніи будемъ сдѣлать, трудясь въ одномъ духѣ, для одной цѣли,—и никакого не будетъ между нами недовѣрія, охлажденія или недоброжелательства.

Вечеръ 6-й.

Остается еще поговорить объ отношеніяхъ духовенства къ власти свѣтской—къ *правительству*. Дѣло несомнѣнное, что власть свѣтская происходитъ отъ Бога, ибо священное писаніе ясно говоритъ: всякая власть отъ Бога и проч. Мы должны двояко разсматривать эту власть и различать власть законную, которую любимъ, которая идетъ отъ собственныхъ королей, и власть наброшенную, подъ какою находимся мы въ настоящее время. Естественно, что этой другой власти любить мы не можемъ; но слушать ее обязаны, потому что обѣ власти исходятъ отъ Бога, съ тѣмъ лишь различіемъ, что первая дается по милости Божіей, для нашего добра и охраненія порядка, другая же—по Божію попущенію, въ наказаніе. Обязанность повиновенія и сей послѣдней власти явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ Христа къ Пилату: не имѣлъ бы ты власти надо мною, если бы не надо было тебѣ отъ Бога. А мы должны знать, что Пилатъ не былъ настоящимъ правителемъ іудеевъ, былъ римлянинъ, а жиды презирали язычниковъ. Въ священномъ писаніи мы видимъ примѣры попущенія такой власти надъ іудеями за ихъ грѣхи и отступничество. Когда іудеи хранили заповѣди Божіи и имѣли чистые обычаи, тогда имѣли и своихъ законныхъ царей или правителей; а коль скоро отступали отъ Бога, подпадали тогда подъ власть сосѣдей. Вѣдь филистимляне и другіе народы покоряли ихъ себѣ не силою, но по Божію попущенію. Іудеи были единымъ народомъ, который чтилъ истиннаго Бога, которому Богъ оказалъ столько безчисленныхъ благодѣяній, покорилъ ему иные народы и столько разъ предостерегалъ, а когда наконецъ и это не помогало, предавалъ ихъ язычникамъ, которые часто въ небольшомъ числѣ побѣждали многочисленнѣйшее войско израильтянъ; и напротивъ, когда евреи каялись и обращались, тогда Богъ давалъ имъ освободиться изъ-подъ власти враговъ съ небольшою силою, и часто избавлялъ ихъ способомъ дивнымъ, чудеснымъ. Отсюда убѣждаемся, что это происходило не по недостатку войскъ и силъ, но по попущенію, за развращеніе обычаевъ (нравовъ), и предавалъ ихъ Богъ власти чуждой не потому, чтобы она была доброю, но единственно въ наказаніе. Эту же самую теорію мо-

жемъ мы приложить и къ Польшѣ. Между всѣмъ славянствомъ Польша была страною могущественнѣйшею, была въ тоже время и страною католическою. Въ то время, когда иныя вѣтви славянскія находились въ недовѣрствѣ, напр. Русь, которая издавна уже принадлежала къ схизмѣ, сербы на балканскомъ полуостровѣ, принявшіе исламизмъ, и иныя отрасли, къ которымъ вторглись гусситы, виклефисты и др., въ это время Польша, пока сохраняла чистоту вѣры и нравовъ, до тѣхъ поръ была могущественною, многіе завидовали ей. Должно еще замѣтить, что Польша всегда отличалась шляхетностію и просвѣщеніемъ, что воевала не для добычи и завоеваній, но единственно для распространенія католической вѣры; что возросла не корыстію, но вслѣдствіе добровольнаго подчиненія и сліянія съ иными. Напримѣръ, Литва братски породнилась отнюдь не войною, но чрезъ принятіе католической вѣры; такъ и съ Русью Польша ежели воевала, то дѣлала это какъ для распространенія католической вѣры, такъ и для защиты братьевъ своихъ унитовъ отъ обидъ; тоже самое было и съ казаками: вѣдь Баторій далъ имъ особенныя права и великія льготы, которыя и не отнимались отъ нихъ, а Польша хотѣла только привить къ нимъ католицизмъ. И такъ видимъ, что Польша никогда не руководилась корыстью, что имѣла чистую цѣль введенія и распространенія католической вѣры. Знаемъ, что когда Собѣсскій ходилъ освобождать Вѣну, которая непремѣнно погибла бы, если бы не выручилъ король, то всѣ современники дивились, да и теперь дивятся и ставятъ въ укоръ, почему Собѣсскій, который могъ бы тогда забрать Австрію и поступить съ нею, какъ угодно, ничего не хотѣлъ тогда взять въ свою пользу. Точно также, когда и Пруссія просила, чтобы Польша присоединила ее къ себѣ, долго поляки не могли согласиться, король долженъ былъ созвать сеймъ и долго еще разсуждали поляки прежде, чѣмъ рѣшились дать право гражданства нѣмецкимъ плюдрамъ, какъ они выражались. Видимъ такимъ образомъ, что Польша не только не была жадною до завоеваній, но напротивъ даже и добровольно поддающихся не хотѣла принимать. Замѣтимъ и то еще, что Польша никогда не имѣла регулярнаго войска, что имѣла такую опасность въ конституціи liberum veto), по которой одинъ могъ превратить ни во что волю и постановленія всѣхъ, и при всемъ томъ, однакожъ, пока жива была вѣра, была и Польша мужественна и спокойнѣйшимъ образомъ и безъ препятствій совершала свои сеймы. Но позднѣе, когда извратилась она въ нравахъ своихъ, когда открыла ворота разнымъ ересямъ, и знатнѣйшіе вельможи стали принимать ихъ, когда говорю, забыли Бога и правду, тогда и Богъ началъ поражать Польшу. Уже и сосѣди тогда начали нападать и грабить, уже шведы напали, а поляки потеряли мужество, и самъ король Янъ Казимиръ долженъ былъ бѣжать въ Краковъ; но живая вѣра еще не вездѣ угасла, потому что

когда шведы напали на Ченстоховъ, то Ясная Гора сохранена была не войскомъ, но вѣрою нѣсколькихъ монаховъ, и когда шведы, не смотря на всѣ усилія, не могли взять Ясной Горы, то вступило мужество тогда и въ сердца поляковъ, пробудилась ихъ вѣра и прогнали непріятелей. И такъ, кара Божія должна была пасть на Польшу за безвѣріе, извращеніе нравовъ, принятіе ересей и ту опеку, которую магнаты оказывали иновѣрнымъ,—за тѣ безчисленныя, наконецъ, благодѣянія, за которыя поляки отплачивали Богу неблагодарностію. Уже Скарга, какъ мужъ Божій, за 260 лѣтъ до раздѣла Польши, предсказалъ ей паденіе, которое наконецъ и наступило. Вѣдь при раздѣлѣ Польши было только 5,000 войска, значитъ она покорилась не силѣ, но предопредѣленію. Нельзя поэтому говорить, что Польша завоевана: Польша сама распалась, а тѣ позабрали себѣ только распавшіяся части. И подлинно, не великія силы могутъ воскресить ее, а исправленіе жизни, покаяніе и искреннее обращеніе. Пока она не исправится, пока Богъ не умилостивится надъ нею, до тѣхъ поръ тщетны будутъ всѣ людскія старанія, какъ неразъ тщетны были усилія евреевъ, хотѣвшихъ вопреки волѣ Божіей выбиться изъ-подъ ярма, рукой Божіей на нихъ наложеннаго. Напротивъ, за то, что не хотѣли они сносить его и хотѣли пріобрѣсти свободу собственною силою, а не чрезъ обращеніе, Богъ часто отдавалъ ихъ въ наказаніе въ руки еще худшія. Тоже самое было и съ Польшею: сколько было этихъ заговоровъ, но они никогда неудавались. Въ 1831 году еще была покрайней мѣрѣ открытая война и не безъ плодовъ; въ 1846 (въ Познани) не стоитъ даже упоминанія, а въ 1848 году, тѣмъ болѣе: было это какое то ребячество, безтолочь—не болѣе. Ошибочно мнѣніе тѣхъ, которые судятъ, что, желая возвратить край, надобно собрать какъ можно болѣе пороху, оружія и т. п.; дѣлали и это, однако не удавалось. Трудно идти противъ воли Божіей; нѣтъ, не въ такихъ приготовленіяхъ, а въ покаяніи, исправленіи нравовъ, обращеніи—вотъ въ чемъ средства, которыми можемъ мы умолить Бога, и какъ нѣкогда опомнившихся іудеевъ спасалъ Богъ, такъ и съ нами кающимися можетъ сдѣлать; какъ имъ послалъ Кира, такъ и намъ можетъ даровать избавителя и помощника въ то время, когда мы вовсе и не надѣемся. Вѣдь когда французы перешли за Рейнъ, или были подъ Севастополемъ, развѣ не показалъ Богъ очевидно возможность избавленія нашего. Пусть бы только французы заняли эти области и пусть бы только пало въ нихъ правительство россійское, тогда бы всѣ поднялись: но такъ какъ мы не были этого достойны, то Богъ показалъ только, что можетъ насъ избавить, и затѣмъ отнялъ руку Свою. По несчастію, много есть нашихъ, которые не понимаютъ этого. Они весь патріотизмъ полагаютъ въ чтеніи извѣстнаго рода книжекъ, въ заговорахъ, въ какой-то глупой экзальтаціи. По ихъ мнѣнію, кто этого не дѣлаетъ, тотъ человѣкъ

недостойный, не полякъ. А между тѣмъ, если посудить о дѣлѣ здраво, то изъ этихъ книжекъ едва ли даже десятая часть стоитъ прочтенія. Всѣ, по большей части, безбожныя, писаны противъ церкви и религіи католической, а иныя, кромѣ того, заключаютъ въ себѣ основанія вредныя и ложныя. Эмигранты, напр., одержимые злостію, что имъ не удалось, сваливаютъ всю вину на пановъ, въ сочиненіяхъ своихъ подстрекаютъ къ уничтоженію шляхты, тогда какъ шляхта у насъ составляетъ все основаніе. Что же останется, если ее уничтожить? темный народъ? но онъ даже и не понимаетъ, что такое патріотизмъ. Такими писателями были Лелевель, врагъ церкви Морачевскій, который доказывалъ, что католицизмъ погубилъ Польшу, и т. д. Очень немногіе писали въ направленіи болѣе чистомъ, между которыми достоинъ замѣчанія Витвицкій и д. т. Къ несчастію, Морачевскій очень понравился обществу, молодежь до сихъ поръ занимается имъ, особенно же студенты, какъ юноши, легче достаютъ себѣ, съ жадностію читаютъ, заразились этимъ духомъ и не могутъ теперь выйти изъ заблужденія. Оттого-то молодежь наша университетская—самая не набожная. Лучше бы давно сжечь эти книги, чѣмъ гоняться за ними. Какъ прекрасно изобразилъ это Мицкевичъ, который представляетъ старца, сидящаго на завалинѣ, будто бы уже по возстановленіи Польши и среди глубочайшаго мира, а при немъ забавляющійся молодой внучекъ спрашиваетъ: «отчего, дѣдко, когда ушли вы за границу, то ничего не писали о своихъ дѣлахъ»? Старецъ отвѣчаетъ: «какъ такъ? нѣтъ, мы писали». Но, мгновеніе подумавъ, прибавляетъ: „писали мы, и даже много, но поелику ничего тамъ не было добраго, то, по правдѣ сказать, и сожгли все".

Такимъ образомъ, здѣсь положеніе ксендза довольно трудное: съ одной стороны хвалить и считать добрымъ дѣломъ заговоры и книжки—не годится, ибо дѣйствительно они вредны, а съ другой, и возставать противъ этого трудно, будутъ на насъ кричать. Здѣсь, слѣдовательно, удобно выработать въ себѣ такое мужество, чтобы ихъ охуждать, не смотря на восхваленія другихъ, не обращая равно вниманія и на то, что будутъ про насъ говорить: пусть называютъ насъ москалями, пусть толкуютъ, что нѣтъ въ насъ патріотизма, мы поступаемъ по убѣжденію, не обращая вниманія на чьи бы то ни было крики. Что же касается затѣмъ власти, подъ которою находимся мы нынѣ, то негодится дѣлать видъ, что мы ее любимъ и признаемъ собственною, законною, когда это не такъ; напротивъ, будемъ сами имѣть убѣжденіе и вопрошающимъ будемъ отвѣчать, что это власть завоевательная, наметная, по допущенію Божію, что отъ Бога зависитъ отдать насъ подъ эту власть и освободить отъ нея. Поэтому, какъ не годится съ одной стороны ласкательствовать ей, такъ съ другой противиться ей и клеветать на нее было бы грѣхомъ противъ Бога. Такъ, напр., если

отецъ держитъ розгу надъ дитятею. то не годится рибенку ни вырываться, ни сердиться, ибо, сдѣлавъ это, согрѣшило бы не изъ-за розги, но непослушаніемъ своимъ и бунтомъ, ибо эта розга, пока она въ рукѣ отца, получаетъ авторитетъ отцовскій: если отецъ прикажетъ, то ребенокъ долженъ чтить ее и цѣловать; но коль скоро отецъ броситъ, розга эта ничего не значитъ, и ребенокъ можетъ и сломать ее, и бросить въ печь Также точно и власть, какова бы ни была, мы обязаны слушать, ибо Богъ даетъ ее и употребляетъ орудіемъ наказанія; поэтому, возставая противъ нея, грѣшимъ не относительно власти, но относительно Бога. Гадко смотрѣть, безчестно даже забѣгать, льстить, дѣлать видъ, что преданы душою и сердцемъ, а въ существѣ дѣла быть иного убѣжденія. Мало ли у насъ такихъ патріотовъ, которые, гдѣ нибудь по угламъ и сѣкутъ и рубятъ, всѣхъ бы москалей, кажется, сразу перевѣшали, а въ глаза и слова—то сказать не отважатся, а напротивъ льстятъ и распиняются.

Было же вѣдь много ксендзовъ, которые не хотѣли исповѣдывать безъ свидѣтельства, безъ метрики, безъ какихъ то тамъ доказательствъ, изъ боязни попасться. Годится ли, чтобы служитель смиренія, утѣшенія и помощи былъ въ конфессіоналѣ какимъ то полицейскимъ, частнымъ приставомъ? Въ такомъ случаѣ, если бы и епископъ кому запретилъ исповѣдывать, а совѣсть говорила бы ему иначе, то не долженъ онъ идти вопреки убѣжденію, ибо въ дѣлахъ, касающихся совѣсти, никого слушать не слѣдуетъ (развѣ если бы папа повелѣлъ или воспретилъ). Что касается заговоровъ и тѣмъ болѣе участія въ войнѣ, соединенной съ присягою, то слѣдуетъ замѣтить, что ни дозволять этого нельзя, ни также запрещать совершенно; мы должны напомнить и предостеречь кающагося, чтобы не участвовалъ; но если замѣчаемъ, что въ его дѣйствія не входитъ никакого личнаго разсчета, что онъ дѣлаетъ это для общаго, по его убѣжденію, блага, то совершенно отказывать ему въ разрѣшеніи не можемъ, да и не обязаны. Это было во время венгерской войны, когда тѣмъ, которые участвовали въ возстаніи нѣкоторые ксендзы отказывали въ разрѣшеніи, не умѣя помирить патріотизма съ данною присягою. Къ такимъ—то вотъ архіепископъ варшавскій писалъ, что осуждать ихъ мнѣнія онъ не можетъ, не можетъ насиловать ихъ убѣжденія, но если они такъ щекотливы, то не позволяетъ имъ исповѣдывать, запрещаетъ. И такъ, въ такихъ и тому подобныхъ случаяхъ, гдѣ не позволяетъ совѣсть, гдѣ что либо прямо противно совѣсти нашей, не можетъ принуждать насъ ни епископъ, ни архіепископъ. Если епископъ назначитъ наказаніе, засадитъ, напр. въ монастырь, то должно принять наказаніе съ смиреніемъ и покорностію, но не слушать. Что же касается унитовъ, то святой отецъ ясно повелѣваетъ, чтобы мы не отлучали ихъ отъ себя, весьма трогательно увѣщеваетъ и вмѣстѣ грозитъ великою отвѣтственностью на судѣ Божіемъ,

если эта малая часть стада Христова будетъ отдѣлена и потеряна; можно ли же поступать вопреки убѣжденію? Что до отношеній, наконецъ, къ свѣтской власти, то повторяю, что мы должны и слушать ее и переносить, какъ отъ Бога посланную; но льстить, дѣлать видъ, что любимъ ее, какъ собственную; и распинаться предъ нею не годится вовсе. Ибо это не согласно и съ достоинствомъ честнаго человѣка, да и москали именно только такихъ и любятъ, которые не боятся въ глаза сказать имъ правду.

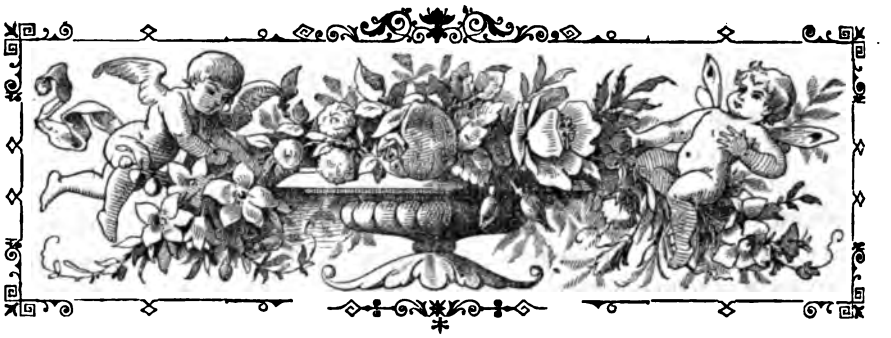
Всѣ эти лекціи не требуютъ коментаріевъ: софизмы и противорѣчія въ каждой почти лекціи ясно доказываютъ несостоятельность логики и отсутствіе твердой почвы въ такомъ безобразномъ ученіи. Ложь и клевета, которыя кишмя кишатъ въ этихъ бесѣдахъ, не всѣ одинаковаго качества: однѣ просто, отъ начала до конца, сочинены съ извѣстнымъ намѣреніемъ, въ другихъ съ искуствомъ Лойолы, онѣ пересыпаны микроскопическими искорками фактовъ, разумѣется, искаженныхъ, притянутыхъ къ нужнымъ для іезуитской пропаганды, для извращенія истины, цѣлямъ. Гдѣ оканчивается дѣло и начинается фантазія ксендза Фелинскаго, поймет и самый близорукій критикъ, и самый неопытный знатокъ нашего прошедшаго.

Понятно теперь, почему мы не рѣшились скрыть въ «Дружескихъ бесѣдахъ» тѣхъ, еще живыхъ лицъ, которыя въ нихъ выставлены, съ рѣдкимъ безстыдствомъ, въ ложномъ видѣ, и репутація которыхъ нисколько оттого не потускнѣетъ. Еслибъ мы это сдѣлали, мы допустили бы ту безцѣльную недобросовѣстность, которая дала бы сильное противъ насъ оружіе *іезуитамъ*: они вправѣ были бы сказать, что мы струсили предъ фактическою стороною «Дружескихъ бесѣдъ», тогда какъ въ настоящемъ, подлинномъ своемъ видѣ, эти бесѣды говорятъ сами за себя, заклеймлены печатью тѣхъ лживыхъ памфлетовъ, декларацій, которыя такъ натуральны въ устахъ извѣстныхъ лицъ, такъ опошлѣли въ послѣднее время, и степень достовѣрности которыхъ взвѣситъ и оцѣнитъ по достоинству даже развитой простолюдинъ.

Тоже нужно сказать и о макіавелизмѣ политики ксендза Фелинскаго и о его религіозныхъ мечтахъ касательно возстановленія Польши, которыя теперь особенно въ ходу между безчисленными сектантами Товянскаго.

Доктрина кс. Фелинскаго тѣмъ замѣчательнѣе по своему іезуитизму, что въ ней перемѣшаны самыя святыя и практичныя пастырскія наставленія съ софизмами, выдумками и клеветой, съ лукавымъ намѣреніемъ—прикрыть и гарантировать истиною первыхъ уродливость послѣднихъ. *).

Прим. редакціи Вѣст. З. Р.



Польскій Катехизисъ.

Въ настоящій великій часъ возрожденія нашей возлюбленной отчизны, каждый, считающій себя ея вѣрнымъ сыномъ, обязанъ, по силамъ своимъ и средствамъ, приносить посильную лепту на алтарь отечества и поддерживать на немъ ту божественную искру, которая всегда сохраняла народъ польскій во всѣхъ его тяжкихъ бѣдствіяхъ, и приготовляла его къ новому великому возрожденію, на погибель злостныхъ и коварныхъ враговъ.

Искра сія въ наттоящее время еще тлѣетъ, но настанетъ время, когда она вспыхнетъ, съ великимъ пламенемъ охватитъ всю вселенную, и народъ польскій, какъ чудная саламандра, возрожденный и облитый огнемъ своего патріотизма, явится освободителемъ угнетенныхъ націй и представителемъ цивилизующей европейской миссіи. Время это настанетъ, но надо вооружиться терпѣніемъ, твердостью характера и силою воли. Вспомнимъ, братья, что Финикія, Венеція владѣли міромъ не силою оружія, но умомъ, просвѣщеніемъ и богатствомъ, послѣдуемъ ихъ примѣру и будемъ наблюдать прилагаемыя здѣсь правила, составленныя человѣкомъ опытнымъ и преданнымъ своей родинѣ безпредѣльно.

Польша нынѣ является, по преимуществу, страною для торговли и цивилизаціи. Была пора владычества Польши силою ея непобѣдимаго и славнаго оружія; но судьбы Божіи неисповѣдимы; теперь предстоитъ ей владычество надъ тѣми странами силою ума, торговли и просвѣщенія. Взгляните на Англію: нація исключительно торговая, сильнѣйшая въ мірѣ и владычица всего міра. Англія на морѣ,—Польша на сушѣ. У Англіи колоніи все ея богатство, но онѣ удалены; у Польши есть своя Индія: Украйна и Литва; колоніи эти съ Польшею составляютъ одно цѣлое и, при умѣ и знаніи вести дѣло, никогда въ матеріаль-

номъ отношеніи не будутъ отъ нея отторгнуты. Мы предлагаемъ нашимъ братьямъ по крови и вѣрѣ принять слѣдующіе не безполезные для нихъ совѣты, для болѣе единообразнаго дѣйствованія, къ достиженію общей цѣли.

1) Въ забранныхъ краяхъ помѣщики должны стараться всѣми мѣрами не выпускать изъ рукъ своихъ имѣній, а если необходимость заставитъ разстаться съ ними, то продавать своимъ только соотечественникамъ, или, въ крайнемъ случаѣ—жидамъ; но не давать развиваться тамъ русскому элементу. Помогать во всѣхъ нуждахъ своимъ братьямъ; русскимъ же помѣщикамъ дѣлать всякаго рода непріятности, ничего имъ не продавать и не покупать у нихъ и т. д. Заводить съ ними процессы, кои легко будутъ ими проигрываемы, по случаю занятія судебныхъ мѣстъ въ тамошнемъ краѣ нашими же единовѣрцами,—словомъ, дѣлать все, чтобы принудить ихъ продать свои неправопріобрѣтенныя имѣнія и выѣхать изъ этого края въ свою Московію; продающіяся же русскими имѣнія стараться, хоть общими силами, въ компаніяхъ, пріобрѣтать въ свое владѣніе. Черезъ это достигнемъ, со временемъ, въ этихъ странахъ исключительно польскаго господства и средоточія богатствъ края въ рукахъ нашихъ братій—на помощь и пользу своей отчизны.

Пускай алчная Россія считаетъ Украйну и Литву своею собственностью, но кто ими будетъ пользоваться матеріально, того она, конечно, понимать не будетъ.

Кромѣ того, предлагаемыя средства будутъ препятствовать сліянію этихъ губерній съ ненавистною Московіею, а если будемъ пользоваться тупоуміемъ и неразвитостью тамошнихъ поповъ, то, дѣйствуя на корыстолюбіе ихъ деньгами, можемъ усыпить и этихъ, лютѣйшихъ по своему изувѣрству, нашихъ враговъ; усыпивъ же сихъ..... *) и дѣйствуя съ хитростью и умомъ на народъ, будемъ въ состояніи если не отвратить его отъ своей схизматической вѣры, то поколебать довѣріе къ своимъ попамъ, чего и достаточно, чтобы народъ смотрѣлъ на нихъ непріязненно.

2) Такъ какъ русскіе, большею частію, необразованы, лѣнивы и безпечны, то стараться полякамъ какъ можно болѣе образовать себя спеціально, чтобъ имѣть всегда преимущество предъ русскими въ занятіи лучшихъ выгоднѣйшихъ мѣстъ, и тѣмъ самымъ подчинить себѣ эту грубую націю морально.

3) Людямъ, спеціально образованнымъ, стараться непремѣнно служить въ Россіи, не обращая вниманія на возгласы неразвитыхъ людей (не посвященныхъ въ тайны политики), что „служить русскому правительству для поляка безчестно“; служа на пользу своей родинѣ въ

*) Здѣсь пропущено слово, неприличное въ печати.

Россіи, каждый полякъ являетъ въ себѣ великую миссію и самоотверженіе для блага своихъ соотчичей.

4) Если ты намѣренъ вступить въ русскую службу, то служи только тамъ, гдѣ можно разсчитывать на вѣрный доходъ, и, какъ скоро наживешь достаточный капиталъ, оставляй службу и поселяйся на жительство въ твоей отчизнѣ, чтобы нажитыя тобою въ Россіи деньги сдѣлать достояніемъ твоихъ собратій. Этимъ ты не только искупишь свое служеніе ненавистной тебѣ странѣ, но еще принесешь пользу своей отчизнѣ; ибо всякая мѣра, которая можетъ вести къ обѣдненію общаго врага отчизны, не только дозволительна, но и необходима—средствомъ этимъ ты подрѣзываешь ему когти.

Стараться всѣми мѣрами, гдѣ только откроется возможность, нажиться на счетъ русской казны; это не лихоимство и не порокъ, а добродѣтель; потому что, обирая русскую казну, ты чрезъ то самое обезсиливаешь враждебное тебѣ государство и обогащаешь свою родину, а слѣдовательно дѣлаешь добро своимъ собратіямъ, и святой костелъ проститъ тебѣ такое преступленіе. Самъ Господь Богъ, запретившій убивать ближняго, разрѣшилъ чрезъ своихъ святыхъ мужей обнажать оружіе на покореніе врага израильскаго. Предлагаемое же здѣсь оружіе—не смертельно, и тѣмъ болѣе достойно уваженія, что, отымая отъ всеграбящаго награбленныя имъ богатства, ты передаешь ихъ бѣднѣйшимъ твоимъ собратіямъ; когда же твое отечество будетъ богато, то оно будетъ и сильно.

5) Старайся достигнуть всякаго вліятельнаго мѣста, а получивъ такое мѣсто и сдѣлавшись сильнымъ, покровительствуй своимъ собратіямъ и доставляй имъ въ свою очередь выгодныя и доходныя мѣста. Для достиженія этой цѣли, всякія средства дозволительны, хотя бы онѣ казались для другихъ низкими: помни, что ты все это дѣлаешь для пользы своей отчизны, а потому и униженіе твое должно въ глазахъ твоихъ соотчичей считаться великою жертвою; а что говорятъ противъ тебя другіе,—не соотчичи твои,—на то не обращай вниманія и дѣлай свое дѣло. Русскій въ особенности любитъ лесть и, отуманенный ею, готовъ скорѣе дать мѣсто тебѣ, чѣмъ своему, можетъ быть, и достойнѣйшему тебя собрату, но неспособному, по своей грубой натурѣ, къ вѣжливому обращенію; а потому лесть, какъ могущественный рычагъ противъ человѣка русскаго, по преимуществу употребляй вездѣ, гдѣ изъ нея можетъ извлечь выгоду для своихъ плановъ. Когда же, такимъ образомъ, всѣ вліятельныя мѣста въ Россіи будутъ въ рукахъ поляковъ, то и Россія незамѣтнымъ образомъ сдѣлается нашею данницею.

6) Въ войскѣ русскомъ долго не служи, чтобы, дослужившись до высшихъ степеней, не сдѣлаться невольнымъ орудіемъ ненавистнаго твоему народу правительства,—исполнителемъ его плановъ. Вообще служи до того времени, пока изсякнутъ доходы и средства къ твоему

обогащенію, послѣ чего, не гоняясь за увлеченіями и постыдными украшеніями, покидай свою службу и скорѣе поселяйся въ кругу своихъ соотчичей, чтобы пріобрѣтеннымъ тобою сокровищамъ не дать перейти въ руки враговъ твоихъ.

7) Въ гражданской же службѣ служи, сколько достанетъ силъ твоихъ, и всходи на самыя высокія ступени; отказывайся однако отъ занятія первыхъ государственныхъ должностей, а добивайся только всѣми мѣрами быть помощниками вельможъ, товарищами и вообще приближенными къ нимъ лицами. Въ первомъ случаѣ правительство будетъ смотрѣть на тебя недовѣрчиво, и ты не будешь посвященъ въ его планы; во второмъ, если съумѣешь взять своего начальника въ руки и пріобрѣсти его довѣренность, то тебѣ сдѣлаются извѣстны всѣ тайны правительства, а слѣдовательно и твоимъ соотчичамъ. Если правительство откроетъ обманъ, то отвѣтитъ твой начальникъ, а ты будешь въ сторонѣ и сохранишь себя для новаго служенія твоей родинѣ.

8) Будь во всемъ правою рукою твоего начальника и, для достиженія его довѣренія, не щади ничего, брани въ его глазахъ даже своихъ соотчичей и осуждай ихъ дѣйствія. Ничего нѣтъ легче, какъ этимъ средствомъ убѣдить каждаго русскаго въ преданности твоей къ Россіи и правительству. Вкравшись въ довѣріе твоего начальника тебѣ будетъ легче покровительствовать тайно твоимъ собратіямъ.

9) Если замѣтишь вреднаго для твоей родины вліятельнаго члена въ русскомъ обществѣ, старайся всѣми средствами приблизиться къ нему и снискать его расположеніе для твоихъ собратій, чрезъ что, если не уничтожишь его, то, зная всѣ замыслы врага, можешь отвратить грозящее бѣдствіе, противопоставивъ ему равносильное оружіе. Когда же, такимъ образомъ, во всѣхъ управленіяхъ Россіи будутъ наши агенты и все государство будетъ покрыто какъ бы сѣтью единодушно дѣйствующихъ нашихъ собратій: то оно будетъ въ нашихъ рукахъ и, современемъ, дѣйствуя систематически на русское общество, затрогивая нѣжныя чувства страданія, мы подготовимъ его къ увѣренности въ необходимости отдѣленія Польши. Все это можетъ произойти безъ всякой вооруженной силы и кровопролитія; а черезъ то мы будемъ еще крѣпче и могущественнѣе въ будущемъ.

10) Помни, что Россія—первый твой врагъ, а православный есть еретикъ (схизматикъ), и потому не совѣстись лицемѣрить и увѣрять, что они твои кровные братья, что ты противъ русскихъ ничего не имѣешь, а только противъ правительства, но тайно старайся мстить каждому русскому; онъ, по своей ненависти къ римскому костелу и къ полякамъ, не будетъ никогда твоимъ другомъ и всегда поддержитъ въ насиліи противъ тебя свое правительство.

11) Между русскими говори всегда, что нѣмцы—первые враги русскихъ и поляковъ, что они, для политическихъ цѣлей, всегда разстраи-

ваютъ своими кознями дружеское согласіе между обоими народами. Русскіе ненавидятъ нѣмцевъ, а потому всегда этому вѣрятъ. Это самыя лучшія ширмы для прикрытія твоихъ дѣйствій и, увѣривъ непріятеля въ искренней къ нему дружбѣ, ты легко усыпишь его. Во всякихъ обнаруженныхъ твоихъ планахъ сваливай вину на нѣмцевъ: чрезъ то ты обратишь ударъ въ другую сторону и будешь способствовать уничтоженію одного врага посредствомъ другаго, а самъ избѣгнешь подозрѣнія.

Говоря съ русскимъ, старайся выводить его изъ терпѣнія: по своей глупой и откровенной натурѣ, въ спорахъ, русскій выскажется, а этого тебѣ только и нужно; зная цѣль врага, ты противопоставишь ему вѣрное оружіе.

12) Въ обществахъ русскихъ старайся болѣе молчать и не высказывай своихъ убѣжденій, потому что это не выгодно. На русскаго, въ своемъ обществѣ, старайся нападать,—сначала на ненавистное правительство, которому онъ, какъ рабъ, служитъ, потомъ на угнетеніе имъ другихъ народностей и, наконецъ, на безчувственность его и черствость сердца къ угнетеннымъ братьямъ-полякамъ.

Старайся подѣйствовать на самолюбіе русскаго, и тогда, къ концу разговора, сдѣлаешь изъ него преданнаго тебѣ слугу въ твоихъ предпріятіяхъ. Русскій, при своей простодушной и грубой натурѣ, весьма самолюбивъ, и названіе варвара его бѣситъ; чтобъ избавиться отъ этого ненавистнаго прозвища, онъ готовъ всадить ножъ въ ребро своего собрата. Затрогивай искусно самолюбіе русскаго и пользуйся имъ.

13) Если имѣешь дѣло съ сильнымъ и хитрымъ врагомъ, который тебя разгадываетъ, всѣми средствами старайся его уничтожить и избери для этого оружіе надежнѣйшее, именно: содѣйствіе вліятельнаго нѣмца. Нѣмецъ, по враждѣ своей къ русскому элементу, тебѣ можетъ,—врагъ твой погибнетъ, но будетъ думать, что обязанъ своимъ паденіемъ нѣмецкому вліянію. Этимъ средствомъ ты еще болѣе докажешь, что истинный врагъ русскихъ—нѣмецъ, а самъ, ни въ чемъ неподозрѣваемый, сдѣлаешь изъ врага себѣ пріятеля и усерднаго помощника въ твоихъ планахъ.

О Русскомъ языкѣ въ Католическомъ Богослуженіи

Каткова.

Странное противорѣчіе. Терпѣть въ государствѣ разныя вѣроисповѣданія, покровительствовать имъ иногда даже въ ущербъ національной церкви, представлять иновѣрцамъ всѣ гражданскія и политическія права, допускать ихъ къ участію во всѣхъ дѣлахъ и интересахъ государства какъ полноправныхъ гражданъ, давать имъ власть и вліяніе, и все это дѣлать подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы люди пользующіеся хозяйскими правами въ странѣ оставались не только чужды ей, но при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ были даже врагами ей. Много золъ въ нашемъ быту объясняется изъ этого удивительнаго противорѣчія. Противорѣчіе есть логическій терминъ; но въ явленіяхъ жизни оно выражается тѣмъ что называется зломъ и бѣдствіемъ. Гдѣ въ основѣ явленій таится противорѣчіе, тамъ оно неизбѣжно бываетъ источникомъ затрудненій, замѣшательствъ и опасностей. Понятны всѣ степени религіозной нетерпимости; понятно какъ можно вовсе недопускать иновѣріе и иновѣрцамъ не давать политическихъ правъ; но не понятно какимъ образомъ можно предоставлять иновѣрію свободу, а иновѣрцамъ политическую полноправность во всей силѣ этого слова, подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ они обязательно считали себя иностранцами и не могли усвоить себѣ національности государства. Вотъ между прочимъ почему наше отечество, при столь несомнѣнныхъ условіяхъ могучаго національнаго развитія, доселѣ представляло собою такое безплодіе, а правительство его такъ часто ошибалось въ своихъ дѣлахъ; вотъ почему надъ нашими дѣлами висѣлъ постоянно туманъ недоразумѣній; вліятельныя сферы Россіи постоянно наполнялись людьми, которые по принципу были чужды и даже непріязненны ей. Надъ громадною массой русскаго народа носился міръ мнѣнія и дѣйствія исполненный не только обязательно чуждыхъ, но и враждебныхъ ему элементовъ. Есть огромная разница между свободой и необходимостью. Это два принципа безконечно между собою различные, и порождающіе каждый явленія особаго рода и свойства. Все что идетъ отъ государства или

поддерживается имъ, получаетъ характеръ необходимости, который
поверхностно только запечатлѣваетъ собою дѣло, но проникаетъ
внутренно и претворяетъ его сущность. При нормальномъ поря
вещей, людямъ не можетъ быть возбранено право употреблять ме
собою какой-бы то ни было языкъ; но при нормальномъ же поря
вещей, въ цѣломъ государствѣ можетъ быть только одинъ обязат
ный языкъ. Значеніе языка, какъ общественной силы, существе
измѣняется какъ только присоединяется къ нему условіе обязатель
Не безъ основанія можно сѣтовать, что у насъ въ высшихъ класс
господствуетъ употребленіе французскаго языка; это признакъ пол
нія вещей не совсѣмъ нормальнаго. Но есть существенная разн
между такимъ обычнымъ употребленіемъ чужаго языка, и употре
ніемъ обязательнымъ которое возводило бы его въ политическій п
цинъ. Если государство допускаетъ въ предѣлахъ своихъ раз
религіи, признаетъ ихъ, гарантируетъ имъ свободу, и предоставл
принадлежащимъ къ нимъ лицамъ всю полноту своихъ гражданс
правъ, то обязательно усвояя имъ тотъ и другой чуждый языкъ,
возводитъ его въ силу политическаго начала, которое не можетъ о
ваться безъ соотвѣтственныхъ послѣдствій. Первымъ послѣдств
будетъ то, что религія при такомъ условіи сама станетъ политичес
началомъ, и за тѣмъ въ государствѣ по необходимости образуются
ложенія двусмысленныя и фальшивыя. Между его гражданами, р
пользующимися полнотою его правъ, образуются особыя національ
группы, опредѣляемыя въ своей національности религіозными вѣр
ніями, и склонныя ко взаимному отчужденію не только въ церков
отношеніи; а общая національность государства становится въ
какъ бы партіей. Исторія наша лучше всего свидѣтельствуетъ о
ствѣ плодовъ, приносимыхъ этою аномаліей. Полякъ не есть тер
этнографическій, какъ напримѣръ, цыганъ; это терминъ политиче
Между полякомъ, особенно въ западныхъ губерніяхъ, и русскимъ
племенной разницы. Поляки западнаго края во все не польскаго
исхожденія. Если брать въ разсчетъ генеалогію, то многія изъ ны
нихъ польскихъ фамилій западнаго края окажутся не менѣе русс
чѣмъ самыя коренныя русскія фамиліи.

Итакъ, польская національность есть терминъ политическій.
признается польская національность, тамъ признается въ прин
польское государство. Польское государство утратило свое существо
почти за сто лѣтъ передъ симъ, и исторія свидѣтельствуетъ, что
было мертвымъ тѣломъ еще задолго до раздѣла. Польская націо
ность, въ настоящее время, не можетъ быть ни чѣмъ инымъ,
началомъ революціоннымъ, какъ протестомъ противъ существую
государства. Слово полякъ ничего не значитъ или значитъ гра
нинъ государства когда то бывшаго, теперь не существующаго, и

женствующаго воскреснуть. Извѣстно что во времена Польши, еще задолго до ея паденія, чувство польской національности не имѣло силы, и о польскомъ патріотизмѣ смѣшно было говорить. Польскій патріотизмъ развился въ нашихъ западныхъ губерніяхъ и сталъ силою подъ русскимъ владычествомъ, особенно въ теченіе нынѣшняго столѣтія. Во времена Польши, западный край тяготѣлъ къ Россіи, и былъ болѣе русскимъ, чѣмъ сталъ послѣ подъ русскимъ владычествомъ. Не странное ли это явленіе? Можно объяснить его разными случайностями. Но случайности дѣло преходящее. Разныя правительственныя системы смѣнялись въ этомъ краѣ; но постоянно обнаруживалось одно и тоже явленіе; постоянно возрастала сила польскаго чувства, въ мѣстной интелегенціи пріобрѣтала все большую напряженность и все сильнѣе овладѣвала умами и сердцами людей, сглаживая и покоряя себѣ всѣ различія. Этого мало: чѣмъ безпадежнѣе становились стремленія польскаго патріотизма, чѣмъ менѣе давала опоры имъ дѣйствительность, чѣмъ суровѣе и строже слышался ея голосъ, тѣмъ крѣпче становилось это чувство, и тѣмъ ядовитѣе. Отчего это? Причиною этому должно быть что-либо постоянно дѣйствующее и при томъ такъ же возрастающее въ силѣ. Дѣло въ томъ, что польское національное чувство, такъ какъ оно сложилось теперь, есть болѣе продуктъ условій русской государственной жизни нежели результатъ польской исторіи. Еслибъ оно основывалось только на воспоминаніяхъ и преданіяхъ старой Польши, то оно было бы явленіемъ совершенно химерическимъ и немогло-бы имѣть серьозной власти надъ умами. Стоитъ только провести на картѣ границы старой Польши, чтобъ убѣдиться въ этомъ. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы въ настоящее время польское чувство не имѣло нѣкоторой дѣйствительной силы. Въ чемъ же заключается эта сила? Сила эта есть ничто иное какъ извращенное религіозное чувство, какъ религія ставшая не на свое мѣсто. Если польское государство есть химера, то церковь римскую химерой назвать нельзя. Это есть сила дѣйствительная, и сила эта пріобрѣла въ Россіи значеніе, какого она нигдѣ не имѣетъ,—значеніе польской національности. Вотъ откуда взялось это сумасбродное, уродливое явленіе, исполненное фальшиваго мистицизма, называемое въ настоящее время польскою національностью. Вотъ откуда пагубное обаяніе этого чувства и страстность его порыва. На свѣтѣ нѣтъ ничего погубнѣе ложно направленнаго религіознаго чувства. Римско-католическая церковь всегда была склонна ко злоупотребленію религіознымъ чувствомъ, но вредное дѣйствіе католицизма въ Россіи происходитъ не столько отъ него самого, сколько отъ того положенія, въ которое онъ былъ поставленъ нашею собственною правительственною системой. Та экзальтація польскаго національнаго чувства, которая объясняется дѣйствіемъ лже направленной религіи, происходитъ единственно отъ того, что наше

правительство съ одной стороны, покровительствовало католицизму, какъ религіи исповѣдуемой нѣкоторою частью русскихъ подданныхъ, а съ другой допускало его существованіе неиначе какъ подъ условіемъ полнаго и обязательнаго сліянія съ національностью, которая имъ не признавались во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Налагая запретъ на русскій языкъ, заставляя римско-католическую церковь употреблять исключительно польскій языкъ на мѣстахъ, гдѣ прежде стояло польское государство, правительство тѣмъ самымъ возводило этотъ языкъ въ обязательный политическій принципъ, страннымъ образомъ сообщало ему силу государственной необходимости, и въ тоже время вынуждало допущенную имъ церковь служить органомъ національности, которая въ Россіи не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ революціоннымъ началомъ. Само по себѣ ничтожное и лишенное всякой реальной основы, чувство польской національности нашло себѣ эту основу въ церкви, съ которою его отождествили. Во времена Польши такого отождествленія не было; католическая церковь господствовала въ Польскомъ Королевствѣ, но національность польская не совпадала съ нею. Подъ русскимъ скипетромъ также не вдругъ совершилось это совпаденіе. Въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго, превращеніе католицизма въ польскую національность не успѣло еще совершиться. Римская церковь оставалось тѣмъ чѣмъ она является въ другихъ странахъ, и соединеніе ея съ польскою національность не выставлялось еще какъ принципъ. Но съ теченіемъ времени принципъ этотъ ясно выразился, и римская церковь западнаго края превратилась всецѣло съ польскій патріотизмъ. Латинскій священникъ сталъ видѣть въ себѣ болѣе польскаго политическаго агента нежели служителя своей церкви. Агентъ политическій по чувству и священникъ по сану, онъ дѣйствовалъ главнымъ образомъ на душу женщины. И здѣсь то вырабатывалось мало по малу то болѣзненно—страстное, мистическое чувство которое всасывалось дѣтьми съ молокомъ матери. Отсюда возникло фантастическое ученіе мессіанизма, отсюда эти революціонныя обѣдни, отсюда этотъ образъ Польши пострадавшей за грѣхи человѣчества, и долженствующей воскреснуть. Не всѣ, конечно увлекаютса этими нелѣпыми мистическими фантазіями но чувство которое этими фантазіями врождено, отзывается во всѣхъ какъ слѣпая страсть, какъ безотчетная, непонятная, неотразимо-влекущая сила. Что сдѣлать дабы расторгнуть это чудовищное соедененіе? Представляются два пути: либо изгнать р.-католицизмъ изъ предѣловъ Россіи, возбранить публично отправленіе его богослуженія, закрыть его храмы, упразднить его духовенство, заставить всѣхъ р.-католиковъ прейдти въ православіе или покинуть страну; либо дать этой церкви независимое отъ польской національности существованіе, и рядомъ послѣдовательныхъ мѣръ привести ее въ положеніе безвредное для государства. Предоставляемъ всякому рѣшить, удобно-ли сдѣлать первое, и

имѣются ли серьозныя затрудненія сдѣлать второе. Есть цѣлыя католическія населенія въ западномъ краѣ, еще не совсѣмъ ополяченныя, населенія русскія и также литовскія, усвоившія себѣ русскій языкъ и ничѣмъ не отличающіяся отъ первыхъ,—населенія крестьянскія, стало быть, находящіяся подъ опекой правительства. Слѣдуетъ ли отвѣчать этимъ людямъ, требующимъ теперь русскаго языка для своихъ религіозныхъ нуждъ: „вы, католики, стало-быть поляки“, и окончательно, съ большею силою чѣмъ когда—либо запечатлѣть то обязательное значеніе, которое пріобрѣлъ въ Россіи польскій языкъ и соединенная съ нимъ польская національность, или упразднить фальшивое правило оказавшееся столь погубнымъ, и предоставить этимъ людямъ право именовать себя русскими? Необходимость предоставленія всѣмъ русскимъ подданныхъ права на русскій языкъ давно уже сознавалась нашимъ правительствомъ. Еще въ то время когда нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, въ качествѣ Наслѣдника Престола, завѣдывалъ военно-учебными заведеніями, возникла мысль о необходимости ввести въ эти заведенія преподаваніе римско-католическаго вѣроученія на русскомъ языкѣ вмѣсто польскаго. Въ прошломъ году, мѣра эта была распространена и на прочія учебныя заведенія, содержимыя правительствомъ. Что выразилось въ этой мѣрѣ? Не та ли мысль, что русское правительство не можетъ поддерживать какъ обязательный принципъ польскую національность, которая не имѣетъ никакихъ основаній считаться въ какомъ либо отношеніи обязательною въ Россійской Имперіи? Пока мысль эта выразилась только упраздненіемъ польскаго языка въ преподаваніи закона Божія въ содержимыхъ правительствомъ школахъ, она не можетъ считаться исполненною. Пока дѣло остается на этомъ пунктѣ, возникаетъ новая аѣомалія, которая не можетъ не сопровождаться послѣдствіями крайне невыгодными. Не исполнивъ до конца той мысли, которою вызвана упомянутая мѣра, правительство лишило-бы эту мѣру смысла. Не понятно, къ чему можетъ служить преподаваніе римско-католическаго катихизиса на русскомъ языкѣ, когда людямъ исповѣдующимъ эту религію возбранено прочесть публично „Отче нашъ“ на русскомъ языкѣ. Вотъ что происходитъ въ настоящее время: воспитанники римско-католическаго исповѣданія, передъ началомъ класса, гдѣ теперь по-русски преподаются имъ догматы ихъ вѣры, читаютъ молитву, одинаковую какъ для православныхъ такъ и для католиковъ, обязательно на русскомъ языкѣ; ихъ законоучитель, обязанный имъ объяснять въ классѣ отличительныя догматы ихъ вѣры по-русски, не можетъ подъ страхомъ строжайшей отвѣтственности, допустить въ церкви ни одного слова по-русски. Оставлять далѣе дѣло въ такомъ положеніи не значитъ ли дискредитировать правительство ставя его въ столь явное противорѣчіе съ самимъ собою? Что кромѣ новаго раздраженія и новой горечи можетъ произвести эта

мѣра, если за нею вскорѣ не послѣдуетъ полное свобожденіе русскаго языка, и рядъ мѣръ, которыя имѣли бы своею цѣлію освободить допущенный въ Россіи римскій католицизмъ отъ польскаго характера, а нашу правительственную систему отъ противорѣчій, которыхъ вредъ достаточно испытанъ? Естественно спросить себя, какимъ убѣжденіемъ запретъ, павшій на русскій языкъ, до сихъ поръ поддерживается, не смотря на очевидный вредъ и несообразности. Кто-бы подумалъ? Предлогомъ къ тому выставляется опасеніе, чтобъ эманципація русскаго языка не поколебала православной церкви, и не совратила русскаго народа въ иновѣріе. И къ какимъ ухищреніямъ прибѣгаетъ аргументація для того чтобъ отклонить правительство отъ пути, на который оно вышло! Вслѣдствіе того, что въ католическихъ церквахъ будутъ пѣть: „Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный“ вмѣсто „Свѣнты Боже, Свѣнты Моцны, Свѣнты Несмѣртельны“, поколеблется въ Россіи православіе и русскій народъ будетъ совращенъ въ латинство! Это именно тотъ самый аргументъ, которымъ добрый знакомецъ нашей публики, Шедо—Ферроти, старался въ прошломъ году смутить правительство въ принятомъ рѣшеніи ввести преподаваніе римско-католическаго катихизиса на русскомъ языкѣ. Еще забавнѣе опасенія, что проповѣди Виленскихъ или Минскихъ Боссюэтовъ совратятъ православныхъ въ латинство, какъ только облекутся въ звуки русскаго языка. Господа разсуждающіе такимъ образомъ забываютъ даже то обстоятельство, что въ западномъ краѣ польскій языкъ, приспособленный къ бѣлорусскому слуху, равно понятенъ какъ православнымъ, какъ и католикамъ, и что если краснорѣчіе ксендзовъ такъ обольстительно, то оно можетъ обнаружить это качество свое и на томъ языкѣ какой они употребляютъ теперь для своихъ проповѣдей предъ сельскимъ людомъ. Вообще нѣтъ ничего оскорбительнѣе для православной церкви какъ подобныя опасенія, которыя высказываются подъ видомъ охраненія и защиты ея интересовъ, а въ сущности обличаютъ лишь невѣріе въ ея внутреннюю силу. Нѣтъ, православная церковь въ Россіи, которая помнитъ себя православною почти съ тѣхъ поръ какъ запомнитъ себя, находилась бы внѣ всякой опасности даже при полной религіозной свободѣ, которая могла бы только оживить ее, пробудить въ нашемъ обществѣ церковные интересы, поднять проникающее религіозное чувство,—могла бы только способствовать къ раскрытію того, что составляетъ ея истинную сущность, и что даже теперь, оставаясь подъ спудомъ, начинаетъ могущественно привлекать къ себѣ иновѣрцевъ во всѣхъ концахъ міра. Православной церкви въ Россіи грозитъ гораздо болѣе серьозныя опастность отъ внутренняго усыпленія, отъ того несвободнаго положенія, въ которомъ она находится, отъ того отожествленія ея съ государствомъ, которое лишаетъ ее всякой самостоятельности, и отъ тѣхъ расколовъ, которые вслѣдствіе всего этого возникаютъ въ ея

собственныхъ нѣдрахъ. Православная церковь болѣе всего подвергается теперь опасности отъ тѣхъ опасливыхъ заботъ, которыми, подъ видомъ защиты, подавляютъ и мертвятъ ее. Что касается до Западнаго края, то вмѣсто ни на чемъ не основанныхъ опасеній за православіе отъ допущенія русскаго языка въ католическое богослуженіе и молитвословіе, лучше пожелать добраго осуществленія той мысли, которую, какъ слышно, имѣетъ въ виду тамошняя администрація,— именно открытія въ Вильнѣ духовно-православной академіи, которая вѣрнѣе чего либо могла бы возвысить какъ православную церковь, такъ и вообще русскую народность въ томъ краѣ. Возвышать и обезпечивать можно только положительными, а не отрицательными мѣрами, которыя нерѣдко ведутъ къ результатамъ совсѣмъ противнымъ.

О введеніи Русскаго языка въ Католическое Богослуженіе *).

Въ недавнее время принята была мѣра, имѣвшая въ виду произвести (безъ малѣйшаго посягательства на убѣжденія религіозныя) необходимое разобщеніе между полонизмомъ и католичествомъ. Мы разумѣемъ введеніе Русскаго языка въ богослуженіе католическое. По нашему убѣжденію, такое разобщеніе было и остается доселѣ единственнымъ средствомъ оживить въ томъ краѣ Русскую народность. Замѣтимъ мимоходомъ, что мѣры, съ которыми сей часъ познакомятся читатели и цѣль, къ которой стремилось тогда наше правительсво, не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что въ настоящее время совершается въ Германіи; но начавшееся у насъ, въ сосѣдствѣ съ Пруссіею, политико-религіозное движеніе могло подать Прусскому правительству мысль заняться, въ свою очередь, настойчиво и не теряя времени, католическимъ вопросомъ.

Съ 1864 года, во всѣхъ подвѣдомственныхъ Виленскому учебному округу учебныхъ заведеніяхъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, законъ Божій Римскаго-исповѣданія долженъ былъ преподаваться на языкѣ Русскомъ. Недостатокъ въ учебникахъ по этому предмету представлялъ значительныя къ тому препятствія. Кромѣ того, сами законоучители-ксендзы, особенно тѣ изъ нихъ, которые получили образованіе

*) Приводимъ нѣсколько данныхъ, извлеченныхъ для Русскаго Архива изъ Виленскаго Вѣстника 1868 и 1869 годовъ по предмету высокой важности, предмету, на который потрачено было много силъ и благородной энергіи и который, подобно многимъ другимъ Русскимъ начинаніямъ, нынѣ почти преданъ забвенію. *(Ив. Барт—в)*.

въ Виленской Римско-католической Семинаріи, плохо знали по-русски. Молитвенники, съ которыми, по обычаю страны, молящіеся посѣщаютъ костелы, печатались исключительно по-польски, при чемъ многіе изъ нихъ содержали въ себѣ молитвы съ политическимъ оттѣнкомъ и вселяли въ незрѣлыхъ умахъ несбыточныя надежды на возстановленіе Рѣчи—Посполитой и ненависть ко всему Русскому. Эти молитвенники были распространены въ тысячахъ экземплярахъ по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ.

Если молитвенники на Польскомъ языкѣ допускались къ чтенію въ костелахъ, и дѣти-католики Русскаго происхожденія обязаны были заучивать по нимъ молитвы, то не было логической причины не допускать того же и въ классахъ; а между тѣмъ не только въ стѣнахъ учебныхъ заведеній воспрещался Польскій языкъ, но повсюду, циркулярами мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ онъ преслѣдовался какъ политическая манифестація.

Нужно ли говорить, какая путанница проистекала изъ этой борьбы между администраціею и шляхетско-іезуитскою пропагандою, которая живетъ католическими мечтами, въ ущербъ истиннымъ интересамъ и спокойствію страны?

Къ вышесказанному нужно прибавить, что ни одинъ изъ законоучителей-ксендзовъ, изъ числа тѣхъ, которые свободно владѣли Русскимъ языкомъ, ни въ проповѣди, ни въ дополнительномъ богослуженіи въ костелѣ, не употреблялъ другаго языка кромѣ Польскаго, такъ что многіе изъ учениковъ, чтобы понять церковныя службы, должны были учиться по-польски.

Дабы положить предѣлъ не на бумагѣ только, но и на дѣлѣ, дальнѣйшему ополяченію учебныхъ заведеній, нужно было безотлагательно приступить къ устраненію Польскаго языка изъ преподаванія закона Божія и найти средства замѣнить его языкомъ страны, языкомъ Русскимъ.

Въ этихъ видахъ и при желаніи дѣйствовать съ должною постепенностью, попечитель учебнаго округа П. Н. Батюшковъ обратилъ прежде всего вниманіе на учебники по закону Божію и издалъ, на средства округа, краткій Катихизисъ въ Русскомъ переводѣ. Затѣмъ онъ приступилъ къ переводу съ Польскаго молитвенниковъ и богослужебныхъ книгъ. Переводъ былъ порученъ духовнымъ лицамъ (ксендзамъ и пасторамъ), подвергнутъ мѣстной духовной цензурѣ, разрѣшенъ и одобренъ общею цензурою. По выходѣ изъ печати этихъ книгъ, онѣ были раздаваемы ученикамъ законоучителями (ксендзами и пасторами) въ замѣнъ Польскихъ молитвенниковъ.

Совершая такимъ образомъ и безъ малѣйшаго понужденія замѣну Польскихъ молитвенниковъ Русскими, управленіе Виленскаго учебнаго округа не только не возбудило въ учащихся, или ихъ родственникахъ,

неудовольствій, но имѣло утѣшеніе видѣть, что мѣра принята была сочувственно. Доказательствомъ служитъ весьма значительное требованіе Русскихъ молитвенниковъ, Катихизиса, Евангелія и др. духовныхъ книгъ, а равно и добровольное посѣщеніе костеловъ учениками гимназій и другихъ учебныхъ заведеній съ *Русскими* молитвенниками въ рукахъ.

Но переводъ и раздача учебниковъ и молитвенниковъ воспитанникамъ Римско-католическаго закона были бы полумѣрами, еслибы одновременно не было обращено неослабнаго вниманія на самихъ преподавателей Закона Божія, на ксендзовъ, плохо владѣющихъ Русскою рѣчью. По этому предмету попечитель Виленскаго учебнаго округа вошелъ съ представленіемъ въ министерство народнаго просвѣщенія, на основаніи коего и по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, состоялось особое Высочайшее повелѣніе объ испытаніи клириковъ Римско-католической Семинаріи, до рукоположенія ихъ въ ксендзы, въ Русскомъ языкѣ, исторіи и географіи Россіи, по программѣ домашнихъ учителей и въ присутствіи экзаменаторовъ, которые, на этотъ предметъ, должны были быть командированы въ Семинарію попечителемъ округа. Условіе это было въ числѣ обязательныхъ, и безъ соблюденія онаго рукополагаемые ксендзы не могли быть допущены въ учительскую должность.

Если бы эта мѣра, подобно многимъ другимъ, не осталась мертвою буквою, то неминуемо исчезла бы для ксендзовъ-законоучителей всякая отговорка уклоняться отъ преподаванія закона Божія по-русски, за незнаніемъ языка.

Будь приведена въ дѣйствіе означенная мѣра, обусловливавшая успѣхъ начинанія яснымъ опредѣленіемъ цѣли: не допускать дальнѣйшаго ополяченія западно-Русскаго народа путемъ Польскаго католичества—введеніе проповѣди и дополнительнаго въ костелахъ богослуженія на Русскомъ языкѣ совершилось бы безпрепятственно. Ручательствомъ тому могутъ служить молебствія, совершенныя по-*русски* въ разныхъ мѣстностяхъ западнаго края. Какого либо понужденія со стороны свѣтской администраціи вовсе при этомъ не было, хотя конечно подобное, вполнѣ свободное, движеніе въ средѣ самого Римско-католическаго духовенства не могло не встрѣтить искренняго сочувствія въ представителяхъ мѣстнаго учебнаго вѣдомства.

Движеніе это началось съ Самогитской епархіи и, въ весьма короткое время, распространилось на многія мѣстности Литвы и Бѣлоруссіи.

19 Февраля 1869 г. Поневѣжскаго уѣзда, въ м. Салатахъ, настоятелемъ мѣстнаго костела и законоучителемъ народной школы отслужено было первое молебствіе на Русскомъ языкѣ, въ домѣ школы, въ присутствіи учениковъ и ихъ родителей. При пѣніи „Спаси Господи люди Твоя“ всѣ присутствовавшіе подошли къ кресту.

4 Апрѣля 1869, въ костелѣ Жеймели, ксендзомъ Рубшею, безъ органа, былъ на Русскомъ языкѣ отслуженъ для учениковъ мѣстной шко-

лы благодарственный молебенъ, при значительномъ стеченіи народа, пожелавшаго участвовать въ принесеніи молитвъ за спасеніе Государя Императора отъ руки убійцы.

Примѣру Ковенскихъ ксендзовъ послѣдовали Минскіе, а за ними и другихъ губерній.

25 Мая 1869 года (въ день освященія въ зданіи Минской гимназіи православной церкви, устроенной въ той комнатѣ, гдѣ въ 1851 году былъ въ куски разрѣзанъ однимъ изъ учениковъ гимназіи портретъ Императора Николая Павловича) законоуч. ксендзомъ Заустинскимъ, сперва словесно, а потомъ письменно заявившимъ директору гимназіи о своемъ намѣреніи, совершено было въ костелѣ монахинь Бенедиктинокъ молебствіе на Русскомъ языкѣ, въ присутствіи всѣхъ учениковъ и значительной публики.

8 Іюня того-же года, въ м. Блони, Игуменскаго уѣзда, законоучитель народной школы ксендзъ Сенчиковскій совершилъ въ придѣльномъ алтарѣ мѣстнаго костела благодарственное на Русскомъ языкѣ молебствіе, послѣ чего окрещено нѣсколько младенцевъ по католическому обряду, съ произнесеніемъ молитвъ и отвѣтовъ по требнику, вмѣсто Польскаго, на Русскомъ языкѣ, а также предъ причастіемъ молитвъ по-русски, вслухъ всего народа. Продолжая начатое дѣло, кс. Сенчиковскій, во всѣ праздничные дни послѣ литургіи, совершаемой на Латинскомъ языкѣ, всходилъ на хоры и, акомпанируя себѣ на органѣ, пѣлъ на Славянскомъ языкѣ наиболѣе употребляемую у католиковъ священную пѣснь: „Подъ Твою оборону притекаемъ, Дѣво!“ при чемъ сохранялъ напѣвъ, къ которому издавна привыкли мѣстные прихожане. Весьма замѣчательно, что дѣти, крещенныя кс. Сенчиковскимъ по Римско-католическому обряду, но съ произнесеніемъ молитвъ по-русски, называются прихожанами не иначе, какъ Русскими.

29 Іюля, въ Петровъ день, съ амвона Блонскаго костела, произнесена была кс. Сенчиковскимъ первая проповѣдь на Русскомъ языкѣ. Прочитавъ Апостолъ и Евангеліе по-русски и окончивъ миссу по-латыни, онъ вошелъ на каѳедру и произнесъ слово о необходимости и благопотребности немедленнаго устраненія изъ костела, въ мѣстностяхъ населенныхъ Русскими, Польскаго языка и пригласилъ прихожанъ, Бѣ русскихъ католиковъ, любящихъ родной край и свою Римско-католическую вѣру, усвоить въ молитвахъ родной языкъ, въ замѣнъ чуждаго имъ языка Польскаго.

27 Іюля, въ день Рожденія Государыни Императрицы, кс. Сенчиковскій, находясь въ это время въ г. Игуменѣ, совершилъ въ тамошнемъ костелѣ, въ присутствіи учениковъ и большаго стеченія народа, миссу, послѣ которой на Русскомъ языкѣ произнесъ проповѣдь и въ ней, между прочимъ, провелъ ту мысль, что языкъ Польскій есть наслѣдіе Іезуитской пропаганды, чуждой чистаго дѣла религіи, и что

Бѣлоруссамъ слѣдуетъ возносить молитвы на родномъ языкѣ. Онъ закончилъ проповѣдь, словами: „Ты, Господи, не желаешь смерти грѣшныхъ и ожидаешь ихъ исправленія. Освяти умы Бѣлоруссовъ, дѣтей нашего Русскаго отечества; дай имъ силу, соблюдая святыя заповѣди Твои, доказать на дѣлѣ, что въ груди ихъ бьется Русское сердце."

10 Августа въ управленіи Виленскаго учебнаго округа была получена депеша изъ Слуцка, отъ директора тамошней гимназіи Рончевскаго, слѣдующаго содержанія: „Сегодня въ нашемъ костелѣ, послѣ обѣдни, законоучителемъ, магистромъ Лемпницкимъ, предъ началомъ ученія, была произнесена рѣчь и отслужено молебствіе на Русскомъ языкѣ. Порядокъ и благочиніе въ костелѣ были примѣрные". Съ этого дня маг. Лемпицкій всѣ дополнительныя въ костелѣ службы сталъ совершать по-русски.

20 Августа получена была другая телеграмма: „19 ч. законоучитель Мозырской гимназіи, каноникъ Копцеговичъ, предъ открытіемъ учебнаго курса, сказалъ въ мѣстномъ костелѣ проповѣдь и отслужилъ молебенъ по-русски. Краткая, живая и глубоко-прочувствованная рѣчь его произвела на присутствовавшихъ необыкновенно сильное вліяніе". Вслѣдъ за этимъ инспекторъ Бобруйской прогимназіи, сообщилъ окружному управленію, что деканомъ Макаревичемъ и ксендзомъ-законоучителемъ Янковскимъ отслуженъ молебенъ и совершенно первое дополнительное богослуженіе по-русски.

Въ тотъ-же день, законоучитель Гродненской гимназіи Бѣдржинскій, присутствовавшій на православномъ молебнѣ, совершенномъ при началѣ гимназическаго курса православнымъ протоіереемъ, подошелъ ко кресту вмѣстѣ съ православными воспитанниками и затѣмъ приступилъ къ раздачѣ ученикамъ-католикамъ молитвенниковъ на Русскомъ языкѣ, сказавъ при этомъ назидательное, глубоко прочувствованное слово.

Во всѣхъ поименованныхъ мѣстностяхъ, какъ и во многихъ другихъ, законоучители-ксендзы постановили совершать и впредь добавочное богослуженіе, равно какъ произносить проповѣди, не иначе какъ по-русски.

И въ этихъ всѣхъ крайне-замѣчательныхъ случаяхъ не было ни малѣйшаго домогательства власти. Русская рѣчь оживала, благодаря собственному почину народа.

Въ виду такого по истинѣ утѣшительнаго явленія, попечитель округа считалъ своею обязанностію безотлагательно доводить о томъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія и начальника края, одновременно оглашая эти факты на столбцахъ Виленскаго Вѣстника (*).

(*) Примѣру законоучителей стали слѣдовать и настоятели костеловъ; такъ 30 Августа Лидскій деканъ Карповичъ и Виленскій Юргевичъ, пользующіеся уваженіемъ и довѣренностью прихожанъ, совершали молебенъ по-русски, первый въ Лидѣ, второй въ Родошковичахъ.

Государю Императору благоугодно было нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ законоучителей наградить крестами и орденами.

Но всѣ эти начинанія, выходившія изъ школы, совершались однако не безъ затрудненій. Начальству уч. округа нужно было бороться съ явными и особенно съ тайными приверженцами полонизма, которые, подъ личиною сочувствія къ дѣлу, старались всѣми зависѣвшими отъ нихъ и отъ друзей и единомышленниковъ ихъ средствами, затормозить дѣло. Они стали доказывать, что религіозно-политическое движеніе, вышедшее изъ школы, хотя и весьма похвально и совершается безъ малѣйшаго зазора или насилія, не подлежитъ однако вѣдѣнію учебнаго округа; что движеніе это не *легально*, такъ какъ оно идетъ въ разрѣзъ съ Высочайшимъ повелѣніемъ 30-хъ годовъ, запрещавшимъ вводить Русскую рѣчь въ инославное богослуженіе. Далѣе они стали доказывать, что учебный округъ, не довольствуясь разрѣшеніемъ своей прямой задачи, вмѣшивается въ дѣла, подлежащія другому вѣдомству, чрезъ что якобы могутъ потерпѣть въ научномъ и воспитательномъ отношеніяхъ ввѣренныя ему учебныя заведенія. Польскіе агитаторы стали винить попечителя въ томъ, что законоучители-ксендзы, безъ разрѣшенія своего духовнаго начальства и вопреки папскимъ буллам, проповѣдуютъ Слово Божіе на Русскомъ языкѣ и притомъ въ костелахъ, принадлежащихъ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ. На основаніи этихъ и подобныхъ обвиненій приверженцы полонизма считали необходимымъ, *для спокойствія края* (какъ будто край былъ взволнованъ!) предварительно исходатайствовать отмѣну вышесказаннаго Высочайшаго повелѣнія, испросить у Папы благословеніе на введеніе Русскаго языка въ костелы въ замѣнъ Польскаго, и тогда уже приступить къ *обобщенію мѣры*, введеніемъ повсюду мѣстныхъ *наръчій* въ костельную службу, но не иначе однакожъ, какъ съ согласія всѣхъ прихожанъ, путемъ плебисцита.

Послѣдствія извѣстны.

Польская пропаганда въ учебныхъ заведеніяхъ С. З. Края

С. Шолковича.

I.

Поляки сами сознавали, что паденіе Рѣчи—Посполитой неизбѣжно. Съ этимъ живо ощущаемымъ сознаніемъ соединялись въ нихъ самыя разнообразныя чувства и стремленія. Въ нихъ пробуждалось и ревнивое чувство благоговѣнія къ фантастическому предназначенію Польши, и непомѣрная любовь къ ея достоинству и славѣ, и страстное стремленіе поддержать политическое ея бытіе. Для удовлетворенія такихъ чувствъ и стремленій, одним изъ вѣрныхъ и надежныхъ средствъ было признано воспитаніе юношества въ патріотическо-польскомъ духѣ. Мысль эта отчасти осуществилась въ учрежденіи такъ называемой *эдукаціонной комиссіи*, спеціально предназначавшейся для учебно-образовательныхъ реформъ. Хотя дѣятельность этой комиссіи не спасла Польши отъ погибели, тѣмъ не менѣе реформы, произведенныя ею въ учебно-образовательномъ дѣлѣ, не пропали безслѣдно, и послужили богатымъ матеріаломъ для будущаго времени.

Съ послѣднимъ раздѣломъ Польши, земли, входившія въ составъ бывшаго великаго княжества Литовскаго (за исключеніемъ Бѣлостоцкой области) вошли въ составъ Россійской имперіи. Великодушіе императора Павла къ политическимъ коноводамъ тогдашняго Польскаго общества обратило взоры Поляковъ къ Россіи. Изъ Петербурга ждали они вѣрнѣйшей помощи къ достиженію слагавшихся тогда заговорныхъ цѣлей. Надежды Поляковъ усилились съ восшествіемъ на престолъ императора Александра Благословеннаго, когда князь Адамъ-Георгъ Чарторыйскій, глава новаго политическаго движенія, сдѣлавшійся другомъ молодаго государя, сталъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ и попечителемъ вновь учрежденнаго Виленскаго учебнаго округа. „Подъ

Русскимъ владычествомъ", писалъ въ 1803-мъ году Францискъ Дмоховскій Гуго Колонтаю (работавшему на Волыни по устройству уч. заведеній въ юго-западной Россіи), „намъ открываются самые благопріятные виды. Вмѣстѣ съ этимъ организація публичной инструкціи въ выборѣ способныхъ соотечественниковъ на мѣста учителей произведетъ то, чего только ожидать можно въ данномъ случаѣ. Но если учительскія мѣста замѣщены будутъ чужеземцами, тогда придется попрощаться съ отечественными науками, и въ особенности пострадаетъ отъ этого образованіе. Излагая науки на чужомъ языкѣ, можно приготовить извѣстное число ученыхъ; но безъ Польскаго языка нельзя распространять образованія въ массѣ. Въ данномъ случаѣ цѣли императора Александра таковы, что онѣ позволяютъ надѣяться получить отъ него гораздо больше, нежели сколько можетъ дать намъ какое-бы то ни было правительство...".

Въ 1802 году князю Чарторыйскому поручено было составить уставъ для Виленскаго университета и другихъ учебныхъ заведеній вновь открываемаго Виленскаго учебнаго округа. Въ 1803 году въ помощь къ нему назначенъ по высочайшему повелѣнію визитаторомъ училищъ въ юго-западныя губерніи Ѳаддей Чацкій. И тотъ и другой въ одинаковой мѣрѣ обратились за содѣйствіемъ къ способнѣйшимъ изъ своихъ соотечественниковъ: Чарторыйскій пригласилъ къ себѣ въ главные сотрудники ректора тогдашней Виленской академіи Стройновскаго, а Чацкій—Гуго Колонтая. Образовалось два центра дѣятельности: одинъ въ сѣверо-западномъ краѣ—въ Вильнѣ, другой въ юго-западномъ—на Волыни. Съ энергіей и знаніемъ дѣла, эти люди принялись за переустройство старыхъ заведеній и устройство новыхъ на новыхъ національно-Польскихъ началахъ. И Польское дворянство, и Польское духовенство давали имъ свои капиталы, а ученые Польскіе—свои знанія и труды, и тѣмъ съ большимъ усердіемъ, что дары эти принимались, какъ жертвы на алтарь отечества. Съ той поры западной и югозападной Руси суждено было сдѣлаться поприщемъ для развитія Польскихъ революціонныхъ идей и выносить на своихъ плечахъ всѣ послѣдствія и ужасы, соединенные съ разрушительнымъ ихъ дѣйствіемъ.

Нельзя здѣсь впрочемъ не замѣтить, что въ первоначальной дѣятельности этихъ реформаторовъ не было строгаго согласія и единства. Виленскіе реформаторы не всегда соглашались съ Чацкимъ, и на оборотъ; но такой антагонизмъ былъ для Польскаго дѣла болѣе полезенъ, нежели вреденъ. Подъ вліяніемъ его, и тѣ и другіе въ одинаковой мѣрѣ зорко слѣдили за дѣятельностію другъ друга и своевременно исправляли свои ошибки. Когда Стройновскій, напримѣръ, донустилъ въ своемъ уставѣ Виленскаго университета возможность поступать туда на службу иностранцамъ, то противъ него поднялось цѣлое ополченіе крайнихъ патріотовъ. „Виленскій университетъ (писалъ по этому поводу

Дюховскій къ Колонтаю) наполняется чужеземцами; будутъ тамъ Нѣмцы, Французы, Итальянцы, Англичане—словомъ, вавилонское столпотвореніе. Принято за систему ни къ чему не допускать Поляковъ, какъ не способныхъ. Должно быть тѣ, которые схватились за это правило, почерпнули его изъ личнаго своего опыта. Послѣ паденія народа трудно наносить ему большее оскорбленіе, какъ смотрѣть на него такими глазами, и Виленская академія, никогда не пользовавшаяся хорошей репутаціей, теперь окончательно покрылась позоромъ. И что тамъ были за профессора? Они не умѣли воспитать для себя преемниковъ, а это преемство не сопряжено съ особыми трудностями. Объ этомъ можно только сожалѣть, исправить трудно. Гдѣ мы зааладывали гнѣздо Польскаго языка и Польской литературы,—тамъ будетъ сѣдалище Нѣмецкихъ трансценденталистовъ, и Вильна сдѣлается колоніей чужеземцевъ"....

Въ такомъ-же духѣ писалъ по этому-же самому дѣлу и Колонтай Яну Снядецкому: „Главная Виленская школа, достаточно извѣстная своею безпорядочностію и духомъ монополіи, обыкновенной принадлежности такихъ учрежденій, не только не помогаетъ Чацкому, напротивъ того во всемъ ему препятствуетъ. Постоянно нужно усмирять ее, постоянно нужно предупреждать не только нерасположенность ея къ Чацкому, но и неудачи, могущія возникнуть для нея самой. На сколько я могу понимать дѣло, предвижу, что Стройновскому—трудно придется справляться съ своей машиной. Теперь онъ уже старается загладить свои прежнія ошибки; но кто же именно будетъ тотъ счастливецъ, который дѣйствительно загладить ихъ? Началъ онъ свое дѣло упрямствомъ и крутыми мѣрами; ко всему этому присоединилось чувство ложнаго стыда, нежеланіе сознаться въ заблужденіяхъ, которыя въ свою очередь могутъ быть исправлены только имъ самимъ, такъ какъ Чарторыйскій считаетъ его въ этомъ дѣлѣ наиболѣе компетентнымъ ... Въ своемъ проэктѣ, онъ призналъ необходимымъ обратиться къ вызову иностранцевъ и этимъ отдалилъ отъ себя достойныхъ Поляковъ. Теперь онъ твердитъ, что трудно найти Поляковъ. И какъ онъ въ самомъ дѣлѣ найдетъ ихъ, поставивъ на одну доску съ чужеземцами и подчинивъ суду недоучившихся Виленскихъ ученыхъ?"...

Такія и подобныя нападки крайнихъ патріотовъ, надѣявшихся получить отъ Русскаго правительства болѣе, нежели отъ любаго правительства, были полезны для Польскаго дѣла въ томъ отношеніи, что заблаговременно указывали Виленскимъ реформаторамъ на слабыя стороны ихъ новыхъ уставовъ и въ тоже время знакомили послѣднихъ съ желаніями ихъ антагонистовъ. Крайнія мѣры были несогласны съ правилами осторожной политики князя Чарторыйскаго,—особенно въ то время, котда Стройновскій долженъ былъ составлять свой уставъ на основаніи общаго устава для учебныхъ заведеній всей Россійской им-

періи; къ тому же сами нападающіе слишкомъ вѣрили въ безупречную преданность Польскому дѣлу и политическій геній князя Чарторыйскаго.

II.

Въ 1803-мъ году Чарторыйскій назначенъ попечителемъ вновь открытаго Виленскаго учебнаго округа. Въ этомъ же году послѣдовалъ рядъ правительственныхъ распоряженій относительно устройства Виленскаго университета и уч. заведеній его округа. 4 Апрѣля обнародована Высочайшая грамота объ открытіи Виленскаго университета; 18-го Мая—общія постановленія университета и училищъ округа; 28-го Іюня—манифестъ объ открытіи главной семинаріи при университетѣ; 10-го Декабря—распоряженіе о содержаніи училищъ въ Волынской и Подольской губерніяхъ. Въ составъ учебнаго округа включено пространство, заключающее въ себѣ нынѣ девять губерній: Виленскую, Минскую, Ковенскую, Витебскую, Могилевскую, Волынскую, Подольскую, Кіевскую и Гродненскую (безъ Бѣлостоцкой области, которая вошла въ составъ округа въ 1810 году, т. е. со времени ея присоединенія къ Россіи).

На содержаніе университета и округа отчислены были всѣ суммы прежняго эдукаціоннаго фундуша, простиравшіяся, по вычисленію Лукашевича, до 1.580.000 Польскихъ золотыхъ, и новыя пожертвованія римско-католическаго духовенства и Польскаго дворянства. Дѣло поставлено было очень прочно.

Такой обширный округъ устроенъ былъ исключительно по внушеніямъ Чарторыйскаго и изъ видовъ чисто политическо-польскихъ. Намѣренія министерства народнаго просвѣщенія были иныя: графъ Завадовскій думалъ основать другой округъ и университетъ—въ Кіевѣ. Съ этою цѣлью онъ нарочно ѣздилъ въ Кіевъ въ 1805 году; но открыть университетъ Кіевскій пришлось гораздо позже, послѣ горькихъ уроковъ и испытаній. Въ то время на встрѣчу министру высланъ былъ Чарторыйскимъ визитаторъ Чацкій, которому и поручено было переговорить съ нимъ въ слѣдующемъ тонѣ. „Открывать университетъ въ Кіевѣ чрезвычайно неудобно, во 1-хъ потому, что недалеко отъ Кіева уже открытъ университетъ въ Харьковѣ; во 2-хъ потому, что Кіевъ стоитъ въ сторонѣ сѣверо-западнаго края и занимаетъ невыгодное мѣстоположеніе для такого заведенія; въ 3-хъ потому, что желанія обывателей, несущихъ свои пожертвованія на пользу образованія, таковы, чтобы преподаваніе шло на Польскомъ языкѣ, чего нельзя достигнуть въ Кіевѣ, какъ въ древнѣйшемъ Русскомъ городѣ, гдѣ гражданское право должно преподаваться на основаніи права Русскаго—*не здѣшняго*, а право церковное на основаніи права восточнаго, и богословіе въ духѣ благочестія. Такія затрудненія не имѣли-бы большаго значенія,

если-бы Русское духовенство было болѣе или менѣе сносно образовано; но до тѣхъ поръ, пока не устранится это послѣднее неудобство, учрежденіе университета въ Кіевѣ останется дѣломъ очень спорнымъ тѣмъ болѣе, что школьное образованіе унаслѣдовало здѣсь Нѣмецкій уставъ, допускающій только *четыре* факультета". Истинныя же причины нежеланія Чарторыйскаго открывать другой университетъ и округъ были конечно совсѣмъ иныя. „Какъ Полякъ" (писалъ по этому поводу Колонтай Яну Снядецкому) „князь Чарторыйскій не желаетъ открытія университета въ Кіевѣ, гдѣ можно предвидѣть неминуемый упадокъ нашей рѣчи и неминуемыя препятствія *въ мѣстной суперстиціи*. Не желаетъ онъ открытія и новаго округа потому, *чтобы не нарушать тою объединенія края, которое выражается въ настоящее время въ единствѣ образованія*".

III.

Прежде чѣмъ приступимъ къ изложенію дѣятельности новаго учебнаго округа, считаемъ не лишнимъ познакомить читателя съ сущностію изданныхъ для него нравительственныхъ постановленій и съ состояніемъ тѣхъ учебныхъ заведеній, которыя уже существовали при его открытіи.

Грамота 4-го Апрѣля заключаетъ въ себѣ общія права и обязанности университета, какъ ученой копораціи. Она состоитъ изъ XXII параграфовъ. На основаніи этой граматы, университету дарованы права ученаго сословія, состоящаго подъ непосредственнымъ покровительствомъ Государя Императора. Университетъ долженъ состоять изъ ординарныхъ и дѣйствительныхъ профессоровъ и членовъ почетныхъ. Тѣ и другіе должны составлять университетскій совѣтъ. Во главѣ совѣта и университета поставленъ ректоръ, избираемый по большинству голосовъ изъ заслуженныхъ или дѣйствительныхъ профессоровъ, утверждаемый въ своей должности самимъ Государемъ. Обязанности совѣта состояли: въ избраніи на профессорскія мѣста достойныхъ лицъ, въ производствѣ расправы надъ своими сослуживцами, на которую апелляція могла подаваться только въ Правительствующій Сенатъ; въ изысканіи мѣръ къ лучшему устройству учебной и экономической части. Обязанности ректора университета были: предсѣдательствовать въ совѣтѣ, приводить въ исполненіе его постановленія, наблюдать за правильнымъ ходомъ дѣлъ въ университетѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ и отвѣтствовать за безпорядки по округу. Университетъ долженствовалъ состоять изъ четырехъ факультетовъ: физико-математическаго, медицинскаго, нравственныхъ и политическихъ наукъ, наукъ словесныхъ и художествъ. Во главѣ факультетовъ стояли деканы. Университету предоставлено право раздавать ученыя степени, имѣть своихъ цензоровъ и посылать способнѣйшихъ профессоровъ и студентовъ за границу. Подъ непосред-

ственный надзоръ его отданы Виленская гимназія и всѣ учебныя зданія въ городѣ Вильнѣ. На содержаніе университета назначено ежегодно по 105.000 рублей, которые выдавались непосредственно университету изъ суммъ государственнаго казначейства. Профессорамъ, прослужившимъ 25 лѣтъ и менѣе, выдавалась пенсія, а въ случаѣ ихъ смерти—вдовамъ ихъ и дѣтямъ. Въ распоряженіе университета отданы также нѣкоторыя бенефиціи и каноніи въ Вильнѣ и другихъ городахъ западной Россіи. Иностранцамъ, пожелавшимъ служить въ университетѣ, предоставлено право безпошлиннаго провоза въ Россію вещей на 3.000 рублей и свободнаго отъѣзда за границу. За главные курсы положено жалованья по 1.000 рублей, за дополнительные по500 руб.

Въ наставленіяхъ Виленскому университету и училищамъ его округа находится болѣе подробное изложеніе тѣхъ-же правъ и обязанностей университета и уставъ для другихъ его учебныхъ заведеній. Такъ первыя *три главы* этихъ наставленій относятся собственно къ университету; *четвертая* къ гимназіямъ и другимъ училищамъ округа, а *пятая* къ сохраненію прежняго училищнаго порядка въ тѣхъ его частяхъ, которыя не противорѣчили новѣйшимъ законоположеніямъ по учебному дѣлу. Мы приведемъ здѣсь только тѣ стороны этихъ наставленій, которыхъ нѣтъ въ общемъ университетскомъ уставѣ.

По § 1 первой главы всѣ заведенія учебнаго округа переданы были въ непосредственное вѣдѣніе и управленіе университета. По § 5 для обозрѣнія гимназій и другихъ училищъ округа изъ среды профессоровъ долженствовали избираться по 3 и 4 визитатора, утверждаемые министромъ народнаго просвѣщенія. По § 6 всѣ мѣста для служащихъ въ округѣ отданы были въ распоряженіе университетскаго совѣта. По § 15 для разрѣшенія выходящихъ въ свѣтъ книгъ университету предоставлено право избирать по каждому факультету отдѣльныхъ цензоровъ, съ одобренія которыхъ и выходили въ свѣтъ сочиненія. По §§ 35 и 36 (главы третьей) при университетѣ долженствовали открыться двѣ семинаріи: учительская для приходскихъ и уѣздныхъ учителей и духовная для римско-католическаго и уніатскаго духовенства. По § 37 (главы четвертой) было постановлено: для каждаго губернскаго города открыть гимназію, для уѣзднаго—уѣздное училище, приходскія же училища предоставлены были ближайшему усмотрѣнію университета. По § 38 въ каждой гимназіи долженствовало быть отъ 10-ти до 11-ти учителей, шесть или семь старшихъ и четыре младшихъ; директоръ гимназіи и его помощникъ—оба изъ старшихъ учителей и проповѣдникъ. Предметы преподаванія назначены слѣдующіе: физика, математика, Латинская и Польская грамматика, начальныя правила ариѳметики, географія и нравоученіе, рисованіе, Россійскій, Нѣмецкій и Французскій языки. Преподаватели послѣднихъ четырехъ предметовъ считались учителями младшими, всѣхъ первыхъ—старшими.

По § 39 въ каждомъ уѣздномъ училищѣ полагалось по три класса и по шести учителей—3 старшихъ и 3 младшихъ. Предметы преподаванія слѣдующіе: физика и геометрія, нравоученіе, словесность и Латинскій языкъ, Польская грамматика, начальныя правила ариѳметики, географія, рисованіе. Русскій, Нѣмецкій и Французскій языки. Три преподавателя послѣднихъ четырехъ предметовъ считались младшими, первыхъ—старшими. Въ уѣздномъ училищѣ полагался еще смотритель и проповѣдникъ

По § 40 въ приходскихъ училищахъ должны были преподаваться чтеніе и письмо (Польское), Законъ Божій или катихизисъ, начальныя правила нравоученія, основанія ариѳметики и простое и точное познаніе предметовъ, относящихся къ земледѣлію и ремесламъ.

По § 41 между университетомъ и училищами его округа устанавливались слѣдующія отношенія: университетъ долженствовалъ образовывать и доставлять способныхъ учителей для занятія всѣхъ мѣстъ въ округѣ. Университетскій совѣтъ, чрезъ каждые 4 года, избиралъ директоровъ гимназій и смотрителей уѣздныхъ училищъ и представлялъ ихъ на утвержденіе высшаго начальства. Ректору предоставлено было право осматривать всѣ учебныя заведенія его округа; въ частности-же эти обязанности возложены были на визитаторовъ изъ профессоровъ и почетныхъ членовъ университета, которые должны были представлять свои рапорты ректору университета. Начальники училищъ также должны были подавать свои рапорты ректору и получать отъ него предписанія. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ ректоръ и университетскій совѣтъ подчинялись члену главнаго правленія училищъ и попечителю Виленскаго учебнаго округа.

И такъ кругъ дѣятельности университета былъ очень обширенъ. На немъ лежали двоякія обязанности: административнаго и учебно-образовательнаго заведенія. Онъ воспитывалъ молодежь для девяти губерній западнаго и юго-западнаго края и въ частности служащихъ по округу; назначалъ послѣднихъ на мѣста и контролировалъ ихъ дѣятельность; онъ издавалъ для учебныхъ заведеній программы и учебники и подвергалъ своей цензурѣ всѣ выходящія на мѣстѣ въ свѣтъ сочиненія, въ томъ числѣ и для своихъ учебныхъ заведеній. Короче сказать,—дѣятельность университета была совершенно равносильна дѣятельности округа, съ чѣмъ былъ согласенъ и самъ Чарторыйскій, разумѣя подъ университетомъ весь учебный округъ. Отношенія между университетомъ и учебными заведеніями его округа были такія же, какія существуютъ между метрополіями и ихъ колоніями: это было буквальное повтореніе прежняго Польскаго порядка, выработаннаго эдукаціонной коммиссіей, по которому школы въ Коронѣ считались колоніями Краковской академіи, а въ Литвѣ—Виленской академіи. Такое положеніе учебнаго дѣла не могло не благопріятствовать Польскому

дѣлу и, университетъ, подъ вліяніемъ усвоеннаго имъ революціонно—Польскаго направленія, сдѣлался однимъ изъ самыхъ сильныхъ и могущественныхъ центровъ ополяченія западной и юго-западной Руси.

IV.

Что касается учебныхъ заведеній, состоявшихъ на лице во время открытія учебнаго округа, то изъ отчета Виленскаго университета за 1804 годъ видно, что положеніе ихъ было крайне не утѣшительно. Они не имѣли ни достаточныхъ средствъ къ существованію, ни способныхъ преподавателей, ни удовлетворительныхъ способовъ преподаванія. „Въ Литовскихъ губерніяхъ (говорится въ отчетѣ университета) Виленской и Гродненской, училища, препорученныя духовнымъ обществамъ, руководствовались по большей части уставомъ бывшей Польской коммиссіи о воспитаніи (эдукаціонной). Въ губерніяхъ Минской, Подольской, Кіевской и Волынской, порядокъ, заведенный въ училищахъ прежде 1793 года, хотя и былъ сохраненъ въ теченіи десяти лѣтъ, но предписаніями приказовъ общественнаго призрѣнія столько смѣшанъ и разстроенъ, что и учителя въ исполненіи онаго, и ученики въ пріобрѣтеніи отъ наукъ пользы великія чувствовали затрудненія. Въ губерніяхъ Витебской и Могилевской народныя училища слѣдовали порядку, предписанному въ уставѣ коммиссіи объ оныхъ училищахъ; однако, исключая главныхъ училищъ, состоящихъ въ губернскихъ городахъ, всѣ прочія въ уѣздахъ, будучи подчинены начальству и смотрѣнію городничихъ, существенно болѣе сходствуютъ въ расположеніи наукъ съ приходскими, нежели съ уѣздными училищами и, руководствуясь случайно опредѣленными нѣкоторыми учителями, не могли быть въ хорошемъ состояніи. Іезуитскія училища имѣли свой прежній образъ ученія, а Піарскія также особенный. Училища же Базиліанскія и Доминиканскія отчасти придерживались Іезуитскаго и Піарскаго порядка, отчасти-же слѣдовали предписаніямъ устава бывшей Польской коммиссіи о воспитаніи. Выборъ книгъ обыкновенно зависѣлъ отъ мнѣнія учительскаго. Училищныя пособія, какъ то: библіотеки, математическія и физическія орудія и проч., доставляемы были нѣкоторымъ училищамъ только по усердію духовныхъ обществъ; впрочемъ такихъ предметовъ находилось мало".

„При такомъ состояніи училищъ, родители, пекущіеся о воспитаніи своихъ дѣтей, часто колебались, въ какое именно училище лучше посылать ихъ и, желая доставить имъ лучшее воспитаніе, не рѣдко переводили ихъ изъ одного училища въ другое, къ великому вреду юношества, которое безвозвратно теряло дорогое время. Училища, не имѣя опредѣленныхъ правилъ, часто должны были удовлетворять желанію родителей, подверженныхъ естественной слабости къ дѣтямъ. Отъ этого происходило, что въ одномъ и томъ-же училищѣ существо-

валъ различный порядокъ ученія, и науки преподавались по желанію. Одни ученики освобождались отъ Латинскаго языка, другіе отъ геометріи, третьи отъ другихъ предметовъ. Отсюда происходили неодновременные отпуски учениковъ и неодновременныя явки въ заведеніе; бывали и другія послабленія со стороны училищъ, къ явному вреду юношества.

Способы ученія были также крайне неудовлетворительны. Они вполнѣ зависѣли отъ желанія учителей, которые не рѣдко отличались бездарностію и излагали свои предметы по такому способу, по какому учились сами, отягощая память юношества, безъ точнаго истолкованія самого предмета.

Во многихъ мѣстахъ училища, не имѣя защиты, часто подвергались вмѣшательству полицейскому. Такъ напр. училищный порядокъ нарушался, когда дома, назначенные подъ училища, брались подъ воинскій постой, подъ присутственныя мѣста, театры, тюрьмы и проч.".

Во время первой ревизіи, университетъ нашелъ 69 уже существовавшихъ училищъ. Изъ нихъ 44 содержались по прежнему на иждивеніи Римско-католическихъ и уніатскаго духовныхъ орденовъ: Іезуитскаго, Піарскаго, Базиліанскаго, Доминиканскаго, Кармелитскаго Бернардинскаго и Францисканскаго; остальныя-же стали получать содержаніе изъ суммъ эдукаціоннаго фундуша *). Тѣ и другія были преобразованы по новому уставу въ шестиклассныя или-же въ трехклассныя—уѣздныя. Кромѣ того были открыты еще во многихъ мѣстахъ училища новыя, по большей части шестиклассныя; приходскихъ было немного, а народныхъ въ настоящемъ смыслѣ слова не было вовсе. Что касается училищъ женскихъ, то таковыя существовали при нѣкоторыхъ женскихъ Римско-католическихъ монастыряхъ и, по ходатайству Виленскаго епископа, остались въ вѣдѣніи тѣхъ-же монастырей.

Въ такомъ состояніи находилось учебное дѣло въ западномъ и юго-западномъ краѣ въ 1803—1804 годахъ; но съ открытіемъ учебнаго округа, Римско-католическое духовенство, занимавшееся до тѣхъ поръ образованіемъ юношества, принуждено было постепенно уступать свои мѣста дѣятелямъ новымъ, пока наконецъ всѣ школы не поступили въ непосредственное управленіе университета и князя Чарторыйскаго.

V.

Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ учебно-образовательное дѣло, Чарторыйскій, совмѣстно съ университетомъ, принялся за дѣло ополяченія Руси. И нужно отдать ему справедливость, дѣло свое онъ повелъ такъ

*) Въ архивѣ виленскаго р.-католическаго епископа есть очень много дѣлъ, касающихся „эдукац. комиссіи".

успѣшно, что подъ Русскимъ владычествомъ полонизмъ развился въ Русской землѣ гораздо сильнѣе, нежели во времена продолжительнаго господства надъ нею Рѣчи-Посполитой.

Чтобы читатель могъ имѣть болѣе ясное представленіе о послѣдовательномъ развитіи этого дѣла, мы должны коснуться здѣсь первоначальной дѣятельности князей Чарторыйскихъ на пользу возстановленія Польши, такъ какъ, благодаря этой дѣятельности, Польскіе происки получили правильное, систематическое направленіе.

Полонизаторская дѣятельность князей Чарторыйскихъ началась нѣсколько раньше послѣдняго раздѣла Польши и усилилась во время пребыванія ихъ въ Пулавахъ. „Пулавы", по замѣчанію современнаго польскаго писателя Козмяна, „сдѣлались польскимъ Эпиромъ, въ которомъ Геленъ, по разореніи большой Трои, основалъ Трою малую". Сюда стали стекаться съ разныхъ мѣстъ и Польскіе патріоты, и памятники Польской старины; здѣсь же обсуждались и всевозможныя политическія комбинаціи къ возстановленію погибающей Польши. Результатомъ дѣятельности этого небольшаго кружка было составленіе фамильной программы князей Чарторыйскихъ, стремившихся, путемъ политической интриги и заговоровъ, возобновить Польшу въ предѣлахъ 1772 года. Отсюда патріотическое броженіе стало распространяться во всѣ концы бывшей Польши, какъ посредствомъ надежныхъ лицъ и революціонной литературы, такъ и посредствомъ составленія разныхъ обществъ.

Таковы были между прочимъ общества: „массоновъ", „друзей наукъ", и „экономическое", открытыя въ Варшавѣ съ разрѣшенія Прусскаго правительства. Великодушіе Русскихъ государей и революціонная дѣятельность Наполеона еще болѣе льстили патріотическимъ Польскимъ надеждамъ. Стали возвращаться изъ-за границы эмигранты Такое-же точно броженіе существовало и при открытіи учебнаго округа. Оно незамедлило проникнуть въ его учебныя заведенія какъ посредствомъ преподавателей, такъ и польской революціонной литературы и общественнаго мнѣнія. Дѣла Слѣдственной Комисіи Новосильцева по поводу разныхъ тайныхъ обществъ, появившихся въ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго учебнаго округа, открываютъ намъ яркую картину этой полонизаторской дѣятельности. Изъ этихъ дѣлъ ясно видно, что въ 1805 году еще нужно было вербовать учениковъ въ польскіе легіоны; въ 1818 году они уже сами себя обрекали на жертву отечеству, а въ 1823 году—во имя Польши они совершали уже уголовно-политическія преступленія. Сбитыя съ прежняго пути учебныя заведенія превратились въ чудовищныя гнѣзда безвѣрія, нравственнаго и политическаго распутства. Юноши, воспитываемые въ духѣ программы Чарторыйскихъ, стали образовывать между собою разныя общества, которыя напоминали имъ о прежней Польшѣ; себя стали считать полноправными

гражданами несуществующаго отечества и пріучались ненавидѣть отечество существующее—Россію, которая рисовалась, или вѣрнѣе, была рисуема въ ихъ воображеніи какимъ-то адскимъ чудовищемъ, какою-то преднамѣренною виновницею всѣхъ воображаемыхъ бѣдъ и несчастій. Истина, благородство, наука отошли на послѣдній планъ; на ихъ мѣсто водворялись политика, ложь и крайнее якобинство. Юноши, собираясь въ кружки, то и дѣло твердили: «ровность», «вольность», «неподлеглость», „смерть тиранамъ". Съ трудомъ вѣришь глазамъ, читая показанія о разныхъ случаяхъ изъ тогдашней школьной жизни, какъ напр. одни воспитанники проповѣдуютъ въ классѣ публично, что „присяга у насъ не значитъ ничего, а религія, если вникнуть въ нее поглубже, состоитъ не изъ чего инаго, какъ изъ побасенокъ", а другіе во время уроковъ читаютъ *дэпло о конституціи 3-го Мая*; какъ одни разносятъ по городу пасквили, вооружившись при этомъ стилетами, а другіе не стѣсняясь говорятъ: „если насъ сдадутъ въ солдаты, то во время смотра мы выстрѣлимъ въ Государя"; какъ одни съ цѣлію осмѣянія ученической формы рядятся въ какія-то чуйки и расхаживаютъ во время уроковъ по городу, а другіе говорятъ своимъ учителямъ разныя скандалезныя дерзости; какъ цѣлыми толпами нападаютъ на сады и среди бѣлаго дня производятъ опустошенія; какъ устраиваютъ загородныя гулянья съ полуобнаженными нимфами. Но мы бы слишкомъ далеко зашли, если-бы вздумали приводить здѣсь подробный перечень этимъ оригинальнымъ явленіямъ въ школахъ Чарторыйскаго, подъ конецъ управленія его учебнымъ округомъ. Ученики напр. III—IV классовъ были по 28—36 лѣтъ отъ роду и не только позволяли себѣ охотиться за дичью, но и за прекраснымъ поломъ, изъ-за котораго не рѣдко происходили между ними дуэли.

Университетъ зналъ объ этомъ направленіи юношества. Университету вторило и прямое училищное начальство. Такъ, въ объяснительной запискѣ Новосильцева Великому Князю Константину Павловичу, по дѣлу адъюнкта Контрима, говорится между прочимъ слѣдующее:

„Подъ скромнымъ званіемъ адъюнкта, котораго онъ никогда не искалъ перемѣнять, сей хитрый и скрытный человѣкъ управлялъ долгое время самымъ непримѣтнымъ образомъ какъ университетомъ, такъ, можно сказать, и мнѣніемъ большей части здѣшней публики, о чемъ упоминали не только иностранные, но даже и наши Русскіе столичные журналы. Орудіемъ къ достиженію сего служили ему разныя общества, основанныя имъ самимъ, но всегда подъ чужимъ именемъ, какъ напр., общества — «Шубравцевъ», «массонскихъ реформатовъ», «для пособія бѣднымъ ученикамъ» и проч., изъ коихъ послѣднее (какъ послѣ открылось) имѣло въ виду превратить „тайное общество Филаретовъ" въ «публичное», подъ благовиднымъ предлогомъ, означеннымъ въ его заглавіи. Сверхъ того не укрылось также отъ меня, что и наружныя

связи его, весьма обширныя (Контримъ находился въ перепискѣ съ Чарторыйскимъ) немало способствовали ему въ господствованіи надъ университетомъ и обучающимся юношествомъ. Всѣ сіи, собранныя мною на его счетъ свѣдѣнія были поводомъ, что я всегда внутренно почиталъ его одною изъ главнѣйшихъ и опаснѣйшихъ пружинъ возмутительной системы". И далѣе: «Сей Ходзько (ревностнѣйшій покровитель общества Филаретовъ), коего три сына были въ обществѣ Филаретовъ, былъ посылаемъ передъ симъ отъ университета въ званіи визитатора училищъ Виленскаго учебнаго округа и производилъ свои визитаціи съ извѣстнымъ *Закономъ*, главнымъ основателемъ общества Филаретовъ (который состоялъ при немъ письмоводителемъ) и такимъ образомъ распространялъ духъ сего общества не только между учениками, но даже и между учителями».

Въ рапортѣ Новосильцеву визитатора Бѣлорусскихъ училищъ С.-Петербургскаго университета профессора О. И. Сеньковскаго, ревизовавшаго ихъ въ 1826 году, по поводу возмутительныхъ пасквилей, найденныхъ въ высшемъ Піарскомъ Полоцкомъ училищѣ, говорится слѣдующее:

«Всю вину должно приписать ихъ начальству и наставникамъ, питающимъ въ нихъ (воспитанникахъ) духъ патріотизма, непріязненнаго правительству, оставлявшимъ ихъ безъ надзора, допустившимъ ихъ собираться тайно, читать и пѣть непозволительныя и развратныя стихотворенія, наконецъ доведшимъ ихъ до невѣроятной степени буйства, неповиновенія и вольнодумства. Нынѣ я собралъ достовѣрныя свѣдѣнія, что Полоцкіе Піары, жертвуя временемъ воспитанниковъ, развлекали ихъ вниманіе къ наукамъ и ослабляли прилежаніе разными неумѣстными забавами и упражненіями, какъ напр. концертами, даваемыми въ зданіяхъ монастыря, въ которыхъ участвовали и молодыя дѣвицы изъ города, духовными сотовариществами (confrèries religieuses), подававшими ученикамъ поводъ собираться и толковать о разныхъ, не принадлежащихъ къ нимъ предметахъ и терять время, предназначенное къ пріобрѣтенію познаній, и тому подобными занятіями, несообразными ни съ ихъ возрастомъ, ни съ обязанностями питомцевъ учебныхъ заведеній. Сверхъ того, я долженъ поставить на видъ, что въ первую бытность мою въ Полоцкѣ, къ величайшему моему удивленію, я нашелъ монахинь Маріавитокъ, содержащихъ женское училище, которое посѣщаютъ дѣвицы нерѣдко 14—15 л., живущихъ въ одномъ зданіи съ Піарами, безъ всякаго предѣла и безъ клавзуры, въ томъ корридорѣ, при которомъ отведены квартиры для старшихъ учениковъ. Находя совершенно неумѣстнымъ, чтобы молодыя монахини съ женскимъ училищемъ помѣщались вмѣстѣ съ ксендзами и старшими воспитанниками ихъ училища, безъ особаго хода и не будучи раздѣлены даже дверьми, я совѣтовалъ ректору училища, управляющему онымъ по порученію

митрополита, перевести ихъ въ собственный монастырь, дабы тѣмъ прекратить нѣкоторыя сатирическія замѣчанія, дошедшія и до моего свѣдѣнія, на счетъ такого забвенія Піарами общественныхъ и духовныхъ приличій. Ректоръ уважилъ мой совѣтъ и перевелъ".

Въ какой мѣрѣ учебныя заведенія того времени вообще удовлетворяли требованіямъ Русскаго правительства, съ этимъ можетъ познакомить еще, кромѣ вышеизложенныхъ нами фактовъ, и слѣдующее представленіе Бѣлорусскаго генералъ-губернатора князя Хованскаго, требовавшаго отдѣленія Бѣлорусскихъ губерній отъ Виленскаго учебнаго округа, что и было сдѣлано въ 182$^{4}/_{5}$ году:

„Въ Бѣлоруссіи (писалъ князь Хованскій), со времени присоединенія ея къ Россійской Имперіи, воспитаніе юношества находится въ рукахъ католическаго и уніатскаго духовенства. Образованіе онаго заключалось въ школахъ, учрежденныхъ при кляшторахъ Іезуитскихъ, Піарскихъ и другихъ монашескихъ орденовъ. Школы сіи существуютъ и понынѣ, кромѣ Іезуитскихъ. Въ нихъ юношество обучается по методамъ старинныхъ авторовъ, науки преподаются на Польскомъ (?) или Латинскомъ языкахъ, словесность заключается въ обученіи Польскому языку, Латинскому и нѣкоторымъ иностраннымъ, а Россійской остается въ совершенномъ небреженіи. Сему послѣднему обучаютъ только читать, писать и весьма мало даютъ понятія о правилахъ его грамматики, ибо и сами учителя имѣютъ весьма ограниченное понятіе о Россійскомъ языкѣ. Существенная же система наставниковъ состоитъ въ томъ, чтобы въ учащихся поселить духъ чистаго полонизма, въ чемъ они и достигли своей цѣли. Съ образованіемъ учебныхъ округовъ, Бѣлорусскія губерніи (Витебская и Могилевская) по части ученія подчинены вѣдомству Виленскаго университета и, на основаніи уставовъ, изданныхъ для университетовъ, учреждены въ каждомъ изъ оныхъ губернскія гимназіи, управляемыя особыми директорами, которые не имѣютъ однако же вліянія на училища духовныя, ибо сіи послѣднія состоятъ подъ вѣдѣніемъ самаго университета и осматриваются особо посылаемыми для сего визитаторами. Гимназіи, по цѣли, съ которой учреждены правительствомъ, должны приготовлять учащихся въ нихъ молодыхъ людей такимъ образомъ, чтобы они, окончивъ курсъ ученія, могли съ пользою вступать въ военную или гражданскую службу; но гимназіи Бѣлорусскаго учебнаго округа нисколько не соотвѣтствуютъ ожиданіямъ правительства. Науки и словесность равномѣрно преподаются въ нихъ на Польскомъ; Русскому же учатъ весьма мало: для него назначенъ одинъ только день въ недѣлю, и учащіеся такъ же, какъ и въ духовныхъ школахъ, наклоняются къ полонизму, отчего юноши, окончившіе гимназическій курсъ, по малому знанію Русскаго языка, выходятъ неспособными къ гражданской службѣ. По сей причинѣ Бѣлорусскія присутственныя мѣста наполнены такими канцелярскими чиновниками, изъ

коихъ немногіе могутъ порядочно не только сочинить, но даже переписать бумагу. Отъ сей системы воспитанія проистекаетъ еще и то главнѣйшее зло, что природные Бѣлоруссы, не только пожилыхъ лѣтъ, но даже и молодые, не смотря на давность присоединенія края, питаютъ какое-то равнодушіе и даже непріязнь къ кореннымъ Русскимъ и ко всему Русскому. Чиновники, служащіе въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, а равно и другихъ сословій по промысламъ проживающіе люди, видя недостаточное преподаваніе Русской словесности и опасаясь, чтобы дѣти ихъ не напитались такимъ же духомъ полонизма, затрудняются въ ихъ образованіи".

Но не такого мнѣнія объ учебномъ округѣ былъ самъ Чарторыйскій, 20 лѣтъ нравственно и политически разлагавшій западно-русское юношество. Онъ какъ будто и не замѣчалъ той пропасти, въ которую ввергалъ этотъ край; напротивъ того, путемъ своевременныхъ и ревниво-чуткихъ предостереженій, онъ старался укрѣпить учебныя заведенія въ томъ направленіи, по которому они шли. Въ концѣ 1822 г., когда стали уже явно всплывать на поверхность результаты его дѣятельности, онъ препроводилъ на имя новаго ректора университета, Твардовскаго, слѣдующее предписаніе:

„Вамъ извѣстны непріятныя происшествія, совершившіяся въ заграничныхъ университетахъ. То что и тамъ могло быть въ началѣ ребячествомъ, вслѣдствіе неразсудительности и вѣтренности молодежи, жаждущей заключать тайные союзы, по легкомысленному стремленію къ чрезвычайностямъ, можетъ распространяться далѣе и далѣе и, кто знаетъ, не печальнѣйшіе ли еще возродитъ случаи? Утѣшаюсь надеждою, что благоразумное юношество всего Виленскаго учебнаго округа, а тѣмъ болѣе въ университетѣ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, посвятивши себя занятіямъ, которыя ему до сихъ поръ дѣлали честь и которыя единственно открываютъ ему путь ко всякаго рода службѣ, удаляется отъ всякихъ посторонніхъ занятій, отъ неблагоразумныхъ и вредныхъ наущеній и мечтаній. Извѣстно мнѣ также, что училища Виленскаго учебнаго округа всегда славились повиновеніемъ и почтеніемъ къ начальству и, хотя я льщу себя надеждой, что они и навсегда останутся въ такомъ похвальномъ положеніи, тѣмъ не менѣе, по главнѣйшей обязанности всякаго начальника, при подобныхъ обстоятельствахъ, предусматривать и предупреждать зло, почелъ я своимъ долгомъ предостеречь васъ, м. г., чтобы вы имѣли за учениками скорѣйшій и тщательнѣйшій надзоръ, за живущими въ Вильнѣ—лично, а въ другихъ мѣстахъ—посредствомъ предписаній, способныхъ визитаторовъ, удвоеннаго усердія домашнихъ смотрителей, посредствомъ ближайшаго обращенія съ учениками учителей и частаго посѣщенія смотрителями и другими начальниками ученическихъ квартиръ, чтобы воспитанники отличались приличнымъ и законнымъ повиновеніемъ,

безпрерывно занимались науками, которымъ себя посвящаютъ и не имѣли никакихъ сношеній съ посторонними лицами. Вотъ правила, которыя считаю своимъ долгомъ предписать вамъ, м. г., будучи совершенно увѣренъ въ вашемъ усердіи. Такое исполненіе оныхъ обезпечитъ учениковъ, училища и университетъ отъ весьма непріятныхъ, могущихъ угрожать имъ случайностей. При семъ присовокупить я долженъ, что дѣло это требуетъ большой осторожности, чтобы посредствомъ несправедливыхъ подозрѣній не подать повода къ бѣдамъ, которыя, можетъ быть, безъ сего бы и не произошли; малымъ же случайнымъ и постороннимъ дѣйствіямъ не придавать важности, чтобы посредствомъ строгихъ, скорыхъ, либо громкихъ мѣръ не обратить ихъ въ дѣйствія серьезныя".

Не есть ли этотъ циркуляръ злая насмѣшка надъ сущностію дѣла?

VI.

Существованіе въ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго округа разныхъ антиправительственныхъ обществъ доходитъ до свѣдѣнія мѣстныхъ гражданскихъ властей лишь около 1821 года, между тѣмъ какъ училищное начальство знало о нихъ чуть-ли не со дня ихъ возникновенія. Чтобы не навлечь на себя справедливыхъ подозрѣній мѣстнаго правительства съ одной стороны и предостеречь своихъ молодыхъ и заносчивыхъ патріотовъ съ другой, князь Чарторыйскій нарядилъ въ 1822 году секретный комитетъ изъ профессоровъ, которому и поручилъ произвести изслѣдованіе „относительно какого-то общества „Променистыхъ". „Сегодняшняго числа (28-го Апрѣля 18:2 года), писалъ Чарторыйскій ректору университета Малевскому, сдѣлалъ я особое порученіе профессору Боянусу относительно изслѣдованія какого-то общества „Променистыхъ" (лучезарныхъ), существующаго между студентами университета, и представилъ ему полную законную власть къ производству такого порученія. А если понадобятся ему помощь и распоряженія, присвоенныя вашей должности, то поручилъ я ему непосредственно относиться къ вамъ. По сему и предлагаю вамъ, м. г., удовлетворять всѣмъ требованіямъ профессора Боянуса". Къ Боянусу были прикомандированы еще профессора: ксендзъ Клонгевичъ и профессоръ Лобойко.

Этотъ секретный комитетъ, не смотря на то, что по заарестованіи бумагъ, принадлежавшихъ тайному обществу „Филаретовъ", („Променистые" въ это время были уже Филаретами), имѣлъ всѣ данныя и улики для изобличенія преступныхъ дѣйствій, но скрылъ ихъ, возвративъ назадъ забранныя бумаги ихъ владѣльцамъ и отрапортовавъ по начальству, что между студентами никогда и никакого тайнаго общества не существовало, а было только дозволенное ректоромъ университета невинное собраніе студентовъ, подъ названіемъ „друзей полезныхъ

увеселеній", которое въ свою очередь давнымъ давно уже уничтожено бывшимъ запрещеніемъ по сему предмету того-же ректора университета.

Получивъ отъ комитета такое донесеніе, князь Чарторыйскій, чтобы показать свою бдительность и строгость, а также чтобы очистить и оффиціальную свою совѣсть, препроводилъ на имя того-же ректора, 11 Мая, слѣдующее предписаніе:

„Разсмотрѣвъ рапортъ секретнаго комитета, назначеннаго мной для изслѣдованія, нѣтъ-ли между студентами университета тайнаго общества подъ названіемъ „Променистыхъ", и нашедъ, что хотя тайнаго общества и не существовало, но было все-таки какое-то сборище подъ названіемъ „друзей полезныхъ увеселеній", имѣвшее на то разрѣшеніе вашего высокородія, по отмѣнѣ котораго уничтожилось и само общество, и что представителями этого общества были Томашъ Занъ и Ѳедоръ Лозинскій, я, послѣ болѣе тщательнаго изслѣдованія, разсмотрю, слѣдуетъ-ли предпринимать что либо по этому дѣлу, или нѣтъ".

1) „Такъ какъ оказывается, что первое собраніе учениковъ, подъ названіемъ „друзей полезныхъ увеселеній" (bracia pożyteczney zabawy) совершилось съ вашего разрѣшенія, то на будущее время я вмѣняю вамъ, м. г., сего и подобнаго сему не дѣлать; да и о первомъ вашемъ разрѣшеніи вы бы должны были, по долгу службы, довести до свѣдѣнія высшаго начальства".

2) „Указыая на свое прежнее предписаніе, данное на имя вашего высокородія, подтверждаю, чтобы какъ въ университетѣ, такъ и въ другихъ школахъ, вы и начальники слѣдили за всякими собраніями учениковъ и предупреждали-бы ихъ раньше ихъ осуществленія".

3)„ Вмѣняю вамъ имѣть бдительный надзоръ за Томашемъ Заномъ, Федоромъ Лозинскимъ, а также за учителемъ Ковенской гимназіи Адамомъ Мицкевичемъ, который хотя и не признаетъ своего соучастія въ какихъ-бы ни было обществахъ, какъ это видно изъ дѣланныхъ ему запросовъ, но на основаніи рапорта комитета и его слѣдуетъ имѣть въ подозрѣніи".

Достигнувъ такимъ легальнымъ изворотомъ двухъ цѣлей, Чарторыйскій, а за нимъ и университетъ, оставили это дѣло безъ всякихъ послѣдствій, предоставивъ его, такъ сказать, на произволъ судьбы. Но судьба на этотъ разъ жестоко имъ измѣнила.

Въ первыхъ числахъ Мая 1823 года, Литовскій генералъ-губернаторъ Римскій-Корсаковъ сообщилъ ректору университета Твардовскому, что въ V классѣ Виленской гимназіи неизвѣстнымъ лицомъ были написаны на доскѣ неприличныя, оставшіяся незамѣченными въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, слѣдующія надписи: „Виватъ конституція 3-го Мая! О, какъ сладки вспоминанія объ этомъ для насъ Поляковъ (родаковъ); но нѣтъ человѣка, который-бы доискивался ея!" Такія-же

надписи сдѣланы были и на стѣнахъ Домиканскаго монастыря, почему генералъ-губернаторъ и просилъ ректора университета разслѣдовать это дѣло и донести ему, для дальнѣйшаго донесенія цесаревичу, великому князю Константину Павловичу.

Университетъ, смягчивъ это дѣло на сколько позволяли приличія и обстоятельства, представилъ его на благоусмотрѣніе генералъ-губернатору и министру народнаго просвѣщенія, свидѣтельствуя въ тоже время о своемъ и гимназическихъ учителей усердіи. Генералъ-губернаторъ впрочемъ не повѣрилъ этимъ завѣреніямъ и потребовалъ къ себѣ всѣ протоколы слѣдственнаго комитета. Изъ нихъ онъ усмотрѣлъ, что въ разслѣдованіи этого дѣла немалую роль играло „потворство гимназическаго и университетскаго начальствъ".

Донося въ такомъ смыслѣ великому князю Константину Павловичу, Римскій-Корсаковъ выразилъ свои опасенія на счетъ ожидаемыхъ имъ анти-правительственныхъ волненій въ краѣ, которыя неименуемо возникнутъ вслѣдствіе ложнаго направленія, усвоеннаго Виленскимъ учебнымъ округомъ. Великій князь, препроводивъ въ свою очередь донесеніе Государю Императору, приказалъ тайному совѣтнику Новосильцеву произвести по этому дѣлу новое разслѣдованіе. Новосильцевъ затребовалъ къ себѣ и дѣлопроизводство и виновныхъ учениковъ. Во время этого переслѣдованія, неопытные юноши проговорились на счетъ существующаго въ Вильнѣ тайнаго общества „Филаретовъ". Новосильцевъ отправился въ Вильну. Наступавшія каникулы не дозволили ему немедленно приступить къ дѣлу; онъ отложилъ слѣдствіе до Августа мѣсяца, а тѣмъ временемъ занялся изслѣдованіемъ причинъ, порождавшихъ эти печальныя явленія и нашелъ ихъ какъ въ системѣ образованія, такъ и въ направленіи, усвоенномъ учебнымъ округомъ. Чтобы скорѣе пріостановить зло, онъ начерталъ временныя мѣры, касающіяся административно-полицейскаго надзора за учениками внѣ школы и просилъ разрѣшенія его высочества привести ихъ въ исполненіе. Князь Чарторыйскій, свѣдавъ объ опасности, поторопился въ Вильну (какъ значится въ его отзывѣ Новосильцеву) „для вящшаго содѣйствія къ возможно-лучшему осуществленію этихъ нововведеній"; но содѣйствовать ему уже больше не позволили. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1823 года, въ Вильнѣ, подъ руководствомъ Новосильцева, учреждена была Слѣдственная Комиссія по безпорядкамъ Виленскаго университета, состоявшая изъ Виленскаго полиціймейстра, статскаго совѣтника Шлыкова, губернскаго прокурора Ботвинки и совѣтника губернскаго правленія Лавриновича; въ дѣлахъ ея принималъ участіе и дѣйствительный статскій совѣтникъ Байковъ. Комиссія эта приступила къ своимъ занятіямъ съ Іюня же мѣсяца. Въ продолженіи 3-хъ лѣтняго существованія, она открыла слѣдующія восемь тайныхъ обществъ и въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ:

1. Первымъ, по времени открытія, было „*Науковое* Свислоцкое общество", основанное въ 1820 году. Во время слѣдствія надъ его соучастниками обнаружилось, что въ Свислочи существовало еще и другое,—

2. Общество „*Моральное*", основанное въ 1820 году.—Далѣе, подсудимый Янковскій сознался, что между студентами университета съ 1820 года существовало:

3. Общество „*Филаретовъ*", основанное Томашемъ Заномъ въ 1820 году.

За тѣмъ были открыты:

4. Общество „*Филоматовъ*", 5) общество „*Промснистовъ*" и 6) „*Зорянъ*"

Первыя два и послѣднее существовали въ Свислоцкой гимназіи; третье, четвертое и пятое—между студентами университета.

Когда разошлись по учебнымъ заведеніямъ извѣстія, что надъ учениками V класса Виленской гимназіи, а также и надъ Филаретами, производится слѣдствіе, то между воспитанниками гимназій начались сильныя волненія, выражавшіяся по преимуществу возмутительными пасквилями на правительство, своеволіемъ и буйствами. Для усмиренія патріотическихъ страстей, Новосильцевъ посылалъ въ разныя мѣста разныхъ лицъ, во главѣ которыхъ большею частію находился дѣйствительный статскій совѣтникъ Байковъ. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ м. Крожи, онъ открылъ:

7. Общество „*Черныхъ Братьевъ*, основанное, по примѣру Ковенскаго, въ 1823 году".

Послѣднее-же 8-е общество, „*Военныхъ друзей*", было основано, по наущенію Филарета Рукевича, въ 1825 году, поручикомъ Несвижскаго карабинернаго полка Гофманомъ между офицерами отдѣльнаго Литовскаго корпуса. Третья степень этого общества находилась въ Свислоцкой и Бѣлостоцкой гимназіяхъ.

Независимо отъ этихъ обществъ, въ Вильнѣ еще существовало общество „*Шубравцевъ*". Оно было закрыто въ 1822 г. мѣстною правительственною властью. Такъ какъ общество это служило ближайшимъ примѣромъ для учрежденія другихъ обществъ, то мы считаемъ здѣсь умѣстнымъ познакомить читателя съ характеромъ его дѣятельности, изъ другихъ-же обществъ мы обратимъ вниманіе только на три, существовавшія между студентами университета.

VII.

Общество „*Шубравцевъ*" было основано въ Вильнѣ извѣстнымъ сотрудникомъ князя Чарторыйскаго въ дѣлахъ ополяченія сѣверо-западнаго края,—докторомъ Андреемъ Снядецкимъ. Литературная дѣятельность этого общества направсена была по преимуществу на массу сред-

наго сословія: чиновничества, мелкаго шляхетства, ремесленнаго и торговаго классовъ,—отчасти даже и лакейства. Посему-то и общество, намѣревавшееся дѣйствовать во вкусѣ этихъ классовъ, изобрѣло для себя не столько, впрочемъ, популярное, сколько вульгарное названіе *Шубравцевъ*, т. е. *бродягъ*, подъ которыми однакоже, по собственному толкованію Шубравцевъ, отнюдь не слѣдовало разумѣть бродягъ дѣйствительныхъ, а „*убогихъ*“ литераторовъ, т. е. лицъ, пишущихъ для меньшей братіи. Родословную-же свою Шубравцы производили отъ первѣйшихъ потомковъ *Хама;* предкомъ своихъ считали нѣкоего Грундриппа; патронами Римскаго шубравца (?) *Цицерона*, Англійскаго *Буль-вера* и другихъ Европейскихъ знаменитостей, а себя—непремѣнно *литераторами*.

Судя по многочисленнымъ заявленіямъ, опубликованнымъ въ Шубравскомъ органѣ „*Бруковыхъ* (уличныхъ) *Вѣддомостяхъ*“, намѣренія Снядецкаго увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ. Основанное имъ общество пріобрѣло большое вліяніе на ту среду, для которой предназначалось, и снискало себѣ въ краѣ многочисленныхъ послѣдователей. Открытая дѣятельность его была пріостановлена по волѣ правительства въ 1822 году.

О цѣли учрежденіи общества, въ Шубравскомъ *кодексѣ*, между прочимъ, говорится, что ближайшимъ поводомъ къ его основанію послужило желаніе поддержать сатирическое изданіе, выходившее въ то время въ Вильнѣ, подъ вышеупомянутымъ названіемъ „*Бруковыхъ Вѣдомостей*“. Когда оныя (Вѣдомости), говорится во введеніи, пріобрѣли достаточную репутацію въ краѣ, а средствъ къ ихъ изданію не было, то и составилось общество съ цѣлію поддерживать и распространять его .. Дальнѣйшимъ-же поводомъ были чисто-нравственныя намѣренія и заботы о благѣ своихъ ближнихъ, т. е. желаніе распространить между ними любовь къ просвѣщенію и трезвой жизни и, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать къ искорененію между ними разныхъ пороковъ: пьянства, страсти къ азартнымъ играмъ, сутяжничества, праздности и т. д. Такія благодѣтельныя намѣренія, всегда отличающія истинныхъ друзей человѣчества, ясно засвидѣтельственныя многими строками *кодекса*, не могли не встрѣтить сочувствія со стороны мѣстнаго правительства; общество было открыто 11-го Февраля 1817 съ его разрѣшенія, и стало существовать на *законномъ*, такъ сказать, основаніи.

Время и опытъ однако же показали, что кромѣ этой весьма похвальной, а потому и дозволенной цѣли, общество имѣло еще цѣль и другую—тайную, чисто-патріотическо-польскую, правительствомъ, конечно, не дозволенную. Эта послѣдняя заключалась въ стремленіи, путемъ *дегальной* литературной насмѣшки надъ современными пороками и недостатками общества (все равно, были-ли они наслѣдственные, отъ

древнихъ временъ Рѣчи-Посполитой, или благопріобрѣтенные отъ своего вѣка) очистить и оживить въ его сознаніи старые польскіе идеалы и возродить стремленіе къ нимъ, помирить почему-бы то ни было враждующіе между собой польскіе элементы въ краѣ и сдѣлать ихъ между собой солидарными, а главное—возбудить въ нихъ потребность *политическаго* и *историческо-польскаго образованія*, чтобы посредствомъ онаго сдѣлать ихъ потомъ невольными соучастниками въ начинавшемся патріотическомъ движеніи.

Такимъ образомъ въ основу дѣятельности Шубравцевъ положены были тѣ самыя начала, которыми до позднѣйшей поры отличалась и руководствовалась въ своихъ дѣйствіяхъ извѣстная политическая партія, такъ называемыхъ *бѣлыхъ*, совершавшая свои завоеванія мирнымъ путемъ, т. е. *лопатой, исторіей и географіей*, символическій, таинственный смыслъ которыхъ сначала не былъ извѣстенъ современникамъ, не посвященнымъ въ тайны мирнаго возстановленія Польши, но потомъ открылся, благодаря литературѣ и *невинной* дѣятельности такихъ и подобныхъ обществъ.

Въ кодексѣ Шубравскомъ ясно означенъ символъ этого мирнаго завоеванія Польши. На заглавномъ листѣ его нарисованъ суровый, какъ-бы слѣдящій за чѣмъ-то, *шляхтичъ въ кунтушѣ* и *конфедераткѣ*, сидящій на *лопатѣ* и *парящій* въ облакахъ. Подъ нимъ надпись: „летитъ и летитъ". Далѣе нарисованъ *столъ*, и на немъ съ правой стороны—*двѣ карты*, или двѣ колоды картъ, съ лѣвой *графинъ и стаканъ*, а по срединѣ—двѣ книги: *исторія* и *географія*. Эти видимыя начертанія и знаки должны были наглядно изображать, отъ чего обществу слѣдовало удаляться и къ чему стремиться. Впрочемъ, кромѣ этихъ знаковъ Шубравцы объяснялись между собой на счетъ истинныхъ своихъ намѣреній и на словахъ,—въ видѣ общихъ фразъ въ уставѣ, частнѣе и откровеннѣе—въ „Бруковыхъ Вѣдомостяхъ". Изъ этихъ объясненій читатели увидятъ, куда именно мѣтили Шубравцы, и что они разумѣли подъ именемъ *просвѣщенія, исторіи* и *географіи*?

Сущность Шубравскаго устава заключается въ слѣдующихъ XVI §§, или правилахъ, которыя мы передаемъ не буквально, а только въ общихъ чертахъ: § 1) Общество имѣетъ въ виду не отдѣльныя личности, а преслѣдуетъ разные дурные обычаи и привычки вообще въ массѣ, какъ то:

1) Употребленіе горячихъ напитковъ, гдѣ-бы то и когда-бы то ни было;

2) Игру въ карты, чекино, на бильярдѣ;

3) Сутяжничество и страсть къ процессамъ, которыя портятъ согласіе и разоряютъ имущество;

4) Кичливость невѣжественныхъ и неспособныхъ людей заслугами своихъ предковъ;

5) Фальшивое и заслуженно-осмѣиваемое нѣкоторыми убѣжденіе, будто мѣста составляютъ привилегію извѣстнаго класса, а не профессію, требующую знанія и труда;

6) Фальшивое мнѣніе, будто можно быть хорошимъ обывателемъ и нести извѣстной родъ службы, не читая книгъ и не имѣя собственныхъ;

7) Такое же мнѣніе, будто можно быть компетентнымъ судьею въ своихъ собственныхъ дѣлахъ;

8) Плохо-понятая любовь къ отечеству, чтобы хвалить безъ разбора все, что считается своимъ, кровнымъ; напротивъ, указывать на недостатки—это значитъ исправлять ихъ;

9) Легкость обѣтовъ и клятвъ и ихъ неисполненіе, гордость въ обращеніи съ одними и низкопоклонничество этихъ-же лицъ предъ другими;

§ 2. Средствомъ для достиженія этой цѣли полагается изданіе „*Брукових Вѣдомостей*“.

§ 3. Общество должно заботиться какъ о собственномъ существованіи, такъ и объ изданіи “*Бруковыхъ Вѣдомостей*“.

§ 4. Члены общества двоякіе: *городскіе* и *деревенскіе* (urbani et rusticani). Первыхъ (не моложе 25 лѣтъ) можетъ быть до 40 человѣкъ; количество вторыхъ еще будетъ опредѣлено. Каждый urbanus, при вступленіи въ общество, долженъ избрать для себя какое нибудь миѳическое имя изъ Литовской исторіи и титуловать себя таковымъ во всѣхъ дѣлахъ общества. Въ продолженіи года, онъ долженъ, хотя-бы и съ чужою помощію, вычитать что нибудь изъ хроникъ о своемъ миѳическомъ героѣ и приготовить для напечатанія, ибо такая работа полезна какъ для него, такъ и для края, по ученію Римскаго Шубравца—Цицерона: *frahimur omnes laudis studio, et optimus quisque maxime gloria ducitur* *).

§ 5. Обязанности членовъ тоже *двоякія:* одни относятся къ поддержанію и сохраненію Шубравскихъ достоинствъ, другія къ распространенію общества.

Что касается *первыхъ*, то всякій Шубравецъ, въ продолженіи всей своей жизни, долженъ читать двѣ газеты: одну политическую, другую литературную, для доставленія пищи душѣ, какъ главной части человѣка. Кромѣ этого, прочитать въ мѣсяцъ хоть одну книгу, заключающую въ себѣ не менѣе 10 листовъ; собственныхъ книгъ имѣть не менѣе 10 и умножать число ихъ хотя одною въ годъ.

---

*) Т. е. Всѣ мы движемся желаніемъ похвалы, и слава руководитъ преимущественно даже наилучшихъ.

Что касается *вторыхъ*, то всякій Шубравецъ, въ теченіи 20 дней, долженъ изготовить что-нибудь для „Вѣдомостей", въ духѣ *уличныхъ* извѣстій, и держать въ секретѣ, какъ существованіе общества, такъ и предметы его занятій на засѣданіяхъ.

§ 6. Общество имѣетъ своихъ *дигнитаровъ* и *администраторовъ*.

§ 7. Первые въ числѣ неограничены и послѣ президента имѣютъ первое мѣсто. Безъ ихъ вѣдома не можетъ быть перемѣнъ въ уставѣ; по ихъ желанію должны собираться засѣданія.

§ 8. Вторые слѣдующіе: 1) президентъ, 2) ораторъ, 3) стражникъ, 4) секретарь и 5) редакторъ. Всѣ они имѣютъ еще и своихъ годичныхъ помощниковъ. Безъ администраторовъ тоже не можетъ быть засѣданій.

§ 9. Президентъ обязанъ звонкомъ открывать и закрывать засѣданія, слѣдить за порядкомъ дѣйствій, давать и собирать голоса. Предметами же засѣданій служатъ: чтеніе прежнихъ протоколовъ и подпись; чтеніе матеріаловъ для „*Бруковыхъ Вѣдомостей*" и выборъ новыхъ членовъ. Во время засѣданій, всѣ сидятъ съ покрытыми головами.

§ 10. Ораторъ, по желанію президента, помогаетъ ему читать и говорить, слѣдить за исполненіемъ кодекса, сохраняетъ списокъ очередныхъ чтеній, объявляетъ каждому его очередь и предсѣдательствуетъ въ редакціонномъ комитетѣ.

§ 11. Стражникъ наблюдаетъ за порядкомъ, и въ случаѣ нарушенія его, стучитъ по полу *лопатой*.

§ 12. Секретарь ведетъ протоколы, совѣтуется съ президентомъ о предметахъ засѣданій; обязанностей Шубравскихъ можетъ и не нести.

§ 13. Редакторъ въ продолженіи года издаетъ „*Бруковыя Вѣдомости*". Матеріалы для нихъ и средства даетъ общество, но отвѣчаетъ за неисправности только онъ одинъ лично. Въ засѣданіяхъ онъ сидитъ около оратора. Онъ докладываетъ редакціонному комитету о содержаніи каждаго новаго № „*Бруковыхъ Вѣдомостей*" и за ошибки платитъ штрафъ, за грамматическія—1 к., за всякія другія—5 к., по опредѣленію большинства членовъ.

§ 14. Выборы новыхъ членовъ производятся не прежде, какъ общество удостовѣрится въ ихъ способностяхъ и благонадежности. Всякій новичекъ долженъ непремѣнно представить обществу какое-нибудь свое сочиненіе.

§ 15. Обрядъ поступленія въ Общество слѣдующій: *Залетникъ* объявляетъ на засѣданіи имя будущаго члена; объ немъ наводятся справки и, если они удовлетворительны, то собираются голоса; выборъ рѣшается большинствомъ. Послѣ этого *залетникъ* приводитъ ново-избраннаго въ одно изъ засѣданій и оставляетъ его въ *залетной избѣ*, а самъ

входитъ въ засѣданіе и докладываетъ президенту. Президентъ посылаетъ за новичкомъ стражника. Если онъ извѣстный въ литературѣ авторъ, то при входѣ его общество привстаетъ. Президентъ привѣтствуетъ его, вразумляетъ на счетъ Шубравскихъ обязанностей и, въ знакъ непремѣннаго согласія его съ обществомъ, протягиваетъ ему руку; за тѣмъ протягиваютъ ему руки и прочіе Шубравцы. Новоизбранный садится на указанное ему мѣсто и покрываетъ свою голову.

§ 16. Выбываютъ изъ общества *не желающіе* и *нарушающіе* уставъ.

Уставъ этотъ принятъ былъ 18-го Іюля 1817 года и въ слѣдующемъ году началъ приводиться въ исполненіе.

Общество имѣло еще и свою собственную печать: вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ, въ серединѣ котораго сложены на крестъ—*лопата* и *метла*.

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, Шубравскій уставъ, съ виду чуждый всякихъ политическихъ цѣлей, полный самыхъ человѣколюбивыхъ и искреннихъ намѣреній и стремленій на пользу края. Такому уставу, конечно, не могло не сочувствовать и правительство. Но увы! Это была только прекрасная маска, скрывавшая подъ собою *старую кокетку*, которую старался показать, кому только могъ, „шляхтичъ на лопатѣ“. Къ чести этого общества слѣдуетъ однакоже сказать, что оно принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ, возникшихъ около этого времени обществъ въ краѣ, которыя для *предосудительной* цѣли употребляли болѣе или менѣе нравственныя средства; другія же руководствовались и очень предосудительными средствами.

„*Бруковыя Вѣдомости*“, по своему преобладающему отрицательному направленію, представляютъ изданіе *сатирическое*, хотя есть въ нихъ очень много статей и съ направленіемъ положительнымъ. Выходили онѣ періодически по субботамъ, нумерами, въ объемѣ печатнаго полулиста; къ нѣкоторымъ изъ нихъ приложены прибавленія. Всѣхъ номеровъ въ теченіи шести лѣтъ, вышло 287, что въ общей сложности составляетъ нѣсколько болѣе 150 печатныхъ листовъ. Все изданіе состоитъ изъ ряда болѣе или менѣе краткихъ и отрывочныхъ статей, касающихся того или другаго жизненнаго явленія или вопроса, того или другаго совершившагося или совершающагося факта. Внѣшняя форма ихъ изложенія, какъ и самыя заглавія, очень разнообразны. Больше всего попадаются: *объявленія*, *предостереженія*, *письма найденныя*, *письма присланныя*, *корреспондеціи* и въ особенности—*путешествія*, или такъ называемыя „*вендрувки*“ и „*вложенія*“, между которыми *вендрувки* „*пружняка-философа*“ и „*шляхтича на лопатѣ*“ составляютъ украшеніе Шубравской литературы. Такъ какъ Шубравцы, по 1 § своего устава, имѣли въ виду не индивидуальные пороки, а общественные, то въ статьяхъ ихъ очень рѣдко встрѣчаются подлинныя названія мѣстностей, еще рѣже имена описываемыхъ лицъ, и вовсе

нѣтъ именъ авторовъ. Если же и встрѣчаются имена послѣднихъ, то или принятыя ими въ обществѣ, или же нарочно выдуманныя соотвѣтственно содержанію самихъ статей. Таковы напр. имена: Описописовъ, Окпишишекъ, Выведенскихъ, Сейтестиксовъ, Шшонокъ, „шляхтичей-на-огородѣ", шляхтичей-на-метлѣ", шляхтичей-на-лопатѣ" и т. д. и т. д Большинство статей принадлежитъ членамъ общества, какъ объ этомъ заявляетъ и сама редакція въ прибавленіи къ 3-му номеру своего изданія.

Преслѣдованіемъ пороковъ Шубравцы занялись съ такимъ усердіемъ, что упустили изъ виду даже весьма важный 4 § своего устава, по которому каждый urbanus (коихъ числомъ полагалось 40) въ теченіи года долженъ былъ приготовить для напечатанія въ „Бруковыхъ Вѣдомостяхъ" хоть одну статью по Литовской миѳологіи и, за исключеніемъ трехъ-четырехъ слабыхъ сатирическихъ статей, ничего въ этомъ родѣ серьезнаго не напечатали, не предвидя, вѣроятно, что чрезъ такую ихъ погрѣшность противъ устава потомство лишится 280 изслѣдованій по древнѣйшей исторіи западно-русскаго края. Впрочемъ, это, быть можетъ, и неумышленное упущеніе съ ихъ стороны, съ избыткомъ вознаграждается какъ полнотою и отчетливостію картины нравовъ тогдашняго общества, такъ и обиліемъ разныхъ идей и *конселекъ*, пущенныхъ въ ходъ съ цѣлью уврачеванія его наболѣвшихъ ранъ.

Варшава смотрѣла на дѣятельность „Шубравцевъ" частію съ завистью, частію съ недовѣріемъ;—съ завистью потому, что, возрастающая съ каждымъ днемъ ихъ популярность въ краѣ сама собою предупреждала и оттѣсняла на второй планъ вліяніе Короны; съ недовѣріемъ-потому. что естественнымъ послѣдствіемъ такого хода дѣлъ могла быть не только автономія края въ ойчистыхъ дѣлахъ, но, при дурной погодѣ, даже и сепаратизмъ. Мысли эти съ большею или меньшею ясностію проглядываютъ въ письмѣ изъ Варшавы, помѣщенномъ въ 147 № „Бруковыхъ Вѣдомостей". Какой-то „Варшавскій другъ" Шурбавцевъ, сообщая имъ о той репутаціи, которою они пользуются въ *столицѣ*, говоритъ между прочимъ: „Вы насильно хотите быть оригинальными, когда даже словамъ силитесь придавать иное значеніе. Время однакоже покажетъ, удастся ли вамъ такая революція въ естественномъ порядкѣ вещей, или нѣтъ... Не смотря на шуточность и вульгарность вашего названія, вы однако же имѣете здѣсь многихъ почитателей, которые цѣнятъ вашу *оригинальность*, а особенно благородное намѣреніе искоренять „краевые пороки". Правда, иной разъ даже ваши почитатели жалуются, что для *Поляковъ* вы пишете *по-китайски*, что они не могутъ понимать васъ; но правы ли они въ этомъ, или нѣтъ, судить объ этомъ не желаю. Но только скажу, что, при подобныхъ отзывахъ, я и панъ Гурховіусъ, хорошій мой знакомый, защищаемъ васъ, сколько можемъ. Все-таки „панъ Гурховіусъ", имѣю-

› васъ множество любопытныхъ свѣдѣній, покрываясь, при воспо-
іи о васъ, какимъ-то *мистическимъ румянцемъ*, доказываетъ съ
ѣмъ, *что вы пишете для Литвы, а не для Короны; что вы мень-
ботитесь о томъ, поймутъ ли васъ Варшава, лишь бы только
и васъ Вильна и Литва; что иной разъ вы понижаете вашъ слогъ,
› только сдѣлаться доступными для пониманія всѣхъ; что пишете
ъ ученыхъ, а для шляхты-господарей, для шляхты-юристовъ, для
ціалистовъ, исправниковъ, администраторовъ, шулеровъ, воровъ,
ць и другихъ этого рода артистовъ!*... Панъ Гурховіусъ отозвался
однажды, что и Варшава нуждается въ такомъ органѣ, хотя и
приличномъ; что охотники писать по-шубравски нашли бы въ
неизсякаемый источникъ матеріаловъ, нисколько не останавливаясь
однимъ только преслѣдованіемъ „*надсенскаго*“ узколобія. Другіе же
ятъ, что вы черезчуръ однообразны и не долговѣчны. Я и самъ
того же мнѣнія; но когда пріѣхавшіе изъ Вильны господа объ-
и, что глубоко вкоренившееся зло требуетъ и долгаго преслѣдо-
; что за отсутствіемъ въ Литвѣ судебнаго института (?), „*Бру-
Вѣдомости*“ исполняютъ роль бывшаго *Литовскаго трибунала*
перемѣнилъ свое мнѣніе“. Далѣе авторъ письма совѣтуетъ Шуб-
мъ не употреблять Литовскихъ оборотовъ рѣчи, въ родѣ слѣдую-
: *да дай же покой, да прошенъ, да досыць тэю,* которыхъ не
ть переварить *Мазовецкій смакъ* (вкусъ) и просить ихъ увѣдомить
а счетъ разныхъ предметовъ, относящихся къ краю, какъ напр.,
кончатся экздивизіи (?), достовѣрно ли, что евреи хотятъ засѣсть
ревнямъ и заниматься земледѣліемъ? Что думаютъ сдѣлать на
улучшенія экономическаго быта хлоповъ; что слышно о санскритѣ?
*какъ вы, господа, живете по близости Азіи, то можете имѣть
Индіи самыя свѣжія новости.* Что говорятъ о насъ? И нельзя ли
и у насъ открыть вашу Шубравскую колонію?“...

одозрѣнія, высказанныя въ этомъ письмѣ варшавскими друзьями
ѣтъ дѣятельности Шубравцевъ, были до нѣкоторой степени и не
новательны. Еще въ 5 № „Бруковыхъ Вѣдомостей“, т. е. при
ѣ своего политическаго поприща, онѣ ясно засвидѣтельствовали,
евизомъ ихъ будетъ слѣдующая пословица: „Polocia cum bonis
it te Polonis“, которую, какъ обоюдоострый мечъ, можно толко-
въ одну и другую сторону, но въ какую слѣдуетъ—догадаться не
ю. Шубравцы, желая выслужиться передъ своимъ отечествомъ-Поль-
возымѣли намѣреніе произвести въ краѣ благодѣтельную для него
юцію, т. е. изъ края *Литовско-Русскаго* сдѣлать край *Литовско-
жій*, съ сохраненіемъ для себя въ этомъ важномъ дѣлѣ нѣкото-
политической автономіи.

ъ Виленскомъ Музеѣ до 1865 года находились: *стаканъ, графинъ
джосъ*, принадлежавшіе „Шубравцамъ“; въ 1865-мъ году ихъ изъ-

яли изъ числа предметовъ Музея; а въ 1868 отправили въ Москву. Въ Музеѣ остались отъ нихъ: *Кодексъ* и *Бруковыя Вѣдомости*.

VIII.

Одновременно съ обществомъ „Шубравцевъ" было открыто въ 1817—1818 году между студентами университета общество „*Филоматовъ*". Первая мысль объ его основаніи принадлежитъ студенту Томашу Зану. Первыми его учредителями были: 1) Осипъ Ежовскій, 2) Францъ Малевскій, 3) Ѳедоръ Лозинскій. 4) Томашъ Занъ, 5) Адамъ Мицкевичъ, 6) Казиміръ Пясецкій, 7) Янъ Чечотъ, 8) Осипъ Ковалевскій, 9) Викентій Будревичъ, 10) Игнатій Домейко, 11) Онуфрій Петрашкевичъ и 12) Иванъ Соболевскій—все студенты Виленскаго университета. Устава опредѣленнаго это общество не имѣло; члены его собирались по квартирамъ и читали свои сочиненія, частію политическаго, частію научнаго и скандалезнаго содержанія. Когда набралось ихъ достаточное количество, то общество распалось на два отдѣла: литературный и физико-математическій. Въ первомъ предводительствовалъ Адамъ Мицкевичъ, а по выбытіи его изъ университета въ Ковно, на мѣсто учителя—Чечотъ; во второмъ—Томашъ Занъ. Члены каждаго отдѣла собирались по два раза въ недѣлю. Было и общее собраніе членовъ, два раза въ годъ, подъ предсѣдательствомъ Ежовскаго. Независимо отъ этого, въ обществѣ была еще особая дирекція, состоявшая изъ Ежовскаго, какъ предсѣдателя, и Мицкевича, Зана, Петрашкевича и Малевскаго, какъ очередныхъ секретарей. Обязанности этой дирекціи состояли въ томъ, чтобы выдумывать предметы для занятій членовъ, и наставлять ихъ въ исполненіи принятаго на себя долга.

Цѣль этого общества главнымъ образомъ заключалась въ томъ, чтобы посредствомъ перестройки системы школьнаго образованія „возвысить благосостояніе отечества," подъ какимъ названіемъ разумѣлись губерніи, входящія въ составъ Виленскаго университета, другими словами, чтобы разшевелить и распространить въ молодежи польскій патріотизмъ и отвлечь ее отъ пристрастія къ чужеземцамъ, въ особенности къ Россіи, вліяніе которой слишкомъ преобладало.

Чтобы вѣрнѣе достигнуть такой цѣли, члены общества не желали искать для себя другихъ мѣстъ, какъ только учительскихъ, или профессорскихъ; „но такъ какъ не всѣ они получили учительскія званія и принуждены были разбрестись, по окончаніи университета, въ разныя стороны, то, по показанію Франца Малевскаго, и общество ихъ начало колебаться въ самомъ его основаніи... Оно послужило началомъ для образованія втораго общества „Променистовъ" или лучезарныхъ.

Б). Общество „*Променистовъ*". Чтобы придать дѣятельности общества Филоматовъ болѣе правильности и авторитета, а также умножить и количество членовъ онаго, Томашъ Занъ, въ сообществѣ съ другими

товарищами, составилъ для него уставъ, состоявшій изъ 15 §§ и поднесъ его для утвержденія ректору университета Малевскому, въ 1820 году, подъ названіемъ: устава „друзей полезныхъ увеселеній". Сущность этого устава, по словамъ Новосильцева, заключается въ слѣдующемъ.

„Какъ во многихъ бумагахъ Зана, такъ и въ вышеупомянутыхъ правилахъ возобновляется память бывшаго Польскаго отечества, ибо между прочими нравственными наставленіями, сказано въ пунктѣ VII: „когда почувствуешь приверженность къ отечественной землѣ, то можешь быть увѣренъ, что сдѣлалъ большой шагъ на пути усовершенствованія своего сердца"; а въ VIII-мъ пунктѣ сказано: „приверженность къ отечественной землѣ состоитъ въ томъ, чтобы желать добра своимъ единоземцамъ каждаго состоянія и цѣлому народу вообще сохранять полезные отцевъ своихъ обычаи, любить природный языкъ и оному обучаться, имѣть въ памяти доблести и подвиги предковъ и подражать онымъ по мѣрѣ силъ своихъ и состоянію."

Ректоръ университета, въ Маѣ 1820 г., утвердилъ этотъ уставъ, прибавивъ къ своей подписи слѣдующее примѣчаніе: „онъ соглашается на утвержденіе его, въ надеждѣ, что отъ него будутъ хорошія послѣдствія и поощреніе для студентовъ университета къ полному исполненію всѣхъ своихъ обязанностей, а также чтобы на студенческія прогулки никто изъ постороннихъ лицъ не приглашался."

Вслѣдствіе такого дозволенія ректора, въ Маѣ 1820 года, по предварительному извѣщенію Зана, было совершено въ большомъ количествѣ студентовъ три загородныхъ прогулки—до восхожденія солнца. На прогулкахъ этихъ читаны были вышеупомянутые §§ устава; потомъ приступили къ полезнымъ увеселеніямъ. Всѣ присутствовавшіе студенты раздѣлились на кружки, соотвѣтственно университетскимъ факультетамъ. Каждый кружокъ имѣлъ особый цвѣтъ: зеленый, голубой, синій и т. д. и назывался воеводствомъ. Въ кружкахъ этихъ читали и декламировали разныя сочиненія въ прозѣ и стихахъ, играли въ мячъ, пѣли пѣсни. За тѣмъ завтракали. Лица, распоряжавшіяся играми и завтракомъ, назывались воеводами, стольниками, ловчими, маршалками и др. чинами бывшей Рѣчи Посполитой. Въ этихъ играхъ принимали участіе и лица постороннія, не принадлежавшія къ университетской корпораціи. Общество это стало называться. „Променистами," т. е. лучезарными отъ Польскаго слова „променье," т. е. лучи, объясненіемъ теоріи которыхъ занимался Занъ, конечно въ переносномъ смыслѣ. Для большаго заохочиванія къ поступленію въ это общество, члены его, по показанію филарета Сузина, употребляли слѣдующую ловушку: тѣхъ, которые знали о его существованіи и не поступали въ члены, называли соблазнителями (wszetecznemi), а тѣхъ, которые не знали—заблудшими (obłąkanemi). Когда слухи о Променистахъ стали быстро распространяться

въ городѣ и возбуждать въ публикѣ разные толки, то ректоръ Малевскій взялъ назадъ свое разрѣшеніе, приказавъ при этомъ Зану, чтобы на будущее время сходокъ между студентами никакихъ не было. Это и было причиною третьей метаморфозы одного и того-же общества, изъ явнаго сдѣлавшагося тайнымъ, подъ названіемъ „Филаретовъ."

В). Общество *Филаретовъ*. Прежде чѣмъ разъѣхались студенты на каникулы, Занъ взялъ подписки съ 30 или 40 человѣкъ въ томъ, что сущность майскихъ прогулокъ „Променистовъ" или „друзей полезныхъ увеселеній," они сохранятъ въ тайнѣ; въ Сентябрѣ-же 1820 г. онъ, въ сообществѣ съ магистромъ правъ, Францомъ Малевскимъ, и другими соѣоварищами по университету, составилъ новый „уставъ для тайнаго общества Филаретовъ," состоявшій изъ 72 параграфовъ, въ число которыхъ вошли и прежніе 15 параграфовъ устава „друзей полезныхъ увеселеній.

Цѣль этого общества, по показанію самихъ „Филаретовъ," состояла въ томъ, чтобы соединеніемъ общихъ силъ возстановить Польшу въ прежнемъ ея блескѣ. Такъ, въ рѣчи, сочиненной Станиславомъ Маковецкимъ, прямо говорится: „Политическія произшествія и правительство, подъ которымъ находимся мы нынѣ, ясно удостовѣряютъ насъ, что тѣсная дружба и соединеніе юношей въ одно общество (grono) необходимы, дабы при случаѣ подать братскую руку и, соединяя десницу съ десницею, возвратить отечеству прежнее его бытіе." Это-же подтверждается и другими филаретскими бумагами, въ томъ числѣ и черновымъ протоколомъ засѣданія Голубаго Союза, бывшаго 2 Января 1821 года.

Средствами для достиженія этой цѣли были избраны: 1) наборъ возможно-большаго количества членовъ и 2) учрежденіе возможно-большаго количества подобныхъ-же обществъ.

Во главѣ общества стояли: предсѣдатель Томашъ Занъ и два вице-предсѣдателя—Францъ Малевскій (сынъ ректора университета) и Янъ Чечотъ. За тѣмъ администрація распадалась на двѣ части: высшую и низшую. Высшая состояла изъ палаты совѣщательной и ссудной; низшая—изъ администраціи каждаго союза въ частности. Въ первой заправляли: предсѣдатель, его помощники и генеральные совѣтники; во второй тѣ-же генеральные совѣтники, проводники и секретари.

Палата совѣщательная занималась разсмотрѣніемъ разныхъ проэктовъ и дѣлъ, представляемыхъ каждымъ союзомъ въ частности и контролемъ за общимъ теченіемъ дѣлъ всего общества посредствомъ особыхъ дозорщиковъ; ссудная—выдачею денегъ нуждающимся за небольшіе %. Засѣданія той и другой отбывались въ квартирѣ предсѣдателя.

Каждый союзъ въ частности занимался: чтеніемъ сочиненныхъ членами его рѣчей, разсужденій; и стихотвореній: слушаніемъ проэктовъ

къ уставу; принятіемъ новыхъ членовъ, слушаніемъ отчетовъ разныхъ делегатовъ, посылаемыхъ на засѣданія другихъ союзовъ и назначеніемъ новыхъ на засѣданія будущія; выборомъ своихъ начальниковъ и т. д. Засѣданія союзовъ не имѣли опредѣленнаго мѣста и отбывались по два раза въ мѣсяцъ; посѣщать ихъ вмѣнялось каждому члену въ непремѣнную обязанность, такъ что не бывшій на нихъ три раза исключался изъ членовъ общества.

Права и обязанности начальниковъ были слѣдующія:

1. Предсѣдатель (по § 11 устава) есть первенствующее лицо въ обществѣ. Онъ даетъ направленіе и силу дѣйствіямъ его и ихъ сосредоточиваетъ. Онъ предлагаетъ проекты, утверждаетъ уже принятые, упраздняетъ союзы и на ихъ мѣсто учреждаетъ новые и назначаетъ въ оные членовъ; онъ изыскиваетъ средства ко всякаго рода пособіямъ, хранитъ казну и даетъ отчетъ о ея состояніи,—словомъ: прилагаетъ всевозможныя старанія о благѣ общества, входитъ въ нужды членовъ, подаетъ имъ совѣты и, въ случаѣ погрѣшностей, увѣщеваетъ и миритъ ссорящихся. При входѣ предсѣдателя въ засѣданіе союза (по § 12) всѣ члены встаютъ съ мѣстъ своихъ, и проводникъ предлагаетъ, не угодно-ли ему предсѣдательствовать и уступаетъ свое мѣсто. Предсѣдатель избирается на 6 мѣсяцевъ, а остальные начальники на 3.

2. Какъ предсѣдатель первенствуетъ въ цѣломъ обществѣ, такъ проводники первенствуютъ въ своихъ союзахъ. Къ должности проводниковъ (по § 13) относится: созывать на засѣданія членовъ, предсѣдательствовать въ оныхъ; наблюдать за порядкомъ, назначать очереди для чтенія сочиненій, давать и отнимать у членовъ право голоса, привѣтствовать новопринятыхъ членовъ, собирать денежные взносы; опредѣлять вмѣстѣ съ секретаремъ предметы занятій для засѣданій будущихъ; наблюдать за поступками членовъ и сноситься по сему предмету съ предсѣдателемъ. Проводники три раза выбранные въ эту должность, считались кандидатами на должность предсѣдателя.

3. Совѣтники (по § 15) обязаны: доносить предсѣдателю, на засѣданіяхъ совѣщательной палаты, о желаніяхъ членовъ, о дѣйствіяхъ и постановленіяхъ союзовъ, и на оборотъ—увѣдомлять союзы о предложеніяхъ и подтвержденіяхъ предсѣдателя, т. е. исполнять посредническую роль между администраціей высшей и низшей; кромѣ этого—наблюдать за точнымъ исполненіемъ устава.

4. Секретари (по § 14) обязаны: вмѣстѣ съ проводникомъ записывать въ журналъ протоколы засѣданій, составлять именные списки членовъ, принимать сочиненія и предназначенныя къ чтенію, и прочитанныя, наряжать делегатовъ въ другіе союзы, отмѣчать не бывшихъ на засѣданіяхъ членовъ, приготовлять мѣста для будущихъ засѣданій и по всѣмъ симъ предметамъ сноситься съ проводниками.

5. Обязанности простыхъ членовъ общества частію тожественны съ дѣятельностію союзовъ, частію-же (по § 17) заключаются въ слѣдующемъ: написать въ годъ хоть одно сочиненіе, освѣдомляться о нуждахъ своихъ собратій и предостерегать ихъ отъ увлеченій, вносить исправно денежные взносы и быть примѣрно добродѣтельными.

Обрядъ поступленія въ члены общества былъ слѣдующій: Проводникъ союза, или членъ писалъ на листѣ бумаги имя новаго кандидата, листъ этотъ путешествовалъ по всѣмъ союзамъ, и каждый членъ писалъ на немъ: *утверждаю* или—*отвергаю*. Если большинство голосовъ было на сторонѣ выбора, то въ очередное засѣданіе союза новоизбраннаго вводилъ проводникъ и привѣтствовалъ его рѣчью. За тѣмъ взималась съ него слѣдующая клятва: „Клянусь именемъ Поляка и именемъ гонороваго человѣка, что существованіе общества сохраню въ тайнѣ и буду помогать ему всѣми зависящими отъ меня средствами". Послѣ этого новоизбранный долженъ былъ единовременно взнести одинъ рубль, а за тѣмъ ежемѣсячно вносить по одному Польскому злоту.

Кандидаты, не выбранные въ первый разъ, могли чрезъ два мѣсяца подвергаться второму выбору и еще черезъ два—третьему; послѣ этого никто уже не смѣлъ предлагать ихъ въ члены.

Членами общества (по § 37) могли быть только студенты университета, или-же лица, принадлежащія къ учебному вѣдомству; окончившіе же курсъ ученія и не поступившіе въ учебное вѣдомство (по § 38), удаляющіеся изъ города, а равно не бывшіе на трехъ засѣданіяхъ сряду, подвергались исключенію изъ общества. Впрочемъ правила эти въ точности не исполнялись.

Такъ какъ основатель общества Филаретовъ, Томашъ Занъ, былъ въ тоже время членомъ масонской ложи, то онъ внесъ и въ свое общество нѣкоторые внѣшніе ея атрибуты, встрѣчныя привѣтствія и пѣсни. Посему каждый членъ, при встрѣчѣ съ неизвѣстнымъ ему человѣкомъ, желая узнать свой-ли, долженъ былъ правую руку приложить къ сердцу. Изъ пѣсенъ-же, самою любимою была слѣдующая, сохранившаяся только въ отрывкѣ, который и передаемъ здѣсь въ переводѣ съ Польскаго:

„Къ чему чужестранныя рѣчи? Мы пьемъ Ковенскій медъ. Пріятнѣе пѣснь національная, и лучше братскій народъ. Ты залѣзъ въ груды Римскихъ и Греческихъ книгъ не для того, чтобы сгнить въ нихъ, а для того, чтобы веселиться какъ Грекъ, и бить, какъ билъ Римлянинъ... Сегодня нужны десницы, а завтра—законы; циркулы, вѣсы и мѣры употребляй для мертвыхъ тѣлъ; силу измѣряй намѣреніемъ, а не намѣреніе силой: ибо гдѣ горятъ сердца, тамъ циркулемъ духа есть пламенѣнье, а масштабомъ—общественное благо. Единодушіе значитъ болѣе, нежели многочисленность... Бѣдняга Архимедъ не зналъ гдѣ

опереться... Пусть нынѣ, если пожелаетъ двинуть свѣтъ, его математическое высокородіе пересчитаетъ число братьевъ... И пусть скажетъ что ихъ достаточно"...

Впрочемъ Филареты не хотѣли ограничиться этою одною пѣснею, и Лозинскимъ была предложена премія (два тома сочиненій Нѣмцевича) тому, кто составитъ новую. Конкуррентовъ было нѣсколько, но попытки ихъ остались безъ успѣха.

Общество Филаретовъ вело большую переписку, какъ съ другими обществами, такъ и съ частными лицами; имѣло собственную библіотеку и печатную инструкцію для статистико-географическаго описанія приходовъ (parafii). Эта послѣдняя имѣла первенствующее значеніе для общества какъ потому, что посредствомъ ея завязывалась и производилась корреспонденція, такъ и потому, что статистико-географическій вопросъ былъ и есть однимъ изъ главнѣйшихъ §§ программы возстановленія Польши. Стоитъ только припомнить, что посредствомъ составленія географическихъ картъ Ѳаддей Чацкій думалъ возобновить Рѣчь Посполитую.

Вся инструкція состоитъ изъ вопросовъ, довольно подробно обнимающихъ сущность дѣла и выясняющихъ ея цѣль и характеръ. Такъ въ отдѣлѣ: „*Народонаселеніе*", между прочимъ говорияся: „Сколько лицъ изъ дворянъ состоитъ въ войскѣ, въ какихъ полкахъ и въ какихъ чинахъ? Сколько убыло крестьянъ въ 1812 г.? Сколько расположено на мѣстѣ войскъ? Число и званіе чиновниковъ отъ короны"... Въ отдѣлѣ: „*нравы и обычаи*", говорится: „Гдѣ производятся выборы чиновниковъ? Существуютъ-ли между ними партіи и интриги? Усердны ли въ исполненіи своихъ обязанностей служащіе? Безпристрастно ли творятъ правосудіе? Что имѣетъ болѣе вліянія на занятіе мѣстъ—заслуга, или интрига? Сохраняется ли народность и въ какомъ отношеніи наиболѣе? Какова благотворительность? Каково мнѣніе о собственности? Какіе нравы у военныхъ, и какъ они обращаются съ гражданскими людьми? Благосклонны ли къ нимъ гражданскіе? Сколько у дворянъ серебра и разныхъ драгоцѣнностей? Какой духъ въ дворянствѣ? Есть ли любовь къ отечеству? Народный духъ другихъ слоевъ общества?... Относительно иностранцевъ наблюдатель долженъ описать ихъ нравъ, характеръ, привычки, предразсудки, одежду—отечественная ли она, или примѣнена къ нашей? Какъ они живутъ и что заставило ихъ оставить отечество? Имѣютъ ли они свои собранія (клубы), и каковъ ихъ духъ вообще?"

Въ силу этой инструкціи, Филареты должны были заниматься собираніемъ свѣдѣній о краѣ во время каникулярнаго времени, которыя доставляли потомъ любопытные матеріалы для Шубравской газеты „Буковыхъ Вѣдомостей" (уличныхъ). Свѣдѣнія эти собирались изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Такъ, въ дѣлѣ о безпорядкахъ по Мозыр-

скому училищу находится письмо Филарета Ежовскаго, отъ 21 Ноября 1821 г., адресованное на имя учителя Архимовича, въ которомъ говорится: „Несказанно забочусь о пользѣ Мозырскихъ школъ, какъ и всякій человѣкъ, думающій о благѣ и любящій свой родной край. Если бы вы, м. г., взяли на себя трудъ увѣдомлять меня о состояніи вашей школы, о „*запасѣ*“ и достаткахъ вашихъ учениковъ, о методахъ преподаванія, о духѣ околичныхъ обывателей, объ образѣ ихъ мыслей— соотвѣтственно правиламъ публичной инструкціи, то извѣстія ваши были бы для меня крайне пріятны, какъ могущія открыть путь къ дальнѣйшей корреспонденціи“.

Томашъ Занъ, по составленіи устава, изготовилъ именной списокъ „Променистамъ“, съ которыхъ взялъ подписки на храненіе тайны, а равно и другимъ студентамъ, нуждающимся въ помощи и желающимъ помогать послѣднимъ. Всѣхъ ихъ раздѣлилъ на 6 союзовъ. Потомъ въ концѣ Сентября того же 1820 года, онъ пригласилъ всѣхъ записанныхъ въ списокъ къ себѣ и прочиталъ имъ вышеупомнутый уставъ; они согласились на принятіе онаго и сейчасъ же выбрали проводниковъ, совѣтниковъ и секретарей, а Зана единогласно наименовали предсѣдателемъ. Союзы эти были слѣдующіе:

На физико-математическомъ факультетѣ: 1) зеленый, 2) розовый и 3) алый; на медицинскомъ: 4) синій; на словесномъ: 5) голубой; на юридическомъ: 6) бѣлый. Такъ какъ на этомъ факультетѣ оказалось членовъ болѣе опредѣленнаго уставомъ, то въ Апрѣлѣ 1821 г. онъ раздѣленъ былъ на два союза, новый названъ былъ 7) лиловымъ. Каждый союзъ долженъ былъ заключать въ себѣ отъ 20 до 24 членовъ. Такое дробленіе общества сдѣлано было въ видахъ предосторожности отъ надзора полиціи.

Всѣхъ оговоренныхъ членовъ было 166; по показаніямъ полиціи до 300; изъ нихъ допрошено 135. Въ числѣ ихъ были представители лучшихъ дворянскихъ фамилій въ сѣверо-западномъ краѣ, конечно р.-католическаго вѣроисповѣданія, два ксендза—профессора Полоцкой академіи, нѣсколько учителей гимназій и нѣсколько лицъ постороннихъ.

Благодаря стараніямъ Зана, отдѣлъ этого общества былъ открытъ еще въ Кременецкомъ лицеѣ, при содѣйствіи профессора Энтца, члена корреспондента общества «Филаретовъ».

Какія въ засѣданіяхъ этого общества произносились стихотворенія и рѣчи, мы можемъ судить по нѣкоторымъ, уцѣлѣвшимъ отъ всеобщаго уничтоженія бумагъ, остаткамъ. Часть этихъ бумагъ, какъ напр. рѣчь Маковецкаго, протоколъ засѣданія голубаго союза, бывшаго 2 Января 1821 года, въ которомъ находится рѣчь проводника Чечота, письма Томаша Зана съ 1815 года и дневникъ его съ 1820 по 1823 годъ была приложена въ подлинникѣ къ рапорту Новосильцева и должна находиться въ Петербургѣ, въ бывшемъ архивѣ намѣстника Царства

Польскаго; другая-же пришита къ дѣламъ Слѣдственной Комисіи. Такъ, при допросныхъ пунктахъ Осипу Ежовскому, находится 5 стихотвореній: 1) „дума на смерть кп. Понятовскаго", 2) „стихотвореніе въ честь Саввы, Барскаго конфедерата", 3) „историческая пѣснь о странствованіяхъ войска Польскаго въ Испаніи", 4) „Печаль Сармата надъ гробомъ Сигизмунда Августа"; 5) стихи, написанные секретаремъ кассаціоннаго суда Людвигомъ Осинскимъ по случаю возвращенія войска Польскаго въ Варшаву. При показаніяхъ Лозинскаго находится два письма Чечота къ Францу Малевскому; въ одномъ изъ нихъ находится два стихотворенія: 1) „Упырь"—аллегорическое изображеніе несчастій Польши и 2) „Панегирикъ Хржановской". Есть еще стихотвореніе Янковскаго: «въ честь Іосифа Массальскаго».

Мы приведемъ, для примѣра, три изъ нихъ: 1) „печаль Сармата", 2) „въ честь Іосифа Массальскаго" и 3) „Панегирикъ Хржановской".

1. Печаль Сармата надъ гробомъ Сигизмунда-Августа.

Ты спишь, о Сигизмундъ! а твои сосѣди пріѣхали гостить въ твой домъ!... Ты спишь, а твоя челядь озабочена пріемомъ тѣхъ самыхъ, которые прежде тебя чтили и уважили. Печальное воспоминаніе! Ужъ если измѣнило счастье, то отчего-бы не исчезнуть о немъ и самой памяти!...

По какому-то Божьему гнѣву, ты не оставилъ на тропѣ сына, котораго-бы внукъ вмушалъ теперь на границахъ страхъ и уваженіе. Послѣ тебя корона пошла съ торговъ, тронъ былъ униженъ, а правительство потопуло.

Наконецъ, отчизна моя, нѣкогда богатая и сильная, упала,—та самая, которая прежде владѣла отъ моря до моря, а теперь не имѣетъ клока земли для гроба. Какое сожалѣніе возбуждаетъ къ себѣ этотъ великій трупъ, въ которомъ жила нѣкогда душа милліоновъ!..

Матери! поглядите, какое предъ вами лежитъ дитя? У него глубокая рана на мѣстѣ вырваннаго сердца, въ которомъ билась когда-то шляхетская кровь. Оно не убѣгало, потому что рана спереди... По лицу ето видно, какъ оно желаетъ мести! Но изъ-за чего злится несчастное!?.

Въ зажженный домъ ввалился наконецъ властелинъ, и начались разбои...

Послѣ этихъ разбоевъ одни, противъ воли, разбѣжались подъ невѣдомыя небеса; другіе-же остались дома и выпрашиваютъ хлѣба, или же розданы Москвѣ и Нѣмцамъ...

И вотъ прекрасною кровью упитанная земля кормитъ теперь коня и дикаго наѣздника, а приневоленная мать учитъ теперь своихъ голодныхъ дѣтей господствующему языку.

О Висла! Не Полякъ пьетъ твои воды; даже слѣды затираютъ его; теперь онъ долженъ скрывать даже свое имя, которое такъ мужественно прославляли его дѣды.

2. Въ честь Іосифа Массальскаго.

Разверзлась книга непостижимыхъ предопредѣленій. Предвѣчный Богъ, Котораго могущество безконечно, низвергъ Своею десницею храброе племя Леха; оно разорвано на части, земля у него отнята, цѣпь святыхъ законовъ уничтожена, и на рамена вольнаго народа возложены оковы.

Рушился могущественный колоссъ, и нечистыя струи Ельстры поглотили князя (Понятовскаго). Унылый звонъ колоколовъ, сѣтуя о кончинѣ героя, возноситъ свои стенанія къ небесамъ. О, братья! чье не разрывается въ сей день сердце? Какая ужасная пропасть раскрывается предо мною! И чѣмъ глубже я стараюсь проникнуть въ область мечтаній объ отечествѣ, тѣмъ болѣе исчезаетъ на него надежда: сыны Польши погибли.

Уже сѣверный варваръ, захвативъ въ свои когти милліоны дѣтей нашей матери, пожираетъ невинныхъ, и даже это дикое чудовище не подаетъ и луча надежды на счастіе. Сіе исчадіе природы, рожденное во мракѣ Эреба отъ наложницы гибельныхъ Люциферовъ, нѣкогда безстыдный рабъ Наполеона, неблагодарный за благодѣянія, приготовилъ ему смертоносный кинжалъ и измѣною завоевалъ обширный свѣтъ... Но зачѣмъ далѣе? Нынѣшніе его поступки явно открываютъ намѣренія крокодила...

Покинемъ мы нашихъ братьевъ надъ Вислой! Рона, Тибръ, наконецъ потомки Греціи чувствуютъ, кто ихъ гнететъ. Можно-ли сносить такое бѣдствіе! Братья, не измѣнившіе своему племени,—вы, которые любите свободу и хотите быть свободными въ тайнѣ; вы, которые, благоговѣя предъ Божеской волей, ожидаете, не разсѣетъ-ли какая нибудь благодатная звѣзда огромныхъ тучъ на нашемъ горизонтѣ; вы, въ которыхъ не изсякла еще отеческая добродѣтель, Польское юношество, достойное сего названія! Когда тиранъ запрещаетъ намъ открыто любить свое отечество, то, облегчая свой жребій, будемъ любить его тайно. Быть можетъ, когда нибудь и умилостивится Богъ надъ нами, Быть можетъ, наши несчастія и достигли своей цѣли. Быть можетъ, для тирана и готовы уже гибельные кинжалы!...

Іосифъ, нашъ вождь! Ты, который высокимъ полетомъ своимъ паришь по обширному небу, и какъ разливающійся ручей, не чувствуешь предъ собой преграды! Ты, котораго, какъ сына Сарматскаго, достойное общество польское избрало своимъ начальникомъ, — управляй нами, дай дѣятельное движеніе свободѣ и умамъ, да усиливается безпрестанно

тѣсный братскій союзъ. А когда станетъ вкрадываться къ намъ, какъ къ людямъ, духъ несогласія и раздора, то ты своими спасительными совѣтами, своими дружескими наставленіями погашай въ самомъ началѣ всепожирающій огонь, да судитъ о насъ по нашимъ дѣламъ самое отдаленное потомство, что Польша имѣла своихъ гражданъ и сыновъ.

3. Панегирикъ Хржановской.

Послушайте, молодыя дѣвицы, звуковъ пріятной для васъ лютни, и пусть воспоминанія о прекрасныхъ событіяхъ возбудятъ въ васъ соревнованіе къ славѣ.

Послушайте, какъ давнишнія Польки геройскимъ сердцемъ, достоинствомъ и славною скромностію умѣли укрѣплять мужество въ сердцахъ своихъ супруговъ.

Уже осажденная басурманами Трембовля *) должна была имъ сдаваться, и матери, обливая слезами своихъ дѣтей, прятали ихъ у себя на груди.

Уже любовники и любовницы называли другъ друга плѣнниками и плѣнницами; называли себя такъ точно и военные мужи, неспособные обороняться оружіемъ...

Но Хржановскія съ мечомъ въ рукѣ обращается къ мужу: О мужъ! О вѣчный стыдъ! Ужели эта постылая жизнь такъ дорога, что Поляки должны неволю предпочитать смерти?

Упадетъ преддверіе отчизны, упадетъ твердыня, и мы, стеня въ несчастныхъ узахъ, живые поѣдемъ въ скаредные таборы.

Будетъ носить твоя милая воду изъ ключа для тирана; станутъ ее помыкать и оскорблять, а ты все будешь видѣть и служить тому-же нелюдскому пану. О, Поляки! Такая судьба приготовлена для всякаго изъ васъ.

Гдѣ-же любовь къ отчизнѣ? Или развѣ смерть непріятнѣе цѣпей? А когда ты не желаешь бить этимъ желѣзомъ Турокъ, то сгинь отъ моей руки, вмѣстѣ со мной!...

Съ этими словами Хржановская бросилась на мужа... А онъ ей: клянусь тебѣ, что съ этимъ мечомъ мы или поляжемъ, или побѣдимъ.

Начался штурмъ; нападенія были отбиты: горсть, оживленная мужествомъ, спасла Трембовлю. Честь тебѣ, богатырка матрона! Пусть лаврами цвѣтутъ твои останки!

А вы, прелестныя дѣвицы, воскресите въ себѣ прежнее достоинство; мужья уподобятся вамъ, и прежнее золотое время возвратится.

Если-бы Польша имѣла побольше такихъ женъ, то крѣпилась-бы и до сихъ поръ; если-же будетъ имѣть, то воскреснетъ въ прежнемъ своемъ блескѣ....

*) Т. е. Теребовль.

Стихотвореніе это, какъ значится въ письмѣ, было переложено на музыку и распѣвалось въ гостиныхъ.

Кромѣ очередныхъ засѣданій, общество имѣло еще и частныя сходки, по случаю напр., именинъ разныхъ членовъ. Такъ, въ именины Томаша Зана было большое собраніе ихъ за городомъ; здѣсь онъ былъ коронованъ дубовымъ вѣнкомъ и въ знакъ благодарности получилъ отъ общества желѣзный перстень съ надписью: «пріязнь заслугѣ»; при этомъ Адамъ Мицкевичъ произносилъ составленное имъ на сей предметъ стихотвореніе.

Закрытіе общества послѣдовало въ 1822 г. по разнымъ причинамъ. Томашъ Занъ говоритъ потому, что, съ окончаніемъ курса въ университетѣ, выбыли изъ него лучшіе и вліятельнѣйшіе Филареты, а самъ онъ приглашенъ былъ визитаторомъ-Ходзькомъ на мѣсто письмоводителя; другіе говорятъ потому, что, по случаю пріѣзда въ Вильну Государя Императора на смотръ гвардіи, былъ усиленъ надзоръ полиціи, и отбывать засѣданія было не безопасно; третьи говорятъ потому, что сдѣлалось извѣстнымъ враждебное отношеніе правительства ко всякаго рода тайнымъ обществамъ, вслѣдствіе чего и было закрыто общество „Массоновъ", а „Филареты" изъ тайнаго намѣревались сдѣлаться обществомъ явнымъ подъ названіемъ „товарищества для пособія бѣднымъ ученикамъ" (wspierania niedostatnych uczniów), которое уже было открыто и дѣйствительно привлекло къ себѣ многихъ „Филаретовъ".

Самый актъ закрытія совершился слѣдующимъ образомъ. Созвано было чрезвычайное собраніе членовъ—по союзамъ; когда явились къ Зану проводники, то, прочитавши имъ предварительно составленную на сей предметъ рекламу, онъ склонилъ ихъ согласиться на закрытіе обществъ. Проводники согласились. Возвратившись каждый въ свой союзъ, они прочитали вышеупомянутую рекламу и взяли съ членовъ подписки, что существованіе общества они сохранятъ въ тайнѣ. Подписки эти были представлены Зану, а равно и другія Филаретскія бумаги, находившіяся по союзамъ; онъ сжегъ ихъ въ то время, когда студенты были на лекціяхъ, безъ вѣдома и согласія общества. Такъ прекратило свою дѣятельность общество „Филаретовъ"; но прекратило ли оно свое существованіе? Читатели увидятъ, что нѣтъ.

При слѣдствіи, Филареты, благодаря сожженію ихъ бумагъ, обнаруживали явное запирательство, въ особенности же Томашъ Занъ. Онъ утверждалъ, что основанное имъ общество имѣло цѣль исключительно научно-нравственную; что Польскій патріотизмъ и политика не могли входить въ предметы его занятій по § 8 устава; что если нѣкоторые члены и позволяли себѣ патріотическія выходки, то это были исключенія изъ общаго правила, всегда производившія на него самое непріятное впечатлѣніе; что наконецъ, если-бы, по опрометчивости своей, онъ не сжегъ Филаретскихъ бумагъ, то могъ-бы доказать безукоризненную

невинность и своихъ намѣреній и дѣятельности самого общества. До какой степени былъ неискренень этотъ человѣкъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ.

Между арестованными бумагами Зана нашлись письма, стихотворенія и дневникъ съ 1820 по 1823 годъ, изъ которыхъ ясно видно, что онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ сдѣлался однимъ изъ способнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ полонизаторовъ. Изъ писемъ его открылось, что, будучи еще въ Молодечненскомъ училищѣ, онъ устраивалъ маленькое общество подъ названіемъ: „войско Марса и Аполлона“, которое въ свободное время играло въ потѣшныя игры. Провинившихся въ чемъ нибудь наказывалъ, а исправныхъ награждалъ крестикомъ изъ золотой бумаги съ надписью: „крестъ святой любви къ отечеству“. Въ 1815 году онъ составилъ для этого войска маршъ въ стихахъ, въ которыхъ внушалъ мальчикамъ спѣшить на службу къ Наполеону. Въ этомъ-же году онъ написалъ комедію, подъ названіемъ: „Постоянство въ дружбѣ“. Въ 1-мъ и 2-мъ явленіяхъ этой пьесы онъ называлъ счастливыми тѣхъ, которые положатъ животъ свой за отечество и выражалъ свои надежды на возстановленіе Польши на Вѣнскомъ конгрессѣ. Въ 1816 году онъ сочинилъ три стихотворенія: въ первомъ убѣждалъ соотчичей—спасать Наполеона съ острова Св. Елены; во второмъ проводилъ мысль, что онъ равняется богамъ, когда лира его настраивается пѣть о Наполеонѣ; а въ третьемъ внушаетъ, чтобы всѣ *родаки*, знающіе алгебру, химію, физику, астрономію, юрисприденцію, языки и хирургію, свои познанія прилагали къ истребленію Россіянъ.

Въ дневникѣ Зана, носящемъ названіе „Свѣтъ и любовь“, разсказывается, между прочимъ, что, по прошествіи двадцати лѣтъ (т. е. въ 1821 г.), край будетъ освобожденъ, ибо есть еще Наполеоны; въ другомъ-же мѣстѣ, что, преподавая уроки исторіи въ женскомъ пансіонѣ Дейбаля, онъ внушаетъ дѣвицамъ патріотическія идеи, за что Дейбаль на него не злится. На вопросы, предложенные Зану Слѣдственной Коммиссіей относительно этихъ произведеній, онъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ:

Будучи еще ученикомъ, онъ выучился любви къ отечеству въ классахъ, ибо въ грамматикѣ Копчинскаго, для учениковъ 1-го класса, въ примѣрахъ сказано: „мы рождены не для себя: одна часть насъ принадлежитъ отечеству, а другая друзьямъ“; въ грамматикѣ-же для III-го класса въ примѣрахъ напечатано: „Святая любовь къ отечеству! Тебя чувствуютъ только сердца честныя“. Впослѣдствіи-же, когда пришелъ онъ, Занъ, въ болѣе зрѣлый возрастъ и понялъ всѣ заблужденія своей молодости, то сохранилъ вышеозначенныя сочиненія на память, какъ свидѣтельства своей глупости, невѣжества, ребячества, заблужденій и проступковъ, порожденныхъ въ немъ вліяніемъ войны 1812 г., когда непріятельскія войска ополчились противъ Россіянъ и шли вслѣдъ за Наполеономъ.

Стихотвореніе это, какъ значится въ письмѣ, было переложено на музыку и распѣвалось въ гостинныхъ.

Кромѣ очередныхъ засѣданій, общество имѣло еще и частныя сходки по случаю напр., именинъ разныхъ членовъ. Такъ, въ имепины Томаш Зана было большое собраніе ихъ за городомъ; здѣсь онъ былъ коро ванъ дубовымъ вѣнкомъ и въ знакъ благодарности получилъ от щества желѣзный перстень съ надписью: «пріязнь заслугѣ»; при Адамъ Мицкевичъ произносилъ составленное имъ на сей предм хотвореніе.

Закрытіе общества послѣдовало въ 1822 г. по разнымъ Томашъ Занъ говоритъ потому, что, съ окончаніемъ кур ситетѣ, выбыли изъ него лучшіе и вліятельнѣйшіе Фил онъ приглашенъ былъ визитаторомъ-Ходзькомъ на м теля; другіе говорятъ потому, что, по случаю п Государя Императора на смотръ гвардіи, былъ уси и отбывать засѣданія было не безопасно; третьи сдѣлалось извѣстнымъ враждебное отношеніе п рода тайнымъ обществамъ, вслѣдствіе чего „Массоновъ", а „Филареты" изъ тайпа обществомъ явнымъ подъ названіемъ „то нымъ ученикамъ" (wspierania niedostatn открыто и дѣйствительно привлекло

Самый актъ закрытія совершился было чрезвычайное собраніе членов Зану проводники, то, прочитавш на сей предметъ рекламу, онъ с обществъ. Проводники согласи союзъ, они прочитали вышеу подписки, что существованіе писки эти были представл бумаги, находившіяся по с студенты были на лекціях прекратило свою дѣятель ли оно свое существовані

При слѣдствіи, Фила руживали явное запират утверждалъ, что основан научно-нравственную; чт входить въ предметы с члены и позволяли себѣ нія изъ общаго правила, ное впечатлѣніе; что наконе не сжегъ Филаретскихъ бума

невинность и своихъ [illegible] кцію нашелъ
какой степени [illegible] что на квар-
изъ слѣдующихъ [illegible] Томашъ Занъ,

Между арестованными [illegible]
дневникъ [illegible] вещей, могутъ-ли
ъ самыхъ [illegible] торъ Твардовскій по
остнѣйшихъ [illegible] отвѣчать на сіе осно-
ще въ Мо[illegible] предмета и по заве-
одъ названіемъ [illegible] заключеніе отдѣленію
ремя играл[illegible] надлежитъ статистика";
аказывалъ, а [illegible] тупокъ безъ увѣдомленія
ь надписью: [illegible] секретно, и тотчасъ-же
оставилъ для [illegible] асіе.
альчикамъ [illegible] кій, въ рапортѣ Новосиль-
аписалъ комедію [illegible] заги, заарестованныя имъ
2-мъ явленіямъ [illegible] тивенный Комитетъ и, по
оложать животъ [illegible] ѣ важнаго не заключающія,
озстановленіе [illegible] амъ. „Что-же касается до
инилъ три [illegible] я, что я даже не могъ пока
Наполеона съ [illegible] Показаніе это совершенно не
ъ равняется [illegible] до настоящей поры; онъ былъ
еонѣ: а въ [illegible] ю гр. Тышкевичемъ и хранится
имію, физику, [illegible] убличной библіотеки.
ознанія [illegible] ь Осипъ Красковскій спряталъ свои
Въ дневникѣ [illegible] за Сосновскаго, профессора главной
ается, между [illegible] дственной Коммиссіей, оказалось, что
), край будетъ [illegible]
ѣстѣ, что [illegible] чѣмъ кончится это дѣло, какое ему
ъ внушаетъ [illegible] а Новосильцевъ послѣ 135 допросовъ,
е [illegible] не-опаснаго направленія дѣятельности этого
[illegible] ору 24 Ноября, что въ эту же ночь онъ
Будучи [illegible] ому князю Константину Павловичу съ извѣ
ахъ, ибо [illegible] о направленія, то ректоръ университета, чтобы
[illegible] ніи министра народнаго просвѣщенія, воспол
[illegible] бами студентовъ на Комиссію, счелъ своимъ
[illegible] слѣдующее *безпосредственное донесеніе*
[illegible] безпрестанно слѣдствія подъ руководствомъ тайнаго
[illegible] льцева кажутся столь угрожающими сему корпусу
[illegible] развѣ только покровительство вашего сіятельства
[illegible] Сіе [illegible] ѣетъ меня учинить вашему сіятель
[illegible] происшествій 3 Мая въ Вилен-
[illegible] ченики гимназіи показали о

Во все время слѣдствія надъ Филаретами, университетъ велъ себя весьма сдержанно и осторожно. Да иначе и быть не могло. Слѣдственная Комиссія заподозрила университетъ въ явныхъ потачкахъ этому обществу и попросила отъ него объясненія какъ по дѣлу Слѣдственнаго Комитета изъ профессоровъ о „Променистахъ", такъ и по дѣлу „географической инструкціи", которая была въ рукахъ цензора профессора Голянскаго еще до ея напечатанія. Комиссія спрашивала:

1. Чѣмъ руководствовался Комитетъ по дѣлу Променистовъ, когда, по заарестованіи бумагъ, принадлежавшихъ этому обществу устава, диссертацій Лозинскаго и протоколовъ засѣданій съ разными помѣтками, онъ не только не далъ имъ надлежащаго движенія, а просто возвратилъ назадъ безъ всякихъ послѣдствій?

2. Какимъ образомъ могла быть напечатана инструкція, заключающая въ себѣ разныя статьи, не находящіяся въ инструкціи главнаго управленія училищъ, въ то время когда она, до напечатанія, была предъявлена префектомъ Базиліанской типографіи на разсмотрѣніе цензору, профессору Голянскому, а безъ его вѣдома печатать не смѣла ни одна типографія?

3. Какимъ образомъ и откуда попала она въ Комитетъ уже въ печатномъ видѣ, и настоитъ-ли какая нибудь надобность для статистики знать количество серебряныхъ и золотыхъ вещей, находящихся у разныхъ частныхъ лицъ?

4. Гдѣ можно найти уставъ и другія бумаги, принадлежащія обществу, по крайней мѣрѣ уставъ Променистовъ, долженствовавшій находиться у прежде бывшаго ректора Малевскаго?

На первый вопросъ всѣ члены бывшаго Комитета въ одинъ голосъ засвидѣтельствовали, что указываемые Комиссіей промахи допущены ими были единственно вслѣдствіе неопытности въ судебныхъ дѣлахъ.

На второй вопросъ Голянскій отвѣчалъ: „Имѣю чистосердечно заявить, что вовсе не припомню, чтобы мнѣ когда-нибуоь было приносимо такое сочиненіе изъ Базиліанской типографіи. Такое показаніе мое теперь уже надъ гробомъ стоящій, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти моей собственноручно подписую". Дѣйствительно, инструкція эта, по изслѣдованію Комиссіи, была напечатана секретно, безъ разрѣшенія и одобренія цензора—Чечотомъ и Юндзиломъ, которые, подкупивши наборщиковъ Базиліанской типографіи, устроили это дѣло въ ночное время.

Что-же касается до ея содержанія, то, по словамъ бывшаго ректора Малевскаго, оно совершенно походитъ на содержаніе таковой-же инструкціи министерства народнаго просвѣщенія, изданной въ 1812 году, съ чѣмъ однакоже Слѣдственная Коммиссія, по сличеніи обѣихъ, не согласилась.

На третій вопросъ проф. Лобойко отвѣчалъ, что инструкцію нашелъ онъ у себя дома, между собственными бумагами, потому что на квартирѣ у него жилъ предсѣдатель общества „Филаретовъ", Томашъ Занъ, дававшій ему уроки польскаго языка.

Что-же касается до серебряныхъ и драгоцѣнныхъ вещей, могутъ-ли онѣ входить въ статистическія описанія, то ректоръ Твардовскій поспѣшилъ съ слѣдующимъ увѣдомленіемъ: „Дабы отвѣчать на сіе основательно и съ точностію, слѣдовало-бы, по роду предмета и по заведенному порядку, сіе дѣло предложить на заключеніе отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ, коему принадлежитъ статистика"; но онъ, ректоръ, не рѣшается на подобный поступокъ безъ увѣдомленія Коммиссіи, такъ какъ дѣло сіе производится секретно, и тотчасъ-же совершитъ его, какъ только получитъ ея согласіе.

На четвертый вопросъ профессоръ Малевскій, въ рапортѣ Новосильцеву отъ 16 Іюля 1823 года донесъ, что бумаги, заарестованныя имъ у учениковъ, были препровождены въ Слѣдственный Комитетъ и, по окончаніи его дѣйствій, какъ ничего въ себѣ важнаго не заключающія, были возвращены назадъ тѣмъ-же ученикамъ. „Что-же касается до устава, то онъ у меня такъ запропастился, что я даже не могъ показать его куратору и теперь не имѣю". Показаніе это совершенно не вѣрно: Филаретскій уставъ сохранился до настоящей поры; онъ былъ принесенъ въ даръ Виленскому Музею гр. Тышкевичемъ и хранится въ рукописномъ отдѣлѣ Виленской публичной библіотеки.

Есть еще извѣстіе, что Филаретъ Осипъ Красковскій спряталъ свои бумаги у доктора философіи ксендза Сосновскаго, профессора главной семинаріи; при востребованіи Слѣдственной Коммиссіей, оказалось, что онѣ тоже запропастились.

Университетъ выжидалъ, чѣмъ кончится это дѣло, какое ему дадутъ направленіе. И когда Новосильцевъ послѣ 135 допросовъ, докопался наконецъ до крайне-опаснаго направленія дѣятельности этого общества и объявилъ ректору 24 Ноября, что въ эту-же ночь онъ пошлетъ курьера къ великому князю Константину Павловичу съ извѣщеніемъ о сущности этого направленія, то ректоръ университета, чтобы не оставить въ заблужденіи министра народнаго просвѣщенія, воспользовавшись тремя жалобами студентовъ на Комиссію, счелъ своимъ долгомъ учинить ему слѣдующее *безпосредственное донесеніе*:

„Продолжающіяся безпрестанно слѣдствія подъ руководствомъ тайнаго совѣтника Новосильцева кажутся столь угрожающими сему корпусу (университету), что развѣ только покровительство вашего сіятельства охранить его можетъ. Сіе возбуждаетъ меня учинить вашему сіятельству безпосредственное донесеніе".

„Въ заключеніи моемъ, по поводу произшествій 3 Мая въ Виленской гимназіи, было упомянуто, что ученики гимназіи показали о

существованіи между студентами университета общества Променистовъ. Дѣло о таковомъ обществѣ составляетъ главнѣйшій предметъ изслѣдованій Коммиссіи, почему и поясняю извѣстныя мнѣ о немъ подробности".

„Предмѣстникъ мой Малевскій въ 1820 г. позволилъ студентамъ университета собираться для повторенія лекцій и учебныхъ упражненій подъ предводительствомъ Томаша Зана. Сіе общество имѣло дозволенное названіе: „друзей полезныхъ увеселеній". Но какъ не всѣ студенты принадлежали къ этому собранію, то и стали они прозываться разными названіями, въ томъ числѣ „Променистами". Первоначально дозволенное названіе въ скоромъ времени перестало упоминаться, Променистовъ же сдѣлалось очень гласнымъ. Это и заставило ректора Малевскаго взять назадъ свое разрѣшеніе. Однако слухи о нихъ не уничтожились и въ послѣдующихъ годахъ 1821-мъ и 1822-мъ. По сему попечитель въ бытность свою въ Маѣ 1822 года дѣлалъ изслѣдованія, нѣтъ-ли между студентами университета какого нибудь общества? По изслѣдованіямъ открылось только то, что слухи эти остались отъ прежде позволеннаго общества „друзей полезныхъ увеселеній" другаго-же общества не существовало. Однако-же г. попечитель велѣлъ ректору Малевскому имѣть строгій надзоръ за Заномъ, Осд. Лозинскимъ и Ад. Мицкевичемъ, который по болѣзни долгое время проживалъ въ Вильнѣ".

„Когда я имѣлъ честь вступить въ должность ректора, 15 Ноября, то первое предписаніе, полученное мною отъ г. попечителя, было относительно надзора за учениками и изслѣдованія, нѣтъ-ли между ними какихъ нибудь связей или обществъ. Вслѣдствіе сего немедленно принялся я за дѣло, и употребленныя мною мѣры совершенно удостовѣрили меня, что между ними никакихъ связей не было. Обращая на сей предметъ дальнѣйшее тщательнѣйшее вниманіе, утвердился я еще вящше въ томъ убѣжденіи, что какъ при вступленіи моемъ въ университетъ, такъ и послѣ, таковыя связи не составлялись. Кромѣ того, бывшій ректоръ университета увѣрилъ меня, что, наблюдая по данному ему попечителемъ предписанію, ничего противнаго не замѣтилъ ни за всѣми учениками вообще, ни за Заномъ, Лозинскимъ и Мицкевичемъ въ частности. Основываясь на сихъ увѣреніяхъ, въ истинности которыхъ и теперь не сомнѣваюсь, на предписаніе г. попечителя отвѣчалъ я, что какъ при вступленіи моемъ въ университетъ, такъ и послѣ, никакихъ связей не было и не можетъ быть, вслѣдствіе строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ, предпринятыхъ по этому дѣлу."

„Эти-же завѣренія высказалъ я и сенатору Новосильцеву, писалъ и нимало не колебался взять на себя личную отвѣтственность за все то, что будетъ открыто по части обществъ и союзовъ. Совѣсть моя велитъ мнѣ повторить это ручательство и нынѣ предъ вашимъ сіятель-

ствомъ: ибо имѣлъ чистѣйшія намѣренія и не упустилъ изъ виду никакихъ средствъ къ осуществленію оныхъ".

„... Зная о всякихъ собраніяхъ учениковъ, я посылалъ присутствовать на нихъ надежныхъ людей и такимъ образомъ всегда имѣлъ извѣстіе о томъ, что они читали; не находилъ въ этомъ ничего порицательнаго, потому и не препятствовалъ."

„Вчерашняго числа отъ самого г. сенатора Новосильцева я узналъ, что Коммиссія, составленная подъ его руководствомъ, открыла, что студенты, имѣвшіе дозволеніе въ 1820 г. составить собраніе подъ названіемъ „друзей полезныхъ увеселеній" и послѣ запрещенія г. ректора не только своихъ собраній не прекратили, но перемѣнились въ тайное общество „Филаретовъ" что они имѣли учрежденія и цѣли возмутительныя и противныя правительству; входили въ сношенія со студентами Варшавскаго университета и въ столь преступной связи оставались до половины 1822 г., т. е. до пріѣзда въ Вильну Государя Императора, когда усиленный надзоръ полиціи заставилъ ихъ прекратить свои сборища."

„Однакожъ многіе изъ нихъ, а можетъ быть и большая часть, давно уже выбыли изъ университета и перестали быть студентами онаго. Узнавъ отъ г. сенатора Новосильцева о важности розыскиваемаго дѣла, представилъ я ему сего числа при рапортѣ три прошенія, поданныя мнѣ тремя допрашиваемыми студентами."

Далѣе ректоръ старается убѣдить, что врядъ-ли хоть одинъ изъ членовъ найдется такой, который бы вступилъ въ общество послѣ 1822 г. „Потому осмѣливаюсь обратить на сіе обстоятельство особеннѣйшее вниманіе вашего сіятельства, ибо оно утверждаетъ все то, что выше было мною сказано, т. е. что со времени моего вступленія въ университетъ связей и обществъ никакихъ не было. А если изъ открытія Коммиссіи и оказывается, что былъ зловредный духъ и преступное направленіе умовъ въ университетскомъ юношествѣ, то тѣмъ не менѣе явствуетъ (?), что такія зазорныя неприличности уже прекращены, и возвратъ къ нимъ окончательно прегражденъ."

Мы не обременяемъ читателя излишними разъясненіями этого „безпосредственнаго" донесенія, изъ котораго министръ, конечно, могъ извлечь только то, что дѣйствительно между студентами были и сходки и сборища, но вполнѣ разумныя и невинныя, какъ дозволенныя и контролируемыя самимъ университетомъ; что если сенаторъ Новосильцевъ и нашелъ въ нихъ разныя зазорныя неприличности, то не потому, чтобы онѣ въ дѣйствительности были, а просто потому, что ихъ желала найти и нашла Слѣдственная Коммиссія въ вынужденныхъ подъ пристрастнымъ разслѣдованіемъ показаніяхъ. Вотъ одно изъ прошеній:

„Инспекторъ Сидоровичъ доставилъ меня къ здѣшнему полиціймейстеру г. Шлыкову для дачи письменныхъ отвѣтовъ на запросы относи-

тельно тайныхъ обществъ... 18 Октября, когда я вторично пришелъ въ квартиру къ полиціймейстеру для переписки своихъ отвѣтовъ на бѣло, то секретари его Шкультецкій и Круликовскій начали меня стращать и требовать, чтобы я не показывалъ въ своихъ отвѣтахъ того, что долженъ былъ показать по сущей истинѣ; въ противномъ случаѣ угрожали мнѣ заключеніемъ въ Варшавѣ, гдѣ я не буду видѣться ни съ матерью, ни съ теткою, ни съ родными... За несогласіе я былъ посаженъ подъ арестъ и освобожденъ не прежде, какъ только послѣ удовлетворенія требованій гг. секретарей. Однако-же, страшась, чтобы эти вынужденныя показанія не повредили мнѣ на будущее время и не послужили источникомъ какого нибудь несчастія, я прибѣгаю къ покровительству и защитѣ г. ректора и молю не отказать мнѣ въ нихъ."

Сенаторъ Новосильцевъ, свѣдавъ объ этихъ прошеніяхъ, приказалъ снять съ подсудимыхъ истцевъ новыя показанія: что именно они сдѣлали противъ своей совѣсти въ своихъ показаніяхъ, по требованію секретарей? Истцы отвѣчали: „Всѣ пункты были приняты безъ всякой перемѣны, кромѣ 4-го; въ этомъ послѣднемъ *нами было написано*: „Слышали о Массонахъ которые уже уничтожены; ходили также слухи о Вольныхъ садовникахъ, но мы не знаемъ никакихъ подробностей ни о первыхъ, ни о вторыхъ." *Намъ приказали писать*: Слышали о Массонахъ, которые уже уничтожены, а болѣе ни о комъ не знаемъ.

Своимъ безпосредственнымъ донесеніемъ представитель ученой интеллигенціи Виленскаго университета хотѣлъ оправдать и себя и университетъ, и наложить темное пятно на дѣйствія Слѣдственной Коммиссіи Новосильцева, забывши, вѣроятно, что и при немъ точно такъ же, какъ при ректорѣ Малевскомъ, отбывались сборища учениковъ, какъ объ этомъ увѣдомлялъ его предводитель слуцкаго дворянства Непокойчицкій; человѣкъ вовсе не принадлежавшій къ учебному вѣдомству.

IX.

Въ 1824 году, по Высочайшему повелѣнію составленъ былъ Комитетъ изъ графа Аракчеева, адмирала Шишкова и сенатора Новосильцева, которому повелѣно было разсмотрѣть дѣла о безпорядкахъ Виленскаго университета и изыскать мѣры къ устраненію ихъ на будущее время. Самымъ дѣятельнымъ въ немъ членомъ былъ, конечно, Новосильцевъ, какъ человѣкъ непосредственно знакомый съ сущностію дѣла; посему и въ постановленіяхъ Комитета выразились по преимуществу его личные взгляды и отношенія къ совершившимся явленіямъ, тѣ самыя, которыя сполна почти можно найти и въ его всеподданнѣйшемъ рапортѣ великому князю Константину Павловичу. По разсмотрѣніи безпорядковъ, возникшихъ въ Виленскомъ Учебномъ округѣ, Комитетъ

издалъ двоякія постановленія: одни изъ нихъ заключали въ себѣ мѣры административно—учебныя для всѣхъ заведеній вообще; другія-же—мѣры карательныя для лицъ, принимавшихъ участіе въ тайныхъ обществахъ, но не всѣхъ, потому что члены обществъ „Черныхъ братьевъ“ и „Зорянъ“ подверглись наказанію по особымъ конфирмаціямъ великаго князя Константина Павловича. Постановленія эти были Высочайше утверждены 14 Августа 1824 года.

Въ силу первыхъ введены были по округу слѣдующія мѣропріятія:

а. *По части административной.*

1) Для пресѣченія вреднаго вліянія, которое возымѣла противодѣйствующая университетскому начальству партія, удалить отъ должности ординарныхъ профессоровъ: Лелевеля (въ Царство Польское), Даниловича (во внутреннія губерніи), Бобровскаго (подъ надзоръ полиціи) и Голуховскаго за изданную имъ за границею книгу анти-правительственнаго содержанія (въ свое отечество); 2) попечителю Виленскаго учебнаго округа жить въ Вильнѣ и ежегодно посѣщать университетъ, 3) установить круговую отвѣтственность учителей за каждый ихъ проступокъ и 4) усилить полицейскій надзоръ за анти-правительственными книгами, привозимыми изъ-за границы.

б. *По части учебной.*

1) Исключить изъ числа предметовъ гимназическаго курса право естественное и политическія науки и усилить уроки языковъ Латинскаго, Греческаго и Русскаго; 2) уменьшить число уроковъ по риторикѣ и поэзіи; 3) университету составить перечень темъ для классныхъ ученическихъ упражненій, и 4) не употреблять, въ видѣ учебниковъ, книгъ, изгнанныхъ изъ употребленія профессоромъ Пеликаномъ, и разсмотрѣть всѣ вообще учебники.

в. *По части воспитательнаго надзора.*

1) Вмѣсто двухъ надзирателей назначить четырехъ младшихъ и одного старшаго или инспектора; 2) списокъ всѣхъ учащихся отсылать въ полицію; 3) постановить новыя правила, которыя-бы вмѣняли инспектирующимъ—утверждать и сохранять въ молодыхъ людяхъ страхъ Божій, чтобы учащіеся вели жизнь богобоязненную и не занимались самоуправствомъ; чтобы они почитали университетское и всякое другое начальство; чтобы студенты посѣщали лекціи, всегда ходили въ мундирахъ и не вступали ни въ какія тайныя общества; чтобы безъ дозволенія ректора не отлучались ни за городъ, ии на общественныя гулянья; чтобы не читали и у себя не имѣли никакихъ книгъ, противныхъ вѣрѣ и системѣ Русскаго правительства; 4) подавать ежедневные рапорты объ отсутствующихъ ученикахъ и о произшествіяхъ и 5)

гувернеровъ, менторовъ и другихъ домашнихъ наставниковъ пока избирать университету подъ его прямою отвѣтственностію.

Въ силу вторыхъ постановленій, не всѣ, а только слѣдующія лица, участвовавшія къ тайныхъ обществахъ, подверглись наказанію:

А) Изъ Филаретовъ (въ числѣ ихъ Променисты и Филоматы) ссылаются во внутреннія губерніи: 1) Томашъ Занъ—въ крѣпость на одинъ годъ; 2) Янъ Чечотъ, 3) Адамъ Сузинъ и 4) Иванъ Янковскій въ крѣпость на 6 мѣсяцевъ; 5) Францъ Малевскій и 6) Адамъ Мицкевичъ поступили въ канцелярію Московскаго генералъ-губернатора; 7) Николай Козловскій и 8) Осипъ Ежовскій перемѣщены учителями, но подъ строгій надзоръ полиціи, 9) Кипріянъ Дашкевичъ, 10) Иванъ Михалевичъ, 11) Ив. Лукашевичъ, 12) Ив. Криницкій, 13) Ѳедоръ Лозинскій, 14) Ив. Гейдатель, 15) Ив. Соболевскій, 16) Онуфрій Петрашкевичъ и 17) Викентій Будревичъ съ обязательствомъ избрать родъ жизни. 18) Осипъ Ковалевскій, 19) Феликсъ Колаковскій, и 20) Иванъ Верниковскій поступили въ Казанскій университетъ на факультетъ восточныхъ языковъ, по собственному желанію; 21) Матвѣй Бродовичъ и Львовичъ, профессора Полоцкой академіи, навсегда отрѣшены отъ должности и отданы подъ надзоръ монастырскій.

Съ остальныхъ повелѣно взыскать издержки, затраченныя по судопроизводству.

В) Основателямъ обществъ, „Науковаго“ и „Моральнаго“: Діонисію Шлаевскому и Якову Абрамовичу вмѣнить въ наказаніе арестъ и лишить ихъ службы по министерству народнаго просвѣщенія; съ остальныхъ взыскать издержки по судопроизводству.

С) Общества „Черныхъ Братьевъ“ по конфирмаціи его Высочества отъ 28 Февраля 1824 года:

а. Основателя общества: 1) Янчевскаго и 2) члена Зеленовича на 10 лѣтъ въ казематы, а потомъ въ рядовые безъ выслуги на Оренбургскую линію; если же окажутся неспособными, то въ Сибирь на поселеніе; б. 3) Виткевича, 4) Песляка, 5) Ивашкевича и 6) Сухоцкаго—на Оренбургскую линію въ солдаты безъ выслуги.

Всѣхъ лишить дворянскаго достоинства и со всѣхъ взыскать издержки по судопроизводству.

7) Учителя Пашкевича—на два года въ Бобруйскъ, а потомъ освободить.

D) Общества „Зорянъ“ тоже по конфирмаціи его Высочества:

а. 1) Ляховича, 1) Борковскаго и 3) Яневича—въ крѣпость, перваго—на 6 мѣс., вторыхъ—на 4 мѣс., а потомъ въ рядовые на Кавказъ, съ производствомъ въ унтеръ-офицеры не раньше двухъ лѣтъ.

б. 4) Кузминскаго, 5) Чеховскаго, 6) Левоневскаго, 7) Бронишевскаго и 8) Лещинскаго—во 2-ю армію въ рядовые, съ производствомъ въ унтеръ-офицеры не раньше двухъ лѣтъ.

в. 9) Штабсъ-капитана Сперскаго, 10) землемѣра Окенчица, 11) аптекарскаго гезеля Чайковскаго и 12) учт. Гувальдта—въ крѣпость, первыхъ трехъ на 4 мѣс., а послѣдняго на 6 мѣсяцевъ,

г. 13) Виріона, 14) Кореницкаго, 15) Шумовича, 16) Голенькевича, 17) Гриневича, 18) Фризе, 19) Шлегеля, 20) Александровича, 21) Велевейскаго, 22) Моравскаго, 23) Ольшевскаго и 24) Лабунскаго—подъ строжайшій надзоръ начальства или полиціи.

д. 25) Унтеръ-офицера Зеленскаго, 26) портупей-прапорщика Скульскаго и дворянскаго полка дворянъ: 27) Соколовскаго и 28) Веверовскаго—въ отдѣльный Литовскій корпусъ унтеръ-офицерами, подъ строгій надзоръ начальства, съ производствомъ въ офицеры не раньше двухъ лѣтъ.

е. 29) Актера Косовскаго, 30) Цѣхановскаго, 31) Гельтмана, 32) Загурскаго, 33) Ордынскаго, 34) Булгаровскаго, 35) Кузминскаго, 36) Гловацкаго, 37) Богурскаго, 38) 39) двухъ Суходольскихъ, 40) Яцка, 41) Кунаховича, 42) Стравинскаго, 43) Залѣсскаго, 44) Райнольда, 45) Эйсмонта и 46) Орду—подъ надзоръ начальства или полиціи.

Со всѣхъ взыскать издержки по судопроизводству.

Такая-же участь постигла и Поневѣжскихъ и Кейданскихъ составителей памфлетовъ.

Эта видимая неравномѣрность наказаній за одни и тѣже преступленія произошла главнымъ образомъ вслѣдствіе особаго ходатайства Новосильцева, по дѣламъ пяти тайныхъ обществъ, о степени виновности которыхъ, а равно и о мѣрѣ взысканій съ членовъ оныхъ, онъ подавалъ свое личное мнѣніе. Такъ, въ заключеніе своего всеподданнѣйшаго рапорта, онъ между прочимъ высказалъ слѣдующее:

„Законы, какъ Россійскіе, такъ и Литовскіе, опредѣляющіе наказанія за вышеозначенныя преступленія, столь ясны, что, предавъ суду оказавшихся на слѣдствіи виновными въ тѣхъ преступленіяхъ, нельзя не предвидѣть всѣхъ пагубныхъ послѣдствій, которыя должны ихъ постигнуть. Значительная часть молодыхъ людей, оказавшихъ весьма хорошіе успѣхи въ наукахъ, должны-бы пасть жертвою предъ строгостью законовъ. Непреклонность права или законовъ опредѣляющихъ наказаніе за преступленія безъ различія источника оныхъ, могла-бы многимъ изъ сихъ молодыхъ людей поставить вѣчную преграду загладить когда либо свою вину и быть еще полезными государству, когда помраченіе ума и ложныя мечтанія, возникшія отъ стеченія содѣйствовавшихъ тому обстоятельствъ, начнутъ уступать опытности и основательнымъ разсужденіямъ. Сверхъ сего не можно также не положить на вѣсы правосудія той горести, которая-бы поразила, и того вопля, которымъ наполнились-бы дома многочисленныхъ семействъ, ежели бы они увидѣли надежду, возложенную ими на дѣтей своихъ въ самомъ цвѣтѣ своемъ уже погибшею: тогда какъ та надежда, основываясь на полной

довѣренности къ университетскому начальству въ образованіи ума и сердца тѣхъ юношей, казалась бы достаточно оправданною".

„Съ другой стороны, входя въ духъ кроткаго и человѣколюбиваго правленія Всеавгустѣйшаго монарха нашего, котораго всѣ блаженствующіе подъ его скипетромъ народы благословляютъ, и зная, сколь тѣсно сопряжены съ сердцемъ Вашего Императорскаго Высочества чувствованія строгой справедливости съ чувствованіями милосердія, которое не жертвы требуетъ, но исправленія, я не обинуюсь пасть къ стопамъ вашимъ и слезно просить, чтобы высокимъ предстательствомъ вашимъ у престола, вмѣсто строгаго суда надъ виновными, употреблены были мѣры къ исправленію ихъ и къ отвращенію настоящаго и будущаго зла, отеческія мѣры, которыя, яко правительственныя по учебному вѣдомству, большею частію состоятъ въ распоряженіи самаго министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ".

„Не осмѣлился-бы я обратиться къ одной чувствительности Вашего Императорскаго Высочества, для преклоненія оной къ испрашиваемому мною милосердію, если-бы я не былъ убѣжденъ въ совѣсти моей, чрезъ долговременное изслѣдованіе, что вина преступниковъ возросла до той степени, въ которой она оказывается изъ слѣдствія, и такъ называемый духъ времени распространился столь далеко въ училищахъ Виленскаго округа единственно отъ нерадѣнія и послабленія вышняго университетскаго начальства и отъ устраненія себя мѣстными полицейскими властями отъ наблюденія за непозволенными дѣйствіями и предпріятіями со стороны учениковъ, равно какъ и отъ неупотребленія съ своей стороны нужныхъ мѣръ къ пресѣченію первыхъ къ тому поползновеній, о чемъ, если благоугодно будетъ Вашему Императорскому Высочеству, я буду имѣть счастіе представить особое донесеніе".

Предоставляя самимъ читателямъ судить о степени основательности весьма гуманныхъ отношеній Новосильцева къ подсудимымъ, мы обратимъ ихъ вниманіе на мѣры, предложенныя имъ Комитету и высочайше утвержденныя 14 Августа 1824 г., которыя, по его мнѣнію, долженствовали пресѣчь зло въ учебныхъ заведеніяхъ на будущее время.

При самомъ бѣгломъ сличеніи ихъ съ совершившимися фактами, ясно видно, что они были внушены Новосильцеву не столько сознательнымъ преслѣдованіемъ, въ смыслѣ національномъ, Русскихъ государственныхъ цѣлей, враждебно сталкивавшихся съ цѣлями Польскими, сколько желаніемъ серьезно противодѣйствовать злу разныхъ школьныхъ безпорядковъ, безъ строгаго соотношенія послѣднихъ къ ихъ вредному источнику. Причина такого ошибочнаго отношенія къ дѣлу заключалась въ его ошибочномъ взглядѣ на сѣверо-западный край, который онъ почему-то считалъ польскими губерніями и не переставалъ считать таковыми и въ позднѣйшую пору, когда на мѣсто

Чарторыйскаго самъ назначенъ былъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Посему, ясно сознавая враждебное Россіи настроеніе умовъ въ школахъ въ духѣ чисто-польскомъ и удаляя по этой причинѣ изъ университета профессоровъ; зная, что такое-же враждебное настроеніе господствуетъ не только въ Царствѣ Польскомъ, но и въ Германіи въ видѣ тайныхъ обществъ, носившихъ названіе „Полоній"; сознавая также, что если нельзя допустить существованія status in statu, то тѣмъ болѣе—patriae in patria, Новосильцевъ, подъ вліяніемъ своего ошибочнаго взгляда, смотрѣлъ на Польскіе безпорядки въ заведеніяхъ сѣверозападнаго края, какъ на преступленія противъ правительства въ отвлеченномъ смыслѣ и объяснялъ ихъ не порожденіемъ стремившейся къ господству въ Русскомъ краѣ польской идеи, а порожденіемъ, такъ называемаго, господствующаго духа времени и нерадѣніемъ училищнаго начальства. Другими словами: Новосильцевъ не имѣлъ правильнаго взгляда на дѣло русскаго государственнаго человѣка, вслѣдствіе чего и мѣры его оказались неудовлетворительными и не достигли желанныхъ результатовъ: сдерживая внѣшнія проявленія зла, онѣ мало искореняли его причины и еще менѣе давали преобладанія началамъ русскимъ, въ которыхъ заключается единственно прочное и надежное ему противодѣйствіе. Но такова была въ то время сила революціонной интриги пущенной въ ходъ и поддерживаемой политикою князя Чарторыйскаго.

Обольщенный внѣшнимъ видомъ спокойствія, водворившагося въ школахъ на самое короткое время, не столько впрочемъ вслѣдствіе новыхъ мѣръ, сколько вслѣдствіе страха, Новосильцевъ окончательно убѣдился въ ихъ цѣлесообразности и непреложности и, когда притихшіе Поляки смекнули, что дѣло далеко еще не проиграно, и страсти ихъ стали опять всплывать на поверхность, онъ сталъ жаловаться на эти проявленія, какъ на вліяніе общественной среды, совершенно забывая, что эта же среда учитъ и учится въ школахъ по такимъ же учебникамъ, какъ и прежде, и въ такомъ же духѣ. Этого мало: онъ даже не хотѣлъ признать неоспоримаго значенія за тѣми реформами, которыя предлагалъ Бѣлорусскій генералъ-губернаторъ князь Хованскій и которымъ суждено было осуществиться лишь спустя 40 слишкомъ лѣтъ послѣ того, какъ они были предложены.

Таковы были существенные недостатки мѣръ, которыя были предложены Новосильцевымъ и которыхъ не въ силахъ были восполнить ни его личное усердіе, ни неусыпная и даже суровая дѣятельность единомышленныхъ съ нимъ его помощниковъ.

Мѣры, предложенныя княземъ Хованскимъ, были слѣдующія: 1) „существующую въ школахъ систему преподаванія наукъ обратить въ чисто-русскую систему, по примѣру Кіевской губерніи; для чего отдѣливъ Бѣлорусскія гимназіи отъ Виленскаго учебнаго округа, подчинить

Московскому или С.-Петербургскому университету; 2) постановить непремѣннымъ правиломъ, чтобы всѣ предметы преподавались на Русскомъ языкѣ; 3) на основаніи уставовъ, изданныхъ для сихъ университетовъ, губернскимъ гимназіямъ подчинить всѣ прочія училища, въ коихъ юношество обучается для свѣтской жизни; 4) по примѣру С.-Петербургской гимназіи, учредить содержаніе нѣсколькихъ молодыхъ людей на казенномъ иждивеніи, заведя при сихъ институтахъ пансіоны и полупансіоны; 5) снабдить каждую гимназію хорошими библіотеками, коихъ нынѣ не имѣется, и доставить всѣ необходимо-нужныя пособія какъ для наукъ, такъ и для словесности, особенно Русской; 6) для закона Божія назначить трехъ законоучителей: по православному, римско-католическому и уніятскому исповѣданіямъ, 7) постановить правиломъ, чтобы учащіеся не вступали въ гражданскую службу, не окончивъ гимназическаго курса и безъ свидѣтельства въ хорошихъ успѣхахъ по Русской словесности; 8) наставниковъ, особенно-же директоровъ гимназій, присылать изъ коренныхъ Русскихъ, совершенно знающихъ тѣ предметы, которые они обязываются преподавать юношеству, и отличнаго поведенія, дабы достоинствами своими могли они пріобрѣсть довѣренность разнороднаго общества сего края и 9) основывать при гимназіяхъ ученыя общества, кои принесли-бы здѣсь большую пользу, ибо разныхъ системъ ученые люди, собираясь для совѣщанія о предметахъ просвѣщенія, могутъ получить единство мнѣній на пользу общественную".

Изо всѣхъ этихъ мѣръ принята была только одна—отдѣленіе Бѣлорусскихъ губерній отъ Виленскаго учебнаго округа, и то благодаря личной волѣ Государя Императора, который, соглашаясь со строгостію и осмотрительностію мѣръ Новосильцева, не могъ однако-же согласиться съ ошибочнымъ его взглядомъ, что Бѣлорусскія губерніи — губерніи Польскія, и что образованіе въ нихъ должно совершаться въ духѣ Польскомъ. Главнѣйшею помѣхою къ осуществленію мѣръ, предложенныхъ княземъ Хованскимъ, былъ Новосильцевъ, недружелюбно смотрѣвшій на нихъ даже и тогда, когда Бѣлорусскія губерніи были уже присоединены къ С.-Петербургскому учебному округу. Въ такомъ духѣ высказался онъ въ своемъ представленіи министру народнаго просвѣщенія, по случаю разныхъ безпорядковъ въ высшемъ Полоцкомъ Піарскомъ училищѣ.

„Юношество Бѣлорусскихъ губерній, по происхожденію своему, нравамъ, обычаю и языку, гораздо ближе къ здѣшнему, чѣмъ къ коренному Россійскому, и воспитаніе онаго должно быть устроено тѣмъ-же порядкомъ, какъ и здѣшняго. Не должно также полагать, что Бѣлорусскіе жители гораздо менѣе сохранили духа Польскаго національзма: многія обстоятельства могли-бы доказать тому противное".

„Для достиженія правительству той цѣли, дабы всѣхъ жителей пріобрѣтенныхъ отъ Польши губерній содѣлать совершенно себѣ преданными и вѣрными, не должно ни въ чемъ полагать между ними разницы, начиная съ самого воспитанія юношества, какъ основанія всего благоустройства. Только постепенными мѣрами и несильно дѣйствующими средствами можно произвести желанную перемѣну, такъ чтобы она была прочна".

„По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, осмѣливаюсь я полагать, что возвращеніе Бѣлорусскихъ губерній, а также и Кіевской, по прежнему Виленскому учебному округу было-бы величайшимъ для нихъ благодѣяніемъ, а равномѣрно принесло-бы пользу правительству, которое въ непродолжительномъ времени увидѣло-бы въ оныхъ тотъ самый порядокъ и устройство, какіе уже видны въ училищахъ, составляющихъ нынѣ Виленскій учебный округъ"...

Въ такомъ пріятномъ самообольщеніи и заблужденіи находились и новый ректоръ университета, Пеликанъ, прозванный Поляками: „людей и наукъ тираномъ", и новый попечитель учебнаго округа Новосильцевъ.

X.

Извѣстія о постановленіяхъ Комитета стали ходить въ Вильнѣ гораздо раньше полученія ихъ на мѣстѣ. Они были приняты какъ университетомъ, такъ и обществомъ различно: одни считали ихъ очень снисходительными, другіе же напротивъ крайне суровыми; были и такіе, которые не стѣснялись протестовать противъ нихъ явнымъ сочувствіемъ и соболѣзнованіемъ невиннымъ страдальцамъ.

„Нѣкоторыя изъ здѣшнихъ дамъ (доносилъ Новосильцеву отъ 24-го Сентября полиціймейстеръ Шлыковъ), а преимущественно г-жи Горецкая, Костялковская и вдова генерала Польскихъ войскъ Пончовская, занимаются собираніемъ денегъ въ пользу удаляющихся студентовъ. Складки сіи дѣлаются на вечерахъ, бывающихъ у Горецкой. Молодые люди въ публичныхъ мѣстахъ сдѣлались весьма тихими, скромными и болѣе вѣжливыми. Ходятъ слухи, будто въ самомъ университетѣ происходятъ раздоры—какіе?.. достовѣрно не знаю".

„Профессоръ Лелевель на сихъ дняхъ возвратился изъ Варшавы и съ большимъ огорченіемъ принялъ встрѣтившую его новость. Профессоръ Голуховскій еще не возвращался изъ Кракова; профессоры Даниловичъ и Бобровскій весьма чувствуютъ потерю своихъ мѣстъ. Послѣдній намѣревается ѣхать въ Петербургъ".

Для болѣе успѣшнаго осуществленія новыхъ постановленій ректоромъ назначенъ самый дѣятельный изъ профессоровъ, Венцеславъ Пеликанъ. Распущенное юношество нѣсколько угомонилось; но спокойствію

этому суждено было продолжаться лишь короткое время. При ближайшемъ знакомствѣ съ этими реформами, предводителямъ полонизма сдѣлалось ясно, что онѣ не только не опасны для польскаго дѣла, но даже недостаточно сильны, чтобы, при польскихъ начальникахъ и наставникахъ юношества, сдерживать внѣшнія его проявленія. По мѣрѣ того какъ онѣ приводились въ исполненіе, по прежнему стали появляться и прежніе безпорядки, сначала въ видѣ неудовольствія, глухо выходившаго изъ стѣнъ университета, а потомъ въ видѣ памфлетовъ, появлявшихся въ разныхъ школахъ. На тѣ и на другія Новосильцевъ смотрѣлъ, какъ на естественныя проявленія затаенной злобы, направленной исключительно противъ его личности за разслѣдованіе о тайныхъ обществахъ; онъ думалъ, что со временемъ все это исчезнетъ и продолжалъ свое дѣло, время отъ времени очищая учебныя заведенія отъ разныхъ подозрительныхъ лицъ, на сколько они заявляли себя таковыми своими преступными дѣйствіями. Тѣмъ съ большей энергіей слѣдилъ онъ за успѣхами осуществленія своихъ мѣръ въ школахъ, что на него были обращены глаза и вниманіе высшаго правительства.

Въ Ноябрѣ того-же 1824 года Новосильцевъ, при письмѣ отъ барона Дибича, получилъ изъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества бумагу, по которой требовалось отъ него объясненіе, и которая между прочимъ гласила:

1. „Извѣстный бунтъ, происходившій въ Вильнѣ чрезъ тамошнихъ студентовъ, хотя остановленъ, однако до основанія не исправленъ, ибо при всемъ стараніи сенатора Новосильцева, употребленный имъ для изслѣдованія сего происшествія Шукевичъ есть явный покровитель всякаго безпокойства и нарушитель присяги своему Государю. Доказательствомъ тому служитъ то, что г. Шукевичъ, бывъ до нашествія непріятеля въ предѣлы Россіи президентомъ департамента главнаго Гродненскаго суда, награжденный знаками отличія св. Владиміра 4 степени и св. Анны 2-й степени, какъ только показался Наполеонъ съ войсками своими въ Вильнѣ, забылъ благодѣянія своего Государя, вступилъ въ службу Наполеону и находился въ его гвардіи до самаго окончанія Французской войны. При томъ-же онъ совершенно преданъ картежной игрѣ и конечно не могъ быть безпристрастнымъ къ интересу въ такомъ дѣлѣ, гдѣ, по данному ему полномочію, имѣлъ всю возможность выставлять предъ начальствомъ виновными только тѣхъ, отъ кого ничѣмъ не могъ воспользоваться. А потому злѣйшіе умыслители сего буйственнаго происшествія могли быть имъ сокрыты".

2. „Вопреки Высочайшему указу, запрещающему самомалѣйшее покушеніе къ какимъ-бы то ни было тайнымъ обществамъ, находятся оныя въ Вильнѣ и въ другихъ уѣздныхъ городахъ, и производятъ свои

собранія безпрекословно и не только не приходятъ въ упадокъ, напротивъ время отъ времени еще усиливаются“ *).

Негодуя на несправедливость доноса въ одномъ изъ его показаній, именно что слѣдствіе по тайнымъ обществамъ производилъ не Шукевичъ, а особая коммиссія, Новосильцевъ такъ или иначе, но соглашается съ нимъ во всемъ остальномъ, т. е. что дурной духъ до основанія не истребленъ, что слѣдствіе произведено поспѣшно и не вполнѣ удовлетворительно и что по сему онъ продолжаетъ опое и по настоящее время.

Въ объяснительной запискѣ по сему дѣлу, препровожденой къ Цесаревичу, отъ 28 Декабря тогоже года, Новосильцевъ говорилъ между прочимъ слѣдующее:

„Что производимое мной слѣдствіе о случившихся въ Вильнѣ между студентами безпорядкахъ не достигло своей цѣли, именно, что извѣстный бунтъ, происходившій въ городѣ Вильнѣ чрезъ тамошнихъ студентовъ, хотя остановленъ мною, но до основанія не истребленъ, того никто оспаривать не будетъ, если только подъ словомъ бунтъ разумѣется дурной духъ, вселившійся въ обучающемся въ училищахъ Виленскаго учебнаго округа юношествѣ, и безпорядки, отъ того происходящіе... Достигнуть разомъ своей цѣли въ дѣлѣ столько трудномъ, многосложномъ и основанномъ на ложныхъ и превратныхъ ученіяхъ, продолжавшемся въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, или истребить также всѣ вредныя впечатлѣнія и дѣйствія, которыя таковое ученіе, или умышленное направленіе умовъ къ возмутительному духу, могло произвести надъ обучающимися, есть, по мнѣнію моему, предпріятіемъ сколько превосходящимъ силы и средства человѣческія, столько и противнымъ самимъ законамъ природы, по которымъ никакія сложныя перемѣны не производятся скачками, но постепенно.

„Быть можетъ, и даже весьма вѣроятно, что не всѣ члены Филаретскаго общества были открыты Слѣдственной Коммиссіей и что между тѣми, на которыхъ не было показано, могли остаться столь же вредные, какъ и дѣйствительно оказавшіеся таковыми по слѣдствію и высланные по той причинѣ изъ польскихъ губерній, но нѣтъ на то другаго средства, какъ при наблюденіи строгаго порядка, обращать вниманіе на поступки учащихъ и учащихся и очищать училища по мѣрѣ того, какъ кто нибудь изъ нихъ повлечетъ за собой основатель-

*) Въ 3-мъ пунктѣ этой бумаги говорится, что помѣщики укрываютъ крестьянъ при составленіи ревизскихъ сказокъ разными средствами, а въ 4-мъ, что крестьяне, вслѣдствіе злоупотребленій мѣстныхъ властей, за деньги добываютъ себѣ свидѣтельства на дворянское достоинство и остаются свободными отъ всякихъ повинностей. См. дѣло объ адъюнктѣ Вилен. университета Контримѣ, письмо Дибича отъ 21 Ноября 1824 г. съ приложеніемъ.

ное подозрѣніе. На тѣхъ правилахъ и высланы изъ университета четыре профессора, хотя на нихъ и не было показано, чтобы они принадлежали къ сему обществу. Послѣдствія обнаружили, что мѣра сія была не только справедливою, но и необходимо нужною, ибо она произвела уже ощутительную пользу. Въ такомъ точно положеніи находится Контримъ, адъюнктъ университета и библіотекарскій помощникъ. Подъ скромнымъ названіемъ адъюнкта, котораго онъ никогда не искалъ перемѣнять, сей хитрый и скрытный человѣкъ управлялъ долгое время, самымъ не примѣтнымъ образомъ, какъ университетомъ, такъ можно сказать и мнѣніемъ большей части здѣшней публики. Всѣ сіи собранныя мною на его счетъ свѣдѣнія были поводомъ, что я внутренно почиталъ его одною изъ главнѣйшихъ пружинъ возмутительной системы, но по разнымъ причинамъ не прежде могъ приступить къ рѣшительной мѣрѣ, какъ только по возвращеніи моемъ нынѣ въ Вильну. Возобновленное въ мой теперешній пріѣздъ надъ нимъ слѣдствіе утвердило его еще болѣе въ томъ мнѣніи, что, съ назначеніемъ меня въ кураторы, вся надежда продолжать коварные замыслы исчезла и онъ рѣшился подать просьбу объ увольненіи отъ службы, которая и препровождена мной министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. За симъ остается мнѣ только желать, чтобы утвержденіе сей отставки не замедлилось, а Ваше Императорское Высочество просить, дабы по полученіи оной ему воспрещенъ былъ въѣздъ въ Вильну" *).

„Кромѣ сихъ лицъ не мало есть еще и учителей и учениковъ, которые, со вступленіемъ моимъ въ должность, были удалены отъ мѣстъ и выключены изъ вѣдомства университета по той причинѣ, что исправленія отъ нихъ никакого ожидать было пельзя."

„Списокъ Филаретовъ имѣется въ виду съ тѣмъ, чтобы никого изъ нихъ не назначать на учительскія мѣста".

Такимъ образомъ, кромѣ мѣръ, Высочайше утвержденныхъ, Новосильцеву понадобились еще и другія, заключавшіяся въ постоянной очисткѣ учебныхъ заведеній отъ разныхъ подозрительныхъ лицъ и въ болѣе строгомъ пріемѣ кандидатовъ на учительскія мѣста. Мѣры эти

*) По полученіи отставки, Контриму приказано было оставить Вильну. Въ подпискѣ, взятой съ него по сему случаю, онъ просилъ остаться въ Вильнѣ до тѣхъ поръ, пока больной братъ его—каѳедральный прелатъ или не умретъ, или не выздоровѣетъ окончательно. Отвѣтъ онъ получилъ подтверждающій прежнее приказаніе Цесаревича. Контримъ уѣхалъ сначала въ имѣніе Пусловскаго, отстоящее на 3 версты отъ города и продолжалъ съ нимъ свои сношенія; Новосильцевъ выжилъ его отсюда. Онъ уѣхалъ въ другое имѣніе за 7 верстъ отъ города и продолжалъ съ нимъ прежнія сношенія; Новосильцевъ выжилъ его и отсюда. Наконецъ Контримъ уѣхалъ въ имѣніе Нестанишки Завилейскаго уѣзда и отсюда былъ вызванъ въ 1830 г. въ Варшаву министромъ Польск. финансов. кн. Любецкимъ для изданія и редактированія „Коммерческаго Вѣстника" съ жалованьемъ въ 6000 Пол. зл.,—вызванъ былъ къ самому мятежу.

были ему разрѣшены. Но какъ Новосильцевъ не перемѣнилъ своего взгляда на дѣло и польскіе безпорядки продолжалъ считать безпорядками господствующаго духа времени, то вмѣсто однихъ подозрительныхъ назначалъ другихъ, оказывавшихся такими же подозрительными, какъ и первые.

Въ слѣдующемъ 1825 году между „Филаретами“ началась оживленная переписка, а вмѣстѣ съ нею начались и прежнія волненія въ университетѣ. 4-го Октября ректоръ университета вошелъ къ Новосильцеву съ рапортомъ, что между студентами опять начинаетъ проявляться прежній духъ вольнодумства, и представилъ ему въ подлинникѣ слѣдующіе стихи:

„Настанетъ конецъ тиранамъ!“

„Творецъ держитъ судьбу ихъ на вѣсахъ.“

„Блеснетъ нежданно громовая стрѣла“.

„И величіе твое превратитъ въ развалины“.

По изслѣдованіямъ оказалось, что стихи эти составлены были двумя доказанными и однимъ недоказаннымъ Филаретомъ. Донося объ этомъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, Новосильцевъ писалъ между прочимъ:

„Ректоръ находитъ необходимымъ, дабы какъ сіи студенты, такъ и другіе, къ университетскому обществу не принадлежащіе Филареты, но проживающіе въ Вильнѣ безъ всякаго дѣла, были удалены изъ сего города, а въ особенности Петръ Держкофъ, человѣкъ превратныхъ правилъ и врагъ заведеннаго устройства и повиновенія между студентами, который, проживая въ Вильнѣ безъ дѣла и безъ должности, совращаетъ вновь прибывающихъ для наукъ молодыхъ людей, а по слухамъ собираетъ даже деньги и посылаетъ ихъ другимъ Филаретамъ.“

„Ободренный духъ между Филаретами происходитъ отъ того, что высланные изъ университета Филареты пишутъ къ нимъ изъ Петербурга, якобы они въ министерствѣ народнаго просвѣщенія хорошо приняты и даже снискали себѣ покровительство, чему я вовсе не вѣрю.“

„Сверхъ того ревностнѣйшій покровитель сего общества, извѣстный мнѣ по дѣламъ Слѣдственной Коммиссіи, дворянинъ Ходзько, получивъ нынѣ при министерствѣ финансовъ какое-то важное порученіе, вошелъ въ довѣренность у начальства и обнаруживаетъ покровительство своимъ товарищамъ.“

„Сей Ходзько, коего три сына были въ обществѣ Филаретовъ, былъ посылаемъ передъ симъ отъ университета въ званіи визитатора училищъ Виленскаго учебнаго округа и производилъ свои визитаціи съ извѣст-

нымъ Запомъ, главнымъ основателемъ общества Филаретовъ, состоявшимъ при немъ письмоводителемъ и такимъ образомъ распространилъ духъ сего общества не только между учениками, но даже и между учителями".

Возвращаясь къ прежнему факту, Повелильцевъ заключаетъ: „Хотя по обстоятельствамъ видно что корень оного еще существуетъ, но его *искать уже должно не въ училищныхъ заведеніяхъ*".

Но, спустя нѣсколько дней, онъ долженъ былъ убѣдиться, что корень оного существуетъ и въ училищныхъ заведеніяхъ. Въ концѣ Декабря того же года онъ получилъ извѣстіе о существованіи Свислоцкихъ и Бѣлостоцкихъ „Зорянъ", входившихъ отчасти въ третью степень общества „Военныхъ Друзей". Въ слѣдующемъ же году, т. е. 1826-мъ, ему пришлось выслушать длинный докладъ о безпорядкахъ, существовавшихъ и продолжавшихся въ Мозырскомъ повѣтовомъ училищѣ и Полоцкомъ Піарскомъ, а другой—о безпорядкахъ, совершавшихся въ стѣнахъ университета. Безпорядки университетскіе были уголовно-политическаго характера: составленъ былъ заговоръ противъ ректора университета Шеликана изъ видовъ патріотическо-польскихъ. Заговоръ былъ открытъ во время, и лица подозрительныя подвергнуты наказанію: профессоръ Онацевичъ былъ удаленъ отъ службы, студентъ Заха сданъ въ солдаты на Кавказъ, другіе студенты были уволены изъ университета. Въ меньшей мѣрѣ преступны, но болѣе характеристичны въ учебно-образовательномъ отношеніи были безпорядки Мозырскіе и Полоцкіе. Первые начались изъ побужденій частныхъ между служащими и продолжались очень долго. Нѣсколько разъ мирили спорящихъ визитаторы Виленскаго университета, но безуспѣшно. Наконецъ наряжено было слѣдствіе, во время котораго спорящіе и обнаружили всю уродливость свою и своего заведенія. Вторые имѣли характеръ скандалезно-политическій. Мы остановимся здѣсь на безпорядкахъ Мозырскихъ, какъ на очень рельефномъ проявленіи результатовъ дѣятельности Чарторыйскаго въ учебно-образовательномъ отношеніи.

Смотритель училища, такъ показывали во время слѣдствія подсудимые, не исполняетъ религіозныхъ обрядовъ, потому что онъ не то что простой массонъ, а массонскій *„эпопть"*. Мнѣнія общества своего онъ распространяетъ прежде всего и больше всего,—до такой степени, что даже жены жалуются на него, какъ на похитителя своихъ мужей. За то служебныя свои обязанности исполняетъ крайне предосудительно Съ учителями грубъ. Войдя въ классъ, онъ обыкновенно кладетъ свою шапку, перчатки и палку на столъ, подъ носъ учителямъ, за что они негодуютъ на него, считая это признакомъ оскорбленія. На безпорядки въ заведеніи не обращаетъ никакого вниманія; самъ возвращаетъ назадъ отнимаемыя у учениковъ *трубки* и *ружья* и даже проповѣдуетъ имъ иной разъ волность. Онъ любитъ *выпить*. Шолмо, учитель

обыкновенно доставляетъ ему водку; пьетъ онъ по два графина, а если бываетъ у ксендза, то одинъ графинъ. Между учителями производитъ *котеріи* и скрываетъ не рѣдко важныя бумаги, прямо относящіяся къ его подчиненнымъ.

Ксендзъ-капелланъ лѣнивъ въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей, *пьетъ водку* и вѣчно на чужой счетъ; между учителями тоже составляетъ котеріи и даже дерется; такъ съ палкой въ рукѣ онъ нападалъ на учителя *Хруцкаго*, на паперти костельной, и не избилъ его только потому, что былъ *пьянъ* и не могъ догнать; а съ учителемъ *Архимовичемъ* подрался. Куда ни идетъ ксендзъ-капелланъ, всегда беретъ съ собой прислужника, который долженъ нести капелланов скій *батожекъ;* имъ творитъ онъ судъ и расправу, гдѣ ни попало. Ботожекъ этотъ не забывается капелланомъ даже и тогда, когда идетъ онъ въ костелъ совершать церковную службу. Случится ли ксендзу-капеллану озлиться на кого-нибудь, или негодовать, и въ это время говорить проповѣдь, то онъ поражаетъ своихъ враговъ съ костельнаго амвона, называя ихъ прямо по фамиліи.

Учитель *Юшкевичъ* подаетъ дурной примѣръ своимъ ученикамъ и одобряетъ ихъ дерзкіе поступки. Разъ даже въ засѣданіи совѣта онъ выразился, что вздорные ученики имъ и нужны. Возвращаясь съ охоты, носитъ своему смотрителю водку и просиживаетъ у него цѣлыя ночи, за что злится на него жена и однажды даже подралась съ нимъ. Самъ Юшкевичъ подрался однажды съ учителемъ Архимовичемъ.

Учитель *Архимовичъ* вообще оказываетъ большое свирѣпство и дерется, съ кѣмъ ни попало. Учениковъ своихъ бьетъ плетьми и батогомъ, а ученику Савицкому разбилъ даже голову въ 1821 году. Досталось отъ него и орѣхи и ксендзу-капеллану, и женѣ учителя Юшкевича, и самому Юшкевичу, и учителю Хруцкому. Онъ вѣчно *пьянъ*,— даже въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ; начальства не уважаетъ и однажды смотрителя назвалъ *болваномъ*, въ педагогическомъ засѣданіи. Кромѣ этого переписывается съ „Филаретами“. (Дѣйствительно, въ бумагахъ его найдено было письмо „Филарета“ Ежовскаго отъ 20 Ноября 1821 года, въ которомъ этотъ послѣдній проситъ его быть корреспондентомъ).

Учитель *Витаковскій* грубо обращается какъ съ учениками, такъ и съ надзирателями; постоянно возстаетъ противъ своего начальства и безчеститъ его какъ предъ подчиненными, такъ и предъ обществомъ; составляетъ между служащими „котеріи“ и вѣчно *пьетъ*.

Учитель *Хруцкій* принадлежитъ къ Свислоцкому *науковому обществу*; онъ проповѣдуетъ, что его *загнали* въ Мозырь между прочимъ за то, что въ молитвѣ было *вычеркнуто имя Государя;* что такая-же участь постигла и всѣхъ учителей Свислоцкой гимназіи. Какъ сторонникъ смотрителя, онъ старается наносить вредъ его антагонистамъ.

Учитель *Шолмо* принадлежитъ къ обществу *Анти-филоматовъ* и *Анти-променистовъ*, предсѣдателемъ котораго былъ *Абрамовичъ* и секретаремъ *Ждановскій;* переписывается съ анти-променистомъ *Сеньковскимъ*, который спрашивалъ его между прочимъ—будетъ-ли онъ принадлежать къ массонамъ или нѣтъ?

Учитель *Брейеръ*—настоящій массонъ и пропагандистъ. Вмѣсто уроковъ Французскаго языка, онъ даетъ ученикамъ уроки *массоніи* Старался привлечь въ общество и ксендза-капеллана и учителя Витаковскаго и съ этою цѣлью не только вступалъ съ ними въ объясненія, но даже давалъ Витаковскому Dictionnaire Philosofique, въ которомъ изложены уставы этого общества. Желалъ открыть въ Мозырѣ массонскую ложу, для чего не доставало только одного члена.

Кромѣ всего этого, члены педагогическаго совѣта не посѣщали своихъ засѣданій и не исполняли совѣтскихъ постановленій.

Подъ вліяніемъ такихъ цивилизаторовъ, Мозырское псвѣтовое училище приняло характеръ чего-то весьма страннаго и невѣроятнаго.

Ученики не ходили ни въ церковь, ни въ классы, а бродили все это время по улицамъ. Формы не соблюдали,—носили какія-то чуйки, а форменные воротники пришивали или къ жилетамъ, или къ рубахамъ. Ученикъ Коперницкій, когда ему приказано было надѣть мундиръ, украсилъ свою голову еврейской шляпой и въ такомъ видѣ расхаживалъ и предъ учениками, и по городу. Во время классовъ вели себя и неприлично, и дерзко; при выходѣ учителей терлись о ихъ спины и ни во что не ставили ихъ приказаній. Однажды ночью напали на домашняго надзирателя и хотѣли избить его батогами; на учителей-же пишутъ пасквили. Все это проходило имъ даромъ, безъ всякихъ наказаній. Внѣ школы они не знали и не признавали надъ собой никакого начальства. Устраивали загородные пикники и гулянья, постоянно ходили на охоту, ухаживали за женщинами, танцовали и забавлялись спектаклями. Такъ въ именины смотрителя устроили однажды какой-то траспорантъ изъ *живыхъ, полуобнаженныхъ нимфъ* на открытомъ мѣстѣ, обезопасивши себя при этомъ вооруженной стражей, во главѣ которой стоялъ сынъ смотрителя, декламировавшій, во время дозора, стихи. Въ домѣ-же Коперницкой—постоянные вечера и танцы. Если происходили такія вещи, то небыло, конечно, ничего страннаго, что ученики нападали среди бѣлаго дня на сады и производили въ нихъ опустошенія. Разъ изволили ихъ православные монахи и сорвали съ головъ шапки, но поплатились за это собственными боками; жалоба же ихъ осталась безъ всякихъ послѣдствій. Во время споровъ бросали другъ въ друга *ножами и другими убійственными орудіями.*

Чтобы повѣять на читателя дуновеніемъ *подлинной*, такъ сказать, современности, мы представимъ ему описаніе одного случая, какъ оно вылилось изъ-подъ пера современника, принимавшаго въ немъ участіе.

„Приношу вторичную жалобу," писалъ учитель *Хруцкій* визитатору *Бержману* въ 1826 году на *капеллана* и учителя *Архимовича*. По отъѣздѣ г. визитатора, они опять начали кутежи, чередуясь другъ съ другомъ. 17-го Іюня, т. е. въ день Божьяго Тѣла, они вмѣстѣ съ Витаковскимъ пировали до пѣтуховъ. Потомъ безъ капеллапа пришли въ пьяномъ видѣ въ костелъ и, конечно, не могли не обратить на себя всеобщаго вниманія и публики и учениковъ... (Слѣдуетъ подробное описаніе ихъ нетрезвыхъ поступковъ въ костелѣ). Когда-же началась процессія, и публика замѣтила, что мало ксендзовъ, то я посовѣтовалъ смотрителю послать за капелланомъ. При этомъ находился и Витаковскій. Капелланъ явился."

„По окончаніи службы я выходилъ изъ костела послѣднимъ и встрѣтился съ ксендзомъ-капеллапомъ, который шелъ съ палкою въ рукѣ. Когда мы вышли на костельную паперть, то капелланъ взялъ меня за руку и сказалъ: „Г. Хруцкій! Я хочу вамъ кое-что сказать," и повелъ меня за костелъ. Здѣсь онъ спросилъ: „что вы тутъ значите?" Я отвѣчалъ ему: „тоже что и вы, потому что и я такой-же учитель, какъ и ксендзъ-капелланъ". Капелланъ опять спросилъ меня: „а какое вамъ дѣло до того, что меня не было въ костелѣ, и къ чему вы подговариваете смотрителя, чтобы онъ посылалъ за мной?" „А такое, отвѣчалъ я, что согласно подпискѣ, взятой съ насъ университетомъ, мы отвѣтственны другъ за друга, и за учениковъ". Ксендзъ-капелланъ замахнулся на меня палкою и хотѣлъ ударить; но я отскочилъ отъ него, говоря: „Ксендзъ-капелланъ! Вы теперь пьяны, и съ вами я поговорю въ другое, болѣе удобное время"... Но не успѣлъ я досказать этихъ словъ, какъ увидѣлъ идущаго на меня съ другой стороны Архимовича и тоже грозящаго палкою. Сказавши и Архимовичу, что, явившись въ костелъ въ пьяномъ видѣ, онъ осрамилъ и школу, и свое званіе, *я быстро выскочилъ* на улицу и не зналъ, куда мнѣ бѣжать—къ смотрителю, или же въ полицію? За мною же гнались мои противники и, не могши настигнуть, издали осыпали меня угрозами и бранью, что они изобьютъ меня на этомъ-же мѣстѣ палками, что надѣнутъ на меня цѣпи и упекутъ въ тюрьму; что я ссыльный и т. д. Все это слышали въ квартирѣ Гораиновыхъ".

„Я пошелъ къ смотрителю искать у него защиты и безопасности. Найдя у него гостей, я выжидалъ удобнаго времени, чтобы объясниться, какъ вдругъ за мной явился сюда и Архимовичъ. Онъ поднялъ такой шумъ, что разбѣжались всѣ гости и продолжалъ осыпать меня ругательствами: *что я свинья на горѣ между другими свиньями, что я вышелъ изъ-подъ кнута, что я „Филаретъ", массонъ*... Словомъ, онъ говорилъ мнѣ все, что только могутъ породить самые грубые обычаи и *пьянство*.

«Вотъ вѣрное изображеніе того случая, при которомъ я остался оскорбленнымъ, униженнымъ и небезопаснымъ на счетъ своей личности отъ ксендза-капеллана и учителя Архимовича."

„Поручая себя покровительству г. визитатора, честь имѣю быть и пр. Хруцкій."

Такъ какъ на очныхъ ставкахъ всѣ остались при своихъ показаніяхъ, то коммиссія, составленная при университетѣ, нашла, что *большинство* обвиненій—неосновательно, что споры между подсудимыми произошли вслѣдствіе личныхъ неудовольствій другъ противъ друга. Главнѣйшими виновниками ихъ были признаны: *смотритель, все покрывавшій и ксендзъ-капелланъ* вмѣстѣ *съ Архимовичемъ все творившіе.* Опредѣлено: *смотрителя, капеллана и Архимовича*—удалить; *Витаковскаго* перевести въ другое училище и взыскать съ него половину издержекъ, затраченныхъ на слѣдствіе; съ остальныхъ-же только взыскать другую половину издержекъ.

Таковы были проявленія въ Мозырѣ цивилизующей польской дѣятельности, которая, впрочемъ, подъ дрессированными перьями ея *панегиристовъ* принимала розовый колоритъ чего-то обязательнаго для людей съ *Кіевскими* обычаями; въ дѣйствительности-же составляла не что иное, какъ вопіющія преступленія, по собственному сознанію самихъ дѣятелей.

Такія ненормальныя проявленія въ учебно-образовательной дѣятельности Виленскаго учебнаго округа не могли не побуждать Новосильцева къ изысканію другихъ мѣръ для искорененія зла,—и онъ шелъ дальше. По ходатайству его въ 1826 году послѣдовало распоряженіе о назначеніи ректоровъ Виленскаго университета отъ правительства; въ этомъ-же году, вслѣдствіе ревизіи Бѣлорусскихъ училищъ профессоромъ Сеньковскимъ, вышло новое распоряженіе о назначеніи гражданскихъ лицъ на мѣста смотрителей въ школы, содержимыя Римско-католическимъ духовенствомъ; въ 1828 году уніатамъ воспрещено было посылать своихъ питомцевъ въ главную Литовскую семинарію; въ 1829 году изъяты были изъ вѣдѣнія Виленскаго университета всѣ фундушевыя имѣнія и переданы въ распоряженіе министерства финансовъ. Но ни эти мѣры, ни предыдущія не могли ни ослабить прежняго направленія въ школахъ, ни отклонить ихъ отъ участія въ событіяхъ 1831 года.

XI.

Мятежъ 1831 года ясно показалъ Русскому правительству, чего слѣдовало ожидать отъ дальнѣйшаго развитія дѣятельности Виленскаго учебнаго округа въ прежнемъ направленіи. Учебныя заведенія его, начиная съ университета и кончая уѣздными училищами, не только выражали свое сочувствіе инсургентамъ, но очень часто оказывали имъ и дѣятельное пособіе. И учителя и ученики въ одинаковой мѣрѣ переходили на ихъ сторону и въ числѣ первыхъ произносили на площадяхъ публичную присягу революціонному знамени; въ нѣко-

торыхъ училищахъ на алтарь польской справы были отдаваемы даже казенныя суммы. Изъ слѣдственныхъ дѣлъ этого времени нельзя не видѣть, что мятежническіе центры образовались и появлялись чаще всего тамъ, гдѣ были училища.

Такія печальныя событія, ставившія Русское правительство въ серьезныя затрудненія и требовавшія отъ Русскаго народа большихъ пожертвованій для умиротворенія края, не могли на этотъ разъ не вызвать болѣе рѣшительныхъ мѣръ, нежели какія предпринимались до того времени. Виленскій учебный округъ былъ сокращенъ и преобразованъ на новыхъ началахъ. Одна часть его отошла къ новому учебному округу—Кіевскому, другая къ округу Бѣлорусскому. Виленскій университетъ былъ переведенъ въ Кіевъ; въ Вильнѣ оставлена была только медицинская академія съ ветеринарнымъ отдѣленіемъ. Русскій языкъ получилъ права гражданства, и преподаватели его стали именоваться учителями старшими. Вмѣстѣ съ Русскимъ языкомъ въ курсъ преподаванія включены были еще Русская исторія и статистика; предметы эти должны были преподаваться на языкѣ русскомъ. Нѣкоторыя изъ правительственныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ подавленіи мятежа, какъ напримѣръ графъ Строгановъ, предлагали еще болѣе рѣшительныя мѣры—именно: назначеніе на преподавательскія мѣста лицъ Русскаго происхожденія; но этой мѣрѣ суждено было осуществиться лишь по истеченіи 30 лѣтъ. Надъ виновными назначена была слѣдственная коммиссія; одни изъ нихъ подвергнуты были наказанію, другіе прощены, но главнѣйшіе коноводы успѣли эмигрировать за границу. Въ числѣ послѣднихъ находились: князь Чарторыйскій, приговоренный къ отсѣченію головы, и профессоръ Лелевель, приговоренный къ повѣшенію; оба они сдѣлались потомъ главами двухъ заговорныхъ лагерей Польской эмиграціи. Первый открылъ „*Ламберовъ отель*“, второй сдѣлался главою „*красныхъ*“. Мы упоминаемъ здѣсь о Польской эмиграціи потому, что дѣятельность ея имѣла очень большое вліяніе на ходъ позднѣйшихъ событій въ западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ, а въ частности имѣла вліяніе и на учебныя заведенія.

XII.

Такія рѣшительныя мѣры не могли не произвести подавляющаго вліянія на польскую разнузданность и своеволіе; появленіе на службу въ учебныя заведенія лицъ Русскихъ по происхожденію еще болѣе придавало имъ силы и значенія. Преподаватели-поляки присмирѣли и поставлены были въ необходимость точно и неуклонно исполнять предписанія закона.

Казалось-бы, что съ этого времени Русское дѣло окрѣпнетъ и пойдетъ впередъ твердыми и прочными шагами; но подъ вліяніемъ разныхъ

правительственныхъ послабленій и уступокъ противной сторонѣ, происходившихъ вслѣдствіе отсутствія правильнаго, опредѣленнаго взгляда на положеніе дѣлъ въ краѣ и всегда порождавшихъ вѣчныя колебанія и нерѣшительность въ распоряженіяхъ самого правительства, это дѣло скоро очутилось почти въ прежнемъ состояніи. Ударъ, нанесенный полонизму закрытіемъ Виленскаго университета, былъ очень силенъ: онъ разорялъ его гнѣздо и разбрасывалъ въ разныя стороны его сплоченныхъ адептовъ; но онъ не создалъ на его мѣстѣ такого-же Русскаго гнѣзда, которое одно въ состояніи было и парализировать Польскія начала, и водворять начала Русскія. Разрозненныя элементы полонизма, по мѣрѣ того какъ сплачивали ихъ въ одно цѣлое, оказывались на столько сильными, что успѣвали придавать заведеніямъ характеръ чисто польскій, со всѣми его зловредными проявленіями. Разныя правительственныя послабленія и уступки, какъ мы замѣтили выше, еще болѣе содѣйствовали этому злу, поселяя надежды на возвращеніе къ прежнему въ полякахъ, и нерѣшительность и боязнь—въ русскихъ. Они производили тѣмъ большее вліяніе, что совершались постепенно и незамѣтно. Такой поворотъ къ прежнему начался вскорѣ послѣ 1831 года. Преподаватели поляки, оказавшіеся виновными въ соучастіи въ мятежѣ сначала были отрѣшены отъ своихъ должностей; болѣе виновнымъ воспрещено было заниматься обученіемъ юношества; но, благодаря ходатайствамъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, къ которымъ обращались они съ мольбами объ облегченіи ихъ участи, и тѣмъ и другимъ были розданы мѣста по учебному вѣдомству, или въ другихъ заведеніяхъ западнаго края, или-же во внутреннихъ губерніяхъ Россіи.

По мѣрѣ того какъ образовывались въ школахъ Польскіе учительскіе составы, въ нихъ пробуждалось и прежнее направленіе съ той только разницею, что подъ вліяніемъ болѣе строгаго правительственнаго контроля, подъ вліяніемъ также присутствія въ заведеніяхъ лицъ Русскихъ, въ это время труднѣе было скрывать разныя анти-русскія проявленія въ учащейся молодежи, нежели какъ это дѣлалось прежде. И начальники заведеній, и преподаватели поляки сдѣлались осторожнѣе и взыскательнѣе къ своимъ питомцамъ. Запальчивое Польское юношество, съ одной стороны не понимавшее, или не хотѣвшее понять истинныхъ причинъ такихъ отношеній къ нему своихъ-же соотчичей, а съ другой, быть можетъ, ясно видѣвшее въ нихъ недостойныхъ лицемѣровъ, вдавалось не рѣдко въ крайность и считало своимъ долгомъ въ такой-же мѣрѣ ненавидѣть и своихъ, въ какой оно ненавидѣло Русскихъ. Вотъ образчикъ такихъ недоразумѣній, вылившихся изъ подъ пера ученика V класса Свислоцкой гимназіи въ 1839 году:

„Все пропало! Теперь время танцовать. Танцуйте-же, мои милыя Польки. Ахъ, какъ несносно мнѣ, когда я иду цѣловать васъ, мои

милые наставники, запятанные нашею кровью! Берегитесь! Ваши руки опираются о мужественный хребетъ воина! Съ вашихъ мундировъ и заржавѣлыхъ клинковъ еще не стерлась кровь нашихъ братьевъ, и свѣжія могилы ихъ желтѣютъ еще свѣжимъ пескомъ; мечи враговъ чернѣютъ еще отъ крови, которую Сарматка прикрывала своей одеждой, а крѣпостные валы уже разбиты ихъ ядрами! Не разъ стоялъ тамъ благородный начальникъ и мужественною рѣчью воспламенялъ своихъ воиновъ"... Автору этого стихотворенія, въ силу постановленія педагогическаго совѣта гимназіи, дали 30 розогъ и исключили изъ гимназіи

Ненависть усиливалась подъ вліяніемъ Польской общественной среды, сдѣлавшейся жертвой революціонныхъ происковъ эмиграціи. Съ 1835 года въ западный край были высланы Польскіе эмиссары подъ предводительствомъ Конарскаго. Возбуждая противъ Россіи всѣхъ, эти люди не оставляли въ покоѣ и учебныхъ заведеній западнаго и югозападнаго края. Кіевскій университетъ и Виленская медицинская академія были взяты подъ непосредственную опеку Конарскаго. Въ 1838 году заговорщики были открыты. Опять назначена слѣдственная комиссія въ Вильнѣ подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Кавелина. Въ 1839 году Конарскій былъ казненъ. Въ этомъ-же году послѣдовали аресты въ Виленской медицинской академіи и другихъ учебныхъ заведеніяхъ Бѣлорусскаго округа. Дѣло это началось съ поимки на границѣ двухъ студентовъ академіи—Возняковскаго и Рокицкаго и одного ученика гимназіи, у которыхъ были найдены заряженные пистолеты, ножи и возмутительныя брошюры; они хотѣли было бѣжать за границу. При слѣдствіи оказался виновнымъ и президентъ академіи Кучковскій, въ томъ, что зналъ о вредномъ направленіи учащихся и скрывалъ; студентовъ очень виновныхъ нашлось 16, менѣе виновныхъ—нѣсколько десятковъ.

Въ 1842 г. Виленская академія была закрыта; въ періодъ-же времени съ 1839 года по 1842-й студентамъ предоставлено было поступать въ разные Русскіе университеты; большая часть ихъ была отправлена на казенный счетъ и во время ученія получала стипендіи отъ Бѣлорусскаго учебнаго округа. Съ закрытіемъ академіи исчезла въ Вильнѣ послѣдняя тѣнь бывшаго здѣсь университета, который, просуществовавши въ Русскомъ краѣ безъ малаго 30 лѣтъ, успѣлъ оказать Польскому дѣлу такія услуги, какихъ только могло ожидать самое пламенное воображеніе польскихъ патріотовъ.

Подъ вліяніемъ постоянной и продолжительной борьбы съ политическими броженіями въ учебныхъ заведеніяхъ, лица, стоявшія тогда во главѣ учебнаго округа, выработали себѣ самый странный взглядъ на отношенія свои къ безпорядкамъ учащихся. Мы разумѣемъ здѣсь систему игнорированія разныхъ анти-русскихъ проявленій въ средѣ учащейся молодежи. Такая система продолжалось болѣе 10 лѣтъ. Учебный

округъ усвоилъ ее съ 1830 годовъ, придерживался ея до 50 годовъ и, не смотря на всю ея безплодность, считалъ очень удачною даже въ то время, когда дѣйствительность указывала на противоположные результаты. Вотъ подлинныя слова объяснительной записки управляющаго учебнымъ округомъ, по поводу новыхъ безпорядковъ 1847 года:

„Въ секретномъ донесеніи отъ 17-го Іюня 1839 года за № 37, попечитель Бѣлорусскаго учебнаго округа имѣлъ честь довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, что и въ казенныхъ заведеніяхъ встрѣчаются иногда подобные случаи (т. е. политическіе безпорядки), но что училищное начальство старалось оканчивать ихъ безъ формальныхъ преслѣдованій и безъ огласки, находя неудобнымъ подвергать учениковъ, у коихъ открываемы были запрещенныя патріотическія сочиненія, формальному суду и выставлять ихъ чрезъ то политическими преступниками, такъ какъ подобная мѣра, кромѣ ропота родителей, имѣетъ еще и то неудобство, что, придавая провинившимся особенную важность въ глазахъ ихъ соучастниковъ, возбуждаетъ въ нихъ мысль, что они могутъ быть принимаемы за людей самостоятельныхъ и совершеннолѣтнихъ; а это порождаетъ въ молодыхъ умахъ кичливость и ведетъ иногда къ проступкамъ, которые мы хотимъ предупредить строгостію наказанія."

Далѣе въ запискѣ восхваляется плодотворная дѣятельность этой мѣры въ томъ смыслѣ, что послѣ 1839 года „*количество безпорядковъ, вынуждаемыхъ случаемъ, было очень не значительно*". Весьма понятно, что такихъ безпорядковъ не существовало-бы и вовсе, если-бы прямо было приказано училищному начальству не доводить о нихъ до свѣдѣнія окружнаго начальства. Къ несчастію, дѣйствительность говорила совершенно другое.

XIII.

Затишье, водворившееся въ учебныхъ заведеніяхъ послѣ вторичнаго погрома, было очень не продолжительно. Не прошло и пяти лѣтъ, какъ снова пришлось составлять комиссію и разбирать между учащими и учащимися прежніе безпорядки. Событія 1846—1847-хъ годовъ нашли себѣ отраженіе въ училищахъ Бѣлорусскаго учебнаго округа, съ той только разницей противъ прежняго, что на этотъ разъ въ числѣ лицъ, принимавшихъ въ нихъ участіе, оказалось очень много женщинъ, воспитанницъ и гувернантокъ.

Волненія 1846—1847 годовъ совершенно похожи на предыдущія: тѣ-же заговорныя общества между учениками, тѣ-же подметныя письма учителямъ и директорамъ, наполненныя угрозами и ругательствами, тѣже самовольные побѣги изъ заведенія, Польскія патріотическія сочиненія и манифестаціи. Между лицами, производившими волненія въ заведеніяхъ, кромѣ своихъ служащихъ, были также и посторонніе—

разные Польскіе жолнеры и мѣстные обыватели. Одинъ изъ такихъ обывателей Сѣраковскій сказалъ между прочимъ ученикамъ, заговорившимъ съ нимъ въ заведеніи по-русски, слѣдующій замѣчательный укоръ: „*увы, вы обрусѣли*“. Виновныхъ учениковъ оказалось по слѣдствію до 56. По постановленіямъ слѣдственной комиссіи, имъ пришлось получить болѣе 5000 ударовъ палками; Бѣлорусскій-же округъ получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія въ 1850 году слѣдующее предписаніе:

„При разсмотрѣніи извѣстнаго дѣла о трехъ злоумышленникахъ, открыто, что преступные замыслы по ниспроверженію существующаго въ Россіи государственнаго устройства возникли большею частію между людьми молодыми, недавно окончившими курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.“

„Обстоятельство это ведетъ къ заключенію, что настоящія наблюденія относительно духа и направленія преподаванія въ общемъ недовольно еще бдительны, и что нѣкоторые изъ преподавателей сами содѣйствуютъ къ превратному направленію понятій между учащимися, какъ это доказывается и найденными у преступниковъ лекціями и программами преподавателей, въ которыхъ допущены вредныя для существующаго порядка сужденія.“

„Посему Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: усилить строгость наблюденія со стороны непосредственныхъ начальниковъ учебныхъ заведеній за общественнымъ обученіемъ, какъ относительно духа и направленія преподаванія вообще, такъ и относительно строгаго выбора учителей и повѣрки ихъ преподаванія“.

Въ это же время состоялось преобразованіе учебныхъ округовъ; опять образованъ былъ Виленскій учебный округъ изъ губерній, входившихъ въ составъ Виленскаго генералъ-губернаторства, Губерніи эти были: Виленская, Ковенская, Гродненская и Минская; губерніи-же Витебская и Могилевская присоединены къ округу Петербургскому. Попечителемъ назначенъ былъ генералъ-губернаторъ Бибиковъ 2-й.

XIV.

Прежде чѣмъ приступимъ къ изложенію дальнѣйшихъ событій, считаемъ здѣсь необходимымъ сказать нѣсколько словъ о ходѣ женскаго образованія въ западномъ краѣ.

Во время открытія Виленскаго учебнаго округа, западно-Русскія женщины получали свое образованіе или у гувернантокъ, или-же въ школахъ, находившихся при женскихъ Римско-католическихъ монастыряхъ. Образованіе перваго рода было доступно только для классовъ зажиточныхъ и совершалось во вкусѣ иностранномъ; образованіе втораго рода отличалось характеромъ Польско-католической исключитель-

ности. То и другое было крайне недоступно для дѣвицъ русскаго происхожденія. Вступивши въ управленіе учебнымъ округомъ, князь Чарторыйскій хотѣлъ было забрать въ свои руки и образованіе женщинъ; съ этою цѣлью составленъ былъ проэктъ Гуго Колонтаемъ для открытія въ Кременцѣ женской учительской семинаріи съ пансіономъ; но этому воспротивилось Римско-католическое духовенство, и женскія школы, по распоряженію высшаго правительства, остались въ вѣдѣніи монастырей. Не желая однако-же оставлять въ сторонѣ этого важнаго дѣла, тѣмъ болѣе, что образованіе, получаемое отъ гувернантокъ, не соотвѣтствовало цѣлямъ ополяченія, учебный округъ прибѣгъ къ системѣ частныхъ женскихъ пансіоновъ, и они были открыты въ большихъ городахъ. Преподаваніе въ нихъ шло въ духѣ патріотическо-Польскомъ. Въ слѣдственныхъ дѣлахъ Новосильцева относительно этого вопроса есть одно очень замѣчательное заявленіе одного содержателя Виленскаго пансіона—благонамѣреннаго Нѣмца; въ немъ говорится, что вожакъ „Филаретовъ“ Томашъ Занъ, въ качествѣ преподавателя исторіи, излагалъ на урокахъ дѣвицамъ не исторію, а Польскій націонализмъ, вопреки желанію и протестамъ содержателя. Впослѣдствіи были открыты два института: Бѣлостоцкій и Пипенбергскій. Въ такомъ видѣ оставалось это дѣло до 1840-хъ годовъ. Съ этого времени правительство стало обращать на этотъ важный предметъ болѣе серьезное вниманіе, и результатомъ оного было открытіе нѣсколькихъ школъ для дѣвицъ бѣднаго состоянія. Съ 1846-го года стали открываться въ большихъ городахъ такъ называемые образцовые пансіоны; они отличались отъ частныхъ пансіоновъ тѣмъ, что въ курсы ихъ преподаванія включены были Русскій языкъ и Русская исторія, и заведенія эти находились подъ вѣдѣніемъ учебнаго вѣдомства. За это содержателямъ такихъ пансіоновъ выдавалась отъ правительства субсидія въ 1500 р. Цѣль этихъ субсидій была двоякая: съ одной стороны—поставить образцовые пансіоны въ лучшее положеніе сравнительно съ пансіонами частными, а съ другой предохранить содержателей такихъ пансіоновъ отъ убытковъ, въ случаѣ нежеланія родителей-Поляковъ отдавать къ нимъ на воспитаніе своихъ дѣтей. Мѣра эта, впрочемъ, не имѣла ожидаемыхъ отъ нея благихъ послѣдствій по той простой причинѣ, что въ какой степени введеніе въ курсъ преподаванія Русскаго языка и Русскокой исторіи отталкивало отъ образцовыхъ пансіоновъ воспитанницъ-Полекъ, въ такой-же точно степени содержатели этихъ пансіоновъ, чтобы не испытывать матеріальныхъ потерь вслѣдствіе удаленія отъ нихъ этихъ воспитанницъ по нерасположенности къ Русскимъ предметамъ, должны были вести у себя учебное дѣло въ такомъ направленіи, какое было желательно для цѣлей Польскихъ. Въ дѣйствительности такъ оно и было. Факты, обнаруженные слѣдственною комиссіей въ 1847 году, ясно показали, что, получая отъ правительства субсидіи,

содержатели пансіоновъ—даже *благонамѣренные Нѣмцы* служили въ тоже врема и Польскому дѣлу. Таковъ, между прочимъ, былъ образцовый пансіонъ Германа въ Вильнѣ, изъ котораго до 16 дѣвицъ оказалось виновными во враждебныхъ Россіи замыслахъ и дѣйствіяхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣвицъ еще учились въ пансіонѣ, другія-же успѣли изъ него выйти и пропагандировали Польскія начала въ качествѣ гувернантокъ.

Чтобы ознакомить читателя съ характеромъ направленія этихъ дѣвицъ, мы приведемъ здѣсь въ переводѣ нѣсколько отрывокъ изъ дневника одной изъ нихъ А. Б., который хранится при слѣдственныхъ дѣлахъ того времени.

„13 Марта 1846 года".

„Боже! Что происходитъ въ этой бѣдной Вильнѣ! Весь городъ, всѣ жители только и говорятъ что объ этомъ возстаніи... Одни приносятъ вѣсти пріятныя, другіе разглашаютъ совершенно противное; одни еще надѣются, другіе молчатъ, но уже оробѣли. Сама не знаю, чему вѣрить; въ одинъ часъ я получила столько пріятныхъ, столько горестныхъ извѣстій! Говорятъ, что Доминиканскій монастырь отведенъ для помѣщенія политическихъ арестантовъ, что всѣ кельи заняты нашими инсургентами (powstańcami), что даже умѣли поймать одного ассесора. Боже! Если это правда, если это не одни лишь пустые слухи для устрашенія народа и городскихъ жителей, то устрой, чтобы они нашли какое-либо средство бѣжать изъ Россіи; не допусти умереть имъ: они еще много могутъ сдѣлать для отечества. Вѣдь это цвѣтъ Польскаго юношества; вѣдь въ нихъ вся наша надежда. Не дай имъ погибнуть прежде, пока не принесутъ собою пользы и не оставятъ послѣ себя славы великихъ подвиговъ, твердости и мужества,—прежде, пока не исполнятъ своего предназначенія. Боже! Ты великъ, милосердъ и справедливъ! Ты не допустишь пасть имъ отъ руки подлаго палача, и по повелѣнію (*нецензурныя слова*), имъ, которые должны были быть защитниками отечества, свободы и собратій, до тѣхъ поръ пока они хотя отчасти не выполнятъ своего благороднаго предназначенія"...

„Говорятъ также, что изъ этого возстанія ничего не будетъ, что инсургенты, разсѣянные по всѣмъ частямъ Польши, не могутъ соединиться въ одно войско, такъ какъ Русскіе по всѣмъ дорогамъ, чрезъ которыя слѣдовало проходить Полякамъ, поставили свои войска, чтобы отрѣзать имъ пути сообщенія; что очень много поймали Поляковъ, ихъ сажаютъ въ заключеніе, мучатъ; вѣроятно, конецъ ихъ будетъ смерть, или хуже смерти—Сибирь! О Боже мой, Ты не допустишь до этого! Слышно, что Русскіе (Moskali) подкупаютъ крестьянъ, чтобы они доносили на своихъ помѣщиковъ. Увы! Какая подлость въ этихъ людяхъ! Кажется, въ этомъ народѣ нѣтъ ни одного благороднаго чувства. Ста-

раюсь убѣдить себя, что все это не правда, что это одна лишь пустая молва, выдуманная для страха Литовцевъ; но какъ станутъ всѣ говорить одно и тоже, то я опять теряю надежду. Однако-же въ настоящую минуту надѣюсь, что Богъ услышитъ насъ. Дай, Господи Боже"!..

„Четвергъ, 14 Марта".

„Ужасное извѣстіе! Потоцкаго повѣсили, бывшаго предводителя инсургентовъ повѣсили. Боже! Неужели это правда! Неужели Ты дозволишь Русскимъ такъ звѣрствовать! Тотъ, который посвятилъ себя благородной цѣли защищать братьевъ и отечество отъ тиранства и жестокости варваровъ, неужели могъ онъ умереть столь позорною смертью О, это ужасно! Боже, Боже! взгляни на насъ! И Ты это, Боже, допустилъ, что они такъ безнаказанно тиранствуютъ надъ дѣтьми Твоими. О Боже, пресвятою благодатію Твоею, возврати вольность, свободу, и ежели караешь насъ въ сей жизни, то вознагради въ жизни вѣчной. Тщетно старалась-бы я выразить, что дѣлалось со мною, когда мнѣ сказали объ этомъ; сперва полились у меня невольно слезы,—слезы отчаянія, слезы ненависти (oburżenia), слезы отъ невозможности отомстить за кровь, пролитую нашими братьями; потомъ овладѣла мною какая-то жажда мщенія: я возненавидѣла всѣхъ Русскихъ безъ исключенія, и мнѣ казалоеь, что если-бы кто либо изъ нихъ попался мнѣ на глаза, то я убила-бы его,—до того велика была у меня жажда мщенія. Въ эту минуту я была похожа на голодную волчицу, у которой все отняли, которую вытѣснили изъ собственнаго логовища, которая ищетъ добычи и мщенія; такова была я въ эту минуту. Но по прошествіи перваго порыва негодованія, когда я пришла въ себя, мнѣ казалось, что это выдумка Русскихъ для страха Литовцамъ, въ чемъ я и нынѣ, кажется, убѣждена. Дай Богъ, дабы это была правда".

„Воскресенье. 20 Января 1847 года".

„Цѣлый день я читала книгу подъ заглавіемъ „*Przedświat*". О, мой Боже, сколько тамъ мыслей въ этой поэзіи, возвышенныхъ, прекрасныхъ; душа невольно радуется какъ-бы большею увѣренностію въ возрожденіи Польши,—такая тамъ сила выраженій, чувствъ, такая тамъ вѣра въ Бога, такая тамъ гармонія риѳмъ, что все въ ней кажется небесной музыкой, ниспосланной для укрѣпленія въ сердцахъ угнетенныхъ надежды и упованія на Бога, для укрѣпленія въ насъ мужества и постоянства въ вѣрѣ и добродѣтели до тѣхъ поръ, пока возсіяетъ солнце на нашемъ Польскомъ горизонтѣ и не разсѣетъ страшныхъ тучъ, скопившихся надъ нашими головами. Я была восхищена и мыслью перенеслась въ свѣтлую будущность".

Въ другихъ мѣстахъ дневника составительница его разсказываетъ, какъ дѣвицы-пансіонерки ночью ходятъ въ маскарадъ, впрочемъ, вмѣстѣ съ классными дамами, какъ потихоньку курятъ сигары и получаютъ

секретныя письма. Легко себѣ представить, что могли испытывать при такомъ направленіи дѣвицъ-Полекъ дѣвицы Русскія и какимъ онѣ подвергались нравственнымъ метаморфозамъ и оскорбленіямъ. Для примѣра мы приведемъ здѣсь отрывокъ изъ письма одной дѣвицы Русской къ отцу своему, бывшему тогда въ походѣ противъ Венгровъ, изъ котораго читатель увидитъ всю безотрадность такого факта.

„Любезнѣйшій родитель“ (писала дѣвица Аршаницына къ отцу своему въ 1849 году) „2-го Августа я заболѣла. Коль скоро сіе прошло, я опять больна. Я безпрестанно пухну, а наипаче сегодня я такъ опухши, что не могу надѣть платья. Не знаю, что будетъ.... Германъ сердитъ, что ему не прислали всѣхъ денегъ; онъ говоритъ, что вы ничего не писали ему о моемъ отъѣздѣ и онъ ни за что не выпуститъ меня до тѣхъ поръ, пока вы не напишете ему еще разъ. Ради Бога, напишите ему письмо поскорѣе. *Ахъ они меня ужасно обижаютъ.* Германъ разбилъ мой сундукъ, перерылъ все и забралъ всѣ мои книги, вмѣсто денегъ. Въ другой разъ они подговорили одну дѣвицу и въ то время, когда я починяла свое платье, она подошла къ окошку, на которомъ лежалъ мой корсажъ, взяла и выбросила его за окно, и я теперь не имѣю чего носить. Изъ гувернантокъ ни одна не хочетъ здѣсь оставаться: пожили двѣ недѣли и отдалились. *Папенька роднень-кій! Освободите меня отъ этихъ варваровъ. Богу только извѣстно мое страданіе. Ежели мнѣ придется дольше оставаться здѣсь, ей-ей я готова смерть себѣ сдѣлать*“.

На этомъ письмѣ рукою отца написано: „*читалъ съ прискорбіемъ священникъ Аршаницынъ*“. Тѣмъ прискорбнѣе этотъ фактъ, что онъ могъ совершиться въ такомъ заведеніи, которое существовало уже въ Вильнѣ 25 лѣтъ, содержалось благонамѣреннымъ Нѣмцемъ, пользовалось отъ правительства денежной субсидіей и считалось начальствомъ учебнаго округа лучшимъ заведеніемъ въ Вильнѣ.

Впрочемъ, какъ ни велико было такое зло, все таки, при болѣе строгомъ отношеніи къ нему учебнаго начальства, оно было далеко не непоправимо; но въ это время начинало и существуетъ до настоящей поры другое зло—это система домашняго воспитанія посредствомъ гувернеровъ и гувернантокъ, которое совершенно уже ускользаетъ отъ контроля учебнаго округа, въ сильной степени парализируетъ его дѣятельность и безъ законодательныхъ мѣръ непоправимо. Намъ неизвѣстна величина этой отрицательной силы въ настоящее время, а въ 1850-хъ годахъ она равнялась 400 гувернерамъ и 600 гувернанткамъ, по преимуществу Польскаго происхожденія. Такъ какъ изложеніе дальнѣйшаго хода событій по части женскаго образованія состоитъ внѣ нашей задачи, то мы опять возвратимся къ продолженію прерванныхъ нами событій. Здѣсь-же замѣтимъ только, что по времени первый починъ въ устройствѣ правильныхъ казенныхъ женскихъ школъ, которыя однѣ

могутъ успѣшно конкуррировать со школами частными, принадлеж Государынѣ Императрицѣ. Открытіемъ женскихъ гимназій въ запад русскихъ городахъ Она оказала неоцѣненную услугу женскому обр ванію, какъ образованію, основанному на началахъ Русскихъ и н ственныхъ съ воспитательной точки зрѣнія. Второй починъ прина житъ лицу, управлявшему недавно учебнымъ округомъ П. Н. Батюшк

XV.

Время управленія учебнымъ округомъ генералъ-губернатора Б кова 2-го пронеслось надъ учебными заведеніями, какъ грозная т оставивши по себѣ самыя разнообразныя воспоминанія о военной правкѣ въ школахъ, о паникѣ, подшибавшей ноги у воспитателе воспитанниковъ, о строгомъ исполненіи предписаній закона и му ственномъ состояніи противъ Польскихъ началъ. Желая ослабить краѣ вліяніе полонизма, онъ стремился къ ограниченію числа вос танниковъ въ заведеніяхъ и къ сокращенію дворянскихъ учили Онъ ходатайствовалъ въ 1851 году о допущеніи въ гимназіи тол дворянъ и купеческихъ дѣтей 1-й и 2-й гильдій, заграждая въ т время дорогу другимъ сословіямъ, и о преобразованіи такъ называем дворянскихъ училищъ въ уѣздныя, по премуществу для городск классовъ; но министерство народнаго просвѣщенія, опасаясь увелич въ краѣ безконтрольнаго домашняго образованія, воспротивилось эт желанію и весьма основательно: лучше грѣхъ явный, нежели тайн Также точно не удалось его ходатайство объ облегченіи воспитан камъ западно-русскихъ гимназій средствъ къ поступленію въ воен службу; съ этимъ не согласился Императоръ Николай въ видахъ с гаго исполненія общихъ по этому дѣлу узаконеній.

XVI.

Вообще, выражаясь языкомъ того времени, *бунтовъ* въ заведені не было, а потому и все обстояло благополучно. Впрочемъ этому бл получію суждено было продолжаться недолго. Севастопольская во опять подняла на ноги Польскую эмиграцію; подъ вліяніемъ ея по лись на ноги и западно-русскіе Поляки. Въ данномъ случаѣ, как во всѣхъ прежнихъ, это броженіе не могло не отразиться и на п лахъ. Великодушіе нынѣ царствующаго Государя къ политическ преступникамъ было всеобщимъ сигналомъ къ заговору, а благодѣт ное для всего человѣчества освобожденіе крестьянъ къ возстанію. У ный округъ очутился на тлѣющемъ пепелищѣ. Мы не будемъ зд касаться этихъ событій, и недавнихъ, и хорошо всѣмъ извѣстныхъ; здѣсь укажемъ только на тѣ осторожные шаги полонизма, котор онъ выступалъ къ своей цѣли съ 1856 года.

Ничего не могло быть для Вильны полезнѣе (стала твердить въ это время молва), какъ открытіе въ ней Музея и Археологической комиссіи: вѣдь это могущественные органы науки и ничего больше! И они были открыты. Но этотъ Музей и Археологическая комиссія сдѣлались орудіями Польской пропаганды, не смотря на рескриптъ покойнаго Государя Наслѣдника, въ которомъ было выражено высочайшее желаніе, чтобы *эти учрежденія служили къ вящшему объединенію западной Россіи съ Россіей остальной.*

Подъ вліяніемъ польской пропаганды, стѣны Виленскаго Музея украсились Польскими портретами, витрины наполнились Польскими предметами; все-же Русское, въ особенности древнее, было спрятано отъ глазъ посѣтителей. Въ это-же время словоохотливые консерваторы его отдѣловъ не пропускали случаевъ, чтобы развивать въ посѣтителяхъ уваженіе и любовь къ Польшѣ, и чувства противоположныя къ Россіи. Одинъ напр. изъ консерваторовъ давалъ конфекты дѣтямъ, если они въ состояніи были опредѣлять портреты Польскихъ королей и объяснять ихъ историческую дѣятельность съ вредной для Россіи стороны; другой объяснялъ имъ достоинство мѣстныхъ звѣрей тѣмъ, что такихъ звѣрей нѣтъ въ „проклятой Московіи". Вотъ подлинныя слова комиссіи, занимавшейся разборомъ Виленскаго Музея послѣ 10 лѣтняго его существованія, въ которыхъ ясно изображенъ характеръ и направленіе дѣятельности этихъ учрежденій. „Непосредственные дѣятели по устройству Виленскаго Музея", говорится въ ея отчетѣ, „вѣрные ложнымъ началамъ, воспитаннымъ въ обществѣ системою князя Адама Чарторыйскаго, при дружномъ участіи мѣстнаго дворянства и Римскаго духовенства, нѣкоторые съ умысломъ, а другіе безсознательно, работали надъ поддержаніемъ въ многочисленныхъ посѣтителяхъ Музея преданій о Польскомъ дворянствѣ въ краѣ, о призракахъ Литовской самостоятельности во время соединенія великаго княжества Литовскаго съ Польшею и т. д.; коллекціи Музея, за исключеніемъ спеціальныхъ, не трудами Археологической Комиссіи собранныхъ, выражали намѣреніе составителей образовать пантеонъ Латино-польской старины въ краѣ". Таковы были Музей и Археологическая Комиссія.

Въ тоже самое время, таже самая молва стала говорить, что ничего нѣтъ полезнѣе для края, какъ введеніе въ курсъ гимназическаго преподаванія Польскаго языка и преобразованія Виленскаго Вѣстника на новыхъ началахъ: вѣдь Польскій языкъ—есть языкъ западно-русскаго дворянства и вѣтвь языка Славянскаго, а Виленскій Вѣстникъ есть единственный литературный органъ края и изданіе подцензурное. Правительство разрѣшило то и другое. Но подъ вліяніемъ Польской пропаганды, и Польскій языкъ и Виленскій Вѣстникъ сдѣлались сильными двигателями полонизма. Преподаватели Польскаго языка стали излагать своимъ питомцамъ образцы Польской литературы, а вмѣстѣ

съ ними стали рисовать въ ихъ возбужденномъ воображеніи и старопольскіе, и ново-польскіе идеалы; подъ неотразимымъ ихъ давленіемъ Русскій языкъ отошелъ на послѣдній планъ и занялъ мѣсто едва терпимаго предмета. Обновленный же Виленскій Вѣстникъ сдѣлался посредническимъ органомъ Польской заговорной дѣятельности,—представителемъ политической партіи такъ называемыхъ „*бѣлыхъ*". Въ одной изъ своихъ передовыхъ статей за 1861 годъ онъ ясно высказалъ и свои жалобы на намѣренія „*красныхъ*" возстановлять Польшу огнемъ и мечемъ, и свое предпочтеніе орудіямъ мирнаго ея возстановленія: *исторіи*, *географіи и лопатѣ* (землевладѣнію), которыя были завѣщаны Полякамъ отъ временъ Чарторыйскаго обществомъ „*Шубравцевъ*". Политическое броженіе, воцарившееся въ обществѣ, какъ мы уже замѣтили выше, скоро успѣло проникнуть и въ учебныя заведенія. Тѣмъ труднѣе было учебному округу бороться съ этимъ зломъ, что на сторонѣ его очутилось сочувствіе значительной части Русскаго общественнаго мнѣнія и нѣкоторыхъ правительственныхъ сферъ, увлеченныхъ и обойденныхъ Польскими революціонными происками. Въ концѣ концовъ, самъ учебный округъ сбился съ прямой дороги и пошелъ не напротивъ зла, а на встрѣчу ему. Въ это замѣчательное время педагогическіе совѣты гимназій Западнаго края признали необходимымъ ввести въ систему преподаванія Польскій языкъ, другими словами: сдѣлали самую демонстративную попытку возвратить учебныя заведенія къ прежнему Польскому золотому времени. Въ числѣ лицъ, считавшихъ эту мѣру разумной и необходимой, было очень много служащихъ по учебному вѣдомству Русскихъ, которые, подъ вліяніемъ времени и Польской среды, частію шли наперекоръ своимъ убѣжденіямъ изъ страха и боязни, а частію успѣли потерять свой Русскій смыслъ и Русское сердце. Въ свою очередь эта мѣра была одобрена министерствомъ народнаго просвѣщенія и введена въ дѣйствіе при попечителѣ учебнаго округа баронѣ Врангелѣ.

XVII.

Въ это же время отмѣнено было и Высочайшее повелѣніе о замѣщеніи должностей въ Сѣверо-Западномъ краѣ лицами русскаго происхожденія. Такимъ образомъ происки польской эмиграціи, подстрекательства иностранныхъ государствъ, умственное броженіе русскаго общества послѣ неудачъ Севастопольской компаніи и вслѣдствіе его шаткость правительственной политики особенно въ дѣлахъ западно-русскихъ и польскихъ, а наконецъ несбыточныя мечты горячихъ польскихъ головъ о возстановленіи *рѣчи-посполитой*, достаточно положили горючаго матеріала въ западно-русскую и польскую почву, чтобы произвести взрывъ польскихъ смутъ 1863 года.

Варшава и королевство первыя начали обнаруживать противодѣйствіе законнымъ требованіямъ русскаго правительства; ихъ примѣру

послѣдовало и западно-русское католическое дворянство. Успѣхъ казался имъ несомнѣннымъ.

Тогдашняя молодежь не могла устоять противъ увлеченій и соблазна тѣмъ болѣе, что находила поддержку и въ обществѣ и въ педагогическихъ составахъ учебныхъ заведеній, тянувшихъ за собой еще цѣлую армію гувернеровъ, гувернантокъ и домашнихъ учителей. Пальму первенства въ этомъ дѣлѣ по всей справедливости слѣдуетъ отдать ксендзамъ и женщинамъ. Вотъ въ общихъ очертаніяхъ то время, когда въ управленіе учебнымъ округомъ вступилъ князь Ширинскій-Шихматовъ. Это было самое бурное время и для западно-русскаго сознанія и чувства самое оскорбительное. Въ школѣ и посредствомъ школы учебный округъ долженъ былъ бороться съ враждебнымъ направленіемъ мѣстнаго римско-католическаго интеллигентнаго общества, для чего не имѣлъ ни средствъ, ни исполнителей.

Извлеченія изъ донесеній директоровъ учебныхъ заведеній и педагогическихъ совѣтовъ съ 1861-го по 1864-й годъ, обязательно сообщенныя намъ г. попечителемъ Виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскимъ, даютъ полную возможность представить довольно яркую картину безконечныхъ смутъ и анархіи, господствовавшихъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній того времени; но мы не имѣемъ возможности этого сдѣлать по двумъ главнымъ причинамъ: съ одной стороны эта картина исполнена такой крайней деморализаціи молодежи, грубыхъ сценъ своеволія и насилія надъ наставниками, легкомысленнаго потворства наставниковъ по отношеніи къ воспитанникамъ, отрицанія самыхъ элементарныхъ требованій классной дисциплины и порядка, наглой лжи и упорнаго запирательства, наконецъ неудержимой ненависти ко всему русскому и православному, что можетъ возбудить противъ насъ серьезный ропотъ неудовольствія и обиды въ живыхъ участникахъ и двигателяхъ этихъ печальныхъ событій; съ другой стороны—оставшіеся въ живыхъ участники и двигатели теперь, въ періодъ своего зрѣлаго возраста, быть можетъ, сами съ отвращеніемъ вспоминаютъ объ этомъ темномъ времени своихъ школьныхъ заблужденій и нравственнаго паденія и далеки отъ мысли видѣть обсужденіе ихъ въ печати при своей жизни. Nomina sunt odiosa!—Мы ограничимся только общимъ обозрѣніемъ революціоннаго броженія въ школахъ, насколько оно соотвѣтствуетъ условіямъ и цѣлямъ настоящей нашей задачи.

Апрѣльскія событія въ Варшавѣ 1861 года послужили сигналомъ ко всеобщему возстанію. Въ Вильнѣ и другихъ городахъ сѣверо-западнаго края начались заупокойныя службы, на которыхъ массами присутствовали и воспитанники учебныхъ заведеній. Съ половины мая началось пѣніе *польскаю гимна*; роль зачинщиковъ и исполнителей этого демонстративнаго пѣнія была предоставлена по преимуществу воспитанникамъ; подъ вліяніемъ его они стали производить безпорядки и на

улицахъ, особенно въ столкновеніяхъ съ полиціей. Мы остановимъ вниманіе читателя на событіяхъ, происходившихъ по преимуществу въ Вильнѣ, потому что въ другихъ городахъ они проявлялись въ томъ же видѣ, развѣ только съ незначительными исключеніями.

21-го мая 1861 г. по окончаніи обѣдни въ костелѣ св. Яна былъ по обыкновенію пропѣтъ польскій революціонный гимнъ. При выходѣ изъ костела толпа гимназистовъ въ количествѣ 200 человѣкъ окружила на улицѣ полицейскихъ чиновъ и съ дикимъ гамомъ и смѣхомъ называла ихъ *шпіонами* и *ворами*. 25 мая повторилось тоже самое пѣніе, а при выходѣ изъ костела тоже самое буйство, но еще съ *прибавленіемъ палокъ и камней*. Молодежь до такой степени возбуждена была противъ полиціи, что по отзывамъ полиціймейстера чинамъ ея было опасно выходить на улицу. Тѣмъ не менѣе замѣченные въ уличныхъ безпорядкахъ воспитанники гимназій были указаны гимназическому начальству. Педагогическій совѣтъ, обсуждая это дѣло, раздѣлилъ всѣхъ вообще воспитанниковъ на *двѣ* группы: *имѣющихъ* въ поведеніи *баллы отличные* и не имѣющихъ оныхъ; первымъ была объявлена угроза увольненія изъ учебнаго заведенія, а вторымъ—*временное увольненіе*. Однакоже эта мѣра не привела ни къ какимъ послѣдствіямъ: пѣніе продолжалось по прежнему и уволенные воспитанники принимали въ немъ самое дѣятельное участіе подъ руководствомъ одного изъ преподавателей гимназіи. Учебный округъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ возрастающаго увлеченія молодежи въ демонстраціяхъ противъ русскаго правительства и пошелъ далѣе; онъ предложилъ директору гимназіи объявить воспитанникамъ, что за участіе въ пѣніи гимновъ и уличныхъ безпорядкахъ воспитанники, будутъ увольняемы изъ гимназіи безъ права поступленія въ другія учебныя заведенія; но и эта мѣра не имѣла никакихъ результатовъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда западно-русскіе крестьяне толпами посѣщаютъ Остробрамскую Божью матерь и Кальварію (въ 7 верстахъ отъ Вильны) ученики гимназій не только принимали участіе въ пѣніи, но и въ распространеніи между народомъ печатныхъ экземпляровъ революціоннаго гимна. 6 іюня былъ арестованъ гимназистъ-депутатъ къ воспитанникамъ Виленскаго раввинскаго училища, которому поручено было вступить въ соглашеніе съ евреями, на какихъ условіяхъ они должны принять участіе въ общемъ дѣлѣ освобожденія ихъ отечества отъ „московской тиранніи«. Въ это же время самъ учебный округъ замѣтилъ вредное и противное видамъ правительства направленіе въ воспитанникахъ дворянскаго института и въ женскихъ пансіонахъ; но наступили каникулы, большинство учащейся молодежи разъѣхалось по домамъ и безпорядки въ школахъ и на улицахъ утихли, но далеко не прекратились. 4 іюля на предмѣстьи *Бельмонтахъ* было демонстративное сборище разныхъ подмастерьевъ и уличныхъ бродягъ, въ которомъ принимали участіе и многіе изъ оста-

вавшихся въ городѣ воспитанниковъ: всѣ они *праздновали здѣсь унію Литвы съ Польшей*. Ученики, принимавшіе участіе въ этомъ *международномъ торжествѣ* были уволены изъ учебныхъ заведеній.

Каникулы въ этомъ году были отсрочены до половины сентября. Возвратившіеся въ школы воспитанники принесли съ собой еще большую строптивость и озлобленный духъ противорѣчія. Пѣніе революціонныхъ гимновъ открылось повсемѣстно. Учебный округъ, увеличивая мѣры наказаній, предписалъ училищнымъ начальствамъ, увольнять изъ учебныхъ заведеній виновныхъ, ни сколько не стѣсняясь ихъ количествомъ; но и эти строгія мѣры не могли удержать молодежи отъ политическихъ демонстрацій и увлеченій, потому что въ такомъ направленіи поддерживало ее мѣстное римско-католическое интеллигентное общество. Съ 25 сентября открывается длинный рядъ школьныхъ безпорядковъ. Они начались пѣніемъ гимновъ въ костелѣ св. Михаила. Надзиратели гимназіи, наблюдавшіе за воспитанниками подверглись разнымъ оскорбленіямъ: ихъ называли *шпіонами* и бросали въ нихъ яблоками и камнями, завернутыми въ бумажки. 26 сентября повторилось тоже пѣніе и сопровождалось такими же сценами. 7 октября въ костелѣ св. Станислава была панихида по умершемъ епископѣ *Фіалковскомъ*; ученики старшихъ классовъ гимназій были отпущены въ костелъ съ разрѣшенія генералъ-губернатора, подъ надзоромъ директора, инспектора и преподавателей. Порядокъ на этотъ разъ не былъ нарушенъ; но когда повторилась эта же панихида въ костелѣ св. Яна, то ученики 7-го класса и большая половина 6-го самовольно отправились въ костелъ, принимали участіе въ пѣніи гимна и возвратились въ заведеніе только по окончаніи церковной службы, За такое самовольное посѣщеніе костела 11 человѣкъ было уволено изъ заведенія, а другіе участники были подвергнуты дисциплинарному взысканію. Такой твердый образъ дѣйствій учебнаго округа очень не понравился воспитанникамъ и они съ этого времени открываютъ походъ противъ своего начальства. Къ попечителю учебнаго округа были отправлены депутаты съ ходатайствомъ о возвращеніи уволенныхъ 11 человѣкъ въ гимназію; но они не были приняты. Возвратившись въ заведеніе депутаты обратились къ директору съ угрозой, что если товарищи ихъ не будутъ помилованы, то они сами перестанутъ посѣщать заведеніе и послѣ этого многіе разошлись по домамъ. За такое безчинство были уволено изъ гимназіи 28 человѣкъ,—трое безъ права поступленія въ другія учебныя заведенія, а остальные двадцать пять съ правомъ.

Донося г. министру народнаго просвѣщенія и о безпорядкахъ въ учебныхъ заведеніяхъ и о строгихъ карательныхъ мѣрахъ, князь Ширинскій-Шихматовъ выразилъ свое твердое рѣшеніе: очищать школы отъ безпокойныхъ элементовъ, хотя бы приходилось жертвовать для этого и десятками воспитанниковъ; въ противномъ же случаѣ онъ не

ручался за безопасность самихъ школъ. При этомъ онъ выразилъ и свое глубокое сожалѣніе о слишкомъ ограниченномъ количествѣ *русскихъ служащихъ* въ педагогическихъ составахъ подвѣдомственныхъ ему заведеній.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ безпорядки снова возобновились: 5 и 6 числа воспитанники гимназіи были замѣчены полиціей въ пѣніи гимна на улицѣ предъ иконой Остробрамской Божіей матери; 12 числа изъ оконъ дворянскаго института была брошена въ офицера подставка отъ чернильницы, а вечеромъ обнаружено желаніе воспитанниковъ пропѣть гимнъ въ стѣнахъ своего заведенія. Болѣе виновные въ этихъ безпорядкахъ были уволены изъ заведеній.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ по случаю католическихъ *рорать* пѣніе гимна опять возобновилось. На одномъ изъ такихъ молитвословій толпа гимназистовъ изъ 200 человѣкъ сдѣлала нападеніе на квартальнаго надзирателя; присутствовавшіе при ученикахъ воспитатели успѣли удержать ихъ отъ этого безчинства и спасти отъ побоевъ надзирателя; но ярость учениковъ обрушилась на городоваго... Такъ кончился въ Виленскихъ учебныхъ заведеніяхъ 1861 годъ.

Въ слѣдующемъ году безпорядки продолжались въ такомъ же духѣ но въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ стали принимать характеръ буйства и грубаго насилія. Въ стѣнахъ учебныхъ заведеній и частныхъ квартирахъ начальниковъ и наставниковъ зазвенѣли битыя стекла, застонали раненные воспитатели юношества и ихъ начальники, неодобрительно смотрѣвшіе на польскія манифестаціи своихъ питомцевъ. Понадобилось пригласить въ учебныя заведенія военную силу. По ходатайству учебнаго округа въ разное время и въ разныя учебныя заведенія были отправляемы военныя команды изъ унтеръ-офицеровъ подъ начальствомъ штабъ и оберъ-офицеровъ. Присутствіе ихъ въ стѣнахъ заведеній приносило ту существенную пользу, что поддерживало внѣшній порядокъ и спасало воспитателей отъ насилій со стороны воспитанниковъ. За то внѣ школы дерзость разнузданной молодежи, подстрекаемой и „патріотами преподавателями“ и „патріотами родаками“ не знала границъ.

Получая частыя донесенія отъ директоровъ гимназій о неодобрительномъ поведеніи подвѣдомственныхъ имъ преподавателей, кн. Ширинскій-Шихматовъ поставленъ былъ въ необходимость принимать строгія мѣры и относительно служащихъ. Разжалованіе инспекторовъ въ преподаватели, перемѣщеніе преподавателей изъ одного заведенія въ другое; замѣчанія и строгіе выговоры сдѣлались принадлежностію каждой бумаги. Наконецъ онъ сталъ обращаться къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбой о переводѣ болѣе строптивыхъ и въ политическомъ отношеніи неблагонадежныхъ преподавателей во внутреннія губерніи и замѣщеніи ихъ лицами русскаго происхожденія. Это послѣд-

нее ходатайство однакоже не было уважено. Школы тѣмъ не менѣе рѣдѣли и увольняемые воспитанники увеличивали собой безпокойную толпу уличныхъ буяновъ, поддерживавшихъ въ школахъ духъ озлобленія и упорнаго противодѣйствія начальству.

Съ 1863 года въ разныхъ мѣстахъ стали появляться вооруженныя шайки повстанцевъ. Среди мѣстнаго населенія начался терроръ. Жители бросали свои пепелища и спасались бѣгствомъ; многіе родители забирали своихъ дѣтей изъ школъ,—одни чтобы спасти ихъ отъ увлеченій, другіе—отъ мести. Молодежь толпами ринулось въ посполитое рушенье, многіе классы были совершенно закрыты и ученіе производилось только для виду.

Какія страшныя потрясенія приходилось испытывать въ это время русскимъ людямъ, не раздѣлявшимъ польскихъ тенденцій и происковъ, это можно видѣть изъ краткаго перечня болѣе выдающихся событій изъ служебной жизни покойнаго Шульгина, бывшаго директоромъ въ Пинскѣ, Мозырѣ и Ковнѣ. Мы остановимся на нихъ.

„1862 года 13-го Мая, говорится въ донесеніи, сдѣланъ былъ ударъ камнемъ въ окно квартиры пинскаго директора училищъ. Онъ былъ такъ силенъ, что пробилъ двойныя стекла и задержанъ былъ только внутреннею ставней. Жена директора отъ испуга опасно заболѣла". Преслѣдованіе польскими патріотами и директора, и наставниковъ, и учениковъ не сочувствовавшихъ польскимъ тенденціямъ, достигло крайнихъ предѣловъ. 17-го Мая шляхтичъ *Калауръ* среди бѣлаго дня напалъ на ученика *Красовскаго* и избилъ его палкой, приговаривая: „*вотъ тебѣ раскольникъ, вотъ тебѣ схизматикъ, вотъ тебѣ москаль! Мы перебьемъ* всѣхъ васъ." Въ это-же время обратились къ директору съ жалобой на *Дудича* и одного содержателя ученической квартиры многіе ученики съ просьбой спасти ихъ отъ ругательствъ, угрозъ и побоевъ. Но что могъ сдѣлать директоръ, когда противъ него самого составленъ былъ заговоръ, а полиція бездѣйствовала? Нѣкто Кеневичъ такъ хвастался предъ учениками по поводу разбитія оконъ въ директорской квартирѣ: „*это малость: еще не то будетъ съ нимъ при отъѣздѣ изъ Пинска*". Отъѣздъ этотъ совершился 12-го Іюня. Сопровождаемый своими близкими знакомыми, Шульгинъ отправился на пристань, чтобы ѣхать на пароходѣ въ Мозырь на мѣсто своего новаго служенія. Его поджидала цѣлая банда шляхтичей, во главѣ которыхъ стояли ксендзъ и Кеневичъ. Когда пароходъ тронулся, то Кеневичъ провозгласилъ: „*одною мошенника мы уже прогнали; скоро прогонимъ и всѣхъ его помощниковъ*". При этомъ шайка Кеневича кричала: „ура" и произносила такія страшныя и громкія ругательства, что съ женой Шульгина сдѣлался ударъ. Послѣ отъѣзда директора жертвою мщенія сдѣлался его письмоводитель *Ходзько*. Въ полночь 22 Іюня чиновникъ пинскаго земскаго суда *Морозъ* во главѣ другихъ чиновниковъ и шляхты напалъ

на домъ спящаго письмоводителя и выломалъ двери. Жена и дочь отъ испуга опасно заболѣли и послѣдняя скоро умерла. Ходзько обратился къ городничему съ просьбой, чтобы полиція освидѣтельствовала больныхъ и городовой врачъ подалъ имъ помощь; но городничій не обратилъ на просьбу вниманія, а городовой врачъ не захотѣлъ даже на нихъ взглянуть. По настоянію кн. Ширинскаго-Шихматова для разбора пинскихъ безпорядковъ назначена была слѣдственная коммиссія.

Въ Мозырѣ Шульгина встрѣтили такія-же враждебныя отношенія учениковъ и мѣстнаго р.-католическаго дворянства, какъ и въ Пинскѣ.

Острый характеръ они приняли особенно въ Февралѣ мѣсяцѣ 1863 г. 5 февраля было объявлено воспитанникамъ гимназіи распоряженіе учебнаго округа, чтобы послѣ 7-ми часовъ вечера они не смѣли отлучаться изъ ученическихъ квартиръ и чтобы внѣ заведенія не носили партикулярнаго платья. Поднялась буря; ученики стали кричать и свистать, а придя домой, изорвали квартирные журналы (кромѣ одной квартиры). Хотя виновные не были открыты, но педагогическій совѣтъ большинствомъ голосовъ постановилъ: 1) воспитанниковъ, отличавшихся дурнымъ поведеніемъ и въ числѣ ихъ *Потоцкаго*, заподозрѣннаго въ оскорбленіи преподавателя и разбитіи оконъ въ квартирѣ письмоводителя — исключить, а троихъ уволить съ правомъ поступленія въ другія заведенія. Разногласіе членовъ помѣшало привести въ исполненіе постановленіе большинства и обвиняемые ученики продолжали посѣщать заведеніе. На одномъ урокѣ Потоцкій осмѣлился произвести слѣдующій скандалъ: въ присутствіи преподавателя онъ расхаживалъ по классу и приказалъ одному изъ своихъ товарищей громко читать газету. Но въ это время преподаватель сталъ спрашивать урокъ. Потоцкій закричалъ отвѣчавшему ученику: „молчать“; а учителю замѣтилъ, что онъ мѣшаетъ ему слушать чтеніе гозеты.

Въ это-же время слесарь еврей *Высоцкій* донесъ, что 20 человѣкъ учениковъ приглашали его ночью на ученическую квартиру и заказывали ему сдѣлать 20 длинныхъ ножей, за что обѣщали заплатить не менѣе двухъ рублей за каждый; двое изъ учениковъ имѣли ружья. Разслѣдованіе по этому дѣлу не привело ни къ какимъ послѣдствіямъ для виновныхъ, но для директора имѣло послѣдствія очень непріятныя. Еврей по распоряженію городничаго былъ арестованъ, какъ клеветникъ, подговоренный самимъ директоромъ; послѣ увольненія изъ гимназіи 12-человѣкъ, мозырскій предводитель дворянства съ другими дворянами обратился къ директору съ настоятельной просьбой принять ихъ обратно въ заведеніи; съ такой-же просьбой обратились къ нему и воспитанники старшихъ классовъ. Когда просьба не была уважена, то открылся цѣлый рядъ безпорядковъ: законоучитель православнаго исповѣданія былъ подвергнутъ оскорбленіямъ; учитель русскаго языка былъ постоянно преслѣдуемъ камнями; въ окнахъ директорской квартиры были дважды

выколочены окна, Слово: „*зарѣжу*“ здѣлалось у учениковъ обыкновенной угрозой.

Какъ ни предосудительно было поведеніе мозырскихъ учениковъ, однако р.-католическое дворянство считало себя обиженнымъ распоряженіями директора и вотъ начался цѣлый рядъ жалобъ. Уѣздный предводитель дворянства *Кеневичъ* жаловался на него попечителю учебнаго округа въ такомъ духѣ, что директоръ есть главный виновникъ ученическихъ безпорядковъ и манифестацій. Признавая его человѣкомъ легковѣрнымъ, раздражительнымъ и фанатическимъ, предводитель обвинялъ его между прочимъ, въ томъ, что онъ самъ внушилъ ученикамъ неповиновеніе наставникамъ; что порвавши связь съ обществомъ людей уважаемыхъ и безусловно довѣрившись разнымъ сплетнямъ, онъ своимъ безтактнымъ управленіемъ возбудилъ въ ученикахъ негодованіе; а подвергая ихъ дѣйствія обсужденію педагогическаго совѣта, и подавляя своимъ авторитетомъ мнѣнія несогласныхъ съ нимъ благонамѣренныхъ наставниковъ, онъ крайне обижалъ молодежь своею несправедливостію и тѣмъ подвергъ учебное заведеніе серьезной опасности. Въ такомъ-же духѣ писалъ попечителю округа и почетный попечитель гимназіи *Гор...ъ*

Видя въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ учениковъ только *ребяческія шалости* и находя исключеніе ихъ изъ заведенія слишкомъ строгой и несправедливой карательной мѣрой, онъ предостерегалъ, что юноши, оторванные отъ ученія и почувствовавшіе неудовольствіе къ своимъ наставникамъ, станутъ раздѣлять легковѣрныя мысли и даже могутъ быть вредны, а виновникомъ всѣхъ несчастій окажется директоръ Шульгинъ. Наконецъ писалъ по этому поводу и губернскій предводитель дворянства *Лапа*, сообщая, что по этому предмету онъ вошелъ съ представленіетъ къ г. министру народнаго просвѣщенія. По всѣмъ такимъ обвинительнымъ пунктамъ директоръ Шульгинъ долженъ былъ давать подробныя разъясненія; но онъ не падалъ духомъ и съ достоинствомъ честнаго русскаго гражданина и человѣка отстаивалъ свое дѣло и велъ его до конца. Въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ былъ переведенъ въ Ковно.

Въ какомъ размѣрѣ совершались самовольные побѣги учениковъ изъ заведеній и добровольныя увольненія родителями, можно видѣть изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ за мартъ и апрѣль 1863 г. Безъ вѣсти пропало и самовольно ушло въ инсургентскія банды: изъ Виленской 8, изъ Слуцкой 5, изъ Пинской 7, изъ Гродненской 1; изъ Свислоцкой прогимназіи 10 и Молодечненской 5, итого 76 человѣкъ. Добровольно было взято родителями 440 человѣкъ, именно: изъ Поневѣжской въ мартѣ 97 и въ апрѣлѣ 85; изъ Бѣлостоцкой 90; изъ Шавельской 158; изъ Слуцкой 77; въ послѣдней безъ вѣсти пропалъ и 1 учитель. Вообще увольненія и исключенія были такъ часты, что кан-

целяріи дирекцій не въ силахъ были приготовлять своевременно увольнительныхъ свидѣтельствъ.

Порядокъ въ учебныхъ заведеніяхъ сталъ водворяться съ пріѣздомъ въ Вильну графа Муравьева. Онъ предложилъ учебнымъ заведеніямъ принимать учениковъ не иначе, какъ съ поручительствомъ родителей, родственниковъ и опекуновъ, и въ случаѣ виновности воспитанниковъ подвергать поручителей денежному штрафу въ 200 р. и болѣе. Мѣра эта принесла значительную пользу, потому что направлена была противъ *источниковъ* политическихъ смутъ, въ которыхъ молодежь играла роль, по преимуществу исполнительную. Съ этого времени безпорядки въ школахъ начинаютъ терять острый политическій оттѣнокъ и переходятъ въ сферу общихъ школьныхъ проступковъ. Тѣмъ не менѣе князь Александръ Прохоровичъ Ширинскій-Шихматовъ, видя полную невозможность открыто сопротивляться господствовавшему въ то врему полнофильскому направленію и въ краѣ, и въ учебныхъ заведеніяхъ, впервые поднялъ вопросъ о народномъ образованіи, какъ о лучшемъ средствѣ для противодѣйствія началамъ Польскимъ. Это образованіе долженствовало пробудить въ массахъ крестьянскаго населенія сознаніе о ихъ Русскомъ происхожденіи, о ихъ правахъ и обязанностяхъ по отношенію къ правительству и такимъ образомъ невольно вызвать его на борьбу съ пришлыми началами Польскими. Такая постановка вопроса имѣла очень важное значеніе: она указывала правительству на лучшій способъ умиротворенія того края, въ которомъ дворянское сословіе—Поляки, а городское сословіе—Жиды, чуждые массѣ Русскаго крестьянскаго населенія и по историческимъ преданіямъ, и по интересамъ. Во время разработки этого вопроса управленіе учебнымъ округомъ передано было И. П. Корнилову.

Послѣдняя глава составлена на основаніи оффиціальныхъ документовъ въ февралѣ текущаго года. *С. Ш.*

Ф. Чацкій и Кременецкій лицей.

(Изъ воспоминаній о Волыни).

Кульжинскій.

Чацкій родился въ первый годъ царствованія послѣдняго польскаго короля Станислава-Августа—и первые годы его жизни были уже отравлены междоусобіемъ погибавшей самоубійственною смертью Польши.

Во время младенчества, отецъ его Щенсный Чацкій былъ схваченъ противною политическою партіей своихъ соотечественниковъ и посаженъ подъ стражу въ м. Бродахъ, гдѣ содержался 7 лѣтъ, а потомъ позволено было ему жить, подъ карауломъ, въ собственномъ имѣніи его въ мѣстечкѣ Порицкѣ (Владимірскаго уѣзда Волынской губерніи).

Воспитателемъ и наставникомъ Чацкаго былъ іезуитъ Фаустинъ Гродзинскій, который развилъ въ немъ энергію—стремиться неуклонно, не стѣсняясь средствами, къ предположенной цѣли.

Имѣя при своемъ вступленіи въ службу (1784 г.) только 19 лѣтъ отъ роду, Чацкій чрезъ два года послѣ того былъ уже отъ скарбовой коммиссіи Рѣчи-посполитой посланъ въ Молдавію для переговора съ княземъ Ипсиланти объ отпускѣ соли въ Польшу,—потому что соляныя копи Велички и Бохніи тогда уже отошли во владѣніе Австріи,—и Польша, предъ заслуженнымъ ею уничтоженіемъ, не имѣла уже даже собственной соли. Вѣроятно, въ тогдашней Польшѣ не было уже благонадежнаго человѣка изъ опытныхъ и заслуженныхъ людей для исполненія столь важнаго порученія, или 20-лѣтній Чацкій успѣлъ уже заявить въ себѣ такія способности къ общественной службѣ, что на него, помимо заслуженныхъ людей, возложено было такое порученіе: и то и другое, кажется, довольно справедливо.

По исполненіи своего порученія, Чацкій принялся за проэкты.

Во время тарговицкой конфедераціи, т. е. почти наканунѣ втораго раздѣла Польши, онъ давалъ отчетъ, по дѣламъ скарбовой коммиссіи, нарочито-назначеннымъ для того лицамъ.

А угадайте, что дѣлалъ Чацкій во время гродненскаго сейма, окончательно рѣшившаго второй раздѣлъ Польши?—Въ товариществѣ многочисленной молодежи, слушалъ лекціи въ краковской академіи и разыскивалъ по кляшторамъ сочиненія древнихъ польскихъ писателей. „Не правда-ли,—самое приличное и удобное время для литературныхъ и учебныхъ занятій?!.. Въ такихъ занятіяхъ Чацкій вдругъ, неожиданно, увидѣлъ себя подданнымъ русскимъ!—Волынь его родина, вмѣстѣ съ Подоліей и Минскою областью, по приговору гродненскаго сейма, возвратились въ неразрывный составъ единоплеменной и единовѣрной имъ Россіи.

Ксендзъ Осинскій, со свойственнымъ ему польскимъ искусствомъ, говоритъ (стран. 55), будто всѣ политическія преступленія Чацкаго тогда состояли только въ томъ, что онъ, во время польской революціи, исправлялъ должность подскарбія, и будто за одно это его имѣніе было возвращено ему,—только съ условіемъ, чтобы онъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ, продалъ его и выѣхалъ изъ предѣловъ Россіи. Онъ уже рѣшался поселиться въ Краковѣ и посвятить себя ученымъ занятіямъ въ тамошней академіи; но—съ возшествіемъ на престолъ императора Павла I-го дѣла пошли другимъ порядкомъ, и—Чацкій, не только былъ совершенно оправданъ, но вскорѣ послѣ того былъ избранъ отъ дворянства Кіевской губерніи депутатомъ для присутствія при коронаціи императора.

Во время праздниковъ поэтому случаю въ Москвѣ, Чацкій, чрезъ князя Куракина, исходатайствовалъ для губерній кіевской, волынской и подольской слѣдующія Высочайшія милости: всеобщую амнистію политическимъ преступникамъ—полякамъ, жившимъ въ этихъ русскихъ губерніяхъ,—перенесеніе въ эти губерніи актовъ коронной метрики или дворянскаго архива бывшей „Рѣчи-посполитой,—учрежденіе "Главнаго Суда" „для этихъ губерній подобнаго тому, какой былъ учрежденъ для Литвы, и дозволеніе выбирать предводителей дворянства и исправниковъ изъ среды мѣстныхъ дворянъ.

Послѣ этого прошло около 6 лѣтъ, въ теченіи которыхъ Чацкій не зналъ, кажется, съ чего начать и на чемъ остановить свою неугомонную дѣятельность. Въ письмѣ своемъ къ бывшему польскому королю Станиславу-Августу онъ торжественно объявилъ свое намѣреніе быть исторіографомъ Польши и продолжать трудъ Нарушевича; для чего выпросилъ себѣ у короля драгоцѣнное собраніе рукописей, относящихся къ исторіи Польши, стоившихъ королю (по словамъ Осинскаго) болѣе 30 тысячъ червон. злотыхъ. Съ этою же цѣлью онъ исходатайствовалъ себѣ у папскаго нунція Литвы разрѣшеніе читать запрещенныя папою книги, а потомъ отъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма испросилъ позволеніе обозрѣть въ Кенигсбергѣ тайный архивъ рыцарей св. Креста и сдѣдалъ изъ него выписки. Наконецъ, съ этою же, по видимому, цѣлію онъ путешествовалъ въ Гнѣзно, Познань, Калишъ и Куявы. Но

исторія, по всему видно, не была исключительною спеціальностію Чацкаго, потому что онъ, во время этихъ поѣздокъ организовалъ изъ своихъ земляковъ два общества: ученое и торговое. Резиденціей обоихъ обществъ была Варшава; первое называлось „Towarzystwo Przyjaciół Nauk", а другое—просто „торговое", „handlowe". Все это съ виду казалось истинно и благотворно! 9-го Іюля 1803 г. судно, названное именемъ „Ѳаддея Чацкаго", отправлялось изъ Одессы въ Тріестъ. Дюкъ де Ришелье, окруженный „обывателями" (?), былъ торжественно принимаемъ на этомъ суднѣ и салютованъ „изъ польскихъ пушекъ"!!!—Гдѣ Варшава, резиденція этого общества, а гдѣ Одесса, которую общество избрало исходнымъ пунктомъ для своихъ торговыхъ операцій?? Вѣдь нельзя не видѣть, что общество, задуманное Чацкимъ, имѣло смѣлую мысль—подчинить своему вліянію и новороссійскій край!

Наконецъ—въ томъ же 1803 году Чацкій былъ назначенъ генеральнымъ визитаторомъ училищъ кіевской, волынской и подольской губерній, въ помощь кн. Адаму Чарторыйскому, сдѣлавшемуся тогда попечителемъ Виленскаго учебнаго округа.

„Со дня вступленія Чацкаго въ должность визитатора училищъ (говоритъ Осинскій), исторія его жизни соединяется съ исторіей кременецкаго лицея". И дѣйствительно—послѣднія 10 лѣтъ своей жизни онъ жилъ уже единственно „для школъ", т. е. для задуманнаго имъ ополяченья западнаго края Россіи, посредствомъ польскихъ училищъ.—Въ трехъ, заправляемыхъ имъ губерніяхъ (кіевской, волынской и подольской) всѣхъ жителей было около четырехъ милліоновъ,—въ томъ числѣ только 300 тысячъ такъ-называемыхъ поляковъ, т. е. немногихъ, поселившихся тамъ выходцевъ Польши и ополячившихся русскихъ, или „переворотней." Для умноженія, просвѣщенія и укрѣпленія этого Чацкинскаго избраннаго народа, была посвящена вся остальная жизнь этого неугомоннаго прожектера и полонизатора. По словамъ Осинскаго (стр. 200) „онъ былъ неукротимъ въ своихъ проэктахъ и дѣятеленъ до дерзости въ исполненіи ихъ"—(bujnym był w tworzeniu przedsięwzięcja, naglum i dzielnym w ich dokonaniu)."

Чацкій, держа въ рукахъ книгу, приготовленную для записыванія пожертвованій на задуманный имъ кременецкій лицей, явился въ дворянское собраніе, произнесъ экзальтированную рѣчь, которою воспламенилъ своихъ земляковъ, и хотя думалъ маскироваться распространеніемъ просвѣщенія вообще, но невольно проговорился, что все это предпринимается имъ „dla ocalenia droższego dziedzictwa—mowy rodaków"—для сохраненія дорогаго наслѣдства,—языка своихъ единоплеменниковъ. Вскорѣ потомъ (20 окт. 1803) былъ устроенъ въ г. Луцкѣ съѣздъ латинскаго духовенства, куда также явился Чацкій съ восторженною рѣчью и съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ.—Отъ дворянъ и отъ духовенства пожертвованія посылались щедрою рукою, такъ что

въ самое короткое время изъ такихъ пожертвованій составилось 415,720 польскихъ злотыхъ, или 62,358 рублей серебромъ.

Кромѣ денежныхъ пожертвованій, Чацкій обогатилъ задуманный имъ кременецкій лицей библіотекою и другими учеными богатствами. По его приглашенію, всякій жертвовалъ, кто что могъ; а библіотеку, оставшуюся по смерти короля Станислава Августа, Чацкій купилъ для лицея за 7,500 черв. злотыхъ. По ходатайству Чацкаго, императоръ Александръ Павловичъ назначилъ для содержанія лицея доходы съ староства кременецкаго, бывшіе дотолѣ въ пожизненномъ владѣніи умершаго князя Сангушки. Въ Высочайшемъ указѣ 13 октября 1803 года сказано, что эти доходы назначаются для содержанія училищныхъ, филантропическихъ и хозяйственныхъ заведеній, учреждаемыхъ при волынской гимназіи, т. е. кременецкомъ лицеѣ. Наконецъ, и русскіе монахи (уніаты—базиліане) должны были посторониться предъ пропагандой и замыслами Чацкаго: должны были отдать для помѣщенія лицея весь свой монастырь въ Кременцѣ, а сами помѣстились въ монастырѣ ксендзовъ-реформатовъ.

Еще до уничтоженія Польши, сеймъ 1775 года опредѣлилъ: всѣ имѣнія и капиталы, оставшіеся въ королевствѣ польскомъ послѣ изгнанныхъ іезуитовъ, обратить въ пользу училищъ, для управленія каковыми дѣлами была учреждена въ Польшѣ такъ называемая „эдукаціонная коммисія“. Послѣ окончательнаго раздѣла Польши, дѣла этой коммисіи относительно русскихъ частей Польши, возвратившихся въ составъ Россійской Имперіи, находились въ чрезвычайной запутанности. Чацкій подалъ мысль и самъ же помогъ привести ее въ исполненіе, чтобы, для управленія дѣлами поіезуитскихъ имѣній и капиталовъ, были учреждены въ Россіи двѣ эдукаціонныя коммиссіи—одна для губерній кіевской, волынской и подольской, а другая для пяти губерній бѣлорусскихъ и литовскихъ. Будучи назначенъ президентомъ первой коммиссіи онъ распуталъ дѣла самыя многосложныя и открылъ въ пользу училищъ, изъ доходовъ и процентовъ поіезуитскихъ имѣній и капиталовъ, фундушъ въ 2,350,000 золотыхъ польскихъ, или въ 352,500 рублей серебромъ.

Съ такими огромными средствами можно было смѣло приступать къ открытію училищъ, не боясь никакихъ препятствій—тѣмъ болѣе, что въ первые годы нынѣшняго столѣтія „просвѣщеніе народа“ (безъ отчетливаго понятія о народѣ и о просвѣщеніи) было самымъ модньшъ словомъ; а потому, подъ вліяніемъ этого магическаго слова, Чацкій смѣло приступилъ къ полонизаціи Волыни, Подоліи и Кіевской страны, посредствомъ учрежденія польскихъ училищъ. Волынская гимназія названа впослѣдствіи времени кременецкимъ лицеемъ и должна была служить для этого края разсадникомъ польскаго просвѣщенія.

По приглашенію Чацкаго три ученыхъ поляка: Игнатій Потоцкій, Гуго Колонтай и Янъ Снядецкій, составили планъ и проэктъ устава для лицея, который уставъ, послѣ окончательной редакціи самимъ Чацкимъ, былъ установленнымъ порядкомъ представленъ на разсмотрѣніе, и Высочайше утвержденъ 29 Іюля 1805 года. Лицей состоялъ изъ четырехъ низшихъ классовъ—однолѣтнихъ, и изъ трехъ высшихъ курсовъ—двухлѣтнихъ; слѣдовательно весь курсъ ученія въ немъ совершался въ 10 лѣтъ.

Языкъ *россійскій* и литература *россійская* допущены были въ уставъ лицея *ихъ приличія*, на показъ, для закраски,—потому что безъ нея слишкомъ сквозила-бы пропагандивная цѣль заведенія и проэктъ его устава могъ быть неутвержденъ, а для русскихъ людей не было-бы приманки въ заведеніе.

Наконецъ, 1-го Октября 1805 года, былъ торжественно открытъ кременецкій лицей. На это торжество пріѣхали Волынскій губернаторъ, князь Волконскій, луцкій р.-католическій архіепископъ Каспаръ Колюмна-Цецишевскій (предмѣстникъ Михаила Пѣвницкаго), полемонскій (in partibus infidelium) епископъ Божидаръ Подгороденскійи съѣхалась вся польская аристократія Волыни. Отъ имени дворянства произнесъ рѣчь графъ Александръ Ходкевичъ, отъ имени Виленскаго университета—Янъ Вилежинскій, отъ имени варшавскаго общества любителей наукъ—Янъ Лернетъ. Но всѣ эти рѣчи покорилъ своимъ восторженнымъ ораторствомъ виновникъ торжества Чацкій! Рѣчь его ошеломила всѣхъ до того, что самъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій, получивши ее отъ Чацкаго, вмѣстѣ съ описаніемъ торжественнаго открытія лицея отвѣчалъ ему (14-го Ноября 1805 года за № 667), что „онъ читая эту рѣчь, такъ наслаждался, какъ наслаждались древніе греки, слушая Геродота читавшаго имъ свою исторію. Тѣмъ, которые утверждаютъ, будто природа, утомленная созданіемъ великихъ геніевъ, теперь уже отдыхаетъ, я могу (писалъ министръ) указать на геній Чацкаго, который на польскомъ Парнассѣ воскрешаетъ музъ, умершихъ въ Аттикѣ„—Жаль только, что этотъ „*польскій Парнасъ*“ былъ устроенъ на русской землѣ, гдѣ ему не мѣсто, и что большинство этихъ „музъ“ ушло въ свое время *до лясу* къ повстанцамъ.

Открывши лицей Чацкій не удовольствовался этимъ, но вздумалъ еще открыть при немъ школу практической механики, школу землемѣровъ, и хирургическое отдѣленіе для обученія акушерокъ. Послѣдней школы онъ не успѣлъ открыть, но за то устроилъ при лицеѣ астрономическую обсерваторію съ лучшими, въ то время, инструментами, и сверхъ того завелъ превосходный ботаническій садъ, въ которомъ, на открытомъ воздухѣ и въ теплицахъ, состояло болѣе 5 тысячъ

растеній, доставленныхъ изъ всѣхъ странъ свѣта.—Однако со всѣми этими заведеніями при лицеѣ не можно еще было достигнуть желаемаго полонизаторомъ „просвѣщенія народа;“ а потому Чацкій съ первыхъ временъ своего визитаторства, старался объ учрежденія приходскихъ и уѣздныхъ училищъ въ предположенномъ духѣ и направленіи. По его приглашенію, латинское духовенство луцкой епархіи положило открыть и содержать, на свой „коштъ,“ приходскую школу при каждомъ костелѣ; а духовенство каменецъ-подольской епархіи назначило на сей предметъ десятую часть доходовъ каждаго приходскаго ксендза (плебана) и немедленно прислало Чацкому такихъ денегъ 10,958 золотыхъ польскихъ. Такимъ образомъ въ самое короткое время, Чацкій устроилъ слѣдующее число приходскихъ училищъ: 85 въ волынской губерніи, 26 въ подольской и 15 въ кіевской. Всѣ эти, „парафіальныя школки“ (какъ выше было уже сказано) были западнями для уловленія въ папизмъ православныхъ русскихъ дѣтей, и такихъ ловушекъ вдругъ разставлено было сто двадцать шесть!!!

Для учрежденія уѣздныхъ училищъ такъ же не замедлили явиться пожертвованія со всѣхъ сторонъ. По утвержденіи штатовъ, вскорѣ затѣмъ были открыты слѣдующія уѣздныя училища: владимирское (на Волыни), домбровицкое, любарское, бердичевское, овручское, житомирское, барское и винницкое, кромѣ существовавшихъ прежде, каневскаго и умаиьскаго.

Для учрежденія гимназіи въ Кіевѣ, дворянство пожертвовало по 1 рублю ассигнаціями отъ каждой ревизской крестьянской души, и такихъ денегъ составилось 462,000 рублей ассигнаціями,—изъ чего видно, между прочимъ, что около полу-милліона православныхъ человѣческихъ душъ находилось тогда въ порабощеніи у польскихъ помѣщиковъ папистовъ!.... Изъ этихъ православныхъ душъ русскихъ собираема была подать для полонизаціи русскаго народа!!!

Впрочемъ Кіевъ слишкомъ русскій городъ, чтобъ можно было ополячить его посредствомъ польской гимназіи: было о чемъ задуматься Чацкому! Кіевскіе граждане хотѣли, чтобы гимназія была на Подолѣ—для ближайшаго и удобнѣйшаго хожденіе дѣтей ихъ въ классы; но Чацкій, боясь, чтобы среди русскаго народонаселенія на Подолѣ гимназія не сдѣлалась черезъ-чуръ русскою, настоялъ на своемъ и открылъ гимназію вдали отъ Подола, въ Липкахъ, давая чувствовать всѣмн возможными способами, что эта гимназія открывается для дворянскихъ дѣтей, а не для русскихъ гражданъ. Чтобы положить твердое польское основаніе для этой гимназіи, Чацкій опредѣлилъ въ нее директоромъ эксъ—іезуита Мышковскаго. Предстояла ще одна трудность: надобно было при открытіи этой гимназіи произнести такую рѣчь, которая хотя была-бы на польскомъ языкѣ, но угодила бы даже и русскимъ слушателямъ, а не однимъ полякамъ; но—ловкость Чацкаго и тутъ не измѣнила ему, хотя,

говоря въ строго-справедливомъ смыслѣ,—польская рѣчь въ Кіевѣ уже сама по себѣ была величайшее неприличіе и даже оскорбленіе для русскаго народонаселенія. Но—повторяемъ—ловкость не измѣнила Чацкому.

Объ его рѣчи при открытіи кіевской гимназіи самъ Адамъ Чарторыйскій отозвался такъ: „Чацкій съ рѣдкою ловкостью изложилъ свои мысли въ такомъ необычайномъ порядкѣ, что побѣдоносною силой своего ума пробился сквозь великія трудности.“—Дѣло шло о томъ, что въ Кіевѣ въ одной и той же церкви Печерской Лавры—почиваютъ смертные останки князя Константина Острожскаго и графа Румянцева-Задунайскаго. Чацкій, по своему заблужденію, считая князя Острожскаго полякомъ, согласился, что его польскому праху можно лежать вмѣстѣ съ московскимъ прахомъ Румянцева, и что это можетъ даже служить основаніемъ слова изъ рѣчи: „Воскуряйте ѳиміамъ обѣимъ тѣнямъ.! Въ пространствѣ вѣковъ великіе люди сохраняютъ между собой братство. Они уже предъ престоломъ Предвѣчнаго. Онъ Господь всѣхъ людей. Каждый мужественный защитникъ, каждый доблестный поборникъ своего отечества имѣетъ свою заслугу предъ Его правосудіемъ. Природа древнѣйшая всѣхъ добродѣтелей и злодѣяній, сглаживаетъ силою времени всѣ могилы—эти памятники несчастныхъ несогласій. Старайтесь поставить и украсить алтарь мира и единенія. Пусть всѣ славяне прославляютъ Александра 1-го Дѣйствительно, нельзя не сказать вмѣстѣ съ Чарторыйскимъ, что Чацкій пробился сквозь великія трудности“.

Кіевская гимназія была открыта 30 Января 1812 года, и послѣ того Чацкій уже не открывалъ другихъ училищъ потому что вскорѣ затѣмъ для него самого открылась дверь вѣчности.

Отъ натуги мысли и дѣятельности, силы Чацкаго начали ослабѣвать. Въ концѣ января 1813 года, находясь въ Житомирѣ, онъ получилъ извѣстіе, что кн. Адамъ Чарторыйскій ѣдетъ къ нему въ Кременецъ. Чацкій поѣхалъ на встрѣчу своему сподвижнику, пріѣхалъ въ г. Дубно уже больной, и здѣсь встрѣтилъ его. Но тутъ-же нервная горячка положила его въ постель, съ которой уже не вставалъ. Не смотря ни на какія усилія медицины продлить жизнь его, онъ умеръ въ г. Дубнѣ 8-го Февраля 1813 года, на 48 году своей тревожной, хлопотливой и экзальтированной жизни.

Что такое Польская народность въ Бѣлоруссіи? *).

Вы вновь подняли знамя Русской Бесѣды, знамя нашей самобытной народности. Мало только сочувствовать вамъ, пассивно усвоивать ваши вѣрованія и убѣжденія,—нужно содѣйствовать вамъ словомъ и дѣломъ,—это по моему мнѣнію, долгъ каждаго, разумѣющаго правду вашего истинно-Русскаго направленія. Не мало найдется такихъ людей на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества: пусть же каждый изъ нихъ, по мѣрѣ силъ и средствъ своихъ, присматривается внимательно къ той средѣ, въ которой живетъ, изучаетъ свою мѣстность съ ея характеромъ и ея требованіями, съ ея стремленіями и надеждами, и результатъ наблюденій своихъ не скрываетъ въ тайнѣ. Важность подобныхъ наблюденій, высказанныхъ честно и правдиво, не требуетъ истолкованій. На основаніи этихъ соображеній и я берусь за перо въ той надеждѣ, что скажу хотя что нибудь достойное вниманія.

Давно уже шевелилась во мнѣ мысль представить вамъ въ вѣрномъ и, по возможности, подробномъ очеркѣ картину той страны, въ которой я живу вотъ уже скоро два года. Особенности здѣшняго населенія всѣхъ классовъ и всѣхъ состояній не могли не обратить на себя серьезнаго вниманія человѣка истинно Русскаго, преданнаго всѣмъ существомъ своимъ интересамъ роднаго края. Здѣсь все останавливало меня—и языкъ, и вѣра, и обычаи, и степень умственнаго развитія сословій. Для меня, какъ и для всѣхъ Великоруссовъ за весьма небольшими исключеніями, наша Бѣлоруссія была terra incognita, страна, которую знаемъ мы потому собственно, что она показана на географической картѣ нашего государства; да еще потому, что читаемъ въ газетахъ о разныхъ назначеніяхъ и наградахъ въ чиновничьемъ мірѣ здѣшнихъ губерній. Правда,—видѣлъ я и прежде очень многихъ бывшихъ, и даже жившихъ въ Бѣлоруссіи, но они столько же могли удо-

*) Перепечатана изъ газеты „День“.

влетворить моему любопытству о ней, сколько о Китаѣ, о существованіи котораго едва знаютъ по имени. Никто, конечно, не удивится этому: Кому неизвѣстно наше холодное равнодушіе къ нашимъ же собственнымъ дѣламъ? Кому-неизвѣстно отсутствіе въ насъ самостоятельности и, вслѣдствіе того, своеобразнаго взгляда на все, что видимъ передъ собою? Мы не привыкли къ наблюденію, еще болѣе—къ выраженію своихъ наблюденій на бумагѣ, если какимъ либо чрезвычайнымъ случаемъ они явятся къ намъ неожиданныя и непрошенныя. Быть можетъ, и я остался бы при одномъ своемъ намѣреніи писать къ вамъ, если бы не вызвала меня къ тому передовая статья во 2-мъ № вашей уважаемой мною газеты.

Да! статья ваша, въ сущности весьма справедливая и мѣткая, навела меня на многія, весьма грустныя размышленія. Куда ни оглянешься—вездѣ отсутствіе нашей Русской общественнной силы,—вездѣ и всюду присутствіе громадной могущественной силы государственной, исполняющей въ тоже время должность силы общественной!... Нужно непремѣнно быть въ здѣшнихъ мѣстахъ, чтобы вполнѣ уразумѣть все зло, происходящее отъ этого явленія. Она, эта сила государственная, принявшая на себя, какъ вы говорите, должность силы общественной, даетъ здѣсь необыкновенное нравственное значеніе элементу Польскому, или, вѣрнѣе сказать, латинскому. Она даетъ ему возможность разыгрывать здѣсь роль жертвы, преслѣдуемой на каждомъ шагу, изощряетъ его способности на всевозможныя выдумки и клеветы, чтобы увеличить размѣры воображаемаго гоненія и тѣмъ самымъ даетъ неистощимую пищу роковой народной и религіозной враждѣ. И больно, и досадно слышать, какъ самыя небывалыя произшествія выдаютъ здѣсь за истинныя, величайшія нелѣпости возводятъ на степень историческаго факта, и нѣтъ способовъ разувѣрить легковѣрныхъ, нѣтъ средствъ показать имъ ихъ ошибки; по общему, здѣсь укоренившемуся убѣжденію, нѣтъ ни одного историческаго сочиненія, появившагося въ Россіи, которое бы не было написано по заказу и для извѣстныхъ цѣлей правительства; даже самые источники, даже самые документы считаются здѣсь всѣ безъ исключенія подложными. Напротивъ, все сказанное за границею, каждая безобразная брошюра, написанная тамъ, принимается какъ святыня, въ истинѣ которой никто не можетъ сомнѣваться. Мнѣ кажется—нигдѣ и никогда стѣсненіе свободы слова и печати не приносило столько вреда, не имѣло такихъ гибельныхъ послѣдствій, какъ въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Полонизмъ и католицизмъ опираются въ Западно-Русскомъ краѣ не на правительственную власть, не на мощь государственную,—а на нравственныя силы Польскаго общества, на его патріотизмъ и преданность религіи, на его убѣжденность и готовность жертвовать состояніемъ и жизнью за успѣхъ своихъ помысловъ. Русскій народъ стоитъ

тамъ, именно въ Литвѣ и Бѣлоруссіи—на низкой степени развитія и одною пассивною силою не въ состояніи долѣе бороться съ дѣятельностью предпріимчиваго, образованнаго, богатаго, убѣжденнаго Польскаго общества. Сколько я могу судить, все это весьма справедливо, но только съ нѣкоторымъ измѣненіемъ. Начать съ того, что я не вижу здѣсь, ни народности Польской, ни Польскаго общества, хотя выраженія эти весьма часто слышатся здѣсь. Кого мы называемъ въ этомъ краѣ Поляками? низшій земледѣльческій классъ народа? само собою разумѣется, что нѣтъ; городское Еврейское населеніе—мѣщанство и купечество? еще болѣе нѣтъ; не мелкую ли шляхту? также нѣтъ. Большинство ея, сосредоточенное нерѣдко въ огромныхъ околицахъ, или арендующее у помѣщиковъ небольшіе участки земли, ни въ занятіяхъ своихъ, ни въ правахъ, ни въ обычаяхъ, ни даже въ степени умственнаго развитія ничѣмъ не отличается отъ крестьянъ за весьма немногими исключеніями;—только незначительное меньшинство ея, занимающее въ помѣщичьихъ фольваркахъ должности экономовъ, писарей ловчихъ и проч. подъ общимъ именемъ офиціантовъ, держитъ себя выше простаго народа и, съ грѣхомъ пополамъ, умѣетъ объясниться по Польски; за тѣмъ остается духовенство и дворянство. Оба эти класса, за исключеніемъ духовенства православнаго, считаютъ себя чистыми Поляками и никто не сомнѣвается въ ихъ Польскомъ происхожденіи, но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? дѣйствительно ли они принадлежатъ къ Полъскому народу и что у нихъ общаго съ послѣднимъ? по совѣсти говорю—кромѣ религіи ничего. Не входя въ разбирательство, къ какой народности принадлежали предки большей части дворянскихъ родовъ Бѣлоруссіи, посмотримъ на это дворянство—какимъ оно представляется намъ въ настоящее время? Быть можетъ я ошибаюсь, но я твердо убѣжденъ, что не происхожденіе дѣлаетъ человѣка членомъ какого либо народа, а, во первыхъ, мѣсто его рожденія, если онъ провелъ въ немъ свое дѣтство, пору живѣйшихъ, ничѣмъ неизгладимыхъ впечатлѣній, когда возникаетъ и укрѣпляется его нравственная связь съ народомъ, когда дума его вполнѣ проникается духовною жизнью окружающей его среды; во вторыхъ, воспитаніе, дающее характеръ и направленіе всей будущей его жизни, развивающее его умственную и нравственную природу; наконецъ то общество, среди котораго взросъ и въ которые впервые вступилъ онъ какъ гражданинъ, какъ равноправный членъ его. Первые годы жизни здѣшняго дворянина проходятъ здѣсь въ Бѣлоруссіи, которая если и не Россія, то еще болѣе не Польша. Какъ ни заботливо охраняютъ родители чистоту Польскаго элемента въ своемъ ребенкѣ, какъ ни старательно желаютъ они сдѣлать его Полякомъ, но всѣ усилія ихъ остаются безплодны,—они успѣваютъ сдѣлать только—католикомъ. Вліяніе на молодого панича мамокъ, нянекъ, домашней прислуги, кладетъ на него неизгладимую печать,

Дальнѣйшее воспитаніе его ничѣмъ не отличается отъ воспитанія Русскаго юношества: тѣже иностранцы гувернеры и гувернантки у богатыхъ, тотъ же гимназическій и университетскій курсъ, или тотъ же кадетскій корпусъ; за тѣмъ служба военная или гражданская, и все таки Русская, и все таки среди Русскихъ, безъ малѣйшаго понятія о Польшѣ. Во время воспитанія своего, а потомъ и службы, Бѣлорусскій дворянинъ нерѣдко окончательно забываетъ Польскій языкъ, на которомъ, впрочемъ, никогда не говорилъ хорошо, постоянно мѣшая его съ туземнымъ Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ. И послѣ всего этого неужели можно назвать его Полякомъ?... А между тѣмъ его вездѣ звали такъ: и дома у родителей, и въ гимназіи—въ Могилевѣ или въ Витебскѣ, и въ кадетскомъ корпусѣ и въ университетѣ—въ Петербургѣ, Москвѣ или Кіевѣ, и на службѣ гражданской или военной,—и онъ привыкъ къ этому названію, и онъ отъ всей души вѣруетъ, что онъ самый истый, завзятый Полякъ, потому что есть въ немъ одна громадная сила, не оставлявшая его во всѣхъ фазахъ его жизни и направлявшая всѣ его помыслы и желанія къ Польшѣ: эта сила—католицизмъ!.... Мы, Русскіе, по своему бѣдственному равнодушію къ религіи, не можемъ имѣть ни малѣйшаго понятія объ этой силѣ, а между тѣмъ—какая близкая параллель въ этомъ отношеніи между дворянствомъ нашимъ и Бѣлорусскимъ! При настоящей системѣ нашего воспитанія, при полномъ разрывѣ нашемъ съ народомъ, почти одно православіе дѣлаетъ насъ Русскими, точно такъ же, какъ одинъ только католицизмъ Бѣлоруссовъ—Поляками. Полякъ и католикъ, католикъ и Полякъ— понятія до такой степени однозначащія здѣсь, что ихъ всѣ безъ изъятія употребляютъ совершенно безразлично. Оно такъ прочно и безспорно утвердилось здѣсь, что въ одномъ и томъ же семействѣ очень часто можно найти Поляковъ и Русскихъ,—вы не вѣрите—да? Но это здѣсь такое явленіе, которому даже никто не удивляется! До изданія закона, по которому дѣти отъ брака иновѣрцевъ съ православными должны исповѣдывать православіе—закона, нужно замѣтить, не только не достигающаго своей цѣли, но еще увеличившаго препятствія къ достиженію ея,—здѣсь существовало обыкновеніе крестить сыновей—въ религіи отца, а дочерей—въ религіи матери; вслѣдствіе этого обыкновенія и теперь еще можно найти и много семействъ, въ которыхъ братья католики, а сестры православныя, и наоборотъ, и вы не можете вообразить—какъ глубоко убѣжденіе католиковъ, что они Поляки, а православныхъ, что они Русскіе, не смотря на то, что обѣ стороны—родные по крови братья и сестры!! Судите же теперь о народности Польской въ нашей Бѣлоруссіи!.. Могущество католицизма такъ громадно въ здѣшнихъ мѣстахъ, что оно даетъ себя чувствовать каждому Русскому, едва переступившему границу Бѣлоруссіи, даже не одаренному ни малѣйшею долею наблюдательности. Это—великая сила, связывающая во едино всѣхъ

нашихъ католиковъ; это такое явленіе, которое заслуживаетъ самаго тщательнаго изслѣдованія. Католицизмъ до такой степени проникъ въ Польскій народъ, что сталъ главнѣйшимъ элементомъ его національности, несокрушимою нравственною силою, средствомъ примиренія, даже самоуничтоженія нѣкогда враждовавшихъ между собою самобытныхъ народностей. Онъ, одинъ онъ, заставилъ Пруссовъ, Жмудиновъ, Латышей, Литвиновъ, Русскихъ, вошедшихъ въ составъ бывшаго Польскаго королевства, отказаться отъ своего славнаго прошедшаго, забыть всѣ минувшія кровавыя съ Польшею распри, всѣ ужасы, которыми сопровождалось собственное его распространеніе и безчеловѣчное введеніе уніи,—словомъ, истребить изъ памяти всю свою исторію и съ гордостію принять имя своихъ утѣснителей—Поляковъ. Вашъ многоуважаемый сотрудникъ В. А. Елагинъ, на основаніи неопровержимыхъ историческихъ фактовъ, хотѣлъ отдѣлить отъ Польши Литву и вмѣстѣ съ нею всю Западную Русь,—но что значитъ загробный голосъ исторіи въ сравненіи съ живымъ убѣжденіемъ? И Литовскіе и Русскіе католики настоящаго времени не принимали никакого участія въ страданіяхъ своихъ предковъ, не носили ихъ ранъ, не умирали тысячами мучительнѣйшихъ смертей, не скорбѣли объ униженіи своей народности, не плакали ихъ кровавыми слезами за лишеніе гражданскихъ правъ, не прятали вмѣстѣ съ ними въ навозъ своихъ епископовъ отъ толпы убійцъ, не видѣли своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, покупающихъ у жидовъ право богослуженія въ своихъ церквахъ и запрягаемыхъ вмѣсто лошадей въ ксендзовскіе экипажи,—напротивъ эти Литовскіе и Русскіе католики настоящаго времени, послушные внушеніямъ католицизма, всѣ эти страшные факты называютъ выдумками покорныхъ слугъ Русскаго правительства, громко говорятъ о толеранціи Польскаго народа, указывая на жидовъ, которыхъ всюду преслѣдовали въ то время, какъ онъ пріютилъ ихъ у себя; объясняютъ отступничество своихъ предковъ отъ религіи—принятіемъ образованія (какъ будто православный не можетъ быть образованнымъ!); отступничество отъ своей народности—свободнымъ и легальнымъ сліяніемъ съ Польшею. Имъ нѣтъ дѣла до того, что было и какъ было,—они указываютъ на то, что есть. Они говорятъ, и совершенно справедливо, что крестьяне, прежде бывшіе уніяты—до сихъ поръ не могутъ оставить своихъ обрядовъ, несогласныхъ съ православіемъ, до сихъ поръ безразлично подаютъ на совершеніе обѣдни и на мшу, чаще посѣщаютъ костелъ, нежели церковь, священнымъ долгомъ своимъ считаютъ являться на особенно-уважаемые католическіе праздники и не признаютъ торжественныхъ дней православной церкви. Они говорятъ еще съ большею справедливостью, что въ прежнее время религіозное воспитаніе народа, несмотря на незначительность своего развитія, все таки стояло выше, нежели теперь, что священники были болѣе уважаемы и имѣли большее вліяніе на

своихъ прихожанъ. Все это, и многое другое служитъ въ ихъ глазахъ неопровержимымъ доказательствомъ свободнаго и непринужденнаго отрицанія въ народѣ всего Русскаго, съ которымъ, по ихъ мнѣнію, народъ этотъ никогда не имѣлъ ничего общаго. Не зная и не желая знать исторіи, они раздѣляютъ весь Русскій народъ на два совершенно чуждые одинъ другому элементы—на Русь, къ которой относятъ весь Югозападный край и на Россію или Московію, которой отказываютъ даже въ Славянскомъ ея происхожденіи! Русины, говорятъ они, никогда и ни кѣмъ не были завоеваны: они примкнули частію къ Литвѣ, частію къ единоплеменной Польшѣ, какъ равные къ равнымъ, свободные къ свободнымъ: заимствуя гражданственность и просвѣщеніе изъ Польши, они, само собою разумѣется, не могли не подчиниться вліянію ея и въ религіозномъ отношеніи, слѣдствіемъ чего явилась унія, также свободно и непринужденно, какъ необходимо торжество истины надъ заблужденіемъ, свѣта надъ мракомъ: со введеніемъ уніи, продолжаютъ они, пала послѣдняя преграда, раздѣлявшая соплеменные народы и всѣ они слились окончательно въ единую и нераздѣльную Польшу. Всѣ эти доводы, какъ видите, не отличаются глубокою ученостью; каждый посредственный гимназистъ легко докажетъ несостоятельность ихъ,—но имъ здѣсь вѣрятъ отъ всего сердца, тѣмъ болѣе, что они повторяются не только въ разговорахъ, но даже и печатно. Какъ прежде, во время существованія Рѣчи Посполитой, такъ и теперь, но только съ большею силою, превращеніе Русской народности въ Польскую совершается посредствомъ пропаганды католической. По моему мнѣнію главнѣйшій успѣхъ полонизма состоитъ именно въ томъ, что проповѣдь католическая производится здѣсь на Польскомъ языкѣ: этому обстоятельству я придаю особенную важность; безъ него даже распространеніе католичества, если только оно неизбѣжно должно было явиться, въ туземномъ населеніи не такъ бы сильно повредило народности Русской. Напротивъ, языкъ вѣры, тотъ языкъ, на которомъ вѣрующій произноситъ свои молитвы, исповѣдуетъ свои грѣхи, повѣряетъ тайны своего сердца служителю Бога и своему духовному отцу,—этотъ языкъ незамѣтно становиться для него единственнымъ способомъ выраженія его думъ и желаній, лучшихъ и благороднѣйшихъ движеній души, и такимъ образомъ постепенно, но тѣмъ не менѣе вѣрно и рѣшительно, отчуждаетъ отъ него языкъ родной. Не говоря уже о здѣшнихъ дворянахъ, считающихъ языкъ Польскій своимъ природнымъ и народнымъ языкомъ, не смотря на то, что предки ихъ всегда говорили по-русски—я укажу на здѣшнихъ простолюдиновъ, исповѣдующихъ Латинскую вѣру,—не на крестьянъ простолюдиновъ, которые, измѣнивъ по принужденію, вѣрѣ отцевъ своихъ, не измѣнили ихъ языку и обычаямъ,—а на тѣхъ, которые еще такъ недавно принадлежали къ дворовой челяди помѣщика: посмотрите на усилія ихъ говорить

непремѣнно по-польски и на тщательное стараніе ихъ скрыть свое Русское происхожденіе и выдать себя за Поляка. Уничтоженіе крѣпостного права, положивъ предѣлъ ихъ рабской зависимости отъ первенствующаго сословія страны, много помогло имъ въ этомъ. Заимствуя нѣкоторую степень цивилизаціи отъ своихъ господъ, а не рѣдко получая небольшую долю умственнаго развитія въ католическихъ школахъ, они не могли не понять, хотя и смутно, что ихъ человѣческія права попраны насильственно и противоестественно. Само собою разумѣется, что возстановленіе этихъ правъ должно было сказаться въ ихъ, рабствомъ униженныхъ, душахъ ничѣмъ инымъ, какъ только желаніемъ сколь возможно болѣе приблизиться къ своимъ бывшимъ утѣснителямъ; чѣмъ же они могли достигнуть этого, когда между ними и ихъ прежними господами непроходимою пропастью лежали сословныя привилегіи? Католицизмъ указалъ имъ средство: онъ внушилъ имъ мысль, что они и прежніе господа ихъ—дѣти одной общей матери Церкви, что вѣра уравняла ихъ давно,—оставалось уравнять происхожденіе, т. е. быть такими же Поляками, какъ и тѣ; и вотъ они отказались отъ всего своего родного, стали поддѣлываться, хотя и съ трудомъ для себя, подъ чужую имъ народность,—и мелкое тщеславіе ихъ удовлетворено!.. Пройдутъ два-три поколѣнія, и католикамъ этихъ самодѣльныхъ Поляковъ уже не будетъ надобности пересиливать свою природу: просто и естественно языкъ Польскій станетъ ихъ природнымъ языкомъ а вмѣстѣ съ нимъ явится въ нихъ убѣжденіе въ ихъ чистомъ и прямомъ происхожденіи Польскомъ. Не такъ ли совершалось ополячиваніе предковъ и нашихъ Бѣлорусскихъ дворянъ?... Презираемые и унижаемые всегда и вездѣ, лишенные самостоятельнотти и правъ гражданства, а болѣе всего чувствуя свое безсиліе для борьбы съ своими притѣснителями, и они также измельчали какъ и эти, современные намъ челядинцы; и у нихъ также родилась мысль сравниться съ своими господами, къ нимъ также явился на подмогу католицизмъ съ своею нивелирующею силою, и вотъ они Поляки, да еще какіе? иногда самые жестокіе гонители своей родной вѣры и своей собственной народности. Явленіе слишкомъ обыкновенное: чтобы заглушить внутренній, неугомонный голосъ совѣсти, отступничество непремѣнно вдается въ крайности и находитъ какую то звѣрскую отраду въ преслѣдованіи того, отъ чего навсегда отказалось. Благо вамъ, К., Г. и весьма, весьма немногіе другіе: вашъ родъ не всходилъ на ступени трона, подобно Вишневецкимъ, не покрывался славою въ битвахъ и совѣтахъ, подобно Сапѣгамъ и Сангушкамъ, не увлекался громадностью силы и значеніемъ этихъ братьевъ вашихъ, измѣнившихъ своей вѣрѣ и народности; но въ тишинѣ и неизвѣстности, добросовѣстно и честно служилъ своему родному дѣлу! Придетъ время, и имена ваши будутъ извлечены изъ забвенія, и справедливый судъ потомства укажетъ на нихъ, какъ на

свѣтлый примѣръ того, что и въ самомъ сильномъ разгарѣ страстей не всегда умираетъ въ людяхъ чувство долга и правды.

Вижу, что я далеко не достигъ своей цѣли доказать, что въ происходящей здѣсь борьбѣ двухъ народностей, Польской и Русской, полонизмъ опирается не на патріотизмъ и нравственныя силы польскаго общества, котораго здѣсь нѣтъ, не смотря на чрезвычайныя усилія туземнаго дворянства во чтобы то ни стало быть поляками, а исключительно на католицизмъ, доведенный здѣсь до фанатизма. Всѣмъ извѣстенъ характеръ католицизма, съ неудержимою силою стремящагося всѣми дозволенными и недозволенными средствами къ своему распространенію; въ этомъ отношеніи онъ совершенно сошелся съ полонизмомъ, имѣющимъ тоже самое свойство: оба они дружно идутъ рука объ руку, замѣняя по обстоятельствамъ одинъ другого, или являясь рядомъ какъ двѣ равныя, иногда тожественныя силы, но во всякомъ случаѣ первенство принадлежитъ католицизму, какъ борцу самому вѣрному, прошедшему безконечный рядъ испытаній и почти всегда побѣждавшеиу, если не силою, то хитростью. Безъ этого неудержимаго союника полонизмъ никогда-бы не достигъ своихъ блестящихъ успѣховъ, никогда не уничтожилъ бы Литвы, не запустилъ бы такъ глубоко своихъ корней въ Западной Руси....

Житель Бѣлоруссіи.

Климовичи 1863 г.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
2	13 сверху	неотъемленныхъ	неотъемлемыхъ
3	24 сверху	Но	На
5	15 сверху	Это	Эта
6	20 снизу	Что	Это
8	9 снизу	Святѣйшеству	Святѣйшеству
9	12 сверху	словамъ	словомъ
9	19 снизу	нраавственною	нравственною
19	3 снизу	не тому потолько	не потому только.
37	8 снизу	обвешалыя	обветшалыя
43	14 снизу	согласится	согласиться
46	12 сверху	абъ	объ
54	13 снизу	отдалси	отдался
57	18 снизу	въ такомъ случай	въ такомъ случаѣ
64	(въ примѣч.) 2 снизу	conclae	conclue
96	въ примѣч. 5 снизу	литевскаго	литовскаго
—	. . 8 —	Евангилія	Евангелія
123	9 снизу	умилище	училище
124	14 снизу	срдневѣковыхъ	средневѣковыхъ
127	4 сверху	Гедимана	Гедимина
128	2 сверху	находитсн	находится
144	4 сверху	число	числа
167	6 сверху	искрено	искренно
181	(въ прим. изд.) 5 снизу	Въ 1852 г.	Въ 1862 г.
—	— — —	въ 1885 г.	въ 1855 г.
215	2 снизу	софизмамы	софизмами.
237	21 снизу	граматы	грамоты.
240	16 сверху	прірѣтенін	пріобрѣтенін
248	2 снизу	вспоминанія	воспоминанія
251	14 сверху	Вѣдомостяхъ	Вѣдомостяхъ.
256	7 снизу	оригиналъность	оригинальность
257	2 сверху	румячцемъ	румянцемъ
293	1 сверху	запятанные	запятнанные
299	20 сверху	Паненька	Панёнька
320	4 снизу	они	они

DK4
.55
2719

205

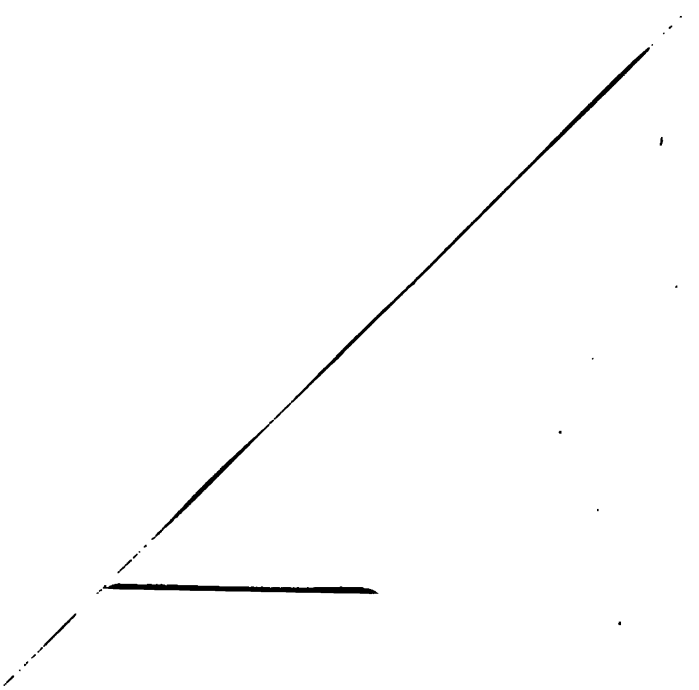
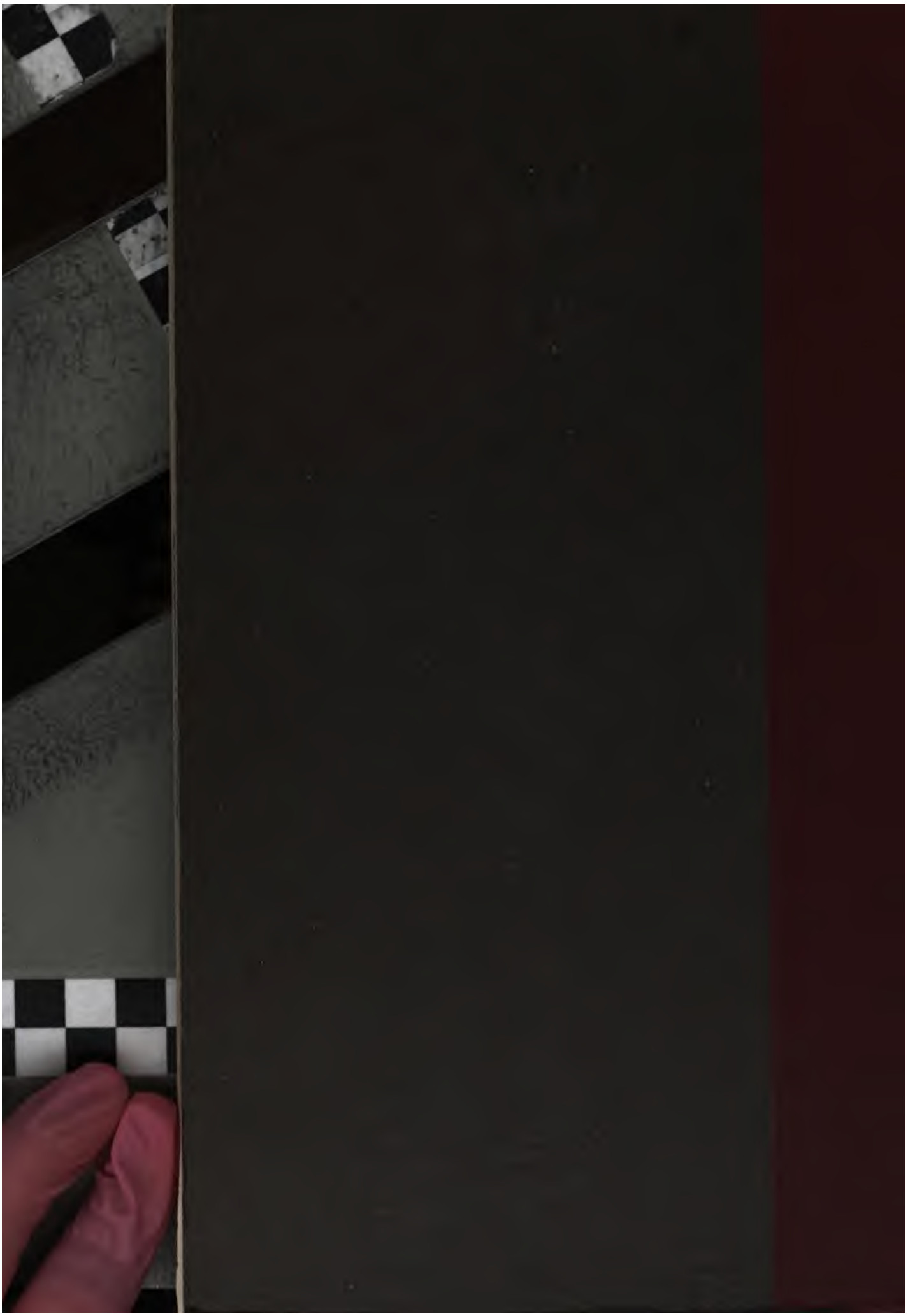
To avoid fine, this book should be returned on
or before the date last stamped below

50-12-45

JUN 2 196 FOR USE IN LIBRARY ONLY

JUN 1998

Г. г. иногородные благоволятъ адресовать свои требованія въ Вильну, Члену Виленской Археографической Комиссіи **С. В. Шолковичу.**

Hoover Institution Library
3 6105 070 382 895

DK41
5559
v.1